

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

BYZANTINA CHRONIKA

Том 72 (97)

Ответственный редактор
академик С.П. КАРПОВ

МОСКВА НАУКА 2013

УДК 94(100) «653»
ББК 63.3(0)4
В42

Составитель А.М. КРЮКОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук А.В. ПОДОСИНОВ,
доктор исторических наук И.С. ФИЛИППОВ

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ
в 1894 году

Византийский временник = **BYZANTINA XRONIKA** / Ин-т всеобщей истории
РАН. — М. : Наука, 1894— . ISSN 0132-3776.

Т. 72 (97) / отв. ред. С.П. Карпов. — 2013. — 359 с.; ил. — ISBN 978-5-02-038049-3.

Работы, представленные к публикации, охватывают широкий хронологический и тематический спектр сюжетов. Том открывается статьей, в которой ставится важная и интересная проблема восточного влияния на формирование облика восточно-римской (византийской) государственности. Несомненный интерес должна вызвать работа «Астрология и политика в Византии V в.», в которой развитие такой своеобразной отрасли средневекового научного знания, как астрология, раскрывается на примере одного из эпизодов позднеимперской политической истории. Особенно тома можно считать стремление авторов к раскрытию сюжетов политической истории средневековья через призму биографий политических деятелей. В книге представлен значительный по объему блок статей, посвященных византийской архитектуре. Все эти работы носят концептуальный характер, суммируя многолетние наблюдения авторов и приглашая других исследователей к дискуссии. В разделе «Хроника» особенно важен очерк о XX Всероссийской сессии византинистов «Византия и византийское наследие в России и мире» (Москва, 3–6 июня 2013 г.).

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Византии и ее многовековых связей с окружающим миром.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-038049-3

© Институт всеобщей истории РАН, 2013

© Крюков А.М., составление, 2013

© Российская академия наук и издательство «Наука»,
продолжающееся издание «Византийский временник»
(разработка, оформление), 1894 (год основания), 2013

© Редакционно-издательское оформление. Издательство
«Наука», 2013

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Сергей Павлович Карпов** (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Игорь Павлович Медведев** (зам. ответственного редактора) — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН;
- Михаил Вадимович Бибииков** (зам. ответственного редактора) — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Византии и восточно-христианской культуры Института всеобщей истории РАН (Москва);
- Леонид Андреевич Беляев** — доктор исторических наук, заведующий сектором археологии г. Москвы Института археологии РАН (Москва), главный редактор журнала «Российская археология»;
- Вера Николаевна Залесская** — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);
- Галина Евгеньевна Лебедева** — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета;
- Маргарита Адольфовна Поляковская** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург);
- Ольга Сигизмундовна Попова** — доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Владимир Валентинович Седов** — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва);
- Борис Николаевич Флоря** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН;
- Александра Алексеевна Чекалова** — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра истории Византии и восточно-христианской культуры Института всеобщей истории РАН (Москва);
- Рустам Мухаммадович Шукuroв** — доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Алексей Михайлович Крюков** (ответственный секретарь) — старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РАБОЧАЯ ГРУППА

- Михаил Вячеславович Грацианский** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Николай Игоревич Быстрицкий** — референт исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Павел Владимирович Кузенков — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Церкви исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мишель БАЛАР — заслуженный профессор университета Париж I — Пантеон-Сорбонна (Франция);

Антонио КАРИЛЕ — заслуженный профессор Болонского университета (Италия);

Нодар Юлонович ЛОМОУРИ — доктор исторических наук, профессор, директор Грузинского музея искусств им. Ш. Амиранашвили (Тбилиси);

Хриса МАЛЬТЕЗУ — академик Афинской АН, профессор Афинского национального университета (Греция);

Петр Петрович ТОЛОЧКО — академик РАН и НАН Украины, доктор исторических наук, директор Института археологии НАН Украины (Киев);

Ксения Владимировна ХВОСТОВА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);

Петер ШРАЙНЕР — академик Австрийской АН, заслуженный профессор Кёльнского университета (Германия);

Васил ГЮЗЕЛЕВ — академик Болгарской АН (София).

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.А. Чекалова (Москва) Персидский элемент в византийской монархии	13
Я. Вевёровски (Познань) Причины создания должностей praetores Pisidiae, Lycaoniae, Thraciae и Paphlagoniae Юстинианом Великим в 535 г.	31
И.Г. Семёнов (Махачкала) К истории Унногундурского государства	45
М.В. Грацианский (Москва) Еще раз об источниках «Истории» Льва Диакона	68
Г.Г. Атанасов (Силистра) О численности русской армии князя Святослава во время его походов в Болгарию и о битве под Дристрой (Доростолом) в 971 г.	86
А.А. Волкофф (Москва) Ранние годы биографии Феодора I Ласкариса	103
С.В. Близнюк (Москва) Гуто IV Лузиньян — новый крестоносец «нового» Средневековья	125
А.А. Войтенко (Москва) Култ св. Антония Великого в Византийском Египте	147
Р.В. Броль, П.В. Кузенков (Москва) Астрология и политика в Византии V в.	166
F. Lauritzen (Болонья) Aegeoragitics in Stethatos: Chronology of an Interest	199
Р.М. Шукуров (Москва) Восточные заимствования в среднегреческом по рукописи BnF, Supplément persan 939	216
О.В. Вус (Львов) Ранневизантийский <i>limes</i> в Северном Причерноморье: организация и структура ин- женерной обороны	227
А.Ю. Виноградов (Москва), Д.В. Белецкий (Владикавказ) К вопросу о византийском влиянии на архитектуру Кавказа (IX–X вв.)	247
В.Л.В. Седов (Москва) Внутренние аркатуры в барабанах храмов византийского мира	264
А.М. Лидов (Москва) Сияющий диск и вращающийся храм. Икона света в византийской культуре	277
Э.Н. Добрынина (Москва) О миниатюрах греческого Четвероевангелия РНБ, Греч. 210 и происхождении фрагмента РНБ, Греч. 776	293

С.В. Свердлова (Москва) Программа росписи придела Вамека Дадияни в Хоби	301
---	-----

Рецензии и аннотации

С.П. Карпов (Москва) Острогорский Г.А. История византийского государства / Пер. с нем.: М.В. Грацианский. Ред.: П.В. Кузенков. М.: Сибирская Благовонница, 2011. 895 с. . . .	316
Р.А. Беда, В.В. Серов (Барнаул) FEISSEL D. Documents, droit, diplomatie de l'Empire romain tardif. Paris: Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2010 [Bilans de Recherche, 7]. XIV + 594 p.	317
С.Б. Сорочан, А.А. Роменский (Харьков) Корсунский поход и Херсон XI в.: к завершению научного проекта	322
И.П. Медведев (Санкт-Петербург) Куш Т.В. На закате империи: Интеллектуальная среда Поздней Византии. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. 455 с.	332
Л.Г. Хрушкова (Москва) Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев; Нац. Заповедник «Херсонес Таврический» и др. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.: ил. ISBN 978-966-1539-22-7; 978-0-9748334-2-2.	335
Л.Г. Хрушкова (Москва) Изследования в чест на Стефан Бояджиев (Studies in Honour of Stefan Boyadzhiev) / Съставителство и редакция С. СТАНЕВ, В. ГРИГОРОВ, В. ДИМИТРОВ. София, 2011. 372 с., ч/б илл. ISBN 978-954-9472-11-0.	337

Хроника

К юбилею Маргариты Адольфовны Поляковской	339
Н.Д. Барабанов, Н.Н. Болгов, О.В. Вус, М.В. Грацианский, В.Н. Залеская, А.В. Захарова, А.Ю. Казарян, Т.В. Куш, Е.К. Пиотровская, А.С. Преображенский, Р.М. Шукуров XX Всероссийская научная сессия византинистов	341
М.В. Грацианский Памяти Зинаиды Владимировны Удальцовой (1918–1987)	353
Список сокращений	354
Рекомендации для авторов	356

А.А. Чекалова

ПЕРСИДСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ВИЗАНТИЙСКОЙ МОНАРХИИ*

Аннотация: В статье делается попытка проследить влияние Востока, в частности Ирана, на государственное устройство Византии в период его формирования. Этот аспект византийской цивилизации исследуется преимущественно на основе данных просопографии. В статье показано, что в IV–V вв. персы оказывались на государственной службе в Византии, находясь на очень высоких постах в административном аппарате империи и при особе императора, в частности на посту препозита священной опочивальни. Это привело к известной ориентализации государственной системы Византии.

Ключевые слова: Византия, ранний период, государственная система, церемониал, просопография, персы, ориентализация империи.

Принято считать, что византийская цивилизация состояла из трех важных элементов: римской государственности, греческой культуры и христианской веры¹. Оставляя в стороне вопрос о преобладающей роли греческой культуры и христианской веры (впрочем, тоже отнюдь не бесспорной), мы в данной статье хотели бы сконцентрировать свое внимание на специфике византийской государственности в период ее формирования.

В какой мере государственное устройство Византии можно отождествлять с римским? Следует отметить, во-первых, что до появления на Босфоре новой столицы восточная часть римской империи подлинной романизации не знала. Истинно римские элементы сюда проникали мало. Рим рассматривал свои восточные провинции как своих союзников в борьбе с Ираном и даже не требовал с них налогов. Подлинная романизация бывших эллинистических территорий началась с основания Константинополя в 330 г., но это была уже эпоха домината, которая отнюдь не являлась исконно римским явлением.

Романизация Греческого Востока означала появление здесь родившейся на Западе в ходе кризиса III в. обширной бюрократии, латиноязычной армии, императорского двора с его многочисленным штатом прислуги². И вот тогда началось взаимодействие этих новых для восточной части Римской империи элементов с

---

* Статья написана в рамках гранта РГНФ, проект № 13-01-00323.

¹ Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1968. S. 22; Ср. русский перевод: Острогорский Г. История византийского государства М., 2011. С. 64.

² Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII века. М., 2010. С. 24–28.

эллинистическими и более древними традициями этого региона, что в свою очередь привело здесь к процессу дероманизации.

Греческий Восток противопоставил бюрократии свою высокую, уходящую вглубь веков культуру, свои традиции и свою систему ценностей, причем делал он это не только в откровенной форме, но и более тонкими методами. Лишь поначалу греческая элита пыталась открыто противостоять новому центру, однако, осознав, что одолеть «возникшее зло» невозможно, пошла на компромисс и даже взаимодействие с императорской властью. Представители интеллектуальной элиты стремились оказаться в самом ближайшем окружении императора с тем, чтобы играть определяющую роль в законодательной деятельности, внутренней и внешней политике верховного правителя империи. И это им успешно удавалось³.

Кроме того, представители греческой элиты пошли на службу в административный аппарат империи на среднем его уровне, обычно в должности асессора, адвоката или *agens in rebus* какого-либо высокого должностного лица. И здесь их роль также была огромна, ибо они являлись влиятельными и знающими советниками своих патронов в самых различных делах, в том числе в том, какие меры в политике нужно принять и каким идеалам следует отдать предпочтение.

Таким образом, родовитым аристократам и интеллектуалам Востока удалось опутать невидимыми нитями громоздкую бюрократическую машину империи и в значительной степени поставить ее под собственный контроль. Именно эти люди помогли сохранению многих традиционных культурных ценностей греческого Востока⁴. Борясь за свое сословие и его идеалы, эти деятельные и энергичные люди сыграли огромную роль в том, что Византия не превратилась в сугубо бюрократическое государство, а ее служилая знать, изучая римское право, никогда не забывала Гомера, Платона, Демосфена, и ее нравственные идеалы вобрали в себя немало черт этики родовитой аристократии греческих полисов.

Заметное влияние испытала формирующаяся византийская цивилизация со стороны своего могущественного соседа — Сасанидского Ирана.

Мощная держава Сасанидов, историю которой прославили такие видные государственные деятели, как шахи Шапур II, Кавад, Хосров I Ануширван, являлась в IV — первой половине VII в. главным соседом и соперником Византии. Яблоком раздора, приводившим к длительным, изнурительным войнам между двумя государствами, служили Армения, Лазика, Месопотамия. Обе державы к тому же имели под своим контролем соседствующих с ними арабов и стремились включить в сферу своего влияния области Красного моря и Абиссинию.

И все же не только военные конфликты, какими бы глубокими и длительными они ни были, определяли отношения между обеими державами. Два государства часто пребывали в добрососедских отношениях, что находило свое выражение в давно сложившихся дипломатических связях с тщательно разработанным этикетом. В книге «О церемониях византийского двора» описан один из многочисленных приемов, оказанный византийским императором персидским послам и имевший место в эпоху Юстиниана I⁵. Из этого описания известно, что визан-

³ Более подробно см.: Чекалова А.А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 20–35.

⁴ Там же. С. 31–34.

⁵ *Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantini* / Ed. G. Reiske. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 576–577.

тийские придворные, которым полагалось присутствовать на церемонии, были одеты соответственно чину в специально предназначенные для этого одежды и размещены в зависимости от цвета и рисунка своих пышных одеяний. Во всем этом тоже чувствуется влияние Востока.

Послы, возглавлявшие дипломатические миссии, выполнили одновременно функцию проводников влияния своей культуры. В VI в., например, в роли посла византийского императора к персидскому двору не раз оказывался Руфин, сын Сильвана. Он являлся, по свидетельству Захарии Ритора, другом самого Кавада I и находился в приятельских отношениях с одной из жен шаха, ибо советовал Каваду оставить трон именно ее сыну — Хосрову⁶. С Руфином предпочитал вести переговоры и сам Хосров, занявший престол после смерти отца.

Со стороны персов важную роль в византийско-иранских отношениях в VI в., особенно во второй его половине, играл Йазд-Гушнасп из рода Зикхов. Ему довелось однажды быть принятым с особым почетом императором Юстинианом, который пошел ради него на неслыханное в глазах современников нарушение этикета, позволив во время пиршества толмачу Йазд-Гушнаспа Вradукию возлежать на одном ложе с собой⁷. Особым вниманием Юстиниана и его супруги пользовался также другой персидский вельможа — Заверган. В «Тайной истории» Прокопия сохранилось одно из посланий, которое отправила этому персу императрица Феодора. Послание гласило: «О том, что я, считая тебя преданным нашим интересам, благосклонна к тебе, о Заверган, ты знаешь, ибо ты недавно являлся к нам с посольством. Итак, ты поступишь согласно моему мнению о тебе, если убедишь царя Хосрова придерживаться мира в отношении нашего государства. За это я обещаю тебе многие блага...»⁸. Оставив в стороне изощренные закулисные интриги, столь характерные при дворах древних держав, отметим, что близость послов к венценосным особам, с которыми они вели переговоры, не могла не сказаться на многих сторонах взаимоотношений Византии и Ирана, а также на вкусах и моде в том и другом государстве.

Существенное значение в усилении взаимных влияний Византии и Ирана имела практика усыновления главой одной из держав наследника государя другой. В 408 г. иранский шах Йездигерд I (399–421) усыновил по просьбе умирающего императора Аркадия его малолетнего сына — императора Феодосия II. Именно потому, что подобная практика существовала, шах Кавад на закате жизни обратился с просьбой к императору Юстину I (518–527) усыновить его младшего сына Хосрова, которому он мечтал оставить шахский престол. Юстин внял просьбе Кавада, однако по настоянию ученого юриста Прокла, внушившему императору страх за византийский престол, который мог попасть в руки персидскому шаху, соглашался совершить полагающийся при этом обряд не с оформлением грамот, а с вручением оружия и доспехов, как было принято в общении с варварами⁹. И старик-шах, и юный Хосров почувствовали себя смертельно оскорбленными, что отнюдь не способствовало добрососедским отношениям Византии и Ирана. Внук Хосрова I, Хосров II Парвиз, был усыновлен в конце VI в. импе-

⁶ Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte / Ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1889. IX.7.

⁷ Procopius Caesariensis. Opera omnia / Rec. J. Hauriy, G. Wirth. 1962. Vol. 1: De bello persico (далее: Procop. B.P.). 11.28, 41–42.

⁸ Ibid. Vol. 3: Historia arcana (далее: Procop. H. a.). II. 32–34.

⁹ Procop. B.P. I.11.22.

ратором Маврикием. Тогда судьбы Византии и Ирана переплетались особенно тесно, и Хосров даже был женат на христианке Ширин. Одной из жен Хосрова II была, вероятно, и дочь Маврикия Мария¹⁰.

Практика усыновления главой одной державы наследника престола другой основывалась на теории братских отношений между двумя государствами. Эти отношения были впервые установлены официально в 283 г. между Ираном и Римом, наследницей которого являлась Византия¹¹. Братом Юстиниана называл посол Руфин шаха Кавада¹². В свою очередь, шах Хосров I Ануширван, согласно сообщению Менандра Протиктора, обращался как к брату к византийскому василевсу¹³. Итак, отражая реальное соотношение сил двух могучих держав, принцип равенства утвердился в практике их дипломатических связей и вошел в политическую идеологию обоих государств.

Именно как два равных по статусу государства представляли Иран и Византия в глазах современников, в том числе самих правителей этих держав. В послании к императору Маврикию Хосров II Парвиз писал: «Как два глаза, освещающие мир, так по извечному божественному установлению существует могущественная держава римлян [т. е. византийцев] и земли персидского государства, управляемые разумнейшими скипетроносцами. В этих величайших державах племена непокорные и склонные к войне превращаются в прах, и жизнь людей все время идет в порядке под надлежащим руководством»¹⁴.

Находясь в постоянном и длительном общении, все время проявля живейший интерес друг к другу, пристально следя за всем, что происходит на земле соседа, вникая и даже вмешиваясь в дела друг друга, зная обо всех интригах в сопредельной стране, а то и создавая их, Константинополь и Ктесифон жили каждый своей, но вместе с тем и какой-то общей жизнью, как это бывает при давнем и тесном соседстве. В результате интенсивного общения и многосторонних связей Византия и Иран постоянно оказывали друг на друга разнообразное и глубокое влияние. Даже их армии, часто воюя между собой, не только хорошо изучили друг друга, но имели и черты сходства. И в той, и в другой, при общей слабости пехоты, главная роль отводилась кавалерии. Известная близость наблюдалась и в стратегии ведения войны, и в тактике отдельных сражений. Любопытно, что сохранившееся в арабском переводе персидское руководство по военному искусству Аин-наме («Книга установлений») находится в поразительном согласии с современными ему византийскими военными трактатами («Анонимным военным трактатом» и «Стратегиконом» Маврикия) и с византийской практикой ведения военных действий, какой она представлена, например, в сочинениях Прокопия Кесарийского¹⁵. В поисках причин подобных совпадений нельзя исключить, конечно, возможность литературного заимствования, однако, учиты-

¹⁰ Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden / Übers. von Th. Nöldeke. Leyden, 1879. P. 283.

¹¹ Dölger F. Die Familie der Könige im Mittelalter // Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 60; Utas B. Byzantium seen from Sasanian Iran // Aspects of Late Antiquity and Early Byzantium / Ed. Z. Rydén, J.O. Rosenquist. Stockholm, 1993. P. 23.

¹² Procop. B.P. I.16.1; II.10.13.

¹³ Menandri Protectoris Fragmenta // HGM. Vol. 2. Fr. 11.

¹⁴ Theophylactus Simocatta. Historia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. IV.11.2–3. Cp.: Utas B. Byzantium seen from Sasanian Iran. P. 30.

¹⁵ Иностранцев А.К. Сасанидские этюды. СПб., 1909. С. 65.

вая практическую значимость военных трактатов, их сходство лучше относить на счет известной близости военных организаций Византии и Ирана. Видимо, этим объясняется и та легкость, с которой плененные друг другом византийцы и персы, как и перебежавшие на другую сторону, служили затем в войске своего бывшего врага. Так, выходцы из Персидской Армении, братья Нарсес и Аратий, в ходе одного из сражений перешли на сторону Византии и затем не раз принимали участие в походах против персов¹⁶. Случалось, что воины переходили на сторону врага целыми отрядами.

Безусловно, именно войны грозили особенно большим ущербом обоим государствам, и поэтому каждая из противоборствующих сторон стремилась досконально вызнать военные тайны соперника. Неожиданности в тактике врага воспринимались почти как курьез, достойный упоминания историка или летописца. Когда в битве при Даре тогда еще молодой полководец Велисарий необычным образом выстроил войско византийцев, персы, по словам Прокопия, пришли в страшное замешательство, совершенно не зная, что им предпринять. Как правило же, благодаря хорошо налаженной разведке и активной деятельности шпионов, персы и византийцы обычно заранее знали о подготовке друг друга к военным действиям. В конечном счете, для тех же целей византийцы брали себе на службу персов, порой в весьма малом возрасте, а персы — византийцев. В 504 г., например, византийцы взяли в плен мальчика-перса по имени Петр, родом из Арзанены. Его вырастил Юстин, дал ему образование и сделал своим секретарем. Затем Петр, уже в качестве военачальника, не раз участвовал в военных кампаниях против Ирана¹⁷.

Следами взаимных влияний отмечены и иные стороны государственной жизни Византии и Ирана. Так, проводя податную реформу, Хосров I, один из злейших врагов Византии, ввел тем не менее в своем государстве систему податей по византийскому образцу. Были составлены кадастры, подати стали взыскивать трижды в год, они стали носить смешанный характер (уплачивались деньгами и натурой). Письменным источником, на который при этом опирались в Иране, являлся «Сирийский законник» — памятник византийского права, составленный на сирийском языке в последней четверти V в. и широко распространенный на всем Ближнем Востоке. Порядок взимания налогов, принятый при Хосрове I, просуществовал до конца правления Сасанидов¹⁸, а затем был воспринят арабами.

Со своей стороны византийцы также проявляли большой интерес к государственному устройству Ирана, в частности его придворному церемониалу, сильно повлиявшему на византийскую обрядность. Еще римские императоры переняли от персов диадему, прочно вошедшую в императорское облачение со времени Диоклетиана. Тогда же возникла особая форма приветствия высочайшей особы — *προσκύνησις*, также заимствованная Диоклетианом у персов¹⁹. Однако до Юстиниана, согласно Прокопию Кесарийскому, «сенат, являясь к василевсу, воздавал ему почести следующим образом: кто был патрикием, целовал его в

¹⁶ Procop. B.P. I.12.21–22, 15.31.

¹⁷ Ibid. II. 15.7; 16.16; 18.16–26 etc.

¹⁸ Пугулевская Н.В. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана // ВДИ. 1937. № 1. С. 141–153.

¹⁹ Guillard R. La cérémonie de la *προσκύνησις* // *Idem*. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. P. 144–150.

правую часть груди, а василевс, поцеловав его в голову, отпускал, остальные преклоняли перед ним правое колено и с тем уходили»²⁰. С Юстиниана этикет изменился. Все сановники, являвшиеся к императору или императрице, не исключая и высшего их слоя — патрикиев, падали ниц и целовали обе ноги высочайшей особы, выражая тем свое состояние верноподданных земного владыки²¹.

С персидским влиянием ряд ученых связывает и появление в 629 г. официального титула βασιλεύς²², заменившего римский *imperator*, и хотя само по себе это суждение спорно²³, однако вполне возможно, что наличие такого соседа, как Иран, сыграло роль внешнего катализатора в смене титулатуры верховного правителя Византийской империи²⁴.

В известной мере влияние персов сказалось на общих представлениях византийцев о мире, в частности, распространении в их среде дуалистических учений²⁵.

Конечно, византийцы проявляли большой интерес к геополитическому положению Ирана, его взаимоотношениям с другими странами и народами, в частности с кочевыми племенами, обитавшими к северу от Ирана, его истории, даже достаточно отдаленной от тех времен, в которые жили поведавшие о них сочинители. Так, Прокопий Кесарийский с большой долей достоверности описывает ирано-армянские войны эпохи Шапура II, как и взаимоотношения Ирана с гуннами-эфталитами при Перозе II. А особенно подробно он повествует об Иране времен Кавада, хотя это была лишь предыстория к его собственному времени, т. е. к эпохе Юстиниана. Не обошлось здесь, правда, без некоторых ошибок в хронологии отдельных событий и порядке правления шахов, однако эти неточности были следствием не небрежности или невежества самого историка, а тем, что он опирался на одну из персидских историографических традиций, нашедшую отражение в «Книге государей»²⁶.

Уже сам по себе этот факт предполагал знание персидского языка и устной персидской традиции. В самом деле, многие византийские авторы, да и просто жители империи, особенно в пограничных областях, владели в той или иной степени персидским языком. Надо отметить и ту большую роль, которую играли в данном случае переводчики, отправлявшиеся вместе с послами к могущественному соседу и посвященные во все тайные пружины переговоров, знавшие хорошо не только персидский язык, но и историю, культуру и обычаи Ирана и делившиеся своими знаниями со своими соотечественниками. Об одном из таких переводчиков по имени Сергей рассказывает историк Агафий, приходившийся ему другом. Сергей хорошо был известен в Иране; он даже пользовался благоволением самого шаха Хосрова, считавшего его лучшим знатоком своего дела среди как византийских, так и персидских переводчиков. Сергей часто бывал в

²⁰ Procop. H. a. 30.21–22.

²¹ Ibid. 30.21.

²² Bury J. The Constitution of the Later Roman Empire // *Idem*. Selected Essays / Ed. H. Temperley. Cambridge, 1930. P. 109.

²³ Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. S. 89; Ср. русский перевод: Острогорский Г. История византийского государства. С. 64. P. 157–158.

²⁴ Shahid I. The Iranian Factor in Byzantium During the Reign of Heraclius / DOP. 1972. Vol. 26. P. 295–307.

²⁵ См.: Winkelmann F., Gomolka-Fuchs G. Frühbyzantinische Kultur. Leipzig, 1987. S. 40–41.

²⁶ Christensen A. Le règne du roi Kawadh et le communisme mazdakite. København, 1925. P. 113. N. 2.

Иране и знал многих тамошних государственных деятелей. По просьбе Агафия он обратился к хранителям царских летописей с тем, чтобы он мог ознакомиться с ними и сделать с них греческий перевод. Он объяснял чиновникам, что добывается этого только для того, чтобы и в Византии были обнародованы эти летописи и то, что в них почитается²⁷. Ловкий дипломат Сергей, разумеется, рассказывал Агафию и другим своим соотечественникам много больше того, что прочел. Многие из этих сведений попали в византийские сочинения, без которых наши представления об Иране были бы куда скуднее. Это касается в частности таких важных особенностей этой страны, как ее административное устройство и система должностей. Византийские авторы приводят персидские термины, обозначающие чины и звания, стараясь понять их содержание и объяснить их в доходчивой форме своему читателю. Правда, порой и здесь не обходилось без курьезов, вроде тех, когда должности принимали за имена собственные²⁸. Важно, однако, другое: интерес византийцев к персам был отнюдь не праздным и нельзя исключить того, что византийцы пытались понять, в чем крылась сила их могущественного соседа.

Благодаря огромному интересу византийцев к Ирану известны многие факты его истории и обычаи персов. К числу таких обычаев относится обряд принесения клятвы на соли, а также проявление шахского гнева в форме приказа попавшему в немилость вельможе, даже самому высокому, отправиться к треножнику, где несчастный должен был сидеть дни и ночи, тогда как все остальные могли делать с ним все, что им заблагорассудится: бросать ему оскорбления, плевать в лицо, пинать ногами²⁹. Любопытный обычай со стрелами описан Прокопием Кесарийским: перед отправлением в поход персидские воины проходили перед шахом и бросали по стреле в поставленную возле шаха корзину. Затем корзина запечатывалась и тщательно хранилась до окончания военных действий. После возвращения из похода воины опять проходили перед шахом и снова бросали стрелы, но уже в другую корзину. Специальные чиновники производили подсчет стрел в обеих корзинах и таким образом определяли число погибших. Если даже была одержана победа, но погибших оказывалось слишком много, победа считалась у персов позором³⁰. Вполне очевидно, что Прокопий намеренно привел этот эпизод в знак согласия с тем, что нельзя считать славной победу, одержанную ценой множества человеческих жизней. Примеры из персидской истории, таким образом, использовались историком как важное средство для выражения собственных представлений о жизненных ценностях.

Вместе с тем история Ирана нередко служила для византийцев своего рода материалом для развлекательного чтения. Прокопий Кесарийский, например, в «Войне с персами» вплетает в свое повествование серию красивых персидских легенд (о шахе Каваде, о Замке забвения, куда этот шах был заключен, и откуда он спасся бегством благодаря своей жене, переодетой во время свидания с ним в его платье и отдавшей шаху свои одежды, о жемчужине, приобретенной

²⁷ Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / Rec. R. Keydell. B., 1967 [CFHB. Vol. 2]. IV,30.

²⁸ Чекалова А.А. Комментарии // *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история* / Перевод, статья, комментарий А.А. Чекаловой. Издание второе. СПб., 2001. С. 390. Комм. 111.

²⁹ Procop. B.P. I.23.27–28.

³⁰ Ibid. I.18.52–56.

ценой жизни неким рыбаком для шаха Пероза, и многие другие). Колоритные, нередко окутанные романтической дымкой образы персидских шахов (Шапура II, Пероза, Кавада) служили той же цели. Особой популярностью пользовался у византийцев шах Варахран V, рассказы об охотничьих подвигах и любовных похождениях которого стали одной из любимых тем фольклора, литературы и изобразительного искусства многих народов Ближнего Востока.

Порой сюжеты персидской истории использовались византийскими авторами как факты, призванные обогатить канву их литературного или исторического повествования. Так, заговор в Ктесифоне при Хосрове I (531 г.) используется Прокопием Кесарийским как параллель к восстанию Ника в Константинополе³¹, хотя, несомненно, события эти произошли не одновременно и были совершенно различны по своему масштабу, характеру и последствиям. Важная смысловая нагрузка в сочинениях Прокопия отведена образу шаха Хосрова. В то время как восточная традиция прославляет этого шаха как мудрого и справедливого правителя, Прокопий рисует его исключительно в черных красках как злого гения и Ирана, и Византии. Конечно, историк пережил войну, которую вел с Византией Хосров, и видел ужасные разрушения, нанесенные армией шаха византийским городам, в частности, столице Востока — красавице Антиохии, которую Хосров сравнивал с землей, но все же как большой художник он придал образу Хосрова более обобщенный характер, с одной стороны, изобразив его в качестве антипода своему любимому герою Велисарии, а с другой стороны, — уподобив его императору Юстиниану, который в представлении историка был не чем иным, как воплощением дьявола³².

Весьма очевидным образом отразилось персидское влияние на дорогих изделиях ремесла и предметах искусства, украшавших жизнь византийцев в будни и праздники. Такими изделиями были, например, ткани с крупными изображениями птиц, животных и фантастических существ³³. Их использовали в качестве драпировок, изготавливали из них порой и одежду, хотя чаще при этом использовали материи с мелким рисунком, также имевшим восточное происхождение³⁴. К одному из видов такой одежды принадлежало, в частности, кафтанобразное одеяние скарамангий, который носили кочевники и который через Иран пришел в Византию³⁵. Персидский колорит присущ и серебряным блюдам, изготавливавшимся в ранней Византии. Наконец, обилие пряностей в пище византийцев свидетельствует о несомненном влиянии Востока. Заимствованы из Ирана были и

³¹ Ibid. I.23, 24.

³² Подробнее см.: Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский: личность и творчество // *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история* / Перевод, статья, комментарий А.А. Чекаловой. СПб., 2001. С. 355–356.

³³ Grabar A. L'art profane à Byzance // XIVe Congrès international des études byzantines: Rapports. T. 3. Bucarest, 1971. P. 31; Beckwith J.G. Byzantine tissues // Ibid. P. 36–44.

³⁴ Thiel E. Geschichte des Kostumes. Berlin, 1960. S. 26, 34.

³⁵ Kondakov N.P. Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byz. 1924. T. 1. P. 12–13. Этот костюм был известен византийцам уже в IV в. Именно в нем изображен император Константин II (337–361) на известном серебряном блюде, найденном при раскопках, проводившихся в Керчи в 1891 г., и хранящемся в Эрмитаже. См.: Zaleskaja V. Katalog der ausgestellten Silbergefäße. No 1–16 // Effenberg A., Maršak B., Zaleskaja V., Zaseckaja I. Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus Staatlichem Ermitage. Leningrad; Berlin, 1978. S. 78–81 und Taf. 1, Abb. 1.

некоторые развлечения, например, конная игра в мяч³⁶. Персидское соседство сказалось и на внешнем облике византийцев, некоторые из которых, по сообщению Прокопия Кесарийского, уже в VI в. «совершенно не постригали усы и бороду, но со всем тщанием следили за тем, чтобы они были у них пышными, как у персов»³⁷.

Одним из первых известных персов, достигших высокого статуса в Византии и оставивших след в ее истории, был персидский царевич Хормизда, старший сын шаха Хормизда II (302–309) и брат шаха Шапура I (309–379). Опасаясь его притязаний на шахский престол, Шапур заключил его в свое время в темницу, из которой его вызволила его жена³⁸. Обретя свободу, Хормизда бежал в Византию, где нашел самый теплый прием со стороны ее первого императора — Константина. Во всяком случае, так гласит византийская легенда³⁹. Хормизда служил в византийской кавалерии при императоре Констанции II и в 357 г. как знатный сановник, пользующийся большим влиянием при императорской особе, сопровождал Констанция в Рим. Аммиан Марцеллин сохранил колоритные детали о пребывании персидского царевича в Вечном городе. Описывая огромное впечатление, которое произвел на императора своими архитектурными постройками Рим, особенно теми, что находились на форуме Траяна, историк приводит разговор, имевший место между Констанцием и находившимся при нем Хормиздой. Император, пораженный величием построек форума, посетовал на то, что сам он из увиденного может воспроизвести только помещенного в середине атрия Троянского коня, на котором красовалась фигура императора Траяна. На это Хормизда «со свойственным его народу остроумием заметил: „Сначала прикажи, император, построить, если можно, подходящую конюшню; конь, которого ты собираешься соорудить, должен также широко шагать, как и тот, который перед нами“»⁴⁰. Тот же самый Хормизда, по свидетельству Аммиана Марцеллина, на вопрос Констанция, как он находит Рим, ответил, «что ему понравилось только то, что, как он узнал, и здесь умирают люди»⁴¹. Приведенные историком слова сына шаха Хормизда II свидетельствуют о той свободе, которой он пользовался при византийском дворе, и о том несомненном влиянии, которым он там обладал. Из этих слов можно заключить также и о том высоком самосознании, которым обладал персидский царевич, видевший у себя на родине немало могущественных сооружений и уже потому (а также по ряду других причин) считавший свою страну с ее древней историей и культурой, по меньшей мере, достойной соперницей Рима.

При Юлиане Отступнике Хормизда участвовал в качестве высокого военачальника в походе императора против персов и заметно отличился в нем. Он не только возглавлял кавалерию, но и служил важным участником переговоров между византийцами и персами, которые предпочитали иметь дело именно с ним

³⁶ Это развлечение сохранилось в Византии по меньшей мере до XII в. См.: *Анна Комнина*. *Алексиада* / Перевод, статья, комментарий Я.Н. Любарского. М., 1965. XIV.4. С. 383.

³⁷ *Procop.* H. a. VII.9.

³⁸ *Jon. Ant.* Fr. 178; *Zosime*. *Histoire nouvelle* / Ed. F. Paschoud. T. 1. P., 1971. II.27; T. 2. P., 1979 (далее: *Zosim.*). III.13; *PLRE*. I. P. 443: *Hormisdas* 2.; *Janin R.* *Constantinople byzantine: Développement urbain et répertoire topographique*. P., 1964. P. 368.

³⁹ *Janin R.* *Constantinople byzantine*... P. 368.

⁴⁰ *Ammianus Marcellinus*. *Römische Geschichte* / Ed. W. Seyfarth. B., 1968–1971 (далее: *Amm. Marc.*). XVI.10.16–17.

⁴¹ *Ibid.* XVI.10.17.

«как с земляком и человеком царской крови»⁴². По свидетельству Ливания, Юлиан намеревался посадить Хормизду на персидский престол⁴³. По всей видимости, сам Хормизда как сын шаха Хормизды II, имевший по праву старшинства больше прав на трон, чем правивший Ираном его младший брат Шапур, никогда не терял надежды вернуться на родину в качестве ее высшего правителя. Для Юлиана поход был необыкновенно удачен. Он дошел до Ктесифона, который уже начали покидать персы, и неизвестно, как сложилась бы судьба двух воюющих государств и всего мира, если бы шальная стрела, пущенная в императора, возможно, кем-то из его соплеменников-христиан, не поразила его насмерть.

У Хормизды был сын, также звавшийся Хормизда⁴⁴. В 365–366 гг. он являлся проконсулом Азии, обладая при этом военными полномочиями⁴⁵. Дело было при узурпаторе Прокопии, которому он служил. В то время он едва не был взят во Фригии в плен войсками правившего тогда императора Валента, но затем он чуть было сам не выиграл у Валента сражение при Тиатире⁴⁶. Во время правления императора Феодосия I он около 379 г., находясь, по всей видимости, в должности комита по военным делам, возглавлял войско вестготов, направлявшееся в Египет. Битва с египтянами, однако, произошла не в самом Египте, а в Лидии, где оказалось вышедшие им навстречу египетское войско⁴⁷.

Этот Хормизда был женат, о чем было известно Аммиану Марцеллину, поведавшему потомкам, что жена его находилась при муже во Фригии и чуть было не попала вместе с ним в плен к Валенту⁴⁸. По свидетельству историка, это была «богатая и знатная женщина (*matrona opulenta et nobilis*), которая своим внушавшим уважение поведением и прославившей ее настойчивостью впоследствии спасла своего мужа в крайне опасном положении»⁴⁹.

Известно, что у Хормизды было имение в Сирии и дом-квартал в Константинополе, где впоследствии находился монастырь Сергия и Вакха⁵⁰. Вероятно, речь идет о том самом дворце, который ранее принадлежал отцу этого Хормизды. Квартал и дворец Хормизды в Константинополе в VI в. достались во владение Юстиниану, в то время еще просто сановнику при правящем дяде — императоре Юстине I. Уже тогда Юстиниан пышно отделал дворец Хормизды, а став императором, включил его в комплекс Большого императорского дворца. Таким образом, среди построек «святая святых» Константинополя оказалось здание, первоначально созданное согласно вкусам сына персидского царевича и сохранившее впоследствии его имя. Прекрасное строение, украшавшее византийскую столицу и ставшее ее неотъемлемой частью, явилось свидетелем многих важных событий, происходивших в Константинополе. В VI в. дворец Хормизды стал своеобразным центром монофиситского движения.

⁴² Ibid. XXIV.1.2, 8.

⁴³ Libanii Opera omnia / Ed. R. Förster. Lipsiae, 1923. T. 11. Ep. 1402.

⁴⁴ Zosim. T. 2. IV.8.1; 30.5; Amm. Marc. XXVI.8.12.

⁴⁵ Amm. Marc. XXVI.8.12.

⁴⁶ Zosim. T. 2. IV.8.1.

⁴⁷ Ibid. IV.30.5.

⁴⁸ Amm. Marc. XXVI.8.12.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Theophanis Continuati Chronographia // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. XLVIII. 154, 649.

По свидетельству Иоанна Эфесского, императрица Феодора устроила в этом дворце обитель для монофиситских епископов и монахов, прибывших в Константинополь из Сирии, Армении, Каппадокии, Исаурии, Ликаонии, Египта и Африки общим числом в 500 человек. Особняк некогда принадлежавший сыну персидского шаха Хормизды II превратился таким образом в «великую и дивную пустыню отшельников»⁵¹. В 536 г., когда по требованию римского папы Агапита были смещены с патриарших престолов заподозренный в связях с монофиситами патриарх Константинополя Анфимий и занимавший престол св. Марка монофисит Феодосий, оба они нашли приют во дворце Хормизды⁵².

Другим персом, достигшим большого, а в какой-то период даже огромного влияния при византийском дворе был некто Антиох. Он являлся евнухом и в свое время в Иране служил полководцу Нарсесу⁵³. Затем он оказался при дворе византийского императора Аркадия и уже с 404 г. занимал придворный чин кувикулярия, в котором пребывал до 414 г.⁵⁴ Скорее всего, как не без оснований полагает Дж. Грейтрекс, Антиох оказался в Константинополе в 402 г.⁵⁵, т. е. вскоре после рождения будущего императора Феодосия, появившегося на свет в 401 г. Антиох был дан маленькому сыну императора Аркадия в воспитатели. По всей видимости, его прислал по просьбе императора Аркадия иранский шах Йездигерд. Дело в том, что самый конец IV — начало V в. были отмечены ухудшением отношений Византии с Западом, где фактическим правителем государства являлся полководец вандальского происхождения Стилихон. Этого Стилихона очень ценил отец Аркадия император Феодосий I, сделавший его опекуном своего младшего сына Гонория, которому досталась в управление западная часть Римской империей, в последний раз объединившейся при Феодосии.

Показательно, что после 395 г., когда уже, казалось, империя была навсегда разделена, не на Востоке, а на Западе высказывались надежды на объединение обеих частей империи. Эти надежды и лелеял Стилихон, утверждавший, что Феодосий Великий оставил его опекуном обоих своих сыновей — Аркадия и Гонория⁵⁶. Он выставлял это в качестве предлога для объединения обеих частей империи под главенством Запада и лично его, Стилихона. По мнению апологета Стилихона, поэта Клавдиана, ему это даже удалось в 399 г., когда был свергнут еще недавно всесильный временщик Востока Евтропий и «Восток уступил

⁵¹ Дьяконов А.П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908. С. 58; Janin R. Constantinople byzantine... P. 359. О дворце Хормизды см. также: Guillard R. Le palais d'Hormisdas // BS. 1951. T. 12. P. 210–224.

⁵² Анфимий и Феодосий вступили в сношение с патриархом Антиохии в 513–518 гг., крупнейшим деятелем монофиситского движения в VI в. Севером. Между этими тремя обменявшимися синодальными посланиями патриархами установилось церковное единение на почве непризнания Халкидонского собора (*Zacharias Rhetor*: Die sogenannte Kirchengeschichte / Ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1889. IX.23–25; *Ioannis Ephesini Historia ecclesiastica*. III). Это был большой успех монофиситов, чем и были обеспокоены римский папа и его сторонники в столице и других областях империи, в частности сменивший Севера на посту антиохийского патриарха халкидонит Ефрем.

⁵³ Synesii Cyrenensis Epistolae / Ed. A. Garzya. Roma, 1979 (далее: Synes.). Ep. 110.

⁵⁴ PLRE. I. P. 101–102: Antiochus 5.

⁵⁵ *Greatrex G.* Antiochus' Arrival at Court of Constantinople // *Greatrex G., Bardill J.* Antiochus the Praepositus: A Persian Eunuch at the Court of Theodosius II // DOP. 1996. Vol. 50. P. 171–176.

⁵⁶ Zosim. T. 3. V.4.3.

Западу»⁵⁷. Клавдиан в своей пространной (в 1200 стихов) речи на консульство Стилихона, составленной между сентябрем и концом декабря 399 г., провозгласил 400 г. (год консульства Стилихона) годом внутреннего согласия между обеими частями империи и даже возвестил начало золотого века⁵⁸. На Востоке, где место Евтропия занял образованный префект претория Востока Аврелиан, дружбой с которым гордился Синесий Киренский⁵⁹ и который являлся главой антиварварской партии, подобные притязания варвара-вандала никто не принимал в расчет⁶⁰.

Стилихон, раздраженный, как ему казалось, непониманием Востока, спокойно предоставил королю вестготов Алариху, вторгшемуся в византийские пределы, грабить и опустошать ее территории во Фракии и Греции. При всем том, что Стилихон располагал большими военными силами, он даже не попытался воспрепятствовать Алариху взять Афины, опустошить Коринф, Аргос, Спарту.

Таким образом, Византия оказалась в весьма сложной ситуации. Теснимая то гуннами, то готами с севера, лишенная поддержки Запада, наконец, ослабленная изнутри восстанием гота Гайны, являвшегося главнокомандующим военными силами империи в ранге *магистра милитум*, империя переживала трудные дни⁶¹.

В этих условиях Византия обратила свои взоры на Восток, где в государстве Сасанидов правил Йездигерд I (399–421), покровительствовавший христианам и в том числе, по всей видимости, и поэтому миролюбиво настроенный к своему западному соседу. В 399 г. Аркадий отправил послом к Йездигерду видного государственного деятеля конца IV — начала V в. Анфимия, занимавшего тогда должность комита священных шедрот⁶². Важная миссия оказалась успешной. Отношения между Византией и Ираном заметно улучшились. Державы обменивались посольствами, и в одном из посольств со стороны персов, по всей видимости, и находился Антиох, приглянувшийся императору Аркадию. Он, должно быть, попросил шаха Йездигерда отпустить Антиоха в Константинополь для воспитания маленького сына императора — Феодосия, что и было исполнено. Антиох имел уже в 404 г. официальный статус кувикулярия, которым обладал, по меньшей мере, до 414 г. При всем том, что Антиох был еще совсем молодым, он, по свидетельству византийских авторов, обладал большим влиянием на императора, о чем сообщает в своем письме к брату Синесий Киренский⁶³ и о чем поведал в своей «Хронографии» Иоанн Малала⁶⁴. По словам хрониста, он

⁵⁷ *Claudianus*. De consulatu Stilichonis. I. 8.

⁵⁸ *Ibid.* II. 446–447.

⁵⁹ Об Аврелиане см.: PLRE. I. P. 128–129: Aurelianus 6.

⁶⁰ *Demougeot E.* De l'unité à la division de l'empire romain, 395–410. Essai sur le gouvernement impérial. P., 1951. P. 246.

⁶¹ *Cameron Al., Long J.* Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkely; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 1–9; *Blockley R.C.* East Roman Foreign Policy. Leeds, 1992. P. 46; *Liebeschuetz J.H.W.G.* Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990. P. 99–100. Именно в этот период Константинополь начали укреплять новыми стенами, впечатляющие остатки которых возвышаются до сих пор. Эти стены являлись вершиной военно-инженерного искусства античности и средневековья и на долгие времена превратили столицу Византии в неприступную крепость.

⁶² *Zakrzewski C.* Un home d'état du Bas-empire // *Eos*. 1928. T. 31. P. 422.

⁶³ *Synes*. P. 195–197.

⁶⁴ *Joannes Malalas*. Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonnæ, 1831 (далее: Malal.). P. 361.

«управлял государством римлян [т. е. византийцев] при Аркадии»⁶⁵. Как к влиятельному человеку, обращается к Антиоху с письмом Иоанн Златоуст, который называет его «удивительнейшим и великолепнейшим»⁶⁶, т. е. не просто эпитетами, а словами, которыми обычно именовали высших сановников⁶⁷.

На посту кувикулярия Антиох, как уже упоминалось, оставался до 414 г., когда бразды правления государством взяла в свои руки сестра молодого императора Пульхерия, которая занялась, в частности и его воспитанием и образованием, как об этом сообщает хронист Феофан⁶⁸.

Находясь на посту кувикулярия, Антиох был в дружеских отношениях с комитом священных щедрот Иоанном, который, как поговаривали при византийском дворе, являлся интимным другом императрицы Евдоксии, жены Аркадия, и, возможно, был настоящим отцом сына императорской четы — будущего императора Феодосия II⁶⁹. Иоанн был враждебно настроен к западному двору и, по всей видимости, в том числе и поэтому благоволил Антиоху. У Антиоха был еще один важный сторонник — префект претория в 405–414 гг. Анфимий, который, по свидетельству многих источников, фактически правил империей в малолетство Феодосия, пока бразды правления не оказались у честолюбивой Пульхерии⁷⁰.

Антиох, однако, не канул в лету и после падения фаворита Евдоксии Иоанна, и после отстранения от дел префекта Анфимия. Под 421 г. он фигурирует в «Хронографии» Иоанна Малалы в статусе препозита священной опочивальни василевса и в сане патрикия. Это был самый высокий по тем временам титул в Византийской империи. Являясь этимологически вариантом латинского *patricius*, этот термин первоначально означал «восходящий к отцам», т. е. старейший. После того как этого титула был удостоен препозит священной опочивальни в 395–399 гг. евнух Евтропий (кстати, выходец с Востока из области, граничащей с персидскими пределами), он начал означать самого отца, и не просто отца, а отца самого василевса.

В том же духе понимал свое положение и воспитатель сына Аркадия, Феодосия II, евнух-патрикий Антиох, также занимавший (в 421 г.) должность препозита священной спальни. По словам хрониста Иоанна Малалы, «в качестве патрикия он обладал неограниченной властью и над самим Феодосием»⁷¹.

Вполне очевидно, что термин патрикий (патриций) приобрел значение прямо противоположное первоначальному. Эта трансформация термина, по всей видимости, находится в самой тесной связи с той ролью, которую стали играть евнухи (причем обычно выходцы с Востока) при ранневизантийском дворе. Наиболее близкие к особе императора лица, при этом не внушавшие ему опасений за трон, ибо как скопцы они не имели права на императорский престол, евнухи являлись своего рода посредниками между василевсами, в значительной степени отгоро-

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Joh. Chrys. Ep. 189.

⁶⁷ Чекалова А.А. Представления о знатности в Византии IV — первой половине V в. // ВВ. 1990. Т. 51. С. 43.

⁶⁸ Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883 (далее: Theoph.). P. 82.

⁶⁹ Zosim. V.18.8.

⁷⁰ PLRE. II. 93–95: Anthemius 1.

⁷¹ Malal. P. 361.

женными от общества, и самим этим обществом⁷². Это давало им возможность пользоваться огромным влиянием, которое они, обладая, по свидетельствам современников непомерным честолюбием и властолюбием, попытались упрочить официальным статусом патрикия, придав ему высокое значение отца василевса. Исключительное положение в государстве, которое стремились занять и даже на какое-то время заняли препозиторы священной опочивальни, неизбежно привело к трениям между ними и представителями собственно имперской администрации, а иногда и к недовольству самого императора. Во всяком случае, именно по этой причине, насколько можно судить из дошедших до нас свидетельств источников, и был смещен в 421 г. вышеупомянутый препозит священной опочивальни Антиох⁷³. Согласно Феофану, смещение препозита было делом рук августы Пульхерии, взявшей власть в свои руки⁷⁴. Из сообщения Иоанна Зонары можно заключить, что имелась какая-то связь между женитьбой Феодосия на Афинаиде-Евдокии и опалой дотоле всесильного евнуха⁷⁵. Вполне возможно, что дочь афинского философа, каковой была молодая образованная жена императора, тяготило влияние, которым пользовался при дворе евнух-перс Антиох. Тогда же, по словам Иоанна Малалы, императором Феодосием был издан указ, запрещавший евнухам домогаться статуса патрикия⁷⁶.

Позволим себе, однако, высказать одну догадку относительно обстоятельств, сыгравших свою роль в смещении Антиоха. Дело в том, что именно в 421 г. при странных обстоятельствах погиб шах Ирана Йездигерд, который и прислал в Константинополь молодого евнуха, ставшего воспитателем Феодосия. Шах благоволил христианам и, соответственно, Византии. В 410 г. на соборе в Кте-

⁷² *Guilland R. Les Eunuques dans l'Empire byzantin // Idem. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. P. 176.* К. Хопкинс связывает политическую роль евнухов с особенностью государственного устройства Византии, отчасти заимствованного у Востока. См.: *Hopkins K. Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1978–1983. Vol. 2. P. 172–193.*

⁷³ *Malal. P. 361.* Согласно Феофану, смещение препозита было делом рук августы Пульхерии, взявшей власть в свои руки. См.: *Theoph. P. 82.* Из сообщения Иоанна Зонары можно заключить, что имелась какая-то связь между женитьбой Феодосия на Афинаиде-Евдокии и опалой дотоле всесильного евнуха. О негативном отношении к евнухам в среде византийского общества см.: *Guilland R. Les eunuques... P. 167.*

⁷⁴ См.: *Theoph. P. 82.*

⁷⁵ *Joannis Zonarae Epitome historiarum libri XVIII. Bonnae, 1897. Vol. 3 (далее: Zonara.). 13.22.14–16.*

⁷⁶ *Malal. P. 361; Theoph. P. 96; PLRE. II. P. 101–102: Antiochus 5.* По мнению Дж. Бардила, оспаривающего в данном случае основанную на свидетельстве Иоанна Зонары датировку Р. Мартиндейла (PLRE. II. P. 102), Антиох окончательно попал в немилость лишь в 439 г. См.: *Bardill J. Antiochus' Career in Constantinople and His Palace // Greatrex G., Bardill J. Antiochus the Praepositus... P. 180–199.* Однако доказательства Дж. Бардила представляются в высшей степени гипотетичными. Историк, в частности, придает большое значение тому, что Иоанн Малала поместил рассказ об опале Антиоха перед сообщением о вступлении в силу префекта города и префекта претория Востока Кира, что имело место в 439 г. Но между этими событиями могли пройти годы. Показательно, что хронист рассказал об Антиохе сразу после сообщении о смерти Валентиниана III, имевшей место в 455 г. Но из этого Дж. Бардил не сделал вывод, что опала Антиоха произошла около 455 г. В действительности Иоанн Малала рассказал сначала о событиях, связанных с Западом, а затем вернулся на Восток, выбирая то, что ему казалось наиболее значительным. Не будем забывать, что центром событий для хрониста являлась Антиохия, другие события рассматривались им лишь маргинально, а интервал между описываемыми событиями мог быть весьма значительным. Ср.: *Blockley R.C. The Classicising Historians of the Later Roman Empire. Liverpool, 1983. Vol. 1. P. 117; Vol. 2. P. 381. N. 16.*

сифоне, созванном по повелению шаханшаха, был признан Никейский символ веры⁷⁷, являвшийся краеугольным камнем официально признанного в Византии течения христианства. Сменивший Йездигерда на престоле его сын Варахран V (421–438 или 439) начал проводить антихристианскую политику, в конечном итоге направленную на конфронтацию с Византией. Так что отстранение Антиоха от поста препозита священной опочивальни, по всей видимости, было связано не только, а, возможно, даже и не столько с внутренними обстоятельствами при византийском дворе, сколько с изменившейся внешнеполитической ситуацией, завершившей короткий период дружеских отношений между Константинополем и Ктесифоном⁷⁸.

Следует отметить к тому же, что отношения с Западом после казни Стилихона заметно улучшились, хотя теперь не Византия ждала помощи от Запада, а наоборот — окрепшая восточная часть империи могла оказывать ее теснимому варварами Западу⁷⁹.

Смещенный Антиох был превращен в священника. Он был ревностным христианином, и по смерти, согласно его завещанию, значительная часть его имущества отошла к Великой церкви. Для управления завещанным имуществом был создан специальный скриний⁸⁰.

Нельзя не отметить, вместе с тем, что Антиох оставил значительный след в истории Византии, в том укладе двора, который как раз создавался в ту эпоху, ибо именно в ранний период империи евнухи и, в частности, препозиты священной опочивальни заняли прочное место при царственных особах и нередко играли в государстве чрезвычайно важную роль. Иоанн Зонара, автор XII в. называет его всемогущим и говорит, что он «скорее правил сам, нежели находился при василевсе»⁸¹. Так можно было сказать о многих препозитах священной опочивальни византийских императоров и императриц.

Антиох остался жить не только в исторических сочинениях византийских авторов, но его вкус сказался и на облике столицы империи — Константинополе, ибо в нем осталось два городских квартала, носивших имя всемогущего евнуха-перса, которые ему принадлежали, а затем после его опалы отошли в казну. Один квартал с дворцом находился у ипподрома, т. е. в самом центре столицы, а другой у Золотого Рога⁸².

Были и другие выходцы из Ирана, занимавшие видное положение в византийском обществе. Так, некто Перс, согласно историку Евнапию занимал пост префекта города⁸³. Ал. Камерон и Дж. Лонг убедительно доказали что его префектура приходится на период между 399 и 401 гг.⁸⁴ Означало ли в данном случае название «Перс» имя собственное или прозвище, не вполне ясно. Тем не менее

⁷⁷ Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944.

⁷⁸ Дж. Бардил полагает, что отстранение Антиоха с поста препозита священной опочивальни и его окончательную опалу следует относить не к 421 г., как это принято в большинстве исследований, а к 439 г. (см.: Greatrex G., Bardill J. Antiochus the Praepositus... P. 180–197). Его доводы, однако, представляются в высшей степени гипотетическими.

⁷⁹ Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя... С. 38–39.

⁸⁰ PLRE. II. P. 101–102: Antiochus 5; P. 105: Antiochus 15.

⁸¹ Zonara. 13. 22. 14–16.

⁸² Janin R. Constantinople byzantine... P. 310–311.

⁸³ Eunapii Sardiani Fragmenta // FHG. Vol. 4. Fr. 68.

⁸⁴ Cameron Al., Long J. Barbarians and Politics... P. 218–223.

сомневаться в этнической принадлежности этой личности вряд ли приходится. Между тем префект города Константинополя был не только градоначальником столицы, что само по себе, разумеется, не мало, но он по традиции возглавлял константинопольский сенат в качестве его первого члена.

Кроме этих лиц, известен также перс Варан, который в 409 г. являлся *магистром милитум*, т. е. командовал византийскими войсками, а в 410 г. был удостоен консульства⁸⁵.

Так что вполне очевидно, что выходцы из Ирана находились в Византии в конце IV — начале V в. у самого кормила власти, что, несомненно, отразилось на известной ориентализации государственного устройства в Византии.

ЧЕКАЛОВА Александра Алексеевна

Доктор исторических наук, профессор

Ведущий научный сотрудник

Центра истории Византии и восточно-христианской культуры

Институт всеобщей истории РАН

Ленинский проспект, д. 32а

119991 Москва

Электронная почта: chekalova-a@mail.ru

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. 2013. Т. 72 (97)

ISSN 0132-3776

Alexandra CHEKALOVA

THE PERSIAN ELEMENT IN THE BYZANTINE MONARCHY

Abstract: The article focuses on the influence of the East, particularly Iran, on the political system of the Byzantine Empire during the period of its formation. The research is based, above all, on the data of prosopography. The study shows that in the 4th–5th centuries Persians were in the civil service in the Byzantine Empire being on very high positions in the administration of the Empire and in the environment of the Emperor, particularly as *praepositi sacri cubiculi*. This led to a certain orientalization of the State system of the Byzantine Empire.

Keywords: Byzantium, the early period, the State system, ceremonial, prosopography, Persians, orientalization of the Empire.

⁸⁵ PLRE. II. P. 1149–1150: Varanes 1.

Literature Cited

- Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque*. Ed. by R. KEYDELL. Berlin 1967 [CFHB. Vol. 2].
- Ammianus Marcellinus. *Römische Geschichte*. Ed. by W. Seyfarth. Berlin 1968–1971.
- Anna Komnene. *Алексуада*. Ed., trans. and comm. by Ya.N. LYUBARSKIY. Moscow 1965.
- BECKWITH, J.G. "Byzantine tissues." *XIVe Congrès international des études byzantines: Rapports*. T. 3. Bucarest 1971.
- BLOCKLEY, R.C. *The Classicising Historians of the Later Roman Empire*. Liverpool 1983.
- BLOCKLEY, R.C. *East Roman Foreign Policy*. Leeds 1992.
- BURY, J. "The Constitution of the Later Roman Empire." In BURY, J. *Selected Essays*. Ed. by H. TEMPERLEY. Cambridge 1930.
- CAMERON, AL., and LONG, J. *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkely; Los Angeles; Oxford 1993.
- ШЕКАЛОВА, А.А. "Представления о знатности в Византии IV — первой половине V в." *Византийский временник* 52 (1990).
- ШЕКАЛОВА, А.А. "Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в." *Византийский временник* 53 (1992).
- ШЕКАЛОВА, А.А. *Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII века*. Moscow 2010.
- CHRISTENSEN, A. *Le règne du roi Kawadh et le communisme mazdakite*. Kobenhavn 1925.
- CHRISTENSEN, A. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen 1944.
- Constantinus Porphyrogenitus. *De cerimoniis aulae Byzantini* Ed. by G. REISKE. Bonnae 1829.
- DEMOUGEOT, E. *De l'unité à la division de l'empire romain, 395–410. Essai sur le gouvernement impérial*. Paris 1951.
- ДЯКОНОВ, А.Р. *Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды*. St. Petersburg 1908.
- DÖLGER, F. "Die Familie der Könige im Mittelalter." In *Byzanz und die europäische Staatenwelt*. Ettl 1953.
- GRABAR, A. "L'art profane à Byzance." In *XIVe Congrès international des études byzantines: Rapports*. T. 3. Bucarest 1971.
- GREATREX, G., and BARDILL, J. "Antiochus the Praepositus: A Persian Eunuch at the Court of Theodosius II." *Dumbarton Oaks Papers* 50 (1996).
- GUILLAND, R. "Le palais d'Hormisdas." *Byzantinoslavica* 12 (1951).
- GUILLAND, R. "La cérémonie de la προσκύνησις." In GUILLAND, R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin; Amsterdam 1967.
- GUILLAND, R. "Les Eunuques dans l'Empire byzantin". In GUILLAND, R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin; Amsterdam 1967.
- HOPKINS, K. *Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History*. Cambridge; London; New York; Melbourne 1978–1983.
- INOSTRANTSEV, A.K. *Сасанидские этюды*. St. Petersburg 1909.
- JANIN, R. *Constantinople byzantine: Développement urbain et répertoire topographique*. Paris 1964.
- Joannes Malalas. *Chronographia*. Ed. by L. Dindorf. Bonnae 1831.
- Joannis Zonarae *Epitome historiarum libri XVIII*. Bonnae 1897. Vol. 3.
- KONDAKOV, N.P. "Les costumes orientaux à la cour byzantine." *Byzantion* 1 (1924).
- LIEBESCHUETZ, J.H.W.G. *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford 1990.
- Menandri Protectoris *Fragmenta. Historici Graeci Minores*. Vol. 2.
- OSTROGORSKY, G. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München 1968.
- OSTROGORSKIY, G. *История византийского государства*. Moscow 2011.
- PIGULEVSKAYA, N.V. "К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана." *Вестник древней истории* 1 (1937).

- Procopius Caesariensis. *Opera omnia*. Ed. by J. HAURY and G. WIRTH. 1962. Vol. 1: De bello persico; Vol. 3: Historia arcana.
- Procopius of Caesarea. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. Ed., trans. and comm. by A.A. CHEKALOVA. St. Petersburg 2001.
- SHAHID, I. "The Iranian Factor in Byzantium During the Reign of Heraclius." *Dumbarton Oaks Papers* 26 (1972).
- Synesii Cyrenensis Epistolae*. Ed. by A. Garzya. Roma 1979.
- Tabari. *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden*. Übers. von Th. NÖLDEKE. Leyden 1879.
- Theophanis Chronographia*. Ed. by C. de Boor. Lipsiae 1883.
- Theophylactus Simocatta. *Historia*. Ed. by C. de Boor. Lipsiae 1883. Vol. 1.
- THIEL, E. *Geschichte des Kostumes*. Berlin 1960.
- UTAS, B. "Byzantium seen from Sasanian Iran." In *Aspects of Late Antiquity and Early Byzantium*. Ed. by Z. RYDÉN and J.O. ROSENQUIST. Stockholm 1993.
- WINKELMANN, F., and GOMOLKA-FUCHS, G. *Frühbyzantinische Kultur*. Leipzig 1987.
- Zacharias Rhetor. *Die sogenannte Kirchengeschichte*. Ed. by K. AHRENS and G. KRÜGER. Leipzig 1889.
- ZAKRZEWSKI, C. "Un home d'état du Bas-empire." *Eos*. 31 (1928).
- ZALESSKAJA, V. "Katalog der ausgestellten Silbergefäße." In EFFENBERGER, A., MARŠAK, B., ZALESSKAJA, V., and ZASECKAJA, I. *Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus Staatlichem Ermitage*. Leningrad; Berlin 1978.
- Zosime. *Histoire nouvelle*. Ed. by F. Paschoud. T. 1. Paris 1971; T. 2. Paris 1979.

Alexandra CHEKALOVA

D. Sc. in History, Professor, Leading Reseacher
 Institute of World history, Russian Academy of Sciences
 Leninskiy prospect, 32 a
 119991 Moscow
 e-mail: chekalova-a@mail.ru

Я. Вевёровски

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ PRAETORES PISIDIAE, LYCAONIAE, THRACIAE И PAPHLAGONIAE ЮСТИНИАНОМ ВЕЛИКИМ В 535 г.*

Аннотация: В тексте анализируются предпосылки, подвигнувшие императора Юстиниана Великого (527–565) учредить новые должности наместников провинций: *praetores Pisidiae, Lycaoniae, Thraciae* и *Paphlagoniae* в 535 г. в восточной части империи (Малая Азия, Балканы). Претории были созданы в рамках предпринятого в период правления этого императора реформирования провинциального управления, отличительной чертой которого, среди всего прочего, был отход от принципа разделения компетенций гражданских и военных властей, характерного для поздней римской империи. В тексте обсуждаются сходства и различия аргументов, использованных в новеллах Юстиниана, учреждающих новые должности (Nov. Iust. 24–26 и 29), а также анализируется проблема влияния на их содержание Иоанна Каппадокийского, *praefectus praetorio per Orientem*, и Трибониана, *quaestor sacri palatii*. Автор выделяет, несмотря на многочисленные сходства между видением преториев в новеллах и использование аналогичных исторических аргументов в пользу их создания, факт осознания Юстинианом специфики местных проблем, которые должно было решить учреждение этих должностей. Автор подчеркивает также непоследовательность императора в введении изменений и причины отхода от части реформ не позднее 50-х годов VI в.

Ключевые слова: Юстиниан Великий, реформы провинциального управления, наместник провинции, *praetor Pisidiae, praetor Lycaoniae, praetor Thraciae, praetor Paphlagoniae, novellae Iustiniani*.

Фигура Юстиниана Великого пользуется неослабевающим интересом среди исследователей истории Византийской империи¹. Много внимания уделяется в

* Сокращенная версия текста была представлена на научной конференции «Жебелевские чтения — XIII», 26–28 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге. Автор учел предложенные тогда замечания. Статья развивает и упорядочивает тезисы, опубликованные на польском языке: *Wiewiorowski J. Ochrona porządku publicznego jako przesłanka ustanowienia praetores Pisidiae, Lycaoniae, Thraciae i Paphlagoniae przez Justyniana Wielkiego w 525 r. // Ochrona bezpieczeństwa i porządku publicznego prawie rzymskim / Pod redakcją K. Amiełańczyka, A. Dębińskiego, D. Ślępka. Lublin, 2010. S. 307–316.*

¹ Приведем лишь новейшие публикации: *Moorhead J. Justinian. L., 1994; Rubin B. Das Zeitalter Justinians. Bd. II. B.; N. Y., 1995; Evans J.A.S. The Age of Justinian. The Circumstances of Imperial Power. L.; N. Y., 1996; Mazal O. Justinian I. und seine Zeit. Geschichte und Kultur des byzantinischen Reiches im 6. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2001; Maraval P. L'empereur Justinien. P., 2003; Meier M. Justinian. Herrschaft, Reich und Religion. München, 2004; Tate G. Justinien. L'épopée de*

частности предпринятой в 535–536 гг. реорганизации территориального управления восточной части империи².

Благодаря ей произошло упрощение организационной структуры имперского территориального управления до префектур и провинций. Правители возникших территориальных субъектов чаще всего объединяли гражданские компетенции с функцией военачальников. Среди них были — часто получавшие прозвище *Iustiniani* — комиты, преторы, модераторы, проконсулы, ординарии³, а также имевший совершенно особый статус квестор армии (*quaestor exercitus*)⁴.

Реформы ликвидировали, в частности, должности замещавших префекта Востока в диоцезе викариев диоцезов, а также ограничивали позицию *comes Orientis* — должностного лица, чьи компетенции были близки компетенциям викариев в диоцезе Востока. В литературе принято считать, что викариаты на Востоке не справлялись со своими функциями и их позиция постепенно ослабе-

---

l'Empire d'Orient, 527–565. P., 2004; Evans J.A.S. The Emperor Justinian and the Byzantine Empire. Westport, 2005; The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005.

² По теме административных реформ Юстиниана (новейшие публикации): Bonini R. Ricerche sulla legislazione giustiniana dell'anno 535. Nov. Justiniani 8: Venalità delle cariche e riforme dell'amministrazione periferica. Bologna, 1976; Idem. Note sulla legislazione Giustiniana dell'anno 535 // L'imperatore Giustiniano, Storia e Mito. Giornate di studio a Ravenna 14–16 ottobre 1976. Milano, 1978. P. 161–178; Haase R. Untersuchungen zur Verwaltung des spätrömischen Reiches unter Kaiser Justinian I (527 bis 565). Wiesbaden, 1994; Gorla F. Giudici civili e giudici militari nell'età giustiniana // Studia et Documenta Historiae et Iuris 1995. T. 61. P. 449–461; Franciosi E. Riforme istituzionali e funzioni giurisdizionali nelle Novelle di Giustiniano. Studi su Nov. 13 e Nov. 80. Milano, 1998; Roueché Ch. Provincial governors and their titulature in the sixth century // Antiquité Tardive. 1998. T. 6. P. 83–89; Sarris P. Economy and Society in the Age of Justinian. Cambridge, 2006. P. 210–214; Γκουτζιουκώστας Α.Ε., Μονιάρος Χ.Μ. Η περιφερειακή διοικητική αναδιοργάνωση της αυτοκρατορίας από τον Ιουστινιανό Α' (527–565): Η περίπτωση της Quaestura Iustiniana Exercitus. Θεσσαλονίκη, 2009. Σ. 36–56; Pulatti S. Le riforme costituzionali dal tardo impero all'età bizantina // Introduzione al diritto bizantino. Da Giustiniano ai Basilici / Ed. J.H.A. Lokin, B.H. Stolte. Pavia, 2011. P. 3–51.

³ Comes Phrygiae Pacatianaе, Comes Galatiae Primaе, Comes Orientis: Nov. Iust. 8. 2, 3, 5; Praetor Iustinianus Pisidiaе, Praetor Iustinianus Lycaoniae, Praetor Iustinianus Thraciaе: Nov. Iust. 24–26; Comes Isauriaе: Nov. Iust. 27; Moderator Iustinianus Helenoponti, Praetor Iustinianus Paphlagoniaе, Proconsul Iustinianus Cappadociaе: Nov. Iust. 28–30; Proconsul Armeniae Primaе, Ordinarius Armeniae Secundaе, Comes Iustinianus Armeniae Tertiaе, Ordinarius Armeniae Quartaе: Nov. Iust. 31; Moderator Arabiaе, Proconsul Palestinaе: Nov. Iust. 102–103; Moderator Phoeniciaе: Ed. Iust. 4. О новеллах Юстиниана см., например: Удальцова З.В. Законодательные реформы Юстиниана // ВВ. 1965. Т. 26. С. 21–24; Lanata G. Legislazione e natura nelle novelle Giustiniane. Napoli, 1984.

⁴ Quaestor Iustinianus exercitus: Nov. Iust. 41, 50 (a. 537). См. (представлены лишь новейшие публикации): Torbatov S. Quaestura Exercitus: Moesia Secunda and Scythia under Justinian // Archaeologia Bulgarica. 1997. T. 1. P. 78–87; Curta F. Quaestura exercitus: the evidence of lead seals // Acta Byzantina Fennica. (N.s.). 2002. T. 1. P. 9–26; Wiewiorowski J. Quaestor Iustinianus Exercitus — a Late Roman Army Commander? // Eos. 2006. T. 93. P. 317–340; Zahariade M. Scythia Minor. A History of a Later Roman Province (284–681). Amsterdam, 2006. P. 58–61; Γκουτζιουκώστας Α.Ε. Published Lead Seals Concerning Quaestura Exercitus // Юбилеен сборник сто години от рождението на д-р Васил Хараланов (1907–2007) / Изд. И. Йорданов. Шумен, 2008. P. 109–118; Γκουτζιουκώστας Α.Ε., Μονιάρος Χ.Μ. Η περιφερειακή διοικητική αναδιοργάνωση...; Madgearu A. Un eșalon logistic din armata bizantină din secolul al VI-lea: quaestura exercitus Iustiniani // Gândirea militară românească. 2009. T. 20. P. 189–194.

вала в V в.⁵ Тем не менее они просуществовали в Восточной империи как раз до реформ, проводимых в 535–536 гг.⁶

На формат реформ повлиял, по всей видимости, Иоанн Каппадокийский, влиятельный префект претория Востока, которому направлялись почти все новеллы, вводившие эти изменения (кроме Nov. Iust 41, 50, адресатом которых был *quaestor Iustinianus exercitus*)⁷. Ликвидация викариатов укрепляла позицию этого чиновника и лишь в случае учреждения *quaestor Iustinianus exercitus* можно говорить о ее ослаблении, поскольку этот чиновник был равен по рангу префекту претория.

В части упомянутых новелл можно найти исторические обоснования принятых реформ вместе с рассуждениями о происхождении титулов и их значении в истории Рима⁸. В силу этого также подчеркивается, что на их формулировку, во всей вероятности, повлиял и другой близкий сподвижник императора — Трибониан⁹, который считается знатоком и любителем прошлого Рима, а в то время, с января 535 г. до ноября/декабря 537 г., занимал дворцовую должность *quaestor sacri palatii*¹⁰.

Принято считать, что целью изменений, предпринятых во время правления Юстиниана, было упрощение управления государством, его централизация и противодействие спорам между гражданскими и военными правителями провинций; одновременно Юстиниан стремился уменьшить масштабы коррупции. Титулатура новых чиновников, а также содержание всех новелл с 535–536 гг., соответствовали пропагандистскому взгляду Юстиниана, представлявшему верховного правителя как *renovator imperii*, как наследника античных традиций и

⁵ См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. II. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. P. 465; Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. I. Oxford; Cambridge (Mass.), 1964. P. 374.

⁶ См.: Feissel D. Vicaires et proconsuls d'Asie du IVe au VIe siècle. Remarques sur l'administration du diocèse asianique au Bas-empire // Antiquité Tardive. 1998. T. 6. P. 91–104. К концу V в. был ликвидирован только викарий епархии Фракии. См.: Γκουτζιουκώστας Α.Ε., Μονιάρος Χ.Μ. Η περιφερειακή διοικητική αναδιοργάνωση... Σ. 43–44; Wiewiorowski J. Vicarius Thraciarum come costruttore // Studia prawnoustrojowe. 2011. T. 12. P. 259–264; Idem. Vicarius Thraciarum in the 4th and 5th centuries: some remarks // Byzantinische Forschungen. 2011. T. 30. P. 385–410.

⁷ См. Lamma P. Giovanni di Cappadocia // Aevum. 1947. T. 21, P. 80–100; Stein E. Histoire du Bas-Empire. P. 433–437, 463–465; Lanata G. Legislazione e natura... P. 129; Maas M. John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the Age of Justinian. L., 1992. P. 27, 38–39, 44; PLRE. Vol. IIIa. Fl. Ioannes 11; Franciosi E. Riforme istituzionali... P. 14–20; Maraval P. L'empereur Justinien. P. 26–27.

⁸ Nov. Iust. 24–30, 41, 102–103, 105; Ed. Iust. 4, 13.

⁹ См. Stein E. Deux questeurs de Justinien et l'emploi des langues dans ses nouvelles // Idem. Opera minora selecta / Ed. J.-R. Palanque. Amsterdam, 1968. P. 359–371; Honoré T. Tribonian. L., 1978 (oc. P. 125–138, 243–256); Maas M. Roman History and Christian Ideology in Justinianic Reform Legislation // DOP. 1986. T. 40. P. 17–32; Jones H. Justiniani novellae as the autoportrait d'un législateur // Revue internationale des droits de l'Antiquité. 1988. T. 35. P. 153; PLRE IIIb (s. n. Tribonianus 1); Haase R. Untersuchungen zur Verwaltung... P. 7–9; Franciosi E. Riforme istituzionali... P. 14–20; Γκουτζιουκώστας Α. Ο θεσμός του κοιαιστώρα του ιερού παλατίου: Η γένεση, οι αρμοδιότητες και η εξέλιξη του. Θεσσαλονίκη, 2001. Σ. 50, 58, 103–104, 107.

¹⁰ См. о *quaestores sacri palatii*: Delmaire R. Les institutions du Bas-Empire romain de Constantin à Justinien: I. Les institutions civiles palatines. P., 1995. P. 57–63; Γκουτζιουκώστας Α. Ο θεσμός του κοιαιστώρα...

вместе с тем как правителя не только эффективного, но и исповедовавшего христианские идеалы¹¹.

Этот очерк посвящен мотивам, которые стояли за учреждением четырех должностей: *praetores Pisidiae, Lycaoniae, Thraciae et Paphlagoniae*. В их случае мы имеем полные тексты конституций, их устанавливавших (Nov. Iust. 24–26, 29).

Новеллы относятся к одному периоду: 15 мая 535 г. был установлен *praetor Pisidiae*, 18 мая 535 г. — *praetores Lycaoniae* и *Thraciae*¹², а 18 июля 535 г. — *praetor Paphlagoniae*¹³. Все вновь созданные структуры находились в восточной части империи: Писидия, Ликаония и Пафлагония — в центральной и южной Малой Азии, Фракия — на Балканском полуострове. В свете содержания этих новелл каждый из преторов имел аналогичные смешанные гражданско-военные компетенции¹⁴. По этой же причине в данном очерке не рассматривается *praetor Siciliae*, еще один претор, назначенный Юстинианом, который, однако, в отличие от преторов, поставленных на Востоке, имел только гражданские компетенции¹⁵.

Во всех новеллах, вводивших должности преторов на Востоке, описывались, кроме всего прочего, причины создания этих должностей, подчеркивалось значение функции претора для управления провинцией в соответствии с римской традицией, а также для создания законодательной базы и необходимости сохранения равенства и справедливости по отношению к подданным императора¹⁶. Также в каждой из новелл был применен сходный порядок расположения текста, и даже использованы аналогичные формулировки¹⁷. В новеллах можно также найти более или менее достоверные замечания относительно истории римского господства в каждой из провинций (Nov. Iust. 24.1; 25 pr., 1; 26 pr., 1; 2 pr.; pr., 1). В Nov. Iust. 25.1 и Nov. Iust. 26.1 также встречается ссылка на ранее или од-

¹¹ См. особенно Lanata G. Legislazione e natura... P. 78; Maas M. Roman History... Passim; Puliaatti S. L'organizzazione della giustizia dal V al IX secolo Introduzione al diritto bizantino. Da Giustiniano ai Basilici / Ed. J.H.A. Lokin, B.H. Stolte. Pavia, 2011. P. 381–450.

¹² См.: Lounghis T.C., Blysidu B., Lampakes St. Regesten der Kaiserkunden des Öströmischen Reiches von 476 bis 565. Nicosia, 2005. S. 265–266 (reg. 1064–1066); Γκουτζιουγκώστας Α.Ε., Μονιά-ρος Χ.Μ. Η περιφερειακή διοικητική αναδιοργάνωση... Σ. 40–44; Wiewiorowski J. Zakres terytorialny jurysdykcji *praetor Iustinianus Thraciae* // 'Hortus Historiae'. Księga pamiątkowa ku czci profesora Józefa Wolskiego w setną rocznicę urodzin. Kraków, 2010. P. 685–706 и др.

¹³ См.: Lounghis T.C., Blysidu B., Lampakes St. Regesten der Kaiserkunden... S. 269 (reg. 1077); Haase R. Untersuchungen zur Verwaltung... P. 90–104; Belke K. Paphlagonien und Honorias. Wien, 1996 [TIB 9]. S. 67 и др.

¹⁴ *Praetores Pisidiae, Lycaoniae et Thraciae* были также упомянуты в Nov. Iust. 27.2 (от 18 мая 535 г.); 30.1.1 и 31.3 (от 18 марта 536 г.). См.: Lounghis T.C., Blysidu B., Lampakes St. Regesten der Kaiserkunden... S. 266 (reg. 1067), 277–278 (reg. 1110–1111) и др.

¹⁵ Nov. Iust. 75 = Nov. Iust. 104. См.: Lounghis T.C., Blysidu B., Lampakes St. Regesten der Kaiserkunden... S. 285 (reg. 1143); Wolińska T. Sycylia w polityce Cesarstwa Bizantyńskiego w VI–IX wieku. Łódź, 2005. P. 41–47 и др.

¹⁶ Особенно *praefationes* Nov. Iust. 24–26. Верно наблюдение о том, что «The emperor's need to join the civil and military administrations found its true justification, in fact, in the dual nature of the praetorship itself» (Maas M. John Lydus... P. 39 о Nov. Iust. 25). См. также Maas M. Roman History... P. 19–21.

¹⁷ См. Thür G., Pieler P.E. Gerichtsbarkeit // Reallexicon für Antike und Christentum. 1977. T. 10. Col. 442–443; Lanata G. Legislazione e natura...P. 131–132; Haase R. Untersuchungen zur Verwaltung...P. 136–137.

новременно установленных *praetores*. Очень схожим образом описаны в них их компетенции в качестве чиновников, обладавших как гражданской, так и военной властью, а также их статус и регалии (Nov. Iust. 24.2–6, 25.1–6, 2–5).

Большие различия наблюдаются в структуре и содержании Nov. Ius. 29, в которой претору Пафлагонии разрешено использовать греческий титул *strategos* (Nov. Iust. 29.2 *in fine*). В его случае нет также замечаний об исторической традиции титулатуры претора и ссылок на более ранние новеллы.

Во всех новеллах указывалась необходимость введения такой должности в регионах, которые трудно контролировать, подчеркивалось значение честности и справедливости преторов, они также были обязаны взять на себя заботы об армии¹⁸.

Длинные описания также посвящены должности и обязанностям преторов в качестве судей (с некоторыми особенностями в области их положения и процедуры), необходимости лично вести судебные дела и не апеллировать загодя к авторитету императора¹⁹, а также вопросам юрисдикции преторов и налогообложения.

Одновременно в текстах новелл можно отметить элементы различий.

Установление претория в Писидии обосновывалось, кроме всего прочего, необходимостью назначения энергичного чиновника по причине бунтарства местного населения и его нежелания платить налоги, а также тем, что нужно было заняться делами городов и строительством в провинции (Nov. Iust. 24.1.3)²⁰. В то же время писалось о необходимости бороться с разного рода преступлениями: были упомянуты убийство (*homicidium*), прелюбодеяние (*adulterium*) и похищение девственников (*raptus virginis*) (Nov. Iust. 24.2).

При установлении претория в Ликаонии ссылались, кроме всего прочего, на воинственность ее населения и его склонность к организации бунтов, упоминая сходства в их образе жизни с населением расположенной в том же регионе Исаврии. Именно это и вызвало необходимость назначения наместников, обладающих полнотой гражданской и военной власти, которым жители Ликаонии подчинятся скорее, чем гражданским правителям (Nov. Iust. 25.1). Предполагалось, что претор Ликаонии будет иметь дополнительно офицера *ad responsum*, в ведении которого будет поддержание дисциплины в армии (Nov. Iust. 25.1). Среди преступлений, с которыми следовало бороться, кроме перечисленных убийства, прелюбодеяния и похищения девственников, появляется длинный фрагмент о преступниках, совершивших акты насилия, которых претор должен был наказывать независимо от социального статуса (Nov. Iust. 25.2.2).

Кроме того, в этой новелле написано о необходимости соблюдения порядка в городах и в строительных делах (Nov. Iust. 25.4).

В случае претора Фракии были представлены предыдущая административ-

¹⁸ Уже самое позднее во второй половине V столетия наступило укрепление военной администрации в регионе, когда наравне с уже функционирующим *comes et praeses Isauriae*, были установлены *comites Lycaoniae et Pisidiae*. См.: С. 12, 59, 10 (около 472 г.). См. также: Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 N.Chr. Vorarbeit zu einer Prosopographie der Christlichen Kaiserzeit. Stuttgart, 1919. S. 141.

¹⁹ Подобная идея содержится и в Nov. Iust. 17.3 (a. 535). См. Lounggis T.C., Blysidu B., Lampakes St. Regesten der Kaiserkunden... S. 265.

²⁰ На тему обязательности укрепления римской военной администрации в Писидии см.: Brandt H. Gesellschaft und Wirtschaft Pamphyliens und Pisidiens in Altertum. Bonn, 1992. S. 198–199.

ная организация территории с двумя викариями «Длинных стен» (стены Анастасия), а также проблемы, которые вызывали постоянные споры между ними (Nov. Iust. 26 pr.)²¹. Одновременно с подчеркиванием значимости справедливой судебной системы, осуществлявшейся претором, которой уделялось много внимания, была сохранена отдельная юрисдикция обычного наместника провинции, а также подробно описаны критерии ведения апелляционного производства претором Фракии.

Акцентировалась обязанность претора муштровать солдат и соответствующим образом вести военные кампании при наличии угрозы со стороны варваров (Nov. Iust. 26.1, 26.3 pr.). Также претор должен был пользоваться поддержкой в военных вопросах со стороны офицера, называемого *ad responsum* (Nov. Iust. 26.2.2). Много внимания уделяется поддержанию претором в надлежащем состоянии военных и гражданских строений (Nov. Iust. 26.4 pr.).

В случае *praetor Paphlagoniae*, подвергая сомнению обоснованность проведенной императором Гонорием административной реорганизации провинции²², Юстиниан подробно очерчивал (с перечислением городов) юрисдикцию претора (Nov. Iust. 29.1). Особенно подчеркивалась значимость функции личного — без посредничества заместителей — сбора налогов с жителей провинции, при этом отмечались исключительный характер случаев освобождения от налогов и противодействие злоупотреблениям в этом отношении (Nov. Iust. 29.2). Текст новеллы много внимания уделяет вопросу врученной Богом императору ответственности за удержание подданных от злоупотреблений (Nov. Iust. 29.2). Среди преступников, бороться с которыми и судить которых должен претор Пафлагонии или его подчиненные, в первую очередь упомянуты разбойники (*latrocinantes*), убийцы и похищающие чужих жен (*arripientes alienas vitas aut etiam uxores*): Nov. Iust. 29.5.

Представленное выше сопоставление позволяет нам сделать несколько выводов.

Несмотря на аналогичную титулатуру и схожее время издания, можно отчетливо заметить особенность 29-й новеллы, учреждавший преторий в Пафлагонии. По сравнению с другими описываемыми новеллами в ней не только отсутствуют за-

²¹ О стенах Анастасия см. (представлены лишь более новые публикации): Croke B. The Date of the «Anastasian Long Wall» in Thrace // Greek Roman and Byzantine Studies. 1982. Vol. 23. P. 59–78; Whitby L.M. The Long Walls of Constantinople // Byz. 1985. T. 55. P. 560–583; Crow J.G. The Long Walls of Thrace // Constantinople and its Hinterland: Papers from the Twenty-seventh Spring Symposium on Byzantine Studies, Oxford, April 1993 / Ed. C. Mango, G. Dagron with the assistance of G. Greatrex. Ashgate, 1995. P. 109–124; Crow J.G., Ricci A. Investigating the hinterland of Constantinople: interim report on the Anastasian Long Wall // JRA. 1997. T. 10. P. 253–288; Haarer F.K. Anastasius I Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge, 2006. P. 106–109; Crow J. The Anastasian Wall and the Danube frontier before Justinian // The Lower Danube in Antiquity (the 5th century BC — the beginning of the 7th century AD) / Ed. L. Vagalinski. Tutrakan, 2007. P. 397–401; Külzer A. Ostthrakien (Eurōpē). Wien, 2008 [TIB 12]. S. 507–509; Meier M. Anastasios I. Die Entstehung des Byzantinischen Reiches. Stuttgart, 2009. S. 141–148; Wiewiorowski J. The Defence of the Long Walls of Thrace (Μακρά Τείχη τῆς Θράκης) under Justinian the Great (527–565 A. D.) // Studia Ceranea. 2012. T. 2. P. 181–194 = Bulgaria Mediaevalis 2012. T. 3. P. 235–247.

²² В действительности Феодосий II назвал создаваемую тогда провинцию Гонориада по имени своего дяди Гонория, императора Западной Римской империи. См. Ioannes Malalas. Chronographia / Ed. J. Thurn. B., 2000. P. 365.

мечания относительно исторических корней претория и истории провинции, но и статус претора определен весьма поверхностно.

Что интересно, Трибониан, который указывается в литературе в качестве автора новелл, был родом, по всей вероятности, как раз из Пафлагонии²³. Как было сказано выше, в тексте приписываемых ему новелл зачастую можно найти исторические ссылки, тем не менее, именно в Nov. Iust. 29 нет более подробных деталей относительно истории претория в Риме. Замечания на тему врученных императору Богом обязанностей относительно подданных могут косвенно указывать на большой личный интерес Юстиниана к ситуации в Пафлагонии, поскольку этого императора многие воспринимают скорее как «богослова на троне», а не как выдающегося знатока права. Немногочисленные конституции, авторство которых приписывается лично Юстиниану, касаются, кроме всего прочего, религиозных вопросов и часто содержат ссылки на христианские понятия²⁴.

В новелле, учреждавшей *praetor Iustinianus Paphlagoniae*, обращают на себя внимание преобладание вопросов налогообложения и замечания касательно борьбы с преступлениями, нарушавшими права жителей провинции на спокойную жизнь и обладание имуществом.

Остальные три новеллы похожи на три версии одного текста, созданные практически одновременно, по схожему образцу, что подчеркивают взаимные внутренние ссылки на другие новеллы из этой группы (только в Nov. Iust. 24 такие ссылки отсутствуют).

Несмотря на формальное и содержательное сходство между новеллами 24–26 (о преторах Писидии, Ликаонии и Фракии), отчетливо видно, что за учреждением каждой из этих должностей стояли несколько отличные друг от друга предпосылки.

В случае *praetor Iustinianus Pisidiae* это был вопрос бунтарства жителей, их нежелание платить налоги, необходимость осуществления надзора за строительством и некоторые серьезные преступления.

При установлении должности *praetor Iustinianus Licaoniae* приводились доводы, касающиеся бунтарства воинственных — как исаврийцы — жителей, необходимости соблюдения порядка и более подробно обращалось внимание на борьбу с актами насилия и необходимость поддержания дисциплины в армии.

В отношении *praetor Iustinianus Thraciae* новелла в свою очередь ссылается прежде всего на необходимость противодействия спорам относительно компетенций в управлении подчиненной ему территорией, военных дел, вопросов судебной системы и поддержания военных и гражданских построек.

Следует отметить, что наличие этих проблем отчасти подтверждается сведениями, представленными в других источниках относительно Писидии, Ликаонии, Фракии и Пафлагонии периода поздней античности.

Писидия, Ликаония и Пафлагония были расположены в относительной близости к Исаурии, население которой славилось склонностью к мятежам и бандитизму, хотя в VI столетии эти явления там, как кажется, исчезли²⁵.

²³ См. Honoré T. Tribonian. P. 40–69.

²⁴ См. Honoré A.M. Some Constitutions Composed by Justinian // JRS. 1975. T. 65. P. 107–123.

²⁵ См.: Belke K., Restle M. Galatien und Lykaonien. Wien, 1984 [TIB 4]. S. 57; Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien. Wien, 1990 [TIB 7]. S. 81–82; Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien. Wien, 1990 [TIB 5]. S. 37–43. О ситуации в Исаурии в поздней античности см.: Shaw B.D. Bandit

Поэтому у трех упомянутых провинций были схожие с Исаврией внутренние проблемы, которые отражают фрагменты Nov. Iust. 24–25 и 29 (напрямую это отмечено в тексте новеллы, касающейся Ликаонии: Nov. Iust. 25.1)²⁶.

Фракия, а в особенности окрестности Длинных стен, викариев которой заменил *praetor Thraciae*, была территорией, значение которой для защиты столицы империи трудно переоценить, а поскольку она находилась под постоянной угрозой нападений со стороны варваров, то в Nov. Iust. 26 большое внимание уделяется военным обязанностям претора²⁷. Но, принимая во внимание размеры стен Анастасия, лишь с трудом можно принять, что их гарнизон насчитывал более чем три-четыре тысячи солдат²⁸.

Здесь стоит отметить, что, несмотря на различия в списках преступлений, с которыми должны были бороться преторы, часть использованных формулировок имеет характер литературного топоса и описывает наиболее вопиющие преступления против принятых в те времена норм поведения. Можно, однако, предположить, что уровень опасности нарушения общественного порядка по причине бандитизма был выше в случае азиатских преториев Писидии, Ликаонии и Пафлагонии, чем в случае Фракии.

А потому представленная в анализируемых новеллах программа изменений, заключающихся — что является парадоксом, но соответствует мировоззрению римлян — в формальном возвращении к проверенным в восхваляемом прошлом образцам, не была полностью оторванным от реалий концептом. Она соответствовала действительным проблемам провинциального управления, но вместе с

Highlands and Lowland Peace: The Mountains of Isauria-Cilicia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1990. Т. 33, oc. P. 257–258; *Lenski N.* Assimilation and Revolt in the Territory of Isauria, From the 1st Century BC to the 6th Century AD // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1999. Т. 42. P. 429; *Elton H.* The Nature of the Sixth-century Isaurians // *Ethnicity and Culture in Late Antiquity* / Ed. S. Mitchell, G. Greatrex. L., 2000. P. 293–307; *Feld K.* Barbarische Bürger. Die Isaurier und das Römische Reich. B.; N. Y., 2005. S. 87–101, 138–340 (oc. S. 339–340); *Faith O.* The Roman Army in Pamphylia: From the Third to Sixth Centuries A. D. // *Adalya*. 2009. Т. 12. P. 305–312.

²⁶ Вопрос обеспечения внутреннего порядка и противодействия бандитизму появляется и в более поздней новелле Nov. Iust 145 (a. 553). Ср. ниже.

²⁷ См. *Франчес Э.* Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. // *ВВ*. 1961. Т. 20. С. 14–22; *Bonev Ć.* Les Antes et Byzance // *ЕВ*. 1983. Т. 3. Р. 109–120; *Иванов С.А.* Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в. // *ВВ*. 1983. Т. 44. С. 27–47; 1984. Т. 45. С. 35–53; *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archeology of the Lower Danube Region, c. 500–700 A. D. Cambridge; New York, 2001. P. 190–204; *Külzer A.* Ostthrakien. S. 88–92; *Turlej S.* Upadek granicy cesarstwa na Dunaju // *Barbarzyńcy u bram imperium*. Red. S. Turlej. Kraków, 2007. P. 185–246; *Idem.* Bałkany w cieniu wojen Justyniana? Znaczenie relacji Prokopiusza // *‘Hortus historiae’*... P. 707–718.

²⁸ Упоминания об этом см.: *Pringle D.* The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arabian Conquest: An Account of the Military History and Archaeology of the African Provinces in the Sixth and Seventh Centuries. Part 1–2. Oxford, 1981. P. 83–89; *Kardulias P.N.* Estimating Population at Ancient Military Sites: The Use of Historical and Contemporary Analogy // *American Antiquity*. 1992. Т. 57. P. 280–282; *Gregory T.E.* The Hexamilion and the Fortress. N. Y., 1993. P. 131–132. Согласно Кроек (*Crow J.G.* The Long Walls of Thrace... P. 117) гарнизон насчитывал 3 825 солдат. Относительно численности армии см.: *Haldon J.F.* Byzantine Praetorians: An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikon and the Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984. P. 271–274. Этот автор, вопреки тому вниманию, которое уделялось в новелле вопросам военного дела, предполагает, что гарнизон Длинных Стен не мог быть многочисленным по причине присутствия сильного гарнизона Константинополя и сил под командованием *magister militum praesentalis*.

тем была идеей, отличной от доминировавшей в поздней империи практики последовательного разделения гражданской и военной власти в территориальной администрации. Совмещение гражданских и военных компетенций встречалось в администрации поздней империи нечасто и лишь в провинциях, которые были особенно важны или подвергались угрозам.

В этом контексте решение, принятое в новеллах Юстиниана, в том числе в тех, которые учреждали претории на Востоке, было значимым, но не революционным изменением. Это представление перекликается с выражаемыми в науке мнениями о том, что некоторые проведенные в 535–536 гг. реформы: например, ликвидация викариатов, были не только лишь подтверждением реального положения вещей, но организационными инновациями. Юстиниан, возможно, отчасти под влиянием Иоанна Каппадокийского, экспериментировал с применением различных способов территориального управления, используя также некоторые уже известные в IV–VI вв. решения. Гражданские компетенции с функцией военачальников в разные времена соединяли, например, наместники провинций *Mauretania, Isauria, Arabia, Tripolitania, Sardinia, Aegyptus* ²⁹.

О том, что изменения, произведенные Юстинианом в 535–536 гг. были основаны на концепции, принятой *ad hoc*, свидетельствует также факт, что новеллы, введшие их, были обнародованы практически сразу после публикации *Codex repetitiae praelectionis* в конце 534 г.³⁰ В *Codex Iustinianus* сохранялось большинство решений, укорененных в администрации поздней империи, в том числе и по викариатам, ликвидированным в 535 г. Первоначально Юстиниан восстановил также традиционную модель разделения власти гражданской и военной в префектуре Африка, образованной после возвращения этой территории из-под власти вандалов в 534 г.³¹

Принимая во внимание реальные проблемы управления провинциями, Юстиниан старался с помощью описанных реформ в духе централизма позаботиться о состоянии провинций³². Тем не менее главным образом он руководствовался необходимостью обеспечить эффективную имперскую администрацию, и именно о ее недостатках, проблемах и нуждах свидетельствуют прежде всего анализируемые новеллы.

Наряду с этим Юстиниан действовал, вероятно, и под влиянием иных побуждений: ожидания конца света и Страшного Суда, из чего следует его активность в пользу правового, политического и религиозного единения ойкумены³³. Впро-

²⁹ См.: Hoffmann D. Der Oberbefehl des spätrömischen Heeres in 4. Jahrhundert n. Chr. // Actes du IXe Congrès international d'études des frontières romaines, Mamaïa, 6–13 septembre 1972 / Ed. D.M. Pippidi. Bucarest; Köln; Wien, 1974. P. 381–397; Carrié J.-M. Séparation ou cumul? Pouvoir civil et autorité militaire dans les provinces d'Égypte de Gallien à la conquête arabe // Antiquité Tardive. 1998. T. 6. P. 105–121.

³⁰ См. Lounghis T.C., Blysidu B., Lampakes St. Regesten der Kaiserkunden... S. 257 (reg. 1029) и др.

³¹ C. 1.27.1–2 (a. 534). См.: Puliatti S. Ricerche sulla legislazione regionale di Giustiniano. Lo statuto civile e l'ordinamento militare della prefettura africana. Milano, 1980; Prostko-Prostyński J. Zum Datum und Einrichtung der afrikanischen Prätorianpräfektur durch Kaiser Justinian I // BZ. 1998. T. 91. S. 423–434; González Fernández R. Las estructuras ideológicas del Código de Justiniano. Murcia, 1997. P. 159–179; Lounghis T.C., Blysidu B., Lampakes St. Regesten der Kaiserkunden... S. 253–254 (reg. 1009–1010).

³² См. Jones H. Justiniani novellae... P. 169–170, 184, 203.

³³ См. особенно: Meier M. Das andere Zeitalter Justinians. Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr. Göttingen, 2003.

чем, он не был вполне последователен, так что после падения Иоанна Каппадокийского в 541 г. часть реформ, которые ассоциировались с этим последним, была отменена³⁴.

В частности, в Ликаонии и Писидии самое позднее в 553 г. были ликвидированы претории, и в последней из них в ответ на просьбы со стороны местного населения было восстановлено разделение власти на гражданскую и военную³⁵. Предположительно также примерно в середине VI в. был ликвидирован преторий во Фракии и введена гражданская должность *vicarius Thraciae*, по всей вероятности, ответственного за гражданское управление провинциями *Europa*, *Haemimontus (Thracia secunda)*, *Rhodopa*, *Thracia (Thracia prima)*³⁶.

ВЕВЁРОВСКИ Яцек

Университет им. А. Мицкевича в Познани

Факультет права и администрации

Кафедра римского права и истории судебного права

Św. Marcin 90

61 809 Poznań

Польша

Электронная почта: wiew@amu.edu.pl

³⁴ См. *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. P. 747–756; *Bonini R.* Introduzione allo studio dell'età Giustiniana. Bologna, 1977. P. 71–78; *Idem.* L'ultima legislazione pubblicistica di Giustiniano (543–565) // Il mondo del diritto nell'epoca giustiniana: caratteri e problematiche / Ed. G.G. Archi. Ravenna, 1985. P. 139–171; *Haase R.* Untersuchungen zur Verwaltung... P. 133; *Atkinson J.E.* Justinian and the Tributations of Transformation // Acta Classica. 2000. T. 42. P. 15–32; *Γκουτζιουκώστας Α.Ε., Μονιάρος Χ.Μ.* Η περιφερειακή διοικητική αναδιοργάνωση... Σ. 57–65.

³⁵ Nov. Iust. 145. Вновь назначенный чиновник *dux et biokolytes* в Писидии и Фригии был только гражданским управляющим, зато в Ликаонии и Лидии он объединял гражданские компетенции с функцией военачальника. См. *Lounghis T.C., Blysidu B., Lampakes St.* Regesten der Kaiserkunden... S. 333 (reg. 1387).

³⁶ Согласно Хэлдону (*Haldon J.F.* Byzantine Praetorians... P. 271) должность *praetor Thraciae*, по всей вероятности, была упразднена позже, во второй половине VI или в VII в., возможно, из-за присутствия в этой местности большого количества войск под командованием *magister militum* в царствование Маврикия, Фоки и Ираклия. Он также писал, что «now the Vicar of Thrace (or Praetor) was responsible for the area between the Long Walls and Constantinople, and commanded also a military force, at least in theory» (Ibid. P. 144). Противоположного мнения придерживается А. Гудзиукостас: *Γκουτζιουκώστας Α.* Η διοίκηση Θράκης κατά την πρώτη βυζαντινή περίοδο // Πρακτικά 1ου Πανελληνίου Συνεδρίου Ανατολικорωμολογών, 4–6 Απριλίου 2008. Κομοτηνή: Ανατολική Ρωμυλία (Βόρεια Θράκη). Ιστορία και Πολιτισμός. Θεσσαλονίκη, 2009. Σ. 114–121. Вероятно, *vicarius Thraciae* был ответственен главным образом за надзор над строительными работами. См.: *Wiewiorowski J.* Kompetencje późnorzymskiego vicarius Thraciae w VI–VII w. // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2010. T. 62. S. 31–47.

Jacek WIEWIOROWSKI

THE REASONS FOR ESTABLISHING THE POSTS OF PRAETOR PISIDIAE, PRAETOR LYCAONIAE, PRAETOR THRACIAE AND PRAETOR PAPHLAGONIAE BY JUSTINIAN THE GREAT IN 535

Abstract: The text examines the premises that persuaded the emperor Justinian the Great (527–565) to establish new provincial governors: *praetor Pisidiae*, *praetor Lycaoniae*, *praetor Thraciae* and *praetor Paphlagoniae* in 535 (in Asia Minor and the Balkans). All four posts were created as part of the reforms of provincial administration, the hallmark of which was also a departure from the principle of the division of civil and military powers, typical for the late Roman imperial administration. The text discusses the similarities and differences of the arguments used by Justinian's novels for introducing the new posts (Nov. Iust. 24–26 an 29). Furthermore, it analyzes the influence that John the Cappadocian, praetorian prefect of the East, and Tribonian, quaestor of the sacred palace, had on their content. The author underlines that in the light of imperial enactments, despite the many similarities between the four praetorian posts and despite similar arguments in favour of their creation, Justinian the Great seemed to be aware of certain local issues concerning independently Pisidia, Lycaonia, Paphlagonia and Thracia. The author also stresses the inconsistency of the emperor's policy and discusses the reasons why a part of the reforms was abandoned in mid-6th century.

Keywords: Justinian the Great, provincial reforms, governor, *praetor Pisidiae*, *praetor Lycaoniae*, *praetor Thraciae*, *praetor Paphlagoniae*, *novellae Iustiniani*.

Literature Cited

- ATKINSON, J.E. "Justinian and the Tributations of Transformation." *Acta Classica* 42 (2000).
BELKE, K. *Paphlagonien und Honorias*. Wien 1996 [Tabula Imperii Byzantini 9].
BELKE, K., and RESTLE M. *Galatien und Lykaonien*. Wien 1984 [Tabula Imperii Byzantini 4].
BELKE, K., and MERSICH, N. *Phrygien und Pisidien*. Wien 1990 [Tabula Imperii Byzantini 7].
BONEV, Č. "Les Antes et Byzance." *Études balkaniques* 3 (1983).
BONINI, R. *Ricerche sulla legislazione giustiniana dell'anno 535. Nov. Iustiniani 8: Venalità delle cariche e riforme dell'amministrazione periferica*. Bologna 1976.
BONINI, R. *Introduzione allo studio dell'età Giustiniana*. Bologna 1977.
BONINI, R. "Note sulla legislazione Giustiniana dell'anno 535." *L'imperatore Giustiniano, Storia e Mito. Giornate di studio a Ravenna 14–6 ottobre 1976*. Milano 1978.
BONINI, R. "L'ultima legislazione pubblicistica di Giustiniano (543–565)." In *Il mondo del diritto nell'epoca giustiniana: caratteri e problematiche*. Ed. by G.G. Archi. Ravenna 1985.
BRANDT, H. *Gesellschaft und Wirtschaft Pamphyliens und Pisidiens in Altertum*. Bonn 1992.

- CARRIÉ, J.-M. "Séparation ou cumul? Pouvoir civil et autorité militaire dans les provinces d'Égypte de Gallien à la conquête arabe." *Antiquité Tardive* 6 (1998).
- CROKE, B. "The Date of the "Anastasian Long Wall" in Thrace." *Greek Roman and Byzantine Studies* 23 (1982).
- CROW, J.G. "The Long Walls of Thrace." In *Constantinople and its Hinterland: Papers from the Twenty-seventh Spring Symposium on Byzantine Studies, Oxford, April 1993*. Ed. by C. MANGO and G. DAGRON with the assistance of G. GREATREX. Ashgate 1995.
- CROW, J. "The Anastasian Wall and the Danube frontier before Justinian." In *The Lower Danube in Antiquity (the 5th century BC — the beginning of the 7th century AD)*. Ed. by L. VAGALINSKI. Tutrakan 2007.
- CROW, J.G., and RICCI, A. "Investigating the hinterland of Constantinople: interim report on the Anastasian Long Wall." *Journal of Roman Archaeology* 10 (1997).
- CURTA, F. *The Making of the Slavs: History and Archeology of the Lower Danube Region, c. 500–700 A. D.* Cambridge; New York 2001.
- CURTA, F. "Quaestura exercitus: the evidence of lead seals." *Acta Byzantina Fennica*. (N. s.). 1 (2002).
- DELMAIRE, R. *Les institutions du Bas-Empire romain de Constantin à Justinien: I. Les institutions civiles palatines*. Paris 1995.
- ELTON, H. "The Nature of the Sixth-century Isaurians." In *Ethnicity and Culture in Late Antiquity*. Ed. by S. MITCHELL and G. GREATREX. London 2000.
- EVANS, J.A.S. *The Age of Justinian. The Circumstances of Imperial Power*. London; New York 1996.
- EVANS, J.A.S. *The Emperor Justinian and the Byzantine Empire*. Westport 2005.
- FAITH, O. "The Roman Army in Pamphylia: From the Third to Sixth Centuries A.D." *Adalya* 12 (2009).
- FEISSEL, D. "Vicaires et proconsuls d'Asie du IVe au VIe siècle. Remarques sur l'administration du diocèse asianique au Bas-empire." *Antiquité Tardive* 6 (1998).
- FELD, K. *Barbarische Bürger. Die Isaurier und das Römische Reich*. Berlin; New York 2005.
- FRANCHES, E. "Византийское государство и левобережье Дуная в VI в." *Византийский временник* 20 (1961).
- FRANCIOSI, E. *Riforme istituzionali e funzioni giurisdizionali nelle Novelle di Giustiniano. Studi su Nov. 13 e Nov. 80*. Milano 1998.
- ΓΚΟΥΔΖΙΟΥΚΟΣΤΑΣ, Α.Ε. *Ο θεσμός του κοιαιστώρα του ιερού παλατίου: Η γένεση, οι αρμοδιότητες και η εξέλιξή του*. Thessaloniki 2001.
- ΓΚΟΥΤΖΙΟΥΚΟΣΤΑΣ, Α. "Published Lead Seals Concerning Quaestura Exercitus." *Юбилейен сборник сто години от рождението на д-р Васил Хараланов (1907–2007)*. Ed. by I. YORDANOV. Shumen 2008.
- ΓΚΟΥΔΖΙΟΥΚΟΣΤΑΣ, Α.Ε. "Η διοίκηση Θράκης κατά την πρώτη βυζαντινή περίοδο." In *Πρακτικά 1ου Πανελληνίου Συνεδρίου Ανατολικορωμλιωτών, 4–6 Απριλίου 2008. Κομοτηνή: Ανατολική Ρωμυλία (Βόρεια Θράκη). Ιστορία και Πολιτισμός*. Thessaloniki 2009.
- ΓΚΟΥΔΖΙΟΥΚΟΣΤΑΣ, Α.Ε., and MONIAROS, Ch.M. *Η περιφερειακή διοικητική αναδιοργάνωση της αυτοκρατορίας από τον Ιουστινιανό Α' (527–65): Η περίπτωση της Quaestura Iustiniana Exercitus*. Thessaloniki 2009.
- GONZÁLEZ FERNÁNDEZ, R. *Las estructuras ideológicas del Código de Justiniano*. Murcia 1997.
- GORIA, F. "Giudici civili e giudici militari nell'età giustiniana." In *Studia et Documenta Historiae et Iuris* 1995. T. 61.
- GREGORY, T.E. *The Hexamilion and the Fortress*. New York 1993.
- HAARER, F.K. *Anastasius I Politics and Empire in the Late Roman World*. Cambridge 2006.
- HAASE, R. *Untersuchungen zur Verwaltung des spätrömischen Reiches unter Kaiser Justinian I (527 bis 565)*. Wiesbaden 1994.
- HALDON, J.F. *Byzantine Praetorians: An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikon and the Tagmata, c. 580–900*. Bonn 1984.

- RUBIN, B. *Das Zeitalter Justinians*. Bd. II. Berlin; New York 1995.
- SARRIS, P. *Economy and Society in the Age of Justinian*. Cambridge 2006.
- SEECK, O. *Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 N. Chr. Vorarbeit zu einer Prosopographie der Christlichen Kaiserzeit*. Stuttgart 1919.
- SHAW, B.D. "Bandit Highlands and Lowland Peace: The Mountains of Isauria-Cilicia." *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 33 (1990).
- STEIN, E. *Histoire du Bas-Empire*. T. II. Paris; Bruxelles; Amsterdam 1949.
- STEIN, E. "Deux questeurs de Justinien et l'emploi des langues dans ses nouvelles." In STEIN, E. *Opera minora selecta*. Ed. by J.-R. Palanque. Amsterdam 1968.
- TATE, G. *Justinien. L'épopée de l'Empire d'Orient, 527–565*. Paris 2004.
- THÜR, G., and PIELER, P.E. "Gerichtbarkeit." In *Reallexicon für Antike und Christentum*. 1977. T. 10.
- TORBATOV, S. "Quaestura Exercitus: Moesia Secunda and Scythia under Justinian." In *Archaeologia Bulgarica*. 1997. T. 1.
- TURLEJ, S. "Upadek granicy cesarstwa na Dunaju." In *Barbarzyńcy u bram imperium*. Red. S. TURLEJ. Kraków, 2007.
- TURLEJ, S. "Bałkany w cieniu wojen Justyniana? Znaczenie relacji Prokopiusza." In *'Hortus Historiae.'* Księga pamiątkowa ku czci profesora Józefa Wolskiego w setną rocznicę urodzin. Kraków 2010.
- UDALTSOVA, Z.V. "Законодательные реформы Юстиниана." *Византийский временник*. 1965. T. 26.
- WHITBY, L.M. "The Long Walls of Constantinople." *Byzantion* 1985. T. 55.
- WIEWIORSKI, J. "Quaestor Iustinianus Exercitus — a Late Roman Army Commander?" *Eos*. 2006. T. 93.
- WIEWIORSKI, J. "Kompetencje późnorzymskiego vicarius Thraciae w VI–VII w." *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 2010. T. 62.
- WIEWIORSKI, J. "Ochrona porządku publicznego jako przesłanka ustanowienia praetores Pisidiae, Lycaonie, Thraciae i Paphlagoniae przez Justyniana Wielkiego w 525 r." In *Ochrona bezpieczeństwa i porządku publicznego prawie rzymskim*. Pod redakcją K. AMIELĄCZYKA, A. DĘBIŃSKIEGO, D. ŚLĄPKA. Lublin 2010.
- WIEWIORSKI, J. "Zakres terytorialny jurysdykcji 'praetor Iustinianus Thraciae'." In *'Hortus Historiae.'* Księga pamiątkowa ku czci profesora Józefa Wolskiego w setną rocznicę urodzin. Kraków 2010.
- WIEWIORSKI, J. "Vicarius Thraciarum come costruttore." *Studia prawnoustrojowe* 12 (2011).
- WIEWIORSKI, J. "Vicarius Thraciarum in the 4th and 5th centuries: some remarks." *Byzantinische Forschungen*. 2011. T. 30.
- WIEWIORSKI, J. "The Defence of the Long Walls of Thrace (Μακρά Τείχη τῆς Θράκης) under Justinian the Great (527–565 A.D.)." *Studia Ceranea* 2 (2012) = *Bulgaria Medievale* 3 (2012).
- WOLIŃSKA, T. *Sycylia w polityce Cesarstwa Bizantyńskiego w VI–IX wieku*. Łódź 2005.
- ZAHARIADE, M. *Scythia Minor. A History of a Later Roman Province (284–681)*. Amsterdam 2006.

Jacek WIEWIORSKI

AMU Poznań

The Faculty of Law and Administration

The Chair of Roman Law and the History of Jurisprudence

św. Marcin 90

61 809 Poznań

Poland

e-mail: wiew@amu.edu.pl

И.Г. Семёнов

К ИСТОРИИ УННОГУНДУРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В статье аргументируется мнение о том, что Унногундурское государство возникло на базе утигурского. Ставка нового государства находилась в Среднем Поднепровье. Судя во всему, приблизительно в 627–630 гг., в период усиления Западного Тюркского каганата и новой активизации его политики на кавказском направлении, предшественник Кубрата был вынужден пойти на сближение с аварами. Однако вскоре после вспыхнувшей в Западном Тюркском каганате новой волны междоусобиц Кубрат пошел на разрыв отношений с Аварским каганатом и развернул экспансию в его направлении. Кубрат присоединил к себе остатки кутригур, разгромленных аварами, а затем подчинил дунайских болгар.

С этого времени ввиду численного доминирования болгар в Унногундурском государстве последнее приобрело болгарский характер, а унногундурские племена превратились в военно-аристократическое ядро этого государства. По мнению автора, после смерти Кубрата его государство продолжало сохранять единство. Что касается Батбаяна (Баяна), то он не имел никакого отношения к унногундурской верхушке. Судя по всему, он являлся правителем тех болгар, которые продолжали жить в Великой Болгарии и после образования Хазарского каганата были включены в его состав.

Ключевые слова: унногундуры, утигуры, кутригуры, болгары, хазары, Кубрат, Органа, Византия, Аварский каганат, Западный Тюркский каганат.

В современной богаристике высказано достаточно много взаимоисключающих точек зрения относительно соотношения этнонимов *болгар*, *оногур*, *кутригур*, *утигур*, *котраг*, *унногундур*, *в.н.н.т.р* и др. К примеру, по мнению А.В. Гадло, болгары являлись одной из самых ранних тюркоязычных групп, продвинувшихся на запад от Волги¹, а С.Г. Кляшторный рассматривает их как одно из огурских (тюркских) племен, причем самое крупное из них². Х.В. Хауссиг считал, что термин *болгар* представлял собой название господствующего рода³; подобной же точки зрения придерживается А. Рона-Таш, который полагает, что термин *болгар* являлся названием одной из огурских групп, стоявшей во главе оногур⁴.

¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 57.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 48.

³ Haussig H.W. Theophilakts Exkurs über die Skythischen Völker // Byz. 1954. Т. 23. P. 275–462. S. 363–364. Anm. 340, 341.

⁴ Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1990. P. 387.

Можно также отметить мнение В.Ф. Бутбы о том, что термин *болгар* покрывал собою такие этнонимы, как *утигур*, *кутригур*, *оногур*⁵. Подобной же точки зрения придерживался А.П. Смирнов⁶. Напомню, что начало традиции отождествления болгар, кутригур, утигур было положено еще В.Н. Златарским⁷. Однако этот подход вызвал справедливые возражения В.Т. Сиротенко⁸, рассматривавшего болгар как конкретную племенную группу, кочевавшую к северу от Кавказа, между Доном и Волгой, причем, по его мнению, в IV–VI вв. болгары представляли собой этническую группу, отличную от гуннов, кутригур, савир и унногундур⁹.

Как мне представляется, в данном случае вовсе не обязательно полностью разделять точку зрения В.Т. Сиротенко, но важно следовать предложенному им подходу, заключающемуся в рассмотрении болгар как самостоятельной, отличной от других племен Юго-Восточной Европы этнической группы. Это представляется методологически необходимым для исследования более чем сложной проблемы болгарской этнонимии. Отмеченная сложность объясняется прежде всего тем, что этническая история ранних болгар была теснейшим образом переплетена с судьбами тюрко- и ираноязычных племен Восточной Европы. Наиболее яркий пример такого рода связан с представленным у патриарха Никифора (VIII в.) и Феофана Исповедника (IX в.) экскурсом о болгарях, заимствованным обоими авторами из одного и того же источника. У Феофана данный пассаж выглядит следующим образом.

Но [прежде] следует рассказать о древности унногундуров¹⁰, болгар и котрагов¹¹. В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель, в которую впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Ивирийских ворот, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис, и впадает в край Понтийского моря поблизости от Некропил у мыса, называемого Баранья морда. А от уже названного озера [течет] подобное реке море и впадает в море Эвксинского Понта через земли Босфора Киммерийского; в этой реке ловится [рыба], называемая мурзули, и ей подобная; в [землях], прилегающих к восточным

⁵ Бутба В.Ф. К семантике болгарских этнонимов «Ашхарацуйца» (Опыт реконструкции процесса формирования общности) // *Он же. Труды. Сухум*, 2005. С. 161.

⁶ Смирнов А.П. Волжские болгары. М., 1951. С. 12.

⁷ Златарски В. История на България през средните векове. Т. I. Ч. 1. София, 1918. С. 37–38.

⁸ Сиротенко В.Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники V–VII вв. // УЗ Пермского государственного университета. 1961. Вып. 4. С. 11.

⁹ Там же. С. 43. См. также: Бешевлиев В. Първобългарите. Бит и култура. София, 1981. С. 11–23; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 73.

¹⁰ Οὐννογουνδοῦροι. О разночтениях в написании этого этнонима в различных списках сочинения Феофана Исповедника см.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана: «Бревиарий» Никифора / Тексты, переводы, комментарий. М., 1980. С. 107. Комм. 246.

¹¹ Κότραγοι. Котрагов, как правило, отождествляют с кутригурами (Κουτρίγουροι). См., например: Marquart J. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898. S. 79, 89; *Idem*. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 45, 503; Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971. С. 194; Семенов И. К анализу раннесредневековых этногенетических преданий болгар // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. 2010. Т. XXXIV. Вып. 1. С. 46.

частям озера, у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис, где ловится болгарская рыба кистон, простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги. Во времена Константина Западного¹² умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Кроват. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти, разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом. Первый же сын [Кровата], по имени Батбаян, храня завет отца своего, оставался на земле предков доньше. А второй его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, называемую также Дунай, один — остался в подчинении, вместе со своим войском, у хагана аваров в Паннонии Аварской, а другой — достигнув Пентаполя, что у Равенны, попал под власть империи христиан. Наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла — реки севернее Дуная, поселился между первыми и последним, рассудив, что место это отовсюду укрепленное и неприступное: спереди болотистое, с других же сторон окруженное, как венцом, реками, оно позволяло народу, ослабленному разделом, отдохнуть от нападений врагов. Так вот, после того как они разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне¹³.

В данном тексте, как это было показано И.С. Чичуровым, автор использовал два разнородных источника, один из которых являлся географическим описанием Северного Причерноморья, а другой — экскурсом о болгарях¹⁴.

В «Бревиарии» патриарха Никифора экскурс о болгарях содержится в несколько отредактированном виде:

Но пора уже рассказать о начале так называемых гуннов и булгар и их положении. У Меотидского озера, по реке Кофис, располагаются называвшаяся в древности Великой Болгарией и так называемые котраги, их соплеменники. Во времена Константина, который умер на западе, некто по имени Коврат, бывший государем этих племен, переменил жизнь, оставив пять сыновей, которым завещал ни в коем случае не отделяться друг от друга с тем, чтобы они взаимным благорасположением оберегали свою власть. Но они, ничуть не заботясь об отеческом наставлении, по истечении недолгого времени расстались друг с другом, и каждый из них отделился с собственной частью народа. Первый из них, именуемый Баян, по завету отца оставался доньше на земле предков; второй, именуемый Котраг, переправившись через реку Танаис, поселился напротив них; четвертый же перейдя реку Истр, осел в Паннонии, находящейся теперь под властью аваров, и заключил союз с местным народом; пятый, обосновавшись у Равеннского Пентаполя, стал данником ромеев. Наконец, третий их брат, по имени Аспарух, переправившись через реки Днепр и Днестр, поселился у Истра, достигнув места, удобного для поселения, сурового и

¹² Византийский император Константин II (641–668). См.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 111. Комм. 265.

¹³ Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I. P. 356.18–358.2 (далее: Theophanes). Цитируемый перевод: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 60–61.

¹⁴ *Чичуров И.С.* Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. М., 1976. С. 68, 80; *Он же.* Византийские исторические сочинения... С. 107. Комм. 244.

непрístupного для противника, называемого на их языке Оглом. Спереди оно было укреплено непроходимыми болотами, сзади — ограждено непрístupными кручами. И так как этот народ разделился и рассеялся, племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань»¹⁵.

Далее у Никифора и у Феофана Исповедника сообщается о том, что против Аспаруха выступила византийская армия во главе с императором Константином IV (668–685). Однако византийцы бежали с поля боя, а болгары, преследуя их, переправились через Дунай и осели у Варны. Затем они подчинили местные славянские племена и стали совершать набеги на Фракию, что вынудило императора пойти на заключение с ними мирного договора, предусматривавшего уплату дани болгарам¹⁶.

Относительно датировки протографа экскурса о болгарях И.С. Чичуров обращает внимание на следующее обстоятельство: «Отнесение Равенны к сфере влияния империи, о чем пишет Никифор (см.: «Бревиарий», 679/680 г.), дает основание для датировки общего „Хронографии“ и „Бревиарию“ источника: в 751 г., захваченная лангобардами, Равенна была окончательно потеряна для Византии, так что экскурс о болгарях, вероятно, можно датировать серединой VIII в.»¹⁷. Однако в данном случае правильнее было бы говорить о том, что протограф экскурса можно датировать временем не позднее 751 г.

В работе, посвященной архетипам этнических генеалогий болгар, мною было обращено внимание на то, что автор экскурса о болгарях обнаруживает осведомленность о некоторых эпизодах ранней истории болгар: переселение отдельных их групп через Дунай и последующее подчинение одной из них, переселившейся на Апеннинский полуостров, византийцам, а другой — аварскому кагану¹⁸. Это может говорить о том, что автор был неплохо знаком с исторической литературой своего времени. Кроме того, содержание экскурса о болгарях производит впечатление того, что он был составлен по горячим следам событий, связанных с войнами Аспаруха против Византии (начиная с 679 г.). А поскольку ни один из преемников Аспаруха в экскурсе не фигурирует, то сам экскурс был сконструирован еще при Аспарухе или вскоре после его смерти, т. е. в конце VII — начале VIII в.¹⁹ Хорошая осведомленность автора экскурса об обстоятельствах миграции Аспаруха к устью Дуная позволяет предполагать, что он принадлежал к бюрократической или военной верхушке Византийской империи и скорее всего принимал личное участие в военных действиях против Аспаруха в Подунавье²⁰. Проведенный Д.Е. Афиногеновым стилистический анализ экскур-

¹⁵ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 33.13–34.16 (далее: Nicephorus). Цитируемый перевод: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 161–162.

¹⁶ Nicephorus. P. 34.16–35.25; Theophanes. I. P. 358.2–359.26.

¹⁷ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 114. Комм. 275.

¹⁸ См.: Там же. С. 114. Комм. 273, 275.

¹⁹ Семенов И. К анализу... С. 45–46.

²⁰ Там же. С. 45; Семенов И.Г. Этническая карта державы Кубрата // АЕМАе. Vol. 17. 2010. Wiesbaden, 2011. С. 182–183.

са о болгарях показал, что вероятнее всего он был составлен в императорской канцелярии²¹.

В связи с этническим составом державы Кубрата²² мною было обращено внимание на то, что этот правитель поддерживал тесные отношения с Византией, что косвенным образом свидетельствует о том, что автор экскурса о болгарях был хорошо информирован об административно-политическом устройстве возглавлявшегося Кубратом государства и что фигурирующее у Феофана Исповедника сочетание «древности унногундуrow, болгар и котрагов» отражает официальное, установленное при дворе императора Ираклия (610–641), титулование Кубрата: «государь (кúриос) унногундуrow, болгар и котрагов». Поскольку на первой позиции здесь стоят унногундуры, то можно заключить, что государство Кубрата носило не болгарский, а унногундурский характер²³.

К такому же выводу приводит и следующее сообщение Никифора: «В это время Куврат, племянник Органа, государь уногундуrow²⁴, восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию [Куврат] посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [В ответ Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия»²⁵. Это сообщение исследователи обоснованно относят ко времени не позднее 640 г.²⁶ Отсюда следует, что оно имело источник, не связанный с экскурсом о болгарях. Таким образом, можно говорить о существовании еще одного источника, в котором Кубрат фигурирует как правитель именно унногундур. Это приводит к заключению о том, что лидирующие позиции в государстве Кубрата принадлежали унногундурам, а болгары и котраги занимали в нем подчиненное положение²⁷. Сообщение же императора Константина Багрянородного (середина X в.) о том, что «уногундурами (Ουνογουνδοροι) прежде называли болгар»²⁸, можно рассматривать как отражение того факта, что современное Константину Багрянородному Болгарское государство (на Дунае) было создано теми же унногундурами, которые до этого возглавляли другое государство, включавшее в свой состав, в частности, и болгар²⁹.

Таким образом, выясняется, что тема формирования унногундурского объединения в определенной степени лишена болгарского подтекста. Она, в частности, не имеет очевидных связей с проблемой этнических корней ранних болгар и с вопросом локализации «Великой Болгарии». В таком случае, исследовательская задача сводится к освещению обстоятельств образования унногундурского

²¹ Афиногенов Д.Е. Эккурс о протоболгарах у Феофана Исповедника и патриарха Никифора (Филологические замечания) // ВДИ. 2013. No 1. С. 4–8.

²² Здесь и далее мною употребляется форма *Кубрат*, как устоявшаяся в историографии.

²³ Семенов И.Г. К политической, социальной и этнической семантике термина *унногундур* // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. 2009. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 16–25; *Он же*. Этническая карта... С. 181, 184.

²⁴ В Лондонском списке «Бревиария» — Ουνογουνδορων, как у Феофана Исповедника; в Ватиканском списке — Ουνογουνδορων. См.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 107. Комм. 246; С. 175. Комм. 63).

²⁵ Nicephorus. P. 24.9–15 (перевод: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 161).

²⁶ См.: там же. С. 174. Комм. 59.

²⁷ Семенов И.Г. К политической... С. 20, 25; *Он же*. Этническая карта... С. 181.

²⁸ *Const. Porph. De Them.* P. 85.31–32.

²⁹ Семенов И.Г. К политической... С. 20.

объединения и обстоятельств подчинения им дунайских болгар и котрагов (= кутригуры [Κουτρίγουροι] Агафия Миринейского и Менандра Протиктора [VI в.]; см. ниже). Существенным для данной темы является локализация ставки Кубра-та восточнее среднего течения Днестра³⁰.

Относительно термина «уногундур» в историографии сложилось довольно устойчивое представление как о тождественном более раннему этнониму «оногур»³¹. Напомню, что, по сообщению Приска Панийского (V в.), в 463 г. оногуры (Ονόγουροι) вместе с сарагурами (Σαράγουροι) и урогами (Ούρωγοι) попытались вторгнуться в Закавказье через Дербентский проход, но, потерпев неудачу, повернули назад и через Дарьяльское ущелье вторглись в Грузию, оттуда они в течение четырех лет совершали нападения на армянские области³². Только в начале 467 г., когда к грузинскому царю Вахтангу Горгасалу пришло на помощь крупное персидское войско, а также войска правителей всех закавказских областей, входивших в состав Сасанидского государства, грузинам удалось нанести поражение степнякам³³. Вахтанг Горгасал совершил также ответный рейд против них, причем, как свидетельствует Джуаншер Джуаншериани, этот поход был направлен в западную часть Предкавказья³⁴, что может говорить о том, что именно там в этот период и располагалась ставка оногур и их союзников.

В связи с событиями последующего периода Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский и Менандр Протиктор упоминают в качестве доминирующих в Северном Причерноморье племен утигур (Ουτίγουροι, Ουτίγουβοροι) и кутригур (Κουτρίγουβοροι, Κουτρίγουροι). По предположению Г. Фехера, эти племена представляли собой близкие в этническом плане объединения, образовавшиеся в результате раскола оногурского союза после переселения к концу V в. из Предкавказья в Приазовье и Северное Причерноморье³⁵. В пользу данной версии свидетельствует сообщение Менандра о том, что утигурский вождь Сандилх рассмат-

³⁰ Róna-Tas A. Where was Khuvrat's Bulgharia? // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 53. 2000. No 1–2. P. 1–22.

³¹ Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren // Ungarische Jahrbücher. 10. Budapest, 1930. S. 73; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 172; Гадло А.В. Этническая история... С. 56, 79; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 108. Комм. 246; Бешевлиев В. Происходит и этническата принадлежност на първобългарите според византийски и латински извори // Сб. в памет на проф. Ст. Ваклинов. София, 1994. С. 17. Обзор мнений относительно отождествления оногур с уногундурами см.: Ромашов С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // AEMAe. Vol. VIII. 1992–1994. Wiesbaden, 1994. С. 219.

³² Prisci Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfus. Vol. 1. Lipsiae, 1870. Fr. 30. P. 341.1–20; Fr. 37. P. 346.7–16.

³³ Анализ источников и хронологию событий см.: Семенов И.Г. Генеалогия картлийских царей: от Мириана III до Вахтанга Горгасала. Махачкала, 2007. С. 60–68.

³⁴ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с др.-груз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 63.

³⁵ Fehér G. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V–XI Jahrhunderten. Budapest, 1921. S. 33–46; Фехер Г. Прабългари. Произход, история, бит и култура. София, 1929. С. 22. Мнение Г. Фехера имеет своих сторонников: Гадло А.В. Этническая история... С. 79–80; Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С. 61, 73; Семенов И.Г. Этническая карта... С. 181–182. Возражения против данной точки зрения см.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. B., 1958. Bd. II. S. 75–77; Ромашов С.А. Болгарские племена... С. 224. Прим. 92. Однако именно точка зрения Г. Фехера объясняет, почему оногуры исчезают с поля зрения раннесредневековых авторов. Немногочисленные упоминания в источниках об оногурах в связи с событиями VI в. являются анахронизмами (см.: Семенов И.Г. К политической... С. 22).

ривал кутригур как родственное утигурам племя³⁶, что должно подразумевать их пребывание незадолго до описываемых Менандром событий в едином этнополитическом объединении, которым, разумеется, могло быть только оногурское. Приведенные аргументы позволяют согласиться с точкой зрения Д. Ангелова, А.П. Новосельцева и Ц. Степанова о том, что не следует связывать этноним *оногур* с позднейшим *унногундур*³⁷.

Что касается этимологии термина *унногундур*, то, на мой взгляд, в начальном его элементе можно видеть либо огурское числительное «десять» — *унно-* (ср. чувашск. *вунна* «десять»), либо общетюркское *ун-* «десять». Таким образом, термин *унногундур* отражает часто встречающуюся у степняков десятичную систему организации кочевого объединения — союза племен (ср., например: *оногур* — *он-* «десять» + *-огур* «племя»). Что же касается элемента *-гундур*, то он, судя по всему, представляет собой военно-административный термин, значением которого было скорее всего «тыся, десять тысяч» или же «тысяча». Этимология этого термина, встречающегося в ряде других источниках, остается пока неясной³⁸.

Можно также обратить внимание на то, что в письме хазарского царя Иосифа поверженный хазарами противник именуется термином *w.n.n.t.r* (𐌶𐌹𐌸𐌹𐌸) ³⁹, но, поскольку речь идет о тех же унногундурах, то напрашивается предположение о том, что в написании этнонима *w.n.n.t.r* в письме царя Иосифа отсутствует (очевидно, ошибка переписчика) буква «гимел» (ג), что дает консонантную форму *w.n.g.n.t.r* (𐌶𐌹𐌸𐌹𐌸), практически полностью соответствующую *унногундур*. Данное обстоятельство еще раз убеждает в том, что военно-административной основой унногундурского союза являлось характерное практически для всех кочевых объединений деление на десять подразделений, каждое из которых выставляло приблизительно одинаковый войсковой контингент⁴⁰. Еще более важно, что хазары, вероятно, так же как и византийцы, рассматривали объединение Аспаруха как именно унногундурское.

В связи с вопросом о возможных этнических корнях унногундур напомним, что к середине VI в. в Юго-Восточной Европе сложились четыре крупных этнополитических объединения: кутригурское в Северном Причерноморье, утигурское в Подонье и Восточном Приазовье, аланское в центральной части Предкавказья и савирское в Северо-Западном Прикаспии. Применительно к кутригурам и утигурам можно уверенно говорить о том, что они представляли собой огурские по этническому составу конфедерации. Кутригуры являлись противниками Византии и периодически совершали нападения на ее территорию. Утигуры же, напротив, поддерживали союзнические отношения с Византией и по ее просьбе время от времени атаковали кутригур, дабы пресечь их нападения на византий-

³⁶ Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. С. Де-стуниса. СПб., 1860. Отр. 3. С. 321 (далее: Менандр).

³⁷ Ср.: Ангелов Д. Образуване... С. 192–194; Бурмов А. Към въпроса за произхода на прабългарите // Известия на българското Историческо дружество. XXII–XXIV. [1948.] С. 335–336; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 75; Степанов Ц. Средновековните българи: Нови факти, интерпретации, хипотези. София, 2000. С. 47–48.

³⁸ Семенов И.Г. К политической... С. 23–25; Он же. Этническая карта... С. 181.

³⁹ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 28. 6, 7 (текст); С. 92 (пер.).

⁴⁰ Семенов И.Г. К политической... С. 23–24; Он же. Этническая карта... С. 182.

скую территорию⁴¹. Савиры же и аланы в непрерывных ирано-византийских войнах выступали то на стороне Византии, то на стороне Сасанидов.

Вторжение в 557 г. авар существенно изменило ситуацию в Юго-Восточной Европе. По сообщению Менандра Протиктора, послы авар прибыли в Константинополь и заключили союз с Византией⁴². Они взяли на себя обязательство воевать с врагами византийцев⁴³. Однако пребывание авар в Юго-Восточной Европе оказалось недолгим: опасаясь новых атак со стороны тюрков, они мигрировали в Центральную Европу и обосновались в Паннонии и Трансильвании. В связи с событиями 562, 568, 578, 580 и 581 гг. Менандром Протиктором упоминается аварский каган Баян⁴⁴.

Важнейшими событиями раннего этапа истории Аварского каганата стали добровольное подчинение кутригур и разгром с их помощью славянского объединения антов⁴⁵. Вслед за этим основным направлением внешней политики аварского кагана становится военное давление на Византийскую империю с целью вымогательства все большего количества подарков⁴⁶, являвшихся завуалированной данью.

Между тем, спустя приблизительно 10 лет после миграции авар в Центральную Европу, тюрки подчинили себе народы Северо-Западного Прикаспия, а также утигур (между 567 и 571 гг.). Таким образом, границы Тюркского каганата простерлись приблизительно до Приазовья⁴⁷. С Византийской империей тюрки завязали отношения еще в 568 г.: их послы прибыли в Константинополь и заключили с византийцами военный союз⁴⁸. Спустя несколько лет взаимные отношения ухудшились, так как тюркам стало известно о заключении византино-аварского договора, по которому аварский каган ежегодно получал от императора подарки⁴⁹. В ответ на это тюрки в 576 г. начали войну против Византии. В Крым было направлено крупное войско тюрков. Несколько раньше тюрки направили туда же Анагея, вождя утигур⁵⁰. Попытки тюрков занять Херсон завершились неудачей⁵¹. Около 580 г. они взяли г. Боспор⁵², и на этом тюркско-византийская война завершилась.

Тюркский каганат уже на заре своей истории оказался фактически разделенным на две части — восточную и западную; правитель Западного Тюркского каганата носил титул *йабгу-каган* и формально был подчинен правителю Во-

⁴¹ О взаимоотношениях Византии с утигурами и кутригурами см., например: *Артамонов М.И.* История хазар. С. 85–87, 95–99.

⁴² Менандр. Отр. 4. С. 321–322.

⁴³ Там же. Отр. 5. С. 323–324.

⁴⁴ Там же. Отр. 9. С. 327; Отр. 23. С. 384; Отр. 24. С. 385; Отр. 25. С. 386; Отр. 27. С. 388, 381; Отр. 28. С. 391–392; Отр. 50. С. 432–433; Отр. 65. С. 458, 459–461; Отр. 67. С. 465–466; Отр. 68. С. 467.

⁴⁵ Там же. Отр. 6. С. 324–325.

⁴⁶ Там же. Отр. 14. С. 356–359; Отр. 27. С. 388–391; Отр. 28. С. 392–395; Отр. 29. С. 396; Отр. 31. С. 398; Отр. 33. С. 399–400; Отр. 34. С. 400.

⁴⁷ Обзор дискуссий относительно западной границы Тюркского каганата см.: *Ромашов С.А.* Болгарские племена... С. 230–231.

⁴⁸ Менандр. Отр. 18. С. 370–375.

⁴⁹ Там же. Отр. 45. С. 418–419.

⁵⁰ Там же. Отр. 45. С. 422.

⁵¹ Там же. Отр. 66. С. 462.

⁵² Там же. Отр. 47. С. 423.

сточного каганата, но *de facto* он находился в независимом от него положении⁵³. Опорой западного тюркского кагана являлись тюркские племена Средней Азии. Они были разделены на две конфедерации: *нушиби* и *дулу*⁵⁴, между которыми уже в последние десятилетия VI в. развернулась ожесточенная борьба за влияние в Западном Тюркском каганате. Судя по всему, тюркам в этот период было не до западных окраин своей державы, что позволило Византии вернуть себе Боспор⁵⁵.

В этот период этноним «утигур» в византийских источниках перестает упоминаться, что, как можно предполагать, было связано с распадом этого объединения и формированием на его основе нового уннугундурского союза. Прежде чем перейти к обоснованию этой гипотезы, необходимо рассмотреть ряд фактов, связанных с этой темой.

В так называемом «Именнике болгарских князей» приводятся имена нескольких уннугундурских правителей: «Авитохоль жыть лет 300, род емоу Дуло, а лет ем(у) диломъ твиремъ. Ирник жить лет 100 и 8 лет, род ему Дуло, а лет ему диломъ твиремъ. Гостунъ наместник сый 2 лет(а), род ему Ерми, а летъ ему дохсъ твиремъ. Курт 60 лет, държа, род ему Дуло, а лет ему шегоръ вечемъ. Безмеръ 3 летъ(а), а род сему Дуло, а лет ему шегоръ вечемъ. Сии 5 кнѣзь дръжаше княжение обону страну Дуная лет 500 и 15 остриженами главами. И потомъ приде на страну Дуная Исперих князь, тожде и доселе. Еспеперих князь 60 и одно лето, род ему Дуло, а лет ему верени алем. Тервель 20 и 1 лето, а род ему Дуло...»⁵⁶.

Для идентификации упомянутых в «Именнике» князей исследователями привлекается цитировавшееся выше сообщение патриарха Никифора о восстании Кубрата против авар и о заключении им союза с Ираклием⁵⁷. Еще одно свидетельство, связанное с данной темой, содержится в сочинении Иоанна Никиусского: «Кубрат, князь гуннов и племянник Органы, в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства и вырос в царском дворце. Он был соединен тесной дружбой с Ираклием и после его смерти, как осыпанный его милостями, оказывал признательную преданность его детям и супруге Мартине. В силу святого и животворящего крещения, им полученного, он побеждал всех варваров и язычников. Говорят, что он поддерживал права детей Ираклия [на императорский трон — *И.С.*] и был против Константина. Вследствие этих слухов византийское войско и народ подняли восстание»⁵⁸.

Не вдаваясь в рассмотрение всех высказанных точек зрения на идентификацию Курта, а также Органы⁵⁹, остановлюсь только на тех из них, которые

⁵³ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 21; Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 217; Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь, 2002. С. 522.

⁵⁴ Chavannes E. Documents sur les Tou'kiue (Turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 6. СПб., 1903. Р. 27–28.

⁵⁵ Анализ библиографии вопроса см.: Ромашов С.А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 190.

⁵⁶ Тихомиров М.Н. Именник болгарских князей // ВДИ. 1946. № 3. С. 87.

⁵⁷ Nicephorus. Р. 24.9–15.

⁵⁸ Chronique de Jean évêque de Nikiou / Texte éthiopien publié et tradiut par H. Zotenberg. P., 1883. Р. 400.

⁵⁹ Разбор высказывавшихся точек зрения относительно идентификации Органы см.: Артамо-

представляются наиболее аргументированными. Так, целый ряд исследователей отождествляет Органу с Гостуном «Именника»⁶⁰. Основанием для этого является тот факт, что в «Именнике» Курт (= Кубрат) фигурирует в качестве преемника Гостуна, а идентификация Курта как Кубрата основана на том факте, что преемником Курта, согласно этому же источнику, являлись сначала Безмер, а затем Есперерих, отождествляемый с Аспарухом⁶¹.

По мнению В.Н. Златарского и И. Маркварта, Органа-Гостун правил в качестве регента при малолетнем Кубрате⁶². М.И. Артамонов же отвергал отождествление Органы с Гостуной на том основании, что «последний согласно «Именнику» был наместником всего два года, а Кубрат «вырос при царском дворе», т. е. провел там не два, а много больше лет»⁶³. Однако вовсе не обязательно полагать, что под наместничеством Гостуны понималось регентство, так как он мог быть наместником, правившим от имени другого, более титулованного, чем он сам, государя, например, аварского кагана. Вполне логичный довод, выдвинутый А.В. Гадло против отождествления Органы с Гостуной, состоит в том, что Гостуна происходил не из рода Дуло, а из рода Ерми⁶⁴.

В связи с вопросом о предшественниках Кубрата, стоявших во главе уннунгур, важное значение имеет еще одно сообщение патриарха Никифора, которое И.С. Чичуровым⁶⁵ относится к 618–619 гг.: «Прошло некоторое время, и государь племени гуннов прибыл вместе со своими архонтами и дорифорами в Византий, прося императора [Ираклия — И.С.] посвятить его в таинства христиан. Тот охотно принял его, и архонты ромеев усыновили в божественной купели гуннских архонтов, а их жен — супруги первых. Посвященных в божественные таинства почтили императорскими дарами и званиями; предводителя же их император удостоил сана патрикия и благосклонно отпустил их в гуннскую страну»⁶⁶.

М.И. Артамонов полагал, что «государь гуннов» прибыл в Константинополь для переговоров по церковным вопросам, но сам крещения не принял⁶⁷. Однако, как обращает внимание И.С. Чичуров, из цитированного текста следует, что «государь гуннов» не только принял крещение, но и что его восприемником был

нов М.И. История хазар. С. 158, 161; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 174–176. Комм. 60, 61, 65.

⁶⁰ Златарски В.Н. Нови известия на най-древния период на българската история // Сб. Министерства народного просвещения. 1894. No 11. С. 145–154; Marquart J. Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschriften von Čatalar und in der altbulgarischen Fürstenliste // ИРАИК. 1911. Т. 15. S. 7; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 220, 253; Бенциг И. Язык гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1966. С. 15–16; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 175. Комм. 61.

⁶¹ Тихомиров М.Н. Именник... С. 87.

⁶² Златарски В.Н. Нови известия... С. 145–154; Marquart J. Die altbulgarische Ausdrücke... S. 7.

⁶³ Артамонов М.И. История хазар. С. 161. М.И. Артамоновым было принято предложенное Л.Н. Гумилевым отождествление Органы с известным из китайских источников Моходу-хэу, который в 630 г. убил Тон-ябгу-кагана, а спустя два года и сам погиб в борьбе со своими противниками в Западном каганате. См. далее.

⁶⁴ Гадло А.В. Этническая история... С. 115.

⁶⁵ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 168. Комм. 1.

⁶⁶ Nicephorus. P. 12.20–28 (перевод: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 159).

⁶⁷ Артамонов М.И. История хазар. С. 157–158.

сам император Ираклий⁶⁸. Кроме того, факт крещения «государя гуннов» подтверждается и текстом Лондонской редакции «Бревиария» Никифора, которая в данном случае несколько отличается от Ватиканской, изданной К. де Боором, правда там восприемником «государя гуннов» назван Феодор, брат Ираклия⁶⁹.

Вопрос об этнической идентификации «гуннов», правитель которых был крещен в Константинополе, является дискуссионным⁷⁰, однако можно уверенно говорить о том, что это были не авары, так как у Никифора непосредственно после пассажа о крещении «гуннов» следует рассказ о прибытии в Константинополь аварских послов⁷¹. Вероятнее всего, под «гуннами» в данном случае должны скрываться либо утигуры, либо уннугундуры, так как на территории Северного Причерноморья, вне пределов Аварского каганата, неизвестно другой достаточно крупной этнополитической общности, правитель которой мог быть удостоен высокого в византийской иерархии титула патрикия. Кстати, с другой стороны, присуждение «государю гуннов» этого титула может свидетельствовать о том, что Византия придавала большое значение связям с многочисленным кочевым населением причерноморских областей Тюркского каганата⁷².

Совершенно иная идентификация «государя гуннов» предлагалась Л.Н. Гумилевым. Основываясь на созвучии названия рода Дуло в «Именнике» с названием западно-тюркской конфедерации дулу, он отождествлял Органу с тюркским принцем Моходу-хэу⁷³, так как последний, по данным китайских источников, являлся правителем самого западного удела Западного Тюркского каганата⁷⁴. По предположению Л.Н. Гумилева, позднее, в 630 г., когда во время похода тюркской армии в Армению в Западном Тюркском каганате вспыхнула новая междоусобная война, Кубрат, являвшийся будто бы племянником Моходу-хэу по матери, укрылся со сторонниками дулу в Приазовье, а последовавшая за этим междоусобица в стане нушиби позволила Кубрату изолироваться от каганата⁷⁵.

Данная точка зрения вызывает ряд возражений. Во-первых, предположение о связи рода Дуло с западно-тюркской конфедерацией дулу основаны лишь на созвучии. Во-вторых, даже если бы Кубрат и его предшественники являлись западно-тюркскими принцами, то они едва ли стали бы идентифицировать свою династию по имени конфедерации, на которую опирались, так как западно-тюркские принцы и «десятистрельный союз (тюркских) племен» находились на совершенно разных уровнях военно-политической иерархии каганата, и уже поэтому тюркские принцы не стали бы именовать свой род или какое-то его ответвление по имени этого союза или, тем более, по имени одной из его частей.

⁶⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 169. Комм. 7.

⁶⁹ Там же. С. 168. Комм. 1.

⁷⁰ См.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 232; Артамонов М.И. История хазар. С. 157–158; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 168–169. Комм. 3.

⁷¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 168. Комм. 1.

⁷² Артамонов М.И. История хазар. С. 158.

⁷³ См.: Там же. С. 162. Прим. Л.Н. Гумилева под «*»; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 202. Несколько раньше возможность отождествления терминов Дуло и дулу рассматривалась также Ф. Альтхаймом (Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. 1. B., 1959. S. 28).

⁷⁴ См.: Chavannes E. Notes additionnelles sur les Tou-kiue Occidentaux // Toung Pao. 1904. Ser. 2. Vol. 5. P. 3.

⁷⁵ См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 162. Прим. Л.Н. Гумилева под «*»; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 202. Прим. 55.

В-третьих, возможность создания уннугундурского объединения какой-то группой западных тюрков приходится исключить, так как осуществление императором Ираклием теснейших связей с беглецами из Западного Тюркского каганата, — а факт крещения «государя гуннов» и его свиты являлся проявлением самых близких связей с ним, — сделали бы неосуществимым заключение в 627 г. византино-западно-тюркского союза.

А.В. Гадло, также основываясь на созвучии терминов *Дуло* и *дулу*, предполагал, что дулу около 616–619 гг. захватили власть в западной части северокавказской степи и перешли под покровительство Византии⁷⁶. Однако эта точка зрения не подкреплена опорой на какие-либо источники. Впрочем, А.В. Гадло рассматривался и альтернативный, а именно кавказско-аланский вариант происхождения названия династии *Дуло*⁷⁷. Кроме того, им же термин *Дуло* предположительно сопоставлялся и с фигурирующим у Ибн Русте и в анонимном сочинении «Худуд ал-Алам» (X в.) этнотопонимом *тулас*⁷⁸, но такое сближение представляется менее вероятным.

Достаточно уверенно, — с опорой на источники, — можно говорить лишь о том, что Кубрат, имея хорошие связи с двором императора, укрепил свою власть над кочевниками Северного Причерноморья. Судя по всему, дипломатическая линия Византии в этот период состояла в том, чтобы не допустить анархии в этом регионе, и после ослабления там власти тюрков, византийцы решили оказать дипломатическую поддержку сначала «государю гуннов», а после 630 г., когда Западный Тюркский каганат вступил в полосу затяжных междоусобиц, сделали ставку на Кубрата, который в Константинополе был хорошо известен и которому там доверяли.

В данном случае немаловажен вопрос о том, как Кубрат оказался в Константинополе и каким образом могла возникнуть ситуация, при которой он не только принял там крещение, но и провел детство в императорском дворце? Наиболее вероятным представляется, что Кубрат являлся заложником⁷⁹, причем, будучи близким родственником «государя гуннов», который крестился вместе со своими приближенными в 619 г., Кубрат тогда же принял крещение (Иоанн Никиуский: «...В юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства...»⁸⁰). Далее логично следует вывод о том, что в цитировавшихся выше сообщениях о Кубрате Органа упомянут не просто потому, что он, как отмечал М.И. Артамонов, являлся личностью, известной в Константинополе лучше, чем сам Кубрат⁸¹, но еще и потому, что, в тот период, пока Кубрат находился заложником в Константинополе, Органа являлся правителем уннугундур.

Независимо от того, действительно ли Органа являлся правителем уннугундур, можно считать несомненным, что какие-то предшественники у Кубрата все-таки были: поскольку он находился в Константинополе заложником, то кто-то из его родственников должен был в это время возглавлять уннугундур. Скорее всего

⁷⁶ Гадло А.В. Этническая история... С. 117.

⁷⁷ Там же. С. 117–118.

⁷⁸ Там же. С. 118.

⁷⁹ Там же. С. 115; Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» // Он же. Труды. Сухум, 2005. С. 26.

⁸⁰ Chronique de Jean évêque de Nikiou. P. 400.

⁸¹ Артамонов М.И. История хазар. С. 161.

это были не Авитохол и не Ирник. Календарные расчеты, основанные на хронологических указаниях «Именника болгарских князей», привели М. Москов к выводу о том, что Авитохол умер в 453 г., что совпадает с датой смерти вождя гуннов Аттилы. Отсюда, как полагает М. Москов, следует, что Авитохол тождественен Аттиле⁸². Однако против автоматического отождествления Авитохол и Аттилы справедливо высказывается Ц. Степанов⁸³: он, в частности, указывает на то, что конструирование древнего и знатного происхождения — это общая практика раннесредневековых «варварских» государей⁸⁴.

А.В. Гадло также выступал против такого отождествления, отмечая, что «Авитохол — это фольклорно-эпический образ»⁸⁵. На это указывает тот факт, что, согласно «Именнику», Авитохол правил 300 лет, Ирник — 100 лет. Эти цифры, во-первых, слишком крупные, во-вторых, подозрительно круглые. И то, и другое представляется вполне естественным при конструировании фиктивных связей правителя с прославленными героями прошлого, в данном случае с Ирником (= Эрнах), сыном вождя гуннов, а также и с самим Аттилой⁸⁶. Таким образом, представляется несомненным, что составитель «Именника» подразумевал под Авитохолом именно Аттилу⁸⁷, но, повторю еще раз, проводившаяся древним автором связь рода Дуло с вождем гуннов скорее всего является искусственной⁸⁸. В то же время, составителю остались неизвестны имена более ранних правителей. Как справедливо отмечал А.В. Гадло, историчная часть в «Именнике» начинается с Гостуна⁸⁹.

И. Маркварт отождествлял Органу с «государем гуннов», крестившемся в 619 г. в Константинополе, и именно его и считал основателем династии⁹⁰. Первое представляется наиболее вероятным и мне, но образование уногундурского объединения могло иметь место, в принципе, несколько раньше. Как говорилось выше, наиболее вероятным предшественником уногундурского объединения являлся утигурский союз. Обоснование этого предположения состоит в следующем: во-первых, только оно позволяет объяснить тот факт, что после 580 г. утигуры перестают упоминаться в источниках; во-вторых, поскольку связать образование уногундурского объединения с миграцией населения из Западного Тюркского каганата не удастся (см. выше), то единственным крупным степным объединением, на базе которого и мог сложиться уногундурский союз, было утигурское. Миграция же утигур в Поднепровье могла произойти уже в последние два десятилетия VI в. Скорее всего она была связана с опасениями, что западные тюрки, оправившись от внутренних распрей, снова предпримут меры к под-

⁸² Москов М. Именник на българските ханове (Ново тълкуване). София, 1988. С. 164, 173 и др.

⁸³ Степанов Ц. Средновековните българи... С. 61–62, 63–73.

⁸⁴ Там же. С. 60.

⁸⁵ Гадло А.В. Этническая история... С. 115.

⁸⁶ Beševliev V. Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte. Amsterdam, 1980. S. 183; Степанов Ц. Средновековните българи... С. 61.

⁸⁷ Об этимологии имени Авитохол см.: Шервашидзе И. Еще раз об этимологии имен Ašina и Attila-Авитохоль // Советская тюркология. 1983. № 3. С. 79–81; Добрев П. Прабългарите. Происход, език, култура (Нов прочит). София, 1991. С. 89, 92. Литературу, посвященную Авитохолу, см. в: Москов М. Именник...; Добрев П. Преоткриването на прабългарския календар. София, 1994.

⁸⁸ Голден П.Б. Государство и государственность... С. 216.

⁸⁹ Гадло А.В. Этническая история... С. 114, 115.

⁹⁰ Marquart J. Die altbulgarische Ausdrücke... S. 21.

чинению утигур. Вероятно, в Поднепровье мигрировали не все утигуры, а какая-то их часть, вследствие чего и могла произойти смена названия объединения.

В этой связи можно еще раз напомнить, что кутригуры, издавна являвшиеся серьезным противником Византии, стали после вступления в союз с аварами еще опаснее, а позднее, после временного ослабления Тюркского каганата, византийцы при выборе нового стратегического союзника могли ориентироваться прежде всего на утигур, продолжавших формально входить в состав Тюркской державы. При этом в Константинополе не могли игнорировать тот факт, что утигуры до подчинения их тюрками являлись надежными союзниками Византии. Таким образом, византийцы могли рассматривать новое, унногундурское объединение как своих старых союзников.

После образования унногундурского объединения оно неизбежно должно было оказаться объектом внимания не только византийской, но и аварской внешней политики. И поскольку из уже цитировавшегося сообщения Никифора известно, что впоследствии Кубрат изгнал находившихся в его ставке представителей аварского кагана (не позднее 640 г.; см. выше), то было бы логичным полагать, что в какой-то момент унногундуры оказались вынуждены подчиниться аварам. А поскольку авар изгнал Кубрат, то подчинение унногундур аварам должно было иметь место либо непосредственно перед воцарением Кубрата, либо в самом начале его правления, но и в том, и в другом случае — в 30-х годах VII в. Отсюда следует, что упомянутый в «Именнике» наместник Гостуна из рода Ерми с наибольшей вероятностью может быть идентифицирован как наместник аварского кагана.

Подчинение аварами унногундур является несколько неожиданным, так как к 30-м годам VII в. мощь Аварского каганата существенно ослабла. После поражения от византийцев у стен Константинополя в 626 г. (см. ниже), и восстания кутригур, выдвинувших собственного претендента на каганский трон (630 г.)⁹¹, могущество авар стало угасать. Восстание кутригур удалось подавить, но сам факт претензий, выдвинутых кутригурами, свидетельствует об уже начавшемся закате гегемонии авар в Центральной Европе. Поэтому их успех в отношении унногундур был временным и скорее всего относительным. Возможно даже, что унногундурский правитель сам вступил в союз с аварами в силу каких-то политических обстоятельств, например, в связи с небывалым усилением Западного Тюркского каганата в период правления Тонг-йабгу-кагана (619–630). Напомню, что последний, укрепив единство Западного Тюркского каганата, стал проявлять интерес и к своим соседям на западе. В 627 г. он выступил союзником византийского императора Ираклия в его войне против Ирана.

К союзу с тюрками Ираклия вынуждали тяжелейшие обстоятельства: иранские войска, развернув крупное наступление в Сирии и Малой Азии, вышли к Халкидону. Иранцы заключили союз с аварским каганом, условившись с ним о том, что он с крупными силами нападет на Константинополь⁹². В 626 г. византийская столица едва не пала под напором авар и их союзников⁹³. Сам Ираклий тем

⁹¹ См., например: Артамонов М.И. История хазар. С. 160; Ромашов С.А. Болгарские племена... С. 232–237.

⁹² Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбабяна. Ереван, 1984. 2. 11.

⁹³ Об осаде Константинополя в 626 г. аварами см., например: Barišić F. Le siège de Constantinople

временем направился к Тифлису и там встретился со своим западно-тюркским союзником. Тюрки помогли византийцам взять Тифлис, после чего Ираклий вместе с ними направился к сасанидской столице. Однако там в это время произошел дворцовый переворот, и новый шаханшах, пойдя на значительные уступки византийцам, добился от Ираклия мира (628 г.)⁹⁴.

Итак, Ираклий, находясь в трудном положении, был вынужден в 627 г. призвать к союзу против Ирана западных тюрков, но это не могло не встревожить других союзников византийцев — уннугундур, которые, опасаясь тюрков, сами могли пойти на сближение с аварским каганом. В этот период Западный Тюркский каганат достиг пика своего могущества, и поэтому не только уннугундуры, но и авары могли опасаться того, что Тонг-йабгу-каган попытается распространить свое влияние на Северное Причерноморье. Эта угроза и могла привести уннугундур к союзу с аварами, причем, поскольку политический статус аварского кагана был выше, чем у правителя уннугундур, то этот союз был неизбежно оформлен в виде признания уннугундурами своей политической зависимости от авар, но сама эта зависимость была скорее формальной, чем реальной.

Указанные опасения уннугундур могли развеяться только после событий 630 г. К этой дате относится крупный поход западных тюрков на Кавказ. Направленное против них персидское войско было разбито. Но в это время в Западном Тюркском каганате снова разгорелись междоусобицы⁹⁵. Из китайских источников известно, что в ходе этих событий Тонг-йабгу-каган был убит (630 г.)⁹⁶, после чего борьба между конфедерациями нушиби и дулу, стремившимися привести на каганский трон своего ставленника, разгорелась с новой силой⁹⁷. В течение 640–657 гг., в результате китайских рейдов в Семиречье, западные тюрки были разбиты, и их государство прекратило свое существование⁹⁸.

Таким образом, сближение уннугундур с аварами гипотетически можно относить к периоду 627–630 гг., когда существовала потенциальная угроза со стороны усилившихся западных тюрков. Поскольку Кубрат пришел к власти несколько позднее, приблизительно в 634 г.⁹⁹, то заключение союза с аварами должно было иметь место при Органе. Скорее всего, сразу после смерти Органа аварский каган, воспользовавшись тем, что Кубрат находился в Константинопо-

---

par les Avars et les Slaves en 626 // Byz. 1956. T. 24. P. 371–395; Howard-Johnston J. The Siege of Constantinople in 626 // Constantinople and its Hinterland. Aldershot, 1995. P. 131–142.

⁹⁴ Последние по времени и наиболее обстоятельные работы об иранских кампаниях Ираклия см.: Howard-Johnston J. Heraclius' Persian Campaigns and the Revival of the East Roman Empire, 622–630 // War in History. 1999. 6. P. 1–44; Idem. Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford, 2010. P. 244–256, 284–295, 366–369.

⁹⁵ Мовсес Каланкатуаци. 2. 16.

⁹⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 284.

⁹⁷ Артамонов М.И. История хазар. С. 153; Golden P.B. Khazar Studies: An Historico-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1. P. 51; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 23; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей... С. 92.

⁹⁸ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. С. 23; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей... С. 92.

⁹⁹ По мнению М.И. Артамонова, начало правления Кубрата надо относить к 632 г., но, как уже говорилось, М.И. Артамонов при этом исходил из концепции Л.Н. Гумилева, отождествлявшего Органу с Мохоу-хэу (Артамонов М.И. История хазар. С. 162, 164).

ле, прислал к унногундурам в качестве наместника Гостуну, но Ираклий, вмешавшись в ход событий, принял меры к тому, чтобы привести к власти Кубрата. Поскольку, по данным «Именника», Гостуна правил два года, то правление последнего в качестве «наместника» можно датировать приблизительно 632–634 гг. Вероятно, сразу же после прихода к власти Кубрат изгнал авар, а вслед за этим привлек на свою сторону кутригур.

М.И. Артамонов полагал, что в сообщении патриарха Никифора о восстании Кубрата против авар вместо тюркского кагана ошибочно назван аварский каган¹⁰⁰. В настоящее время эта точка зрения поддерживается С.А. Ромашовым¹⁰¹. Такое же мнение, но с большой осторожностью высказывалось также А.П. Новосельцевым¹⁰². В значительно большей степени данная концепция получила развитие в болгарской историографии¹⁰³. Однако представляется маловероятным, что патриарх Никифор или его источник могли перепутать аварского кагана с тюркским. Надо также принять во внимание, что наличие в погребении Кубрата в Малом Перещепине явных аварских параллелей¹⁰⁴ указывает на тесные и продолжительные связи унногундур с аварским каганом. На это же указывают и аварские параллели в других кочевнических погребениях этого же периода в Северном Причерноморье¹⁰⁵, т. е. в пределах владений того же Кубрата.

Независимо от того, насколько адекватна предложенная выше гипотеза о Гостуне, как об аварском наместнике, правившем унногундурами приблизительно в 630–632 гг., можно полагать несомненным, что с воцарением Кубрата и изгнанием им представителей аварского кагана унногундуры-аварские отношения стали напряженными. Угрозы со стороны тюрков уже не существовало, и Кубрат, опиравшийся на союз с Византией, вполне мог позволить себе экспансию в направлении территории Аварского каганата. О прямых военных действиях между ними источники не сообщают¹⁰⁶, но можно предполагать, что именно в этот период кутригуры оказались в составе державы Кубрата¹⁰⁷. Франкская хроника Псевдо-Фредегара (середина VII в.) под 631 г. сообщает о бегстве семисот кутригур, разгромленных аварами, к лангобардам в Италию; другая же группа, численностью в 9 тыс. семей, бежала в Баварию, но там была вероломно перебита по приказу франкского короля Дагобера¹⁰⁸. Надо полагать, что их остатки и

¹⁰⁰ Артамонов М.И. История хазар. С. 160. См. также: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 64.

¹⁰¹ Ромашов С.А. Болгарские племена... С. 236–237.

¹⁰² Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 75.

¹⁰³ См.: История на България. Т. 2. София, 1981. С. 69. Ср.: Степанов Ц. О локализации «Великой Болгарии» Кубрата // Bulgarian Historical Review. 1995. № 2. С. 9. Более подробную библиографию вопроса см.: Станев К. Боспорское наследство на прабългарите. Защо Аспарух е носил това име и происход на знака IYI // Минало. 2005. № 1. С. 25. Бел. 2, 3. Обзор дискуссий по данному вопросу см.: Ромашов С.А. Болгарские племена... С. 232–236.

¹⁰⁴ См., например: Róna-Tas A. Where was Khuvrat's Bulgharia? P. 15.

¹⁰⁵ См.: Орлов Р.С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 105.

¹⁰⁶ Мнение Л.Н. Гумилева о войне между Кубратом и аварами в 635 г. (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 202) не опирается ни на какие источники.

¹⁰⁷ Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». С. 28.

¹⁰⁸ Fredegarii et aliorum Chronica // MGH. Scriptores rerum Merovingicarum. Т. II. Honnovere, 1888. P. 157.

укрылись у уннугундур, но это могло произойти только спустя несколько лет — после воцарения Кубрата и разрыва им отношений с аварами. Таким образом, титулование Кубрата «государем» не только уннугундур, но еще и кутригур, могло появиться уже в самом начале его правления. Следует также отметить, что этноним кутригур в последний раз появляется в источниках как раз в связи с титулованием Кубрата, что может говорить о том, что присоединившиеся к нему остатки кутригур были включены им в структуру уннугундурского союза.

Судя по всему, болгары вошли в состав державы Кубрата несколько позднее, так как до этого они числились союзниками авар, т. е. по-прежнему находились в политической зависимости от аварского кагана. Так, Феофан Исповедник, рассказывая об осаде Константинополя аварским каганом в 626 г., называет в составе его войск славян и болгар¹⁰⁹. Об участии в этих событиях болгар сообщает также Георгий Писида¹¹⁰. Но, в принципе, можно полагать, что присоединение кутригур к уннугундурскому союзу существенно усилило мощь державы Кубрата, и он сразу же после этого приступил к подчинению болгар. Источники не содержат указаний относительно конкретной локализации дунайских болгар в первой половине VII в. Невозможно даже говорить о том, обитали ли они в этот период к северу от Дуная или же к югу от него. Тем не менее можно полагать наиболее вероятным, что болгары были подчинены уннугундурами именно при Кубрате, так как об этом свидетельствует не только проведенный выше анализ общеполитической ситуации в Северном Причерноморье в 30–40-е годы VII в., но еще и тот факт, что в сообщении Никифора о восстании Кубрата против авар он представлен еще только как «государь (кѳрюс) уннугундур», т. е. даже кутригуры тогда еще не были включены в состав его государства.

С подчинением болгар Уннугундурское государство приобрело болгарский характер, так как собственно уннугундурское объединение в численном отношении существенно уступало болгарам. Следовательно, Уннугундурское государство уже тогда могло рассматриваться соседями как болгарское, и, по всей видимости, уже тогда уннугундуры начали превращаться в своего рода военно-политическую аристократию Болгарского государства.

Как предполагается, в 642 г. Кубрат умер¹¹¹, и во главе Уннугундурского государства встал его старший сын Батбаян (Баян)¹¹², которого ряд исследователей отождествлял с Безмером «Именника»¹¹³. В этой связи можно напомнить, что Д. Ангелов рассматривал сообщение экскурса о болгарях о пяти сыновьях Куб-

¹⁰⁹ Theophanes. I. P. 315.

¹¹⁰ Georgius Pisida. Bellum Avaricum // Giorgio di Pisida. Poemi. I. Panegirici epici / A cura di A. Pertusi. Ettal, 1959. P. 197.

¹¹¹ Обоснование этой даты см.: Златарски В. История на Българската държава през средните векове. Т. I. Ч. 1. С. 145, 164, 176. Из последних работ, где проводится разбор этой даты см.: Оболенский Д. Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 72. См. также: Раннефеодальные государства на Балканах: VI–XII вв. М., 1985. С. 137. В 641 г., когда умер император Ираклий, Кубрат был еще жив, так как он, согласно Иоанну Никиусскому, принял участие в заговоре против Константина III (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 113. Комм. 267). Обзор других точек зрения относительно датировки жизни Кубрата см.: Москов М. Именник... С. 190–195.

¹¹² Степанов Ц. Средневековните българци... С. 50.

¹¹³ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. Т. I. М., 1866. С. 25–27; Златарски В. История на Българската държава... Т. I. Ч. 1. С. 164; Тихомиров М.Н. Именник... С. 81–90; Ангелов Д. Образуване... С. 196.

рата как легендарные¹¹⁴, но, тем не менее, можно говорить о том, что у Кубрата действительно было несколько сыновей, по крайней мере, двое: Безмер и Аспарух. Историчность последнего подтверждается упоминанием о нем в «Армянской географии» VII в., а историчность первого является не вполне надежной, но, тем не менее, можно полагать, что в ряду князей, перечисленных в «Именнике», — Курт, Безмерь, Есперерих (Есперих), — место, занимаемое Безмером между Куртом (Кубратом) и Есперерихом (Аспарухом), должно принадлежать его старшему сыну. О Безмере в «Именнике» сказано, что он правил три года¹¹⁵, т. е., если Кубрат умер в 642 г., то Безмер правил в 642–645 гг. В таком случае, Безмер умер задолго до нападения хазар на Великую Болгарию, а правление следующего по старшинству сына Кубрата, Аспаруха, началось задолго до разгрома болгар хазарами и их союзниками¹¹⁶. Это позволяет предполагать, что после смерти Кубрата никакого раскола между его сыновьями не было: хазарский каган одержал победу над единым Унногундурским государством, во главе которого тогда стоял Аспарух¹¹⁷, после чего все унногундуры ушли вместе с Аспарухом к Дунаю.

Нельзя также не отметить, что автор экскурса о болгарях имел смутные представления об обстоятельствах унногундуно-хазарской войны. Так, если в письме хазарского царя Иосифа говорится о победе, одержанной хазарами над *w.p.n.t.r.*, и о преследовании их до р. Дуна (Дунай)¹¹⁸, что подтверждается данными «Армянской географии» VII в., также сообщающей о бегстве Аспаруха от хазар в Подунавье¹¹⁹, то отражение этих событий в указанном византийском источнике предстает очень размытым. Автор сообщает лишь о распространении хазарами своего господства «вплоть до Понтийского моря», и о том, что они сделали данником старшего сына Кубрата Батбаяна (Баяна). Таким образом, детали этих событий были известны ему очень плохо, что подрывает доверие к его сообщению о родстве Батбаяна с Аспарухом и Кубратом. Представляется наиболее вероятным, что в этом источнике подразумевается не реальное, а этногенеалогическое родство двух персонажей. На это же указывает и сообщение Феофана Исповедника о том, что Батбаян был «властителем первой Булгарии», т. е. речь должна идти о «Великой Болгарии», а не об Унногундурском государстве.

Можно было бы думать, что Батбаян — это эпоним «великих болгар», однако такой возможности противоречит тот факт, что в рассматриваемой этногенеалогии ни одна из групп болгар эпонимами не представлена. Следовательно, Батбаян — вполне историческая фигура, но как таковая она скорее всего никак не связана ни с Кубратом, ни с унногундурской династией вообще. Отсюда еще раз следует заключение о том, что никого раскола державы Кубрата до ее разгрома хазарами не было. Кроме того, можно предположить, что византийский автор, располагая информацией о подчинении хазарами Батбаяна, правителя «Великой

¹¹⁴ Там же. С. 197. Бел. 19. Ср.: *Maricq A.* Notes sur les slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie et sur l'emploi de «slave» come appellative // *Byz.* 1952. Т. 22. Р. 346 sq. Обзор других точек зрения на этот вопрос см.: *Степанов Ц.* Средновековните българци... С. 55–56. Бел. 5.

¹¹⁵ *Тихомиров М.Н.* Именник... С. 87.

¹¹⁶ Сводку мнений о датах жизни и правления Аспаруха см.: *Степанов Ц.* Средновековните българци... С. 58. Бел. 28.

¹¹⁷ Ср.: *Артамонов М.И.* История хазар. С. 172.

¹¹⁸ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка... С. 28.6–7 (текст); С. 92 (пер.).

¹¹⁹ *Патканов К.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // *ЖМНП.* 1883. Март. С. 26.

Болгарии», включил его имя в конструируемую им этническую генеалогию болгар, но при этом этногенеалогическое родство между унногундурами и «великими болгарами» представил как кровное родство между Аспарухом и Батбаяном, что скорее всего является фикцией.

Итак, при Кубрате Унногундурское государство приобрело характер обширной «степной империи». А роль стратегического союзника Византии в Северном Причерноморье превратило его в могущественнейшую державу Юго-Восточной Европы. Однако позднее Аспарух, потерпев поражение от хазар, перенес свою ставку из днепровского левобережья в устье Дуная. Патриарх Никифор и Феофан Исповедник относят данную миграцию к 679 г. (см. выше), что является *terminus ante quem* разгрома болгар хазарами.

Согласно гипотезе М.И. Артамонова, Хазарский каганат образовался около 651 г.¹²⁰ Эта гипотеза является наиболее хорошо обоснованной, и она разделяется большинством исследователей¹²¹. Остается неизвестным, что привело к войне между Унногундурским государством и Хазарским каганатом. Одной из причин конфликта могло послужить стремление хазар перехватить у Аспаруха контроль над волжско-донским торговым путем, по которому в Византию доставлялась пушнина и другие товары из Среднего и Верхнего Поволжья.

Итак, Унногундурское государство, являвшееся изначально сугубо степным политическим объединением, со временем установило прочный контроль над дунайскими болгарами. В виду численного преобладания в этом государстве болгарского населения, произошла трансформация Унногундурского государства в Болгарское. Во всяком случае, автор экскурса о болгарях воспринимал Аспаруха как уже именно болгарского правителя.

Поражение Аспаруха от хазар вынудило его перенести свою ставку в дельту Дуная. Последовавшие за этим победы над византийскими войсками позволили ему расширить свои владения к югу от Дуная, где на тот момент преобладало славянское население. Дальнейшая история Первого Болгарского царства характеризуется консолидацией вокруг Аспаруха и его преемников унногундурского, включая кутригурское, болгарского и славянского населения.

СЕМЁНОВ Игорь Годович

Доктор исторических наук

Старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Ул. Ярагского, д. 75, к. 501

Махачкала 367030

Электронная почта: i_semyonov@pochta.ru

¹²⁰ Артамонов М.И. История хазар. С. 170–171.

¹²¹ Историографический обзор см.: Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата // ВИ. 2008. № 8. С. 118–127; Он же. О происхождении династии хазарских каганов и времени образования Хазарского каганата // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 5. С. 5–14; Он же. К реконструкции военно-политической и этнической структуры раннего Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Москва; Иерусалим, 2010. С. 66–76.

Igor SEMYONOV

ON THE HISTORY OF THE UNNOGUNDURIAN STATE

Abstract: The author of the article argues that the Unnogundurian state was founded on the basis of the Utigurian one. The focus of the new state was in the Middle Dnepr region. About 627–630, during the predomination of the Western Turkic Khaganate and the resumed activation of its politics towards the Caucasus, the predecessor of Kubrat was to align himself with Avars. But after the outbreak of a new internal strife in the Western Turkic Khaganate, Qubrat broke with Avar Qaganate and started to expand his domain at its cost. Thus he annexed Kutrigurians, who had been defeated by Avars, and later subdued Bulgarians of the Danube region.

Since that time, in view of quantitative domination of Bulgarians within the Unnogundurian state, the latter assumed Bulgarian character, while the Unnogundurian tribes continued to form its military and aristocratic nucleus. As far as Bathbayan (Bayan) is concerned, he had no connection with the Unnogundurian elite. He was likely to be the ruler of those Bulgarians, who went on living in the Great Bulgaria, and after the formation of the Khazar Khaganate were engulfed by it.

Keywords: Unnogundurians, Utigurians, Kutrigurians, Bulgarians, Khazars, Kubrat, Organa, Byzantium, Avar Khaganate, Western Turkic Khaganate.

Literature Cited

- AFINOGENOV, D.E. “Экскурс о протоболгарах у Феофана Исповедника и патриарха Никифора (Филологические замечания).” *Вестник древней истории* 1 (2013). P. 4–8.
- ALTHEIM, F. *Geschichte der Hunnen*. Vol. 1. Berlin 1959.
- ANGELOV, D. *Образуване на българската народност*. Sofia 1971.
- ARTAMONOV, M.I. *История хазар*. Leningrad 1962.
- BARIŠIĆ, F. “Le siècle de Constantinople par les Avars et les Slaves en 626.” *Byzantion* 24 (1956).
- BENTSIG, I. “Язык гуннов, дунайских и волжских болгар.” In *Зарубежная тюркология*. Vol. I. Moscow 1966.
- BESNEVLIEV, V. “Произходът и етническата принадлежност на първобългарите според византийски и латински извори.” In *Сб. в памет на проф. Ст. Ваклинов*. Sofia 1994.
- BESNEVLIEV, V. *Първобългарите. Бит и култура*. Sofia 1981.
- BEŠEVILIEV, V. *Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte*. Amsterdam 1980.
- BICHURIN, N.Ya. (Iakinf). *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Vol. I. Moscow; Leningrad 1950.
- BURMOV, A. “Към въпроса за произхода на прабългарите.” *Известия на българското Историческо дружество XXII–XXIV* (1948).

- BUTVA, V.F. "К семантике болгарских этнонимов «Ашхарацуйца» (Опыт реконструкции процесса формирования общности)." In BUTVA, V.F. *Труды*. Sukhum 2005.
- BUTVA, V.F. "Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу»." In BUTVA, V.F. *Труды*. Sukhum 2005.
- CHAVANNES, E. "Documents sur les Tou'kiue (Turcs) occidentaux." *Сборник трудов Орхонской экспедиции*. Т. 6. St. Petersburg 1903.
- CHAVANNES, E. "Notes additionnelles sur les Tou-kiue Occidentaux." *Toung Pao* Ser. 2. Vol. 5 (1904).
- CHICHUROV, I.S. "Экскурс Феофана о протоболгарах." *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1975. Moscow 1976.
- CHICHUROV, I.S. *Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана: «Бревиарий» Никифора*. Тексты, переводы, комментарий. Moscow 1980.
- Chronique de Jann évêque de Nikiou*. Texte éthiopien publié et traduit par H. ZOTENBERG. Paris 1883.
- DOBREV, P. *Прабългарите. Происход, език, култура (Нов прочит)*. Sofia 1991.
- DOBREV, P. *Преоткриването на прабългарския календар*. Sofia 1994.
- DZHAFAROV, Yu.R. *Гунны и Азербайджан*. Baku 1985.
- FEHÉR, G. *Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V–XI Jahrhunderten*. Budapest 1921.
- FEKNER, G. *Прабългари. Произход, история, бит и култура*. Sofia 1929.
- "Fredegarii et aliorum Chronica." In *MGH. Scriptores rerum Merovingicarum*. Vol. II. Nonovore 1888.
- GADLO, A.V. *Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.* Leningrad 1979.
- Giorgio di Pisida. "Bellum Avaricum." In GIORGIO DI PISIDA. *Poemi*. Ettal 1959.
- GOLDEN, P.B. "Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов." In *Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти*. Moscow 1993.
- GOLDEN, P.B. *Khazar Studies: An Historico-philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. 1 (1980).
- GUMILEV, L.N. *Древние тюрки*. Moscow 1967.
- HAUSSIG, H.W. "Theophilakt's Exkurs über die Skythischen Völker." *Byzantion* 23 (1954).
- HOWARD-JOHNSTON, J. "Heraclius' Persian Campaigns and the Revival of the East Roman Empire, 622–630." *War in History* 6 (1999).
- HOWARD-JOHNSTON, J. *Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century*. Oxford 2010.
- HOWARD-JOHNSTON, J. "The Siege of Constantinople in 626." In *Constantinople and its Hinterland*. Aldershot 1995.
- KLYASHTORNYI, S.G., and SULTANOV, T.I. *Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье*. St. Petersburg 2000.
- KLYASHTORNYI, S.G. *Древнетюркские рунические памятники*. Moscow 1964.
- KLYASHTORNYI, S.G., and SAVINOV, D.G. *Степные империи Евразии*. St. Petersburg 1994.
- KOKOVTSOV, P.K. *Еврейско-хазарская переписка в X в.* Leningrad 1932.
- KOSEV, D., CHRISTOV, Chr., TODOROV, N., et al., eds. *История на България*. Vol. 2. Sofia 1981.
- Leonti Mroveli. *Жизнь картлийских царей: Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана*. Transl., introduction and commentary by G.V. TSULAYA. Moscow 1979.
- LITAVRIN, G.G., ed. *Раннефеодальные государства на Балканах: VI–XII вв.* Moscow 1985.
- MARICQ, A. "Notes sur les slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie et sur l'emploi de «slave» come appellative." *Byzantion* 22 (1952).
- MARQUART, J. "Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschriften von Čatalar und in der altbulgarischen Fürstenliste." *Известия Русского Археологического института в Константинополе* 15 (1911).
- MARQUART, J. *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*. Leipzig 1898.
- MARQUART, J. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Leipzig 1903.

- Menander Protector. "Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой." Transl. by S. DESTUNIS St. Petersburg 1860.
- MORAVCSIK, Gy. *Byzantinoturcica*. Berlin 1958.
- MORAVCSIK, Gy. "Zur Geschichte der Onoguren." *Ungarische Jahrbücher* 10 (1930).
- MOSKOV, M. *Именник на българските ханове (Ново тълкуване)*. Sofia 1988.
- Movses Kaghankatvatsi. *История страны Алуанк*. Transl., preface and comments by Sh.V. SMBATYAN. Yerevan 1984.
- Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica*. Ed. C. de BOOR. Lipsiae 1880.
- NOVOSEL'TSEV, A.P. "Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии." In *Славяне и их соседи*. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. Moscow 2001.
- NOVOSEL'TSEV, A.P. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. Moscow 1990.
- OBOLENSKIY, D. *Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов*. Moscow 1998.
- ORLOV, R.S. "Культура кочевников IV–VIII вв." *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Kyiv 1985.
- РАТКАНОВ, К. "Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому." *Журнал Министерства народного просвещения*. March 1883.
- РОРОВ, А. *Обзор хронографов русской редакции*. Vol. 1. Moscow 1866.
- "Prisci Fragmenta." In *Historici Graeci minores*. Vol. 1. Lipsiae 1870.
- ROMASHOV, S.A. "От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв." In *Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье*. Moscow 2005.
- ROMASHOV, S.A. "Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв." In *Archivum Eurasiae Medii Aevi VIII* (1992–1994). Wiesbaden 1994.
- RÓNA-TAS, A. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History*. Budapest 1990.
- RÓNA-TAS, A. "Where was Khuvrat's Bulgharia?" *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 53 (2000). No 1–2.
- SEMYONOV, I.G. "К политической, социальной и этнической семантике термина уннугундур." *Palaeobulgarica / Старобългаристика XXXIII* (2009). Vol. 1.
- SEMYONOV, I.G. "К анализу раннесредневековых этногенетических преданий болгар." *Palaeobulgarica / Старобългаристика XXXIV* (2010). Vol. 1.
- SEMYONOV, I.G. *Генеалогия картлийских царей: от Мириана III до Вахтанга Горгасала*. Makhachkala 2007.
- SEMYONOV, I.G. "О происхождении династии хазарских каганов и времени образования Хазарского каганата." *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность* 5 (2010).
- SEMYONOV, I.G. "Этническая карта державы Кубрата." *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 17 (2010). Wiesbaden 2010.
- SEMYONOV, I.G. "Образование Хазарского каганата." *Вопросы истории* 8 (2008).
- SEMYONOV, I.G. "К реконструкции военно-политической и этнической структуры раннего Хазарского каганата." In *Хазары: миф и история*. Moscow; Ierusalem 2010.
- SNEKRVASHIDZE, I. "Еще раз об этимологии имен Ašina и Attila-Авитохоль." *Советская тюркология* 3 (1983).
- SIROTENKO, V.T. "Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники V–VII вв." *Ученые Записки Пермского государственного университета* 4 (1961).
- SMIRNOV, A.P. *Волжские болгары*. Moscow 1951.
- STANEV, K. "Боспорского наследство на прабългарите. Защо Аспарух е носил това име и происход на знака IYI." *Минало* 1 (2005).
- СТЕПАНОВ, Тс. "О локализации «Великой Болгарии» Кубрата." *Bulgarian Historical Review* 2 (1995).

STEPANOV, Ts. *Средновековните българи: Нови факти, интерпретации, хипотези*. Sofia 2000.

Theophanis Chronographia. Lipsiae 1883.

ТИКОМИРОВ, М.Н. “Именник болгарских князей.” *Вестник древней истории* 3 (1946).

TSUKERMAN, K. “О происхождении двоевластия у хазар.” In *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Vol. IX. Simferopol' 2002.

ZLATARSKI, V. *История на Българската държава през средните векове*. Vol. I. Pt. 1. Sofia 1918.

ZLATARSKI, V.N. “Нови известия на най-древния период на българската история.” *Сб. Министерства народного просвещения* 11 (1894).

Igor SEMYONOV

D. Sc. in History, Senior Researcher

Daghestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences

Institute of History, Archaeology and Ethnography

Yaragski street, 75

Makhachkala 367030

e-mail: i_semyonov@pochta.ru

М.В. Грацианский

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОЧНИКАХ «ИСТОРИИ» ЛЬВА ДИАКОНА

Аннотация: Статья рассматривает проблему источников «Истории» Льва Диакона и совпадающей с нею композиционно частью «Хроники» Иоанна Скилицы. На основании анализа содержания соответствующих пассажей обоих произведений автор, в противоположность господствующему в историографии мнению, приходит к выводу о наличии для обоих авторов всего одного, а не двух, главного общего источника.

Ключевые слова: Лев Диакон, Иоанн Скилица, источники

Вопрос об источниках «Истории» Льва Диакона¹ является одним из ключевых при изучении этого сочинения и вполне традиционно ставится практически всеми исследователями, занимающимися этой тематикой².

История как особый жанр византийской историографической литературы подразумевает целый ряд отличительных черт. Предполагается, что автор описывает современные ему события, очевидцем или участником которых он был. В крайнем случае допускается использование сведений, полученных из первых рук. В качестве вторичных признаков истории выступают отсутствие абсолютной хронологии при описании событий, которые излагаются в их последовательности, преимущественный интерес к значительным, эпохальным событиям, прежде всего политическим.

¹ Издание: Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem / Rec. C.B. Hasius. Bonnae, 1828 [CSHB. Pars XI] (далее: Leo Diaconus).

² Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897. S. 266–268; Сюзюмов М.Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // ВизОб. 1916. Вып. 2. С. 106–166; Παπαγιωτάκης Ν. Λέων ὁ Διάκωνος // ΕΕΒΣ. 1965. Т. 34. Σ. 1–138; Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 1. В., 1958². S. 398–399; Каждан А.П. Из истории византийской хронографии X в. 2: Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // ВВ. 1961. Т. 20. С. 106–128; Он же. Лев Диакон // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. С. 502; Сюзюмов М.Я. Мировоззрение Льва Дьякона // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 127–148. Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 367–371; Иванов С.А. Полемическая направленность «Истории» Льва Диакона // ВВ. 1982. Т. 43. С. 74–80; Μαρκόπουλος Α.Θ.Φ. Λέων ο Διάκωνος // Παγκόσμιο Βιογραφικό Λεξικό. Т. 5. Αθήνα, 1986. Σ. 242–243; Сюзюмов М.Я. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. М., 1988. С. 137–165; Kazhdan A.P. Leo the Diacon // ODB. Vol. 2. Oxford, 1991. P. 1217; Любарский Я.Н. Замечания о художественном методе Льва Диакона // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII Международному Конгрессу византистов (8–15 августа 1991 г., Москва). М., 1991. С. 150–162; Грацианский М.В. Дев Диакон — подражатель Лукиана // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 160–170.

Именно этим критериям с формальной стороны отвечает сочинение Льва Диакона. Впрочем, уже первые наблюдения исследователей над «Историей» показали, что ее автор, несмотря на заявленную *автопсию*, пользовался по преимуществу письменными источниками, поскольку описывал события, в которых не мог принять участия по молодости лет, многое изложив при этом неточно или сомнительно. События, в которых участвовал сам Лев, встречаются в его сочинении редко и для истории не имеют ценности. Наряду с отличительными чертами, присущими жанру истории, в его сочинении присутствуют и заметные черты хроники, связанные с описанием диковинных, необычных или таинственных явлений: затмение солнца в 968 г.³, кометы⁴, метеоритный дождь⁵, пророчество неизвестного монаха⁶, кровотокающая икона Христа из Берита⁷, сиамские близнецы⁸.

Что касается известности и популярности «Истории» Льва Диакона в самой византийской литературе, то следует признать, что она была весьма невысока. Последующая историография Византии пользовалась ею исключительно мало, доказательством чему служит практически полное отсутствие у «Истории» рукописной традиции, а также практическое отсутствие ссылок на нее авторов позднейшего времени (кроме ссылки Скилицы, которая в свою очередь породила некоторую научную дискуссию⁹). Из авторов, с большой долей вероятности «Историю» Льва Диакона читавших, можно назвать, пожалуй, лишь Михаила Пселла, писавшего свою «Хронографию» как ее продолжение, а также, что более гипотетично, Михаила Атталиата. Последующие хронографы, начиная с Зонары предпочитали пользоваться для изложения событий царствования Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия хроникой Скилицы, то ли не зная о существовании труда Льва Диакона, то ли предпочитая ему более простое и обстоятельное изложение Скилицы.

Сочинение Льва Диакона дошло до нас всего в двух списках: Парижском 712 и Эскориала У-1-4, причем последний дословно копирует Парижский и не привносит практически ничего нового для текстологии источника. Парижский кодекс относится к XII–XIII вв., содержит 422 пергаменных и 8 бумажных листов, причем первые шесть и последние десять листов были подновлены в XV в. Собственно «История» занимает в кодексе листы 272–322, затем следует хронологически примыкающая к ней «Хронография» Михаила Пселла¹⁰.

Издание «Истории» подготавливалось еще в XVII в. Ф. Комбефисом, но было осуществлено лишь Карлом Газе в 1819 г. в качестве заключительного тома «Парижского Корпуса», а в 1828 г. вышло в «Боннском Корпусе». Уже в 1820 г. был осуществлен ее перевод на русский язык Д. Поповым, во многом опиравшимся,

³ Leo Diaconus. P. 72.1–18.

⁴ Ibid. P. 168.10–169.13, 175.11–20.

⁵ Ibid. P. 172.1–18.

⁶ Ibid. P. 83.1–8.

⁷ Ibid. P. 166.23–168.3.

⁸ Ibid. P. 165.3–16.

⁹ См. *Παναγιωτάκης Ν. Λέων ὁ Διάκωνος*. Σ. 16–35.

¹⁰ О рукописях см. особ.: *Παναγιωτάκης Ν. Λέων ὁ Διάκωνος*. Σ. 42–103. См. также: Hasii Praefatio // Leo Diaconus. P. XXI–XXIII; *Лев Диакон. История* / Пер. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова, отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988 С. 160–165.

по всей видимости, на латинский перевод Комбедиса-Газе. В настоящее время имеются ее переводы на ряд современных языков¹¹.

«История» содержит десять книг, охватывающих период от смерти Константина Багрянородного (9 ноября 959 г.) до смерти Иоанна Цимисхия (976 г.), причем наибольший интерес у автора на протяжении всей книги вызывают деяния клана Фок, начиная с отца и дяди императора Никифора II и заканчивая его племянником Вардой, сыном его брата Льва, одним из выдающихся бунтовщиков времен Иоанна Цимисхия и Василия II. Вся первая половина «Истории» до VI книги посвящена деяниям Никифора Фоки, начиная с его экспедиции против критских арабов (960–961 гг.) еще в царствование Романа II и вплоть до его гибели от рук заговорщиков в ночь с 10 на 11 декабря 969 г. При этом в части, посвященной событиям 965–967 гг., изложение идет нерасчлененно, без точных временных указаний. В дальнейшем много внимания уделяется судьбе Льва Фоки, брата императора, и его двух сыновей Никифора и Варды: главным образом, их неудачным попыткам захватить власть. При этом Львом приводится также экскурс, посвященный поражению Льва Фоки, дяди Никифора, от болгар при Анхиале в 917 г.¹² Почти вся VII книга посвящена бунту Варды Фоки против Цимисхия, а в десятой Варде Фоке уделяется много места в связи с восстанием Варды Склира и его собственным против Василия II. Описывая историю правления Иоанна Цимисхия, Лев подробнее всего останавливается на его войне со Святославом, которой посвящены VI книга (главы VIII–XIII), целиком VIII и IX, не считая незначительных отступлений. Десятая, завершающая, книга носит весьма фрагментарный характер, отрывочно сообщая о событиях случившихся на протяжении 972–986 гг., причем о таких важных событиях, как походы Иоанна Цимисхия против арабов в 972–974 гг., повествуется довольно скудно и без соблюдения хронологического порядка. Эту же книгу следует признать и наиболее выразительной в плане отражения авторской позиции.

Касательно времени написания «Истории» существуют две версии, которые основываются на сообщении Льва о восстановлении купола св. Софии, произведенном Василием II через шесть лет после его разрушения¹³. Было установлено, что восстановлен он был к 13 мая 994 г. М.Я. Сюзюмов не согласился с этим, сказав, что, исходя из чрезвычайно пессимистического тона всей последней книги «Истории», она была написана никак не позже 991 г., когда начались победы над болгарами и повод к пессимизму как будто исчез. В связи с этим он предложил считать упоминание Льва о восстановлении купола вставкой¹⁴. Но когда бы ни было закончено произведение, в 991 или в 995 г., его мрачный тон несет на себе

¹¹ Русские: История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Переведена с греч. Д. Поповым. СПб, 1820; *Лев Диакон. История*. Немецкий: Nikephoros Phokas, «Der bleiche Tod der Sarazenen», und Johannes Tzimiskes: Die Zeit von 959 bis 976 in der Darstellung des Leon Diakonos / Übersetzt von Franz Loretto. Graz; Wien; Köln, 1961. Новогреческий: *Λέων Διάκωνος. Ιστορία / Μετάφραση, εισαγωγή, σχόλια*: Βρασίδης Καραλής. Αθήνα, 2000. Английский: The History of Leo the Deacon: Byzantine military expansion in the tenth century / Introduction, translation, and annotations by M.-A. Talbot with the assistance of G.T. Dennis and S. McGrath. Washington (DC), 2005 [DOS 41].

¹² Leo Diaconus. P. 123.4–124.21.

¹³ Сюзюмов М.Я. Об источниках... С. 137; Каждан А.П. Источники Льва Диакона и Скилицы... С. 117.

¹⁴ Сюзюмов М.Я. Об источниках... С. 137–139.

отпечаток непрерывных внутренних и внешних войн, потрясавших всю первую половину царствования Василия II. Эту мрачную картину не могла коренным образом изменить победа 991 г., оказавшаяся далеко не окончательной. Даже и в 995 г. было еще очень далеко до полной победы. Исходя из этого 995 г. также вполне приемлем как *terminus post quem* для написания «Истории».

Этот же мрачный тон изложения, который мы находим в десятой книге, и является, по сути дела, отражением авторской позиции. Как уже давно отмечено, Лев не является придворным льстецом, его даже нельзя назвать придворным историографом¹⁵. Прославление среди неудач первой половины царствования Василия II блеск правления его предшественников-узурпаторов было серьезным проявлением нелояльности, хотя и прикрытым рассуждениями о роке, непостоянстве дел человеческих, упоминанием небесных явлений, предвещающих неисчислимы беды ромейской державе. И, тем не менее, лично против Василия II Лев не выступает: в его произведении не содержится следов, позволяющих характеризовать «Историю» как произведение, вышедшее из-под пера приверженца определенной политической партии или клики того времени. Скорее можно сказать, что оно написано с обывательской точки зрения, человеком, которому неведомы скрытые причины социально-политических или дипломатических событий; он не осмысляет их даже на уровне закулисной придворной борьбы и судит о них лишь по внешним их проявлениям и очевидным результатам. С этой точки зрения Лев может осуждать Василия II, правление которого было исполнено неудачами и поражениями, и восхвалять предшественников-узурпаторов, правление которых было внешне благополучным. Не будет он хвалить и современных ему бунтовщиков вроде Варды Склира и Варды Фоки, хотя бы в прошлом они и имели некоторые заслуги перед империей, но осудит их как очевидных нарушителей государственного спокойствия. Видя причину удач или неудач того или иного правителя в сочетании его личных качеств и благоприятности судьбы, а не в сумме первых с внешними факторами, Лев может подразумевать, что Василию не хватило подobaющих императору личных свойств и способностей. Эти и другие мировоззренческие штампы византийцев его времени (а их можно в изобилии наблюдать на примере «Истории») и определили взгляды Льва Диакона, в основе которых лежит принцип лояльности (политической и религиозной), который на тот момент не нашел себе достойного объекта приложения в лице императора Василия II.

Исследования, посвященные «Истории» Льва Диакона, начали выходить со времени ее публикации К.Б. Газе в 1819 г. В своем предисловии и комментариях издатель изложил выводы, к которым пришел при подготовке труда к изданию. Основным выводом Газе был вывод о высокой степени достоверности «Истории» как произведения, написанного очевидцем и участником событий, воспользовавшегося также сведениями других свидетелей¹⁶.

На протяжении XIX в. «Историей» исследователи интересовались и основывали на ней свои выводы, исходя из характеристик, данных ей ее издателем¹⁷.

¹⁵ См. об этом подробнее в: *Иванов С.А.* Политическая направленность... С. 74–75.

¹⁶ *Hasii Praefatio // Leo Diaconus. P. IX: «Ac primo quidem magna est Leonis commendatio, quod quae ipse viderit litteris mandavit, habendusque est inter scriptores illos, unde alii, qui posterius fuerunt, quasi e fonte capite narrationes rerum deduxerunt».*

¹⁷ Наибольшее количество специальных работ, посвященных труду Льва Диакона, вышло из-под пера русских ученых, изучавших сведения Льва о походе князя Святослава: *Чертков А.* описа-

В конце XIX и начале XX вв. появилось несколько статей, подготовивших значительный пересмотр исторической ценности труда нашего историка: прежде всего, это работа В. Фишера¹⁸ и две статьи Г. Вартенберга¹⁹.

Опираясь на выводы, к которым пришел Вартенберг в вышеупомянутых статьях, М.Я. Сюзюмов публикует в «Византийском обозрении» в 1916 г. свою работу «Об источниках Льва Диакона и Скилицы», которая и поныне является одной из основополагающих в изучении «Истории» Льва Диакона. В ней Сюзюмов окончательно опровергает мысль о самостоятельности Льва Диакона в описании им событий царствования двух императоров и указывает посредством сопоставления «Истории» с трудом Иоанна Скилицы на существование, по его мнению, двух письменных источников (так называемые источники А и Б), из которых Лев черпал свои сведения. Благодаря этим выводам была установлена большая самостоятельная ценность данных хроники Скилицы и доказано, что этот последний был полностью независим от Льва Диакона.

Чрезвычайно важный вклад в изучение частного сюжета, содержащегося в «Истории» Льва Диакона, а именно в установление точной хронологии войн Святослава на Балканах, внесли статьи П.О. Карышковского «О хронологии русско-византийской войны при Святославе». В них на материале разноязычных источников устанавливаются точные хронологические рамки этапов этих событий, начавшихся в августе 968 г. первым походом Святослава против болгар и завершившихся летом 971 г. поражением его от греков и заключением мирного договора. В них же дается практически исчерпывающая на то время библиография как по теме походов Святослава, так и по другим аспектам изучения «Истории»²⁰.

В продолжение темы, заданной вышеупомянутой работой М.Я. Сюзюмова, в 1961 г. в «Византийском временнике» вышла статья А.П. Каждана «Из истории византийской хронографии X в. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия». Каждан, оставив в неприкосновенности основной тезис своего предшественника о наличии двух источников, послуживших вместе основой для трудов Льва Диакона и Скилицы, внес в него собственные уточнения и дополнения.

Именно на разборе мнений М.Я. Сюзюмова и А.П. Каждана, высказанных ими в упомянутых работах мы бы и хотели остановиться, поскольку они являются в настоящее время основополагающими и общепринятыми в том, что касается установления источников Льва Диакона и Скилицы.

ние войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 годах. М., 1843; Белов Е. Борьба великого князя киевского Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием // ЖМНП. Ч. CLXX. 1873, декабрь; Ламбин Н.П. О годе смерти Святослава // Записки Императорской Академии наук. Т. XXVIII. СПб., 1876; Васильевский В. Заметка к статье Н.П. Ламбина о годе смерти Святослава // Записки Императорской Академии наук. Т. XXVIII. СПб., 1876.

¹⁸ Fischer W. Beiträge zur historischen Kritik des Leo Diakonos und Michael Psellos // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1886. Bd. 7. S. 353–377.

¹⁹ Wartenberg G. Das Geschichtswerk des Leo Diakonos // BZ. 1897. Bd. 6. S. 106–111; Idem. Leo Diakonos und die Chronisten // BZ. 1897. Bd. 6. S. 285–317.

²⁰ Карышковский П.О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. 1952. Т. 5. С. 127–138; Он же. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6. С. 36–71; Он же. К истории балканских войн Святослава // ВВ. 1953. Т. 7. С. 224–243.

Отталкиваясь от выводов, сделанных М.Я. Сюзюмовым, А.П. Каждан пытается точнее определить сущность источника *Б*, т. е. источника «благожелательно» настроенного к Никифору Фоке. Автор статьи обращает внимание на то, что уже с самого начала «Истории» Лев Диакон, описывая правление Романа II, рассказывает почти исключительно о деяниях братьев Никифора и Льва Фок. В добавок к тому в дальнейшем Лев рассказывает о Льве Фоке Старшем и поражении его при Ахелое²¹, а также о восстании Льва Фоки Младшего²², что по мнению Каждана не оправдано «внутренней структурой» «Истории». Вставка же о поражении при Ахелое имеет свою параллель у Скилицы, который в соответствующей части своего труда²³ дает такую же трактовку этих событий наряду с той, что он почерпнул у Продолжателя Феофана (впрочем, ни та ни другая версия не может рассматриваться в качестве порочащей Льва Фоку, ибо согласно обоим поражение произошло не по его вине). Связав с этими сообщениями о Фоках упоминание Скилицей о Никифоре Фоке Старшем, Каждан приходит к выводу о существовании целого произведения, условно обозначенного как «История Фок», которая, предположительно, была закончена до 969 г., т. е. до смерти Никифора Фоки, на что, по мнению автора, в свою очередь указывает благожелательный тон, с которым описывается правление убийцы Никифора Иоанна Цимисхия²⁴.

Нам представляется возможным несколько иначе интерпретировать наличные данные, содержащиеся в двух исторических произведениях. Для этого следует заново последовательно проанализировать сумму сведений обоих историков. При этом оговоримся, что мы будем избегать обозначения общих источников Льва Диакона и Скилицы как *А* и *Б*, если речь не идет о взглядах Сюзюмова или Каждана.

Признается²⁵, что сведения, независимые от Продолжателя Феофана, появляются в хронике Скилицы с описания самостоятельного правления Константина VII, т. е. с 945 г. С этого момента мы должны констатировать, что имеем дело с источником, независимым от корпуса произведений, связанных с именами Продолжателя Феофана и Симеона Логофета. Их различие при описании правления Романа II становится совершенно очевидным. Бросающейся в глаза чертой, характерной для этого источника, является враждебная позиция по отношению к Иосифу Вринге, восхвалениями которого полно описание царствования Романа II у Продолжателя Феофана. Наряду с этим мы находим в этом источнике безусловный интерес к деяниям семейства Фок, что само по себе совсем не удивительно, поскольку Фоки занимали виднейшие места в военной иерархии со времен Константина VII и своими победами прославили эпоху, а потому любой незлонамеренный историк не мог не упоминать о них. Заметим сразу, что, вопреки заявлениям исследователей, пишущих о враждебной Фокам тенденции в источнике *А*, нигде на протяжении всей хроники Скилицы мы не найдем враждебного отношения автора источника к Фокам. Оно дает о себе знать лишь при описании неудовлетворительных внутривизантийских и экономических мер, пред-

²¹ Leo Diaconus. P. 122 sq.

²² Ibid. P. 124.15.

²³ *Ioannes Scylitzes. Synopsis historiarum. Editio princeps* / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973 [CFHB. Vol. 5]. P. 204.25–37 (далее: *Ioannes Scylitzes*).

²⁴ Каждан А.П. Из истории византийской хронографии... С. 112–114.

²⁵ Там же. С. 114.

принятых в царствие Никифора. Более всего недоволен автор источника мерами Никифора в отношении Церкви, а также церковных и монастырских имуществ. О родовой или клановой вражде не может быть и речи. Автор вполне удерживается в рамках беспристрастности по отношению к Фокам.

У Скилицы же мы находим и упоминания о деяниях старших поколений рода Фок, упоминания, не имеющие своим источником Продолжателя Феофана: например, рассказ о действиях Никифора Фоки Старшего в Италии²⁶. Кроме того, имеется также вставка в сведения, почерпнутые из Продолжателя Феофана, излагающая события битвы при Ахелое в невыгодном для Романа Лакапина свете²⁷. Каждан предлагает считать ее вставкой из источника Б, сочувствующего Фокам²⁸. На то, что это вставка, указывает еще и то, что Скилица, приведя эту версию, оговаривается: οὗτος μὲν δὴ καὶ ὁ δεῦτερος λόγος. εἴτε δ' οὕτως, εἴτε ἐκεῖνως ἡ ἀλήθεια ἔχει, ὁμῶς ἐτράπησαν οἱ Ῥωμαῖοι καὶ τὰ λεχθέντα ἄνωθεν διεπράχθη²⁹. По всей видимости, Скилица нашел в своем источнике несогласное с Продолжателем Феофана известие, не смог его согласовать и ограничился тем, что вставил в надлежащем месте, оставив читателю размышлять над тем, которое из них истинно.

Впрочем, есть места в которых Скилица приводит две версии событий, вовсе не сомневаясь, которая из них более правдива. Так, например, говоря о причинах, подтолкнувших Никифора к узурпации, он приводит и вторую версию³⁰, предваряя ее такими словами: καὶ εἰς μὲν λόγος φέρεται οὕτως, ἕτερος δέ, ὁ καὶ δοκῶν ἀληθέστερος...³¹ Странная уверенность в устах автора, живущего более чем через сто лет после описываемых событий! Логичней предположить, что указание на то, какая из причин является более достоверной, он нашел в самом своем источнике и отразил его. Выше мы имели уже возможность видеть, что в местах, не указывающих открыто на правильную версию, Скилица не столь уверен.

Другим местом, где присутствуют сразу две версии событий, является упоминание о причине смерти Романа II³², и обе эти же версии присутствуют у Льва Диакона, причем уже Лев здесь высказывает свое отношение к сравнительной истинности одной из них: ὥς δὲ ἡ τῶν πλείονων ὑπόνοια ἔχει³³.

Источник Скилицы любил, по всей видимости, давать предыстории каких-либо событий. К их числу относятся вышеупомянутые сведения о Никифоре Фоке Старшем, затем пространная вставка о событиях в Италии после Никифора Фоки Старшего³⁴.

²⁶ Ioannes Scylitzes. P. 262.25–263.49 (причем, вот характеристика Никифора: ἀνὴρ γενναῖος καὶ συν-ετός, τὰ πρὸς θεὸν εὐσεβής καὶ πρὸς ἀνθρώπους δίκαιος, следует отметить, что это характеристика едва ли враждебного к Фокам источника).

²⁷ Отметим, что эта же вставка присутствует и у Льва Диакона: Leo Diaconus. P. 123–124.

²⁸ Каждан А.П. Из истории византийской хронографии... С. 119.

²⁹ Ioannes Scylitzes. P. 204.35–36 («а это второй рассказ. Он ли правдив, или первый, однако обращены были ромен [в бегство] и сказанное выше свершилось»).

³⁰ Ibid. P. 257.

³¹ Ср. Сюзюмов М.Я. Об источниках... С. 107.

³² Ioannes Scylitzes. P. 253.30–35.

³³ Leo Diaconus. P. 31.3–5. Таким образом, нельзя согласиться с категорическим утверждением М.Я. Сюзюмова о том, что «одному и тому же источнику обе эти версии принадлежать не могут» (Сюзюмов М.Я. Об источниках... С. 108).

³⁴ Ioannes Scylitzes. P. 263.50–267.62.

Теперь перейдем к повествованию Льва Диакона. В отличие от Скилицы он начинает пользоваться источником с того места, где начинается рассказ о царствовании Романа II, причем Лев говорит, что о предыдущем царствовании рассказано уже достаточно (*ἄλογόν τ' ὄντως*) и он его опускает. У него было полное право так заявить, если учесть, что в наличии имелось повествование Продолжателя Феофана, хроники круга Симеона Логофета и тот источник, которым воспользовался Скилица и который излагал самостоятельное правление Константина Багрянородного. При этом следует учесть, что последний источник был у Льва перед глазами. Об этом свидетельствует упоминание о неудачном походе Константина Гонгилы на Крит в правление Константина VII³⁵, при этом важно заметить, что это место полностью совпадает с аналогичным и стоящим на своем месте (т. е. при описании правления Константина VII) сообщением Скилицы³⁶, причем можно убедиться в присутствии дословных совпадений.

Излагает Лев царствование Романа более чем своеобразно: за исключением характеристики Романа и рассказа о его смерти о нем не сказано более ничего. Он не интересует Льва (а равно и его малолетние сыновья Василий и Константин, что служит еще одним штрихом к картине отношений Льва к Василию II), поэтому не следует здесь искать сколько-нибудь серьезных совпадений с соответствующей частью у Скилицы. Всё правление Романа занято в его изложении лишь подвигами братьев Фок. Никифор Фока с первых же страниц задан как главное действующее лицо, герой сочинения. Вот этой-то мало понятной теперь привязанностью Льва Диакона к личности Никифора Фоки и объясняются по большей части все мнимые различия, существующие между ним и Скилицей. Всё дело лишь в смещении акцентов и ретушировании отдельных мест.

Сюзюмов³⁷ считает, что меньше всего совпадений у Льва Диакона и Скилицы при описании царствования Никифора. С точки зрения формы это может показаться так. Однако с точки зрения содержания непреодолимого различия не существует.

Тем же Сюзюмовым уже указывалось на полное совпадение рассказов Льва Диакона и Скилицы о заговоре и убийстве Никифора Фоки³⁸. Пространные параллели из общего источника можно привести и при описании обоими авторами воцарения Никифора. Однако почти всегда будет наблюдаться одно явление: Скилица передает не только версию, доминирующую у Льва Диакона, но и некоторые сведения, которые можно истолковать как неблагоприятные для Никифора. Эти сведения, как считает Сюзюмов, были почерпнуты из источника А, в целом неблагоприятного по отношению к Фокам и, прежде всего, к Никифору. Так, у Скилицы встречаются компрометирующие сведения (или слухи) касательно причин и обстоятельств прихода к власти Никифора³⁹. У Льва мы их не находим.

Осмелюсь предположить, что Лев просто опустил эти сведения, ибо они не подходили для того образа почти идеального императора, который он создавал в лице Никифора. Чтобы показать, как Лев обращался для этого с наличным ис-

³⁵ Leo Diaconus. P. 7.3–9.

³⁶ Ioannes Scylitzes. P. 245.35–246.52.

³⁷ Сюзюмов М.Я. Об источниках... С. 147.

³⁸ Там же. С. 111–112.

³⁹ Ioannes Scylitzes. P. 257.11–16.

точником, приведем несколько параллельных мест в пространных цитатах из оригинала:

Leo Diaconus. P 50.1–14:

ὑπεψιθυρίζετο δὲ, μὴ ἔννομον συνδραμεῖν, παράλογον δὲ πως συνοικέσιον, ὥς ἀνάδοχον ἐκ τοῦ θείου λουτροῦ γεγονότα τὸν Νικηφόρον τῶν τοῦ αὐτοκράτορος Ῥωμανοῦ καὶ Θεοφανοῦς παίδων. Τῆς οὖν φήμης ἀπτέρῳ τάχει εἰς τὰς ἀκοὰς τοῦ ἱεραρχοῦντος Πολυεύκτου ἐνηχηθείσης, ἀπείργειν παντὶ σθένει τῶν ἱερῶν περιβόλων ἐπειρᾶτο τὸν ἄνακτα· ζήλου γὰρ θείου περίπλεως ὢν ὁ ἀνὴρ, καὶ τὴν παντοδαπὴν γνῶσιν καὶ ἀρετὴν ἀπρόσιτος, διελέγγειν καὶ βασιλεῖς οὐκ ἤσχυνετο. ὁ δὲ βασιλεὺς τὰ μὲν ἀρχιερέα παραιτούμενος, τὰ δὲ καὶ ἀπολογούμενος, μὴ ἀνάδοχον αὐτὸν ἐκ τοῦ βαπτίσματος τῶν παίδων εἶναι τῆς Αὐγούστης Θεοφανοῦς, ἀλλὰ Βάρδαν, τὸν αὐτοῦ γενετὴν, οὕτω κατεδυσώπησε τὸν ἀρχιερέα καὶ δεινῶς κατεκλήσεν, ὥς καθιλαρעусάμενος οἰκονομῆσαι τὴν τῆς Αὐγούστης Θεοφανοῦς μετὰ τοῦτου συνοίκησιν⁴⁰.

Ioannes Scylitzes. P. 260.80–261.9:

τοῦ γάμου δὲ τελεσθέντος ἐν τῇ κατὰ τὸ παλάτιον Νέᾳ ἐκκλησίᾳ, ἐπεὶ ἐμελλεν εἶσοδος ἐν τῷ θυσιαστηρίῳ γενέσθαι, τῆς χειρὸς κατέχων αὐτὸν ὁ Πολύευκτος καὶ ταῖς ἱεραῖς ἐγγίσσας κιγκλίσιν, εἰσεῖσι μὲν ἐκεῖνος εἰς τὰ ἅδυντα, ἐκείνον δ' ἐξώθησεν ὀπισθεν, ἐπειπὼν μὴ πρότερον συγχωρηθῆσεσθαι αὐτὸν εἰς τὸ θυσιαστήριον εἰσελθεῖν, πρὶν ἂν δέξηται ἐπιτίμια δευτερογαμούντων. ἐλύττησε δὲ ἐν τούτῳ τὸν Νικηφόρον, καὶ οὐ διέλιπεν ἐγκοτῶν αὐτῷ μέχρι τῆς τελευτῆς. διεδέδοτο δὲ καὶ λόγος ἀπανταχοῦ, ὅς οὐ μικρῶς διетάραξε τὴν ἐκκλησίαν, ὅτι περ ὁ Νικηφόρος ἀπὸ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος ἀνάδοχος ἐγένετο τῶν τῆς Θεοφανοῦς ἐνὸς παίδων, ταύτην δὲ τὴν φήμην ὥς εὐλογον ἀφορμὴν δεξάμενος ὁ Πολύευκτος, ἢ χωρισθῆναι αὐτὸν τῆς γυναικὸς ἀπεμάχετο κατὰ τὸν κανόνα, ἢ τῆς ἐκκλησίας ἀναχωρεῖν. ὁ δὲ καὶ πεποίηκε, τῆς Θεοφανοῦς ἐξεχόμενος, συγκαλεσάμενος δὲ τοὺς ἐνδημοῦντας ἐπισκόπους ἐν τῇ πόλει καὶ τοὺς τῆς συγκλήτου λογάδας, σκέψιν περὶ τοῦτου προέθετο. πάντες δὲ οὗτοι τοῦ Κοπρωνύμου εἶναι τὸν νόμον ἔλεγον, καὶ δέον αὐτὸν μὴ φυλάττεσθαι ἔκρινον. τοῦτ' ἄρα καὶ λίβελλον ἀφέσεως ὑπογράψαντες τούτῳ ἐπιδεδώκασιν. ἔτι δὲ ἀναβαλλόμενον τὸν Πολύευκτον κοινωνῆσαι τῷ βασιλεῖ ὁ καῖσαρ ἐπληροφόρησεν, ὥς οὐκ ἀνάδοχος γέγονεν. ἀλλὰ καὶ Στυλιανὸς ὁ πρωτοπαπᾶς τοῦ μεγάλου παλατίου, ἐξ οὗ πρῶτον ἐλέγετο ἡ τοιαύτη φήμη διαδραμεῖν, ἐνώπιον ἔλθων τῆς συνόδου καὶ τῆς συγκλήτου ἐξωμόσατο μήτ' ἰδεῖν, μήτε πρὸς τινας ἀνειπεῖν, ὥς ἄρα Βάρδας ἢ Νικηφόρος ἀνάδοχος γένοιτο, ὁ δὲ Πολύευκτος καί περ φανερώς ἐπιорκοῦντα εἰδὼς τὸν Στυλιανόν, τὸ τῆς συντεκνίας συγκεχώρηκεν ἔγκλημα, καὶ ὁ πάλοι ἐνιστάμενος δευτερογαμίας ἐπιτίμια ἐπιθεῖναι καὶ τὸ μέγα τοῦτο παρήκεν ἀμάρτημα⁴¹.

⁴⁰ «Пошли, однако, слухи о том, что брак Никифора нельзя считать вполне законным, ибо он восприемник детей самодержца Романа и Феοфано от священной купели. С быстротою крыльев достигли эти слухи ушей владыки Полиевкта, и тот всеми силами стремился не допустить правителя к святым оградкам. [Патриарх] был мужем, исполненным усердия в служении Богу; отличаюсь всяческими познаниями и непревзойденной добродетелью, не боялся он порицать даже государей. Но василевс отчасти просьбами, отчасти же уверениями, что не он, а отец его Варда был восприемником детей августы Феοфано при крещении, заставил патриарха переменить свое мнение и настолько склонил его на свою сторону, что тот с радостью утвердил его брак с августой Феοфано» (*Лев Диякон. История* / Пер. М.М. Копыленко. С. 30).

⁴¹ «После же совершения бракосочетания в Новой церкви дворца, когда должен был состояться вход в жертвенник, Полиевкт, держа его (Никифора — М.Г.) за руку и приблизившись к священной ограде, сам входит в алтарь, его же отталкивает назад, сказав при этом, что позволит ему войти в жертвенник не раньше, чем примет он епитимию, полагающуюся для второбрачных. Этим опечалил он Никифора, и тот не переставал негодовать на него вплоть до смерти. Также распространился повсюду слух, который немало взволновал Церковь, что, дескать, Никифор был восприемником от святого крещения одного из сыновей Феοфано. Приняв этот слух в качестве благоприятного повода, Полиевкт стал бороться за то, чтобы тот либо расстался с

На данном примере хорошо виден метод работы Льва с источником. Лев оставляет неприкосновенным основной смысл сюжета, а именно, что патриарх воспретил брак Никифора с Феофано по причине их духовного родства, но Никифору удалось увещаниями и оправданиями убедить Полиевкта, что не он, а Варда был восприемником от купели детей Феофано. Полное впечатление от рассказа Льва, что Никифор не виновен. Та же картина, но с совершенно другими акцентами у Скилицы. Прежде всего, она намного подробнее и не сводится к сообщению общих фраз о ситуации, а во-вторых, выставляет Никифора не в лучшем свете в этих обстоятельствах, фактически признавая его виновным в возводимом обвинении, которого он избегает не самым честным способом.

Таким образом, на всём протяжении повествования о Никифоре у Льва наблюдается причудливое сочетание дословных совпадений со Скилицей (и это не говоря уже о совпадении композиционной последовательности), но с совершенно другими акцентами. Так, например, Скилица говорит, что Никифор весьма опечалился, когда узнал, что взята Антиохия, и даже подверг опале военачальников, взявших ее, ибо было предсказание, что со взятием Антиохии умрет император. Лев же говорит, что о том, что Никифор возрадовался и вознес благодарность Богу⁴², и тут же приводит сцену с появлением таинственного монаха, передавшего Никифору письмо с предсказанием о том, что ему суждено вскоре умереть. Общим у двух авторов остается только основная канва: взятие Антиохии и связанное с ним предсказание. Но у Скилицы предсказание есть необходимый элемент «интриги», а у Льва оно «повисает», ибо имея цель оправдать Никифора в данной ситуации, Лев уже не знал, куда вставить его, и сделал это механически. До этого Лев приводит сочиненную им самим довольно нелепую речь Никифора, увещающего военачальников не брать Антиохию слишком быстро. Таким образом, по Скилице, выходит однозначно, что Никифор, боясь смерти, сознательно затягивал взятие города, а когда тот был всё же взят, разгневался на военачальников.

Другим, «вопиющим», примером того, как Лев выгораживал Никифора, является описание причин, по которым императора невзлюбили подданные. При сопоставлении со Скилицей⁴³, который посвятил ему весьма много места в своем повествовании и изложил, таким образом, в высшей степени неблагоприятно внутреннюю политику Никифора, со всей очевидностью выступают попытки Льва выставить Никифора в более выгодном свете путем многочисленных умолчаний и недомолвок при описании тех же событий (композиционно стоящих,

---

женщиной, либо удалился от Церкви. Так тот и поступил, не приближаясь к Феофано. Собрав же пребывающих в Городе епископов и избранных синклитиков, предложил Никифор подумать об этом. Они же все стали говорить, что это закон Копронима, и признали, что не нужно соблюдать его. Написав об этом разрешительную грамоту, вручили ему. Поскольку же Полиевкт все еще отказывался общаться с василевсом, кесарь сообщил ему, что Никифор не был восприемником. Да и Стилиан, протопоп Большого Дворца, через которого, как говорили, начал распространяться этот слух, явившись перед Синодом и синклитом, поклялся, что не видел и никому не говорил, чтобы Варда или Никифор были восприемниками. Полиевкт же, хотя и видел, что Стилиан очевидным образом клянется ложно, снял обвинение в *синтекнии*, и хотя прежде и настаивал на том, чтобы наложить епитимию за второбрачие, отпустил и это большое прегрешение».

⁴² Leo Diaconus. P. 82.25–83.1.

⁴³ Ioannes Scylitzes. P. 273.37–278.76.

опять же, на том же месте, что и у Скилицы)⁴⁴. В качестве причины, почему Никифор воздвиг вокруг дворца стену, Скилица приводит вполне объясненное предыдущим его повествованием недовольство народа и его враждебность к императору, Лев же опять — некое предсказание какого-то монаха или астролога о том, что Никифору суждено быть убитым во дворце. Даже если сопоставить количественно объем информации о неудачах внутренней политики Никифора, то мы увидим, что Лев пишет о ней в 5–6 раз меньше, чем Скилица, ибо этот сюжет не был выигрышен для того образа Никифора Фоки, который им создавался. Вообще же следует заметить, что у Скилицы, почти всегда сообщающего намного больше ценных деталей, чем Лев, объем соответствующей части его хроники в 3–4 меньше объема «Истории» последнего.

Следует далее заметить, что в повествовании о войнах Никифора между обоими историками не наблюдается особых противоречий.

Для того, чтобы подкрепить наши соображения проанализируем параллельно сведения Льва Диакона и Скилицы, посвященные правлению Иоанна Цимисхия. По мысли А.П. Каждана, эта часть в изложении обоих наших авторов не имеет своим основанием общего источника, хотя совпадения у обоих авторов допускаются⁴⁵. По нашему мнению, здесь присутствует досадное недоразумение.

О полном тождестве обоих произведений в описании убийства Никифора не стоит и говорить (тем более что на это указал уже Сюзюмов⁴⁶). Что же касается сведений о правлении Иоанна Цимисхия, то их условно можно разделить на три части: меры правления Цимисхия до войны со Святославом, война Варды Склира и императора со Святославом и деяния Цимисхия после войны со Святославом.

Нетрудно заметить, что авторы обоих наших источников придерживаются абсолютно идентичной последовательности изложения: 1) меры Цимисхия сразу после захвата им власти, изложенные в одинаковой последовательности обоими авторами⁴⁷; 2) война Варды Склира со Святославом⁴⁸; 3) отзыв Варды Склира в Малую Азию против Варды Фоки и подавления восстания, здесь же сведения о свадьбе Цимисхия и Феодоры⁴⁹; 4) война со Святославом Цимисхия и триумф⁵⁰ со вставкой о попытке переворота со стороны Льва Фоки⁵¹; 5) правление и деяния Цимисхия после болгарского похода⁵², изложенные на удивление кратко, несмотря на то, что восточные походы Цимисхия по своему значению

⁴⁴ Leo Diaconus. P. 63.13–64.21.

⁴⁵ Каждан А.П. Из истории византийской хронографии... С. 125: «Значительные расхождения как в последовательности изложения, так и в трактовке отдельных эпизодов заставляют сомневаться в существовании какого-то единого, общего для Льва Диакона и Скилицы источника в части, касающейся истории правления Иоанна Цимисхия». Этому противоречит мнение, высказанное еще Сюзюмовым (Об источниках... С. 147): «Больше всего общего со Скилицей Лев Диакон имеет в VI–IX книгах, именно при описании правлении Иоанна Цимисхия; наоборот, меньше всего при описании царствования Никифора». Последнее мнение представляется более правильным. Ср. также Сюзюмов М.Я. Об источниках... С. 159–160.

⁴⁶ Сюзюмов М.Я. Об источниках... С. 111–112. Сходится каждая фраза, хотя иногда и в вольной передаче.

⁴⁷ Ioannes Scylitzes. P. 284.93–287.90; Leo Diaconus. P. 93.1–96.15, 98.3–102.21.

⁴⁸ Ioannes Scylitzes. P. 287.91–291.5; Leo Diaconus. P. 105.1–111.16.

⁴⁹ Ioannes Scylitzes. P. 294.94–97; Leo Diaconus. P. 112.1–122.22, 124.22–127.

⁵⁰ Ioannes Scylitzes. P. 294.98–310.73; Leo Diaconus. P. 128.1–159.9.

⁵¹ Ioannes Scylitzes. P. 303.48–73; Leo Diaconus. P. 145.9–146.8.

⁵² Ioannes Scylitzes. P. 311–313; Leo Diaconus. P. 160.1–166.22.

и достигнутым результатам могли бы заслуживать гораздо большего внимания (краткость Скилицы и Льва Диакона в этой части своих произведений указывает на таковую же краткость и их общего источника, что является важным моментом для возможных его характеристик).

Таким образом, мы видим, что сюжетная линия в целом совпадает, остается посмотреть на некоторые частности ее представления.

Возьмем для начала первое же предложение из сочинений обоих авторов, посвященное мерам Цимисхия, связанным с удержанием власти, в первую же ночь переворота (наиболее показательные общие моменты, где присутствуют и дословные совпадения, выделены полужирным начертанием):

Ioannes Scylitzes. P. 284, 93–9:

Ἰωάννης δὲ ὁ Τζιμισκῆς τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς ἀποθανόντος τοῦ Νικηφόρου ἀνεδέξατο τὰς φροντίδας, συμβασιλεύοντας ἔχων αὐτῷ Βασίλειον καὶ Κωνσταντῖνον τοὺς υἱεῖς Ῥωμανοῦ, ὧν ὁ μὲν Βασίλειος ἑβδομον εἶλκε τῆς ἡλικίας ἔτος, ἄτερος δ' ὁ Κωνσταντῖνος πέμπτον, εὐθὺς οὖν Βασίλειον τὸν παρακοιμώμενον, ὃν Νικηφόρος ὁ βασιλεὺς οὐ μικρὰ συμβαλλόμενον αὐτῷ πρὸς τὴν τῆς βασιλείας κατάσχεσιν **προέδρου τετίμηκε, μήπω πρότερον ὄντος τοῦ ἀξιώματος, πρῶτον δ' αὐτοῦ τοῦτο ἐφευρηκότος**, νυκτὸς μεταπεμψάμενος κοινωνὸν τῆς ἀρχῆς προσελάβετο, ἅτε ἐν πολλοῖς χρόνοις τὰ τε πολιτικὰ μετελθόντα ἐπὶ τοῦ οἰκείου πατρὸς Ῥωμανοῦ τοῦ γέροντος καὶ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου τοῦ γαμβροῦ αὐτοῦ, καὶ πλειστάκις κατὰ τῶν Ἀγαρηῶν ἐκστρατεύσαντα, **καὶ δυσχερεῖαι πραγμάτων εἰδὸτα εὐφυῶς προσαρμόζεσθαι.**

Leo Diaconus. P. 93.1–94.8:

Τοῦ δ' αὐτοκράτορος Νικηφόρου τὸν τρόπον, ὃν εἴρηται μοι, ἀναιρεθέντος, τὰς τῆς βασιλείας ἡνίας Ἰωάννης, ὁ κατ' ἐπικλήσιν Τζιμισκῆς, ὑποζώννυται. ἤδη δὲ τετάρτης φυλακῆς τῆς νυκτὸς ἀρχομένης, ἑβδόμης ἡμέρας διαφανούσης, ἐνδεκάτης τελούσης τοῦ Δεκεμβρίου μηνός, κατὰ τὴν τρισκαιδεκάτην ἱνδικτον τοῦ ἐξακισχλιοστοῦ τετρακοσιοστοῦ ἑβδομηκοστοῦ ὁγδόου ἔτους, λογάδων ἀνδρῶν ξίφος, διὰ τῶν ἀγνῶν τοῦ ἄστεος διερχόμενον, αὐτοκράτορα Ῥωμαίων τὸν Ἰωάννην, σὺν τοῖς τῶν ἤδη βασιλεύσαντος Ῥωμανοῦ παισὶν ἀνηγόρευον· οἷς ἐκ διαστήματος ἐφεῖπετο Βασίλειος ὁ Νόθος, Ῥωμανοῦ τὸ πάλαι αὐτοκράτορος ἐκ Σκυθίδος υἱός, **τῷ τοῦ προέδρου ἐνδιαπρέπων ἀξιώματι. Νικηφόρος δέ, μόνος τῶν λοιπῶν σεβαστῶν, εἰς γέρας τῷ ἀνδρὶ ταύτην ἐκαινοτόμησεν τὴν τιμὴν**· ὅσπερ εἰ καὶ ἐκτομίας ἐτύγχανεν, ἀλλὰ τὴν ἄλλως δραστήριός τε καὶ ἀγχίνους ὑπῆρχεν ἀνὴρ, **εὐφυῶς τοῖς πράγμασι ἀρμοττόμενος.**

Нетрудно заметить, как оба автора излагают в одной последовательности те же моменты, представляя их немного по-разному и избирая для собственного повествования разные словесные и синтаксические обороты.

Далее Лев подробно рассказывает⁵³ об обстоятельствах переворота (что Скилица, в свою очередь опускает) и говорит о смещении родственников Никифора с руководящих постов. Здесь тексты обоих авторов вновь соответствуют друг другу:

Ioannes Scylitzes. P. 284.9–14:

ὃς εὐθὺς τὴν ἐπιτροπὴν εἰληφὼς τῶν πραγμάτων πάντας τοὺς εὐνοίαν τῷ Νικηφόρῳ φυλάττοντας ἐκ μέσου πεποίηκε, Λέοντα μὲν τὸν κουροπαλάτην ἐν Λέσβῳ περιορίσας καὶ Νικηφόρον βέστην, τὸν τούτου υἱόν, ἐν τῇ Ἱμβρῷ, Βάρδαν δὲ τὸν νεώτερον δοῦκα τότε Χαλδίας καὶ Κολωνείας τυγχάνοντα τὴν ἀρχὴν ἀφελόμενος ἐν Ἀμασεῖα παρέπεμψε γράμμασι.

⁵³ Leo Diaconus. P. 94.4–99.

Leo Diaconus. P. 95.19–96.11:

ὁ δέ γε Ἰωάννης, πρὶν τηλαυγῶς τῇ γῇ τὰς ἀκτῖνας προσυφαπλῶσαι τὸν ἥλιον, ταῖς μεγίσταις τῆς πολιτείας ἀρχὰς οἰκείους ἄνδρας ἀποκαθίστησι, Πραΐτωρα, καὶ τὸν πλωΐμων Δρουγγάριον, τῆς τε βίγλης καὶ ὃν καλοῦσι νυκτέπαρχον, τοὺς τοῦ Νικηφόρου παραιτησάμενος· οὗς ἅμα τοῖς ἐξ αἵματος ἐκείνου ἀνήκουσιν ἐν τοῖς σφετέροις ἀγροῖς διατρίβειν περέπεμψε, πίστει τε τῷ τοῦ αὐτοκράτορος Νικηφόρου ὁμαίμονι, Λέοντι τῷ Κουροπαλάτῳ καὶ Νικηφόρῳ Πατρικίῳ, τῷ υἱῷ τοῦ τοιοῦτου Λέοντος, περὶ τῶν σφῶν σωμάτων ἀπαθείας δούς, ἐς Μήθυμναν, τὴν ἐν Λέσβῳ τῇ νήσῳ κατῳκισμένην, περιορίζει· τοὺς τε τοπάρχας τῶν χωρῶν ἀπάντων μεθίστησι, καὶ οἰκείους ἀντ' αὐτῶν ἀποκαθίστησι. τότε δὴ καὶ Βάρδαν, τὸν τοῦ Κουροπαλάτου Λέοντος υἱόν, ἐν πατρικίοις τελοῦντα, καὶ τὴν τοῦ Δουκὸς ἀξίαν ὑπεζωσμένον, κἀν τοῖς τῆς Χαλδαίας ὁρίοις διατρίβοντα, τῆς ἀρχῆς παγανώσας, εἰς Ἀμάσειαν περιορίζει.

Здесь Лев более пространен и благодаря большей полноте описания, и тому неизменному качеству своей повествовательной манеры, которую Г. Хунгер точно охарактеризовал как *Fabulierfreudigkeit*⁵⁴. Можно и далее убеждаться в единстве источника: Лев излагает события более подробно с упоминанием деталей, хотя порой и неряшливо в отношении некоторых подробностей; Скилица, напротив, — более сух, деловит и последователен. Но в общем оба автора очень дополняют друг друга в деталях, ничуть не противореча друг другу в главном. Мы не имели бы о царствовании Цимисхия до 972 г. столь подробных сведений, обладай мы только одной из обработок общего для Льва Диякона и Скилицы источника.

Впрочем, Лев отнюдь не всегда более пространен. Можно привести места, где, наоборот, повествование Скилицы отличается большей полнотой, как, например, находящееся здесь же сообщение о нападении арабов на Антиохию весной 970 г., которое у Льва занимает четыре строки⁵⁵, а у Скилицы целую главку⁵⁶, причем общими являются сообщения о том, что арабское войско собралось из разных частей арабского мира и что разгромил их патрикий Николай, скопец, один из приближенных императора. Этот же принцип попеременной полноты и краткости сообщений обоих авторов можно проследить на большом объеме сведений, посвященных также и войне со Святославом. Оба они избирали для себя то, что сочли нужным либо интересным, что говорит о полной их независимости друг от друга и вновь недвусмысленно указывает на наличие у них общего источника.

Приведем еще один пример, весьма, по нашему мнению, показательный для характеристики того, как обращались с этим общим источником оба автора. Здесь мы еще раз встречаемся с позицией Льва, склонного в своей «Истории» умалчивать о неудачах и ошибках Никифора Фоки и обелять его:

Ioannes Scylitzes. P. 285.17–20:

... τοῖς τε παρὰ τοῦ Νικηφόρου φυγαδευθεῖσι κάθοδον ἐπιτρέπει, καὶ πρό γε τῶν ἄλλων τοῖς ἀρχιερεῦσι, τῷ μὴ θέλειν υπογράψαι τῷ τόμῳ, ὃν εἰς κατατομὴν καὶ ὕβριν τῆς ἐκκλησίας ἐξεῦρεν ἐκεῖνος ἐξορισθεῖσιν, ὡς ἤδη φθάσας ὁ λόγος ἱστορήσεν. ... (Ioannes Scylitzes. P. 285.33–34) ὁ πατριάρχης προσέτατε ... διαρραγῆναι δὲ καὶ τὸν τόμον, ὃν ἐπὶ συγχύσει τῶν ἐκκλησιαστικῶν ὁ Νικηφόρος πραγμάτων ἐξέθετο.

⁵⁴ Hunger H. Hochsprachliche profane Literatur... S. 368.

⁵⁵ Leo Diaconus. P. 103.8–11.

⁵⁶ Ioannes Scylitzes. P. 287.71–90.

Leo Diaconus. P. 98.20–99.2:

... καὶ πρόσθετὶ τὸν τόμον τῇ συνόδῳ προσαποτίσῃ, ὃν Νικηφόρος παρὰ τὸ εἰκὸς ἐνε-
ώχῃσεν. ὁ γὰρ Νικηφόρος εἴτε τὰ θεῖα πρὸς τινῶν τῶν ἱερέων κινούμενα βουλόμενος
διορθοῦν, ὡς ᾔετο, εἴτε κατεξουσιάζειν καὶ τῶν ἱερῶν, ὅπερ ἔκοντον ἦν, τόμον σχεδι-
άσαι τοὺς ἱεράρχας κατεβιάσατο, μήτι τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων ἐκτὸς τῆς ἐκείνου
ροπῆς ἐνεργεῖν.

Нетрудно заметить в этих отрывках всё ту же тенденцию, часто наблюдаемую в повествовании о царствовании Никифора Фоки: те части общего источника, которые говорят об этом императоре нелицеприятно (это касается, прежде всего, внутривполитических и церковных мер его), Скилица передает без существенных изменений, а Лев Диакон замалчивает или перетолковывает в пользу Никифора.

Нам кажется излишним приводить подробный анализ сведений обоих авторов, посвященных балканской войне Цимисхия, так как она полностью вписывается в изложенные нами выше принципы использования Скилицей и Львом Диаконем общего источника.

В конце повествования о царствии Иоанна Цимисхия (период после похода войны со Святославом) у обоих авторов также наблюдается полная согласованность в сообщениях. Есть сведения, совпадающие почти дословно: назначение патриарха Антония Студита, появление кометы. Опять наблюдается попеременная пространность и краткость в изложении, хотя следует признать, что Лев в этой заключительной части более подробен. Прежде всего, это касается сведений о войнах Цимисхия в Сирии, Финикии и Палестине, в отношении которых Лев несравненно более подробен (Скилица уделяет этому сюжету считанные строки). Как крайняя географическая точка этих войн обоими авторами упоминается Дамаск⁵⁷. Повторимся, что X книга «Истории» Льва является единственно соответствующей в какой-то мере провозглашенному Львом в предисловии к своему труду принципу *автопсии*, поэтому там можно встретить сведения, выходящие за временные рамки общего источника и являющиеся личными замечаниями и наблюдениями Льва, как, например, характеристика патриарха Антония Студита, написанная, очевидно, по личным впечатлениям⁵⁸.

Итак, мы имели теперь возможность наблюдать общность источника для обоих авторов также и при изложении событий начиная с заговора против Никифора и до смерти Иоанна Цимисхия и, таким образом, мы рассмотрели, пусть далеко и не исчерпывающе, весь описываемый совместно Львом Диаконем и Скилицей период.

Таким образом, следует подвести итог. На всем протяжении повествования обоих авторов, Льва Диакона и Скилицы, охватывающего период с 945 (?) по 976 г., наблюдается строгое композиционное единство, единая последовательность изложения, присутствует большое число лексических совпадений, которые распространяются на целые пассажи, разнообразные сведения обоих авторов не только не противоречат друг другу, но дополняют друг друга и вместе сообщают описываемому событию большую полноту в деталях. Происхождение всех имеющихся отличий должно быть приписано особой позиции Льва Диакона, труд которого, во-первых, имеет ярко выраженную тенденцию прославлять и оправдывать Никифора Фоку и Иоанна Цимисхия, замалчивать

⁵⁷ Leo Diaconus. P. 166.11; Ioannes Scylitzes. P. 311.92.

⁵⁸ Leo Diaconus. P. 164.6–165.2.

ошибки первого, его просчеты, а также истинные причины недовольства им в Византии, и, во-вторых, несет на себе неизгладимую печать литературно-стилистической обработки, которая выразилась во введении в ткань повествования выдуманных речей персонажей, рассуждений общего и околонуного толка, панегириков, а также в некоторой вычурности языка, что в комплексе привело к кажущемуся большому отличию труда Льва от произведения Скилицы⁵⁹. С другой стороны, представляется не совсем верным говорить о вражде или неприязни, проявляющейся в повествовании Скилицы о клане Фок, так же как и об особом интересе Льва к этому клану. Если сравнить на этот счет оба произведения, то вряд ли число упоминаний о деяниях Фок в произведении Льва Диакона существенно превзойдет их количество у Скилицы (вполне вероятно, что оно даже будет меньше). Наличие же двух версий, одну из которых можно трактовать как менее выгодную для репутации Фок, а вторую — как более, может говорить о том, что в общем источнике они были приведены обе, причем Лев по возможности опускал первую, а Скилица приводил обе, зачастую с выражением своего *ignoramus* по поводу того, какая из них правдивее, если только на это не стояло указание в самом источнике.

Таким образом, представляется неправомерным разбиение общей массы сведений на части, происходящие из двух источников, и вместо двух источников А и Б (по Сюзиому-Каждану) можно постулировать наличие одного общего источника⁶⁰. Отсюда также следует признать малую реальность существования отдельной «Истории Фок», из которой черпаются сведения обоих наших авторов, хотя следует допустить, что наши знания об историографических источниках времени правления Никифора Фоки далеко не полны⁶¹. Составление общего источника, естественно, относится ко времени после смерти Иоанна Цимисхия и до 991–995 гг., когда Лев, по всей вероятности, написал свою историю, т. е., очевидно, к 80-м годам X в.⁶² Следует отметить его высокую историческую ценность. Следует предположить, что он далеко не был исчерпан нашими двумя авторами, а также, быть может, Зонарой, ибо Скилица был вынужден прибегать к сокращениям из-за масштабности своего историографического предприятия, а Лев Диякон отличался тенденциозностью, некоторой небрежностью и большим желанием выдать свой

⁵⁹ Ср. Сюзиомов М.Я. Об источниках... С. 118–119.

⁶⁰ Характеризовать этот источник как *Kriegstagebuch* (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 336; Hunger H. Hochsprachliche profane Literatur... S. 391) представляется неоправданным, так как присутствует огромное количество сведений, с войной несвязанных.

⁶¹ На это нам намекает Михаил Атталиат (*Michael Attaliota*. Historia / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1853. P. 229.4–12), у которого наряду с пространными сведениями о Никифоре и в целом о Фоках встречается следующий пассаж: «Составлять же список прочих его (Никифора Фоки — М.Г.) достижений совершенно излишне в настоящем сочинении, ибо всякое сочинение и поэзия (ποίησις) полны ими. Как, осияв подобно бестелесному две мириады сторуких арабов, привел он к повиновению неисчислимые города: Антиохию Великую и Мелитину, Тарс и Германикию, а также город у источников Мопса и саму Адану и все окрестности, которые в кратком слове и не исчислить. Только те были мною названы, которые не были пропущены большинством писателей».

⁶² Существование такого источника, правда, для одного лишь Скилицы, предполагал уже Вартенберг (*Wartenberg G. Leo Diaconus und die Chronisten*. S. 285), замечая, что он мог носить официальный характер.

труд за аутентичный. Нужно лишь констатировать, что часть, посвященная Цимисхию, исчерпана обоими нашими авторами лучше, и остается только догадываться, сколько интересных подробностей оказалось пропущенными и теперь утерянными.

Грацианский Михаил Вячеславович

Кандидат исторических наук

Ведущий научный сотрудник

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119992 Москва

Электронная почта: gratsianskiy@mail.ru

Mikhail GRATSIANSKIY

ONCE AGAIN ON THE SOURCES OF THE HISTORY OF LEO DIACONUS

Abstract: The article investigates the problem of the sources of “History”, written by Leo Diaconus, and the corresponding part of the “Chronicle”, written by John Scylitzes. Basing on the analysis of corresponding passages in both works, the author of the article comes to the conclusion, which is contrary to the one dominating in historiography: namely, that there is only one basic common source for both authors, and not two.

Keywords: Leo Diaconus, John Scylitzes, sources

Literature Cited

- BELOV, E. “Борьба великого князя киевского Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием.” *Журнал Министерства народного просвещения* CLXX (December 1873).
- CHERTKOV, A. *Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 годах*. Moscow 1843.
- FISCHER, W. “Beiträge zur historischen Kritik des Leo Diakonos und Michael Psellos.” In *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1886.
- GRATSIANSKIY, M.V. “Дев Диакон — подражатель Лукиана.” *ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы*. Volgograd 2012.
- HUNGER, H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Vol. 1. München 1978.
- Ioannes Scylitzes. *Synopsis historiarum. Editio princeps*. Berolini; Novi Eboraci 1973 [CFHB. Vol. 5].
- IVANOV, S.A. “Полемиическая направленность «Истории» Льва Диакона.” *Византийский временник* 43 (1982).
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “О хронологии русско-византийской войны при Святославе.” *Византийский временник* 5 (1952).
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе.” *Византийский временник* 6 (1953).
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “К истории балканских войн Святослава.” *Византийский временник* 7 (1953).
- KAZHDAN, A.P. “Из истории византийской хронографии X в. 2: Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия.” *Византийский временник* 20 (1961).
- KAZHDAN, A.P. “Лев Диакон.” *Советская историческая энциклопедия*. Vol. 8. Moscow 1965.
- KAZHDAN, A.P. “Leo the Deacon.” *ODB*. Vol. 2. Oxford 1991.

- KRUMBACHER, K. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453)*. München 1897.
- LAMBIN, N.P. “О годе смерти Святослава.” *Записки Императорской Академии наук*. Т. XXVIII. St. Petersburg 1876.
- Leonis Diaconi *Caloënsis Historiae libri decem*. Bonnae 1828 [CSHB. Pars XI].
- Leo the Deacon. *Iστορία*. Transl, introduction and commentary by V. KARALĒS. Athens 2000.
- Leo the Deacon. *История Льва Диякона Калойского и другие сочинения византийских писателей*. Transl. by D. ПОРОВ. St. Petersburg 1820.
- Leo the Deacon. *История*. Transl. by M.M. КОПЫЛЕНКО, introduction by M.Ya. SYUZYUMOV, commentary by M.Ya. SYUZYUMOV and S.A. IVANOV, ed. by G.G. ЛІТАВРИН. Moscow 1988.
- LYUBARSKIY, Ya.N. “Замечания о художественном методе Льва Диякона.” In *Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII Международному Конгрессу византистов (8–15 августа 1991 г., Москва)*. Moscow 1991.
- MARKOPOULOS, A.Th.F. “Λέων ο Διάκονος.” In *Παγκόσμιο Βιογραφικό Λεξικό*. Vol. 5. Athens 1986.
- MICHAEL ATTALIOTA. *Historia*. Bonnae 1853.
- MORAVCSIK, G. *Byzantinoturcica*. Vol. 1. Berlin 1958.
- Nikephoros Phokas, «Der bleiche Tod der Sarazenen», und Johannes Tzimiskes: Die Zeit von 959 bis 976 in der Darstellung des Leon Diakonos. Übersetzt von Franz LORETTO. Graz; Köln 1961.
- PANAGIŌTAKĒS, N. “Λέων ὁ Διάκονος.” *Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν* 34 (1965).
- SYUZYUMOV, M.Ya. “Об источниках Льва Дьякона и Скилицы.” *Византийское обозрение* 2 (1916).
- SYUZYUMOV, M.Ya. “Мировоззрение Льва Дьякона.” *Античная древность и средние века*. 7 (1971).
- SYUZYUMOV, M.Ya. “Лев Диякон и его время.” In *Лев Диякон. История*. Moscow 1988.
- TALBOT, M.-A. with the assistance of DENNIS, G.T., and MCGRATH, S., introduction, translation, and annotations. *The History of Leo the Deacon: Byzantine military expansion in the tenth century*. Washington (D. C.) 2005 [DOS 41].
- VASIL'EVSKIY, V. “Заметка к статье Н.П. Ламбина о годе смерти Святослава.” *Записки Императорской Академии наук*. Т. XXVIII. St. Petersburg 1876.
- WARTENBERG, G. “Das Geschichtswerk des Leo Diakonos.” *Byzantinische Zeitschrift* 6 (1897).
- WARTENBERG, G. “Leo Diakonos und die Chronisten.” *Byzantinische Zeitschrift* 6 (1897).

Mikhail GRATSIAISKIY

PhD, Leading Researcher

Lomonosov Moscow State University, Faculty of History

Lomonosovsky prospect, 27–4

119992 Moscow

e-mail: gratsianskiy@mail.ru

Г.Г. Атанасов

О ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ АРМИИ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ВО ВРЕМЯ ЕГО ПОХОДОВ В БОЛГАРИЮ И О БИТВЕ ПОД ДРИСТРОЙ (ДОРОСТОЛОМ) В 971 г.

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению одного из спорных вопросов истории войн князя Святослава Игоревича с ромеями: вопроса о численности и составе его армии. Разные источники дают на этот счет различные и часто взаимоисключающие цифры.

Все хронисты обращают внимание на тот факт, что в Дристре вся армия Святослава была осаждена с суши и с воды, что вынудило ее укрыться за крепостными стенами. Благодаря сорокалетним археологическим исследованиям в Силистре (Дристре, Доростоле) нам достоверно известно, что около середины X в. эта крепость занимала площадь размером в 5 гектаров или 50 000 м². Очевидно, такая территория позволяет обеспечить жизненное существование не более 7–8 тыс. воинов на протяжении 3 месяцев, так как согласно стандартам каждому из них требуется как минимум около 8–10 м².

Ключевые слова: князь Святослав Игоревич, армия, Болгария, Дристра.

Походы русского князя Святослава Игоревича на Болгарию и Византию были подробно описаны средневековыми хронистами и многократно комментировались несколькими поколениями медиевистов¹. Одним из наиболее спорных

¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. М., 1988. С. 153–159; Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du X siècle. Vol. 1. P., 1890. P. 37–173; Иречек К. История на българите. София, 1978. С. 211–215; Дринов М. Южные славяне и Византия в X веке // Избрани съчинения. Т. 1. София, 1971. С. 524–542; Знойко Н. О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. 1907. Т. VIII. С. 230–264; Знойко Н. О походах Святослава на восток // ЖМНП. 1908. Т. XVIII. С. 271–285; Златарски В. История на българската държава през Средните векове. София, 1971. Т. 1–2. С. 548–594; Runsiman St. History of the First Bulgarian Empire. L., 1930. P. 199–205; Греков Б.А. Киевская Русь. М.; Л., 1949. С. 457–462; Карышковский П.О. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава // ВИ. 1951. No 8. С. 53–61; Он же. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. 1952. No 5. С. 127–138; Он же. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6. С. 36–71; Он же. К истории балканских войн Святослава // ВВ. 1953. Т. 7. С. 224–243; Он же. К истории балканских походов Руси при Святославе // КСИС. 1955. No 14. С. 26–30; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 258–267; Мутафчиев П. Съдбините на средновековния Дръстър // Избрани произведения. София, 1973. Т. II. С. 56–61; Мутафчиев П. Русско-болгарские отношения при Святославе // Избрани произведения. София. Т. II. 1973. С. 233–276; Божилков Ив. Към въпроса за византийското господство на Долни Дунав в края на X в. // StudBal. 1970. No 2. С. 75–96; Stokes A. D. The Balkan Campaigns

остаётся вопрос о численности и составе его армии². Причина этому заключается в том, что в разных источниках даются разные и часто взаимоисключающие цифры. Самым авторитетным из источников считается «История» Льва Диякона, который, с одной стороны, являлся современником этих событий, а с другой был достаточно хорошо информирован³. Он утверждает, что с Киевской Руси на Дунай Святослав направил с 60 000 дружинников, не считая наемников: печенегов и венгров⁴. В то же время, несмотря на то, что при Аркадиополе⁵

---

of Svetoslav Igorievich // SlavRev. 1962. № XL. С. 470–482; Browning R. Byzantium and Bulgaria. Vol. I. L., 1975. P. 70–73; Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 53–92; Shepard J. Some Problems of Russo-Byzantine Relations с. 860 — с. 1040 // SlavRev. 1974. N LII. P. 14–16; Obolensky D. Byzantium, Kiev and Chersones in the tenth century // BS. 1993. T. 54. P. 108–113; Толочко П. Київська Русь. Київ, 1996. С. 62–66; Malingoudis J. Die russisch-byzantinische Verträge des 10. Jh. aus dipolomatischer Sicht. Tessaloniki, 1994. S. 38–54; Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200. L.; N. Y., 1996. P. 144–150; Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 39–44.

² В русской летописи (ПВЛ. М.; Л., 1950. С. 49–50) утверждается также, что Святослав взял 80 болгарских крепостей. Возможно в этом сведении есть доля правды, так как для второй половины X в. в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии (главный театр войны 968–971 гг.) фиксируется свыше 50 каменных крепостей: Рашев Р. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.). Варна, 1982. С. 129–147; Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековието / Изследвания в чест на 70-годишнината на чл.-кор. проф. Страшимир Димитров // StudBal. 2001. No 23. С. 188–191. Обр. 5; Рабоянов Д. Извънстоличните каменни крепости на Първото българско царство (IX — началото на XI век). София, 2011. С. 22–26, 29–39, 163–185. Если причислить к ним еще и 30 укреплений по Добруджанскому каменному валу (Рашев Р. Старобългарски укрепления... С. 155–172; Рабоянов Д. Извънстоличните каменни... С. 26–29, 170–177), то выяснится, что действительно речь идет о более чем 80 крепостях. В некоторых из них, как, например, в Скала (Йотов В., Атанасов Г. Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1998. С. 50–53, 136), Цар Асен (Димова В. Ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа. 1993. No 10. С. 60; Атанасов Г. Нов поглед... С. 191), Окорш (Atanasov G., Jotov V., Mihailov K. The medieval fortress (beginning of 9th — beginning of 11th c.) near the village of Okorsh, Silistra province // CCBd. 2011. Vol. XXVIII. P. 226) и особенно в Руйно (Атанасов Г., Йотов В., Русев Н., Засыпкина М. Исследования городища Руйно-Картал кале (предварительное сообщение) // Stratum plus. 2000. No 5. С. 97–107; Атанасов Г. Крепостите до с. Руйно, Силистренско или селищна агломерация без аналог през X век // България в световното културно наследство. Материали от третата национална конференция по история, археология и културен туризъм «Пътуване към България». Шумен, 17–19 май 2012 г. — в печати), во время системных археологических исследований были с точностью зафиксированы пожары и разрушения конца X в., после чего жизнь снова возобновилась, а укрепления восстановлены. По нашему мнению, эти перемены были связаны с русско-византийско-болгарской войной 968–971 г. (Атанасов Г. Нов поглед... С. 185, 191–192; Атанасов Г. Крепостите до с. Руйно...).

³ По мнению некоторых исследователей Лев Диякон являлся прямым свидетелем войны, будучи участником похода Иоанна Цимисхия на Дристру, но П. Карышковский находит это маловероятным, так как к этому времени он был юношей едва 15–16 лет (Карышковский П.О. Балканские войны Святослава... С. 37. Примеч. 3). Того же мнения придерживается и М.Я. Сюзюмов (Лев Диякон. История / Перевод М.М. Копыленко, статья М.Я. Сюзюмова, комментарий М.Я. Созюмова, С.А. Иванова. Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1988. С. 145).

⁴ Leonis Diaconis Caloënsis Historiae libri decem / Rec. C.B. Nasilus. Bonnae, 1828. P. 77 (далее: Leo Diaconus); ГИБИ. Т. V. София, 1964. С. 248; Лев Диякон. История. С. 44.

⁵ Leo Diaconus. P. 108; ГИБИ. Т. V. С. 255; Лев Диякон. История. С. 59; Iohannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. B.; N. Y., 1973. P. 290–291 (далее: Scylitzes); ГИБИ. Т. VI. София, 1965. С. 262–263.

погибло 20 000 бойцов, а в битве при Преславе⁶ еще 8 500, в канун последних сражений у Дристры русская армия снова насчитывала 60 000⁷. В этих сражениях она потеряла еще 38 000 воинов и после заключения мирного договора с Иоанном Цимисхим в июле 971 г. Святослав отправился в Киев с оставшимися в живых 22 000 дружинников⁸. Иоанн Скилица в целом тоже придерживается этой цифры. По его мнению, Святослав направился в Болгарию с войском, которое насчитывало 308 000,⁹ однако исследователи считают это ошибкой переписчика, а в действительности речь идет о 38 000¹⁰. Впрочем, о подобной численности армии — 330 000 — в канун битвы при Дристре весной 971 г. упоминается и в другом источнике¹¹. Иоанн Зонара, следуя в основном за мнением Скилицы, тоже отмечает, что Святослав отправился в Болгарию с трехсоттысячной армией¹², а что касается битвы при Великом Преславе, он упоминает, что контингент войск Святослава состоял из 8 000 скифов¹³.

Еще М.В. Левченко обратил внимание на том, что указанные хронистами данные о русско-варяжской армии являются сильно преувеличенными по той причине, что не существовало практической возможности переправить на ладьях¹⁴ такое многочисленное войско и прокормить его в слабо заселенной причерноморской степи¹⁵. В общем, в обширной русской историографии на эту тему численность войска Святослава варьируется в пределах от 10 000 (по мнению представителей старшего поколения: С.М. Соловьев, Н. Знойко и др.) до 60 000 (прежде всего советские послевоенные исследователи, такие как Б. Греков, А.В. Сахаров, П.П. Толочко), причем обычно ими уточняется, что в это число не входили союзники. Авторы, поддерживающие эти два тезиса, ссылаются в основном на следующие источники: Ипатьевскую летопись и Льва Диакона. В западной литературе под влиянием мнения Ст. Рансимена утвердилась численность 16 000¹⁶, принимаемая Р. Браунингом¹⁷ и Д. Лангом¹⁸, но без указания точного основания. В болгарской историографии тоже нет единого мнения по этому вопросу. Почти без всякого комментария, исходя из своих предпочтений, отдельные авторы указывают на цифры, взятые непосредственно из того или из другого письменного источника. В конце

⁶ Leo Diaconus. P. 134–136; ГИБИ. Т. V. С. 262–263; *Лев Диакон*. С. 71; Scylitzes. P. 296; ГИБИ. Т. VI. С. 265.

⁷ Leo Diaconus. P. 139; ГИБИ. Т. V. С. 265; *Лев Диакон*. История. С. 73.

⁸ Leo Diaconus. P. 156; ГИБИ. Т. V. С. 273; *Лев Диакон*. История. С. 87.

⁹ Scylitzes. P. 288–289; ГИБИ. Т. VI. С. 261.

¹⁰ *Златарски В.* История на българската държава... С. 577. Бел. 6; ГИБИ. Т. V. С. 255. Бел. 2.

¹¹ Scylitzes. P. 301; ГИБИ. Т. VI. С. 266.

¹² *Iohannes Zonaras. Epitome historiarum libri XIII–XVIII / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. P. 523* (далее: Zonaras); ГИБИ. София, 1968. Т. VII. С. 180.

¹³ Zonaras. P. 527; ГИБИ. Т. VII. С. 181.

¹⁴ Ошибочным является мнение, что армия Святослава преодолела расстояние от Киева до Преслава и Дристры только на ладьях. В письменных источниках действительно упоминаются ладьи, но в них говорится еще и о коннице, а из контекста событий подразумевается, что большинство воинов передвигалось пешком. Речь не идет о союзниках печенегам, которые в основном передвигались на лошадях.

¹⁵ *Левченко М.В.* Очерки по истории... С. 259–260.

¹⁶ *Runsiman St. History...* P. 201.

¹⁷ *Browning R. Byzantium and Bulgaria.* P. 71.

¹⁸ *Lang D. Op. cit.* P. 67.

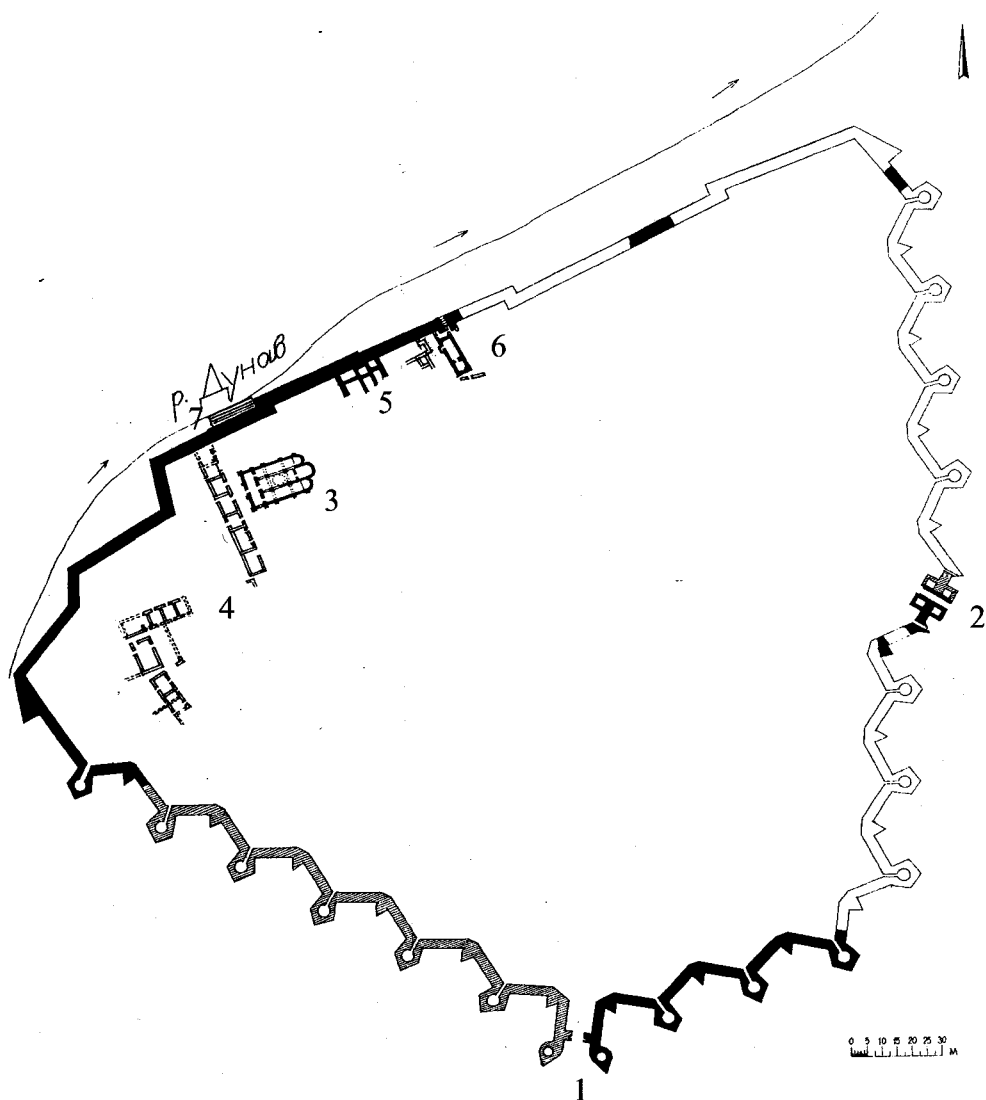

Рис. 1. План крепости Дристра X в. по Г. Атанасову: 1 — Южные ворота; 2 — Восточные ворота; 3 — кафедральная (патриаршая) церковь; 4 — патриаршая резиденция; 5 — резиденция владетеля; 6 — баня; 7 — порт.

XIX в., находясь под влиянием Ипатьевской летописи и исследований старой русской школы, К. Иречек и М. Дринов приняли, что Святослав вел к Нижнему Дунаю 10 000 дружинников¹⁹. Однако более популярным является мнение В. Златарского, который, основываясь на сообщениях Льва Диякона и ссылаясь на исследования Н. Знойко²⁰, утверждает, что дружинники Святослава насчитывали 10 000, а численность остальных воинов составляла 50 000 (общая численность: 60 000), в число которых входили союзники —

¹⁹ Иречек К. История на българите. С. 212; Дринов М. Южные славяне... С. 528.

²⁰ Знойко Н. О посольстве Калокира... С. 240–247.

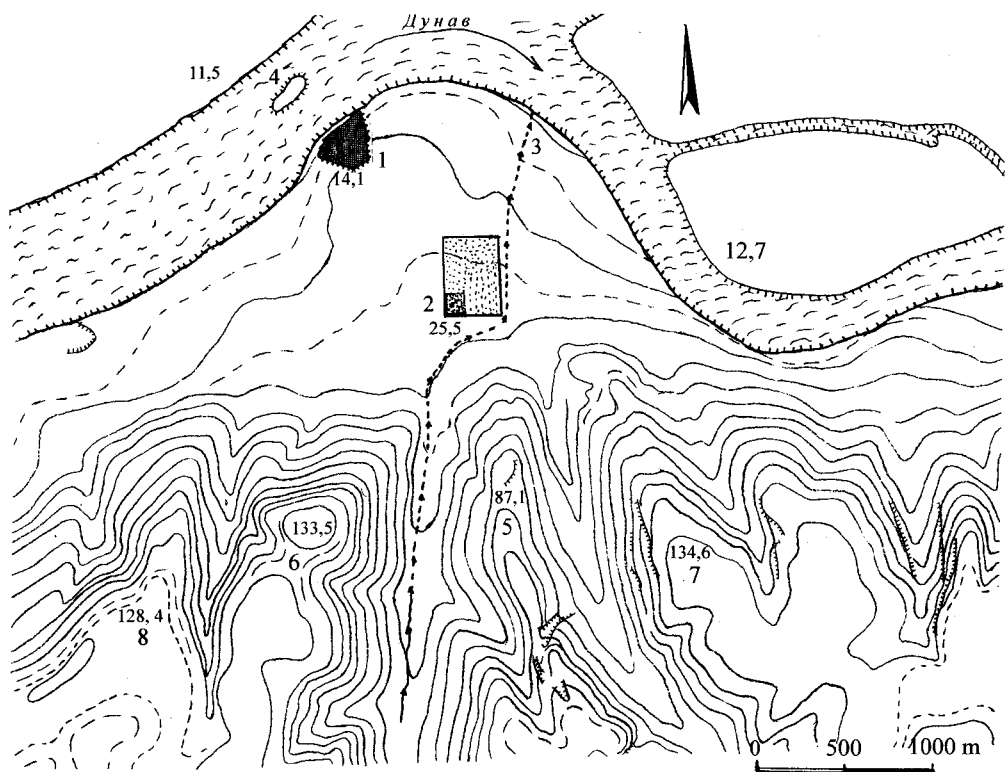

Рис. 2. Топография Дристры и окрестностей X в. по Г. Атанасову: 1 — Дунайская цитадель; 2 — лагерь XI Клавдиева легиона; 3 — речка Дристра; 4 — остров напротив крепости, исчезнувший в конце XIX в.; 5 — Орду табия; 6 — Меджид табия; 7 — Араб табия; 8 — Кючук Мустафа табия.

печенег и венгры²¹. Болгарский ученый П. Мутафчиев, который наиболее подробно исследовал походы Святослава, подходит более осторожно к своим выводам. Он ставит акцент на цифру 60 000, указанную в сочинении Льва Диакона²², и выражает свое мнение, что такое число воинов является сильно преувеличенным. Сам он утверждает, что армия Святослава была не очень многочисленной, указывая в качестве источника Ипатьевскую летопись²³. В академическом издании Истории Болгарии, следуя снова за мнением Льва Диакона, В. Тыпкова-Заимова пишет, что Святослав вел с собой войско численностью в 60 000 человек (исключая наемников)²⁴. Та же самая численность армии Святослава без всяких оговорок принимается и Ив. Божиловым²⁵. Эти цифры, однако, упоминаются только в ходе описания событий, специальному обсуждению и углубленному анализу они не подвергаются.

Приступая к выяснению численности армии Святослава, мы должны разграничить дружинников Святослава и его наемников: печенегов, венгров и,

²¹ Златарски В. История на българската държава... С. 552–553. Бел. 22.

²² Мутафчиев П. Съдбините на средновековия... С. 51.

²³ Там же. С. 57. бел. 100.

²⁴ История на България. Т. 2: Първа българска държава. София, 1981. С. 390.

²⁵ Божилов Ив., Гюзелев В. История на средновековна България VII–XIV век. София. Т. 1. 1999. С. 296; Божилов Ив., Гюзелев В. История на Добруджа. Т. 2. Велико Търново, 2004. С. 65.

наконец, болгар, которые, по мнению всех хронистов, являлись его союзниками. Наряду с этим, если в битвах при Филиппополе и Аркадиополе армия Святослава включала всех его союзников и наемников, т. е. русских дружинников, нанятых печенегов, венгров и присоединившихся болгар, то при Преславе он мог рассчитывать только на болгар, в то время как при Дристре (рис. 1, 2) он сражался, уже только имея при себе свое русское войско²⁶. Действительно, после неудачи в битве у Аркадиополя наемники — печенеги и венгры, — догадываясь, что перспектива грабежа ромейских городов становится сомнительной, покидают театр военных действий. Лев Диакон и Скилица с уверенностью утверждают, что болгары воевали плечом к плечу с русскими войнами как при Филиппополе и Аркадиополе, так и у Преслава. После поражения под Преславом и взятия в плен царя Бориса II Иоанном Цимисхием, болгары стали проявлять все большие колебания, что кончилось полным разрывом в их отношениях перед битвой у Дристры²⁷. Тогда Святослав казнил часть знатных болгарских вельмож, других взял в плен, и в конечном итоге, начал и закончил битву у дунайской крепости совершенно один, только со своими дружинниками²⁸. Все хронисты обращают внимание на тот факт, что вся армия Святослава была осаждена с суши и с воды, что вынудило ее скрыться за стенами Дристры²⁹.

²⁶ Leo Diaconus. P. 139–140; ГИБИ. Т. V. С. 265; *Лев Диакон. История.* С. 201. Бел. 81; С. 206–207. Бел. 21, 29, 40; Scylitzes. P. 287–289; ГИБИ. Т. VI. С. 267–269; Zonaras. P. 527–529; ГИБИ. Т. VII. С. 181–182; *Мутафчиев П. Съдбините на средновековния...* С. 56–61; *Мутафчиев П. Русско-болгарские отношения...* С. 234, 237, 252; *Карышковский П.О. Русско-болгарские отношения...* С. 53–61.

²⁷ Единственная находка, которую на данный момент можно условно соотнести с походом и пребыванием русской армии в Дристре — это миниатюрный культовый топорик высотой в 3,5 см (*Атанасов Г. Раннесредновековни амулети от Дръстър // ИНМВ. 1988. No 24. С. 86–87. Табл. I–II, II–III; Atanasov G. De la semantique et de l'origines des hachettes-amulettes de terres Bulgaries Nord-Est // Buletin de l'Institut d'Archeologique. Sofia, 1994. No XXXVIII. С. 76–77. Fig. 1a) (рис. 3, 4), считавшийся символом славянского бога Перуна, контаминированного с богом Тором (*Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. No 4. С. 93–95; Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. No 2. С. 41–56; Atanasov G. De la semantique... P. 76–80*). Подобные топорики были обнаружены также в соседней Дристре островной крепости Пэкуюл луй Соаре и в Преславе (*Diaconu P., Viceanu L. Păciul lui Soare. București, 1972. Vol. 1. P. 159. Fig. 56–1; Atanasov G. De la semantique... P. 76–80. Fig. 1 a-d*). Принято считать, что они являлись отличительным знаком молодых русских воинов дружинников, но В. Даркевич и Н. Макаров датируют их после начала XI–XII в. Открытые в Болгарии топорики, однако, являются находками из крепостей, связанных именно с походом Святослава конца X в.: Дристр, соседняя крепость Пэкуюл луй Соаре и Преслав. Кстати, если в Дристре, и соответственно в Пэкуюл луй Соаре, в конце XI и XII в. зафиксировано недолгое русское присутствие и находки, связанные с Киевской Русью (Киевские кресты и так называемые Овручские пряслица для веретена: *Павлов П. За руского присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки XI–XII в. // Добруджа. 1986. № 3. С. 11–20; Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. С. 39–53*), то в Преславе после похода Святослава отсутствуют всякие подобные памятники и данные о них в источниках. Образцы топориков из древнерусских городов несущественно отличаются по форме и орнаменту от найденных в болгарских крепостях. Все это, впрочем, проблемы, которые требуют сравнительного исследования.*

²⁸ Leo Diaconus. P. 140–145; ГИБИ. Т. V. С. 267–268; *Лев Диакон. История.* С. 73; Scylitzes. P. 289; ГИБИ. Т. VI. С. 263.

²⁹ Leo Diaconus. P. 140–157; ГИБИ. Т. V. С. 267–273; *Лев Диакон. История.* С. 74–81; Scylitzes. P. 301–309; ГИБИ. Т. VI. С. 263–256.

Рис. 3. Русско-варяжский культовый топорик из Дристры (Силистры)

Благодаря 40-летним археологическим исследованиям в Силистре мы уже точно знаем, что около середины X в. крепость Дристра занимала площадь размером в 5 гектаров или 50 000 м².³⁰ Очевидно, что на такой территории нельзя обеспечить на протяжении трех месяцев проживание 7–8 тыс. воинов, так как каждому из них требуется для размещения как минимум около 8–10 м². Нужно учитывать и тот факт, что в пределах крепости помещались массивные постройки, кафедральный храм, резиденции (рис. 1), нужно было место для хранения продовольствия, оружия (каменные боевые шары, которые русские метали на ромев), животных и лошадей (хронисты

пишут, что Святослав использовал конницу во время сражений). Существует мнение, что здесь продолжало жить и болгарское население. С учетом всего вышесказанного, если предположить, что в Дристре действительно была сосредоточена 30-тысячная армия, то тогда на одного человека (исключая застроенную территорию) приходилось чуть больше 1 м², что является абсурдом, если учесть, что жить приходилось на осадном положении в течение 90 дней. Цифра в 300 000 в таком случае выглядит уже совершенно фантастичной. Исходя из реальных, 7–8 тысяч бойцов — это критический максимум, который мог вместиться на территории крепости Дристры. Это вполне соответствует утверждению древнерусской Ипатьевской летописи, что Святослав (по его собственным словам) отправился во второй поход на Болгарию с 10 000 воинов³¹.

Нам неизвестно, каковы были стандарты во время Средневековья и более конкретно в X в., но в I–III вв. по стандартам Римской империи гарнизону, состоящему из 300 легионеров и 150 лошадей отводился один гектар укрепленной площади³². Во время Принципата площадь, которая отводилась лагерям легионеров (5500–6000 человек) варьировалась в пределах 16–26 гектаров. Это предполагает, что одному воину определялось 30 м² жизненного пространства, т. е. крепость Дристра, имея площадь 50 000 м², могла, согласно римским нормам,

³⁰ Атанасов Г. Дръстър (Силистра) и дунавската резиденция на българските ханове през първата половина на IX в. // Археология. 2012. No 1. С. 32–33. Обр. 11; Atanasov G. The Castellum of Durostorum—Dorostol—Drastar on the Bank of the Danube in Silistra. Silistra, 2013. P. 5–22, fig. 4; Atanasov G. The Danubian Fortress of Durostorum — Dorostol — Drastar — Silistra (4th–19th c.) // Corpus of Ancient and Medieval Settlements in Bulgaria. Vol. 2. Sofia, 2014. Обр. 1, 2.

³¹ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871 С. 45; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. 57–58; Соловьев С.М. История России... С. 15.

³² El-Saghir M., Golvin J.-C., Reddé M., El-Sayed H., Wagner G. Le camp romain de Louqsor. Le Caire, 1986 [MIFAO 83]. P. 24; Lander J., Parker S. Legio IV Martia and the legionary Camp at el-Lejjun // BF. 1982. No VIII. P. 185–198; Jones A. The Later Roman Empire, 284–602. Vol. 2. Oxford, 1964. P. 680–682; Duncan-Jones R. Pay and the Number in Diocletian's Army // Chiron. 1978. No 7. P. 541–560.

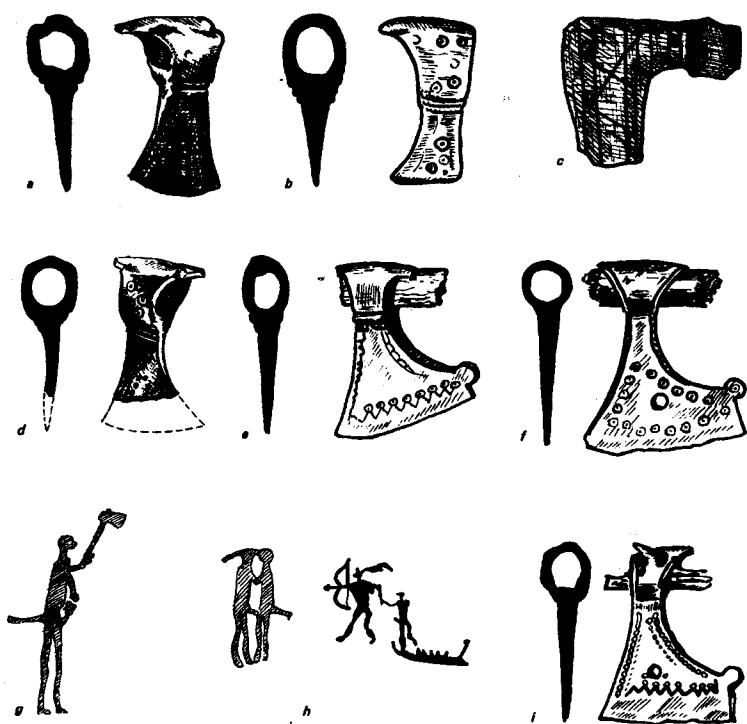

Рис. 4. Русско-варяжские культовые топорики по В. Даркевичу и Г. Атанасову, найденные: а — в Дристре (Сицистра); б — в Пэкуял луй Соаре; с — в Преславе; d — в регионе Преслава; е — в Булгаре; f — в Городище. g, h — граффити из Скандинавского полуострова, изображающие бога Тора с культовым топориком; i — культовый топорик из Саркела

вместить 1700 бойцов. По другому стандарту, которым часто пользуются исследователи античной фортификации и римской армии, на 300 человек должен приходиться 1 акр площади, т. е. 4 дка или 4000 м². По этим меркам Дристра со своей площадью в 50 000 м² могла бы принять около 4000 человек. Наконец, в крупных византийских городах VI–VII вв. средняя плотность населения вычисляется из расчета 150–200 человек на гектар³³. Это предполагает, что в мирное время в цитадели Дристры могло проживать около 1000 человек. Во время войны плотность населения едва ли может быть увеличена более чем до 5–7 тыс. солдат. Кстати, анализируя раннесредневековую крепость Анкира (совр. Анкара), построенную в VII в. и обладавшей площадью в 5 гектаров, аналогичной Дристру, А. Лоуренс высказывает предположение, что ее защитники насчитывали несколько тысяч, большую часть которых, по всей вероятности, составляли местные жители³⁴. В данном случае, однако, речь идет о постоянно действовавшем гарнизоне, а не о реалиях осажденной крепости. Но даже

³³ Jacobi D. La population de Constantinople à l'époque Byzantine: un problème de démographie urbaine // Byz. 1961. Vol. 31. P. 81–109; Russel J.C. Late ancient and medieval population // TAPhS. 1958. Vol. 48, 3. P. 64–70; Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII — середины XIII в. М., 1984. С. 22–23.

³⁴ Lawrence A. A Skeletal History of Byzantine Fortification // Papers of the British School at Athens. 1983. No 78. P. 204.

и при этих форсмажорных обстоятельствах, вряд ли пространство размеров в 5 гектаров смогло бы вобрать в себя более чем в два раза больше войнов, чья максимальная численность могла бы достичь примерно 6–8 тысяч. В турецких крепостях (например Лютик) в XVII в. 1 гектар площади был рассчитан на 600 войнов, а во время осады — максимум на 1900 человек³⁵. При установленной площади Дристрской крепости в 5 гектаров, означает, что даже и по этим стандартам она могла бы принять максимум 8 тыс. человек. Учитывая погибших в битвах у Аркадиополя и Великого Преслава, кажется вполне возможным, что в действительности Святослав сосредоточил в крепости Дристр не более чем 7–8 тысяч дружинников. Кстати, в своем сочинении Скилица пишет, что Иоанн Цимисхий отправился в Болгарию весной 971 г. с 5000 пеших и 4000 конных воинов³⁶. Прибавив еще и флотилию, получается, что у Дристры его армия насчитывала около 10 000 бойцов, что вполне сопоставимо с численностью армии Святослава. Однако это нельзя считать точным критерием, так как Лев Диакон утверждает, что Иоанн Цимисхий отправился в Великий Преслав с 15 000 пехоты и 13 000 конницы³⁷. Если снова добавить прибывшую позднее флотилию в составе 300 кораблей³⁸ да еще и обоз, то окажется, что император имел в своем распоряжении как минимум 30-тысячную армию. В то же время, прослеживая в источниках подробные описания битвы под Дристрой, у нас складывается впечатление, что обе армии были сопоставимы по численности и воинской доблести. Исходя из этого мы можем себе представить неудобство византийских хронистов и конкретно Льва Диакона при необходимости представить действительное состояние сил во время битвы за Дристр. Действительно для одержимой идеей величия и мирового господства 30-тысячной ромейской армии и флотилии, недавно разгромивших мощь Арабского халифата³⁹, ситуация была очень обидной, поскольку они во главе с самим императором месяцами не могли справиться с 8000 русских дружинников. Будучи варварами и язычниками, те оказались вполне равноценными противниками в битвах⁴⁰. Этим и было продиктовано семикратное, даже тридесетикратное завышение численности армии Святослава и сильно преувеличенное число жертв: в битве при Адрианополе 20 000, в Преславе 8 500, в Дристре 38 000 по сведениям Льва Диакона⁴¹.

Ко всему этому следует добавить, что относительно битвы под Дристрой в мае-июле 971 г. в источниках встречаются намеки на план «сильной мизийской

³⁵ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II: Дневник генерала Гордона об осаде Азова в 1695 и 1696 годах. Доп. No 2. СПб., 1861. С. 392; Чеснок В. Крепость Лютик (XVII–XVIII вв.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д, 1988. С. 66–73.

³⁶ Scylitzes. P. 295; ГИБИ. Т. VI. С. 263.

³⁷ Scylitzes. P. 295; ГИБИ. Т. VI. С. 263.

³⁸ Leo Diaconus. P. 127, 143; ГИБИ. Т. V. С. 259, 267; Лев Диакон. История. С. 44, 75.

³⁹ Острогорски Г. История на византийската държава. София, 1998. С. 373–376, 381–382, 389–390.

⁴⁰ Император Иоанн Цимисхий отправился к Дристре с самым сильным войском, которым располагала Византия в славном для нее X в.: устрашающие «огненосные триеры» (точнее дромоны), корпус «бессмертных» и малоазийские тагмы (Лев Диакон. История. С. 57, 59, 68–69), прославившиеся беспрецедентными победами над арабами до и после битвы 971 г. (Острогорски Г. История... С. 381–382, 389–390).

⁴¹ Лев Диакон. История. С. 59, 70–71, 81.

крепости», как ее характеризует Лев Диакон⁴². Он, наряду с авторами остальных источников, — Иоанном Скилицей, Иоанном Зонарой, а также русскими летописями, — ставит акцент на сильную укрепленность крепости, которую в отличие от Преслава элитная императорская армия и флотилия не смогли взять военными средствами. В Преславе внешняя стена была взята ромеями еще в первый день, а цитадель сдалась через два дня⁴³. Хронисты обращают внимание на тот факт, что даже несмотря на использование высокотехнологичных и многочисленных стенобитных орудий византийцам не удалось нанести серьезные повреждения и пробоины крепостной стене Дристры. В дополнение Скилица отмечает, что со стороны суши у крепости были двое ворот: восточные и западные⁴⁴. Действительно, в результате археологических исследований на данный момент были локализованы двое ворот со стороны суши: юго-восточные и юго-западные (рис. 1)⁴⁵. Любопытным является утверждение Скилицы о том, что после затягивания кольца осады Святослав приказал выкопать вокруг крепости глубокий ров, связанный с Дунаем и это было проделано за одну ночь⁴⁶. Многозначителен и тот факт, что по своим личным впечатлениям, в середине XVII в.⁴⁷ Евлия Челеби тоже пишет о таком рве. О существовании такого рва до середины XIX в. находим указания в более поздних планах Силистры (рис. 5)⁴⁸. Утверждение, что он был выкопан за одну ночь, однако, является слишком преувеличенным. На данном этапе можно предположить, что Святослав приказал расчистить раньше выстроенный вокруг крепости вал. Когда он был выкопан, трудно установить, поскольку до сих пор он не был зафиксирован во время археологических исследований. Примечателен факт, что почти все староболгарские земляные укрепления IX в. и каменные крепости X в. в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии были оснащены валами⁴⁹. Поэтому мы допускаем, что во время восстановления крепости Дристры в начале IX в. при хане Омуртаге⁵⁰ или не позднее ее дополнительного укрепления при царе Симеоне Великом в связи с войнами с венграми⁵¹ вокруг нее был выкопан ров, которым воспользовался князь Святослав. Очевидно, его регулярно очищали в период позднего Средневековья, коль скоро он смог сохраниться до XVII в., когда о нем сообщает Евлия Челеби⁵², и даже до середины XIX в., о чем свидетельствуют планы Силистры, на которых он значится (рис. 5).

⁴² Leo Diaconus. P. 78; ГИБИ. Т. V. С. 248); *Лев Диакон*. История. С. 44.

⁴³ Leo Diaconus. P. 135–138; ГИБИ. Т. V. С. 262–264; *Лев Диакон*. История. С. 70–72; Scylitzes. P. 296; ГИБИ. Т. VI. С. 265.

⁴⁴ Scylitzes. P. 296; ГИБИ. Т. VI. С. 268.

⁴⁵ *Атанасов Г. Дръстър (Силистра) и дунавската резиденция...* С. 32–33. Обр. 11; *Atanasov G. The Castellum of Durostorum–Dorostol–Drastar...* С. 10–13, fig. 4, 22, 30, 39; *Atanasov G. The Danubian Fortress...* Обр. 2.

⁴⁶ Scylitzes. P. 296–297; ГИБИ. Т. VI. С. 269.

⁴⁷ *Гаджанов Д. Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII в. // ПСп.* 1909. No 70. С. 660–664.

⁴⁸ История на Добруджа. София, 1988. Т. 3. С. 241.

⁴⁹ *Рашев Р. Старобългарски укрепления...* С. 91–120, 129–147; *Рабовянов Д. Извънстоличните каменни...* С. 22–26, 29–39, 163–185.

⁵⁰ *Атанасов Г. Дръстър (Силистра) и дунавската резиденция...* С. 32–33. Обр. 11; *Atanasov G. The Danubian Fortress...* Обр. 1.

⁵¹ *Божилков Ив. Цар Симеон Велики (893–927). Златният век на средновековна България.* София, 1983. С. 91.

⁵² *Atanasov G. The Castellum of Durostorum–Dorostol–Drastar...* С. 32–36.

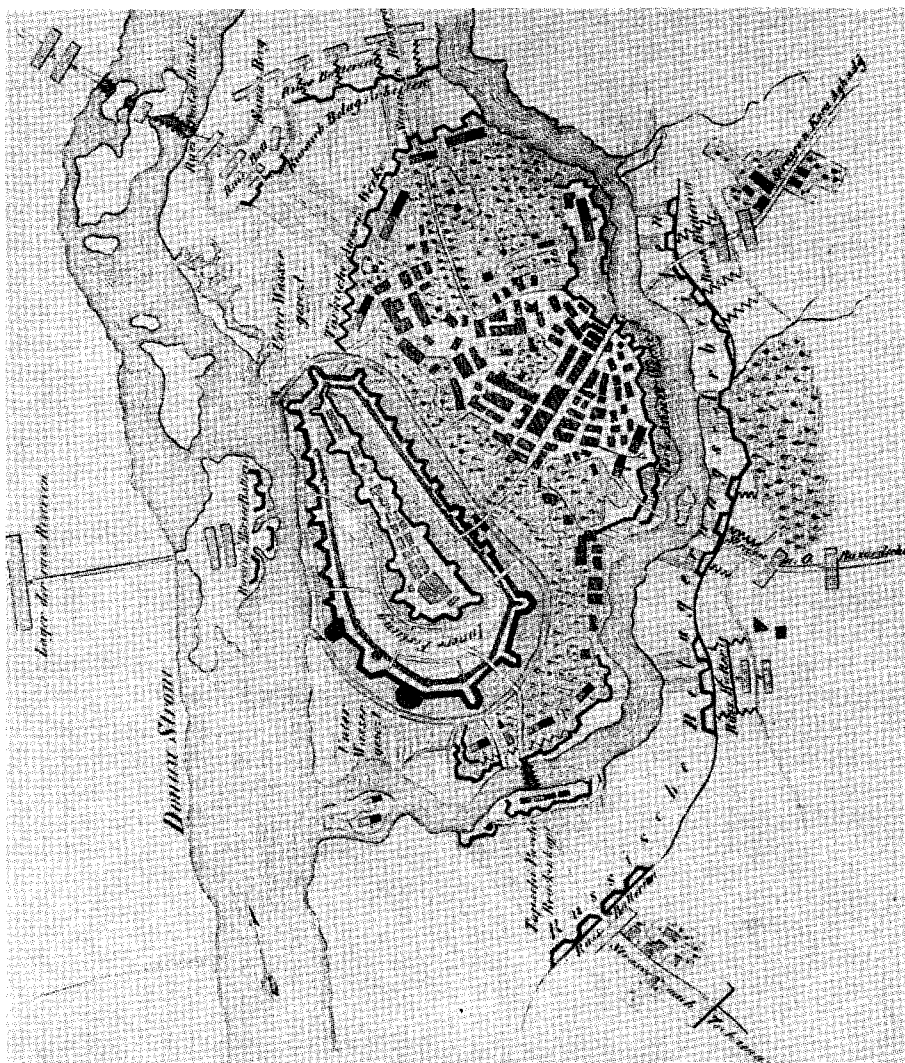

Рис. 5. План Силистры середины XIX в. с изображением рва вокруг средневековой цитадели на берегу Дуная, который использовался в период всего средневековья и вплоть до XIX в.

Существуют указания, благодаря которым можно предположить также, где находился лагерь Цимисхия перед Дристрой. Как пишет Лев Диакон «...на некотором расстоянии от Доростола в поле имеется невысокий холм, на котором (император — Г.А.) расположил свое войско: приказал выкопать вокруг ров, землю, извлеченную из рва, насыпать валом с той стороны рва, которая ограждает стан, а после того как земляной вал достигнет достаточной высоты, воткнуть в землю копы и на них повесить длинные щиты....»⁵³ Скилица отмечает только, что ромейское войско было расположено в сильно укрепленном лагере⁵⁴. Из контекста событий складывается впечатление, что этот лагерь был размещен недалеко от крепости на ровном месте, находившемся перед ней. Это ровное поле в действительности простирается в радиусе 15 000 м к югу от крепости на дунайском берегу, за ним с запада на восток начинаются возвышения: Араб табия (высота над уровнем моря 134,8 м), Орду Табия (высота над уровнем моря 87,1 м), Меджид табия (высота над уровнем моря 133,5 м), Кючук Мустафа табия (высота над уровнем моря 114,9 м) и др. (рис. 2). Где-то на равнине под ними и был расположен невысокий холм, о котором идет речь⁵⁵. Кстати, византийская писательница Анна Комнина, которая является и современницей события, описывая поход своего отца, императора Алексея Комнина в Дристру в 1087 г., отмечает, что в городе Дристра на двух возвышениях были расположены две цитадели или *акрополи*, как она их называет⁵⁶. Путем археологических и топографических доказательств уже точно установлено, что одним из укрепленных акрополей является упомянутая выше крепость, расположенная на дунайском берегу, а второй акрополь находится там, где в II–VI в. размещался укрепленный лагерь XI Клавдиева легиона⁵⁷. Действительно, это и есть единственное укрепленное возвышение (акрополь) в поле, за пределами крепости на дунайском берегу, расположенное при этом на высоте над уровнем моря на 10–12 м выше, чем сама крепость. Юго-западный угол лагеря легиона, о котором имеются сведения, что он был далее использован и дополнительно укреплен в VI в., находится приблизительно в 700 м от южных ворот дунайской крепости (рис. 1, 2)⁵⁸, за которыми укрепила армия Святослава. С точностью можно утверждать, что в VII в. его укрепления были разрушены, но несмотря на многолетние археоло-

⁵³ Leo Diaconus. P. 141; ГИБИ. Т. V. С. 266; Лев Диакон. История. С. 75.

⁵⁴ Scylitzes. P. 300–301; ГИБИ. Т. VI. С. 267.

⁵⁵ Предположение П. Георгиева, что византийский лагерь был расположен на возвышении Орду табия представляется нам неприемлемым (Георгиев П. За мястото на първоначалното заселване на прабългарите при Дуросторум — Доростол // Добруджа. 2002. No 20. С. 66–77). Это возвышение является не невысоким холмом среди поля, расположенным недалеко от крепости, а сегментом Добруджанского плато (вторая незаливная терраса) высотой 90 м, возвышавшегося над Дунаем, и находилось оно более чем в 1,5 км к югу от ворот Дристры. Это возвышение вполне сопоставимо по высоте и конфигурации с соседними Меджид табия, Араб табия (с атаки этого укрепленного возвышения в 1853 г. началась Крымская война) и Кючук Мустафа табия, возвышавшиеся на 110–130 м над уровнем моря (рис. 2).

⁵⁶ Anne Comnène. Alexiade / Texte établi et traduit par B. Leib. P., 1976. Vol. I. P. 97; ГИБИ. Т. VIII. София, 1971. С. 62; Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 208.

⁵⁷ Атанасов Г. Поглед към добруджанския дунавски бряг от XI до XV в. // ИПр. 1992. No 8–9. С. 21–22; Atanasov G. The Danubian Fortress... Обр. 1.

⁵⁸ Donevski P. Zur Topographie von Durostorum // Germania. 1990. No 68.1. S. 238–245; Иванов Р., Атанасов Г., Донеvски П. История на Силистра. Т. I: Античният Дуросторум. Силистра; София, 2006. С. 169–176.

гические исследования пока нет сведений об их восстановлении одновременно с цитаделью на дунайском берегу в IX и первой половине X в. Исходя из данных местности, определенно можно считать, что Иоанн Цимисхий воспользовался им для размещения полевого лагеря, в особенности если учесть тот факт, что он являлся доминирующей высотой в поле, расположенном на высоте 25 м над уровнем моря, и соответственно в 10–12 м над уровнем дунайской крепости. Не исключено, что это, ставшее для ромеев после знаменательной биты 971 г. священным место, и в результате прочного овладения Дристрой в конце X в., вновь после II–VII вв. превратилось в постоянное каменное укрепление⁵⁹. Более того, для этого имелась и солидная база в виде остатков и строительного материала крепости римского легиона II–VII вв. Показательным является и тот факт, что к концу XI в. Анна Комнина называет его укрепленным акрополем (возвышением). Наконец, польский путешественник, посетивший Силистру в 1636 г., описывая крепость на дунайском берегу, упоминает о разрушенной крепости в поле в южном направлении⁶⁰. По всей вероятности, речь идет о восстановленных в X–XI вв. стенах части лагеря XI Клавдиевого легиона, где возможно находился лагерь Иоанна Цимисхия в 971 г. Возведенный в начале II в., лагерь легиона до IV в. имел прямоугольную форму и был размерами в 510 × 430 м: 220 000 м² или 22 гектара⁶¹, что согласно римским нормам предполагает размещение примерно 6600 легионеров. Эти нормы, однако, приложимы в случае постоянного проживания, однако во время чрезвычайных обстоятельств, согласно стандартам XVII в., здесь могла бы поместиться 20-тысячная армия. Каких размеров достигала укрепленная территория после преустройства в VI в., когда лагерь был дополнительно надстроен при помощи новой строительной техники, сходной с той, что использовалась при строительстве крепости на дунайском берегу⁶², мы пока еще не знаем. На фоне противоречивых данных, которые дают нам письменные источники, чтобы получить реальное представление о масштабах этого большого военного поселения, нужно обратиться к археологическим данным, предоставленным нам раскопками Дуростора — Доростола — Дристра — Силистры. Кстати, уже установленные размеры дунайской крепости и ее постоянная территория с начала VI и до начала XVII в.⁶³, дают возможность сделать ряд уточнений относительно других важных битв, которые велись в Дристре в период Средневековья: например, о приблизительной численности осажден-

⁵⁹ Найденные во время раскопок в лагере легиона средневековые находки, по мнению исследователей П. Доневого и Д. Доновской и по моим наблюдениям в фонде Археологического музея г. Силистра, относятся в целом к X–XI вв. По утверждению Д. Доновской, во время археологических исследований были обнаружены и фрагменты византийской керамики конца XI–XII в.

⁶⁰ *Кесяков Х.* Пътуване през българско в 1636 г. // ПСП. 1886. No 19–20. С. 63–78.

⁶¹ *Donevski P.* Zur Topographie von Durostorum. S. 238–245; *Иванов Р., Атанасов Г., Донево П.* История на Силистра. С. 169–176.

⁶² *Иванов Р., Атанасов Г., Донево П.* История на Силистра. С. 169–176.

⁶³ Благодаря письменным источникам, старинным картам и гравюрам удалось выяснить, что после начала XVII в. вокруг средневековой дунайской крепости была воздвигнута новая оборонительная линия. Ее площадь была в 20 раз больше, причем до начала XIX в. Тогда дунайскому укреплению была вновь отведена роль цитадели (*Литчев Р.* Укрепителната система на Силистра през периода на османското владичество // *Добруджа*. 1991. No 8. С. 66–75; *Атанасов Г.* Дръстър (Силистра) и дунавската резиденция... С. 38–45; *Atanasov G.* The Castellum of Durostorum–Dorostol–Drastar... P. 30–36, fig. 39; *Atanasov G.* The Danubian Fortress...

ной венграми армии царя Симеона Великого в 894 г.⁶⁴ или о численности армии царя Петра, осажденной здесь Святославом во время его первого похода в Болгарию в 968 г.⁶⁵

АТАНАСОВ Георгий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор

Директор археологического музея

«Доростол—Дристра—Силистра»

Ул. «Г.С. Раковски», № 24,

Региональный Исторический Музей — Археологический музей

7500 Силистра

Болгария

Электронная почта: geoatal@abv.bg

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. 2013. Т. 72 (97)

ISSN 0132–3776

Georgi ATANASOV

CONCERNING THE NUMBER OF RUS'-VARANGIAN ARMY OF PRINCE SVYATOSLAV DURING HIS RAID TO BULGARIA AND THE BATTLE OF DRISTRA IN 971

Abstract: The present article is dedicated to the investigation of the problems concerning the number of the army of Russian prince Svyatoslav Igorevich during his campaign against Byzantines in Bulgaria.

All chroniclers pay attention to the fact, that in Dristra all Svyatoslav's army was blockaded from every side, what made it take refuge behind city's walls. Thank to 40 years of excavations in Silistra (Dristra, Dorostolum) we know exactly that about the middle of the 10th century this fortress occupied an area of about 50 000 square meters. It is obvious that such an area was only enough to provide with living space for 3 months only 7000–8000 warriors at most, because according to Roman standards for every it was regarded necessary to provide an area of 8–10 square meters.

Keywords: prince Svyatoslav Igorevich, army, Bulgaria, Dristra.

⁶⁴ Божилев Ив. Цар Симеон Велики... С. 91; Atanasov G. The Danubian Fortress...

⁶⁵ Leo Diaconus. P. 78; ГИБИ. Т. V. С. 248; Лев Диакон. История. С. 44.

Literature Cited

- Anne Comnene. *Alexiade*. Texte établi et traduit par B. Leib. Paris 1976.
- Anna Komnene. *Алексиада*. Ed., trans. and comm. by Ya.N. LYUBARSKIY. St. Petersburg 1996.
- ATANASOV, G. "Ранносредновековни амулети от Дръстър." *Известия на Народния Музей* 24 (1988).
- ATANASOV, G. "Поглед към добруджанския дунавски бряг от XI до XV в." *Исторически преглед* 8–9 (1992).
- ATANASOV, G. "De la semantique et de l'origines des hachettes-amulettes de terres Bulgaries Nord-Est." *Buletin de l'Institut d'Archeologique. Sofia*, XXXVIII (1994).
- ATANASOV, G. "Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековието." *Studia Balkanica* 23 (2001).
- ATANASOV, G., JOTOV, V., and МИХАЙЛОВ, К. "The medieval fortress (beginning of 9th — beginning of 11th c.) near the village of Okorsh, Silistra province." *Culture et civilisation au Bas Danube* 28 (2011).
- ATANASOV, G. "Дръстър (Силистра) и дунавската резиденция на българските ханове през първата половина на IX в." *Археология* 1 (2012).
- ATANASOV, G. *The Castellum of Durostorum — Dorostol — Drastar on the Bank of the Danube in Silistra*. Silistra, 2013.
- ATANASOV, G. "The Danubian Fortress of Durostorum — Dorostol — Drastar — Silistra (4th–19th c.)." In *Corpus of Ancient and Medieval Settlements in Bulgaria*. Vol. 2. Sofia 2014.
- ATANASOV, G. "Крепостите до с. Руйно, Силистренско или селищна агломерация без аналог през X век." In *България в световното културно наследство. Материали от третата национална конференция по история, археология и културен туризъм «Пътуване към България»*. Шумен, 17–19 май 2012 г. In print.
- ATANASOV, G., YOTOV, V., RUSSEV, N., and ZASYRKINA, M. "Исследования городища Руйно-Каргал кале (предварительное сообщение)." *Stratum plus* 5 (2000).
- BOL'SHAKOV, O.G. *Средневековый город Ближнего Востока VII — середины XIII в.* Moscow 1984.
- BOZHILOV, Iv. "Към въпроса за византийското господство на Долни Дунав в края на X в." *Studia Balcanica* 2 (1970).
- BOZHILOV, Iv. *Цар Симеон Велики (893–927). Златният век на средновековна България*. Sofia 1983.
- BOZHILOV, Iv., and GYUZELEV, V. *История на средновековна България VII–XIV век*. Vol. 1. Sofia 1999.
- BOZHILOV, Iv., and GYUZELEV, V. *История на Добруджа*. Vol. 2. Велико Търново, 2004.
- BROWNING, R. *Byzantium and Bulgaria*. Vol. I. London 1975.
- CHESNOK, V. "Крепость Лютик (XVII–XVIII вв.)." *Известия Ростовского областного музея краеведения* 5 (1988).
- DARKEVICH, V.P. "Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве." *Советская археология* 4 (1961).
- DIACONU, P., and VÎCEANU, L. *Păciul lui Soare*. Vol. I. București 1972.
- DİMOVA, V. "Ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско." *Добруджа* 10 (1993).
- DONEVSKI, P. "Zur Topographie von Durostorum." *Germania* 68.1 (1990).
- DRINOV, M. "Южные славяне и Византия в X веке." In DRINOV, M. *Избрани съчинения*. T. 1. Sofia 1971.
- DUNCAN-JONES, R. "Pay and the Number in Diocletian's Army." *Chiron* 7 (1978).
- EL-SAGHIR, M., GOLVIN, J-C., REDDÉ, M., EL-SAYED, H., and WAGNER G. "Le camp romain de Louqsor." Le Caire 1986 [Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, 83].

- FRANKLIN, S., and SHEPARD, J. *The Emergence of Rus 750–1200*. London; New York 1996.
- GADZHANOV, D. “Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII в.” *Периодично списание* 70 (1909).
- GEORGIEV, P. “За мястото на първоначалното заселване на прабългарите при Дуросторум — Доростол.” *Добруджа* 20 (2002).
- GREKOV, B.A. *Киевская Русь*. Moscow; Leningrad 1949.
- Iohannes Zonaras. *Epitome historiarum libri XIII–XVIII*. Bonnae 1897.
- IRECHEK, K. *История на българите*. Sofia 1978.
- IVANOV, R., ATANASOV, G., and DONEVSKI, P. *История на Силистра. Т. I: Античният Дуросторум*. Silistra; Sofia 2006.
- JACOBI, D. “La population de Constantinople á l’époque Byzantine: un problème de démographie urbaine.” *Byzantion* 31 (1961).
- JONES, A. *The Later Roman Empire, 284–602*. Vol. 2. Oxford 1964.
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава.” *Вопросы истории* 8 (1951).
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “О хронологии русско-византийской войны при Святославе.” *Византийский временник* 5 (1952).
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе.” *Византийский временник* 6 (1953).
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “К истории балканских войн Святослава.” *Византийский временник* 7 (1953).
- KARYSHKOVSKIY, P.O. “К истории балканских походов Руси при Святославе.” *Краткие сообщения Института славяноведения* 14 (1955).
- KESYAKOV, Kh. “Пътуване през българско в 1636 г.” *Периодично списание* 19–20 (1886).
- KONOVALOVA, I.G., and PERKHAJKO, V.B. *Древняя Русь и Нижнее Подунавье*. Moscow 2000.
- LANDER, J., and PARKER, S. “Legio IV Martia and the legionary Camp at el-Lejjun.” *Byzantinische Forschungen* VIII (1982).
- LASKOVSKIY, F.F. *Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II: Дневник генерала Гордона об осаде Азова в 1695 и 1696 годах*. Доп. No 2. St. Petersburg 1861.
- LAWRENCE, A. “A Skeletal History of Byzantine Fortification.” *Papers of the British School at Athens* 78 (1983).
- Leo the Diacon. *История*. Trans. by M.M. KOPYLENKO, introduction by M.Ya. SYUZYUMOV, commentary by M.Ya. SYUZYUMOV and S.A. IVANOV, ed. by G.G. LITAVRIN. Moscow 1988.
- Leonis Diaconis Caloënsis Historiae libri decem*. Bonnae 1828.
- LEVCHENKO, M.V. *Очерки по истории русско-византийских отношений*. Moscow 1956.
- LIPCHEV, R. “Укрепителната система на Силистра през периода на османското владичество.” *Добруджа* 8 (1991).
- MAKAROV, N.A. “Древнерусские амулеты-топорики.” *Российская археология* 2 (1992).
- MALINGOUDIS, J. *Die russisch-byzantinische Verträge des 10. Jh. aus diplomatischer Sicht*. Tesseloniki 1994.
- MUTAFCHEV, P. “Русско-болгарские отношения при Святославе.” Мутафчиев, Р. *Избрани произведения*. Т. II. Sofia 1973.
- MUTAFCHEV, P. “Съдбините на средновековния Дръстър.” Мутафчиев, Р. *Избрани произведения*. Т. II. Sofia 1973.
- OBOLENSKY, D. “Byzantium, Kiev and Chersones in the tenth century.” *Byzantinoslavica* 54 (1993).
- OSTROGORSKI, G. *История на византийската държава*. Sofia 1998.
- PAVLOV, P. “За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки XI–XII в.” *Добруджа* 3 (1986).
- RAVOYANOV, D. *Извънстоличните каменни крепости на Първото българско царство (IX — началото на XI век)*. Sofia 2011.
- RASHEV, R. *Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.)*. Varna 1982.

- RUNSIMAN, St. *History of the First Bulgarian Empire*. London 1930.
- RUSSEL, J.C. "Late ancient and medieval population." *Transactions of the American Philosophical Society held at Philadelphia* 48, 3 (1958).
- SAKHAROV, A.N. *Дипломатия Святослава*. Moscow 1982.
- SCHLUMBERGER, G. *L'épopée byzantine à la fin du Xe siècle*. Vol. 1. Paris 1890.
- SHEPARD, J. "Some Problems of Russo-Byzantine Relations c. 860 — c. 1040." *The Slavonic Review* LII (1974).
- SOLOV'EV, S.M. *Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен*. Moscow 1988.
- STOKES, A.D. "The Balkan Campaigns of Svetoslav Igorievich." *The Slavonic Review* XL (1962).
- TOLOCHKO, P. *Київська Русь*. Kyiv 1996.
- УOTOV, V., and ATANASOV, G. *Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско*. София, 1998.
- ZLATARSKI, V. *История на българската държава през Средните векове*. Sofia 1971. Т. 1–2.
- ZNOYKO, N. "О посольстве Калокира в Киев." *Журнал Министерства народного просвещения* VIII (1907).
- ZNOYKO, N. "О походах Святослава на восток." *Журнал Министерства народного просвещения* XVIII (1908).
- Летопись по Ипатьевскому списку*. St. Petersburg 1871.
- Полное собрание русских летописей*. Т. 2: Ипатьевская летопись. St. Petersburg 1908.

Georgi ATANASOV

Prof., Dr. Habil.

Director of the Archaeological Museum

„Durostorum—Drastar—Silistra“

“G.S. Rakovsky” street, N 24,

Regional Historical Museum — Archaeological Museum

7500 Silistra

Bulgaria

e-mail: geoatal@abv.bg

А.А. Волкофф

РАННИЕ ГОДЫ БИОГРАФИИ ФЕОДОРА I ЛАСКАРИСА

Аннотация: В статье рассматриваются «до-императорские» годы Феодора I Ласкариса (1204–1221 гг.) как время его политического и идейного формирования. По мере возможности реконструирована биография этого политического деятеля до захвата Константинополя участниками Четвертого крестового похода в 1204 г. и начала царствования в Никее. Рассматривая немногочисленные известные факты жизни Феодора до 1204 г. в конкретном социально-историческом контексте, автор раскрывает большое количество значимых деталей его ранней карьеры, позволяющих лучше понять предпосылки его императорской деятельности и углубить наше представление о его образе. Становится ясно, как внутренние потрясения Византийской империи повлияли на политическое мировоззрение будущего императора и как семья Ласкарисов участвовала в его карьерном возвышении.

Ключевые слова: Феодор I Ласкарис, Константин Ласкарис, Четвертый крестовый поход, Никейская империя.

Император Феодор I Ласкарис известен в истории главным образом как человек, защищавший греческие земли от участников Четвертого крестового похода после 1204 г. Его положительному восприятию способствует также успешность его внешней политики, вершиной которой стало спасение византийского государства и Церкви от подчинения латинянам, а также основание новой династии, которая через полвека вернула Империю в ее древнюю столицу. Вследствие этого деятельность Феодора I рассматривается практически исключительно в контексте противостояния крестоносному наступлению. Даже первичные источники предоставляют мало сведений о его личности, о других, не связанных с борьбой против латинян, достижениях и о поздних годах правления. Однако при изучении царствования Феодора I Ласкариса становится ясно, что его деятельность отнюдь не ограничивалась военным делом: в период его правления жили многие выдающиеся исторические личности, развивались сложные межгосударственные и межцерковные отношения, остро стояла проблема стабилизации и руководства Империей «в изгнании». Всё это определяло многогранный характер деятельности императора.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется необходимым рассмотреть ранние годы жизни Феодора I¹ и проследить его формирование как императора.

¹ Эту задачу ставили также О. Лампсидис и М.-Д. Стурдза: *Lampsides O. Wunderbare Rettung des Theodoros Laskaris durch den Erzengel Michael // JÖB. 1977. Bd. 26. S. 125; Sturza M.-D. Dictionnaire historique et généalogique des grandes familles de Grèce, d'Albanie et de Constantinople.*

Мы также постараемся выявить связь между его ранними военными и дипломатическими шагами и последующей политикой, между личным опытом Феодора до принятия императорской власти и усвоенными им принципами управления. Как и любой человек, Феодор Ласкарис принадлежал к определенному общественному слою и испытывал непосредственное влияние тех исторических событий, свидетелем которых он был в юности². Следовательно, его личность, подобно любой другой, необходимо рассматривать в связи с социальным происхождением, начиная с юного возраста и учитывая как можно более полный контекст.

В данной работе мы постараемся по мере возможности реконструировать ранние годы жизни Феодора Ласкариса, его «до-императорские» годы, как время его политического и идейного формирования. Поскольку информация из источников неоднократно анализировалась, то кажется, что о Феодоре уже невозможно узнать что-либо новое³. Однако если рассматривать немногочисленные факты его биографии до 1204 г. в конкретном социально-историческом контексте, то мы обнаружим большое количество значимых деталей его ранней карьеры и начнем лучше понимать предпосылки его деятельности как императора, расширив, таким образом, наши представления о нем.

Данные о происхождении Феодора Ласкариса

Феодор Комнин Ласкарис родился примерно в 1174 г.⁴ и унаследовал по материнской линии династическое имя «Комнин», благодаря чему он не мог считаться *homo novus* в социальном плане⁵. Фамилия его отца, «Ласкарис», как и сама

Р., 1983. Р. 304. В 2008 г. вышла первая монография, посвященная конкретно Феодору I Ласкарису, написанная греческим ученым И. Яренисом (эта работа, к сожалению, осталась для нас недоступной): *Γιάρνης Η. Η συκρότηση και η εδραίωση της αυτοκρατορίας της Νίκαιας: ο αυτοκράτορας Θεόδωρος Α΄ Κομνηνός Λάσκαρις*. Αθήνα, 2008. Рецензия на книгу: Prinzing G. // BZ. 2010. Bd. 103. S. 205–215.

² Elias N. La société de cour. P., 1985. P. LI–LIV.

³ Более того, основные источники по периоду правления Феодора I Ласкариса в известной степени отражают предвзятость их авторов, иногда значимо влияя на подбор сюжетов и способ представления действительности, вследствие чего о некоторых событиях практически невозможно установить конкретные данные, не имея дополнительных сведений. См., например, анализ трудов Никиты Хониата и Георгия Акрополита: *Simpson A.J. Before and After 1204: the Versions of N. Choniates' Historia* // DOP. 2006. Vol. 60. P. 211, 214–215, 220; *George Akropolites. The History* / Transl. R. Macrides. Oxford, 2007. P. 5–19.

⁴ Из различных исторических текстов известно, что Феодор Ласкарис умер в ноябре 1221 года, в возрасте старше 45 лет, но младше 50 лет (Григора — 48), при том что к власти он пришел в возрасте около 30 лет и правил в Никее как император примерно 17 лет и 3 месяца (Акрополит считает началом правления Феодора 1203 г., который он также считал годом взятия Константинополя: *George Akropolites. The History*. P. 78 и § 4.1); *Georgii Acropolitae Opera* / Hrsg. von A. Heisenberg. Lipsiae, 1903 (далее: *Acropolites*). I. 32; *Nicephori Gregorae Historia Romana* / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830 [CSHB, XIX]. I. 13; *Loenertz R. La chronique brève de 1352. Texte, traduction et commentaire* // OCP. 1963. Vol. 29. P. 332; *Die byzantinischen Kleinchroniken* / Hrsg. von P. Schreiner. Wien, 1977 [CFHB, 12]. Teil 1. S. 74; Teil 2. S. 187–188 (см. также рецензию: *Darrouzès J.* // REB. 1978. T. 36. P. 276). Таким образом, Феодор должен был родиться где-то между 1172 и 1175 гг. 1174 год предлагается в: *Angold M.J. Theodore I Laskaris* // ODB / Ed. by A.P. Kazhdan. Oxford, 1991. T. 3. P. 2039; *Георгий Акрополит. История* / Перевод П.И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 195.

⁵ *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)*. P., 1990. P. 443–444. Его полное имя: Феодор Комнин Ласкарис (Θεόδωρος ὁ Κομνηνὸς ὁ Λάσκαρις). Н. Икономидис утверждает

его семья, до Феодора и его брата Константина не была знаменитой, и о ней нет прямых сведений вплоть до последнего десятилетия XII в. Предшествующие два упоминания в греческих источниках о каких-то Ласкарисах (крестьяне в восточной части Малой Азии⁶ и архонт в Фессалониках⁷) невозможно непосредственно связать с семьей Феодора I. Фамилия «Ласкарис», как заключил Д. Феодоридис на основе лингвистического анализа, имеет ближневосточное происхождение и является весьма древней⁸. В то же время Ж.-К. Шене, исходя из данных сигиллографии и исторической просопографии, связал фамилию Ласкарисов с арабской правящей семьей Двинского эмирата XI в.⁹

Что касается происхождения семьи, то, изучив печати Константина и Феодора Ласкарисов, относящиеся к периоду до захвата Константинополя латинянами,

ет, что фамилию «Комнин» Феодор Ласкарис носил по браку с дочерью Алексея III (см. ниже и примеч. 42), как, видимо, иногда делалось: *Oikonomidēs N. Pictorial propaganda in XIIth c. Constantinople* // *Glas 390 de l'Académie serbe des sciences et des arts. Classe des sciences historiques* 11. Belgrade, 2001. P. 97; *Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire, 324–1453*. Madison, 1958. Vol. II. P. 507. Однако это опровергается печатью Феодора, на которой он употребляет эту фамилию до брака, будучи еще севастом и протовестиарием. Более того, Константин Ласкарис тоже носил эту фамилию. Их печати: *Wassiliou A.-K. 'Ο ἄγιος Γεώργιος ὁ Διασώτης auf Siegeln: Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Laskariden* // *BZ*. 1997. Bd. 90. S. 419–420.

⁶ Самое раннее известное упоминание этой фамилии как крестьянской в греческих источниках датируется 1059 г.: отец и сын Ласкарисы названы в завещании Евстафия Воилы, уроженца Каппадокии, написавшего свое завещание, возможно, в Эдессе или же где-то в восточной части Малой Азии: *Oikonomidēs N.* // *ODB*. Vol. 1. P. 302; *Vryonis S. The Will of Eustathius Boilas* // *DOP*. 1957. Vol. 11. P. 275. Буквально: «И недавно... [я дал] Ласкарису одно *voidomoni*... и поскольку... Михаила, сына Ласкариса, я назначил для Богородицы, я завещаю... Михаилу три номисмы» («καὶ ἀρτίως... τὸν δὲ Λάσκαριν Βοῖδοτόλιν ἐν... ἐπεὶ δὲ... Μιχαὴλ τὸν υἱὸν Λάσκαρι ἀλεκλήρωσα εἰς τὴν Θεοτόκον, ληγατέω... τὸν δὲ Μιχαὴλ νομίσματα γ'»): *Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle Byzantin*. P., 1977. P. 26–27).

⁷ Следующее упоминание было о некоем Михаиле Ласкарисе, выдающемся общественном деятеле в Фессалониках во второй половине XII в.: *Γουδας Μ. Βυζαντιακά ἔγγραφα τῆς ἐν Ἀθῶν ἱερᾶς Μονῆς Βατοπεδίου* // *ΕΕΒΣ*. 1927. Τ. 4. Σ. 215–216. Основываясь на существовании этого архонта Михаила, М. Энголд в одной из статей предположил, что Феодор Ласкарис мог быть родом из Фессалоники: *Angold M. Byzantine Politics vis-à-vis the Fourth Crusade* // *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences* / Ed. by A. Laiou. P., 2005. P. 57. Этой возможности, хотя и не приводя источника, не исключил также А.П. Каждан: *Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв.* М., 1974. С. 200. Однако доказательств в поддержку этого мнения нет ни в источниках, ни в биографии самого Феодора. М. Энголд впоследствии отказался от этого предположения (из личной переписки с автором).

⁸ Имя «Ласкарис», возможно, произошло от персидского (*laškārī*) или арабского ([al]-‘askarī) слова «воин». *Kazhdan A.P. Laskaris* // *ODB*. Vol. 2. P. 1180 (ср. *Justi F. Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895. P. 183). *Theodoridis D. Die Herkunft des byzantinischen Familiennamens ΛΑΣΚΑΡΙΣ* // *REB*. 2004. Vol. 62. P. 270. Д. Феодоридис весьма убедительно предположил, что эта фамилия арабская, происходящая из юго-восточных анатолийско-месопотамских, а точнее, сирийских диалектов. Он делает вывод, что имя происходит из среды крестьян Северной Месопотамии или пограничной области между Южной Анатолией и Сирией (*Theodoridis D. Die Herkunft*... P. 270–273).

⁹ Ж.-К. Шене отмечает вероятность арабского происхождения Ласкарисов, упоминая Артасера (Artaser), отца некоего Ласкариса, сына Фадлуна (Fadlūn) и племянника Двинского (Dyin) эмира Абу эл-Асвара (Abū l-Aswār), от которого сохранилась византийская печать второй половины XI в.: *Maksimović L., Popović M. Les sceaux byzantins de la région danubienne en Serbie* // *Studies in Byzantine Sigillography*. 1990. Vol. 2. P. 226–228; *Cheyne J.-C. L'apport arabe à l'aristocratie byzantine des Xe–XIe siècles* // *La société byzantine: l'apport des sceaux*. P., 2008. Vol. 2. P. 637; *Idem. Les officiers étrangers de l'armée byzantine aux Xe–XIIe siècles* // *Guerre et société au Moyen âge Byzance-Occident (VIIIe–XIIIe siècle)* / Éd. par D. Barthélemy et J.-C. Cheynet. P., 2010. P. 50.

мы можем с твердостью сказать, что они были родом из Малой Азии. В пользу этого свидетельствует предпочтение ими образа св. Георгия Диасорита, особенно почитаемого в Каистрийской долине¹⁰. Более того, Э. Рагия предполагает, что Феодор Ласкарис имел родственные связи в Малой Азии с семьей Фок еще до того, как стал императором, и именно благодаря этому получил поддержку при утверждении своей власти в долине Меандра после апреля 1204 г.¹¹

Кроме Константина¹² у Феодора было еще пятеро братьев: Георгий¹³, Алексей и Исаак¹⁴, Михаил и Мануил¹⁵. О них известно немного: лишь то, что они принимали участие в некоторых военных действиях после падения Константинополя и в политической жизни Никейской империи. В конечном итоге в результате приближения Феодора к императорскому двору повысился социальный статус

¹⁰ *Wassiliou A.-K.* Ὁ ἅγιος Γεώργιος ὁ Διασορίτης... S. 419–420; *Puech V.* The Aristocracy and the Empire of Nicæa // *Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204* / Ed. by J. Herrin. Aldershot, 2011. P. 70.

¹¹ *Ragia E.* The Inscription of Didyma (Hieron) and the Families of Phokas and Karantinos in Western Asia Minor (12th–13th C.) // *BZ.* 2007. Bd. 100. P. 144–145.

¹² Константин Ласкарис Комнин впервые появляется в письменных источниках как участник византийского сопротивления во время первой осады Константинополя крестоносцами, а также в пересказе Никитой Хониатом событий 12–13 апреля, когда он был избран императором: *Villehardouin G., de.* La conquête de Constantinople / Trad. E. Faral. P., 1973 (далее: Villehardouin). I. 167; *Nicetas Choniates.* Historia / Hrsg. von J.A. van Dieten. B., 1975 [CFHB, 11] (далее: Choniates). I. 571–572. Известно, что он активно воевал против латинян в Малой Азии: Villehardouin. II. 322 (хотя автор в данном случае перепутал Константина Филадельфийского и Ласкариса). Возможно, именно он командовал войском в Дермокаите: *Theodorus Scutariota.* Addimenta ad Georgii Acropolitae Historiam / Rec. A. Heisenberg. Vol. 1. Lipsiae, 1903. P. 280. § 14. Позже он стал деспотом: *Catalogi codicum manuscriptorum bibliothecae Bodleianae I* / Ed. by H.O. Coxe. Oxford, 1853. P. 404. Ms. 235, f. 478v. Его печать до 1204 г.: *Κολτσίδα-Μακρή Ι.* Βυζαντινά μολυβδόβουλλα συλλογὴς Ὀρφανίδη Νικολαίδη Νομισματικού Μουσείου Ἀθηνῶν. Ἀθῆνα, 1996. Σ. 30. Νο 14, 422; *Wassiliou A.-K.* Ὁ ἅγιος Γεώργιος ὁ Διασορίτης... S. 416. Примечательно, что в отличие от Феодора Константин употребил другой порядок своих фамилий: Константин Ласкарис Комнин, в отличие от Феодор Комнин Ласкарис. О Константине: *Μηλιαράκης Α.* Ἱστορία τοῦ Βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠλείου (1204–1261). Ἀθῆναι, 1898. Σ. 8, 23, 92; *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum nach dem Vierten Kreuzzüge (1204–1205) // *BZ.* 1952. Bd. 45. P. 351–356; *Жаворонков П.И.* У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкариса) // *ВВ.* 1977. Т. 38. С. 30–37; *Παναδριανος J.* Да ли је Константин Ласкарис био византијски цар? // *ЗРВИ.* 1966. Т. 9. С. 217–221; *Savvides A.* Constantine XI Lascaris, uncrowned and ephemeral «basileus of the Romanioi» after the Fall of Constantinople to the 4th Crusade. 1204–1205 // *Βυζαντικά.* 1987. Т. 7. С. 141–174; *Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Συμπληρωματικά στοιχεία για τον εφήμερο Βυζαντινό αυτοκράτορα Κωνσταντίνο ΙΑ' Λάσκαρι (1204–1205) // *Βυζαντικά.* 1999. Т. 19. Σ. 196–210; *Cheyne J.-C., Vannier J.-F.* Études prosopographiques. P., 1986. P. 173. N. 8; *Idem.* Pouvoir et contestations... P. 145.

¹³ Георгий известен по хартулярию Лемброса как дука (севастократор) Фракийской фемы до 1213 г.: *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana* / Ed. F. Miklosich, I. Müller. Vienna, 1871. Vol. 4. S. 35; *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie de la région Smyrne entre les deux occupations Turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe s. // *ТМ.* 1965. Т. 1. P. 138–139; *Ферjanчић Б.* Севастократори у Византији // *ЗРВИ.* 1968. Т. 11. С. 173–174, 192; *Жаворонков П.И.* У истоков... С. 35.

¹⁴ Алексей и Исаак тоже были назначены севастократорами Феодором. *Ферjanчић Б.* Севастократори у Византији. С. 174, 192. Они после смерти Феодора (1221 г.) активно пытались захватить власть у Ионна III Дуки Ватаца: *Acropolites. I.34; Gregoras. I.25; Μηλιαράκης Α.* Ἱστορία τοῦ Βασιλείου... Σ. 8, 156; *История Византии* / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. М., 1967. С. 35.

¹⁵ Михаил и Мануил, которые, по нашим предположениям, являлись самыми младшими из всех братьев, были еще живы при Михаиле VIII Палеологе (1259–1282): *Acropolites. I.110; Guillard R.* Recherches sur les institutions byzantines. B., 1967. Т. 1. P. 484, 548, 598.

всей семьи. Упоминания о братьях в источниках, хотя и краткие, и их видимая активность в византийском государстве говорят о семейном факторе правления Феодора: в данном случае семьи, прежде не занимавшей высокого места в общественной иерархии.

Социально-исторический контекст юности Феодора Ласкариса

Первые годы жизни Феодора пришлось на конец правления Мануила I Комнина (1143–1180) и короткое царствование Алексея II Комнина (1180–1183) — период заката комниновского возрождения. В течение этого «возрождения» сформировалась новая социально-политическая структура общества, заметно отличавшаяся от предыдущего периода. Именно в это время были созданы те основополагающие политические и культурные идеалы и институты, которые стали не только основой византийской жизни, но и мерилom для всех последующих эпох¹⁶. Феодор, конечно же, не мог оценить все политические нюансы событий, происходивших в годы его детства, особенно учитывая то, что он, по-видимому, родился в Малой Азии, в провинции, где последствия событий, произошедших в столице, ощущались с опозданием. Но приблизительно в десятилетнем возрасте, уже пару лет как приступив к среднему образованию¹⁷, он не мог не чувствовать общественного недовольства и не иметь представления о том, каким образом пришел к власти Андроник I Комнин (1183–1185), первоначально столь популярный в народе, но вскоре поразивший всех своей жестокостью.

Несмотря на то что источники не говорят ничего о его молодости, можно уверенно предположить, что Феодор получил обычное для представителя аристократии образование. В программу классического византийского образования входили исторические сочинения и памятники литературы, создававшие идеальный комниновский образ Империи, который расходился с реалиями правления Андроника I, поставившего под угрозу традиционные аристократические идеалы¹⁸. Последующие военные поражения Византии вступали в противоречие со старыми рыцарственными идеалами, например, с теми, что показаны в эпосе о Дигенисе Акрите¹⁹. Так, атмосфера «Акрита» слишком резко (учитывая антилатинский настрой этого периода) контрастировала с присутствием крестоносцев на территории Византийской империи²⁰. Ко всему прочему существовали и церковно-теологические волнения, связанные, с одной стороны, с реакцией на

¹⁶ Подробнее о Комнинах см., например: *Kazhdan A., Brand C.M. Komnenian Dynasty* // ODB. Vol. 2. P. 1143. *Chalandon F. Les Comnènes. Vol. 1–2. P., 1900–1912; Каждан А.П. Загадка Комнинов* // ВВ. 1964. Т. 25. С. 53–98.

¹⁷ Первый уровень образования (ἱερὰ γράμματα) начинался в возрасте 6–7 лет и продолжался 3–4 года. Второе, среднее образование (ἐγκύκλιος παιδεία) длилось 5–6 лет. Высшее образование, уже более специализированное, предназначалось для тех, кто намеревался проложить себе дорогу к дворцовым или церковным должностям: *Constantinides C.N. Higher Education in Byzantium in Thirteenth and early Fourteenth Centuries, 1204 — c. 1310. Nicosia, 1982. P. 1.*

¹⁸ *Каждан А.П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы* // ВЗ. 1973. Т. 66. С. 59–60; *Vasiliev A.A. History... P. 438. Биография Андроника: Jurewicz O. Andronikos I. Komnenos. Amsterdam, 1970.*

¹⁹ *Oikonomidès N. L'épopée de Digénis et la frontière orientale de Byzance aux Xe et XIe siècles* // TM. 1979. Т. 7. P. 375: Digénis Akrites est, par excellence, le héros de l'hellénisme médiéval.

²⁰ Появление этого эпоса с самого начала тесно связано с восточными провинциями Империи:

Крестовые походы, а с другой — на неаккуратное вмешательство Мануила I в богословские споры²¹.

Для того чтобы стать военным, Феодору Ласкарису необходимо было примерно в возрасте шестнадцати лет пойти в армию. Это время (около 1190 г.) пришлось на правление Исаака II Ангела (1185–1195), во время которого происходили серьезные политические изменения. Государственная казна быстро опустошалась²², а торговля была монополизирована итальянцами, что резко сказалось на византийской экономике в целом²³. Все это привело к народному недовольству, общественной нестабильности, ослаблению императорской власти в некоторых провинциях Малой Азии²⁴, сопровождалось конфликтом с норманнами и последующим опасным восстанием Алексея Враны в 1185 г.²⁵, восстановлением

Christides V. An arabo-byzantine novel 'Umar b. al-Nu' mān compared with Digenes Akritas // Byz. 1962. T. 32. P. 551. Digenis Akritis / Ed. and transl. by E. Jeffreys. Cambridge, 1998. P. XVII. Помимо того, что эпос несет отпечаток арабского литературного влияния, в нем нет ни выражения открытой враждебности к арабам, ни описаний каких-либо сражений с ними: Christides V. An arabo-byzantine novel... P. 558. Digenis Akritis... P. XV. Oikonomidēs N. L'épopée de Digénis... P. 395.

²¹ См., например: *Hussey J. Church and Learning in the Byzantine Empire, 867–1185. L., 1937. P. 20, 98. Vasiliev A.A. History... P. 477–478; Kalavrezou I. Imperial Relations with the Church on the Art of the Komnenians // Το Βυζάντιο κατά το 12ο αιώνα: Κανονικό Δίκαιο, κράτος και κοινωνία / Εκ. Ν. Οικονομίδης. Αθήνα, 1991. Σ. 36.*

²² Включая расходы на пышную императорскую жизнь: *Muralt E., de. Essai de chronographie byzantine 1057–1453. St.-Petersbourg, 1871. P. 224; Купбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 149; История Византии. Т. 2. С. 337; Острогорский Г. История византийского государства. М., 2011. С. 490.*

²³ *Купбатов Г.Л. История Византии. С. 155–159; Baker E. Social and Political Thought in Byzantium from Justinian I to the Last Palaeologus. Oxford, 1957. P. 156; История Византии. Т. 2. С. 339; Magdalino P. The Empire of the Komnenoi (1118–1204) // The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 649, 651, 652; Francès E. Sur la Conquête de Constantinople par les Latins // BS. 1954. Vol. 15. P. 22; Angold M. The Byzantine Empire (1025–1204). A Political History. L., 1984. P. 284.*

²⁴ *Magdalino P. The Empire of the Komnenoi... P. 656, 661; Angold M. The Byzantine Empire... P. 275–277; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 457; Savvides A.G. Byzantium in the Near East: Its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols, A. D. c. 1192–1237. Thessalonica, 1981. P. 45–46; Savvides A.G. Byzantium's Oriental Front in the First Part of the Thirteenth Century: the Empires of Nicea and Trapezous (Trebizond) in View of the Seljuk and Mongol Menace // ΔΙΠΤΥΧΑ. 1982–1983. Т. 3. Σ. 162; Savvides A.G. Internal Strife and Unrest in Later Byzantium, XIth–XIIIth Centuries (A. D. 1025–1261). The Case of Urban and Provincial Insurrections (Causes and Effects) // Σύνδεκτα. 1987. Т. 7. Σ. 249. До и особенно после захвата Константинополя латинянами многие правители отдельных городов и регионов установили свою власть в Малой Азии и в западных частях империи, как, например, Исаак Комнин на Кипре в 1184 г. и Феодор Манкафа в Филадельфии в 1188 г. П. Магдалино отмечает, что за 10 лет правления Исаака II Византийская империя пережила 17 восстаний, что больше по количеству, чем при других правителях XI–XII вв., и даже 21 восстания, что произошло в течение 39 лет правления Алексея I Комнина: Magdalino P. The Empire of the Komnenoi... P. 661.*

²⁵ Южноитальянские норманны с самозванцем Алексеем II в 1185 г. напали на Диррахий и захватили Фессалоники. После успешного похода Алексея Враны норманнам пришлось отдать свои владения и в 1187 г. заключить мирный договор, который в дальнейшем позволил Исааку II вмешиваться в норманнские дела. Последовало неудачное восстание Алексея Враны против Исаака II: *Muralt E., de. Essai de chronographie... P. 224–225, 227; Купбатов Г.Л. История Византии... С. 149; Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 92; Magdalino P. The Empire of the Komnenoi... P. 655.*

независимости Болгарии (1187 г.)²⁶ и Сербии (1190 г.)²⁷, и, наконец, наступлением участников Третьего крестового похода во главе с Фридрихом Барбароссой²⁸. Немногими, кто не причинял Империи непосредственного вреда, оставались Салах ад-Дин, с которым был заключен договор в 1189 г.²⁹, и сельджукская армия, разьединенная внутренним противостоянием после смерти Кылыч-Арслана II³⁰.

Безусловно, присутствие крестоносцев на территории Империи во время Третьего крестового похода не могло не повлиять на мировоззрение Феодора. Кульминацией этого похода было предпринятое в 1189 г. германским императором Фридрихом I наступление на Константинополь³¹, которое Исааку II с трудом удалось остановить³². После этого в крестоносцах стали обоснованно видеть непо-

²⁶ Так, братья Петр и Асень после неудачной попытки получить от императора пронию стали во главе народного движения против византийского государства и его налогового гнета. В 1186 г. Исаак II лично отправился подавлять восстание, но военные действия не привели к определенному результату; в 1187 г. был заключен договор, означавший, что Византия, по сути, признала новое, второе, Болгарское царство: Choniates. I.369; *Wolff R.L.* The second Bulgarian Empire. Its origin and history to 1204 // *Speculum*. 1949. Vol. 24. P. 182–184; *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 492–495; *Vasiliev A.A.* History... P. 441–443; *Angold M.* The Byzantine Empire... P. 272–274; *Cheyne J.-C.* Pouvoir et contestations... P. 451; *Stephenson P.* Balkan Borderlands (1018–1204) // *The Cambridge History of the Byzantine Empire*, с. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 687.

²⁷ Сербские территории в свою очередь активно воевали против империи с 1183 г., пока Исаак II не признал их суверенитет в 1190 г. В том же году сын Неманя Стефан женился на племяннице императора Евдокии: История Византии. Т. 2. С. 339–341; *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 497–498. См. также примеч. 57.

²⁸ См. ниже и примеч. 32.

²⁹ *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. 2 Teil: Regesten von 1025–1204 / Hrsg. von F. Dölger, P. Wirth. München, 1977. S. 299–300. No 1591. Этот договор представлял собой обновленную версию предыдущего договора между Андроником I и Салах ад-Дином, датированную приблизительно сентябрем 1185 г.: *Regesten der Kaiserurkunden... 2. Teil: Regesten von 1025–1204*. S. 285. No 1563; *Muralt E., de.* Essai de chronographie... P. 222; *Brand C.M.* Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge (Mass.), 1968. P. 177; *Brand C.M.* The Byzantines and Saladin, 1185–1192: Opponents of the Third crusade // *Speculum*. 1962. Vol. 37. P. 169, 171, 174; *Balivet M.* Romanie Byzantine et Pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication Gréco-Turque. Istanbul, 1994. P. 84; История Византии. Т. 2. С. 341; *Vasiliev A.A.* History... P. 437; *Harris J.* Byzantium and the Crusades. N.Y., 2003. P. 128–130; *Magdalino P.* The Empire of the Komnenoi... P. 649. *Angold M.* The Byzantine Empire... P. 276; *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 496.

³⁰ *Gardner A.* The Lascarids of Nicea. The Story of an Empire in Exile. L., 1912. P. 39; История Византии. Т. 2. С. 338; *Savvides A.* Byzantium in the Near East... P. 58, 80; *Korobeinikov D.* A sultan in Constantinople: the feasts of Ghiyâth al-Dîn Kay-Khusraw I // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19) — Food and Wine in Byzantium: Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A.A.M. Bryer / Ed. by L. Brubaker and K. Linardou. Aldershot, 2007. P. 96.

³¹ *Muralt E., de.* Essai de chronographie... P. 236; *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 496–497; *Harris J.* Byzantium... P. 135, 138; *Vasiliev A.A.* History... P. 446–447; *Stephenson P.* Balkan Borderlands... P. 688; История Византии. Т. 2. С. 341; *Laiou A.E.* Byzantium and the Crusades in the Twelfth Century: Why Was the Fourth Crusade Late in Coming? // *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences* / Ed. by A. Laiou. P., 2005. P. 35–37.

³² Пред лицом такой угрозы Исаак II поменял тактику и с трудом убедил Фридриха не нападать на Константинополь в ноябре 1189 г., заключив новый договор в Адрианополе. Никита Хониат участвовал в попытках Исаака II ослабить армию Фридриха Барбароссы, будучи в то время губернатором Филиппополя. После разгрома византийской армии под стенами этого города в августе 1189 г., Никита Хониат советовал императору изменить подход к крестоносцам и в целом критиковал политику Исаака II в отношении них: Choniates. I.401–403; *Muralt E., de.* Essai de

средственную угрозу для Империи³³. Хотя мы не можем предполагать, что Феодор знал все подробности событий, он, безусловно, был в курсе многочисленных посягательств других государств на целостность Византии и угрозы ее распада. Состояние Империи и бессилие правительства должны были обсуждаться в кругу военной молодежи, для которой современные политические пертурбации, как правило, становятся значимым фактором развития, формируя чувство долга, воинские идеалы и общественное сознание. Слабость собственного правительства и некомпетентность Исаака II были важными источниками критики и беспокойства для византийцев, особенно по контрасту с тем, что ожидалось от образцового василевса в данной ситуации.

Начало карьеры Феодора Ласкариса

В связи с тем, что ареной последних военных походов Исаака II являлась Болгария, будет уместным предположить, что по крайней мере к 1194–1195 гг. Феодор Ласкарис был направлен туда для прохождения службы. Скорее всего, это позволило ему войти в окружение Алексея Ангела³⁴, который, как мы знаем, находился к этому времени рядом со своим царственным братом³⁵. Представители этого окружения замыслили государственный переворот либо по личным мотивам, либо в силу общего недовольства правлением Исаака II, а то и по обоим причинам.

Феодор явно был близким сторонником Алексея III (1195–1203) к моменту захвата тем престола, о чем свидетельствует его быстрое карьерное возвышение при новом императоре. Между 1195–1199 гг. он стал севастом и протовестиарием³⁶: оба звания являлись почетными и престижными. Однако трудно предположить, что Феодор мог играть важную роль в узурпации престола в начале апреля 1195 г.: так, его имя не было упомянуто среди участников заговора в хронике Никиты Хониата³⁷. Хотя Феодор тогда был еще неизвестен, но учитывая, что Хониат несколько раз переписывал свою работу *post factum*, он мог отметить роль Феодора в смещении Исаака II, если бы таковая действительно была существенна. В любом случае, Феодор, безусловно, воспользовался возможностью продвижения, представившейся благодаря этому перевороту. Со своей стороны, Алексей III, поддержанный наиболее выдающимися аристо-

---

chronographie... P. 237; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 185–187; *Magdalino P. The Empire of the Komnenoi...* P. 650; *Harris J. Byzantium...* P. 135, 138; *Simpson A.J. Before and After 1204...* P. 203.

³³ Еще в 1198 г. Алексей III был озабочен этим, о чем свидетельствует его письмо папе Иннокентию III, в котором император выдвигает обвинения в адрес крестоносцев в связи с походом Фридриха Барбароссы в 1189 г.: *Die Register Papst Innocenz' III.* / Bearb. von O. Hageneder. Bd. 2. Wien, 1979. P. 390–393.

³⁴ *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantine.* P., 1884. P. 672; *Byzantine lead seals* / Ed. G. Zacos, A. Vegler. Vol. 1. Pt. 3. Basel, 1972. P. 1555–1557. No 2745.

³⁵ Он вернулся после пребывания при дворе Салах ад-Дина и плена в латинской Акре: *Murali E., de. Essai de chronographie...* P. 233; *Βαρζός Κ. Η γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν.* Θεσσαλονίκη, 1984. Т. 2. No 180. Σ. 728; *Brand C.M. The Byzantines and Saladin...* P. 169–171.

³⁶ *Laurent V. Les Bulles métriques dans la Sigillographie Byzantine.* Athènes, 1932. P. 144. No 403; *Wassiliou A.-K. Ὁ ἅγιος Γεώργιος ὁ Διασώπιτης...* S. 417.

³⁷ *Choniates. I.* 451.

кратическими семьями того периода³⁸, проявил благосклонность к Феодору, исходя, по всей видимости, из личных предпочтений, поскольку Феодор не принадлежал ни к одной из этих семей, и за его возвышением не могло стоять никаких видимых политических мотивов: ни умиротворения потенциального противника, ни стремления разбавить состав правящего класса. Скорее всего, в глазах Алексея III в пользу Феодора играли его военные способности, что не раз подчеркивается в источниках³⁹.

Ко времени правления Ангелов титул *севаста* сильно эволюционировал и уже не означал семейной связи его носителя с императором, как это было в конце XI в., а был связан, скорее, с определенной придворной должностью⁴⁰. Как протовестиарий Феодор Ласкарис руководил императорским хозяйством: в его обязанности входило, среди прочего, составление гардероба императора и управление финансами двора⁴¹. Практическую пользу, извлеченную из этого опыта, вероятно, можно усмотреть в реформах императорских финансов, которые были проведены династией Ласкарисов. Более того, в этой должности Феодор имел прямой и постоянный доступ ко двору, позволявший ему находиться в высших кругах Империи. Вскоре он стал еще ближе к императору, женившись в 1199 г., в возрасте 26 лет, на Анне⁴² — второй дочери Алексея III.

Весной 1199 г. Феодор участвовал в походе⁴³ против Иванко-Алексея⁴⁴, а в последующие годы, вероятно, также в подавлении некоторых восстаний в

³⁸ Wolff R.L. The second Bulgarian Empire... P. 185; *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 498–499; История Византии. Т. 2. С. 337; Cheynet J.-C., Vannier J.-F. Études prosopographiques. P. 166; Stephenson P. Balkan Borderlands... P. 688–689. П. Магдалино подчеркивает участие в перевороте пяти главных семей комниновской элиты (Палеологи, Враны, Кантакузины, Раули и Петралифы), в чем М. Энголд видит первый пример открытого участия аристократии в избрании императора: Magdalino P. The Empire of the Komnenoi... P. 661–662; Angold M. The Byzantine Empire... P. 279; Angold M. Byzantine Politics... P. 56; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 128–129, 440. Узурпация была также поддержана армией и сенатом, явных защитников Исаака II не оказалось: Choniates. I.450–451. Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 129, 440; Magdalino P. The Empire of the Komnenoi... P. 662.

³⁹ Choniates. I.508, 544; Acropolites. I.32.

⁴⁰ Stiernon L. Notes de titulature et de prosopographie byzantines: sébaste ey gambros // REB. 1965. T. 23. P. 228, 229; Ahrweiler H. Le sébaste, chef de groups ethniques // Polychronion / Festschrift F. Dölger. Heidelberg, 1966. P. 34.

⁴¹ Guillard R. Recherches... Т. I. P. 4–5. Однако при дворе в Никее протовестиарий больше не был связан с казной и финансами: Angold M. A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Lascarids of Nicaea, 1204–1261. Oxford, 1975. P. 206.

⁴² Анна была вдовой севастократора Исаака Комнина — талантливого полководца, погибшего несколькими годами ранее в плену во время похода против болгар: Choniates. I.429, 465–468, 497; Gardner A. The Lascarids of Nicæa... P. 54; Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία... Σ. 753; Guillard R. Recherches... Т. II. P. 3; Wolff R.L. The second Bulgarian Empire... P. 187.

⁴³ Этот поход возглавлял протостратор Мануил Камицис, и в нем также участвовали Феодор Ласкарис и деспот Алексей Палеолог, его шурин: Choniates. I.509, 511–512; Cheynet J.-C., Vannier J.-F. Études prosopographiques. P. 166, 171; Laurent V. La généalogie des premiers Paléologues: à propos d'un sceau in édit du despote Alexis († 1203) // Byz. 1933. Vol. 8. P. 128; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 451.

⁴⁴ Начало правления Алексея III было отмечено новыми военными столкновениями с Болгарским царством, а попытки их разрешить не были успешными. В 1196 г. после внутреннего дворцового конфликта царь Асень был убит Иванкой, который впоследствии бежал в Константинополь, где женился на внучке Алексея III, поменял свое болгарское имя на Алексея, и позже служил как главный архонт Филиппополя. Wolff R.L. The second Bulgarian Empire... P. 186–188; Brand C.M.

столице⁴⁵. Эти обязанности скорее характерны для деспота⁴⁶. И действительно, около 1203 г. Феодор получил этот титул⁴⁷, который подразумевал наследование трона⁴⁸. Хотя Феодор не был первым в порядке престолонаследия, поскольку у старшей дочери императора был муж (деспот Алексей Палеолог)⁴⁹, сам факт того, что Алексей III выдал за Феодора свою вторую дочь, указывает на желание императора привлечь Феодора к самым важным делам государства. К тому же Алексей Палеолог и Феодор Ласкарис женились в одно время, или, по крайней мере, праздновали свои свадьбы вместе⁵⁰, что говорит о попытке семейного планирования императорской династии.

Некоторые ученые подчеркивают вероятную роль императрицы Евфросинии в организации этих бракосочетаний, поскольку она в известной степени влияла на состав правящего класса столицы⁵¹. То, что Феодор стал вторым претенден-

Byzantium Confronts the West... P. 130–131; *Gardner A.* The Lascarids of Nicæa... P. 53; *Βαρζός Κ.* Ἡ γενεαλογία... Σ. 754; *Cheyne J.-C.* Pouvoir et contestations... P. 132–133; *Cheyne J.-C., Vannier J.-F.* Études prosopographiques. P. 166, 171; *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 500–501. Там Иванко мобилизовал против Византии болгар и валахов, которые с каждым годом становились все более организованными и независимыми от Империи и Болгарского царства, процветавшего при царе Калояне, сменившем на престоле убитого в 1197 г. Петра; *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 501; *Stephenson P.* Balkan Borderlands... P. 689–690.

⁴⁵ В которых, как мы знаем, ключевую роль сыграли императрица Евфросиния, Алексей Палеолог и императорский двор, исходя из чего можно предположить, что Феодор также участвовал: *Nikolaos Mesarites.* Die Palastrevolution des Johannes Komnenos / Hrsg. von A. Heisenberg. Würzburg, 1907. S. 46 (далее: Mesarites); *Choniates.* I.526, 530; *Βαρζός Κ.* Ἡ γενεαλογία... Σ. 751; *Gardner A.* The Lascarids of Nicæa... P. 53–54; *Cheyne J.-C.* Pouvoir et contestations... P. 135–138. No 194–195, 197; *Cheyne J.-C., Vannier J.-F.* Études prosopographiques. P. 171–172; *Laurent V.* La généalogie des premiers Paléologues. P. 128–129; *Angold M.* Byzantine Politics... P. 60.

⁴⁶ Обычно императоры поручали деспотам руководство частью армии, управление провинцией или же ставили их во главе дипломатической миссии: *Guilland R.* Recherches... T. I. P. 216–236; T. II. P. 8–10.

⁴⁷ *Choniates.* I.508. Acropolites. I.10; *Zacos G., Vegler A.* Byzantine lead seals... Vol. 3. P. 1570–1571. No 2753; *Loenertz R.* La chronique brève... P. 332.

⁴⁸ Со времен Юстиниана I (527–565) деспот (δεσπότης) является синонимом для василевса (βασιλεύς), т. е. императора. При Мануиле I этот титул был использован для его зятя Белы, сына венгерского короля Гейзы II как эквивалент венгерского *urum* — принц-наследник: *Guilland R.* Recherches... T. II. P. 1–2 (prince héritier); *Ostrogorsky G.* Urum-despotes. Die Anfänge der Despotenwürde in Byzanz // BZ. 1951. Bd. 44. S. 459. Деспотами назначали соправителей или преемников престола, поэтому обычно это были сыновья или зятья императоров. Р. Гийан и Г. Острогорский отмечают, что к началу XIII в. титул деспота стал во многом эквивалентом наследного принца и титула цезаря в IX в., но не предполагал по умолчанию прямой связи с престолом или того, что деспот впоследствии непременно станет императором: *Guilland R.* Recherches... T. II. P. 3; *Ostrogorsky G.* Urum-Depotes... S. 459; *Failler A.* Les insignes et la signature du despote // REB. 1982. Vol. 40. P. 171.

⁴⁹ Первым в очереди престолонаследия стоял Алексей Палеолог, который женился на старшей дочери императора Ирине (именно ее Алексей III готовил в императрицы), и, соответственно, первым стал деспотом: *Choniates.* I.508; *Acropolites.* I.9; *Gregoras.* I.69; *Zacos G., Vegler A.* Byzantine lead seals... Vol. 3. P. 1568–1569. No 2752; *Laurent V.* La généalogie des premiers Paléologues... P. 126–127; *Varzos K.* La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prediction AIMA (sang) et l'héritage des Grands Comnènes de Trébizonde et des Anges-Comnènes-Doukas d'Épire face au Lascarides de Nicée // JÖB. 1982. Bd. 32/2. S. 355–360. В любом случае, Алексей Палеолог умер до взятия Константинополя крестоносцами, а следовательно, примерно в 1203 г. Феодор был уже назначен деспотом.

⁵⁰ *Choniates.* I.508.

⁵¹ *Mesarites.* S. 41–42; *Choniates.* I.550; *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine

том на власть, не могло не быть запланированным действием. Однако самые выдающиеся аристократические семьи Империи должны были разочароваться таким выбором зятя императора, ведь семья Ласкарисов не была еще влиятельной или знаменитой⁵². В 1203 г. Феодор окончательно стал единственным наследником и, несомненно, принял титул деспота, четко осознавая собственную роль в защите престола и государства⁵³.

Накануне Четвертого крестового похода

Правление Алексея III лишь незначительно улучшило состояние Империи по сравнению с царствованием его брата. Унизительные территориальные⁵⁴ и финансовые требования нового западного императора Генриха VI (1190–1197), сопровождавшиеся очередным ультиматумом к Империи⁵⁵ (хотя и потерявшим силу после его смерти), не только нанесли еще один удар по политическому престижу Византии, но и повлекли за собой разрушительные экономические последствия⁵⁶. Безуспешные болгарские войны и бесславные отношения с сербским королем Стефаном Первовенчанным⁵⁷ показали, что Византийская империя больше не является политическим авторитетом или желанным союзником *ad honores*. В этой обстановке двор Алексея III, в ближайшей свите которого находился Феодор Ласкарис, получил осенью 1202 г. известие от папы Иннокентия III⁵⁸ о готовящемся заговоре Алексея Ангела, сына Исаака II⁵⁹. Несмотря

Prosopography. L., 1968. P. 131; *Angold M. Byzantine Politics...* P. 58–59, 61, 63–64; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 241.

⁵² *Angold M. Byzantine Politics...* P. 61.

⁵³ См. ниже о его участии в защите Константинополя в июле 1203 г., во время первой осады Четвертым крестовым походом. Об этом же свидетельствуют его последующие деяния, которые Феодор осуществлял, позиционируя себя как деспот Алексея III: *Acropolites*. I.10; *Choniates*. I.626.

⁵⁴ О Генрихе VI и Византии: *Magdalino P. The Empire of the Komnenoi...* P. 651; История Византии. Т. 2. С. 341; *Vasiliev A.A. History...* P. 448; *Muralt E., de. Essai de chronographie...* P. 248; *Folda J. The Fourth Crusade, 1201–1203 (Some reconsiderations) // BS. 1965. Vol. 26. P. 278–290.*

⁵⁵ *Choniates*. I.476. 54–9; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 189–194; *Magdalino P. The Empire of the Komnenoi...* P. 651; *Vasiliev A.A. History...* P. 448–449; *Harris J. Byzantium...* P. 148; История Византии. Т. 2. С. 342. Генрих VI поддержал узурпацию Алексея III: История Византии. Т. 2. С. 342; *Harris J. Byzantium...* P. 148–149; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 234; *Magdalino P. The Empire of the Komnenoi...* P. 651; *Курбатов Г.Л. История Византии...* С. 149.

⁵⁶ *Choniates*. I.478–479, I.525–526; *Muralt E., de Essai de chronographie...* P. 253; *Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία...* Σ. 749; История Византии. Т. 2. С. 342; *Harris J. Byzantium...* P. 149; *Magdalino P. The Empire of the Komnenoi...* P. 651; *Курбатов Г.Л. История Византии...* С. 149; *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 135–136, 445.

⁵⁷ *Choniates*. I.531; *Acropolites*. I.9; *Острогорский Г. История византийского государства*. С. 497–499; *Novaković R. О датуму и разлозима Немањиног силаска с престола (Sur la date et les causes de l'abdication de Nemanja) // ЗРВИ. 1968. Т. 11. С. 134–139; Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία...* Σ. 744–746; *Stephenson P. Balkan Borderlands...* P. 690. См. также: *Ferjančić B. Севастократии у Византии...* С. 168–170.

⁵⁸ 16 ноября 1202: *Die Register Papst Innocenz' III. Bd. 2. P. 239–243; Dölger F., Wirth P. Regesten der Kaiserurkunden...* 2. Teil: *Regesten von 1025–1204. No 1662.*

⁵⁹ Алексей Ангел — будущий Алексей IV (1203–1204): *Muralt E., de. Essai de chronographie...* P. 265, 267; *Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία...* Σ. 788–792; *Заборов М.А. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. К вопросу роли Иннокентия III в перемене направления*

на то, что этот жест со стороны папы явно не был предан широкой огласке⁶⁰, он должен был быть высоко оценен Феодором Ласкарисом, поскольку позже, став императором, он сразу постарался наладить отношения с римской курией⁶¹.

Четвертый крестовый поход против Византийской империи

В настоящей статье мы не будем вдаваться в подробности подготовки и проведения похода, который в 1204 г. закончился взятием Константинополя, в первую очередь потому, что этот вопрос уже неоднократно освещался в историографии⁶². Кроме того, для нашего исследования достаточно обозначить лишь некоторые ключевые аспекты.

Как известно, отношения между Византийской империей и латинянами постепенно ухудшались на протяжении веков, первоначально вследствие богословских споров⁶³, а затем и из-за Крестовых походов⁶⁴. Второй аспект оказался, пожалуй, особенно важным, так как в отличие от первого он вовлек в противоборство с Византией различные социальные слои Запада. Более того, венецианское участие в данном походе было обусловлено давней обидой на византийцев за их торговые притеснения и преследования купцов при Мануиле I⁶⁵. Однако здесь нельзя не отметить некоторые факторы, создававшиеся самой Империей и подго-

---

четвертого крестового похода // BB. 1952. Т. 5. С. 159–164; *Folda J. The Fourth Crusade...* P. 278–290; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 228–229; *Brand C.M. A Byzantine Plan for the Fourth Crusade* // *Speculum*. 1968. Vol. 43. P. 462; *Hendrickx B. Baudouin IX de Flandre et les empereurs byzantins Isaac II l'Ange et Alexis IV* // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1971. T. 49.1. P. 482–489; *Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400*. New Brunswick, 1979. P. 14–17.

⁶⁰ Ни один нарративный источник не сообщает об этой переписке между папой и императором: *Dölger F., Wirth P. Regesten der Kaiserurkunden...* 2. Teil: Regesten von 1025–1204. No 1643, 1648, 1654, 1656a, 1662, 1663a, 1667. Впрочем, поскольку она была делом дипломатическим, вряд ли сведения о ней распространялись вне узкого круга приближенных императора и папы.

⁶¹ Упомянем здесь ответ Иннокентия III (от 17 марта 1208 г.) на письмо Феодора Ласкариса (конец 1206 г.) и попытки церковной унии между латинянами и греками при Феодоре I, что подробно зафиксировано Николаем Месаритом: *Dölger F., Wirth P. Regesten der Kaiserurkunden...* 3. Teil: Regesten von 1204–1282. S. 4. No 1677; *Innocentii III Epistolae* // PL. T. 215. Col. 1372–1373; *Die Register Papst Innocenz' III*. Bd. 11. P. 60–64. No 44; *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion* / Hrsg. von A. Heisenberg. München, 1923. Bd. I: *Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Johannes*. S. 3–75; Bd. II: *Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208*. S. 3–56

⁶² См., например: *History of the Crusades* / Ed. K.M. Setton. Vol. I–VI. Madison, Wisconsin, 1955–1989; *Queller D.E., Madden T.F. The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople*. Philadelphia, 1997; *Angold M. The Fourth Crusade: event and context*. Harlow, 2003; *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences* / Ed. by A. Laiou. P., 2005; *Quarta Crociata. Venezia — Bisanzio — Impero Latino* / A cura di G. Ortalli, G. Ravegnani, P. Schreiner. Vol. I–II. Venezia, 2006.

⁶³ См., например: *Congar Y.M.-J. Neuf cents ans après; Notes sur le «Schisme oriental»* // 1054–1954. *L'Église et les églises: neuf siècles de douloureuse separation entre l'Orient et l'Occident* / Éd. par T. Belpaire, N. Egenger. Chevetogne, 1954. P. 3–95; *Gardner A. The Lascarids of Nicæa...* P. 19–28; *Gounaridis P. L'image de l'autre: les croisés vus par les Byzantins* // *Quarta Crociata. Venezia — Bisanzio — Impero Latino*. Vol. I. P. 81–95.

⁶⁴ См., например: *Gardner A. The Lascarids of Nicæa...* P. 13–19, 28–34; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 177; *Gounaridis P. L'image de l'autre...* P. 88–95; *Primov B. The Papacy, the Fourth Crusade and Bulgaria* // *Byzantinobulgarica*. 1962. T. 1. С. 186.

⁶⁵ См., например: *Соколов Н.П. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции* // BB. 1952. Т. 5. С. 139–151.

тавливавшие ее катастрофу. Речь идет, главным образом, о внутривосточной нестабильности, которая оставляла армию без эффективного командования, отторгала провинции от столицы, разъединяла народ и создавала напряженность в экономике. Эта нестабильность сказывалась и на внешнеполитических отношениях: из-за связанных с нею недоразумений Византия создавала себе врагов, часто показывая себя ненадежным союзником.

Падение Константинополя

Вскоре после того, как войска участников Четвертого крестового похода впервые появились в Византии в июне 1203 г., Алексей III бежал из Константинополя на запад, где некоторое время успешно отстаивал свою власть⁶⁶. В столице осталась большая часть императорской семьи во главе с императрицей Евфросинией, включая Феодора Ласкариса, который, защищая город, попал в плен к захватчикам⁶⁷. На престол вернулся Исаак II со своим сыном, Алексеем IV Ангелом (1203–1204). Они правили, поддерживая крестоносцев своей политикой, опустошали казну, пытались конфисковать церковные сокровища и обложить подданных высоким налогом, чтобы выплатить свой долг крестоносцам⁶⁸. Византийцы были возмущены действиями Алексея IV, который пригласил эту армию в столицу и разорял «свое царство в пользу иностранцев»⁶⁹. В столице даже произошло несколько открытых столкновений между горожанами и крестоносцами, в ходе которых латиняне выступили против местного мусульманского населения⁷⁰. Вскоре Алексей IV потерял популярность и среди латинян, так как стало ясно, что он не был способен выплатить обещанную сумму и все более отдалялся от своих союзников под давлением византийского общества. В конце января 1204 г. в результате народного восстания на престол взошел Алексей V Дука Мурчуфл⁷¹.

В какое-то время в течение этого периода Феодор покинул тюрьму и Кон-

⁶⁶ Choniates. I.536–547; Villehardouin. I.182; *Clari R., di. La conquista di Constantinopoli* / Trad. A.M.N. Patrone. Genova, 1972. P. 184 (далее: *Clari*); *Guntherus von Pairis. Hystoria Constantinopolitana* / Hrsg. von P. Orth. Zürich, 1994 [Berliner Beiträge zur Mediävistik, 5]. P. 141 (далее: *Guntherus*); *Muralt E., de. Essai de chronographie...* P. 272; *Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία...* Σ. 794–797; *Magdalino P. The Empire of the Komnenoi...* P. 652, 657; *Осиповский Г. История византийского государства.* С. 522; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 244; *Harris J. Byzantium...* P. 157–158; *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 460, 469.

⁶⁷ Choniates. I.547, 550; *Nicetas Choniates. Orationes et Epistulae* / Hrsg. von J.A. van Dieten. B., 1972 [CFHB, 11. Series Berolinensis, 3]. P. 126–127, 131 (далее: *Nicetas Choniates. Orationes*); *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 460; *Brand C.M. Byzantium Confronts the West...* P. 241; *Oikonomides N. La décomposition de l'Empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée: à propos de la «Partitio Romaniae»* // *Actes du XVe Congrès international des études byzantines. Rapports et co-rapports.* Athènes, 1976. P. 23–24.

⁶⁸ Choniates. I.551–557; *Clari.* P. 188–189; *Guntherus.* P. 141–142; *История Византии.* Т. 2. С. 345; *Savvides A. Byzantium in the Near East...* P. 46.

⁶⁹ *Guntherus.* P. 142.

⁷⁰ Choniates. I.552; Villehardouin. I.203; *Muralt E., de. Essai de chronographie...* P. 273; *Angold M. The Byzantine Empire...* P. 294; *Balivet M. Romanie Byzantine...* P. 86; *Madden T.F. The Fires of the Fourth Crusade in Constantinople 1203–1204: a damage assessment* // *BZ.* 1991/2. Bd. 84/5. P. 74, 76.

⁷¹ Choniates. I.562–564; Villehardouin. I.194, II.221–222; *Clari.* P. 194; *Guntherus.* P. 142–143; *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 461–462; *История Византии.* Т. 2. С. 345; *Vasiliev A.A.*

стантинополь и отправился в Малую Азию. Хотя источники не приводят точных сведений о том, когда именно Феодор вышел из тюрьмы, он, весьма вероятно, был освобожден одним из императоров⁷². Либо он был выпущен Алексеем IV, ранее его заключившим, а ныне совершившим политический маневр с целью найти себе новых сподвижников, либо Алексеем V⁷³, освободившим, таким образом, пленника непопулярного режима⁷⁴. Но Феодор, очевидно, не поддержал кандидатуру ни одного из Алексеев.

Итак, Феодор Ласкарис освобожден осенью 1203 или в январе 1204 г.⁷⁵ Уход Феодора в восточные провинции Империи может указывать на наличие какого-то стратегического плана защиты, созданного им как деспотом вместе с Алексеем

History... P. 440; *Angold M. The Byzantine Empire...* P. 294; *Beck H.G. Il Millennio Bizantino / Trad. da E. Livrea. Roma, 1981. P. 88. Об Алексее V Дуке: Hendrickx B., Matzukis C. Alexios V Doukas Mourtzouphlos: His life, reign and death (?–1204) // Ελληνικά. 1979. Т. 31. Σ. 108–132.*

⁷² Маловероятно, чтобы Феодор сбежал, ведь такой подвиг, скорее всего, стал бы впоследствии широко известен и озвучен при дворе. Это особенно маловероятно, учитывая, что Феодор покинул столицу вместе со своей женой и тремя маленькими дочерьми (Acropolites. I.10.), что было бы трудно организовать при побеге. Более того, и Никита Хониат, и Николай Месарит говорят о божественном вмешательстве ангела в освобождении Феодора, что указывает на то, что он получил значительную помощь (скорее открытую), а не сам устроил свой побег: Nicetas Choniates. *Orationes...* P. 121–122; *Neue Quellen...* Bd. II: *Die Unionsverhandlungen...* S. 26.

⁷³ Н. Икономидис предполагает, что в январе 1204 г. Феодора Ласкариса уже не было в столице, поскольку его кандидатура не выдвигалась во время переворота Алексея V и он не упоминался при последующем налогообложении, а ведь Феодор, будучи деспотом, должен был считаться наиболее высокопоставленным лицом Империи: *Oikonomidès N. La décomposition...* P. 24. Однако этот аргумент представляется нам недостаточно надежным, поскольку во время январского переворота Феодор мог находиться в тюрьме и, соответственно, не мог быть актуальной кандидатурой для мятежников, которые не желали восстановления Алексея III на престоле.

⁷⁴ Алексей V объявил своими приоритетами защиту Империи и изгнание латинян («он предполагал, что это дело будет легким»: Choniates. I.566.27–30). Но для реализации своей политики ему нужны были талантливые полководцы и союзники среди знати, однако немалая часть этой знати отвернулась от него из-за того, что Алексей V, стремясь пополнить казну, обложил налогами всех аристократов, включая даже кесарей и севастократоров (Choniates. I.566.20–26, 35–43).

⁷⁵ Наиболее распространенным является мнение о том, что Феодор освобожден и находился в Малой Азии уже осенью 1203 г. Оно основано на отсутствии в *Partitio Romanie* территории около Мраморного моря, от Nikei до Авидоса, которая фактически отошла от центральной власти за несколько месяцев до взятия столицы: *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 463; *Angold M. After the Fourth Crusade: the Greek Rump States and the Recovery of Byzantium // The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 734.* Н. Икономидис также находит аргументы в поддержку этого мнения в тексте речи Феодора I от 1208 г. *Oikonomidès N. La décomposition...* P. 23–25. По мнению других ученых, Феодор оставался в Константинополе вплоть до его взятия 12–13 апреля: *Μηλιαράκης Α. Ιστορία τοῦ Βασιλείου...* Σ. 7. А. Саввидис пишет, что Феодор Ласкарис, «видимо» (seems), защищал город до последнего дня, 13 апреля 1204 г., но он не приводит ссылок на источник: *Savvides A. Byzantium in the Near East...* P. 55; *Savvides A. Constantine XI Lascaris...* P. 151–159. О. Лампсидис обосновывает свою позицию отрывком текста Николая Месарита (*Neue Quellen...* Bd. II: *Die Unionsverhandlungen...* S. 26) о том, что Феодор был чудесно спасен при осаде Константинополя Архангелом Михаилом: *Lampsidès O. Wunderbare Rettung...* S. 125–127. Однако отрывок происходит из неполного манускрипта и не исключает использования риторического приема. П.И. Жаворонков цитирует Акрополита (Acropolites. I.10.14), согласно которому Феодор покинул Константинополь через несколько дней после захвата города со всеми остальными знатными жителями: *Жаворонков П.И. У истоков...* С. 31. Но текст ясно указывает, что Феодор к моменту массового выхода из города *προεξέλθειν πόλεως*, т. е. «уже покинул столицу». См. также: *Die byzantinischen Kleinchroniken...* Vol. I. S. 74. По нашему мнению, весьма трудно установить с точностью, когда

ем III до июля 1203 г.⁷⁶, что соответствовало бы его личным связям на Востоке⁷⁷ и его последующим действиям во имя этого императора. Даже избрание его брата Константина императором в ночь на 12 апреля 1204 г.⁷⁸, говорит о некоторой семейной политике в пользу правящей династии Алексея III⁷⁹.

Роль Константина Ласкариса в сохранении Империи

На состоявшемся в осажденном Константинополе собрании 12 апреля, которое было посвящено избранию нового императора, голоса разделились между Константином Дукой и Константином Ласкарисом⁸⁰. Дука происходил из семьи Ангелов-Дук и, соответственно, поддерживал интересы той ветви династии Ангелов, что была связана с Исааком II⁸¹. С другой стороны, Константин Ласкарис Комнин принадлежал к кругу сподвижников Алексея III (напомним, что этот последний всячески подчеркивал свои родственные связи с династией Комнинов⁸²), состоял с ним в личном родстве через брак Феодора, и, весьма вероятно, до 1203 г. сам занимал какую-нибудь видную должность.

Итак, в ночь с 12 на 13 апреля столичная знать и патриарх избрали Константина Ласкариса императором, но у него не осталось времени для подготовки к обороне города, так как латиняне уже захватили его⁸³. В историографии достаточно подробно обсуждался вопрос о том, стал ли Константин Ласкарис действительно византийским императором, пройдя весь положенный ритуал (коронацию, принятие императорских инсигний, аккламацию народом и армией)⁸⁴. Дело в том,

именно Феодор Ласкарис освободился, и потому следует придерживаться широких временных рамок. Самая ранняя дата — осень 1203 г. Однако ограничиваться только отсутствием в *Partitio Romanie* региона около Мраморного моря не достаточно для того, чтобы исключить и более позднюю дату, уже при другом императоре. Поскольку, как было показано выше, Феодор точно освободился до взятия столицы и к этому времени уже успел установить свою власть в Никее, то самая поздняя дата его перемещения — январь 1204 г.

⁷⁶ *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 460, 463, 469. Алексей III не пошел в восточные провинции, поскольку никогда не был там популярен (P. 460): *Macrides R. 1204: The Greek Sources // Urbs Capta*. P. 148.

⁷⁷ См. выше и особенно примеч. 11. *Ragia E. The Inscription of Didyma (Hieron)...* P. 144–145.

⁷⁸ *Choniates. I.571–572*. Робер де Клари сообщает только, что он был сделан императором. *Clari*. P. 212.

⁷⁹ См. следующий раздел.

⁸⁰ В историографии долго предполагалось, что выбор совершался между Константином Дукой и Феодором Ласкарисом (у А. Мелиаракиса — два Феодора: *Μηλιαράκης Α. Ἱστορία τοῦ Βασιλείου...* Σ. 5–6). Однако тщательный анализ источников показывает, что речь идет о двух Константинах: *Murali E., de. Essai de chronographie...* P. 278; *Gardner A. The Lascarids of Nicæa...* P. 55; *Андреева М.А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 5–6; Sinogowitz B. Über das byzantinische Kaisertum nach dem Vierten Kreuzzuge (1204–1205) // BZ. 1952. Bd. 45. S. 351–353; Savvides A. Constantine XI Lascaris...* P. 143.

⁸¹ *Polemis D.I. The Doukai...* P. 195; *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 462.

⁸² Алексей III Ангел Комнин был правнуком Алексея I Комнина (1081–1118): *Βαρζόξ Κ. Ἡ γενεαλογία...* No 180. Σ. 726–801.

⁸³ Другим кандидатом на престол являлся некий Константин Дука: *Choniates. I.571; История Византии. Т. 2. С. 345; Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 145. Однако Никита Хониат практически ничего не говорит об этих двух личностях, кроме того, что оба имели «талант в военном искусстве» и были равны по достоинствам и недостаткам.

⁸⁴ См.: *Sinogowitz B. Über das byzantinische...* S. 345–356; *Жаворонков П.И. У истоков...* С. 30–37;

что Никита Хониат, очевидец падения Империи, представил события той ночи так, словно Константин был избран, но формально не принял власть и не был коронован⁸⁵, притом что, как известно исследователям, Хониат, а после него и Георгий Акрополит, были заинтересованы в минимизации «правления» Константина, находясь при дворе Феодора Ласкариса⁸⁶. Впрочем, несмотря на то, что все ученые согласны в том, что Константин был избран и, видимо, провозглашен императором, тем не менее точных доказательств коронации не существует, а поведение Константина в последующие месяцы и годы не дает однозначного ответа⁸⁷. Нам кажется, что важен факт формального избрания, а само «правление» Константина, видимо, имело лишь номинальный характер. В заключение скажем, что сразу после падения Константинополя в Византийской империи было два императора-беженца⁸⁸, два псевдо-императора⁸⁹ и более дюжины отдельных региональных правителей⁹⁰.

Роль Ласкарисов после падения Константинополя

Усилия Ласкарисов — возможно, не только Константина и Феодора, но и других их братьев — в борьбе против латинян в Константинополе еще в июле 1203 — апреле 1204 г. сделали их популярными среди столичных жителей и аристократии и выдвинули это семейство на ведущую роль в государстве⁹¹. В силу своего положения в государственной иерархии и семейных связей Ласкарисы по сути дела оказались защитниками Алексея III. Соответственно, отношения двух братьев после 1204 г. становятся более сложными, чем это традиционно представляется в историографии. Ученые описывали их как противоборство⁹², что совершенно не соответствует источникам. Часто утверждалось, будто один

Παπαδριανος J. Да ли је Константин... С. 217–221; Σαββίδης Α.Γ.Κ. Συμπληρωματικά στοιχεία... Σ. 196–210. Во введении к переводу «Истории» Акрополита П.И. Жаворонков высказывает мнение, что Константин все же не был коронован: Жаворонков П.И. История Георгия Акрополита. СПб., 2005. С. 6. Обзор развития дискуссии: Savvides A. Constantine XI Lascaris... P. 151–159.

⁸⁵ Choniates. I.572.

⁸⁶ Жаворонков П.И. У истоков... С. 30; Ahrweiler H. L'idéologie politique... P. 68. Акрополит вовсе ничего не говорит о Константине и не упоминает его в «Истории».

⁸⁷ Для человека, который стал императором, он не проявлял достаточной активности в защите своих прав, и, по сравнению с другими фигурами того периода, относительно мало участвовал в военных действиях. С этим мнением согласны: Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 145; Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997. P. 966.

⁸⁸ Напомним, что к тому времени Алексей III Ангел Комнин и Алексей V Дука Мурчуфл были еще живы.

⁸⁹ Помимо Константина Ласкариса, в апреле 1204 г. принял императорский титул Алексей Великий Комнин, внук Андроника I Комнина, основавший так называемую Трапезундскую империю: Карнов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 84–96; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 144; История Византии. Т. 3. С. 46–47.

⁹⁰ Например, Феодор Манкафа в Филадельфии, Лев Сгур в Аттике, Мануил Маврозом на территории реки Меандра, Михаил Ангел Дука Комнин на Пелопоннесе, Давид Великий Комнин в Пафлагонии, и еще несколько других в западных и восточных частях империи: История Византии. Т. 3. С. 29–30; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 146–156; Oikonomidès N. La décomposition... P. 19–24.

⁹¹ Choniates. I.544, 546, 571.

⁹² Например: Sinogowitz B. Über das byzantinische... P. 354–355.

из братьев ущемлял права другого в зависимости от того, кто был более успешен⁹³, или что они были вполне независимы друг от друга⁹⁴. Несмотря на отсутствие прямых доказательств, последующие деяния Ласкарисов представляются нам содержащими элементы единого замысла и продуманных действий. Некоторые ученые также считают сотрудничество братьев вполне вероятным⁹⁵, и, видимо, впоследствии Константин сам стал деспотом при дворе Феодора I⁹⁶. Эта схема своеобразна, но полностью обоснована и соответствует провозглашенной Феодором политике сохранения и продолжения византийских институтов и традиций⁹⁷, для которой (особенно на территории, не восставшей против Константинополя до 1204 г.) легитимность и ясная цепь передачи престола составляли собой основу стабильности государства и авторитета власти.

Заключение

Очертив, таким образом, раннюю биографию Феодора I Ласкариса, мы получили более полное представление об историческом контексте, в рамках которого формировалась его личность. Это позволяет нам всесторонне изучить дальнейшую деятельность Феодора I как императора и увидеть ее внутреннюю логику. Ряд проблем и ключевых фигур византийской истории как бы «переместился» вместе с Империей в Никею. В частности, большую важность имеет предыстория внешних отношений империи «в изгнании» с крестоносцами и римской курией. Мировоззрение Феодора Ласкариса также сформировалось до 1204 г., ведь Феодор стал правителем, уже имея за плечами большой опыт политической нестабильности, дипломатических разрывов, военных конфликтов, социального недовольства и экономических провалов. Несмотря на то, что источники не дают точной информации о юности Феодора Ласкариса, воссоздавая социально-политическую обстановку данного периода, мы видим, как эти годы могли сформировать государственные способности Феодора и повлиять на его стремление к тому, чтобы в конечном итоге вывести Византийскую империю из ее бедственного положения.

Волкофф Ангелина Анна

Аспирантка кафедры истории средних веков
Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
119992 Москва

Электронная почта: angelinavolkoff@gmail.com

⁹³ Например: *Gardner A. The Lascaris of Nicæa...* P. 55–56; *История Византии*. Т. 3. С. 30.

⁹⁴ Например: *Жаворонков П.И. У истоков...* С. 34.

⁹⁵ *Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles*. P., 1966. P. 302; *Savvides A. Constantine XI Lascaris...* P. 146; *Puech V. The Aristocracy...* P. 70–71.

⁹⁶ Ms. 235, f. 478v // *Catalogi codicum manuscriptorum bibliothecae Bodleianae I* / Ed. by H.O. Coxe. Oxford, 1853. P. 404. См.: *George Akropolites. The History*. P. 168.

⁹⁷ *Nicetas Choniates. Orationes...* P. 127–128.

Angelina VOLKOFF

THE EARLY YEARS OF THE BIOGRAPHY OF THEODORE I LASCARIS

Abstract: This article reviews the «pre-imperial» years of Theodore I Lascaris (1204–1221), as the period of his political and ideological formation. To the extent possible, it reconstructs his biography before the conquest of Constantinople by the Fourth Crusade in 1204 and the beginning of his reign in Nicæa. By analysing the few known facts of his life prior to 1204 in a concrete socio-political context, many significant details of Theodore's early career come to light. From these we get a better understanding of the background of his imperial activities and deepen our perception of his figure. It becomes clear how turmoil within the Byzantine Empire shaped his political outlook and how the Lascaris family participated in his career rise.

Keywords: Theodore I Lascaris, Constantine Lascaris, Fourth Crusade, Nicæan Empire.

Literature Cited

- AHRWEILER, H. "L'histoire et la géographie de la région Smyrne entre les deux occupations Turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe s." *Travaux et Mémoires* 1 (1965).
- AHRWEILER, H. *Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles*. Paris 1966.
- AHRWEILER, H. "Le sébaste, chef de groupes ethniques." *Polychronion. Festschrift F. Dölger*. Heidelberg 1966.
- AHRWEILER, H. *L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. Paris 1975.
- ANDREEVA, M.A. *Очерки по культуре византийского двора в XIII в.* Praga 1927.
- ANGOLD, M. *The Byzantine Empire (1025–1204). A Political History*. London 1984.
- ANGOLD, M. *A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Lascarids of Nicaea, 1204–1261*. Oxford 1975.
- ANGOLD, M. "Byzantine Politics vis-à-vis the Fourth Crusade." In LAIOU, A., ed. *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences*. Paris 2005.
- ANGOLD, M. *The Fourth Crusade: event and context*. Harlow 2003.
- ANGOLD, M. "After the Fourth Crusade: the Greek Rump States and the Recovery of Byzantium." In *The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492*. Ed. by J. SHEPARD. Cambridge 2008.
- ANGOLD, M.J. "Theodore I Lascaris." In *Oxford Dictionary of Byzantium*. Ed. by A.P. KAZHDAN. Vol. 3. Oxford 1991.
- BAKER, E. *Social and Political Thought in Byzantium from Justinian I to the Last Palaeologus*. Oxford 1957.

- BALIVET, M. *Romanie Byzantine et Pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication Gréco-Turque*. Istanbul 1994.
- BECK, H.G. *Il Millennio Bizantino*. Trad. da E. LIVREA. Roma 1981.
- BRAND, C.M. *Byzantium Confronts the West, 1180–1204*. Cambridge (Mass.) 1968.
- BRAND, C.M. "A Byzantine Plan for the Fourth Crusade." *Speculum* 43 (1968).
- BRAND, C.M. "The Byzantines and Saladin, 1185–1192: Opponents of the Third crusade." *Speculum*. 37 (1962).
- Byzantine lead seals*. Ed. G. ZACOS, A. VEGLERY. Vol. 1. Pt. 3. Basel 1972.
- Catalogi codicum manuscriptorum bibliothecae Bodleianae I*. Ed. by H.O. COXE. Oxford 1853.
- CHALANDON, F. *Les Commènes*. Vol. 1–2. Paris 1900–1912.
- CHEYNET, J.-C. "L'apport arabe à l'aristocratie byzantine des Xe–XIe siècles." In *La société byzantine: l'apport des sceaux*. Vol. 2. Paris 2008.
- CHEYNET, J.-C., and VANNIER, J.-F. *Études prosopographiques*. Paris 1986.
- CHEYNET, J.-C. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)*. Paris 1990.
- CHEYNET, J.-C. "Les officiers étrangers de l'armée byzantine aux Xe–XIIe siècles." In *Guerre et société au Moyen âge Byzance-Occident (VIIIe–XIIIe siècle)*. Éd. par D. BARTHÉLEMY et J.-C. CHEYNET. Paris 2010.
- CHRISTIDES, V. "An arabo-byzantine novel 'Umar b. al-Nu'mān compared with Digenes Akritas." *Byzantion* 32 (1962).
- CLARI, R., di. *La conquista di Constantinopoli*. Trad. A.M.N. PATRONE. Genova 1972.
- CONGAR, Y.M.-J. "Neuf cents ans après; Notes sur le «Schisme oriental»." In *1054–1954. L'Église et les églises: neuf siècles de douloureuse separation entre l'Orient et l'Occident*. Éd. par T. BELPAIRE, and N. EGENDER. Chevetogne 1954.
- CONSTANTINIDES, C.N. *Higher Education in Byzantium in Thirteenth and early Fourteenth Centuries, 1204 — c. 1310*. Nicosia 1982.
- Digenis Akritis*. Ed. and transl. by E. JEFFREYS. Cambridge 1998.
- DÖLGER, F., and WIRTH, P. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 2 Teil: Regesten von 1025–1204*. München 1977.
- ELIAS, N. *La société de cour*. Paris 1985.
- FAILLER, A. "Les insignes et la signature du despote." *Revue des études Byzantines* 40 (1982).
- FERJANČIĆ, B. "Севастократори у Византији." *Зборник радова византолошког института* 11 (1968).
- FOLDA, J. "The Fourth Crusade, 1201–1203 (Some reconsiderations)." *Byzantinoslavica* 26 (1965).
- FRANCÈS, E. "Sur la Conquête de Constantinople par les Latins." *Byzantinoslavica* 15 (1954).
- GARDNER, A. *The Lascarids of Nicea. The Story of an Empire in Exile*. London 1912.
- George Akropolites. *Исчопуя*. Transl. by P.I. ZHAVORONKOV. St. Petersburg 2005.
- George Akropolites. *The History*. Transl. by R. MACRIDES. Oxford 2007.
- George Akropolites. *Georgii Acropolitae Opera*. Hrsg. von A. HEISENBERG. Lipsiae 1903.
- GIARENÈS, Ē. *Η συγκρότηση και η εδραίωση της αυτοκρατορίας της Νίκαιας: ο αυτοκράτορας Θεόδωρος Α΄ Κομνηνός Λάσκαρις*. Athens 2008.
- GILL, J. *Byzantium and the Papacy, 1198–1400*. New Brunswick 1979.
- GOUNARIDIS, P. "L'image de l'autre: les croisés vus par les Byzantins." In *Quarta Crociata. Venezia — Bisanzio — Impero Latino*. Vol. I.
- GOUDAS, M. "Βυζαντιακά έγγραφα τῆς ἐν Ἀθῶν ἱερᾷ Μονῇ Βατοπεδίου." *Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν* 4 (1927).
- GUILLAND, R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Vol. 1. Berlin 1967.
- Guntherus von Pairis. *Hystoria Constantinopolitana*. Hrsg. von P. ORTH. Zürich 1994 [Berliner Beiträge zur Mediävistik, 5].
- HAGENEDER, O., ed. *Die Register Papst Innocenz' III*. Vol. 2. Wien 1979.
- HARRIS, J. *Byzantium and the Crusades*. New York 2003.

- HEISENBERG, A., ed. *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion*. München 1923. Bd. I: Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Johannes; Bd. II: Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208.
- HENDRICKX, B. "Baudouin IX de Flandre et les empereurs byzantins Isaac II l'Ange et Alexis IV." *Revue belge de philologie et d'histoire* 49.1 (1971).
- HENDRICKX, B., and MATZUKIS, C. "Alexios V Doukas Mourtzouphlos: His life, reign and death (?–1204)." *Ελληνικά* 31 (1979).
- HUSSEY, J. *Church and Learning in the Byzantine Empire, 867–1185*. London 1937.
- JUREWICZ, O. *Andronikos I. Komnenos*. Amsterdam 1970.
- JUSTI, F. *Iranisches Namenbuch*. Marburg 1895.
- KALAVREZOU, I. "Imperial Relations with the Church on the Art of the Komnenians." In *To Βυζάντιο κατά το 12ο αιώνα: Κανονικό Δίκαιο, κράτος και κοινωνία*. Ed. by N. ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ. Athens 1991.
- KARPOV, S.P. *История Трапезундской империи*. St. Petersburg 2007.
- KAZHDAN, A., and BRAND, C.M. "Komnenian Dynasty." In *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 2.
- KAZHDAN, A.P. "Загадка Комнинов." *Византийский временник* 25 (1964).
- KAZHDAN, A.P. "Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы." *Byzantinische Zeitschrift* 66.1 (1973).
- KAZHDAN, A.P. "Laskaris." *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 2.
- KAZHDAN, A.P. *Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв.* Moscow 1974.
- KOLTSIDA-ΜΑΚΡĒ, I. *Βυζαντινά μολυβδόβουλλα συλλογής Ορφανίδη Νικολαΐδη Νομισματικού Μουσείου Αθηνών*. Athens 1996.
- KOROBENIKOV, D. "A sultan in Constantinople: the feasts of Ghiyāth al-Dīn Kay-Khusraw I." In *Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19) — Food and Wine in Byzantium: Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A.A.M. Bryer*. Ed. by L. BRUBAKER and K. LINARDOU. Aldershot 2007.
- KURBATOV, G.L. *История Византии (от античности к феодализму)*. Moscow 1984.
- LAIΟΥ, A.E. "Byzantium and the Crusades in the Twelfth Century: Why Was the Fourth Crusade Late in Coming?" In LAIOU, A., ed. *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences*. Paris 2005.
- LAMPSIDES, O. "Wunderbare Rettung des Theodoros Laskaris durch den Erzengel Michael." *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 26 (1977).
- LAURENT, V. "La généalogie des premiers Paléologues: à propos d'un sceau in édit du despote Alexis († 1203)." *Byzantion* 8 (1933).
- LAURENT, V. *Les Bulles métriques dans la Sigillographie Byzantine*. Athènes 1932.
- LEMERLE, P. *Cinq études sur le XIe siècle Byzantin*. Paris 1977.
- LOENERTZ, R. "La chronique brève de 1352. Texte, traduction et commentaire." *Orientalia Christiana Periodica* 29 (1963).
- MACRIDES, R. "1204: The Greek Sources." In LAIOU, A., ed. *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences*. Paris 2005.
- MADDEN, T.F. "The Fires of the Fourth Crusade in Constantinople 1203–1204: a damage assessment." *Byzantinische Zeitschrift* 84/5 (1991/1992).
- MAGDALINO, P. "The Empire of the Komnenoi (1118–1204)." In *The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492*. Ed. by J. SHEPARD. Cambridge 2008.
- MAKSIMOVIĆ, L., and POPOVIĆ, M. "Les sceaux byzantins de la région danubienne en Serbie." In *Studies in Byzantine Sigillography* 2 (1990).
- MIKLOSICH, F., and MÜLLER, I., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vol. 4. Vienna 1871.
- MURALT, E. de. *Essai de chronographie byzantine 1057–1453*. St.-Petersbourg 1871.

- MĒLIARAKĒS, A. *Ιστορία τοῦ Βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου (1204–1261)*. Athens 1898.
- Nicephori Gregorae Historia Romana*. Ed. L. SCHOPEN. Bonnae 1829–1830 [CSHB, XIX].
- Nicetas Choniates. *Historia*. Hrsg. von J.A. van DIETEN. Berlin 1975 [CFHB, 11].
- Nicetas Choniates. *Orationes et Epistulae*. Hrsg. von J.A. van DIETEN. Berlin 1972 [CFHB, Series Berolinensis, 3].
- Nikolaos Mesarites. *Die Palastrevolution des Johannes Komnenos*. Hrsg. von A. HEISENBERG. Würzburg 1907.
- NOVAKOVIĆ, R. “О датуму и разлозима Немањиног силаска с престола (Sur la date et les causes de l’abdication de Nemanja).” *Зборник радова византолошког института* 11 (1968).
- OIKONOMIDÈS, N. “Pictorial propaganda in XIIth c. Constantinople.” In *Glas 390 de l’Académie serbe des sciences et des arts. Classe des sciences historiques 11*. Belgrade 2001.
- OIKONOMIDÈS, N. “La décomposition de l’Empire Byzantin à la veille de 1204 et les origins de l’Empire de Nicée: à propos de la «Partitio Romaniae».” *Actes du XVe Congrès international des études byzantines. Rapports et co-rapports*. Athènes 1976.
- OIKONOMIDÈS, N. “L’épopée de Digénis et la frontière orientale de Byzance aux Xe et XIe siècles.” *Travaux et Mémoires* 7 (1979).
- OIKONOMIDÈS, N. “Boilas, Will of Eustathios.” In KAZHDAN, A.P., ed. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1. Oxford 1991.
- ORTALLI, G., RAVEGNANI, G., and SCHREINER, P. *Quarta Crociata. Venezia — Bisanzio — Impero Latino*. Vol. I–II. Venezia 2006.
- OSTROGORSKIY, G. *История византийского государства*. Moscow 2011.
- OSTROGORSKY, G. “Urum-despotes. Die Anfänge der Despoteswürde in Byzanz.” *Byzantinische Zeitschrift* 44 (1951).
- PAPADRIANOS, J. “Да ли је Константин Ласкарис био византијски цар?” *Зборник радова византолошког института* 9 (1966).
- POLEMIS, D.I. *The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography*. London 1968.
- PRIMOV, B. “The Papacy, the Fourth Crusade and Bulgaria.” *Byzantinobulgarica* 1 (1962).
- PUECH, V. “The Aristocracy and the Empire of Nicæa.” *Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204*. Ed. by J. HERRIN. Aldershot 2011.
- QUELLER, D.E., and MADDEN, T.F. *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople*. Philadelphia 1997.
- RAGIA, E. “The Inscription of Didyma (Hieron) and the Families of Phokas and Karantinos in Western Asia Minor (12th–13th C.).” *Byzantinische Zeitschrift* 100 (2007).
- SABVIDÈS, A.G. “Κ. Συμπληρωματικά στοιχεία για τον εφήμερο Βυζαντινό αυτοκράτορα Κωνσταντίνο ΙΑ΄ Λάσκαρι (1204–1205).” *Βυζαντιακά* 19 (1999).
- SAVVIDES, A. “Constantine XI Lascaris, uncrowned and ephemeral «basileus of the Romaniai» after the Fall of Constantinople to the 4th Crusade. 1204–1205.” *Βυζαντιακά* 7 (1987).
- SAVVIDES, A.G. “Internal Strife and Unrest in Later Byzantium, XIth–XIIIth Centuries (A. D. 1025–1261). The Case of Urban and Provincial Insurrections (Causes and Effects).” *Σύμμεκτα* 7 (1987).
- SAVVIDES, A.G. “Byzantium’s Oriental Front in the First Part of the Thirteenth Century: the Empires of Nicea and Trapezous (Trebizond) in View of the Seljuk and Mongol Menace.” *ΔΙΠΤΥΧΑ* 3 (1982–1983).
- SAVVIDES, A.G. *Byzantium in the Near East: Its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols, A. D. c. 1192–1237*. Thessalonica 1981. P. 45–46.
- SCHLUMBERGER, G. *Sigillographie de l’empire byzantine*. Paris 1884.
- SCHREINER, P., ed. *Die byzantinischen Kleinchroniken*. Wien 1977 [CFHB 12].
- SETTON, K.M., ed. *History of the Crusades*. Vol. I–VI. Madison; Wisconsin, 1955–1989.

- SIMPSON, A.J. "Before and After 1204: the Versions of N. Choniates' Historia." *Dumbarton Oaks Papers* 60 (2006).
- SINOGOWITZ, B. "Über das byzantinische Kaisertum nach dem Vierten Kreuzzüge (1204–1205)." *Byzantinische Zeitschrift* 45 (1952).
- SINOGOWITZ, B. "Über das byzantinische Kaisertum nach dem Vierten Kreuzzuge (1204–1205)." *Byzantinische Zeitschrift* 45 (1952).
- SKAZKIN, S.D., ed. *История Византии*. Vol. 2–3. Moscow 1967.
- SOKOLOV, N.P. "К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции." *Византийский временник* 5 (1952).
- STEPHENSON, P. "Balkan Borderlands (1018–1204)." In *The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492*. Ed. by J. SHEPARD. Cambridge 2008.
- STIERNON, L. "Notes de titulature et de prosopographie byzantines: sébaste ey gambros." *Revue des études Byzantines* 23 (1965).
- STURDZA, M.-D. *Dictionnaire historique et généalogique des grandes familles de Grèce, d'Albanie et de Constantinople*. Paris 1983.
- THEODORIDIS, D. "Die Herkunft des byzantinischen Familiennamens ΛΑΣΚΑΡΙΣ." *Revue des études Byzantines* 62 (2004).
- Theodorus Scutariota. *Addimenta ad Georgii Acropolitae Historiam*. Rec. A. HEISENBERG. Vol. 1. Lipsiae 1903.
- TREADGOLD, W. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford 1997.
- LAIU, A., ed. *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences*. Paris 2005.
- VARZOS, K. "La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prediction AIMA (sang) et l'héritage des Grands Comnènes de Trébizonde et des Anges- Comnènes-Doukas d'Epire face au Lascarides de Nicée." *Jarhbuch der Österreichischen Byzantinistik* 32/2 (1982).
- VARZOS, K. *Η γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν*. Vol. 2. Thessaloniki 1984.
- VASILIEV, A.A. *History of the Byzantine Empire, 324–1453*. Vol. II. Madison 1958.
- VILLEHARDOUIN, G., de. *La conquête de Constantinople*. Trad. E. FARAL. Paris 1973.
- VRYONIS, S. "The Will of Eustathius Boilas." *Dumbarton Oaks Papers* 11 (1957).
- WASSILIOU, A.-K. "Ο ἅγιος Γεώργιος ὁ Διασώστης auf Siegeln: Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Laskariden." *Byzantinische Zeitschrift* 90 (1997).
- WOLFF, R.L. "The second Bulgarian Empire. Its origin and history to 1204." *Speculum* 24 (1949).
- ZAVOROV, M.A. "Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. К вопросу роли Иннокентия III в перемене направления четвертого крестового похода." *Византийский временник* 5 (1952).
- ZHAVORONKOV, P.I. *История Грузии Акрополима*. St. Petersburg 2005.
- ZHAVORONKOV, P.I. "У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкариса)." *Византийский временник* 38 (1977).

Angelina Anne VOLKOFF

PhD candidate in History at the Department of Medieval History

Lomonosov Moscow State University, Faculty of History

Lomonosovskiy prospect, 27–4

119992 Moscow

e-mail: angelinavolkoff@gmail.com

С.В. Близнюк

ГУГО IV ЛУЗИНЬЯН — НОВЫЙ КРЕСТОНОСЕЦ «НОВОГО» СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: В работе анализируется внутренняя и внешняя политика короля Кипра Гуго IV Лузиньяна, посредством чего монарх представлен как король-крестоносец, носитель традиционных средневековых ценностей, и одновременно как изысканный интеллектual нарождающейся гуманистической эпохи. Особенно подчеркивается, что он одним из первых европейских монархов понял силу культуры и просвещения для подъема авторитета королевской власти внутри страны и на международной арене.

Ключевые слова: история, Средние века, Кипр, Византия, Гуго IV Лузиньян, культура, гуманизм, политика, турецкая угроза, «Священная Лига», папство.

Король Кипра Гуго IV Лузиньян (1324–1359) был, наверное, одним из самых выдающихся представителей своего рода и весьма незаурядной личностью среди современников. Он был блестящим дипломатом, стратегом, при котором Кипрское государство засияло яркой звездой на международной политической арене. Он был мудрым политиком, при котором государственная казна наполнилась, а экономика королевства достигла расцвета, которого история правления Лузиньянов на острове больше не знала. Гуго был, судя по всему, прекрасно образованным человеком разносторонних знаний и интересов, не чуждым новых для его времени гуманистических идей; при его дворе прекрасно чувствовали себя как латинские, так и греческие поэты и философы. Политик, которому хватало терпения и выдержки не любоваться самим собой и своими собственными достижениями, заставил современников восхищаться его королевством и искать личного знакомства с ним самим.

Поскольку многие проблемы, связанные с международной торговлей на Кипре, были урегулированы еще его предшественником Генрихом II (что обеспечило государству процветание), Гуго IV мог позволить себе стать своеобразным «просвещенным» кипрским монархом и окружить себя интеллектуалами независимо от того, были ли они византийцами, греками-киприотами или европейцами. Его неподдельный интерес к вопросам культуры был известен далеко за пределами Кипрского королевства. Великий итальянский гуманист Джованни Боккаччо (1313–1375) в одном из любопытнейших писем к Гуго IV Лузиньяну представляет дело так, что именно по инициативе кипрского монарха он приступил к написанию своего знаменитого философского труда «Генеалогия языческих богов» и что сама идея создания этого сочинения принадлежит именно Гуго IV. «...Я был

избран, — говорит Боккаччо, — твоим величеством автором для этой работы, словно являюсь самым опытным и самым образованным в этих [вопросах] человеком»¹. Свое произведение Боккаччо фактически посвящает кипрскому королю. Венецианское издание «Генеалогии языческих богов» 1472 г. начинается словами: «Genealogiae deorum gentilium ad Ugonem inclytum Hierusalem et Cypri regem...». Боккаччо во введении к трактату подтверждает, что лично никогда не встречался с кипрским монархом. Последний отправил к нему рыцаря Донино ди Парма с просьбой написать генеалогию языческих богов и героев. Несмотря на то, что сам Боккаччо считал Петрарку, Варлаама Калабрийского или Паоло ди Перуджа более компетентными в данном вопросе, он отозвался на просьбу короля и принялся за дело², результатом которого стало бессмертное произведение великого мастера. В заключении Боккаччо снова говорит о посланниках Гуго IV, среди которых, помимо Донино ди Парма, он называет приближенного короля, своего соотечественника Бекино Беллантионо (Bechinus Bellintionus), прибывшего к поэту в Равенну с Кипра, и Паоло Геометра (Paulus Geometra), «влюбленного» в Гуго. Боккаччо также подтверждает, что все они подгоняли его с работой, которая, тем не менее, растянулась на несколько лет. В то же время итальянский гуманист был явно озабочен тем, чтобы никто не подумал, будто он пишет названный трактат исключительно по приказу или же по заказу кипрского короля. Поэтому он просит кипрского монарха при необходимости защитить его от возможных нападок³. В последнее время исследователи также указывают, что посредством кипрских сюжетов, имеющихся в «Декамероне»⁴, Боккаччо оказывает поддержку Гуго IV и восхваляет его предшественника Генриха II⁵.

Не меньше Боккаччо восхищается Гуго IV византийский автор Никифор Григора, посвятивший ему свой энкомий. Конечно, энкомий — это совершенно особый литературный жанр, и относиться к нему следует с большой осторожностью. Однако не менее лестно византийский интеллектуал отзывается о Кипре и в своей «Ромейской истории»⁶. Обращает на себя внимание также тот факт, что Григора воспекает не только богатства Кипра, его благосостояние, справедливость, законность и добропорядочность государства, источником которых был король Гуго IV. Он постоянно говорит о красоте, которая всегда окружает короля, о его доброжелательности к иностранцам, обретшим на острове и пристанище, и покой, избегнув страданий и плена в других землях и государствах. Григора

¹ Boccaccio G. Le lettere edite et inedite. Tradotte e commentate con nuovi documenti di Francesco Corazzini. Firenze, 1877. P. 211, 211–225.

² Boccaccio G. Genealogie Johannis Boccacii cum micantissimis arborum effigiationibus cuisque gentiles dei progeniem... declarantibus. Parisiis, 1511. Proemium. F. VIr–v. Lib. XV. Cap. VI, XIII; Idem. Della Genealogia degli Dei. Venetia, 1627. Proemio. F. 1r–2v. Lib. XV. Cap. VI, XIII.

³ Boccaccio G. Genealogie Johannis Boccacii... Lib. XV. Cap. VI, XIII; f. CXXVIIr; f. CLXIIr; Boccaccio G. Della Genealogia degli Dei. Lib. XV. Cap. VI, XIII; Conclusione. f. 247r–v; Schabel Ch. Hugh the Just: the Further Rehabilitation of King Hugh IV Lusignan of Cyprus // *Ελετηρίδα. Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών*. 2004. Т. 30. P. 129–130.

⁴ Boccaccio G. Decameron. I. 9; II. 4, 7; III. 7; V. 1.

⁵ Schabel Ch. Hugh the Just... P. 128–129; Peters E. Henry II of Cyprus, Rex inutilis: A Footnote to Decameron 1.9. // *Speculum*. 1997. Vol. 72. P. 763–777; Puchner W. The Crusader Kingdom of Cyprus — a Theatre Province of Medieval Europe? Athens, 2006. P. 66. No 224; Deligiorgis S. Boccaccio and the Greek Romances // *Comparative Literature*. 1967. Vol. XIX/2. P. 97–113.

⁶ Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. L. Schopen. Bonnæ, 1830. Vol. III. P. 27–33 (далее: Gregoras).

замечает: «...земля Кипра и приветлива, и светла, и приносит радость не только телу, но и душам». Рассказывая о «страдальцах», радушно принятых кипрским королем, Григора явно намекает на византийцев-антипаламитов, действительно нашедших приют при дворе Гуго IV. Еще Григора подчеркивает: «Ты (Гуго IV — С.Б.) поразил своими благодетельными речами всех; ты легко и давно ведешь и привлекаешь к себе тех, кто разумен и мудр, кто всегда слышит от прибывающих и рассказывающих об этом и многом другом; особенно же говорят, что от самого вида твоего и от милости очей приходит тотчас то, что очаровывает души слушателей: некая несказанная радость. И мы видим, что это происходит от солнечных лучей небесного светила»⁷. Сам Григора, впрочем, так же, как и Боккаччо, никогда не бывал на Кипре. И тот, и другой принадлежат к тому разряду иностранцев, которые много слышали о кипрском монархе от других и восхищались им, не будучи лично с ним знакомы. Но Боккаччо состоял в постоянной переписке с Гуго IV, о чем есть свидетельства в уже упомянутом нами письме; Григора же имел друзей, настроенных антипаламитски и нашедших убежище при кипрском дворе. О гостеприимстве, оказанном его друзьям на Кипре, византиец вспоминает с особой теплотой и благодарностью⁸. Одним из них был грек-киприот Георгий Лапиф, автор философских трактатов и моралистических поэм, создатель антиисихастского кружка на Кипре, в который вошли многие византийские ученые и интеллектуалы. Лапиф, как известно, был хорошо знаком с Гуго IV, состоял в постоянной переписке с Никифором Григорой, Григорием Акиндином, антиисихастски настроенным митрополитом Фессалоникийским Иакинфом и с византийской принцессой Ириной-Евлогией Хумненой. За разъяснениями по философским вопросам к нему обращался Варлаам Калабрийский⁹. Для византийского интеллектуала особенно важно было то, что кипрский король был открыт для постижения мудрости других народов и одним из первых понял необходимость разносторонних знаний для правителя. Григора намекает, что при дворе Гуго IV находились арабские ученые из Египта, которые пользовались покровительством кипрского монарха¹⁰. И именно Гуго IV, по сведениям того же автора, принадлежат слова, которые говорят сами за себя: «Правители становятся мудрыми в обществе мудрых»¹¹.

К сожалению, имен людей, вошедших в кружок Георгия Лапифа, мы фактически не знаем. Разве что можно вспомнить ученика Никифора Григоры Григория Агафангела, пребывавшего на Кипре в течение трех лет, встречавшегося с Лапифом и его единомышленниками и хорошо представлявшего светскую куль-

⁷ Leone P. L'encomie di Niceforo Gregora per il re di Cipro (Ugo IV di Lusignano) // Byz. 1981. T. 51. Fasc. 1. P. 224.

⁸ Gregoras. Vol. III. P. 27, 30.

⁹ О Георгии Лапифе и его корреспонденции см. в: Сметанин Г.В. Правовые воззрения Георгия Лапифа // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 164–169; Байер Х.-Ф. Участие Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в. // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 297–322; Костокрызова Л.Ю. Оценки паламитами и антипаламитами роли Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в. // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 290–296; Sinkewicz R.E. The Solutions addressed to George Lapithes by Barlaam the Calabrian and their Philosophical Context // Medieval Studies. 1981. Vol. XLIII. P. 151–211; Kyrris C. History of Cyprus. Nicosia, 1985. P. 230; Cyprus: Society and Culture 1191–1374 / ed. Ch. Schabel and A. Nicolaou-Konnari. Leiden; Boston, 2005. P. 272–275.

¹⁰ Gregoras. Vol. III. P. 23–27, 33.

¹¹ Ibid. P. 29 (σοφοὶ γὰρ... τύραννοι σοφῶν συνουσίᾳ).

турную жизнь при дворе Гуго IV. Агафангел являлся, по видимости, одним из основных информаторов Григоры о происходящем на Кипре. Какова была интерпретация этой информации, мы уже знаем. Среди беженцев-антипаламитов находился также митрополит Сидонский Кирилл, прибывший на остров в 1355 г.¹² По словам Никифора Григоры, и сам руководитель антиисихастского кружка Георгий Лапиф, и его друзья были не только хорошо известны кипрскому монарху, но и находились непосредственно рядом с ним. Гуго очень уважал и ценил Лапифа, часто приглашал его к себе и получал истинное наслаждение, наблюдая, как тот ведет дискуссии и обезоруживает своих оппонентов неопровержимыми аргументами. Григора также утверждает, что кипрский монарх наслаждался образованностью и речью Лапифа и хотел набраться от него и латинской, и греческой премудрости, ибо тот являлся носителем обеих и «многоопытен в мудрости и языке обеих наций»¹³. Сам король, по сведениям византийского автора, также обладал серьезными познаниями в латинской философии и всегда держал при себе латинских мудрецов¹⁴. Косвенным доказательством тому является присутствие при дворе известнейших в то время theologов Парижского университета, ставших затем иерархами латинской церкви на Востоке: Элиаса де Набино, архиепископа Никосии, и иерусалимских патриархов Раймонда Беквини и Петра Палудануса¹⁵. Особым расположением монарха пользовался также папский нунций кармелит Петр Томас, которого он ценил, прежде всего, как theologа: «Даже если бы Вы не были папским нунцием и епископом, — передает слова Гуго IV, обращенные к Петру Томасу, Филипп де Мезьер, — тем не менее, за то, что Вы — магистр theologии, и за Ваши доблестные дела мы хотели бы почитать Вас»¹⁶.

Гуго IV можно назвать и королем-строителем. Он не жалел средств (благо они у него были) на строительство храмов и монастырей. При нем было завершено сооружение собора св. Николая в Фамагусте, построено аббатство Беллапаис, один из лучших образцов готической архитектуры на латинском Востоке, возведена капелла в доминиканском монастыре в Никосии¹⁷, в котором Гуго и завещал себя похоронить. Воля короля после его смерти была исполнена.

Следует ожидать, что сам король принимал участие в интеллектуальных дискуссиях и нередко поражал слушателей своими идеями и способностью красиво их излагать. Иначе нельзя объяснить восхищение византийских авторов красотой его речи. Ведь для Никифора Григоры виртуозное владение языком было едва ли не самым важным показателем интеллекта и элитарной образованности собеседника. Хорошо известно его высокомерно-пренебрежительное отношение ко всем этим землекопам, горшечникам и рыбакам «с их бессловесной жизнью»¹⁸. На риторике как на одну из самых важных областей знания, которой правитель

¹² Cyprus: Society and Culture... P. 233–234.

¹³ Gregoras. Vol. III. P. 29–30.

¹⁴ Gregoras. Vol. III. P. 29.

¹⁵ Schabel Ch. Elias of Nabeinaux, Archbishop of Nicosia, and the Intellectual History of Later Medieval Cyprus // Cahiers de l'Institut du Moyen-Age grec et latin. 1998. Vol. 68. P. 35–52; Idem. Archbishop Elias and the Synodicon Nicosiense // АНЧ. 2000. Bd. 32/1. P. 61–81.

¹⁶ Schabel Ch. Hugh the Just... P. 127; Boustron F. Chronique de l'île de Chypre / Publ. par R. Mas-Latrie. P., 1886 (repr: Boustron F. Historia overo commentarii de Cipro. Nicosia, 1998). P. 253; Mézières Ph., de. The Life of Saint Peter Thomae / ed. J. Smet. Rome, 1954. P. 80.

¹⁷ Enlart C. Gothic Art and the Renaissance in Cyprus / Transl. and ed. D. Hunt. L., 1987. P. 174–200.

¹⁸ Медведев И.П. Византийский гуманизм. СПб., 1997. С. 23.

должен владеть на уровне искусства, не раз указывал также Георгий Лапиф¹⁹. В конце XIV в., много лет спустя после смерти Гуго, как о блестящем ораторе о нем вспоминал французский автор, любивший Кипр как свою родину, Филипп де Мезьер. Он писал: «Когда Гуго произносил речь во время богослужения, если бы он услышал хотя бы одно слово в королевской капелле от своих рыцарей или кого-либо другого, он бы громко стукнул перед капеллой во время речи, и снова воцарилась бы полная тишина. Что за чудо!» — восклицает автор и продолжает далее восхищаться добродетелями короля²⁰. Таким образом видно, что двор Гуго IV Лузиньяна становится одним из культурных центров Леванта, центром притяжения интеллектуальной элиты как из Западной Европы, так и Византии, и арабского Востока, местом, где нашли благодатную почву раннегуманистические идеи XIV в.²¹

К сожалению, сами кипрские хронисты оставили нам очень немного сведений о времени его правления. Леонтий Махера больше рассказывает о чудесах, стихийных бедствиях или нашествии саранчи, нежели о деяниях короля. Вся же последующая хронистика полностью основана на сочинении Махеры и зависима от него, соответственно, мало чего добавляет к чудесам, знаменаниям и злоключениям этого времени. Европейские и византийские источники (как нарративные, так и документальные) проливают значительно больший свет на личность и деяния этого короля, чем кипрские.

Две истории, приводимые Леонтием Махерой (о которых мы расскажем чуть ниже), долгое время заставляли исследователей видеть в Гуго IV жестокого тирана, некоего *pater familias*, не допускавшего ни малейшей свободы для собственных сыновей. Традиция представлять Гуго IV, вдобавок, слабым политиком и деспотом, почти фанатиком, полным религиозных предубеждений, была заложена английским историком Дж. Хиллом в середине XX в.²² Средневековые авторы действительно подчеркивают набожность и благочестие короля. Филипп де Мезьер в одном из своих сочинений замечает, что Гуго был «самым католическим королем из всех королей в христианской мире (*catholicus inter omnes reges Christianorum*)»²³. Паломник Джакомо де Верона, посетивший Кипр в 1335 г., называет Гуго IV «добродетельным, милосердным и благочестивым»²⁴. Подобные оценки в устах средневековых авторов являются высшей похвалой для короля крестоносного государства, ибо ставят его в один ряд с идеальным крестоносцем, основателем Иерусалимского королевства Готфридом Бульонским. Именно указанными качествами в первую очередь наделяли хронисты эпохи крестовых походов Готфрида, ставшего образцом для всех крестоносцев. На закате эпохи Гуго IV становится вторым Готфридом, носителем и продолжателем крестоносной традиции на Востоке.

¹⁹ PG. T. 149. Col. 1010–1046.

²⁰ Mézières Ph., de. *Le songe du vieil pèlerin* / Publ. par G.W. Coopland. Cambridge, 1969. Vol. II. P. 253.

²¹ См. также: Bliznyuk S.V. *Die Fremden am Hofe der Könige von Zypern im 14/15. Jhd.* // Επετηρίδα. Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών. 2005. Т. 31. S. 109–125.

²² Hill G. *History of Cyprus*. Cambridge, 1948. Vol. II. P. 300–306. Дж. Хилл, видимо, настолько не любил этого короля, что был весьма немногословен и посвятил его 35-летнему правлению лишь небольшую главу (*ibid.* P. 285–307).

²³ Mézières Ph., de. *The Life of Saint Peter Thomas*... P. 80.

²⁴ Cobham C.D. *Excerpta Cypria. Material for a History of Cyprus*. Cambridge, 1908. P. 16–17.

Итак, Леонтий Махера начинает рассказ об этом короле с кровавого и жестокого события: «В июле 1357 [1325] г. король Гуго приказал повесить сто человек»²⁵. По представлениям Махеры, все эти люди были пиратами и заслуживали смерти за свои злодеяния, и при такой интерпретации король выступает как защитник и поборник соблюдения закона. В это можно было бы легко поверить, потому что в водах Кипра действительно всегда было много пиратов, способных нанести серьезный урон международной торговле и, следовательно, кипрской экономике, если принять датировку события по венецианской рукописи: 1357 г. Однако судя по тому, что оксфордская и равеннская рукописи указывают на 1325 г., т. е. время непосредственно после коронации, вероятнее предположить, что Гуго IV расправился либо с еще оставшимися врагами своего предшественника Генриха II, которые вряд ли оказали поддержку и ему самому, либо с «новой» оппозицией его собственной власти. Подобную датировку и предположение подтверждают Ф. Бустрон и Ф. Амади рассказывающие, что в самом начале правления Гуго IV в Кормакитии собралась группа рыцарей, недовольных его восшествием на престол и являвшихся прежде врагами его предшественника Генриха II. Гуго тогда поставил вопрос в Высшем Совете королевства об осуждении этих рыцарей как изменников и о лишении их фьефов, но, правда, не жизни²⁶. Возможно, именно с ликвидацией заговора рыцарей Кормакитии и связаны те казни, которые Махера представляет как борьбу короля с пиратами, и их объяснением будет его самоутверждение как короля, безжалостного к своим врагам. Показательный характер казни становится знаком для непокорных и предупреждением, гласящим, что Гуго не допустит узурпации власти кем бы то ни было, как это произошло при Генрихе II. Кроме того, хронист отмечает важную деталь: казни проходили во всех крупных городах Кипра. Кажется не слишком логичным, чтобы королевские власти сначала выловили сотню пиратов, а потом распределили их по разным городам, чтобы казнить. А вот проведение арестов неугодных королю по всей стране и их устранение на месте представляется весьма правдоподобным. Да и вряд ли Гуго начинает свое правление с очистки акватории Кипра от пиратов: дело это, несомненно, важное, но не первостепенное. Пиратов, как мы уже сказали, всегда хватало в водах Кипра и периодически Лузиньяны направляли против них корабли, обеспечивая безопасность торговых путей. Столь широкомасштабный «отлов» пиратов, о котором рассказал Махера, означал бы в действительности настоящую войну против них, и, несомненно, нашел бы отражение в разных источниках. Тем не менее, этого не случилось. Цифры, которые приводит Махера, также кажутся значительным преувеличением. Ведь когда он конкретизирует, сколько «пиратов» было казнено в разных городах, оказывается, что их число сильно не дотягивает до сотни²⁷.

Особую известность в историографии приобрела другая история, рассказанная Махерой, о том, как двое его сыновей — Пьер (будущий король Кипра) и Жан — без позволения отца бежали с острова, чтобы всего лишь, как говорит хронист, «посмотреть мир и попробовать жизни на чужбине, которая очень слад-

²⁵ *Machairas L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled 'Chronicle' / Ed. R.M. Dawkins. Oxford, 1932. Vol. I. § 64 (далее: Machairas).*

²⁶ *Amadi F. Chronique de Chypre / Publ par R. Mas-Latrie. P., 1891 (repr. Amadi F. Cronaca di Cipro / Intr. di S. Beraud. Nicosia, 1999) P. 403; Boustron F. Chronique... P. 254.*

²⁷ *Machairas. § 64.*

ка для каждого, кто ее еще не отведал, и горька для того, кто ее уже видел»²⁸. Гуго IV приказал найти беглецов, вернуть их на Кипр и сурово наказать их и их пособников. Пьер и Жан были заключены в тюрьму в Кирении, пособники казнены²⁹.

Авторитет Дж. Хилла, вероятно, тяготел над последующими поколениями историков Кипра настолько, что до конца столетия никто не опровергал его весьма односторонний взгляд на личность Гуго IV Лузиньяна. Точка зрения английского ученого была полностью принята в историографии³⁰, и лишь в 1991 г. Питер Эдбери отверг построения Дж. Хилла³¹. Роль настоящего адвоката короля взял на себя кипрский историк К. Шейбел, который настаивает на необходимости реабилитации Гуго IV и называет этого короля «Гуго Справедливый». Даже в суровом обращении короля с сыновьями автор видит проявление справедливости и непредвзятости³². К. Шейбел, несомненно, прав в том, что Гуго IV всегда находился в тени славы своего легендарного сына Пьера I Лузиньяна, и это не позволяло историкам увидеть в нем личность не менее яркую. М. Кампаньола называет «меркантильным», но мудрым правление Гуго IV, при котором Кипр достиг экономических высот, главным образом, благодаря мирному сосуществованию с Египтом и другими соседними странами³³. Со своей стороны, мы также неоднократно подчеркивали в своих предшествующих работах необыкновенный талант Гуго IV Лузиньяна как политика и правителя³⁴. Итак, и состояние источников, и мнение, укоренившееся в историографии о Гуго IV как о слабом короле, и колорит эпохи Пьера I Лузиньяна препятствовали не одному поколению историков оценить отца-короля по заслугам.

Гуго IV правил 35 лет и был дважды женат: в первый раз на Марии Ибелин, дочери графа Яффы и Аскалона Ги и Марии Ибелин (1307/1310–1316), во второй — на другой представительнице рода Ибелинов, Алисе, дочери Ги и Изабеллы Ибелин (1318–1359). От первого брака с яффской ветвью Ибелинов, на котором настоял Генрих II, Гуго IV имел единственного сына Ги, который, согласно кипрским законам, являлся наследником своего отца; от второго брака родилось восемь детей, двое из которых Пьер и Жак впоследствии станут кипрскими монархами. Время правления Гуго IV — самый мирный период и пора максимального процветания королевства за всю его трехсотлетнюю историю. Первое и второе, однако, не означают, что Гуго IV забыл об основном предназначении своего королевства: быть форпостом крестоносцев на Востоке. Он, как и его предшественники, с честью нес знамя крестоносца, но делал это как

²⁸ Machairas. § 79.

²⁹ Machairas. § 79–85.

³⁰ Maier F.G. Cyprus from the Earliest Time to the Present Day. L., 1968. P. 92.

³¹ Edbury P. The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374. Cardiff, 1991. P. 146–147.

³² Schabel Ch. Hugh the Just... P. 123–152.

³³ Campagnolo M. The Parallel Lives of Evagrios I of Salamis and Peter I de Lusignan // From Aphrodite to Melusine. Reflection on the Archaeology and the History of Cyprus. Geneva, 2007. P. 59.

³⁴ Bliznyuk S. Il prezzo delle guerre dei re di Cipro (XIV–XV secc.) // Südost-Forschungen. 2000/2001. Bd. 59/60. P. 99–101; Bliznyuk S.V. Die Fremden... S. 109–110; Близнюк С.В. Цена королевских войн на Кипре в XIV–XV вв. // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 86–87; Она же. Кипр и турецкая угроза: новая философия крестоносного движения // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 7. СПб., 2009. С. 183–190; Она же. Мир торговли и политики... С. 57–58.

мудрый политик, для которого важнее всего соблюсти интересы собственного государства.

В конце 20-х — начале 30-х годов XIV в. становится очевидным, что на Востоке есть более опасный враг, нежели схизматики-греки или арабы Египта. В 1329 г. византийскому императору еще удалось отвоевать Хиос у Бенедетто Дзаккариа³⁵, а в 1330 г. папа еще пишет о том, что и Родосу угрожают греки³⁶. Однако защита латинских владений от турок становится более важным делом, чем борьба со схизмой или возвращение Иерусалима и Константинополя. Наибольшая военная опасность исходила уже от турецких правителей Анатолии. Из-за нее еще в 1327 г. венецианцы пытались вовлечь в антитурецкую коалицию Византию и госпитальеров³⁷. В 1329 г. Умар Айдын отвоевал крепость Смирну у Марино Дзаккариа³⁸. Участились рейды и нападения анатолийских турок на Родос, Крит, Хиос, Кипр, Пелопоннес, не говоря уже о малых островах Эгейды, не раз переживавших их опустошительные набеги. В 40-е годы XIV в. вся Романия страдала от нападений турок. Иоанн Кантакузин пишет, что к 1341 г. почти все население Эгейских островов было захвачено турками. Турки опустошали Фракию, Македонию, Элладу (т. е. континентальную Грецию) и Пелопоннес³⁹. Согласно Никифору Григоре, христиане особенно страдали от набегов эмира Айдына и Иконии, который со своим флотом терроризировал Негропонт, Крит, Родос, Пелопоннес, доставалось Фессалонике и даже Константинополю⁴⁰. Турецкие рейды происходили невзирая на многочисленные «мирные» соглашения и договоры о торговом сотрудничестве, заключенные и заключающиеся ими с латинскими правителями⁴¹. «Восточный вопрос» постепенно все больше становился именно «турецким вопросом». Первоначально латинянам Востока противостояли прежде всего эмираты Ментеше и Айдына, а в середине XIV в. к ним присоединились еще и османы. В 1354 г. последние захватили стратегически важный пункт в Дарданеллах — Галлиполи, в 1369 г. — уже Адрианополь и его округу, к началу же XV в. османский султан Баязид I (1357–1403) контролиро-

³⁵ Cantacuzeni Iohannis eximperatoris historiae / Ed. L. Schopeni. Bonn, 1828. Vol. I. P. 380–385 (далее: Cantacuzenus); *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983. P. 17; *Laiou A.E.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II (1282–1328). Cambridge, 1972. P. 253–255; *Pistarino G.* Chio dei Genovesi // *Studi medioevali*. 1969. Vol. 10. P. 15–16; *Balletto L., Pistarino G.* Genova ed il suo sistema politico-militare nell'Egeo (secoli XIV–XV) // *Atti dell'Accademia Ligure di Scienze e Lettere*. 1996. Serie V. Vol. LIII. P. 466, 469; *Lettres secrètes et curiales du Pape Jean XXII (1316–1334) relatives à la France* / Publ. par A. Coulon-Clemencet. P., 1961–1972. Fasc. 8. No 4174; Fasc. 9. No 4308–4310 (далее: Jean XXII. *Lettres secrètes*...).

³⁶ Jean XXII. *Lettres secrètes*... Fasc. 8. No 4174; Fasc. 9. No 4308–4310.

³⁷ *Setton K.* Papacy and Levant. Philadelphia, 1976. Vol. I. 180. No 8.

³⁸ *Zachariadou E.* Trade and Crusade. P. 16; *Lemerle P.* L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha» P., 1957 [Bibliothèque Byzantine. Etude 2]. P. 40–41; 50–56; *Ahrweiler E.* L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) particulièrement au XIIIe siècle // *TM*. 1965. Vol. 1. P. 10, 41–42.

³⁹ Cantacuzenus. Vol. I. P. 537.

⁴⁰ Gregoras. Vol. II. P. 597.

⁴¹ *Zachariadou E.* Trade and Crusade. P. 7–21; *Luttrell A.* The Hospitallers of Rhodes Confront the Turks: 1306–1421 // *Idem.* The Hospitallers of Rhodes and their Mediterranean World. L., 1992. II. P. 89; *Близиук С.В.* Мир торговли и политики... С. 68.

вал значительную часть Балкан⁴². Турецкие источники XIV в. полны сообщений о священной войне против христиан Эгейских островов и греческих континентальных территорий. Турки, несомненно, смотрели на латинян и византийцев как на врагов и как на неверных; византийцы и латиняне платили им взаимностью. Знаменитый арабский путешественник и купец Ибн Баттута рассказывает, что, странствуя по Анатолии (1325–1354), он встретил большое количество легистов, «святых людей», священнослужителей и светских правителей, которые проповедовали джихад — священную войну против неверных христиан. Об одном из них, эмире Айдына Умаре, он впоследствии писал следующее: «набожный принц... который постоянно был занят джихадом — священной войной», который постоянно нападал и грабил христиан, захватывал добычу и пленников, и который умер «мученической смертью» во время атаки латинян на Смирну в 1348 г.⁴³ Таким образом, активность крестоносцев XIV в. фокусируется уже не в Святой Земле и на Леванте, а все более перемещается в Эгеиду. Не мамлюки Египта и Сирии, а турки Малой Азии отныне представляют основную военную угрозу. Соответственно, с появлением нового типа мусульманской опасности, возникает и новый тип реакции: морские союзы европейских государств, созданные специально для борьбы с нею.

Реальной силой для действенного сопротивления туркам обладали два латинских государя Востока: король Кипра и великий магистр Ордена госпитальеров Родоса. Но и они постоянно нуждались в помощи и поддержке западноевропейских государств и римского папы. В одиночку противостоять туркам было не под силу ни одному европейскому государству. Даже Венеция в 1337 г. согласилась платить дань эмиру Ментеше после ряда его атак на Модон, Корон и венецианские острова Архипелага. Примеру Венеции последовали вскоре жители Мелета и Бруссy, генуэзцы и византийцы⁴⁴. Никколло Санудо, сеньор Наксоса, заклю-

⁴² Zachariadou E. Trade and Crusade. P. 70; *Eadem*. The Conquest of Adrianople by the Turks // Studi Veneziani. 1970. Vol. XII. P. 211, 216–217; *Eadem*. Prix et marchés des céréales en Romanie (1343–1405) // Nuova Rivista Storica. 1977. Vol. 61. No 304. P. 297; *Nasturel P.* Beldicéanou N. Les églises byzantines et la situation économique de Drama, Serres et Zichna aux XIVe et XVe siècles // JÖB. 1978. Bd. 27. P. 270; *Beldiceanu-Steinher I.* La prise de Serres et le firman de 1372 en faveur du monastere de Saint-Jean-Prodrôme // Acta Historica. 1965. Vol. IV. P. 15–24; Πέννας II. Ἱστορία τῶν Σερρῶν. 1383–1913. Αθήναι, 1966. 2 έκδ. Σ. 49–59; *Vacalopoulos A.E.* The Flight of the Inhabitant of Greece to the Aegean Islands, Crete and Mane during the Turkish Invasions (XIV–XV) // Charanis Studies / Ed. A.E. Laiou-Thomadakis. New Brunswick, 1980. P. 272–281; *Luttrell A.* Latin Responses to Ottoman Expansion before 1389 // The Ottoman Empire. Rethymnon, 1993. P. 119–134; *Haberstumpf W.* La dissoluzione delle signorie latine in Morea di fronte alla turcocrazia // Studi Veneziani. 1997. Vol. XXVIII. P. 66–67; *Bliznjuk S.* Genovesi a Costantinopoli ed Adrianopoli alla metà del XV secolo in base a documenti dell' Archivio di Stato di Genova // BZ. 1997. Bd. 90. Heft 1. P. 13–14; *Близнюк С.В.* Кочелек и жизнь генуэзцев в Константинополе и Адрианополе в середине XV в. // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 3. СПб, 1998. С. 127.

⁴³ The Travell of Ibn Battuta: AD 1325–1354 / Transl. by H. Gibb. Cambridge, 1962. Vol. II. 427–253. Ибн Баттута неверно полагал, что Умар погиб во время атаки латинянами Смирны, которая была взята ими в 1344 г. На самом деле, эмир Умар оказывал сопротивление завоевателям до конца своих дней и погиб в стычке с христианами под Смирной в 1348 г. *Luttrell A.* The Hospitallers of Rhodes... P. 80–81; The Cambridge History of Turkey / Ed. by K. Fleet. Vol. I: Byzantium to Turkey, 1071–1453. Cambridge, 2009. P. 111; *Coureas N.* Cyprus and the Naval Leagues, 1333–1358 // Cyprus and the Crusades / Ed. N. Coureas, J. Riley-Smith. Nicosia, 1995. P. 112.

⁴⁴ Об уплате дани туркам венецианцами подробно пишет Ибн-Баттута: The Travels of Ibn Battuta. P. 442–446; *Zachariadou E.* Trade and Crusade. P. 101, 195 (No 2); договор об уплате дани эмиру Ментеше был повторен в 1375 г.: Ibid. P. 219 (No 2); *Haberstumpf W.* La dissoluzione... P. 67;

чил соглашения с турками Ментеше и Айдына еще раньше, в марте 1332 г., и начал платить им дань⁴⁵. В 1333 г. данником эмиров становится Негропонт⁴⁶. Итак, из всего вышесказанного следует, что турецкий вопрос к 30-м годам XIV в. обретает международное звучание и становится одним из самых актуальных в международных отношениях в Средиземноморье. Для Кипра усиление турок, помимо всего прочего, грозило свести на нет его роль как связующего звена между европейским купечеством и мамлюками, а значит, сократить и прибыль, получаемую в рамках международной торговли.

После долгих переговоров, споров, обид и взаимных обвинений в предательстве лига, наконец, была учреждена папой Иоанном XXII в 1334 г. Ее постоянными участниками стали римский папа, Венеция, Родос и Кипр⁴⁷. В то же время латинские правители Востока, понимавшие, насколько хрупок мир в регионе и насколько он необходим для нормального существования их государств, были всегда более осмотрительны с началом военных предприятий против соседей-мусульман, чем их западноевропейские коллеги. Без острой необходимости защиты собственной территории, торговых путей или рынков своего государства крестовые походы против мусульман ими не инициировались. Гуго IV, наверное, одним из первых принял подобную линию поведения, вступая в ту или иную военную кампанию против мусульман. Великий магистр Ордена иоаннитов также демонстрировал осторожность и сдержанность в отношениях с мусульманами.

Великий магистр госпитальеров (в 30-е годы им был Элион де Вильнев) занимал в вопросе создания лиги против турок двойственную позицию. С одной стороны, он никогда не отказывался от участия в коалиции. Основная функция Ордена состояла в защите интересов и территорий латинян на Востоке от посягательств неверных. Эту функцию братия всегда строго выполняла, хотя, замечает А. Лэттрелл, как правило, и без особого энтузиазма, однако профессионально и компетентно⁴⁸. С другой стороны, великий магистр никогда не являлся активным инициатором создания лиги, не форсировал событий, постоянно заставляя сомневаться Венецию и папу в своем участии. Его политика в этом вопросе казалась последним несколько непредсказуемой и недосказанной. В связи с этим решения венецианского Сената полны сомнений на его счет. На Родос постоянно отправляются послы, в задачу которых входит не только обсуждение организационных проблем, но и уговоры принять участие в лиге, а затем и уяснение главного: останется ли великий магистр в лиге или нет⁴⁹. Реально это означало: продолжит ли лига существовать или она будет распущена.

Dunn R.E. Gli straordinari viaggi di Ibn Battuta. Le mille avventure del Marco Polo arabo. Milano, 1993. P. 180, 188, 191.

⁴⁵ Е. Захариаду в данном случае замечает, что текст соглашения не сохранился. О его заключении известно из постановлений венецианского Сената: *Thiriet F. Regestes des délibérations du Senat de concernant la Romanie*. P., 1958. Vol. I. No 11 (далее: *Thiriet F. Reg. Senat.*); *Cessi R., Brunetti M. Le deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato. Serie Mixtorum)*. Venezia, 1961. Vol. II. No 56. P. 17; *Zachariadou E. Trade and Crusade*. P. 22. No 79.

⁴⁶ *Zachariadou E. Trade and Crusade*. P. 22.

⁴⁷ Подробнее о создании Лиги см.: *Близнюк С.В. Кипр и турецкая угроза...* С. 174–201.

⁴⁸ *Luttrell A. The Hospitallers of Rhodes...* P. 93.

⁴⁹ *Cessi R., Brunetti M.* Vol. II. No 234. P. 233–234; No 258. P. 241–244; No 260. P. 245–246; No 278. P. 252–254; No 298. P. 259–260; *Thiriet F. Reg. Senat*. I. No 15, 20, 36.

Не менее осторожную и выжидательную позицию, чем госпитальеры, в отношении создаваемой антитурецкой лиги занимал король Кипра Гуго IV. Экономика королевства во время его правления функционировала как никогда четко и слаженно⁵⁰. Сосредоточив в своих руках немалые финансовые ресурсы, Гуго действовал на политической арене как политически независимый государь. Он мог себе позволить (со всеми вытекающими из этого материальными затратами и обязательствами перед союзниками) роль равноправного участника международных военных союзов. Однако он не мог позволить себе рисковать хотя бы относительным миром с мусульманами, который всегда был весьма хрупким на Востоке. Поэтому в «турецком вопросе» он действовал предельно сдержанно и осмотрительно. Не позволяя никому усомниться в своей готовности присоединиться к лиге, король, как и великий магистр Родоса, старался не форсировать событий, анализировать ситуацию и разрешил союзникам потратить некоторое время на уговоры присоединиться к коалиции⁵¹. Его политика в отношении турок нашла отражение в четырех основных документах, касающихся деятельности коалиции христианских правителей против турок — «Святой Лиги», в которых ярко проявилось значение Кипра в международных делах как сильного Средиземноморского государства: 1) договор от 8 марта 1334 г., заключенный в Авиньоне между римским папой, Венецией, королем Франции, королем Кипра и великим магистром Родоса, о союзе и совместных действиях против турок⁵²; 2) договор от 8 августа 1343 г., согласно которому союз между папой Климентом VI, великим магистром Родоса, королем Кипра и Венецией против турок был поддержан Генуей, Пизой, Арагоном и императором Византии⁵³; 3) мирный договор между турецкой стороной и военным блоком Кипра, Венеции и Родоса от 18 августа 1348 г.⁵⁴; 4) договор от 11 августа 1350 г., также заключенный в Авиньоне, между папской курией, великим магистром Родоса, Венецией и королем Кипра о совместных действиях против турок⁵⁵. Новые соглашения между этими же державами от 1353, 1356 и 1357 гг. представляют собой ратификацию и возобновление союза 1350 г.⁵⁶ В договоре 1348 г. Кипр назван среди наиболее крупных морских сил в Восточном Средиземноморье наряду с Венецией и Родосом: «Item, promittimus et juramus quod quelibet generatio Sancte Unionis, videlicet Cipriana, Venetorum et Hospitalis...»⁵⁷ Пожалуй, такое признание было для Кипрского королевства самым главным дипломатическим результатом его участия в военном блоке против турок.

⁵⁰ Близнюк С.В. Мир торговли... С. 44–57.

⁵¹ Cessi R., Brunetti M. Vol. II. No 258. P. 241–244; No 260. P. 245–246; No 278. P. 252–254.

⁵² Mas-Latrie L. Commerce et expéditions militaires de la France et de Venise au moyen âges // Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Mélanges historiques. III. P., 1880. P. 104–106; Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia / Ed. G.M. Thomas, R. Predelli. Venetiis, 1880. Vol. I. P. 244–247. Doc. 126 (далее: DVL).

⁵³ DVL. T. I. P. 265–266. Doc. 137; P. 266–273. Doc. 138–140.

⁵⁴ I Libri Commemoriali della Repubblica di Venezia. Regesti / Publ. R. Predelli. Venezia, 1914. T. IV. P. 156; Mas-Latrie L. Commerce et expéditions... P. 112–120.

⁵⁵ Mas-Latrie L. Histoire de l'île de Chypre. P., 1861. T. II. P. 217–218.

⁵⁶ Mas-Latrie L. Histoire... T. II. P. 217–218, 218–219, 221; I Libri Commemoriali. T. IV. P. 108; T. V. P. 105.

⁵⁷ I Libri Commemoriali... T. IV. P. 156; Mas-Latrie L. Commerce et expéditions... P. 112–120. Zachariadou E. Trade and Crusade. P. 204–210; Coureas N. Cyprus and the Naval Leagues... P. 112.

Договор 1334 г. является первым официальным документом о заключении военного союза латинян против турок. В нем предусмотрены чисто практические меры по отражению их натиска. В 1334 г. папа, призывая всех христиан принять участие в крестовом походе, говорит о необходимости снаряжения 40 галер: 10 от Венеции, 10 от госпитальеров, 6 от короля Кипра, 6 от императора Константинополя и 8 от римской курии⁵⁸. Византия на сей раз, несмотря на все уговоры и активную дипломатию Венеции, участия в «Лиге» не приняла, возможно, потому что в 1333 — начале 1334 г. госпитальеры вместе с другими латинянами атаковали византийский остров Лесбос⁵⁹. Поэтому объединенное войско получилось несколько меньше предполагавшегося изначально; оно состояло из 30 галер, 32 миссерий (*mysserii* — лодки) и 800 рыцарей, из которых Кипр предоставил 6 галер, 4 миссерии и 100 конных рыцарей. Важно подчеркнуть, что во вводных параграфах договора не упоминается о присутствии при подписании документа представителя короля Кипра. Участие Кипра выражается в его военных обязательствах. Объединенный флот должен был собраться на Негропонте в мае текущего года. Однако реальные военные действия против эмиров Сарухана, Айдына и Ментеше начались только в сентябре 1334 г. Несмотря на ряд значительных побед над турками на море, союзу, который планировал организацию крупномасштабного нового крестового похода, не суждено было состояться из-за смерти его вдохновителя папы Иоанна XXII (4 декабря 1334 г.). Но победы латинян на некоторое время остановили турецкую экспансию в Эгеиде и установили относительное спокойствие в регионе, что позволило европейскому купечеству, имевшему коммерческие интересы в турецких землях, быстро возобновить торговые связи с турками. Уже в декабре 1334 г. венецианцы как ни в чем ни бывало торговали в Ментеше⁶⁰.

Формально союз не был распущен. Вскоре Гуго IV берет инициативу в свои руки, самостоятельно выступает против турок, пытается возбудить интерес нового папы Бенедикта XII к своим действиям ради реанимации союза. В 1336 г. он отправил 12 галер против турок, в 1337 г. — 21 галеру. Были ли эти корабли направлены против турок Эгеиды или против Карамана, из источников не ясно. Однако в 1341 г. немецкий паломник Лудольф фон Зухен (фон Зюдгейм), посетивший Кипр, пишет, что все прибрежные города Малой Азии, а именно, Алайя, Атталия, Анамур, платят дань Гуго IV⁶¹. Отсюда видно, что экспедиции Гуго IV были направлены против анатолийских турок и что киприотам удалось одержать ряд морских побед ними. Вероятно, именно эти успехи стали основным аргументом в пользу возобновления союза в 1343 г.

Инициативы Гуго IV имели широкий резонанс в Европе. Папа, как мог, старался приободрить кипрского монарха для продолжения его борьбы с турками и одновременно призывал западноевропейских правителей к созданию нового военного блока. За несколько лет до этого, в 1336 г., Бенедикт XII передает послам

⁵⁸ DVL. T. I. P. 244–247. Doc. 126.

⁵⁹ Luttrell A. The Hospitallers of Rhodes... P. 89.

⁶⁰ Cessi R., Brunetti M. Vol. II. No 697. P. 379; Zachariadou E. Trade and Crusade. P. 33; Luttrell A. Crete and Rhodes: 1340–1360 // *Idem*. The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West. L., 1978. VI. P. 169–170.

⁶¹ Mas-Latrie L. Histoire... Vol. II. P. 216; Edbury P. Kingdom of Cyprus... P. 158; Schabel Ch. Hugh the Just... P. 131.

короля Гуго IV очень любезное письмо, в котором выражает свое удовлетворение его благоразумием, благородством и преданностью католической церкви и Апостольскому престолу⁶². В 1338 г. папа снова говорит об испытанном удовольствии от победы кипрского монарха: «Воистину, сын любезнейший, при чтении твоего письма одержанная тобой победа заслуженно доставила нам радость и веселье, а потери — скорбь. Эта славная победа над нечестивыми и имени христианскому противными турками, как и над неверностью тех поддельных христиан, которые, хотя и объявляют себя таковыми, сами суть противники веры католической, и над теми турками, которые, судя по твоим письмам, против тебя и народа твоего правоверного восстают и наносят ему ущерб на море, была дарована тебе небом. Воистину, сын дражайший, пока ты унижаешь вышеупомянутых турок, которые порождены, чтобы содействовать смущению и истреблению крови Христовой, ты стоишь не только за одного себя, но и за Того, Кто ради искупления рода человеческого Сам Себя предал кресту, из чего тебе предпосылается такая надежда и предстает такое упование, что самому тебе, движимому чистыми помыслами, никоим образом сил недостаточно, но для укрепления и направления дела твоего Он тебе от своего всемогущества необходимую помощь уделит... чтобы против упомянутых неверных врагов и их приспешников, помощников и сообщников, если только таковые поддельные и враждебные христиане существуют, сильнее и крепче десница Господняя совершила бы должное через твою доблесть...»⁶³

Выступить против турок короля заставила отнюдь не его личная жажда военных подвигов. Необходимость похода была продиктована сильнейшим давлением на Кипр со стороны турок. Кипрский монарх прекрасно осознает серьезность опасности как в политическом, так и финансовом отношении. Кипрское государство не располагало ни достаточными военными, ни материальными, ни людскими ресурсами для длительного сдерживания турецкой угрозы. Поэтому в письмах к папе Гуго IV не столько сообщает о своих победах, сколько предупреждает о грозящей опасности всему христианскому миру и объясняет необходимость создания коалиции для войны против турок, поскольку никто, как он справедливо полагал, не может сопротивляться им лишь своими силами. «Враги не мешкают, — пишет Гуго IV в ноябре 1341 г. — Они, используя свою превосходящую мощь, топчут христиан и опустошают христианские острова и места их. И до того довели, что нет никого, кто мог бы сопротивляться своими силами, если только не призвать для поддержки другое средство: божественную благодать, а также вспомоществование святой церкви и правоверных христиан. Лишь таким образом могут спастись местные жители, подавленные и приведенные в беспорядок столь ненавистой дерзостью вероломных турок. А поскольку еще и не такие беды предвидятся, то следует быстро и хорошо подготовиться, ведь потом будет слишком поздно для приготовления лекарства... А так как в течение долгого времени мы предвидели будущий ход дел, то не медлили прилюдно издавать наши возгласы и стоны, дабы все, видя столь явную опасность для божественной веры, помогли бы, явившись дружно и в большом числе». Не преминув подчеркнуть свои собственные заслуги, Гуго все же надеется на помощь Запада. Киприоты же

⁶² *Benedict XII. Lettres closes patentes et curiales intéressant les pays autres que la France* / Publ. par J.M. Vidal. F. I. P., 1913 [BEFAR. Sér. III]. P. 178–179. No 732.

⁶³ *Ibid.* F. II. P. 486–487. No 1673.

со своей стороны «готовы ради почтения к Богу и святой матери-церкви, а также к нашей святой вере, соединившись с подмогой от других христиан», спасти христианский мир и обуздать «наглость турок», защищая собственное государство⁶⁴. В то же время Гуго IV направил посольство в Венецию, прося помощи против турок, но не получил от Республики ничего, кроме невразумительного и весьма туманного ответа. В начале 1342 г. Сенат решил помочь дуче Архипелага Джанули Санудо и дал лицензию на поставку оружия и материалов, необходимых для снаряжения флота, дабы защитить его владения от турок⁶⁵ (еще в 1341 г. предшественник Джанули, Николо Санудо вместе с Бартоломео Гизи просили у Республики помощи для защиты Негропонта⁶⁶).

Военные успехи и дипломатические инициативы Гуго IV возымели действие. Его усилия были активно поддержаны новым папой Климентом VI (1342–1352), который проявлял большой интерес к делам на Востоке и, взойдя на престол, немедленно начал переговоры об организации крестового похода сначала с Венецией, а затем с великим магистром Родоса и с самим королем Кипра. Он призвал присоединиться к крестоносцам и императора и народ Константинополя⁶⁷. Не жалея красок, Климент VI пишет потенциальным участникам крестового похода, как страдают от турок правоверные христиане, как опустели и почти совсем уже обезлюдели христианские земли на Востоке из-за «неверных поганных» (*infideles pagani*)⁶⁸. В 1343 г. Климент VI издает буллу с приказом о скорейшем сборе десятины в Англии, Франции «и других странах мира», поскольку деньги срочно необходимы для организации экспедиции против турок. При содействии папы Климента VI родился новый военный блок, зримым результатом организации которого стал крестовый поход против Смирны и захват города 28 октября 1344 г.⁶⁹ В 1345 г. булла Климента VI о сборе средств для латинян Востока выпускается повторно. На сей раз деньги необходимы уже для защиты отвоеванных у турок территорий⁷⁰. Одновременно папа призывает всех христиан присоединиться к крестовому походу и, как обычно в таких случаях, обещает его участникам отпущение грехов⁷¹.

Активность «Святой лиги» после 1348 г. скорее можно назвать вялотекущей войной оборонительного характера. Сам же Кипр, отчасти собственными силами, а отчасти благодаря помощи других средиземноморских государств, решил главную задачу: отвел турецкую угрозу от своих берегов. Тотальное же наступ-

⁶⁴ Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. Verona, 1978. Vol. III. No 101. P. 51.

⁶⁵ Thiriet F. Reg. Senat. Vol. I. No 135. P. 48; I Libri Commemoriali... Vol. II. No 563. P. 99.

⁶⁶ I Libri Commemoriali... Vol. II. N 563. P. 99.

⁶⁷ Архив Санкт-Петербургского Института Истории РАН. Западноевропейская секция. Кол. 41. Карт. 505. Док. 8. (Авиньон. 12 ноября 1343 г.)

⁶⁸ Там же. Кол. 41. Карт. 505. Док. 10.

⁶⁹ DVL. Vol. I. No 124; Gregoras. Vol. II. P. 189; Cantacuzenus. Vol. II. P. 419–420; Georgii et Johannis Stellae Annales Genuenses / Ed. G. Petti Balbi. Bologna, 1975. P. 140; Jorga N. Philippe de Mézières, 1327–1405, et la croisade au XIVe siècle. P., 1896. P. 39; Παπαδόπουλος Ι. Η εξωτερική πολιτική του Όυγου του Δ' // Κυπριακά Σπουδαί. 1967. Σ. 75–78; Hill G. History of Cyprus. Cambridge, 1948. Vol. II. P. 299; Zachariadou E. Trade and Crusade. P. 41–62.

⁷⁰ Golubovich G.P. Bibliotheca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese. Firenze, 1913. Vol. II. P. 195. No 100; P. 196. No 182.

⁷¹ Golubovich G.P. Bibliotheca bio-bibliografica... Vol. II. P. 195. N 66; Архив СПб ОИ РАН. 3.Е. сек., кол. 41, карт. 505. док. 10.

ление против турок, захват их земель в планы Гуго IV никогда не входили, как не планировались и затраты на их удержание. Как только угроза отдалялась от острова, в интересах короля было немедленно отступить. Кипрское королевство по-прежнему оставалось членом лиги, по-прежнему выполняло свои союзнические обязательства, но вклад каждой из сторон стал значительно меньше, чем в 30-е годы. Так, по договору 1350 г. Кипр предоставлял всего 2 галеры, Родос и Венеция — по 3 галеры. И хотя в соглашении 1350 г. содержатся условия как оборонительного, так и наступательного характера («...для защиты христиан, территорий и владений, которые они удерживают за собой, а также для того, чтобы разбить турок и неверных, существующих в их землях»⁷²), вряд ли кто-то с флотом, сократившимся, по крайней мере, в три раза, мог рассчитывать на проведение крупных военных операций. Да и об этом папе Клименту VI, а затем и его преемнику на Апостольском престоле Иннокентию VI приходилось постоянно напоминать членам «Лиги» и обращаться к ним с просьбой о незамедлительном снаряжении необходимых для защиты Смирны галер. Венеция, отягощенная враждой с Генуей и войной Проливов, постоянно вызывала беспокойство папы, опасавшегося, что она не сможет выполнить взятых на себя обязательств. В этой ситуации Климент VI возлагает особые надежды на Гуго IV и госпитальеров. В 1350 г. он пишет королю письмо с просьбой поскорее прислать галеры, необходимые для защиты Смирны: «Прекраснейшему во Христе сыну Гуго, светлейшему королю Кипра, приветствие наше. Любезнейший сын, знатный муж Андреа Дандоло, дож Венеции, написал в своих письмах, что у него нет трех галер, которые он должен снарядить, согласно имеющемуся договору, поскольку он опасается, что любезнейшие генуэзцы из-за войны между ним и генуэзцами, которая начата, нападут. Однако мы особенно настаиваем, чтобы дож в любом случае не откладывал со снаряжением галер, но все же в случае если, против нашей надежды, он не снарядит и не пришлет галеры, ты, сын любезнейший, а также любезнейшие магистр и братья госпитальеры из Ордена св. Иоанна Иерусалимского скорее пришлите свои галеры, которые вы снарядите для самого большого блага... Ведь верующие подвергаются многочисленным опасностям, и уже отчаялись и потеряли всякую надежду на помощь, в то время как враги веры набрались дерзости и уже по обыкновению там (на Востоке — С.Б.) опустошают огромные области. Поэтому мы с особой настойчивостью и любовью просим и умоляем твою светлость ради милосердия нашего Господа и пролитой драгоценнейшей крови Его те галеры, которые ты должен снарядить, согласно условиям договора, как можно быстрее прислать... для защиты города Смирны»⁷³.

В борьбе с турками Гуго IV Лузиньян предстает перед нами как настоящий крестоносец, носитель уже многовековой крестоносной традиции, по-прежнему верующий в спасение души, в помощь Господа воинам Христовым и в разные чудеса, от Него исходящие. Кажется, мистики во время его правления хватало. Не случайно Леонтий Махера большую часть своего повествования о правлении Гуго IV посвящает чуду Святого Креста, явившегося миру именно в это время⁷⁴. Кипрский король и сам был готов рассказывать разные чудесные истории, при-

⁷² *Mas-Latrie L. Histoire... Vol. II. P. 217.*

⁷³ *Clement VI. Lettres closes, patentes et curiales intéressant les pays autres que la France / Publ. par E. Déprez, G. Mollat. Vol. I. F. II. P., 1960–1961 [BEFAR. Sér. III]. No 2377. P. 332.*

⁷⁴ *Machairas. § 67–77.*

ключившиеся с его воинами во время войны с турками. В одном из писем 1345 г., адресованного королеве Сицилии⁷⁵, Гуго IV рассказывает о чудесном явлении воинам Христовым некоего посланника, с помощью которого они одержали победу. Гуго пишет: «Вдруг появился всадник на белом коне с белым знаменем, на котором был красный крест, который, сияя чудесным красным светом, возвышался над всеми. Он был одет в верблюжью власяницу, у него было длинное и худое лицо с широкой бородой, и звучным голосом он взывал, говоря следующее: «О верные, не бойтесь! Ведь Господь показался в небесах и ведет нас к неотвратимой победе, поднимайтесь, и Он даст силы. Смело идите в бой вместе со мной! Ведь те немногие из вас, которые будут убиты, обретут вечную жизнь». И с Его помощью мы достигли успеха и сражались как никогда. Мы снова напали на турок и сражались всю ночь; и не было ночи, ибо солнечный луч светил нам всю ночь. Днем же те из турок, которые остались, ослабели у нас на глазах. И с Божьей помощью в этом бою мы одержали победу». И далее читаем: «Мы же лично тогда спросили, кто из вас так много сделал для нас, чтобы мы могли известить от вашего имени всех христиан. И он ответил: «Я — Тот, Кто сказал *Вот агнец Божий, уносящий прегрешения мира*». И произнося эти слова, он исчезает, источая приятнейший аромат, благодаря которому мы удивительным образом в течение ночи и дня восстановили силы, хотя и изнывали без пищи и питья. На следующий день мы действительно решили посчитать, сколько погибло христиан, и когда мы пришли на поле битвы, мы обнаружили около каждого длинную палку без листьев, а в изголовье белый цветок, соответственно обрезанный, и покрытый золотыми буквами «Я — христианин». Тогда, собрав их тела от неверных, мы захотели почтить их перед святыми и услышали бесчисленное множество голосов с неба. Звучала чудеснейшая мелодия, так что каждому казалось, что жизнь вечна. И трижды они пропели до конца, повернувшись в сторону почитаемого великого отца моего»⁷⁶. Справедливости ради надо отметить, что войско Гуго IV понесло большие потери. Он сильно преувеличивает цифры, чтобы особо подчеркнуть значимость своей победы. Со стороны турок, по его представлениям, на поле брани было 1 млн. 200 тыс. человек, в то время как со стороны христиан только 200 тыс. При этом христиане потеряли в бою 70 тыс. Все названные цифры нереальны, но потери в треть войска вполне можно принять. Даже после такой кровавой победы Гуго не замедлил сообщить о ней в самых пафосных выражениях западным правителям: «Король Кипра королеве Сицилии шлет привет. Возрадуйтесь и возблагодарите вместе с нами и со всеми верующими, принявшими крест для битвы с нечестивыми турками из благоговения к Иисусу Христу, который за нас пожелал быть распятым. Рыдайте и взывайте, дабы на небесах были услышаны ваши голоса. Воздадим же благодарности и хвалу Господу и преславной Деве Марии за ту безмерную милость, оказанную мне ныне, а именно 24 июня. Мы вместе с другими христианами, принявшими крест, двинувшись на эту битву с турками, собрались на равнине между горами и взгорьем, и у турок было 1200 тыс. воинов»⁷⁷.

⁷⁵ В связи с тем, что письмо, к сожалению, не опубликовано и по сей день хранится в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки, мы посчитали необходимым дать как можно более полные цитаты: BSB. Codex Latinus Monacensis 4149 F. 300r–v.

⁷⁶ BSB. Codex Latinus Monacensis 4149 F. 300r–v.

⁷⁷ BSB. Codex Latinus Monacensis 4149 F. 300 r.

Итак, перед нами предстают два образа короля: доблестный благочестивый крестоносец, рыцарь — носитель крестоносной традиции средневековья, и изысканный интеллеktуал, мудрец, искусный политик — новый человек, только формирующийся новый государь новой, зарождающейся гуманистической эпохи. Противоречат ли эти два образа друг другу? Могут ли сочетаться названные качества в одном человеке? В правителе, государственном деятеле конца XIV, особенно XV в. все эти качества, несомненно, не только могут, но и должны соединяться. В европейском обществе в целом под влиянием гуманистов и распространением гуманистических идей все более ценится образованность, воспитанность, утонченность манер. Это является показателем благородства и социальной успешности. В то же время «рыцарственность» знатного человека, подразумевающую куртуазность и воинскую доблесть, никто не отменял. Для отпрыска знатной фамилии невозможно было сделать блестящую карьеру и завоевать всеобщее уважение в обществе, не став крестоносцем. Участие в крестовом походе становится почти обязательным этапом в достижении высот в политической карьере. Это прекрасно демонстрирует биография маршала Франции и губернатора Генуи конца XIV — начала XV в. Жана II Ле Менгра, прозванного Бусико⁷⁸. К концу XIV в. в европейской культуре формируется образ нового рыцаря: благородного, щедрого, великодушного к друзьям и беспощадного к врагам, и одновременно блестяще образованного, интересующегося науками, античной литературой и философией. Если даже эти знания и интересы были поверхностными, их нужно было продемонстрировать окружающим, чтобы завоевать их симпатии и авторитет. Средневековье уже не было таким, каким оно было в XI в., и крестоносец «нового» средневековья был обязан стать другим. Это было ясно даже заурядным людям. Поэтому, следуя уже утвердившимся правилам, хутородный Бусико достиг высших постов в государстве.

Монарху Кипра не требовалось доказывать свою знатность или делать карьеру. Однако Гуго IV Лузиньян, наверное, одним из первых понял силу, которую образование и наука придают королю и его власти, их вес в деле укрепления его авторитета внутри страны и на международной арене. Недаром историческая память долгое время хранила истории, акцентирующие масштаб личности Гуго IV, его авторитет в кипрском и европейском обществах. Этьен де Лузиньян пишет просто: Гуго IV «уважали все»⁷⁹.

Столь высоких оценок Гуго IV во многом удостоился благодаря своей осторожности и вдумчивости в политических делах, благодаря успехам в экономике, которых, несомненно, добивается при нем Кипр. Гуго IV не позволил втянуть свое королевство в опасные и разорительные предприятия, но сумел сохранить лицо государства как государства сильного и процветающего. В порыве восторга Григора даже восклицает, что сам Платон подражал бы ему и был бы доволен политической системой, утвержденной Гуго IV в Кипрском королевстве. «Я думаю, — пишет Григора, — что если бы Платон был жив, он стал бы подражать тебе и полюбил бы именно такое твое государственное устрой-

⁷⁸ Ruiz Domenec J.E. Boucicaud, gubernator de Génova. Biografico de un caballero errante. Genova, 1989 [Civico Istituto Colombiano. Studi e Testi. Serie storica a cura di G. Pitarino, 12]; Le livre des faits du bon messire Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, mareschal de France et gouverneur de Jennes / Publ. par D. Lalande. Paris; Genève, 1985.

⁷⁹ Estienne de Lusignan. Description de toute l'isle de Chypre. P., 1580.

ство больше, чем то, которое он сам прежде определил. И тот, кто постоянно отправлялся в плавание на Сицилию, лучше бы поплыл на Кипр ради тебя, твоего государственного устройства и законодательства»⁸⁰. Большой похвалы от гуманиста удостоиться было невозможно. Собственно, про Гуго IV все сказали уже римляне: *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Гуго IV Лузиньян стал латинским королем-крестоносцем нового типа, сочетающим в себе традиционную доблесть рыцаря и набожность крестоносца с мудростью, образованностью, талантом правителя нового времени. Утвержденный им на международной арене престиж Кипра, а также сохраненная и приумноженная государственная казна очень помогли в дальнейшем его сыну и преемнику Пьеру I Лузиньяну в проведении крестовых походов против Египта и турок, навсегда прославивших имя и этого короля.

Близнюк Светлана Владимировна

Кандидат исторических наук

Доцент кафедры истории средних веков

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119992 Москва

Электронная почта: svbliznyuk@mail.ru

---

⁸⁰ Leone P. L'encomie di Niceforo Gregora... P. 223.

Svetlana BLIZNYUK

HUGH IV LUSIGNAN — A NEW CRUSADER OF THE “NEW” MIDDLE AGES

Abstract: The domestic and foreign policy of Hugh IV Lusignan analyzed in the article shows that this crusader king was not only the keeper of the medieval traditions and virtues as an «ideal crusader» of the Later Middle Ages, but at the same time a refined intellectual of the nascent humanistic epoch. He was one of the first European monarchs who understood that education and enlightenment were necessary to raise the political authority and weight of the king on Cyprus and abroad.

Keywords: history, middle ages, Cyprus, Byzantium, crusades, Hugh IV Lusignan, culture, humanism, policy, Turkish threat, “St. League”, papacy.

Literature Cited

- AHRWEILER, E. “L’histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) particulièrement au XIIIe siècle.” *Travaux et mémoires* 1 (1965).
- AMADI, F. *Chronique de Chypre*. Publ. par R. MAS-LATRIE. Paris 1891.
- AMADI, F. *Cronaca di Cipro*. Intr. di. S. BERAUD. Nicosia 1999.
- BALLETTO, L., and PISTARINO, G. “Genova ed il suo sistema politico-militare nell’Egeo (secoli XIV–XV).” In *Atti dell’academia Ligure di Scienze e Lettere*. Serie V. Vol. LIII (1996).
- BAYER, Kh.-F. “Участие Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в.” *Античная древность и средние века* 31 (2000).
- BELDICEANOU-STEINER, I. “La prise de Serres et le firman de 1372 en faveur du monastere de Saint-Jean-Prodrome.” *Acta Historica* IV (1965).
- Benedict XII. *Lettres closes patentes et curiales intéressant les pays autres que la France*. Publ. par J.M. VIDAL. Paris, 1913 [Bibliothèque de l’Ecole Francaise d’Athènes et de Rome. Sér. III].
- BLIZNYUK, S. “Genovesi a Costantinopoli ed Adrianopoli alla meta del XV secolo in base a documenti dell’Archivio di Stato di Genova.” *Byzantinische Zeitschrift* 90/1 (1997).
- BLIZNYUK, S.V. “Кошелек и жизнь генуэзцев в Константинополе и Адрианополе в середине XV в.” KAPOV, S.P., ed. *Причерноморье в средние века*. Vol. 3. St. Petersburg 1998.
- BLIZNYUK, S.V. “Цена королевских войн на Кипре в XIV–XV вв.” *Византийский временник* 59 (2000).
- BLIZNYUK, S. “Il prezzo delle guerre dei re di Cipro (XIV–XV secc.).” *Südost-Forschungen* 59/60 (2000/2001).
- BLIZNYUK, S.V. “Die Fremden am Hofe der Könige von Zypern im 14/15. Jhd.” *Επετηρίδα. Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών* 31 (2005).

- BLIZNYUK, S.V. "Кипр и турецкая угроза: новая философия крестоносного движения." In *Причерноморье в средние века*. Ed. by S.P. KARPOV. Vol. 7. St. Petersburg 2009.
- BOCCACCIO, G. *Genealogie Johannis Boccacii cum micantissimis arborum effigiationibus cuiusque gentiles dei progeniem... declarantibus*. Parisiis 1511.
- BOCCACCIO, G. *Della Genealogia degli Dei*. Venetia 1627.
- BOCCACCIO, G. *Le lettere edite et inedite. Tradotte e commentate con nuovi documenti di Francesco Corazzini*. Firenze 1877.
- BOCCACCIO, G. *Decameron*.
- BOUSTRON, F. *Chronique de l'île de Chypre*. Publ. par R. MAS-LATRIE. Paris 1886.
- BUSTRON, F. *Historia ovvero commentarii de Cipro*. Nicosia 1998.
- CAMPAGNOLO, M. "The Parallel Lives of Evagrios I of Salamis and Peter I de Lusignan." In *From Aphrodite to Melusine. Reflection on the Archaeology and the History of Cyprus*. Geneva 2007.
- CESSI, R., and BRUNETTI, M. *Le deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato. Serie Mixtorum)*. Vol. II. Venezia 1961.
- Clement VI. *Lettres closes, patentes et curiales intéressant les pays autres que la France*. Publ. par E. Déprez et G. Mollat. Vol. I. Paris 1960–1961 [Bibliothèque de l'Ecole Française d'Athènes et de Rome. Sér. III].
- COBHAM, C.D. *Excerpta Cypria. Material for a History of Cyprus*. Cambridge 1908.
- COULON-CLEMENCET, A., ed. *Lettres secrètes et curiales du Pape Jean XXII (1316–1334) relatives à la France*. Paris 1961–1972.
- COUREAS, N. "Cyprus and the Naval Leagues, 1333–1358." In *Cyprus and the Crusades*. Ed. by N. COUREAS and J. RILEY-SMITH. Nicosia 1995.
- DELIGIORIS, S. "Boccaccio and the Greek Romances." *Comparative Literature* XIX/2 (1967).
- DUNN, R.E. *Gli straordinari viaggi di Ibn Battuta. Le mille avventure del Marco Polo arabo*. Milano 1993.
- EDBURY, P. *The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374*. Cardiff 1991.
- ENLART, C. *Gothic Art and the Renaissance in Cyprus*. Transl. and ed. by D. HUNT. London 1987.
- Estienne de Lusignan. *Description de toute l'isle de Chypre*. Paris 1580.
- FEDALTO, G. *La chiesa latina in Oriente*. Vol. III. Verona 1978.
- Fleet, K., ed. *The Cambridge History of Turkey*. Vol. I: Byzantium to Turkey, 1071–1453. Cambridge 2009.
- Georgii et Johannis Stellae Annales Genuenses*. Ed. by G. PETTI BALBI. Bologna 1975.
- GOLUBOVICH, G.P. *Bibliotheca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese*. Vol. II. Firenze 1913.
- HABERSTUMPF, W. "La dissoluzione delle signorie latine in Morea di fronte alla turcocrazia." *Studi Veneziani* XXVIII (1997).
- HILL, G. *History of Cyprus*. Vol. II. Cambridge 1948.
- JORGA, N. *Philippe de Méïées, 1327–405, et la croisade au XIVe siècle*. Paris 1896.
- KOSTOGRYZOVA, L.Yu. "Оценки паламитами и антипаламитами роли Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в." *Античная древность и средние века* 31 (2000).
- KYRRIS, C. *History of Cyprus. Nicosia, 1985. P. 230; Cyprus: Society and Culture 1191–1374*. ed. Ch. SCHABEL and A. NICOLAOU-KONNARI. Leiden; Boston 2005.
- LAIYOU, A.E. *Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II (1282–1328)*. Cambridge 1972.
- Le livre des fais du bon messire Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, mareschal de France et gouverneur de Jennes*. Publ. par D. LALANDE. Paris; Genève 1985.
- LEMERLE, P. *L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha»*. Paris 1957 [Bibliothèque Byzantine. Etude 2].

- LEONE, P. "L'encomie di Niceforo Gregora per il re di Cipro (Ugo IV di Lusignano)." *Byzantion* 51/1 (1981).
- LUTTRELL, A. "Crete and Rhodes: 1340–1360." In LUTTRELL, A. *The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West*. London 1978.
- LUTTRELL, A. "The Hospitallers of Rhodes confront the Turks: 1306–1421." In LUTTRELL, A. *The Hospitallers of Rhodes and their Mediterranean World*. London 1992.
- LUTTRELL, A. "Latin Responses to Ottoman Expansion before 1389." In *The Ottoman Empire*. Rethymnon 1993.
- MACHAIRAS, L. *Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled 'Chronicle'*. Ed. by R.M. DAWKINS. Vol. I. Oxford 1932.
- MAIER, F.G. *Cyprus from the Earliest Time to the Present Day*. London 1968.
- MAS-LATRIE, L. "Commerce et expéditions militaires de la France et de Venise au moyen âges." In *Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Mélanges historiques*. III. Paris 1880.
- MEDVEDEV, I.P. *Византийский гуманизм*. St. Petersburg 1997.
- MÉZIÈRES, Ph. de. *Le songe du vieil pèlerin*. Publ. par. G.W. COOPLAND. Vol. II. Cambridge 1969.
- MÉZIÈRES, Ph. de. *The Life of Saint Peter Thomae*. Ed. by J. SMET. Rome 1954.
- NASTUREL, P., and BELDICÉANOU, N. "Les églises byzantines et la situation économique de Drama, Serres et Zichna aux XIVe et XVe siècles." *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 27 (1978).
- PAPADOPOULOS, I. "Η εξωτερική πολιτική του Όγγου του Δ'" *Κυπριακαὶ Σπουδαί*. 1967.
- PENNAS, P. *Ιστορία τῶν Σεργῶν. 1383–1913*. Athens 1966.
- PETERS, E. "Henry II of Cyprus, Rex inutilis: A Footnote to Decameron 1.9." *Speculum* 72 (1997).
- PISTARINO, G. "Chio dei Genovesi." *Studi medioevali* 10 (1969).
- PREDELLI, R., ed. *I Libri Commemorativi della Repubblica di Venezia. Regesti*. Vol. IV. Venezia 1914.
- PUCHNER, W. *The Crusader Kingdom of Cyprus — a Theatre Province of Medieval Europe?* Athens 2006.
- Ruiz Domenec J.E. *Boucicaut, gubernator de Géova. Biografico de un caballero errante*. Genova 1989 [Cívico Istituto Colombiano. Studi e Testi. Serie storica a cura di G. PISTARINO, 12].
- SCHABEL, Ch. "Elias of Nabinaux, Archbishop of Nicosia, and the Intellectual History of Later Medieval Cyprus." In *Cahiers de l'Institut du Moyen-Age grec et latin* 68 (1998).
- SCHABEL, Ch. "Archbishop Elias and the Synodicum Nicosiense." *Annuario Historiae Conciliorum* 32/1 (2000).
- SCHABEL, Ch. "Hugh the Just: the Further Rehabilitation of King Hugh IV Lusignan of Cyprus." *Επετηρίδα. Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών* 30 (2004).
- SCHOPEN, L., ed. *Cantacuzeni Iohannis eximperatoris historiae*. Vol. I. Bonn 1828.
- SCHOPEN, L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina historia*. Vol. III. Bonnae 1830.
- SETTON, K. *Papacy and Levant*. Vol. I. Philadelphia 1976.
- SINKIEWICZ, R.E. "The Solutions addressed to George Lapithes by Barlaam the Calabrian and their Philosophical Context." *Medieval Studies* XLIII (1981).
- СМЕТАНИН, G.V. "Правовые воззрения Георгия Лапифа." *Античная древность и средние века* 26 (1992).
- The Travell of Ibn Battuta: AD 1325–1354*. Transl. by H. GIBB. Vol. II. Cambridge 1962.
- THIRIET, F. *Regestes des délibérations du Senat de concernant la Romanie*. Vol. I. Paris 1958.
- THOMAS, G.M., and PREDELLI, R., eds. *Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia*. Vol. I. Venetiis 1880.

VACALOPOULOS, A.E. "The Flight of the Inhabitant of Greece to the Aegean Islands, Crete and Mane during the Turkish Invasions (XIV–XV)." In *Charanis Studies*. Ed. by A.E. LAIOU-THOMADAKIS. New Brunswick 1980.

ZACHARIADOU, E. "Prix et marchés des céréales en Roumanie (1343–1405)." *Nuova Rivista Storica*. 61 (1977.) No 304.

ZACHARIADOU, E. "The Conquest of Adrianople by the Turks." *Studi Veneziani* XII (1970).

ZACHARIADOU, E. *Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415)*. Venice 1983.

Svetlana BLIZNYUK

PhD, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University, Faculty of History

Lomonosovskiy prospect, 27–4

119992 Moscow

e-mail: svbliznyuk@mail.ru

А.А. Войтенко

КУЛЬТ СВ. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО В ВИЗАНТИЙСКОМ ЕГИПТЕ*

Аннотация: Статья посвящена исследованию возникновения и распространения культа св. Антония Великого в византийском Египте (IV–VII вв.). Автор делает вывод, что, несмотря на широкое почитание этого святого в Западной римской империи, культ св. Антония в Египте засвидетельствован слабо. Однако следы его почитания можно обнаружить в некоторых известных египетских монастырях. Примерно со второй половины V в. и в VI в. отмечен подъем его почитания в среде коптов-нехалкидонитов, которые стремятся сделать св. Антония одним из символов своей религиозной идентичности.

Ключевые слова: Византийский Египет, коптология, история культов святых, монашество, агиография, папирология, эпиграфика.

Насколько нам известно, исследования ранних этапов почитания известных египетских подвижников находят еще где-то в начале пути. Безусловно эта тема так или иначе затрагивается в историографии, но речь идет, как правило, об общих указаниях на места почитания святых монахов и разные аспекты их культа. Тогда как работа, где на широкой источниковой базе исследовалась бы локализация мест почитания того или иного египетского монаха и, главное, делались бы попытки установить место возникновения его культа и возможные маршруты его распространения, является, пожалуй, большой редкостью.

Нам представляется, что такая работа может быть успешно проделана лишь в широкой перспективе, включающей, как правило, пять типов источников. Первый — это агиографическая традиция о святом, куда входит все известное агиографическое досье о нем, включая не только разные версии житий, но и энкомии, гомилии, сборники чудес, рассказы о перенесении мощей и т. д. Второй тип источника (особенно актуальный для византийского Египта) — это данные папирусов и эпиграфики, включая, конечно же, и острака. Этот тип источника, может быть как никакой другой тесно связан с повседневностью и способен пролить свет на почитание святого не только среди интеллектуалов, создающих агиографическую традицию, но и среди того позднеантичного и средневекового «безмолвствующего большинства», голос которого трудно расслышать в нарративных источниках. Третий тип источника — это литургические тексты (главным

---

* Мы благодарим Польский комитет по делам ЮНЕСКО за предоставленную возможность работы в мае-июне 2011 г. в библиотеках Варшавского Университета и библиотеке WMSD, где мы смогли найти почти все материалы, необходимые нам для написания данной статьи.

образом, литургические календари), которые свидетельствуют о почитании святого в том или ином месте¹. Четвертый тип — всевозможная паломническая и географическая литература², указывающая на места культа. И, наконец, пятый тип — это произведения искусства (главным образом, иконы и настенные росписи), которые иногда говорят о почитании святого там, где молчат письменные источники. Наконец, следует обращать внимание и на данные кодикологии: место происхождения рукописи с текстом о святом также может прямо или косвенно указывать на место культа. При этом надо отметить тот факт, что разные типы источников зачастую находятся в сложном взаимодействии между собой: агеографическая традиция, к примеру, может быть достаточно обширной, а материал папирусов и эпиграфики — очень скромным. И здесь требуются определенные интеллектуальные и профессиональные усилия, чтобы, по возможности, избежать аберрации.

Предметом нашей статьи будет попытка исследования культа известнейшего египетского монаха, имя которого традиционно связывают с началом этого движения — преподобного Антония Великого. При первом, достаточно беглом взгляде на историю его почитания в Египте исследователь, вероятно, будет немало удивлен. Исходя из данных папирусов и эпиграфики культ св. Антония, столь известного как на Западе, так и на Востоке христианского мира, на его родине практически отсутствует. Это всерьез заставляет задуматься над тем, насколько верны наши представления в некоторых вопросах культурной жизни и религиозных практик византийского Египта. Относительно почитания св. Антония Великого в Египте уже были высказаны два прямо противоположных мнения. Согласно одному, его начинают почитать еще при жизни³, согласно другому — о почитании этого святого в Египте византийского времени едва ли можно говорить⁴. Нам представляется, что истина должна лежать где-то посередине между двумя этими крайностями.

Кое-что для понимания возникновения культа св. Антония нам дает его Житие, написанное свт. Афанасием Александрийским ок. 357–362 гг.⁵ Согласно тексту Жития св. Антоний подвизался сначала на горе Писпир, где впоследствии возникла колония отшельников, потом с двумя учениками переселился на «внешнюю гору» возле Красного моря, посещал общину монахов в районе Арсинои, а также нижнеегипетские монастыри. Согласно традиции *Apophthegmata Patrum* он вместе со св. Амуном Нитрийским основал одно из самых известных монашеских поселений Нижнего Египта — Келлии. Из Жития известно, что св. Антоний

¹ В нашем случае это, как правило, монастыри.

² А иногда — и христианские хроники.

³ *Caraffa F. Antonio // Bibliotheca sanctorum. Roma, 1962. Vol. 2. Col. 108.* В качестве аргумента автор статьи ссылается на данные Жития Илариона бл. Иеронима. Заметим, однако, что это Житие написано за пределами Египта.

⁴ *Papaconstantinou A. Le culte des saints en Égypte des byzantins aux Abbassides: l'apport des inscriptions et des papyrus grecs et coptes. P., 2001. P. 53.* Папаконстантину удалось найти только один остракон с упоминанием имени Антония. Исследовательница также пишет об отсутствии упоминаний об Антонии в монастырской эпиграфике, что, как мы покажем ниже, не совсем верно.

⁵ Стоит отметить, что в предисловии к Житию св. Антония свт. Афанасий пишет, что оно адресовано монахам, пребывающим за пределами Египта, т. е. написано не для египтян, а скорее всего для жителей западной части Империи.

два раза посещал Александрию. Таким образом, пусть и приблизительно, но мы все же можем обозначить основные места, где могло возникнуть почитание этого святого после его кончины.

Оба монастыря, основанные св. Антонием, могут быть достаточно ясно локализованы. Писпир, как принято полагать, был расположен около современного Дейр эль-Меймун⁶. Правда, есть предположение, что Писпир был расположен в так называемом Бурумбул, находящемся в 10 км к северу от Дейр эль-Меймун и примерно в 3 км от Нила⁷. Однако для нашей темы расстояние в 10 км не слишком важно: несомненно то, что где-то в этой местности находился монастырь, где поддерживалась память о его основателе. Второй монастырь, возникший в районе места жизни святого близ Красного моря существует до сих пор. Он расположен на южном склоне Вади эль-Араба, в 350 м над морским побережьем, ок. 125 км южнее Клизмы и в 30 км к западу от Суэцкого залива⁸. Надо полагать, что с довольного раннего времени именно эти два монастыря могли быть центрами, где существовало особое почитание их основателя. О том, что это было так, нам говорит западная традиция: Сульпиций Север в своем Диалоге сообщает, что он посетил «два монастыря блаженного Антония, которые теперь заняты его учениками» (Dial. 1. 17). Его известие можно отнести к концу IV в. Ранее о своем посещении монастыря св. Антония на Красном море свидетельствовал Руфин⁹. О том, что в этой обители поддерживалось предание о св. Антонии как об «отце монашества» свидетельствует коптская надпись (правда, более позднего времени)¹⁰.

Еще одно яркое свидетельство почитания св. Антония мы обнаруживаем в другом интересном источнике: «Послании Серапиона о кончине св. Антония его ученикам»¹¹. Оно, как предполагает его издатель Ж. Гаритт, было написано сразу после этого события Серапионом, учеником св. Антония, ставшим впоследствии епископом Тмуи¹². Весь дух этого текста проникнут настроением утраты великого святого. Уже в самом начале своего Послания Серапион восклицает: «Мир потерял великого старца, и великого человека приобрели небеса» (Epist. 1)¹³. Очевидно, что в монастырях, возникших на месте подвигов св. Антония, а также

⁶ Дейр эль-Меймун расположен на восточном берегу Нила, в 75 км южнее Мемфиса. Сегодня в этом месте находится деревня с двумя церквями. См., например: *Vivian T. St. Antony the Great and the Red Sea, ca A.D. 251 to 1232–1233 // Monastic Visions. Wall Painting in the Monastery of St. Antony at the Red Sea / Ed. by E. Bolman. New Haven; London, 2002. P. 4, 10.*

⁷ Это предположение вслед за о. Морисом Мартеном высказывает Э. Випшицка (см.: *Wipszycka E. La Vita Antonii confrontée avec la réalité géographique // Aegyptus Christiana. Mélanges d'hagiographie égyptienne et orientale dédiés à la mémoire du P. Paule Devos Bollandiste / Cur. U. Zanetti, E. Lucchesi. Genève, 2004. P. 135–147; Eadem. Les moines et les communautés monastiques en Égypte (VIe–VIIIe siècles). Varsovie, 2009. P. 248–285).*

⁸ См.: *Vivian T. St. Antony the Great... P. 10.*

⁹ Ibid. Свидетельство Руфина обычно относят к 375 г.

¹⁰ *Pearson B. The Coptic Inscriptions in the Church of St Antony // Monastic Visions... P. 221 (№ 1): «Авва Антоний, отец монахов». Издатель никак ее не датирует, но можно предположить, что она появилась не ранее создания росписей монастырской церкви, т. е. в 1232–1233 гг.*

¹¹ Послание сохранилось в сирийской и армянской версиях и издано с латинским переводом P. Dpare: *Draguet R. Une lettre de Sérapion de Thmuis aux disciple d'Antoine (A. D. 356): En version syriaque et arménienne // Le Muséon. 1964. Vol. 64. P. 1–25.*

¹² Ibid. P. 24. Тмуи (Тмуис) был расположен в восточной части Дельты Нила.

¹³ Ibid. P. 12. Мы пользуемся латинским переводом сирийского текста.

в кругу его учеников, он почитался особо. С этой традицией сходен и дискурс Жития св. Антония, где его автор представляет своего героя идеалом монашеской жизни.

Однако уже было замечено, что столь известное произведение египетской агиографии, имеющее нижнеегипетское происхождение, как *Aprophthegmata Patrum*, предполагает иной взгляд на того, кого позже стали считать основателем христианского монашества. В традиции апофтегм, как полагал немецкий исследователь Г. Дёррис, св. Антоний не занимает исключительного места: там он — один из представителей первого поколения египетских подвижников¹⁴. Возможно, это повлияло на форму его почитания в нижнеегипетских монастырях в самый ранний период истории монашества — в период, когда складывались основные редакции апофтегм. Неудивительно, что наши сведения о почитании св. Антония здесь ограничиваются его настенным изображением в монастыре св. Макария, которое датируется фатимидским периодом (969–1173). По уже устоявшейся традиции он изображен здесь рядом со св. Павлом Фивейским. Свидетельства о почитании св. Антония в Скиту мы находим в коптской агиографической традиции, но она, вероятно, более поздняя, чем традиция апофтегм: в коптском Житии св. Макария Египетского накануне кончины Макария Великого ему в видении являются свв. Антоний и Пахомий¹⁵, а в Житии апы Памбо сказано, что тот был «вторым после апы Антония»¹⁶.

Следующее место возможного почитания святого, на которое намекает его Житие — это Александрия. Агиограф описывает второе посещение св. Антонием Александрии как триумфальное (*Vita Antonii*. Cap. 69–71). Но даже если оставить в стороне свойственные агиографии преувеличения, мы обнаруживаем четкие следы почитания св. Антония в Александрии в других, независимых от его Жития, латинских источниках, которые, правда, относятся к более позднему времени. И эту традицию стоит разобрать подробно. Самые ранние сведения о ней мы получаем из хроники африканского епископа Виктора из Туннуна. Во время бурных событий VI в. он был сослан в пахомианский монастырь возле Александрии, где и написал свой труд. Там говорится, что в 561 г. мощи св. Антония со всеми почестями были перенесены в Александрию и положены в церкви св. Иоанна Крестителя¹⁷. На Западе это событие было хорошо известно: сообщение о нем сохранилось в примечании к сочинению «О христианской науке» бл. Августина (*De doctrina christiana*. Prolog. 4) и у Беды Достопочтенного (*Chron.* 515, *Iustinianus*, an. XXXVIII)¹⁸. Но у Беды есть одно примечательное дополнение: перенесение мощей было предпринято по указанию императора Юстиниана, который в откровении увидел место их пер-

¹⁴ См.: Dörries H. *Die Vita Antonii als Geschichtsquelle* // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Göttingen, 1949. Bd. 14. S. 359–410.

¹⁵ См.: Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne: Histoire des monastères de la Basse-Égypte / Texte copte et traduction française par E. Amélineau. P., 1894. P. 107–108. Cp. Vivian T. *St. Antony the Great...* P. 5. Возможное продолжение этой традиции мы обнаруживаем в более позднем коптском нехалкидонском Житии Самуила из Каламуна (о чем речь ниже).

¹⁶ Amélineau E. *De Historia Lausiaca, quatenam sit huius ad Monachorum Aegyptiorum historiam scribendam utilitas*. P., 1887. P. 92.

¹⁷ Текст см. в: MGH. AA. 11. *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII* / Ed. Th. Mommsen. B., 1894. P. 205 (Ad. 561); PL. T. 68. Col. 961.

¹⁸ Тексты см. в: Quentin H. *Les Martyrologues historiques du moyen âge*. P., 1908. P. 323, 619.

воначального погребения¹⁹. Таким образом, перенесение мощей св. Антония в Александрию было в известной степени «имперским» актом. Это следует отметить, чтобы понять особенности первых этапов распространения культа св. Антония, а также лучше «локализовать» в историческом и религиозном ландшафте Египта V–VII вв. те упоминания о его культе, которые относятся к коптоязычной среде египетских христиан, отвергших христологические определения Халкидонского собора²⁰. Сообщение Виктора подтверждается и другим латинским источником — итинерарием, атрибутированным некоему Антонию из Пьяченцы. При посещении Александрии автор упоминает в числе прочих и мощи св. Антония, которые здесь покоятся²¹. Подлинность этой традиции была поставлена под вопрос А. Папаконстантином²². Ее аргументы следующие: хроника Виктора из Туннуна пестрит хронологическими ошибками²³, в первой редакции «Итинерария Антония из Пьяченцы» вместо «Antonius» упомянут «Antoninus», к тому же существует более поздняя традиция, которая сообщает, что мощи св. Антония хранились в его монастыре²⁴. Однако данные аргументы представляются нам недостаточными для пересмотра подлинности сообщений латинских авторов. Во-первых, путаница во времени еще не означает путаницу в пространстве. Место в Александрии, которое упоминает Виктор и куда были перенесены мощи — церковь св. Иоанна Крестителя — засвидетельствовано папирусными и археологическими данными²⁵. Во-вторых, первая редакция Итинерария содержит путаницу не только в имени Антония, но и

¹⁹ Как известно, в Житии св. Антоний просит двух своих учеников похоронить его тайно, чтобы никто не знал места его погребения (*Vita Antonii*. Cap. 91).

²⁰ В научной и околонаучной литературе широко распространено мнение о том, что христологическая схизма V в. в Египте носила ярко выраженный национальный оттенок: копты придерживались антихалкидонских позиций, тогда как «греки» поддержали Халкидон. Иногда даже предполагают, что копты таким образом протестовали против имперской политики и выражали свою национальную идентичность. Однако подобного рода «социологические» решения сложных проблем V в. представляются нам слишком упрощенными. См. классическую работу по этому вопросу: *Wipszycka E. Le nationalisme a-t-il existé dans l'Égypte byzantine? // Eadem. Études sur le Christianisme dans l'Égypte de l'antiquité tardive. Roma, 1996. P. 9–61*, где на основании анализа большого количества данных автор приходит к выводу, что разделение проходило не по национальному, а по религиозному признаку.

²¹ *Itinerarium Antonini Placentini. Un viaggio in Terra Santa del 560–570 d. C. / Ed. C. Milani. Milano, 1977. P. 227 (cap. 45)*. После арабского завоевания Александрии мощи св. Антония были выкуплены у арабов и переправлены в Константинополь. Оттуда в XI в. они были увезены на юг Франции (см.: *Caraffa F. Antonio... Col. 113; Brakke D. «Outside the Places, within the Truth»: Athanasius of Alexandria and the Localization of the Holy // Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt / Ed. by D. Frankfurter. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 445*).

²² *Papaconstantinou A. Le culte des saints... P. 53*.

²³ Со ссылкой на работу Штайна (*Stein E. Histoire du Bas-Empire. P., 1949. Vol. 2. P. 680*), где автор пишет о том, что хроника Виктора буквально «напичкана хронологическими ошибками».

²⁴ См.: *Meinardus O. An Inventory of the Relics of Saints in the Coptic Churches of Egypt // Ostkirchliche Studien. 1968. Bd. 17. P. 143*. Надо отметить при этом, что таких сведений ранее «Абу Салиха» не отмечено (см.: *The Churches and Monasteries of Egypt and Some Neighbouring Countries, attributed to Abu Salih, the Armenian / Ed. and transl. by T.A. Evetts. Oxford, 1895. P. 160*). Мейнардус пишет, что в монастыре св. Антония нет его мощей.

²⁵ См.: *Antonini L. Le chiese cristiane nell'Egitto dal IV al IX secolo // Aegyptus. 1940. Vol. 20. P. 161–162 (N 7)*. См. также план Александрии VI в., составленный на основе археологических раскопок: *McKenzie J. The Place in Late Antique Alexandria «Where Alchemists and Scholars Sit (...) Was like Stars» // Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education // Ed. by T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka. Warsaw, 2007. P. 55. Fig. 1. Церковь находилась неподалеку от храма*

мученика Эпимахия: вместо Epimachius в ней стоит Epimaclius / Epimidius²⁶ — но на этом основании никто не оспаривает подлинность упоминания о мощах именно этого святого. В-третьих, более поздняя традиция о мощах св. Антония потому и поздняя, что могла возникнуть в противовес «имперской» в среде коптов-нехалкидонитов.

Говоря о Нижнем и Среднем Египте мы можем указать еще два возможных места почитания св. Антония. Первый — это соседний с монастырем св. Антония монастырь св. Павла Фивейского. Там существует *гайкал*²⁷, посвященный св. Антонию, и настенная роспись с его изображением²⁸. Св. Антоний и св. Павел Фивейский тесно связаны и иконографически (они очень часто изображаются вместе) и агиографически (в известном Житии св. Павла Фивейского именно Антоний Великий навещает его в пустыне и хоронит тело святого). Если добавить к этому близкое географическое расположение двух монастырей, то мы вполне можем предположить, что почитание св. Антония могло возникнуть здесь довольно рано²⁹. Следующей географической точкой является монастырь аввы Иеремии в Саккаре, просуществовавший с VI по VIII в. и бывший нехалкидонским уже со времени своего основания. Культ св. Антония представлен здесь несколькими надписями³⁰, хотя их атрибуция именно этому святому не бесспорна. Надписи могут быть отнесены как к Антонию Великому, так и к другому Антонию, который предположительно являлся архимандритом монастыря. Наиболее вероятно, что св. Антоний упомянут в надписи No 15, где он стоит в одном ряду с епископами и всеми святыми³¹.

Наконец, стоит указать еще на одно место, где культ св. Антония мог возникнуть довольно рано: это монастырь св. Екатерины на Синае³². Известно, что в Палестину почитание св. Антония проникает как минимум уже в V в.: св. Евфимий († 473) установил день его памяти под 17 января³³. В Палестину культ св. Антония распространился, скорее всего, из Египта, а на этом пути монахов Синая было трудно обойти. Стоит отметить и то, что ранняя (VIII в.) сирийская рукопись с Посланием Серапиона, которое мы уже упоминали, также происходит

Сераписа. Даже если церковь св. Иоанна Крестителя в Александрии была не одна, нам принципиально важен факт того, что она там действительно была.

²⁶ См.: *Itinerarium Antonini Placentini*... P. 226–227.

²⁷ Что часто переводят как «святилище». Насколько нам известно, слово «гайкал» в копто-арабской традиции означает алтарное пространство.

²⁸ См.: *Van Moorsel P. Le monastère de Saint-Paul près de la mer Rouge. Le Caire, 2002. P. 17–46, 90–91 (fig. 27, 64–65). Настенная роспись со св. Антонием датируется XVIII в., но гайкал был освящен в его честь, возможно, еще в средневековье. П. Ван Моорсель пишет, что гайкал имеет длинную историю.*

²⁹ Однако есть сомнения, что монастырь св. Павла Фивейского возник в поздней античности. Возможно, он был основан позднее.

³⁰ См.: *Quibell J.E. Excavations at Saqqara (1907–1908). Le Caire, 1909. Vol. III. P. 33 (No 15), 76; Quibell J.E. Excavations at Saqqara (1908–1909, 1909–1910). Le Caire, 1912. Vol. IV. P. 73 (№ 223), 123.*

³¹ Однако нет оснований утверждать это точно, поскольку рядом с именем «Антоний» предположительно читается «основатель общин». Возможно, что и здесь речь идет о некоем другом Антонии, архимандрите.

³² Изначальное название монастыря — монастырь Преображения или монастырь Неопалимой Купины. Нынешнее название известно с XI в.

³³ См., например: *Caraffa F. Antonio*... Col. 113.

из монастыря св. Екатерины. Добавим сюда известную средневековую икону и некоторые рукописи³⁴. Наконец, стоит вспомнить традицию об авве Сисое, которая связывает монастыри Скита, св. Антония и Раифу, соседнюю с монастырем св. Екатерины монашескую обитель³⁵.

Таким образом, самый ранний этап почитания св. Антония может выглядеть так. Основным хранителем памяти о нем являлось его Житие, написанное свт. Афанасием Александрийским, которое довольно быстро, примерно через 10 лет после его создания, было переведено на латинский язык и распространилось по западным регионам Римской империи. Результат не замедлил сказаться. В конце IV в. мы уже видим в Египте латинских паломников, которые стремятся посетить монастырь св. Антония, и следовательно агиографическая традиция о нем им уже хорошо известна. То, что греческое Житие также распространялось по грекоязычным регионам, видно из уже приведенного нами палестинского примера со св. Евфимием³⁶. Однако в самом Египте, как кажется, дело обстоит немного по-иному.

Издатель коптской версии Жития св. Антония Ж. Гаритт, похоже, был немного озадачен малым количеством сохранившихся коптских рукописей этого произведения (одна полная рукопись X в., происходящая из Фаюма, остатки трех саидских рукописей и два листа сокращенного рассказа, датированных с IX по XII вв. и происходящих из Верхнего Египта)³⁷. Относительно времени перевода Жития на коптский ничего не известно вплоть до времени коптского архимандрита Шенуте, у которого мы находим аллюзии на него³⁸. Таким образом, вполне очевидно предполагать, что коптский перевод возник гораздо позднее латинского. Вторым источником распространения культа св. Антония могли быть его ученики, что мы наглядно видим из Послания Серапиона. Однако других следов их деятельности на этом поприще кроме данного текста у нас нет. Наконец, третьим фактором распространения его почитания могли быть его монастыри (на Красном море и на горе Писпир). Но, как кажется, их насельники не особенно спешили распространять славу «отца монашества» по остальному Египту. О рукописной деятельности монахов из монастыря св. Антония на Красном море

³⁴ Икону XIII в., где изображены св. Онуфрий, св. Антоний и св. Павел см. в: *Monastic Visions...* P. 17 (1.11). О рукописях см., например: *Weitzmann K., Galavaris G. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Illuminated Greek Manuscripts. Vol. 1: From the Ninth to Twelfth Century.* Princeton; New Jersey, 1990. P. 70–73 (минологий XI в.), 166–170 (лекционарий XII в. с изображением св. Антония в числе других святых на обложке).

³⁵ Авва Сисой ок. 356 г. покинул Скит и переселился в монастырь св. Антония на Красном море, где прожил 60 лет. Потом он перебрался в Клизму, где встретил Амуна, монаха из Раифу (см., например: *Flusin B. Ermitage et monastère. Le monachisme au mont Sinaï à la période protobyzantine // Le Sinaï durant l'antiquité et le moyen âge. 4000 ans d'histoire pour un désert / Sous la direction de D. Valbelle et Ch. Bonnet.* P., 1998. P. 134).

³⁶ К сожалению, это единственный известный нам пример относительно раннего почитания св. Антония в восточной части Римской империи. Насколько нам известно, этот вопрос еще довольно слабо изучен.

³⁷ *Garitte G. Le texte grec et les versions anciennes de la Vie de saint Antoine // Antonius Magnus Eremita, 356–1956 / Cura B. Steidle.* Roma, 1956. P. 7.

³⁸ *Ibid.* Гаритт высказал мысль о том, что коптских переводов греческого текста могло быть несколько. Но для наших целей это не важно. Важна предполагаемая дата его перевода на коптский.

до XIII в. нет никаких следов³⁹. О монастыре Писпир также практически ничего не известно. К тому же сведения литургических календарей, происходящих из Фаюма и Каира, указывают на то, что св. Антоний почитался здесь как «апа» или «отшельник»⁴⁰, а отнюдь не как «Великий» или «отец монашества» как мы видим на примере неегипетской (западной и византийской) традиций или на примере надписи из монастыря св. Антония на Красном море. Эта традиция его почитания ближе к «взгляду» апофтегм, где, как мы уже отмечали, св. Антоний не выделяется особо, а является одним из монахов первого поколения. Интересно, что именование св. Антония как «отшельника» нам дает остракон (KOW 424), происходящий из города Джеме или его окрестностей⁴¹ — единственный возможный намек на его почитание в египетской хоре⁴².

Добавим сюда еще два интересных обстоятельства. По сообщению «Абу Салиха» монастырь св. Антония был построен во время Юлиана Отступника (355–361)⁴³. Возможной причиной того, что это место было выбрано для монастыря, являлся находящийся поблизости торговый путь, проходивший к югу от Клизмы вдоль залива к месту, где сейчас расположен монастырь св. Павла, и достигавший так называемой «дороги Адриана», которая вела к Нилу⁴⁴. Таким образом, монастырь св. Антония был расположен на стратегически важном торговом пути и поэтому мог довольно рано попасть в область «имперских» интересов. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что довольно долго, примерно до XI в., монастыри свв. Антония и Павла придерживаются халкидонского вероопределения⁴⁵. То, что монастырь св. Антония был халкидонитским, доказывают два известных нам обстоятельства. Александрийский халкидонитский патриарх Иоанн Милостивый (609–620) отправил игумена этого монастыря Анастасия вместе с двумя епископами для выкупа пленников, захваченных пер-

³⁹ Лишь с XIII в. монастырь известен как книжный центр, где делались переводы с коптского на арабский (см.: *Vivian T. St. Antony the Great...* P. 12, 15–16).

⁴⁰ См.: *Depuydt L. Catalogue of Coptic Manuscripts in the Pierpont Morgan Library. Louvain, 1993.* P. 113–121 (кодекс с гимнами, 897–898, Фаюм) — «об апе Антонии»; *ibid.* P. 69–81 (лекционарий, 822/23–913/14, Фаюм) — «апа Антоний отшельник»; *ibid.* P. 84–99 (фрагменты греко-коптского лекционария, не датированы, Каир) — «апа/авва Антоний отшельник»; *ibid.* P. 107–112 (сборник антифонов, 893, Фаюм) — «апа Антоний отшельник». Стоит отметить, что известная рукопись (M 579) с полным коптским текстом Жития и Панегирика св. Антонию также происходит из Фаюма. И, скорее всего, традиция почитания св. Антония как отшельника, зафиксированная в литургических рукописях, более ранняя.

⁴¹ Джеме был расположен на западном берегу Нила в районе Луксора на месте заупокойного храма Рамсеса III (совр. Мединет-Абу). Это важно отметить, поскольку потом мы будем ссылаться на изображение св. Антония с надписью на греческом из церкви, расположенной в Карнаке, т. е. в том же районе, но на восточном берегу реки.

⁴² *Till W.C. Die koptischen Ostraka der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1960.* S. 86. Надпись на остраконе: «(с)вятой (апа) Антоний анахорет». У Тилля он никак не локализован, однако Папаконстантину указывает, что он происходит из Джеме: *Papaconstantinou A. Le culte des saints...* P. 52.

⁴³ *The Churches and Monasteries...* P. 161 (fol. 54b). В действительности, трактат под названием «Церкви и монастыри Египта» был написан коптом Абу-ль-Макаримом.

⁴⁴ *Vivian T. St. Antony the Great...* P. 11.

⁴⁵ *Ibid.* P. 14–15. Вивиан пишет о том, что обе обители, скорее всего, долгое время находились в орбите влияния монастыря св. Екатерины. Согласно сообщению Макризи ок. 800 г. монастыри свв. Антония и Павла временно попали под контроль монофизитов, но быстро были возвращены халкидонитам: см. *ibid.*

сами⁴⁶. Вряд ли патриарх доверил бы такую деликатную миссию нехалкидониту. В 790 (или в 799) г. копты-нехалкидониты с помощью бедуинов или арабов выкрали мощи преп. Иоанна Колова из этого монастыря⁴⁷. Вряд ли нехалкидониты стали бы красть мощи у единоверцев⁴⁸. Таким образом, оказывается, что первые возможные этапы распространения культа св. Антония связаны с монастырями на Красном море (монастыри свв. Антония и Павла), находившимися в области интересов императорской политики, и, безусловно, поддерживавшими связь с халкидонскими патриархами Александрии после событий 451 г. При этом мы не наблюдаем особой активности по распространению культа св. Антония с их стороны. К тому же уже было замечено, что свт. Афанасий Александрийский в своем Житии св. Антония, адресованном за пределы Египта, пытался представить своего героя вселенским, а не только египетским святым⁴⁹. Возвращение св. Антония на египетскую почву началось позднее, мы ясно обнаруживаем ее в коптских агиографических источниках, имеющих по большей части нехалкидонский характер⁵⁰.

Мы уже указывали на эпизод из Жития св. Макария Египетского, и, насколько нам известно, это Житие ранее V в. не датируется. Другое свидетельство находится в Житии Шенуте. Там приводится один любопытный эпизод⁵¹: «великие люди» города Шмин (греч. Панополь, араб. Ахмим) пришли к Шенуте, желая получить от него благословение. Одновременно с ними у него оказались «славные монахи Скита», которые задали ему вопрос: «Есть ли монахи в этом поколении подобные блаженному Антонию?». Шенуте ответил: «Если все монахи этого времени придут в одно место, они не составят одного Антония». И, как добавляет агиограф, великие люди Шмина подивились сказанному. Сейчас известно, что дошедшая до нас редакция Жития Шенуте — не первая, но скорее всего, мы имеем более поздний, сокращенный и переработанный вариант⁵².

⁴⁶ Delehayе I. Une vie inédite de Saint Jean l'Aumônier // AnBoll. 1927. T. XLV. P. 23–24.

⁴⁷ Dorese J. Deux monastères coptes oubliés: Saint Antoine et Saint Paul dans le désert de la mer Rouge // Revue des Arts. 1952. Vol. 2. P. 4–5.

⁴⁸ Примеры того, как христиане одного исповедания крадут мощи друг у друга, известны. Однако такие случаи в среде коптов-нехалкидонитов нам неведомы.

⁴⁹ Vita Antonii. Cap. 93: «Ибо как в Испанию, в Галлию, в Рим и в Африку дошел бы слух о человеке, который скрывался и жил в горе, если бы не Бог содействовал повсюду известными рабов своих, что и Антонию обещал Он еще в начале?» (*Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine* / Introd., texte critique, traduction, notes et index par G.J.M. Bartelink. P., 1994. P. 374–375). На эту особенность Жития обратил внимание Бракке (см.: Brakke D. «Outside the Places...» P. 462).

⁵⁰ Относительно христологии Шенуте нет полной ясности. В своей недавней статье Дж. Тимби пишет, что его христология может быть важным свидетельством развития египетского антихалкидонизма (см.: Timbie J. Reading and Rereading Shenoute's *I am amazed*. More Information on Nestorius and Others // The World of Early Egyptian Christianity. Language, Literature, and Social Christianity / Ed. by J. Goehring and J. Timbie. Washington, 2007. P. 71). Но Тимби делает такие выводы на основании его антинесторианской полемики. С тем же успехом в монофизиты можно определить и свт. Кирилла Александрийского. Нам представляется, что здесь нужны более серьезные аргументы.

⁵¹ Sinuthii Archimandritae vita et opera omnia / Ed. J. Leipoldt, adiuv. W.E. Crum. P., 1906. P. 35 (cap. 68–69).

⁵² См., например: Lubomierski N. Towards a Better Understanding of the So-Called 'Vita Sinutnii' // Actes du huitième congrès international d'études coptes (Paris, 28 juin — 3 juillet 2004) / Éd. par N. Bosson, A. Boud'hors. Leuven; Paris; Dudley (Mass.), 2007. Vol. 2. P. 527–535. Н. Любомирски полагает, что лишь на последней стадии этот текст был приписан Бесе, ученику Шенуте, чтобы

Однако то, что культ св. Антония имел место в монастыре Шенуте доказывается другими источниками: например, фрагментами типикона Белого монастыря, где под 22 тобе⁵³ поминаются св. Антоний и св. Павел⁵⁴. Правда попытки Л. МакКоул говорить о том, что, «возможно, этот праздник привлекал большую толпу паломников»⁵⁵, не кажется нам достаточно убедительными. Однако другое ее предположение — что память св. Антония была большим монастырским праздником — не вызывает возражений, учитывая вышеприведенные факты из Жития Шенуте и то обстоятельство, что сам Шенуте, будучи главой киновии, практиковал полуотшельнический образ жизни, часто живя в отдельной келье вблизи монастыря. Как нам представляется, эпизод из Жития Шенуте может указывать на следы почитания св. Антония в Скиту и в Шмине, расположенном не так далеко от монастыря Шенуте.

Относительно распространения культа св. Антония в панопольском номе мы более сведений не имеем. Зато о почитании этого святого в гермопольском номе нам говорит очень интересный документ VI в.: Панегирик св. Антонию, автором которого является Иоанн, епископ Гермополя (копт. Шмун, араб. Ашмунейн). Согласно издателю этого Панегирика Ж. Гаритту, Иоанн произнес его между 578 и 604 гг., еще не будучи епископом и, вероятнее всего, в одном из монастырей гермопольского нома. Про самого Иоанна практически ничего не известно, кроме того, что сообщают нам его произведения⁵⁶. Совершенно очевидно, однако, что он жил в период патриаршества монофизитского патриарха Дамиана (578–607) и был нехалкидонитом. Его современником и единомышленником был Писентий, епископ Коптоса, автор известного Похвального слова св. Онуфрию Великому. Вообще время патриарха Дамиана было, как сейчас все более осознается, временем кристаллизации египетских монофизитов как церковной структуры, хотя происходило это, скорее, подпольно или, скажем так, неявно⁵⁷. Вероятно, росло и их сознание собственной «идентичности» по отношению к

придать ему значимость. Нас, однако, в данном случае интересует происхождение конкретного эпизода этого Жития, который в VI в. приводит в своем Панегирике Иоанн из Шмуна, о чем речь ниже.

⁵³ Соответствует 17 января по юлианскому календарю, что совпадает с днем памяти св. Антония в православных святцах.

⁵⁴ См.: *Zanetti U.* Un index liturgique du monastère Blanc // *Christianisme d'Égypte: Hommage à R.-G. Coquin.* Paris; Louvain, 1995. P. 66.

⁵⁵ *McCoull L.* Chant in Coptic Pilgrimage // *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt* / Ed. by D. Frankfurter. Leiden, 1998. P. 408. Л. МакКоул делает такие гипотезы на основании чтений и песнопений, указанных во фрагменте, которые, по ее мнению, были рассчитаны на привлечение паломников.

⁵⁶ Cp. *Orlandi T.* John of Shmun // *Coptic Encyclopedia* / Ed. A.S. Atiya. New York; Toronto; Oxford; Singapore; Sydney, 1991. Vol. 5. P. 1369. Т. Орланди, как и Гаритт, пишет о «горячем национализме» автора Панегирика. Дискуссионный вопрос о «национализме» коптских нехалкидонитов мы обсуждали выше.

⁵⁷ Стоит отметить, что изучение папирусного архива Писентия, документов из монастыря Епифания и недавно опубликованные монашеские архивы из могилы Аменемопе (TT29), относящиеся к VII и VIII вв., наводят исследователей на мысль о существовании ко времени патриаршества Дамиана в верхнеегипетской провинции разветвленной церковной сети нехалкидонитов, поддерживающих контакты между собою, тогда как наши представления о присутствии здесь церковных структур халкидонитов остаются, скорее, умозрительными. Такое мнение было, в частности, высказано Ж. Ван дер Влитом на состоявшейся в 2011 г. в Лувен-ля-Нев конференции по коптологии.

халкидонской Церкви. На этом фоне мы очевидным образом наблюдаем подъем интереса к фигуре св. Антония со стороны интеллектуалов из антихалкидонского лагеря. Из Панегирика мы узнаем, что и Севир Антиохийский, и Дамиан хвалят «отца монашества»: достаточно прозрачный намек на то, что у обоих этих «знаковых» для нехалкидонитов персонажей были похвальные слова этому святому⁵⁸. Иоанну известно и высказывание Шенуте из его Жития (о котором мы уже писали): он приводит его слова в пересказе, но откуда они заимствованы, догадаться несложно. В то же время автор сетует, что в Египте мало знают своего великого соотечественника: учитывая практически полное отсутствие папирусных и эпиграфических данных о почитании св. Антония в хоре эту фразу Иоанна можно считать не просто риторическим приемом⁵⁹.

Панегигик содержит и конкретную информацию о культе св. Антония в гермопольском номе: епископ Гермополя Николай (разумеется, нехалкидонит!) освятил в честь св. Антония два храма в своей епархии: один — тот, в котором происходит проповедь, а другой севернее⁶⁰. И вот тут начинается самое интересное. Уже в этом месте своего Панегирика Иоанн намекает, что на этот храм кто-то посягал. Буквально он говорит следующее: «И вот он (т. е. Николай — А.В.) не только просто почитал Антония, но в начале своего священнического служения первое место, которое он освятил, и то место, которое он переосвятил⁶¹ после того, как стал епископом, был этот храм святой, построенный во имя Антония» (Panegyг. 36). Значит, можно предположить, что на храм претендовала какая-то другая церковная или монашеская группировка. Свою мысль Иоанн недвусмысленно развивает дальше: «И я уверен, что ты (т. е. Антоний — А.В.) пребудешь с нами в этом святом собрании и не покинешь его никогда... Но даже если так случится, что построят другое место во имя твое, я верю, что ты почтишь право первородства и не позволишь Иакову похитить его за пригоршню черной чечевицы или за лакомство, к которому пристала нечистота. Я не говорю здесь об Иакове Израиле, но я говорю здесь об Иакове-обманщике, о том, которому позволено следить за нашей пятой, но мы имеем власть следить за его головой» (Panegyг. 39)⁶². И, наконец, в завершении речи мы слышим следующее: «Ибо ты (т. е. Антоний — А.В.) остудил понемногу, как бронзовую вазу, вытащенную из огня, возбуждение тех, кто даром ненавидят нас... Ибо мы, кто мы? И ропот

⁵⁸ Garitte G. Panégyrique de saint Antoine par Jean, évêque d'Hermopolis // OCP. 1943. Vol. 9. P. 344–345 (Panegyг. 34). Гаритт в комментарии указывает, что 86-я кафедральная гомилия Севира Антиохийского действительно посвящена Антонию, и аллюзия на труд Дамиана не кажется ему фальшивой (ibid. P. 357, № 77, 79). При этом следует иметь в виду, что Дамиан, перед рукоположением во епископа был иноком монастыря св. Иоанна Колова в Вади-н-Натрун, а затем, возможно, в одном из монастырей возле Александрии. Значит, антихалкидонская пропаганда культа св. Антония могла в это время иметь место и среди монашества Нижнего Египта. Вспомним, свидетельства, хотя и небесспорные, о почитании св. Антония в антихалкидонском монастыре аввы Иеремии в Саккаре.

⁵⁹ Ibid. P. 119 (Panegyг. 5). Иоанн сравнивает это с глазной болезнью: когда хорошо видят то, что вдали, но не узнают того, что рядом.

⁶⁰ Ibid. P. 344–345.

⁶¹ Стоящее здесь слово может быть формой двух коптских глаголов с разными значениями. Значения первого «возмещать, отплатить» и т. д., а другого — «чистить, очищать» (см.: Crum W.E. A Coptic Dictionary. Oxford, 1962. P. 398–399). Гаритт переводит его глаголом sanctifier (Garitte G. Panégyrique... P. 345).

⁶² Ibid. P. 346.

ваш не против нас, но против Бога⁶³: я скажу также с Моисеем перед всеми, кто нападает на твое святое место» (Panegyг. 41)⁶⁴.

Уже Гаритт обратил внимание на то, что речь здесь может идти о каком-то местном церковном конфликте, связанном с храмом св. Антония, где Иоанн произносит свою проповедь⁶⁵. Однако нам представляется очевидным, что Иоанн указывает на какую-то параллельную традицию почитания св. Антония Великого, представители которой вступили в конфликт с местным нехалкидонским епископом Николаем и, возможно, на какое-то время заняли храм св. Антония. Здесь важно отметить еще один существенный момент: Иоанн пытается говорить о св. Антонии как об одиночке, преемниками которого являются лишь епископы (естественно, по списку монофизитской «идентичности») и монашеская община, в которой он произносит свою проповедь. Но вспомним два обстоятельства: монастырь св. Антония на Красном море в это время еще халкидонский. Около 561 г., как мы уже упоминали, император Юстиниан переносит вновь обретенные мощи св. Антония в Александрию. Ввиду этих обстоятельств мы полагаем, что пропаганда его культа в среде коптских нехалкидонитов начиная с VI в. вряд ли может быть случайной. Налицо своеобразная «борьба за Антония» со стороны двух религиозных лагерей в Египте⁶⁶. И под теми «недрузьями», на которых намекает Иоанн, вполне могут скрываться халкидониты и их попытки (как мы видим, неудачные) «отбить» у монофизитов церковь св. Антония. Впрочем, здесь могут быть и другие предположения⁶⁷. Несомненно одно: тот подъем почитания св. Антония, который мы с VI в. наблюдаем в коптской нехалкидонской агиографии мог быть связан с желанием вернуть св. Антония на «родную почву» и сделать его одной из «знаковых фигур» своей религиозной идентичности.

У нас в распоряжении есть еще два красноречивых примера. Первый мы обнаруживаем в Житии апы Самуила из Каламун⁶⁸. Перед кончиной к этому игумену и строгому нехалкидониту, изгнанному за свое исповедание веры из Скита, является ангел и обещает послать ему навстречу святых, чьему примеру он следовал. Вот этот список (заметим, он во многом совпадает с тем рядом, который приводит Иоанн из Шмуна в своем Панегирике): Василий, Григорий, Севир, Антоний, Макарий, Пахомий и апа Шенуте, архимандрит⁶⁹. Отметим также и ясный

⁶³ Ср. Исх. 16:8.

⁶⁴ Garitte G. Panegyrique... P. 348–351.

⁶⁵ Ibid. 358, № 89.

⁶⁶ Полезно в этой связи упомянуть и еще об одном интересном документе, который его издатели по палеографическим данным датируют VI в. Это энкомий св. Антонию, который сохранился в составе папирусного литургического сборника неизвестного происхождения. Св. Антоний назван там «Великим», что, как мы уже указали, для Египта большая редкость. К сожалению, ничего нельзя сказать о принадлежности этого сборника халкидонитам или их противникам: греческий язык текста в данном случае не может быть однозначным свидетельством в пользу его принадлежности сторонникам Халкидона. Текст, перевод и комментарии см. в: *Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichische Nationalbibliothek* (Papyrus Erzherzog Rainer). Neue Serie. Bd. XVII / Hrsg. von K. Treu, J. Diethart. Wien, 1993. S. 34–36.

⁶⁷ В частности, речь может идти о конфликте внутри каких-то группировок нехалкидонитов.

⁶⁸ Житие Самуила дошло до нас в редакции IX в., сам авва Самуил жил в конце VI–VII вв., ок. 597–695 гг.

⁶⁹ *The Life of Samuel of Kalamun by Isaak the Presbyter* / Ed. and transl. by A. Alcock. Warminster, 1983. P. 34, 114 (transl.) (cap. 41). Иоанн из Шмуна в Панегирике приводит следующий список тех, кто хвалит св. Антония: Афанасий (Александрийский), Василий (Великий), Григорий (Богослов),

географический «репер»: лавру Каламун, расположенную в Фаюме. Это единственное пока известное нам свидетельство о почитании св. Антония здесь в VII в. Рукописи, происходящие из Фаюма, о которых мы уже писали, относятся к более позднему времени.

Еще один, не менее значимый для египетских нехалкидонитов памятник также превозносит св. Антония. Это так называемый Панегирик Макарию из Ткоу, который, вслед за его издателем, Д. Джонсоном, мы можем датировать широким временным промежутком: от середины V по начало VII в.⁷⁰ После чудесного исцеления горбуна, который коснулся тела Макария, принявшего смерть за свое отрицание Халкидона, автор Панегирика сравнивает Макария с «новым Антонием», исцеляющим болящих в Александрии⁷¹. Таким образом, автор Панегирика явно ссылается на посещения св. Антонием Александрии, описанные в его Житии (*Vita Antonii*. Cap. 69–71), и, возможно, намекает на мощи святого, хранящиеся здесь. Поскольку толпа «верных» требует оставить нового целителя в Александрии, мы можем увидеть здесь и еще один намек: мощи прежнего Антония в руках халкидонитов, значит, нужен «новый Антоний», исцеляющие мощи которого должны стать, хотя бы виртуально на страницах Панегирика, реликвией «истинно верующих»⁷². Таким образом, подъем почитания св. Антония в египетской нехалкидонской среде и попытки сделать его одним из символов своей религиозной идентичности сомнений не вызывает. Мы даже видим попытки вывести его культ за пределы монастырей. Каким образом это могло происходить, — помимо гипотетических предположений о том, что епископы (бывшие монахи) освящали в его честь церкви в номовых центрах или в хоре, — мы видим на примере уже упомянутого нами Панегирика Иоанна. Иоанн (явно руководствуясь правилами риторики) говорит, что мог бы и далее восхвалять своего героя, но мешает ему то, что люди, которые пришли из города, расположенного далеко, и провели всю ночь на службе, устали и им надо возвращаться обратно (*Panegyric*. 38)⁷³. Таким образом, на службу в монастырь в день, когда Иоанн произнес свою проповедь, пришли миряне из города. Вероятно, Иоанн это предполагал и рассчитывал в своей речи и на их внимание: вероятно, именно им он адресует и свой пассаж «о болезни глаз»⁷⁴. Мы даже можем попробовать определить, о каком городе идет речь. В коптском тексте стоит греческое заимствование,

---

Иоанн (Златоуст), Кирилл (Александрийский), Севир (Антиохийский), Дамиан, Шенуте. Как мы видим «список идентичности» в двух текстах почти полностью совпадает, но у Иоанна он более пространный.

⁷⁰ Авторство Панегирика приписано Александрийскому патриарху Диоскору (444–454), едва ли не самой известной фигуре антихалкидонского раскола. Кто в действительности был его автором, сказать сложно. Джонсон указывает лишь то, что, по его мнению, сам этот текст египетского происхождения (*A Panegyric on Macarius, bishop of Tkôw, attributed to Dioscorus of Alexandria / Transl. by D.W. Johnson. Louvain, 1980. P. 10–11*).

⁷¹ *A Panegyric on Macarius*.... P. 127 (text); 98 (transl.).

⁷² Останки Макария из Ткоу, согласно коптскому преданию, хранятся вместе с двумя другими Макариями в церкви св. Макария монастыря абу Макар в Скиту (араб. Вади-н-Натрун). См.: *Meinardus O. An Inventory*... P. 158. Если наше предположение верно, то мы можем уточнить дату составления Панегирика. Он мог быть написан уже после перенесения мощей св. Антония в Александрию при Юстиниане.

⁷³ *Garitte G. Panégyrique*... P. 346–357.

⁷⁴ Хотя, надо признать, Иоанн не жалеет слов, чтобы сказать о монашеском призвании св. Антония, что находится в разительном контрасте с гомилией о св. Онуфрии Писентия из Кифта, где,

πόλις, с определенным артиклем. Насколько нам известно, статус «полисов» мог быть только у номовых центров, а определенный артикль оставляет мало сомнений в том, что это мог быть именно Гермополь.

Нам осталось указать еще три места в Египте, где также обнаружены ясные свидетельства почитания св. Антония. Первое из них — это известный среднеегипетский монастырь Баут, или монастырь св. Аполлона, один из самых крупных монашеских центров Египта в VI–VIII вв. Там обнаруживаются наиболее ранние изображения св. Антония, а также надписи с его именем. Известно о двух изображениях: одно было сфотографировано, но не сохранилось, второе упомянуто в археологическом отчете, но не сфотографировано. Оно, увы, тоже не сохранилось⁷⁵. Относительно изображения, сохранившегося на фотографии, предлагались разные датировки. Г. Феррари датирует его VIII в., Э. Болман — ок. VI в.⁷⁶ Помимо надписи под ним имеются как минимум еще шесть надписей из Баута с именем «Антоний»⁷⁷. Таким образом, почитание св. Антония в Бауте вряд ли стоит ставить под сомнение. Вопрос только в том, с какого времени оно возникает. Если исходить из более ранней датировки его изображения можно говорить, что к VI в. оно уже здесь присутствует. Второе место, где мы обнаруживаем возможные следы почитания св. Антония — это монастырь Дейр эль-Балайза, который был расположен примерно в 19 км к югу от Ликополя (копт. Сьют, араб. Асьют). Здесь во время раскопок монастыря английскими археологами в 1907 г. был обнаружен фрагмент с текстом про свв. Антония и Афанасия, напоминающий апокриф и явно отличный от уже упоминавшегося Жития св. Антония⁷⁸. По палеографическим данным он датируется VII–VIII вв.⁷⁹ Третье место — это церковь в Карнаке⁸⁰. Здесь было найдено изображение св. Антония и надпись под ним. Изображение датируется VIII в. Интересно, что в отличие от остракона из Джеме, находившегося поблизости, Антоний назван здесь не только «анахоретом», но и «праотцем» (προπάτωρ): эта традиция ближе к духу коптских монашеских житий и панегириков, чем к инскрипциям рукописей из Фаюма или апофтегмам. По всей видимости, в Бауте, Дейр эль-Балайза и в Карнаке VI–VIII вв. мы имеем дело уже с монофизитским почитанием святого.

чтобы сделать святого отшельника примером подражания для мирян, Писентий его полностью деперсонифицирует.

⁷⁵ Monastic visions... P. 251. № 1. Известное нам изображение происходит из кельи (chapelle) 56 монастыря. Фото см. в: Clédat J. Le monastère et la nécropole de Baouit. Le Caire, 1999. P. 162 (fig. 137). Описанное, но не сфотографированное — из кельи 28. Об этом см.: Monastic Visions... P. 251. No 1.

⁷⁶ Ferrari G. Sources for the Early Iconography of St. Antony // Antonius Magnus Eremita... P. 249; Monastic Visions... P. XIV.

⁷⁷ См. индекс в: Clédat J. Le monastère... P. 400. Имя «Антоний» не всегда написано верно, но мы включили сюда все варианты, кроме двух «Антонинов», под которыми может скрываться мученик.

⁷⁸ Фрагмент этого текста см. в: Kahle E. Balai' zah. Coptic Text from Deir-el-Balai' zah in Upper Egypt. L., 1954. Vol. 1. P. 426–430.

⁷⁹ Документы, найденные в монастыре во время раскопок свидетельствуют, что он функционировал с конца VII по середину VIII в. Судя по всему, монастырь был киновией. См., например: Wipszycka E. Les formes institutionnelles et les formes d'activité économique du monachisme égyptien // Foundations of Power and Conflicts of Authority in Late-Antique Monasticism. Proceedings of the International Seminar, Turin, December 2–4, 2004 / Ed. by A. Camplani, G. Filoramo. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2007. P. 119–121.

⁸⁰ Papaconstantinou A. Le culte des saints... P. 52.

Ну и, наконец, последний пункт нашего маршрута — христианская Нубия. Первое место, где мы видим четкие следы культа св. Антония — это Фарас, расположенный между первым и вторым порогами Нила. Здесь во время спасательных раскопок польской археологической миссии в 60-е годы прошлого века при расчистке рухнувшей стены рядом с руинами кафедрального собора были обнаружены несколько кирпичей с надписями, происходящих, как предполагается, из монастырской церкви⁸¹. Предположительно, исходя из палеографических и археологических данных, церковь, из которой происходят кирпичи, может быть датирована XIII в.⁸² Скорее всего, это так называемые «закладные кирпичи» (foundation deposits), на которых писались имена архангелов и святых для того, чтобы они служили своеобразными «оберегами» места⁸³. На одном из них три имени: «Иаков, Антоний, Шенуте»⁸⁴. Если «Иаков» может быть идентифицирован с одним из апостолов (скорее всего, Иаковом Зеведеевым), то Антоний и Шенуте — безусловно, известные египетские подвижники. Причем то, что они стоят вместе, вряд ли может быть случайным. Вместе их мы уже встречали в Житии Самуила из Каламун. Так что в Фарас культ Антония двигался, скорее всего, теми же «монашескими» маршрутами⁸⁵, какими он распространялся по Египту. И двигался он сюда, скорее всего, из одного из верхнеегипетских монастырей.

Однако есть предположение, что это не единственный пример почитания св. Антония в Нубии. Возможно, следы почитания св. Антония сохранились в эпитафии епископа Георгия, которая была обнаружена польскими археологами во время раскопок Ком А в Старой Донголе — столице Макурии, одного из нубийских царств. Ком А, как предполагается, являлся монастырем, а надпись была найдена в так называемой «западной пристройке», назначение которой остается до конца не ясным. В тексте эпитафии, написанном по-гречески, говорится, что епископ Георгий был ἀρχ(ι)μανδ(ρίτου) ἀντ(ι) μεν(ν). Как предполагает ее издатель, А. Лайтар, речь может идти о монастыре св. Антония Великого⁸⁶, настоятелем которого — вероятно ок. 1060 г. — и стал будущий епископ Георгий⁸⁷. Данное предположение ставит один существенный вопрос. Как мы уже указывали, почитание св. Антония «Великим» в Египте мы встречаем крайне редко — это, скорее, традиция, засвидетельствованная за его пределами. Значит, в данном случае можно осторожно предположить не коптские, а средневековые византийские влияния на Нубию, которые, впрочем, остаются предметом дискуссий.

⁸¹ Здание условно называется «Северным монастырем», но оно, возможно никогда и не было монастырским, а являлось либо дворцом, либо каким-то жилым помещением. Мы благодарим проф. А. Лайтара (Варшавский университет) за консультацию по этому вопросу.

⁸² Подробно об этом: *Lajtar A. Bricks from Faras inscribed with the names of Saints* (в печати). Мы благодарим проф. Лайтара, любезно предоставившего нам текст его статьи.

⁸³ Комментарий относительно таких 'deposits' см. в: *Lajtar A., van der Vliet J. Qasr Ibrim. The Greek and Coptic Inscriptions*. Warsaw, 2010. P. 31.

⁸⁴ *Kubińska J. Faras IV: Inscriptions grecques chrétiennes*. Varsovie, 1974. P. 141 (N 86); *Lajtar A. Bricks...*

⁸⁵ Т. е. распространяясь от одного монастыря к другому.

⁸⁶ Естественно, что локализовать этот монастырь вряд ли представляется возможным.

⁸⁷ См.: *Lajtar A. Georgios, Archbishop of Dongola († 1113) and His Epitaph // ΕΥΕΡΓΕΣΙΑΣ ΧΑΡΙΝ*. Studies Presented to Benedetto Bravo and Ewa Wipszycka by Their Disciples / Ed. by T. Derda, J. Urbanik, M. Węcowski. Warsaw, 2002. P. 165, 175, 191.

Подведем итоги. Начальные этапы распространения культа св. Антония в Египте видятся весьма смутно. Можно предполагать, что он первоначально складывался в двух монастырях, возникших на месте подвигов святого (или рядом с ними). Но вклад этих монастырей, если он и был, в дело почитания св. Антония в остальном Египте, скорее всего, невелик. И возможных причин здесь две: удаленность одного из них (находящегося на Красном море) и не слишком большая известность другого. К тому же нет никаких сведений о том, что в начальный период они были центрами книжной культуры. Следует предположить, что культ св. Антония мог распространяться из Скита, но не в традиции его Жития, где он предстает идеальным монахом, а в традиции апофтегм, где его почитают как «авву Антония (отшельника)». Возможно, в самый ранний период, еще со времени патриаршества свт. Афанасия Великого, Антония почитали и в Александрии: на это может указывать более поздняя традиция перенесения его мощей в столицу Египта (почему именно туда?).

Однако в отличие от Запада, где Житие св. Антония очень быстро переводят на латынь и оно, без сомнения, становится там агиографическим «бестселлером» и основным инструментом распространения почитания этого святого, точное время перевода Жития на коптский нам не известно. Превознесение св. Антония как великого монаха в Житии Шенуте может указывать на первую половину V в. После трагических событий Халкидонского собора, скорее всего, возникают две традиции почитания св. Антония, причем египетские монофизиты стараются сделать его своим «выдающимся земляком» и одним из носителей «правильной веры». На эту тенденцию четко указывают коптские монашеские жития и Панегирик св. Антонию VI и последующих веков.

Есть еще одно, разительное отличие культа св. Антония в Египте по сравнению с тем, что мы наблюдаем в это же (и последующее) время на Западе христианского мира. В Египте культ этого святого продвигается «монашескими» маршрутами, но не уходит в народ. На это более чем красноречиво указывает аргумент *ex silentio* — практически полное отсутствие каких-либо следов почитания этого святого в египетской хоре. На Западе, по всей видимости, очень рано его почитание выходит за пределы монашеской среды, свидетельство чему — мощный средневековый фольклорный пласт источников, связанный с сюжетами о св. Антонии⁸⁸. На Западе происходит то, что почему-то отсутствует в Египте: почитание святого соединяется с широкой традицией о нем как о целителе. К нему обращались для избавления от чумы, заразных болезней и так называемого «антониева огня»⁸⁹. Бурно развивается традиция называть его именем детей, посвящать в его честь госпитали, братства, церкви, часовни, пределы и т. д.⁹⁰ И,

⁸⁸ См.: Rigoli A. (Antonio) Folklore // Bibliotheca sanctorum. Roma, 1962. Vol. 2. Col. 114–121.

⁸⁹ Показательно, что после перенесения его мощей в Ла Мот-сен-Дидье (юг Франции) в 1070 г., уже в 1095 г. там возникает госпиталь, где заботятся о больных «антониевым огнем», катализатором чего, безусловно, явилась эпидемия этой болезни в Западной Европе в 1090 г. Вскоре это место становится главным учреждением ордена «госпиталя св. Антония», или госпитальеров, которым принадлежало с 1300 по 1500 гг. 360 больниц. Показателен также ряд крестьянских обычаев, связанных с тем, что св. Антоний считался покровителем некоторых видов домашнего скота, например, свиней (см.: *Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine...* P. 75–76). О «разделении» мощей и реликвий св. Антония между некоторыми городами средневековой Западной Европы и их демонстрациях см., например: *Meinardus O. An Inventory...* P. 143.

⁹⁰ *Caraffa F. Antonio...* Col. 113.

казалось бы, Житие св. Антония дает достаточно поводов для складывания такой традиции⁹¹. В одном из мест Жития свт. Афанасий прямо называет своего героя «лекарем всего Египта» (*Vita Antonii*. Cap. 87). Почему египтяне не услышали это «послание»? Видимо, ответ на этот вопрос вряд ли когда-то будет найден — да он, вероятно, уже выходит за пределы научного дискурса.

Войтенко Антон Анатольевич

Кандидат исторических наук

Старший научный сотрудник

Центр египтологических исследований РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1

123001 Москва

Электронная почта: cesras@cesras.ru

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. 2013. T. 72 (97)

ISSN 0132–3776

Anton VOYTENKO

THE CULT OF SAINT ANTONY THE GREAT IN BYZANTINE EGYPT

Abstract: The article presents a study of the cult of St. Antony the Great in Byzantine Egypt, being concentrated on the problems of the rise and expansion of this cult. In contrast to established veneration of St. Antony in western regions of the Roman empire, his cult is poorly attested in Egypt. Nevertheless its traces could be found in some famous Egyptian monasteries within the period. Since the second half of the 5th century and in the 6th century an upsurge of veneration of St. Antony took place in Coptic antichalcedonian milieu, which aimed to make of him a symbol of its religious identity.

Keywords: Byzantine Egypt, Coptic studies, history of Christian saints' cults, monasticism, hagiography, papyrology, epigraphy.

Literature Cited

ALCOCK, A., ed. and transl. *The Life of Samuel of Kalamun by Isaak the Presbyter*. Warminster 1983.

AMÉLINEAU, E. *De Historia Lausiaca, quaenam sit huius ad Monachorum Aegyptiorum historiam scribendam utilitas*. Paris 1887.

AMÉLINEAU, E., ed. *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne: Histoire des monastères de la Basse-Égypte*. Paris 1894.

⁹¹ В частности, свт. Афанасий приводит примеры исцелений св. Антонием больных и бесноватых: *Vita Antonii*. Cap. 48, 61, 64.

- ANTONINI, L. "Le chiese cristiane nell'Egitto dal IV al IX secolo." *Aegyptus* 20 (1940).
- Athanase d'Alexandrie. *Vie d'Antoine*. Introd., texte critique, traduction, notes et index par G.J.M. BARTELINK. Paris 1994.
- BRÄKKE, D. "«Outside the Places, within the Truth»: Athanasius of Alexandria and the Localization of the Holy." In *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt*. Ed. by D. FRANKFURTER. Leiden; Boston; Köln 1998.
- CARAFFA, F. "Antonio." *Bibliotheca sanctorum*. Vol. 2. Roma 1962.
- CLÉDAT, J. *Le monastère et la nécropole de Baouit*. Le Caire 1999.
- CRUM, W.E. *A Coptic Dictionary*. Oxford 1962.
- DELEHAYE, I. "Une vie inédite de Saint Jean l'Aumônier." *Analecta Bollandiana* XLV (1927).
- DEPUYDT L. *Catalogue of Coptic Manuscripts in the Pierpont Morgan Library*. Louvain 1993.
- DORRESSE, J. "Deux monastères coptes oubliés: Saint Antoine et Saint Paul dans le désert de la mer Rouge." *Revue des Arts* 2 (1952).
- DRAGUET, R. "Une lettre de Sérapion de Thmuis aux disciple d'Antoine (A. D. 356): En version syriaque et arménienne." *Le Muséon* 64 (1964).
- DÖRRIES, H. "Die Vita Antonii als Geschichtsquelle." In *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*. Vol. 14. Göttingen 1949.
- EVETTS, T.A., ed. *The Churches and Monasteries of Egypt and Some Neighbouring Countries, attributed to Abu Salih, the Armenian*. Oxford 1895.
- FERRARI, G. "Sources for the Early Iconography of St. Antony." *Antonius Magnus Eremita*, 356–956. Cura B. STEIDLE. Roma 1956.
- FLUSIN, B. "Ermitage et monastère. Le monachisme au mont Sinaï à la période protobyzantine." In *Le Sinaï durant l'antiquité et le moyen âge. 4000 ans d'histoire pour un désert*. Sous la direction de D. VALBELLE et Ch. BONNET. Paris 1998.
- GARITTE, G. "Le texte grec et les versions anciennes de la Vie de saint Antoine." In *Antonius Magnus Eremita*, 356–956. Cura B. STEIDLE. Roma 1956.
- GARITTE, G. "Panégyrique de saint Antoine par Jean, évêque d'Hermopolis." *Orientalia Christiana Periodica* 9 (1943).
- JOHNSON, D.W., ed. *A Panegyric on Macarius, bishop of Tkôw, attributed to Dioscorus of Alexandria*. Louvain 1980.
- KAHLE, E. *Balā' zah. Coptic Text from Deir-el-Balā' zah in Upper Egypt*. Vol. 1. London 1954.
- KUBIŃSKA, J. *Faras IV: Inscriptions grecques chrétiennes*. Varsovie 1974.
- ŁAJTAR, A. *Bricks from Faras inscribed with the names of Saints*. In print.
- ŁAJTAR, A. "Georgios, Archbishop of Dongola († 1113) and His Epitaph." In *EYEPΓEΣΙΑΣ XAPIN. Studies Presented to Benedetto Bravo and Ewa Wipszycka by Their Disciples*. Ed. by T. DERDA, J. URBANIK and M. WĘCOWSKI. Warsaw, 2002.
- ŁAJTAR, A., and van der VLIET J. *Qasr Ibrim. The Greek and Coptic Inscriptions*. Warsaw 2010.
- LEIPODIT, J., and CRUM, W.E. *Sinuthii Archimandritae vita et opera omnia*. Paris 1906.
- LUBOMIERSKI, N. "Towards a Better Understanding of the So-Called 'Vita Sinutnii'." In *Actes du huitième congrès international d'études coptes (Paris, 28 juin — 3 juillet 2004)*. Éd. par N. BOSSON, A. BOUD'HORS. Vol. 2. Leuven; Paris; Dudley (Mass.), 2007.
- MCCOULL L. "Chant in Coptic Pilgrimage." In *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt*. Ed. by D. FRANKFURTER. Leiden 1998.
- MCKENZIE J. "The Place in Late Antique Alexandria "Where Alchemists and Scholars Sit (...) Was like Stars"." *Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Ed. by T. DERDA, T. MARKIEWICZ and E. WIPSZYCKA. Warsaw 2007.
- MEINARDUS, O. "An Inventory of the Relics of Saints in the Coptic Churches of Egypt." *Ostkirchliche Studien* 17 (1968).
- MILANI, C., ed. *Itinerarium Antonini Placentini. Un viaggio in Terra Santa del 560–70 d. C.* Milano 1977.
- ORLANDI, T. "John of Shmun." In *Coptic Encyclopedia*. Ed. by A.S. ATIYA. Vol. 5. New York; Sydney 1991.

- PAPACONSTANTINOU, A. *Le culte des saints en Égypte des byzantins aux Abbasides: l'apport des inscriptions et des papyrus grecs et coptes*. Paris 2001.
- PEARSON, B. "The Coptic Inscriptions in the Church of St Antony." In *Monastic Visions. Wall Painting in the Monastery of St. Antony at the Red Sea*. Ed. by E. BOLMAN. New Haven; London 2002.
- QUIBELL, J.E. *Excavations at Saqqara (1907–908)*. Vol. III. Le Caire 1909.
- QUIBELL, J.E. *Excavations at Saqqara (1908–909, 1909–910)*. Vol. IV. Le Caire 1912.
- QUIENTIN, H. *Les Martyrologues historiques du moyen âge*. Paris 1908.
- RIGOLI, A. "(Antonio) Folklore." In *Bibliotheca sanctorum*. Vol. 2. Roma 1962.
- STEIN, E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 2. Paris 1949.
- TILL, W.C. *Die koptischen Ostraka der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek*. Wien 1960.
- TIMBIE, J. "Reading and Rereading Shenoute's I am amazed. More Information on Nestorius and Others." In *The World of Early Egyptian Christianity. Language, Literature, and Social Christianity*. Ed. by J. GOEHRING and J. TIMBIE. Washington 2007.
- TREU, K., and DIETHART, J., eds. *Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichische Nationalbibliothek (Papyrus Erzherzog Rainer)*. Neue Serie. Bd. XVII. Wien 1993.
- Van MOORSEL P. *Le monastère de Saint-Paul près de la mer Rouge*. Le Caire 2002.
- VIVIAN, T. "St. Antony the Great and the Red Sea, ca A. D. 251 to 1232–233." In *Monastic Visions. Wall Painting in the Monastery of St. Antony at the Red Sea*. Ed. by E. BOLMAN. New Haven; London 2002.
- WEITZMANN, K., and GALAVARIS, G. *The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Illuminated Greek Manuscripts*. Vol. 1: From the Ninth to Twelfth Century. Princeton; Jersey 1990.
- WIPSZYCKA, E. "Les formes institutionnelles et les formes d'activité économique du monachisme égyptien." In *Foundations of Power and Conflicts of Authority in Late-Antique Monasticism. Proceedings of the International Seminar, Turin, December 2–4, 2004*. Ed. by A. CAMPLANI and G. FILORAMO. Leuven; Paris; Dudley (Mass.), 2007.
- WIPSZYCKA, E. "Le nationalisme a-t-il existé dans l'Égypte byzantine?" In WIPSZYCKA, E. *Études sur le Christianisme dans l'Égypte de l'antiquité tardive*. Roma 1996.
- WIPSZYCKA, E. *Les moines et les communautés monastiques en Égypte (VIe–IIIe siècles)*. Varsovie 2009.
- WIPSZYCKA, E. "La Vita Antonii confrontée avec la réalité géographique." In *Aegyptus Christiana. Mélanges d'hagiographie égyptienne et orientale dédiés à la mémoire du P. Paule Devos Bollandiste*. Cur. U. ZANETTI and E. LUCCHESI. Genève 2004.
- ZANETTI, U. "Un index liturgique du monastère Blanc." In *Christianisme d'Égypte: Hommage à R.-G. Coquin*. Paris; Louvain 1995.

Anton VOYTENKO

PhD, Senior Researcher
Russian Academy of Sciences
Center for Egyptological Studies
Spiridonovka street, 30/1
123001 Moscow
e-mail: cesras@cesras.ru

Р.В. Броть, П.В. Кузенков

АСТРОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА В ВИЗАНТИИ V в.*

Аннотация: В статье представлен первый русский перевод двух византийских астрологических текстов в сопровождении подробного историко-научного и теоретического комментария, с применением современных компьютерных программ и новейших исследований по истории астрологии. Анализ двух гороскопов — элективной карты коронации Леонтия (18 июля 484 г.) и натальной карты близкого к нему ритора Пампрепия (родился 29 сентября 440 г.) — позволил поставить под сомнение распространенное мнение о сокрушительном провале астрологов, пытавшихся обеспечить Леонтию блистательное правление, и о причастности к этому провалу Пампрепия. Значительно более вероятно, что данные гороскопы, составленные на высоком профессиональном уровне, сознательно использовались императором Зином или лицами из его окружения для провоцирования противников (патрикия Илла и его советника Пампрепия, стоявших за узурпатором Леонтием) на действия, обреченные на неудачу. Исследование проливает свет на малоизвестные аспекты методов политической борьбы в Византийской империи.

Ключевые слова: астрология в Византии, Зинон, Леонтий (узурпатор), Пампрепий.

Византийская астрология: исторический контекст

В современном мире астрология имеет вненаучный статус и представляет собой, прежде всего, феномен массовой культуры, чаще всего отождествляясь с деятельностью сообществ оккультно-мистического толка. Однако перенос подобного отношения на древность и Средневековье едва ли можно считать правомерным. Античная астрология в целом развивалась в естественнонаучном русле своей эпохи, будучи неразрывно связана с астрономией (как ее «прикладная часть»), а также с математикой, медициной и рядом других научных дисциплин. В то время не существовало популярных ныне «массовых» гороскопов (не связанных с конкретным лицом и адресованных всем «стрельцам», «водолеям» и т. п.), а коннотации астрологии с религиозно-мистическими учениями были вовсе не обязательны. Лишь на заре своего становления, в эллинистическую эпоху, «халдейское учение» о звездах апеллировало к языческим представлениям о божественных силах, влияющих на судьбы людей. Однако уже к рубежу

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12–04–00342

эр был заложен фундамент «научной» астрологии, что давало античным авторам возможность рассуждать о «небесных влияниях» с сугубо натурфилософских позиций. Особенно важную роль в процессе «очищения» астрологии от религиозно-мистических элементов сыграл Клавдий Птолемей (II в.), который в своем «Математическом трактате в 4-х книгах» (известном как «Тетрабиблос») дал последовательное систематическое изложение постулатов астрологии с позиций аристотелевской физики¹.

Таким образом, практическая наука о звездах, известная сейчас как астрология, а в древности именовавшаяся «апотелезматикой», принципиально отличалась от многих других способов проникновения в тайны будущего. Ведь по убеждению античных и средневековых мыслителей она опиралась не на магические, а на строгие естественнонаучные основания. Согласно господствовавшей тогда физике Аристотеля, небесные тела, что относились к высшим, «надлунным» сферам, не просто влияли на события, происходившие в «подлунном» мире, но буквально «свершали» (ἀποτελοῦν) их. И поэтому для познания будущего достаточно лишь внимательнейшим образом изучить причинно-следственные связи между положением небесных тел — прежде всего, семи «блуждающих звезд» (планет) — и теми ситуациями, которые складываются в данное время и в данном месте.

Профессиональный астролог ранневизантийской эпохи — это уже не жрец восточного культа, но и не маг, и не медиум-прорицатель (и, тем более, не современный составитель астропрогнозов). Это ученый, обладающий серьезными познаниями в астрономии, математике и натурфилософии (составители гороскопов в античных и византийских источниках зачастую именуются «математиками» и «философами»). Не только при построении астрологической карты, но и при вынесении суждений астролога строго следовали определенному алгоритму, заданному канонами школы. Поэтому астрология в глазах ее адептов была далека от разного рода гаданий, а скорее сближалась с юридической практикой. Об этом свидетельствует стандартная астрологическая терминология Античности и Средневековья: подобно судье, астролог принимал запрос *истца*, рассматривал *обстоятельства дела* и «свидетельства» планет, после чего, руководствуясь принятым *сводом правил*, выносил свой *приговор*². Мерила квалификации астролога были очень схожи с критериями профессионализма юриста: это не только хорошее знание законов (в данном случае — космических), но и умение истолковывать, как эти законы применимы в конкретной житейской ситуации. При этом наличие «приговора звезд» вовсе не означало, что такой приговор окончателен и обжалованию не подлежит. Подобно тому, как в обычной судебной практике есть возможность пересмотра дела, смягчения приговора и даже помилования, астрологические воздействия считались подчиненными Высшей воле. Например, Гвидо Бонатти (автор популярнейшего астрологического свода позднего

¹ Критическое издание греческого оригинала с параллельным англ. переводом: *Ptolemy. Tetrabiblos* / Edited and translated by F.E. Robbins. Cambridge (Mass.); London, 1940. Русский перевод: *Клавдий Птолемей. Тетрабиблос* / Пер. с англ. Г.П. Хлуновской под ред. А.А. Капраловой, Н.А. Додоновой. М., 1992.

² Именно в этом контексте следует воспринимать стандартные средневековые названия данной отрасли знаний: араб. *илм ахкам ан-нуджум* («наука о приговорах звезд»), лат. *iudicia astrorum* («приговоры звезд») и *astrologia iudiciaria* («юдициарная астрология», букв. «астрология приговоров»).

Средневековья) в своих «Соображениях» после перечисления самых негативных астрологических показателей, которые должны принести однозначно трагический результат, добавляет, что такой «приговор звезд» исполнится, «если только не проявит себя Божественное великодушие в милосердном вмешательстве»³. В наиболее емкой форме эту идею выразил немецкий астролог XVI в. Генрих фон Ранцау: «Звезды управляют судьбой людей, но Бог управляет звездами; звезды уступают Богу, а Бог — молитвам верующих»⁴.

История Римской империи на всех ее этапах изобилует примерами деятельного участия астрологов в принятии важных политических решений — в том числе первыми лицами государства. Вместе с тем, периоды взлета популярности астрологии регулярно сменялись жесткими законодательными запретами на обращение к предсказателям (а порой и совпадали друг с другом)⁵. К причинам периодических гонений на «философов» и «математиков» в Древнем Риме следует отнести не только стремление властей очистить Рим от уличных шарлатанов (в обилии появлявшихся на волне популярности астрологии), но и конкретную политическую конъюнктуру. К примеру, известно, что император Отон пришел к власти в январе 69 г., согласовывая все ключевые шаги с расчетами своего астролога Селевка⁶. В этом свете обретает особый смысл тот факт, что когда Отон сменил его соперник Вителлий, одним из первых действий нового императора был указ об изгнании всех астрологов из Рима. К тому же, по словам Светония, сам Вителлий имел «жуткий гороскоп» и, не желая смириться с предсказанными ему бедствиями, «злобствовал против насмешников и астрологов»⁷.

Впрочем, законодательные запреты не давали сколько-нибудь длительного эффекта. Так, эдикт Диоклетиана от 294 г. в очередной раз строго запретил «заслуживающее осуждения искусство математики»⁸. Однако уже в первой половине IV в. был создан самый масштабный латинский трактат в истории античной астрологии — «Матесис» в восьми книгах, автор которого, Юлий Фирмик Матерн, занимал высокое положение, будучи сенатором и императорским нотарием. А в 370-х годах другой выдающийся астролог эпохи, Павел Александрийский, написал по-гречески «Введение», которое стало основным учебником для нескольких последующих поколений астрологов. В 529 г. запрет Диоклетиана был включен в «Кодекс Юстиниана», однако именно на те годы, когда «Кодекс» вступил в силу, пришелся расцвет деятельности известного философа и астролога Олимпиодора (ок. 495–570), который не только занимался астрологией, но и открыто преподавал ее. В частности, сохранились его комментарии к «Введению» Павла Александрийского, представляющие собой, по сути, конспект лекций, прочитанных Олимпиодором в 564 г. в Александрии.

С укреплением позиций христианства появились новые причины для борьбы с астрологами. Генетическая связь «науки о звездах» с ближневосточными

³ Бонатти Г., Кардано Дж. Душа астрологии / Сост. У. Лилли. Общ. ред., вступл. и комм. Р. Броля. Изд. 2-е, перераб. М., 2013. С. 163.

⁴ Цит. по: Гурев Г.А. История одного заблуждения: Астрология перед судом науки. Л., 1970. С. 93.

⁵ Фундаментальное исследование данной темы представлено в работе: Cramer F.H. Astrology in Roman law and politics. Philadelphia: American Philosophical Society, 1954.

⁶ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подг. М.Л. Гаспаров и Е.М. Штаерман. М., 1993. С. 179–180 (VII: «Отон», 4–6).

⁷ Там же. С. 185, 189–190 (VII: «Вителлий», 3 и 14).

⁸ Corpus Iuris Civilis. Vol. II: Codex Iustinianus / Ed. P. Krueger. B., 1954. IX.18.3. P. 379. (Далее: CJ.).

астральными культами заставляла Церковь подозревать астрологов в приверженности язычеству. Кроме того, само желание получить предсказание стало вызывать осуждение как стесняющее свободную волю человека. Эдикт Констанция от 357 г. гласит: «Никто да не советуется ни с гаруспиком, ни с математиком, ни с гадателем. Да умолкнет дурная проповедь авгуров и прорицателей. Халдеи, маги и прочие, кого народ за их великие преступления называет злодеями, да не посягают на что-либо подобное. Да прекратится для всех навечно любопытство гадания. Всякий, кто откажется подчиниться вышеуказанному, получит высшую меру наказания, преданный карающему мечу»⁹. В середине IV в. Лаодикийский собор ввел запрет на занятие астрологией для служителей Церкви: «Не подобает освященным или причетникам быть волшебниками или обаятелями, или числогадателями, или астрологами...»¹⁰ А Пято-Шестой (Трульский) Вселенский Собор 692 г. постановил: «Предающиеся волшебникам, или так именуемым стоначальникам, или другим подобным, дабы узнать от них, что восхотят им открыти, согласно с прежними отеческими о них постановлениями, да подлежат правилу шестилетней епитимии. Той же епитимии надлежит подвергнуть и тех, которые..., соединяя обман с безумием, произносят гадания о счастье, о судьбе, о родословии, и множество других подобных толков: равно и так именуемых облакогонителей, обаятелей, делателей предохранительных талисманов, и колдунов. Закосневающих же в сем и не отвращающихся, и не убегающих от таковых пагубных и языческих вымыслов определяем совсем извергати из Церкви, как и священные правила повелевают»¹¹.

Однако, как и в случае с законодательными актами римского права, отношение Церкви к астрологии *de jure* сильно отличалось от ситуации *de facto*. Достаточно упомянуть, что Лев Математик, один из самых знаменитых византийских астрологов раннего Средневековья, был архиепископом Фессалоникским, а Иоанн Каматир, автор двух астрологических сочинений¹², посвященных императору Мануилу I Комнину, — «хранителем императорской чернильницы» (*ἐπί τοῦ κανικλείου*) и архиепископом Охридским. Интерес священнослужителей к астрологии сохранялся и в последующие века. Более того, как справедливо заметил американский историк науки Л. Торндайк, трудно найти другой класс или группу людей, которые в эпоху Средневековья занимались бы астрологией активнее, чем монахи¹³.

Разумеется, подобная неоднозначность отношения к «апотелезматике» распространялась и на более широкие социальные слои. Нельзя не согласиться с формулировкой З.Г. Самодуровой: «Отношение образованных византийцев к астрологии было противоречивым. Опасаясь церковных наказаний, они на словах отказывались верить в зависимость земных событий и дел от расположения небесных светил. Однако нередко они прилежно изучали астрологию и допус-

⁹ СЛ. IX.18.5. Р. 380.

¹⁰ Правила святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 250 (Правила Лаодикийского собора, 36).

¹¹ Там же. С. 45 (Правила Трульского собора, 61).

¹² «Περὶ τοῦ ζωδιακοῦ κύκλου καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων τῶν ἐν οὐρανῷ» и «Εἰσαγωγή ἀστρονομίας».

¹³ Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science. Vol. III. N. Y., 1934. P. 213.

кали возможность воздействия планет и звезд на судьбы государств, народов и отдельных лиц»¹⁴.

Одним из ярких примеров проникновения веры в гороскопы в высшие слои позднееримского общества является история узурпатора Леонтия, которой и посвящена эта статья.

Император Леонтий — ставленник магистра Илла

В августе 476 г., в то самое время, когда в Италии прекратила существование Западная Римская империя, на престол в Константинополе, победив узурпатора Василиска, вернулся император Зинон. В его победе решающую роль сыграл исавр Илл, соплеменник Зинова, который стал магистром оффиций и вторым лицом в государстве. Вскоре Илл настоял на необходимости изоляции тещи императора, вдовствующей императрицы Верины, чьи интриги и вызвали переворот ее брата Василиска. В 479 г. она была выслана из столицы, пострижена в монахини и заключена в одной из крепостей Исаурии. Супруга Зинова Ариадна, дочь Верины, пыталась хлопотать за свою мать, но натолкнулась на непреклонность Илла. Тогда Ариадна (как говорили, с ведома мужа) организовала покушение на всесильного магистра, однако тот получил лишь легкое ранение в голову. В этой напряженной ситуации Илл согласился освободить Верину, но попросил отпустить его для лечения в южные края. Зинон охотно отправил его в Антиохию, дав ему чин магистра армии Востока с самыми широкими полномочиями (осень 482 г.). Перезимовав в Никее, Илл с пышной свитой, в составе которой были несколько патрикиев и сенаторов, прибыл в столицу Востока, где развернул активную деятельность. Однако он не только не торопился освобождать Верину, но и задержал у себя Лонгина, брата Зинова, которого бездетный и уже немолодой император считал своим наследником.

В начале 484 г. между Зиномом и Иллом произошел открытый разрыв. Император объявил Илла бунтовщиком, лишил его должности магистра, а всех его сторонников отправил в ссылку с конфискацией имущества. Илл, в свою очередь, стал готовиться к гражданской войне, вступив в переговоры с правителем Италии Одоакром, а также с персами и армянами. Не исключено, что Илл пытался каким-то образом использовать очередной виток церковных нестроений, связанных с изданием Зиномом «Энотикона» (482 г.), однако об этом источники молчат. Чтобы придать своему положению легитимность, Илл обратился к той самой Верине, от которой он в свое время столь ревниво оберегал Зинова. Вдовствующая императрица и после кончины супруга носила титул августы, и ее голос считался решающим при провозглашении нового императора. Однако Илл не стал сам занимать престол, предпочтя возвести на него некоего патрикия Леонтия.

О личности Леонтия известно немного¹⁵. Согласно сообщению Иоанна Малалы, он был сенатором и выехал из Константинополя вместе с Иллом, чтобы

¹⁴ Самодурова З.Г. Естественные знания // Культура Византии. Вторая половина VII — XII в. / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. М., 1989. С. 296–334.

¹⁵ Источники и старая литература о нем указаны в: PLRE. Vol. 2. P. 670–671 (Leontius 17). См. также: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С. 335–339; Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2010. С. 113–114.

встретить и препроводить в столицу августу Верину. Однако Иордан и Псевдо-Иешу Стилит дают иную версию событий: Леонтий, магистр армии Запада, был направлен в Антиохию Зиномом с указанием либо образумить Илла, либо арестовать его; однако Иллу удалось склонить полководца на свою сторону. О происхождении Леонтия источники говорят разное. Иоанн Малала считает его уроженцем Фракии, Феофан Исповедник — «сирийцем, мужем прекрасно образованным и опытным в военном искусстве»; однако более достоверным считается сообщение Иоанна Антиохийского, согласно которому Леонтий был земляком Зинова и Илла, исавром из городка Далисанд. Малала даже приводит описание его внешности: «Был же Леонтий мужем благообразным, с курчавой шевелюрой, в расцвете молодости, опрятен, белокож, с крупным носом и широкими глазами, благовоспитан»¹⁶. При Зиноне он сделал стремительную карьеру, получив сан патрикия и членство в сенате. Ясно, что Леонтий пользовался определенным уважением и имел связи как в Исаврии, так и в столице. Но вопрос о том, почему Илл именно его выдвинул в качестве императора, остается открытым.

Коронация Леонтия состоялась не в Антиохии, а ближе к месту ссылки Верины. В церкви Св. Петра в пригороде Тарса вдовствующая императрица торжественно провозгласила Леонтия императором, возложив на него диадему. Оттуда процессия прибыла в Антиохию, где была оглашена сакра Верины, текст которой приводят Иоанн Малала и Феофан Исповедник¹⁷. Августа объявляла о том, что поставленный ею ранее на царство зять Зинов низложен по причине его ненасытного корыстолюбия, а на его место «мы сочли необходимым венчать вам царя, украшенного благочестием и справедливостью, дабы он уврачевал государство, заставил успокоиться врагов и охранил всех подданных, а равно и законы». Точная дата коронации — 18 июля 484 г. — сохранилась в специально посвященном этому событию гороскопе, о котором ниже¹⁸.

Дело Леонтия оказалось шатким, и его власть в Антиохии продлилась всего 61 день¹⁹. Даже на Востоке узурпатор не был признан во многих городах, оставшихся верными Константинополю. Пока Леонтий с Иллом пытались подчинить непокорных, Зинов направил против них крупные силы. Кроме того, ему удалось склонить на свою сторону своих воинственных земляков, обещав выдавать Исаврии огромные субсидии в 1500 фунтов золота в год. После первых же неудач армия Илла рассеялась, и он был вынужден укрыться с Леонтием, Вериной и несколькими сенаторами в горной крепости Папирий в Исаврии. После многолетней осады Зинов захватил своих врагов (488 г.) и расправился с ними довольно необычным способом: вместо того, чтобы казнить бунтовщиков на столичном ипподроме, он выдал Илла и Леонтия губернатору Памфилии. Эта провинция, расположенная к западу от Исаврии, часто страдала от набегов воинственных со-

¹⁶ *Ioannes Malalas. Chronographia* / Ed. I. Thurn. B.; N. Y., 2000. P. 314 (XV, 14). (Далее: Malalas).

¹⁷ Ibid. Cp.: *Theophanes. Chronographia* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 129.

¹⁸ Коронационные гороскопы в это время были едва ли не обязательным элементом политической жизни Империи. В частности, сохранился гороскоп Василиска, свергнувшего Зинова в январе 475 г.: *Pingree D. Political Horoscopes from the Reign of Zeno* // DOP. 1976. Vol. 30. P. 135–136. Сам Зинов также пользовался консультациями астролога Мавриана (Malalas. P. 317; *Chronicon Paschale* / Ed. L. Dindorf. B., 1832. T. I. P. 606. См.: *Stein E. Histoire du Bas-Empire*. T. II. P., 1949. P. 75).

¹⁹ *Ioannes Antiochenus. Fr. 98* // *Excerpta historica jussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta*. Vol. III: *Excerpta de insidiis* / Ed. C. de Boor. B., 1905. P. 137.22.

седей, и памфилийцы, очевидно, были рады возможности публично казнить двух именитых исавров. Их головы были отправлены в Константинополь.

Пампрепий — поэт, философ, политик

Во всей этой аванюре с коронацией Леонтия едва ли не решающую роль играл некто Пампрепий — личность сама по себе весьма колоритная²⁰. Его биография может быть восстановлена с высокой точностью благодаря дошедшему до нас его личному гороскопу. Вообще, количество сохранившихся греческих гороскопов V в. впечатляет; очевидно, в ту эпоху астрология переживала настоящий расцвет²¹.

Пампрепий родился 29 сентября 440 г. в египетском городе Панополь (в Фиваиде). Согласно Дамаскию, он обладал смуглой кожей и неприятной внешностью. В молодые годы Пампрепий бедствовал, занимаясь сочинением стихов в стиле своего земляка Нонна. В 33-летнем возрасте он приехал в Афины, вступил в брак и получил должность грамматика, после чего дела его пошли в гору. В Афинах тогда находился центр неоплатонической философии, во главе со знаменитым Проклом. Неоплатоники того времени всерьез увлекались теургическими оккультными практиками, и Пампрепий, как считалось, в совершенстве постиг «высшую мудрость» (ὅσα ἦν σοφότερα)²². Вскоре, вынужденный покинуть Афины из-за скандальной истории²³, он в мае 476 г. перебрался в Константинополь, где, не скрывая своей приверженности язычеству, достиг известности в качестве не только ратора, но и посвященного в таинства чародея. Одна из его речей, посвященная свойствам души, привлекла внимание всесильного в то время Илла, благодаря которому Пампрепий получил профессорскую кафедру в константинопольском университете — «Аудиториуме». В 478 г., когда Илл находился в Исаурии, Пампрепий был обвинен в подготовке заговора и выдворен из столицы, однако Илл призвал его к себе и сделал своим ближайшим доверенным лицом.

Новый виток в карьере египтянина произошел в конце 479 г., когда в Константинополе вспыхнуло восстание против Зинона и исавров. Заговорщикам, во главе которых стоял другой зять Льва I и Верины, Маркиан (сын западного императора 467–472 гг. Прокопия Анфимия), при активной поддержке населения

²⁰ См. о нем: PLRE. Vol. 2. P. 825–828 (Pamprepius); *Asmus R.* Pamprepius, ein byzantinischer Gelehrter und Staatsmann des 5. Jahrhunderts // *BZ.* Bd. 22. 1913. S. 320–347; Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия... С. 114, 139.

²¹ В собрании греческих гороскопов О. Нейгебауэра и Х.Б. ван Хусена приведен статистический график, на котором хорошо видны два всплеска «литературных» источников: с 50 по 200 г. и с конца IV в. по самое начало VI в. (*Neugebauer O., Van Hoesen H.B.* Greek Horoscopes. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1959. P. 162. Fig. 23). Впрочем, следует понимать, что данные всплески своим возникновением обязаны тому конкретному (весьма невеликому) массиву первоисточников, который сохранился до наших дней. Так, большинство учтенных в графике гороскопов V в. дошли до нас в текстах, приписываемых всего лишь двум авторам — Риторию и Палху.

²² *Malchus Philadelphensis.* Fragmenta // *Historici graeci minores* / Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1870. T. I. P. 421–422 (Fr. 20) = Suda, Π, 137.

²³ Как сообщает Малх (Ibid.), Пампрепий дерзко претендовал на первое место среди учеников Прокла и, после ссоры с Теагеном, был избит и изгнан из Афин.

столицы удалось захватить Большой дворец. Судьба Зинона и его окружения висела на волоске, но Пампрепий, в то время занимавший должность квестора, уверенно заявил Иллу: «Решения Промысла за нас!»²⁴ Ободренные исавры собрались с силами и перешли в контратаку. Бунт был подавлен, а Пампрепий получил высший чин консула (почетного) и сан патрикия.

В конце 482 г. Пампрепий вместе с Иллом отправился на Восток. Незадолго до этого он совершил поездку в родной Египет, где, возможно, готовил почву для мятежа Илла и Леонтия, происшедшего в 484 г. При дворе Леонтия в Антиохии Пампрепий получил должность магистра официий²⁵.

Более чем вероятно, что Илл, решив выступить против Зинона, пользовался советами своего любимца, которому безгранично доверял. В то же время нам известно, что коронационный гороскоп Леонтия был составлен «двумя математиками». Выдвигались предположения, что одним из этих астрологов был Пампрепий²⁶, хотя убедительных оснований для этого нет. Не приходится сомневаться, что новому императору было предсказано долгое и успешное правление, хотя сохранивший для нас этот гороскоп комментатор удивляется, как можно было не заметить в нем очевидно неблагоприятные признаки.

После провала мятежа Илл обрушил гнев на обманувшего его надежды чернокнижника, которого заподозрил в предательстве. Пампрепий был убит, а его труп был сброшен со стены крепости, осажденной императорскими войсками. Согласно комментарию в тексте гороскопа, это произошло в конце ноября 484 г.

Судьба Пампрепия была хорошо известна современникам. Характерно, что он не вызывал никаких симпатий даже у язычников. Неоплатоник Дамаский, автор «Жизнеописания философа Исидора», сообщает, что Илл с Леонтием вынашивали планы восстановления язычества, побуждаемые к этому Пампрепием, но при этом характеризует последнего как красноба (τραπεζολόγος) и беззастенчивого предателя²⁷. Но если с «краснобайством» Пампрепия ситуация более или менее ясна, остается не вполне понятным, в чем именно заключалось его «предательство».

Некоторый свет на этот и другие вопросы, связанные с узурпацией Леонтия, проливают уникальные тексты, по счастливой случайности дошедшие до нас: коронационный гороскоп Леонтия, а также личный гороскоп самого Пампрепия. Эти тексты уже давно известны в науке, но их потенциал как источников далеко не исчерпан. Ниже впервые предложен их комментированный русский перевод.

Гороскоп коронации Леонтия

Данный памятник уникален по нескольким причинам. Во-первых, это редкий древний образец «карты начинания»: коронация была проведена строго в вы-

²⁴ *Malchus Philadelphensis*. Fragmenta. P. 421–422 (Fr. 20) = Suda, II, 137.

²⁵ *Guilland R.* Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les maîtres (magistroi) du IVe et du Ve siècles, de Constantin Ier le Grand (306–337) à Anastase Ier (491–518) // АДСВ. Вып. 10. 1973. С. 49.

²⁶ В частности, Дж. Линдсей пишет об этом как о несомненном факте: *Lindsay J.* Origins of Astrology. N. Y., 1971. P. 411.

²⁷ Сочинение сохранилось в эпитоме у Фотия: *Photius*. Bibliothèque / Ed. R. Henri. T. VI. P., 1971. P. 30 (Cod. 242.109–110).

бранный астрологами момент, однако результат ее оказался плачевным (в частности, по этой причине данный пример любим многими критиками астрологии, начиная с французского исследователя XIX в. О. Буше-Леклерка). Во-вторых, это чуть ли не единственный исторический гороскоп, опубликованный на русском языке еще в дореволюционные годы. Он был описан выдающимся историком античной культуры Ф.Ф. Зелинским в работе «Умершая наука» (1901) как «пример, один из замечательнейших в истории».

В римской рукописи *Angelicus graecus* 29 (fol. 126^r), интересующая нас часть которой была написана неким Елевферием Элидским²⁸ в июле 1388 г. в Митилине (Лесбос), текст «карты начинания» Леонтия с критическим комментарием приведен под № 88 в астрологической компиляции под названием «*Ατοτελεσµατικὴ βίβλος τοῦ Πάλχου*». Происхождение этого сочинения и его авторство загадочно. Впервые издавший этот текст Франц Кюмон считал указанного в заглавии Палха египетским астрономом конца V в.²⁹ Однако, как показал Дэвид Пингри, в существующем виде трактат представляет собой позднюю компиляцию из античных, ранневизантийских и переводных арабских текстов. По мнению американского исследователя, его мог составить сам Елевферий (ученик Иоанна Аврамия, известного астролога эпохи Палеологов), а имя Πάλχος — псевдоним, скорее всего, восходящий к нисбе «ал-Балхи» (которая отсылает к знаменитому арабскому астрологу IX в. Абу Ма'шару ал-Балхи; его «Книга тайн» в греческой версии была хорошо известна и Аврамию, и Елевферию)³⁰.

По римской рукописи и ее более поздней флорентийской копии *Laurentianus* 28,33 (fol. 263) этот текст опубликован Ф. Кюмоном в 1-м томе «Каталога греческих астрологических кодексов»³¹. Вариант с рядом грамматических и смысловых отличий издан им же в 6-м томе того же собрания, в составе безымянной серии гороскопов, по венской рукописи XVI в. *Vindobonensis philologicus graecus* 108 (fol. 300)³². Далее эти варианты цитируются, соответственно, как А и В.

Характерно, что чтения В более достоверны, чем чтения автографа Елевферия Элидского (А), что говорит не в пользу профессионализма последнего. Во всяком случае, это исключает авторское участие Елевферия, который не может претендовать на нечто большее, чем роль простого компилятора-переписчика. О том, что перед нами выписки из какого-то аутентичного астрологического сочинения конца V столетия, говорят и соседние однотипные примеры «начинательных гороскопов», трактующие о событиях 474, 475, 479 и 488 гг.

Наконец, существует арабская версия того же самого гороскопа, сохранившаяся в трактате «Книга вопросов о науке приговоров звезд» Абу Юсуфа Я'куба ибн 'Али ал-Касрани (конец IX в.). Среди прочих гороскопов здесь приводятся три текста, почерпнутые из византийского источника (и, с высокой вероятностью, составленные одним автором): на 12 января 475 г. (коронация Василиска), 18 июля 484 г. (коронация Леонтия) и 9 апреля 483 г. (назначение Теодориха магистром

²⁸ Ἐλευθέριος Ἠλαῖος. См. о нем: PLP. No 6012.

²⁹ Cumont F. L'astrologue Palchos // *Revue de l'instruction publique en Belgique*. 1897. Т. 40. Р. 1–12.

³⁰ Pingree D. The Astrological School of John Abramius // *DOP*. 1971. Vol. 25. Р. 203–204.

³¹ CCAG. T. I. Р. 107–108.

³² CCAG. T. VI. Р. 66–67. В этом издании опущена диаграмма, изданная впоследствии Д. Пингри (см. след. примечание).

армии?). Издавший и изучивший данный памятник Д. Пингри пришел к выводу, что именно он содержит наиболее правильные астрологические данные³³. Ниже в переводе его чтения обозначены как Q³⁴.

Катархэ³⁵ Леонтия, коронованного в Антиохии³⁶

Получив *катархэ* от двух математиков³⁷, он был коронован и очень скоро потерял и царство, и жизнь³⁸.

В год Диоклетиана [200]³⁹, месяца эпифи 24-го⁴⁰, в начале 1-го [дневного] часа⁴¹.

Солнце — в Раке⁴² 23⁴³; Луна — в Скорпионе⁴⁴ 7⁴⁵; Сатурн — в Скорпионе 15; Юпитер — в Раке 5⁴⁶; Марс — в Раке 20⁴⁷; Венера — в Близнецах 26⁴⁸; Меркурий — во Льве 19.

Гороскоп⁴⁹ — в Раке 23; Середина Неба⁵⁰ — в Овне; Восходящий [Лунный

³³ Pingree D. Political Horoscopes... P. 133–150 (арабский текст и английский перевод в сопровождении греческого оригинала по рукописям AV на с. 139–141). Возможным автором этой подборки коронационных гороскопов неудачливых соперников Зинона Д. Пингри считает Мавриана, придворного астролога этого императора (Ibid. P. 136).

³⁴ Диаграммы из V и Q воспроизведены ниже на рис. 1–2.

³⁵ Греч. *катархэ* — *элекция*, наилучший момент времени для определенного начинания (в данном случае — коронации), рассчитанный по специальной астрологической методике.

³⁶ Из других источников достоверно известно, что Леонтий был коронован не в Антиохии, а в окрестностях Тарса. Впрочем, его двор находился именно в столице Сирии, и данный заголовок надо понимать в смысле «правившего в Антиохии».

³⁷ Обычное для Античности название астрологов.

³⁸ Эта фраза имеется только в А. Вариант Q: «Император короновался в то время, которое подсказали ему астрологи. Однако они не преуспели в том, что написали о безмятежности его правления».

³⁹ В издании ССАГ номер года по эре Диоклетиана обозначен астериском как утраченный, но на основании календарно-астрономических данных уверенно восстанавливается как 200 (σ'), что соответствует 484 г. н. э.

⁴⁰ 24 эпифи в пересчете с alexandрийского календаря на юлианский дает 18 июля.

⁴¹ Чтение А (счет часов ведется от восхода Солнца). В V вместо слов «в начале 1-го часа» мало-понятное «в начале дня 11» (ἡμέρᾳ ἀρχομένην ια').

⁴² Здесь и далее названия знаков Зодиака в А стоят в родительном падеже, а в V — в дательном.

⁴³ Чтение AQ; V — 26? (в издании «βς').

⁴⁴ В А ошибочно — «в Раке».

⁴⁵ Чтение AV; в Q — 16.

⁴⁶ Чтение AV (пропущено «и»?); в Q — 15.

⁴⁷ Чтение AV (ошибочно «к'» вместо «ε'»?); в Q — 22.

⁴⁸ Чтение V; в А — 27; в Q — 21.

⁴⁹ В греческой астрологии Гороскопом (ὄροσκόπος) именовался ключевой астрологический параметр — Асцендент (точка пересечения плоскости эклиптики с горизонтом на востоке). Асцендент является точкой отсчета в круге астрологических домов, поэтому и весь первый дом также назывался Гороскопом.

⁵⁰ Середина Неба — точка пересечения плоскости эклиптики с небесным меридианом, расположенная над горизонтом. Солнце оказывается в этой точке в истинный полдень.

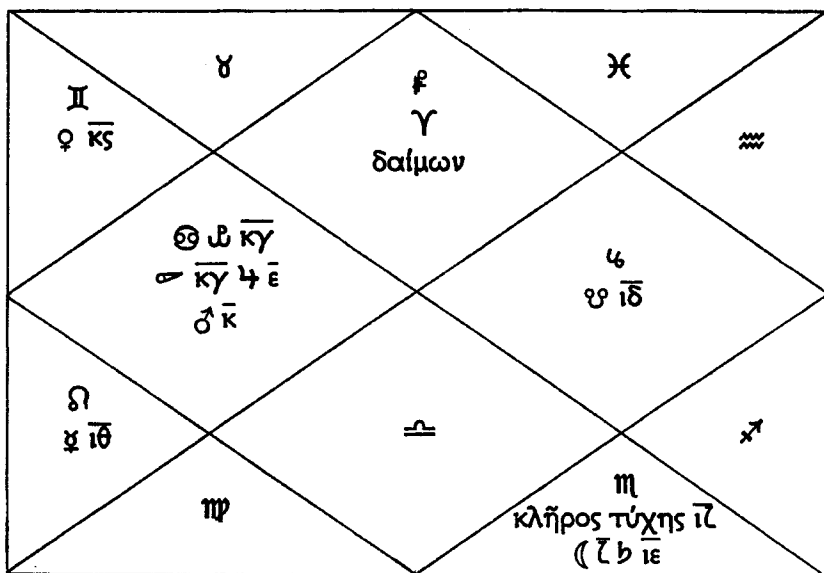

Рис. 1. Карта коронации Леонтия из венской рукописи V
(Pingree D. Political Horoscopes from the Reign of Zeno // DOP. 1976. Vol. 30. P. 141)

Узел]⁵¹ — в Козероге 14⁵²; Соединение [Солнца и Луны]⁵³ — в Раке; Жребий Фортуны⁵⁴ — в Скорпионе 17⁵⁵; Даймон⁵⁶ — в Овне; Возвышение [Рождения]⁵⁷ — в Овне.

⁵¹ Чтение V; в А — Нисходящий Узел. Восходящий и Нисходящий Лунные Узлы всегда находятся в точной оппозиции друг к другу, по сути представляя собой единый объект (ось пересечения лунной орбиты с эклипкой). Поэтому в астрологических текстах довольно часто встречается такая небрежность, как здесь: вместо Восходящего Узла в Козероге указан Нисходящий.

⁵² Чтение VA (не исключена описка «ιδ̄» вместо «δ̄»); в Q — 12.

⁵³ Конъюнкция, зодиакальная точка последнего перед анализируемым событием новолуния. Уже в самых ранних сохранившихся античных гороскопах этот параметр приводится как важная чувствительная точка, наравне с положениями планет.

⁵⁴ Особая точка гороскопа, коррелирующая с положением светил. Если Солнце находится над горизонтом, этот параметр определяется по формуле: эклиптическая долгота Асцендента *плюс* долгота Луны *минус* долгота Солнца. Положение Жребия Фортуны в Скорпионе подтверждает, что корректная координата Луны — именно в Скорпионе.

⁵⁵ Чтение VA (не исключена описка «ιζ̄» вместо «ζ̄»).

⁵⁶ Греч. δαίμων. В современной астрологической терминологии — Жребий Духа. Это точка, расположенная на эклипке симметрично Жребию Фортуны относительно горизонта. В дневных картах (когда Солнце над горизонтом) рассчитывается по формуле: Асцендент *минус* долгота Луны *плюс* долгота Солнца.

⁵⁷ Греч. ὕψωμα γεννήσεως — Жребий Возвышения; в персидских и арабских трактатах (в частности, у Бируни) встречается под названием «Жребий благородных рождений», а в текстах на иврите (например, у Ибн Эзры) именуется «Жребием Величия» (см.: *Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни. Книга наставлений по основам искусства астрологии* / Вступ. ст., пер. и общ. ред. Р. Броля. М., 2007; *Ибн Эзра. Начало мудрости. Книга обоснований* / Пер. и сост. В. Апанасика и Д. Штейнгофа под ред. Я. Синичкина и Р. Броля. Иерусалим, 2009); в современных текстах встречается вариант «Жребий Экзальтации Асцендента». Когда Солнце над горизонтом, этот параметр рассчитывается по формуле $ASC + 19^\circ \Upsilon - \odot$. Если Солнце только что вошло (т. е. находится близ Асцендента), этот Жребий просто обязан оказаться в Овне. — Слово «рождения» опущено в V, что в принципе верно, т. к. перед нами карта не рождения, а

<div> <div> الاسد عطارد يط </div> <div> الثور </div> </div>	<div> الطالع السرطان كج المشتري به المريخ كب الشمس كج الذنب يب </div>	<div> الجوزاء الزهرة كما </div>
<div> الميزان </div>	<div> ساعة عطارد </div>	<div> الحمل </div>
<div> سهم السعادة يو القمر يو زحل به المقرب </div> <div> القوس </div>	<div> الجدى الرأس يب </div>	<div> الحوت الدلو </div>

Рис. 2. Арабская версия карты коронации Леонтия
(Pingree D. Political Horoscopes from the Reign of Zeno. P. 139)

[Комментарий]

На составителей *катархэ* большое впечатление произвело нахождение в Гороскопе (ὠροσκοπίᾱ) Солнца, Марса и Юпитера⁵⁸ и *эпанафора*⁵⁹ Меркурия, а также то, что Луна находится в доме Благой Судьбы (τὸ ἀγαθὸν τυχεῖν)⁶⁰ [и движется] к Сатурну и Юпитеру⁶¹. Но они не обратили внимания, во-первых, на управляющий днем и часом Меркурий, попавший в несчастье: ведь он отстоял от Солнца на наибольшее расстояние⁶² и оказался в аспекте с одним⁶³

коронации. — По замечанию Д. Пингри, данный греческий термин встречается довольно редко; при этом он имеется в гороскопе Пампрепия (см. ниже).

⁵⁸ Нахождение планет в восходящем знаке должно наделить их яркостью астрологических проявлений.

⁵⁹ Можно перевести как «последовосхождение» — т. е. положение в следующем после первого (восходящего) доме/знаке гороскопа. Восходящий знак в данной карте — Рак (первый дом), после него следует Лев (второй дом). Меркурий расположен во Льве.

⁶⁰ Благой Судьба — античное название Пятого Дома (в полнознаковой системе при Асценденте в Раке это Скорпион). Фирмик Матерн (*Firmicus Maternus*. *Mathesis / Texte établi et traduit par P. Monat*. P., 1992–1997. 3 t (Далее: *Firmicus Maternus*). II, 16.) приводит как латинское (*Bona Fortuna*), так и греческое (ἀγαθὴ τύχη) названия этого дома.

⁶¹ Версия Q короче: «Астрологи обратили внимание, что Солнце находится в Асценденте совместно с Марсом и Юпитером». — Луна движется на соединение с Сатурном, после чего сделает тригональный аспект с Юпитером. Характерно, что данное замечание описывает реальную астрономическую ситуацию утра 18 июля 484 г., но не соответствует приведенным в греческих рукописях положениям планет (где координаты Марса и Юпитера ошибочно переставлены местами).

⁶² Слово опущено в А.

⁶³ Это слово Д. Пингри считает лишним.

Сатурном, что предвещало⁶⁴ насильственную смерть⁶⁵. А Венера в одиночку⁶⁶ не могла бы исправить это несчастье, ибо между ними⁶⁷ встравало⁶⁸ Солнце⁶⁹. Кроме того, они не усмотрели⁷⁰, что Луна, будучи госпожой над Солнцем и Гороскопом, и над Юпитером и Марсом, и над Соединением светил, оказывается в падении (ταπεινούμένην)⁷¹ и в Злом Даймоне (κακοδαίμονοῦσαν)⁷². Чтобы ни одна из этих конфигураций (σχημάτων) не оказала воздействия⁷³, для упразднения не достаточно того, что Солнце, Гороскоп и Юпитер оказались вместе.

И как только проигнорировали они главу Доротея⁷⁴, где говорится следующее?

«Обращай внимание на великое Солнце и быструю Луну, а равно на царей тех домов, в которые вошли оба эти светила; а кроме них — на Асцендент (ὠρονομόν) и самый крайний знак эфира, что, лелея, касается Середины Неба, и на то, в котором из них находится Луна, и кто ее государь. Если же он⁷⁵ находится

⁶⁴ Букв. ἀπετέλει «создавало, совершало, причиняло». Астрологические знамения (ἀποτελέσματα) рассматривались не просто как предзнаменования, но как причины событий.

⁶⁵ Версия Q: «Но они не посмотрели прежде на владыку часа, Меркурий, что он оказался во втором [доме] от Асцендента, нисходящим, на максимальном удалении от Солнца; это указывало на смерть, хотя они этого не увидели; и что оно (Солнце) является владыкой его (Меркурия) дома. Сатурн находится с Луной в месте [Жребия] Фортуны и аспектирует Меркурий квадратурой».

⁶⁶ Слово опущено в V.

⁶⁷ V; в A — «между ней».

⁶⁸ ἐπεμβόλει A; ἐμεσεμβόλει V.

⁶⁹ Смысл неясен. Возможно, подразумевается то, что Меркурий двигался на аспект секстиля к Венере: она располагалась в Близнецах (где владычествует Меркурий) и могла бы постараться помочь своему «хозяину»; однако аспект не успевал сформироваться, поскольку Венера вскоре ушла из Близнецов в знак Рака, где находилось Солнце. С другой стороны, искажение смысла фразы может быть связано с выпавшим фрагментом текста. Правомерность такого допущения показывает более развернутый арабский вариант (Q): «Но Венера не может устранить это (злое влияние Сатурна) от Луны, поскольку является падающей от Асцендента. И Солнце отбрасывает свои лучи на Луну, но Сатурн является препятствием между ней и аспектирующими ее».

⁷⁰ A; в V — «я усмотрел».

⁷¹ Падение — «несчастливое» положение планеты в определенном зодиакальном знаке. Скорпион является знаком падения Луны.

⁷² Злой Даймон — античное название 12-го астрологического дома. Его упоминание в данном контексте малопонятно. Нейгебауэр и Ван Хусен считают, что в данном случае речь идет о домах, отсчитываемых от Жребия Фортуны. Однако в анализируемой карте Луна находится в точном соединении с Жребием Фортуны, а значит, в 1-м доме от этого жребия, но никак не в 12-м. Более вероятно, что здесь мы имеем свидетельство ухода от древнейшей полнознаковой системы домов. Уже во II–III вв. в античной астрологии получила развитие концепция, согласно которой 12 домов имеют границы, отличные от границ зодиакальных знаков. И если в древнейшей системе весь восходящий знак считался 1-м домом, то согласно новому подходу 1-й дом следует начинать с градуса Асцендента. В нашем примере это приводит к тому, что все факторы гороскопа, расположенные в Раке, но над горизонтом, считаются попавшими в 12-й дом Злого Даймона. Таким образом, автор комментария может иметь в виду, что Луна владычествует над планетами в «злом» 12-м доме. Версия Q о 12-м доме вообще не упоминает: «И Луна с ее злым влиянием господствует над домом Солнца, над Асцендентом и над [домом] Юпитера, тогда как Марс и Нисходящий Узел находятся в Асценденте с Юпитером».

⁷³ ὑπάρχεν V; ὑπῆρχεν A.

⁷⁴ Доротея (Дорофея) Сидонский — греческий астролог I в. н. э. Его астрологическая поэма в пяти книгах («Πεντάτευχος») пользовалась исключительным авторитетом не только среди византийских астрологов, но и в Сасанидском Иране, а впоследствии, с возникновением Арабского халифата, и во всем мусульманском мире.

⁷⁵ «Государь Луны», т. е. управитель зодиакального знака, в котором расположена Луна.

в падающих [домах]⁷⁶, а она — в Углах⁷⁷, в этом случае на первых порах дело покажется сулящим благо и блестящим, затем, однако, видимое на горизонте (οὐ ὄριον) окажется обманчивым, а конец будет совершенно гибелен»⁷⁸.

Гороскоп Пампрепия

Помимо коронационного гороскопа Леонтия, до нас дошел и личный гороскоп Пампрепия. Несмотря на то, что его имя в памятнике отсутствует, отдельные детали не позволяют сомневаться в том, что именно он скрывается под безымянным «грамматиком»⁷⁹.

Данный текст сохранился в единственной рукописи — Parisinus graecus 2425, в составе большой анонимной компиляции «Из Сокровищ Антиоха», автором-составителем которой обычно считается египетский астролог VI в. Риторий (однако, по мнению Д. Пингри, эта атрибуция является ложной⁸⁰). Труды Антиоха Афинского датируются приблизительно 200 г. н. э., однако в трактат «Из Сокровищ...» включены выписки из сочинений и более поздних авторов (Павла Александрийского, Анонима 379 г., Юлиана Лаодикийского, Гелиодора). Обширно цитируются Птолемей и Веттий Валент. Данная компиляция известна по цитатам в многочисленных списках, но только парижский кодекс сохранил текст в более или менее цельном виде (как показывает сравнение с его Оглавлением, составленным неким византийским эпитоматором⁸¹). При этом, однако, и данный вариант нельзя считать аутентичным текстом трактата, так как в нем отсутствуют некоторые места, известные по другим рукописям.

Карта рождения некоего грамматика⁸²

Сей грамматик, фиванец, был бедняком до 32⁸³ лет. Но после 33 лет, женившись, он начал вставать на ноги (ἀνασφάλλειν) в Афинах и, в конце концов

⁷⁶ Т. е. в 3-м, 6-м, 9-м или 12-м.

⁷⁷ Т. е. в 1-м, 4-м, 7-м или 10-м доме.

⁷⁸ *Dorotheus of Sidon. Carmen astrologicum* / Ed. by D. Pingree. Leipzig, 1976 (далее: Dorotheus). V. 5. 15–18. Ср. толкование Гефестиона Фиванского: «Следует смотреть и на владыку Середины Неба... При этом нужно исходить не только из четырех Углов, но и видеть Луну, как она расположена, и ее расхождения (τὰς ἀπορροίας) и присоединения (συναφάς): ибо если при продвижении (συνωθοῦσης) Луны ее аспектируют Вредители, это означает зло для истца, так что он потерпит не только поражение, но еще и унижение и ущерб» (*Hephaestio Thebanus. Apotelesmatica* / Ed. D. Pingree. Leipzig, 1973–1974. 2 vols (далее: Hephaestio). III, 34).

⁷⁹ *Delatte A., Stroobant A. L'Horoscope de Pamprépios, professeur et homme politique de Byzance* // *Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Classe des lettres. 5e série.* 1923. T. 9. P. 58–76; *Neugebauer O., Van Hoesen H.B. Greek Horoscopes...* P. 140–141.

⁸⁰ *Pingree D. Political Horoscopes...* P. 136.

⁸¹ Согласно Оглавлению, гороскоп Пампрепия был предпоследней главой трактата.

⁸² Перевод по изданию Ф. Кюмона: *CCAG. T. VIII/4. Bruxelles, 1922.* P. 22–42, с учетом исправлений Д. Пингри: *Pingree D. Political Horoscopes...* P. 144–147. Ср. сокращенный комментированный английский перевод: *Neugebauer O., Van Hoesen H.B. Greek Horoscopes...* P. 140–141 (L 440).

⁸³ Исправление издателя. В рукописи — 34.

бежав [оттуда], в Византии пристал к важному мужу и, строя из себя чародея и «посвященного» (ὑποκριθεὶς ἑαυτὸν ὡς γόητα ἤτοι τελεστήν), стал квестором, затем консулом, затем патрикием. И после всего этого был как предатель заколот в крепости в возрасте 44 лет и одной шестой [года]. Был он к тому же распутник (ἄσελγής).

Солнце — в Весах 5;8. Луна — в Тельце 8;4. Сатурн — в Тельце 25. Юпитер — в Весах 23;8. Марс — в Козероге 26;8. Венера — в Скорпионе 26. Меркурий — в Весах 23. Гороскоп — в Водолее 23;30. Середина Неба — в Стрельце⁸⁴ 5;13⁸⁵. Полнолуние⁸⁶ — в Овне 2;42.

[Жребий] Фортуны — в Деве 26;34. Даймон — в Раке 20;34. Возвышение Рождения⁸⁷ — в Деве. Жребий Погибели (Анареты) (κλῆρος ἀναίρετου)⁸⁸ — в Водолее.

[Комментарий]

Изучив настоящую [карту] рождения, я обнаружил, что Луна, Сатурн, Венера и Марс по градусам (μοιρικῶς) находятся в апоклиме, тогда как по зодиаку (ζωδιακῶς) Луна, Сатурн и Венера почти точно угловые. А Солнце, Меркурий и Юпитер — в апоклиме по зодиаку, а по градусам Солнце оказалось в эпанафоре Точки Захода.

Итак, я вижу, что Сатурн господствует в Гороскопе⁸⁹ и является первым владыкой тригона⁹⁰ и для Гороскопа, и для светила в тригоне, обозначая первый возраст, в апоклиме подземного Угла⁹¹ (ὑπογείου κέντρου) и является Губителем (ἀναίρετήν), и повреждается Марсом по равностороннему тригону, а кроме того и [Венерой], госпожой для него (Сатурна) и для Луны, расположенной в оппозиции (κατ' ἐναντίωσιν) к ней.

Разве мог он не получить трудный первый возраст? Да к тому же стал он скитальцем по многим местам, поскольку Луна оказалась диаметрально противоположна собственному владыке дома. Ибо сказано [Доротеем?]⁹²:

В доме какой звезды, наблюдай, находится Месяц:

Коли ее обнаружишь при этом лежащей напротив,

Будет всю жизнь таковой беглецом и безвестным скитальцем.

И все это относительно первого возраста до 25 или 30 лет, то есть до восхождения (ἀναφορᾶς) Тельца в хронологическом периоде Луны или Сатурна. А

⁸⁴ Исправление Ф. Кюмона «Стрельца» на «Тельца» ошибочно.

⁸⁵ В издании Кюмона — 5;3; исправлено Пингри.

⁸⁶ Имеется в виду положение Луны в момент полнолуния, предшествовавшего рождению.

⁸⁷ Этот же редкий термин встречается в коронационном гороскопе Леонтия.

⁸⁸ Жребий Анареты (Жребий Погибели) в случае дневного рождения считается по формуле: Асцендент плюс Луна минус владыка Асцендента.

⁸⁹ Знак Водолея является обителью Сатурна.

⁹⁰ Согласно схеме Доротея Сидонского, в гороскопах рожденных днем (когда Солнце над горизонтом) Сатурн является первым управителем «воздушного тригона» (Близнецы, Весы, Водолей). Под «первым возрастом» в данном контексте подразумеваются первые 25–30 лет жизни.

⁹¹ Подземный Угол — точка небесной сферы, диаметрально противоположная Середине Неба и являющаяся в квадрантных системах куспидом 4-го дома. Сатурн — в апоклиме («отпадает» от этого Угла), то есть располагается в 3-м доме гороскопа.

⁹² Атрибуция нижеследующего текста Доротею предложена Ф. Кюмоном. Однако Д. Пингри сомневается в ее правомочности.

после этого вззошел второй владыка тригона, то есть Меркурий, с Юпитером, с 32-летнего возраста. Ибо период Меркурия 20 лет, а Юпитера — 12, что дает 32 года, после которых в судьбе начался перелом, поскольку Меркурий и оказался хозяином Жребия Фортуны. По мере течения времени его судьба становилась все успешнее, так как Меркурий — хозяин Жребия Фортуны и второго возраста — был под опекой (ἐυκαρδίου) Юпитера и совершал вечерний восход. Поэтому с ходом лет его судьба и становилась все успешней.

О том, что он был грамматиком

Посмотри на Жребий Фортуны, попавший в Меркуриев знак зодиака, точно так же, как и Меркурий, хозяин Жребия, оказался в «человеческом знаке»⁹³, и в своем тригоне, и с Юпитером в одном и том же градусе (ισόμοιρον), и в лике⁹⁴ Юпитера, и в пределах⁹⁵ Меркурия и Венеры. И эти три фактора должны украшать его слова, особенно же — равенство градусов Меркурия и Юпитера. Так что квестором он стал согласно судьбе.

О том, что он был предателем

Посмотри, как Меркурий превозмогает (καθυπέρτεροῦντα) Марса по квадратуре.

Ибо сказал некто из древних⁹⁶:

«Если же Меркурий теперь, образуя квадратуру (тетράπλευρος), находится в самом верхнем месте, а Марс — в нижнем и крайне слаб, это с ужасной силой порождает хитрецов или же тех, кто будут захватывать чужое и лишать других [имущества], и перебегать от одного человека к другому».

Вслед за этим, мы находим и в другом месте:

«Будут предатели пускаться в свои козни и расхищать имущество».

О распутстве

Посмотри, что господин Гороскопа, <Жребий Фортуны⁹⁷> и Даймон попали в знак распутства. Кроме того, диаметральное противостояние Сатурна с Венерой в обители Марса и Сатурн в обители Венеры дают распутство.

⁹³ К человеческим (антропоморфным) знакам относятся Близнецы, Дева, Весы, 1-я половина Стрельца и Водолей (Hephaestio. I, 1).

⁹⁴ Лик (деканат) — треть зодиакального знака, управляемая определенной планетой. Название «лику» связано с тем, что деканаты использовались для описания облика людей и нередко сами представлялись в виде 36 человеческих образов (эта традиция восходит к древнеегипетской астрономии). В гороскопе Пампрепия Меркурий — в последнем лике Весов, управляемом Юпитером (Т. I. Р. 96; *Firmicus Maternus*. II, 4).

⁹⁵ Пределы (термы) — система деления зодиакальных знаков на несколько неравных частей. Уже в Античности использовалось несколько разных способов деления на термы. Согласно варианту Критодема, 23-й градус Весов относится к термам Меркурия, а согласно «египетскому» варианту и системе Веттия Валента — к термам Венеры.

⁹⁶ Данное место взято из Доротея (Dorotheus. II. 15. 28).

⁹⁷ Пингри исключает этот фактор из перечисления, что имеет астрологическое обоснование, поскольку знак Девы (в котором находится Жребий Фортуны) обычно считался «целомудренным».

Его судьба возшла, как было сказано, после 32-х лет, через период Меркурия и Юпитера⁹⁸. И вновь возшла его судьба на 35-м году, в соответствии с восхождением (διὰ τὴν ἀναφορὰν) Скорпиона⁹⁹. На 36-м году он бежал в Византий, согласно времени восхождения (καθ' ὃ ἀνέτειλε) Тельца, Луне и Сатурну. Длительность восхождения Тельца — 25, лунный период — 25, период Сатурна — 57, всего будет 107 лет. Треть составляет 35 лет и 1/40. Телец в качестве падающего дома указывает на странствование, а Сатурн и Луна в падающем доме — на изгнаничество. После 38 лет и 1/3 судьба его воссияла. Ибо было восхождение Девы и Весов, притом что Дева включила в себя Жребий Фортуны, а в Весы вошли Солнце, Юпитер и Меркурий, хозяин Жребия Фортуны. В это время он стал квестором, консулом, патрикием. На 44-м году¹⁰⁰ он уехал в свою родную страну с большой помпой и великой надменностью. Ибо возшли Юпитер и Меркурий. Период Меркурия 76 лет, период Юпитера 12 лет. Всего получается 88 лет. Половина — 44. А поскольку они оказались в собственных тригонах¹⁰¹, он совершил свое путешествие. Но при этом и относящаяся к семерке (ἡ ἑβδομαία) [т. е. Луна?] ¹⁰² была несущейся к Венере.

И вот, достигнув 44-х лет¹⁰³ и двух месяцев, он был заколот по указанным причинам.

⁹⁸ Каждой из планет в античной астрологии были поставлены в соответствие определенные периоды времени. Обычно выделялись «большой период» планеты («полные годы») и «меньший период» («меньшие годы»). Их величины приведены, в частности, в 49-й главе компендиума Ритория (*Rhetorius. Quaestiones astrologicae* // CCAG. T. I. Bruxelles, 1898. P. 140–164 (далее: *Rhetorius*, с указанием главы); *Rhetorius the Egyptian. Astrological Compendium* / Trans. J.H. Holden. Tempe, 2009. P. 29). «Полные годы» Солнца — 120 лет, Луны — 108, Сатурна — 57, Юпитера — 79, Марса — 66, Венеры — 82, Меркурия — 76. «Меньшие годы» Солнца — 19 лет, Луны — 25, Сатурна — 30, Юпитера — 12, Марса — 15, Венеры — 8, Меркурия — 20.

⁹⁹ Еще античными астрологами время восхождения разных зодиакальных знаков было соотносено с определенным количеством лет жизни. Поскольку длительность восхождения знаков зависит от географической широты, в этих расчетах обязательно учитывался «климат», то есть примерный интервал широт. Пампрепий родился на широте «третьего климата» (близ Александрии). В этом климате восхождение Скорпиона описывает 35 лет жизни, а восхождение Тельца — 25 лет (*Vettius Valens. Anthologiarum libri* / Ed. G. Kroll. T. V/4. B., 1908. P. 211 (далее: *Vettius Valens*, с указанием на параграф сочинения). I.6; *Porphyrius. Introductio in Tetrabiblum Ptolemaei*, 41 // CCAG. Vol. V, pars 4. Bruxelles, 1940. P. 211–214 (далее: *Porphyrius*, с номером главы); *Rhetorius*. 50. P. 163 (ed.), 30 (trans.)).

¹⁰⁰ В рукописи «на 41-м», что явно ошибочно (ΜΑ' вместо ΜΔ'), так как далее речь идет именно о 44 годах.

¹⁰¹ Меркурий и Юпитер (вслед за Сатурном) управляют тригоном Воздуха. Знак Весов, в котором расположены Меркурий и Юпитер в данной карте, относится именно к воздушному тригону.

¹⁰² В CCAG: ἡν δὲ καὶ ἡ ἑβδομαία τῆς Σελήνης πρὸς Ἀφροδίτην φερομένης. У Д. Пингри: ἡν δὲ καὶ ἡ ἑβδομαία πρὸς Ἀφροδίτην φερομένη. — Темное место. Понимать слово «седмичная» (ἑβδομαία) как качество Луны в момент рождения данные гороскопа не позволяют. Остается предположить, что оно используется здесь как эпитет Луны (намекающий на лунные фазы, длящиеся примерно по 7 дней). В этом случае фраза просто означает, что «седмичная» (т. е. Луна) двигалась к Венере — что и наблюдается в гороскопе. Видимо, той же логике следовал Пингри, опустивший в издании слова τῆς Σελήνης (без всякого, впрочем, пояснения).

¹⁰³ В издании Д. Пингри переправлено на «48 лет» без объяснения причин такой коррекции.

Астрологическая терминология: основные понятия

Прежде чем приступить к разбору приведенных текстов, отметим, что термин «гороскоп» имеет множество разных значений. Наиболее важными для наших целей являются четыре из них.

1. Во-первых, гороскопом именуется астрологическая карта, которая фиксирует положение Солнца, Луны, планет и ряда других факторов на небе в определенный момент времени. Эти положения могут быть просто перечислены в текстовом виде (как в большинстве античных источников) или обозначены на схематичном изображении небесной сферы (как во многих средневековых источниках). Рисунки гороскопов бывают круглыми (для наибольшей адекватности отображения круга Зодиака) или прямоугольными (в первую очередь, для удобства рисования). Подавляющее большинство рисунков, сохранившихся в манускриптах, следуют прямоугольной схеме.
2. Во втором значении «гороскоп» — это не сами астрономические данные о положении планет, а *трактровка* этих данных. Современные газетные гороскопы — примитивная разновидность гороскопа в таком понимании.
3. Однако в античной и средневековой астрологии термин «гороскоп» в этих значениях не использовался. Слово *φωσκόπος* обозначало точку эклиптики, восходящую на восточном горизонте в анализируемый момент времени; в латинской традиции эта точка стала именоваться Асцендентом (ASC). Асцендент — ключевой фактор астрологической карты, от него ведется отсчет «круга домов». Согласно стандартной схеме, на 12 зодиакальных знаков накладываются 12 домов, которым в античной традиции давались не только порядковые номера, но и собственные названия.
4. В частности, весь первый дом карты назывался Гороскопом — по точке своего отсчета.

Например, в катархе Леонтия весь анализируемый нами текст является *гороскопом* во втором значении (в нем дана астрологическая трактовка положения планет на утро 18 июля 484 г. н. э.). При этом он начинается с *гороскопа* в первом значении (то есть с перечисления координат небесных тел в тот момент времени). В данном перечне указано положение *Гороскопа* в третьем значении (Асцендент — в 23-х градусах Рака). Наконец, в астрологическом комментарии упоминается о нахождении Солнца, Марса, Юпитера и Нисходящего Узла в *Гороскопе* в четвертом значении этого термина (все эти факторы располагались в восходящем знаке Рака, то есть в первом доме согласно полнознаковой системе домов).

Термин «тригон» также используется в астрологических текстах в разных значениях. Во-первых, он обозначает тройки зодиакальных знаков, относящихся к одной стихии (т. е. обладающих одинаковым сочетанием качеств тепла/холода и сухости/влажности). Овен, Лев и Стрелец формируют огненный тригон; Телец, Дева и Козерог — земной; Близнецы, Весы и Водолей — воздушный; Рак, Скорпион и Рыбы — водный. В астрологической системе Доротея Сидонского и его последователей каждая из стихий имеет трех управителей (тригонократоров). К примеру, водным тригоном правят Венера, Марс и Луна, воздушным — Сатурн,

Меркурий и Юпитер¹⁰⁴. Анализ положения управителей стихий крайне важен при трактовке гороскопа согласно методу Доротея. Второе значение термина «тригон» используется при рассмотрении астрологических аспектов и описывает взаимодействие планет, угловое расстояние между которыми близко к 120 градусам. Такое взаимодействие обычно считается позитивным: планеты, связанные тригоном, обычно находятся в знаках одной стихии, а значит, хорошо «понимают» друг друга в отличие от планет в квадратуре (в тетрагоне, 90 градусов) или в оппозиции (диаметрально противоположные, 180 градусов).

Отдельного обсуждения требуют системы координат, которыми оперировала античная и средневековая астрология. Положения планет фиксировались, во-первых, в зодиакальном круге, а во-вторых, в круге домов. Если Зодиак задается годичным движением Солнца по эклиптике, то дома отражают суточное вращение небесной сферы в конкретном географическом пункте. Поэтому дошедшие до нас гороскопы исторических событий зачастую позволяют определить не только точную дату события (по координатам планет в зодиакальных знаках), но даже час, минуты и примерное место события (по расположению астрологических домов).

Концепция домов была разработана в эллинистическом Египте около II в. до н. э. Дома гороскопа, призванные отображать разные секторы неба в момент анализируемого события, соотносятся в астрологии с разными темами и сферами жизни. Обычно выделяется 12 домов, по числу зодиакальных знаков. Первостепенное значение при анализе астрологической карты придается так называемым угловым домам (κέντρα — 1-й, 4-й, 7-й, 10-й). Планеты в угловых домах считаются особенно сильными и яркими в своих проявлениях. Планеты в домах, следующих за угловыми (ἐπιφανοραί — 2-й, 5-й, 8-й, 11-й), проявляются в земных событиях менее мощно. Наконец, планеты в домах, «падающих от Углов» (ἀποκλίματα — 3-й, 6-й, 9-й, 12-й), наиболее слабы и «несчастливы».

Кустиды (точки отсчета) домов могут быть вычислены по-разному. Это связано с тем, что при построении гороскопа необходимо положения 12 секторов небесной сферы преобразовать в отрезки на окружности эклиптики. Конечно, такое преобразование трехмерного пространства в плоскость эклиптики может быть проведено разными способами. Уже в Античности было разработано несколько систем домов, но безусловно доминирующей на протяжении веков оставалась самая древняя из них. Это *система «знак-дом»*¹⁰⁵, известная также как «система целых знаков» или «полнознаковая система». Для построения гороскопа в этой системе даже не требуется знать точного градуса Асцендента — достаточно быть уверенным в зодиакальном знаке, восходящем на восточном горизонте. Весь восходящий знак (то есть знак, содержащий ASC) считается первым домом, весь следующий знак — вторым домом, весь следующий знак — третьим домом и т. д. Иначе говоря, в этой системе границы зодиакальных знаков совпадают с границами домов. Самый ранний известный источник, излагающий ее принципы, — «Пяти-

¹⁰⁴ Dorotheus. I. 1.

¹⁰⁵ В астрологической литературе прошлых эпох эта система специального названия не имела. Название «знак-дом» («Sign-House») было предложено американским исследователем Дж.Г. Холденом в 1982 г. См. Holden J.H. A History of Horoscopic Astrology. Tempe, 1996. P. 13 ff.

книжие» Доротея Сидонского (I в.). Система «знак-дом» была заимствована индийцами во II в. н.э. и по сей день является основной системой домов в индийской астрологии¹⁰⁶.

Однако уже Клавдий Птолемей и его современники пришли к выводу, что любая планета, поднявшись над восточным горизонтом более чем на 5 градусов, резко теряет мощь своего проявления и должна считаться не угловой, а уже ушедшей в 12-й дом, пусть даже она продолжает находиться в восходящем знаке¹⁰⁷. В результате, начали использоваться системы домификации, в которых границы домов перестали совпадать с границами зодиакальных знаков. Следующим важным шагом стала разработка так называемых *квадрантных систем домов*, в которых в качестве куспидов угловых домов были приняты точки пересечения эклиптики с горизонтом (Асцендент и Десцендент как куспиды 1-го и 7-го домов) и точки пересечения эклиптики с небесным меридианом (Середина Неба и Глубина Неба как куспиды 10-го и 4-го домов). Дуговое расстояние между ASC и Серединой Неба, измеренное по эклиптике, почти никогда не составляет ровно 90 градусов, поэтому дома, получаемые в результате трисекции этой дуги, могут быть как больше 30 градусов, так и меньше. Первая в истории квадрантная система домов была описана современником Птолемея Веттием Валентом, работавшим в Александрии Египетской во второй половине II в. н.э.¹⁰⁸ Веттий Валент приписывает создание данной системы некоему астрологу Ориону, о котором, к сожалению, никаких иных сведений не сохранилось. Однако в астрологических источниках эта система домов обычно называется «системой Порфирия», поскольку ее принципы были изложены знаменитым неоплатоником Порфирием (234–304 н.э.) в 43-й главе его астрологического труда «Введение в Четверокнижие Птолемея»¹⁰⁹. Эта система применялась некоторыми византийскими астрологами и была хорошо известна средневековым астрологам исламского мира. Но наибольшее распространение в Средние века, судя по всему, получила другая квадрантная система, которая в современных работах чаще всего именуется «системой Алькабиция»¹¹⁰. Самый ранний известный гороскоп, рассчитанный в данной системе, описан у ранневизантийского астролога Ритория Египетского и датируется 8 сентября 428 г.¹¹¹ В арабском мире этот способ получения

¹⁰⁶ Наиболее ранним сохранившимся текстом по индийской астрологии, в котором используется концепция домов, является «Явана-джатака» Спхуджидхваджи (270 г. н.э.): *Sphujidhvaja. The Yavanajātaka* / Edited, translated and commented on by D. Pingree. Cambridge (Mass.); London, 1978.

¹⁰⁷ *Ptolemaeus. Tetrabiblos. III.10.*

¹⁰⁸ В этой системе каждый квадрант делится на три равные части в градусах эклиптической долготы (Vettius Valens. III.2).

¹⁰⁹ Porphyrius, 43.

¹¹⁰ Данная система домов основана на делении дневной окружности (параллельной небесному экватору), проходящей через Асцендент, на 12 частей: каждая полудуга (2 ночные и 2 дневные) делится на три равные части. Затем полученные делением точки проецируются на эклиптику посредством часовых кругов (больших кругов, проходящих через полюсы мира). Это и будут куспиды домов. Подробнее см.: *Куталёв Д.П. Небесные координаты и системы домов: история использования, астрономический смысл, гипотезы об астрологическом значении. М., 1999. С. 59–62.*

¹¹¹ *Neugebauer O., Van Hoesen H.B. Greek Horoscopes. L 428; Holden J.H. A History of Horoscopic Astrology. P. 85.*

домов был уже хорошо известен в первой половине IX в.¹¹² Принципиальные отличия в трактовке карты согласно системе «знак-дом» и согласно квадрантным системам составляют важнейшую часть средневекового комментария к обоим рассматриваемым в данной статье гороскопам. Судя по всему, автором (или авторами) двигал пафос пропаганды «более прогрессивной» квадрантной системы по сравнению с «устаревшим» и дающим неправильные результаты полнозначковым подходом.

Дополнительные трудности для исследователей возникают в связи с тем, что античные и средневековые астрологи использовали не только разные системы домов, но и разные Зодиакы. В *тропическом Зодиаке* отсчет координат осуществляется от осей равноденствия и солнцестояния (иначе говоря, он «привязан» к временам года): так, день весеннего равноденствия знаменует собой вступление Солнца в знак Овна, а летний «солнцеворот» — переход Солнца в знак Рака. В *сидерических Зодиаках* в качестве точек отсчета выступают те или иные звезды. Вследствие прецессии равноденствий, открытой еще античными астрономами, «неподвижные» звезды в действительности постоянно движутся в тропическом Зодиаке вперед, их эклиптическая долгота увеличивается в среднем на 1 градус за 72 года (иначе говоря, любой сидерический Зодиак «смещается» по временам года). Наиболее удобным ориентиром для «привязки» Зодиака к звездам издревле выступала Спика (альфа Девы) — одна из ярчайших звезд неба, вдобавок расположенная максимально близко к эклиптике. Поэтому в самой популярной версии сидерического Зодиака (по сей день доминирующей в индийской астрологии под названием «айанамша Лахири») Спика обозначает границу зодиакальных знаков Девы и Весов.

Астрологи мусульманского Средневековья (а вслед за ними и астрологи Западной Европы более поздних эпох) базировали свои расчеты на тропическом Зодиаке¹¹³. Это имело ясное теоретическое обоснование с позиций натурфилософии Аристотеля, ведь смена времен года (к которой «привязан» тропический Зодиак) является нагляднейшим примером для описания процессов через изменение баланса качеств «тепло — холод» и «сухость — влажность». С другой стороны, индийская астрологическая традиция на протяжении уже двух тысячелетий последовательно пользуется сидерическим Зодиаком. Как ни парадоксально, при этом обе концепции восходят к единому источнику — греко-египетской астрологии рубежа нашей эры, и определить, каким именно Зодиаком пользовались античные авторитеты, является почти невыполнимой задачей. Дело в том, что во II–IV вв. н. э., когда и было написано подавляющее большинство фундаментальных астрологических трактатов Античности, тропический и сидерический Зодиакы практически совпадали (Спика находилась в соединении с точкой осеннего равноденствия). Но в целом статистический анализ общего массива

¹¹² В частности, он описан в «Ал-Ма'муновом зидже, подвергнутом проверке» Яхьи ибн Абу Мансура (составлен в Багдаде ок. 820 г.) и в «Зидже» Мухаммада ал-Хорезми (составлен между 819 и 833 гг.).

¹¹³ Это подтверждают сохранившиеся в немалом количестве средневековые арабские гороскопы на моменты вступления Солнца в знак Овна в разные годы: эти моменты совпадали с датами весеннего равноденствия. Подробнее см. в кн.: Kennedy E.S., Pingree D. *The Astrological History of Masha'allah*. Cambridge (Mass.), 1971.

Таблица 1. Данные гороскопа коронации Леонтия (см. рис. 3–4)

Факторы гороскопа	Координата согласно тексту оригинала	Координата в сидерическом Зодиаке (Лахири)	Координата в тропическом Зодиаке
Солнце	23° Рака	23°28 Рака	26°14 Рака
Луна	7° Скорпиона	6°51 Скорпиона	9°37 Скорпиона
Сатурн	15° Скорпиона	12°57 Скорпиона	15°43 Скорпиона
Юпитер	5° Рака	15°01 Рака	17°47 Рака
Марс	20° Рака	4°39 Рака	7°25 Рака
Венера	26° Близнецов	26°19 Близнецов	29°05 Рака
Меркурий	19° Льва	19°46 Льва	22°32 Льва
Асцендент	23° Рака	23°54 Рака	26°40 Рака
Середина Неба	Овен	10°16 Овна	13°02 Овна
Лунный Узел	(1)4° Козерога	4°06 Козерога	6°51 Козерога
Новолуние	Рак	14°32 Рака	17°18 Рака
Жребий Фортуны	(1)7° Скорпиона	7°17 Скорпиона	10°03 Скорпиона
Жребий Даймона	Овен	10°31 Овна	13°17 Овна
Жребий Возвышения	Овен	19°26 Овна	19°26 Овна

дошедших до нас античных гороскопов позволяет говорить о доминировании сидерического Зодиака¹¹⁴.

С этих позиций, два гороскопа V в., являющиеся предметом рассмотрения в нашей статье, представляют особый интерес. При проведении проверочных расчетов в тропическом Зодиаке¹¹⁵ мы в обоих случаях получаем систематическое завышение координат всех объектов на 2–3 градуса по сравнению с первоисточником (табл. 1–2). Но при использовании сидерического Зодиака эта погрешность в координатах практически исчезает. Данный факт является серьезным аргументом в пользу датировки составления обеих карт ранневизантийским периодом, поскольку с расцветом персидской и арабской астрологической традиции греческие астрологи также перешли на использование тропического Зодиака. Кроме того, точность координат говорит нам, что гороскопы были построены современниками Пампрепия и Леонтия или лишь немногим позднее. Астрономико-математический расчетный аппарат XIV в., когда был составлен компендиум Елевферия (и тем более — расчетный аппарат IX в., когда был написан трактат ал-Касрани) еще не позволял делать столь точные вычисления положений планет на даты, отстоящие назад во времени на несколько веков.

Астрономико-астрологический анализ текстов

Приведенные в первом тексте данные предоставляют информацию для точной датировки коронации Леонтия, причем эта информация дана с избытком. Во-первых, положения планет, указанные с точностью до градуса, однозначно

¹¹⁴ Neugebauer O., Van Hoesen H.B. Greek Horoscopes. P. 170–179.

¹¹⁵ Как в работе Нейгебауэра и Ван Хусена, так и в статьях Пингри и Кэмпбелла приведены расчеты именно в тропическом Зодиаке.

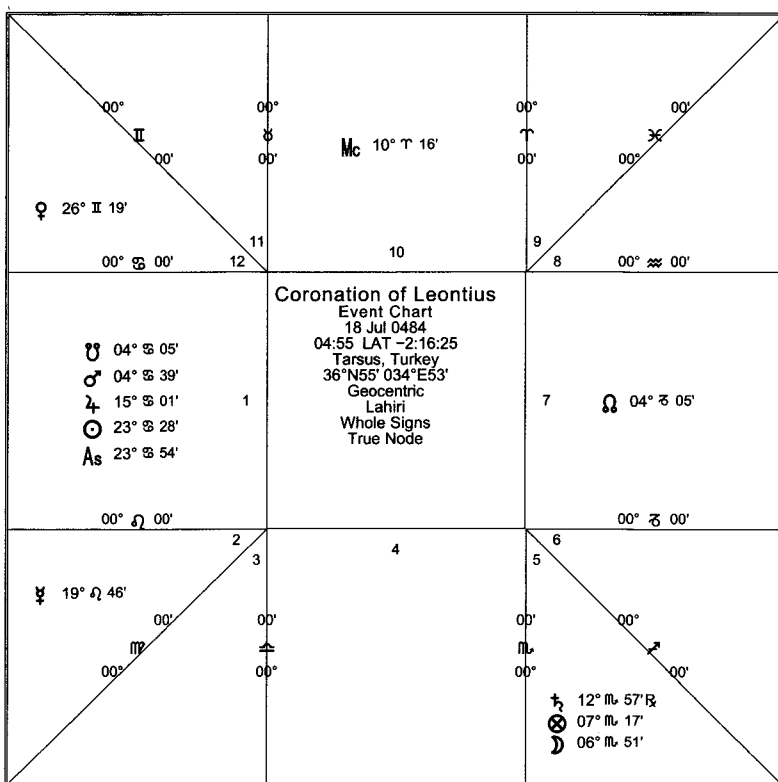

Рис. 3. Расчетный гороскоп (элективная карта) коронации Леонтия. Раннесредневековый тип отображения. Сидерический Зодиак (так называемая *айанамшиа Лахири*). Полнознаковая система домов (знак-дом). (Эта и следующие диаграммы построены с помощью компьютерной программы Solar Fire Gold v. 8.1.2.)

соотносятся с астрономической картиной на момент восхода Солнца 18 июля 484 г.¹¹⁶ Во-вторых, эти сведения продублированы указанием на 24-й день месяца эпифи, который соответствовал 18 июля именно в 484 г. Упоминание дня недели («день Меркурия» — среда) являет собой еще одно дополнительное подтверждение.

Тем удивительнее расхождения с этой датой во множестве работ XIX–XX вв. Так, Буше-Леклерк¹¹⁷ и Зелинский¹¹⁸ указывают дату 27 июня 484 г., причем тут же приводят положения планет, из которых очевидна ошибочность такой датировки (достаточно обратить внимание на координату Солнца, которое никак не могло оказаться в конце знака Рака в июне). Эту же дату приводит Т. Бартон¹¹⁹. Судя по всему, эти авторы руководствовались датой вступления Леонтия в Антиохию, которую сообщает «Хронография» Феофана Исповедника: «27 июня 7 индикта» (что соответствует 484 г.). Однако коронация Леонтия в Тарсе и его

¹¹⁶ За исключением Марса и Юпитера, координаты которых в рукописях либо испорчены, либо — что более вероятно — перепутаны местами.

¹¹⁷ Bouché-Leclercq A. L'Astrologie greque. P., 1899. P. 514.

¹¹⁸ Зелинский Ф. Ф. Умершая наука. СПб., 1901.

¹¹⁹ Barton T. Ancient Astrology. L., 1994. P. 67.

Coronation of Leontius

Event Chart

18 Jul 0484

04:55 LAT -2:16:25

Tarsus, Turkey

36°N55' 034°E53'

Geocentric

Tropical

Porphyr

True Node

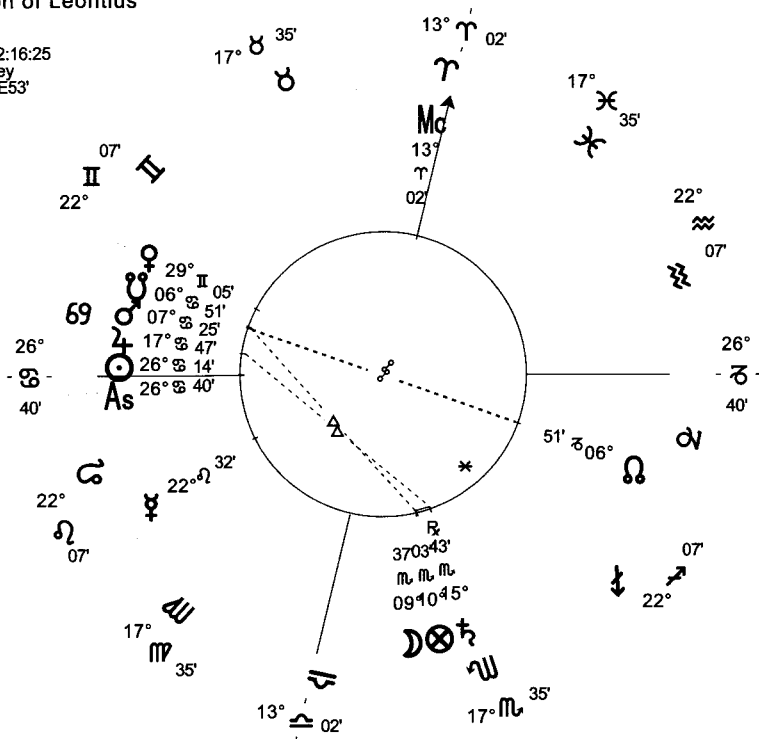

Рис. 4. Гороскоп (элективная карта) коронации Леонтия.

Современный тип отображения карты.

Тропический Зодиак. Система домов Порфирия

вступление в сирийскую столицу — это два разных события. Кроме того, многие исследователи считают, что дату Феофана следует исправить на 27 июля¹²⁰. Тогда 10 дней — вполне объяснимое время для переезда из Тарса в Антиохию.

С другой стороны, Эрнст Штейн, со ссылкой на публикацию Ф. Кюмона, определил в качестве даты коронации Леонтия 19 июля, и именно эта дата вошла во многие современные справочники¹²¹. Однако она, безусловно, ошибочна, т. к. 24 эпифи соответствует 18 июля. Кроме того, 19 июля Луна уже «обгоняет» Сатурн в Скорпионе, что недвусмысленно противоречит данным гороскопа.

Итак, компьютерный анализ дает однозначную датировку: 18 июля 484 года, на восходе Солнца, т. е. в 4 ч. 55 мин. утра по истинному солнечному времени Тарса (LAT)¹²². Далее, очевидно, что координаты Юпитера и Марса в цитируемом тексте следует поменять местами, поскольку в оригинальном греческом

¹²⁰ Исправление предложил уже Э. Брукс: *Brooks E.W. The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius // The Cambridge Medieval History. Vol. I. 1911. P. 478.*

¹²¹ *Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. II. P., 1949. P. 29. N. 1.* Эту же дату приводят: *PLRE. Vol. II. P. 671; Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. II. P. 1212;* все энциклопедии (включая разноязычные версии Википедии).

¹²² Эту же дату получили в своих расчетах Нейгебауэр и Ван Хусен (*Neugebauer O., Van Hoesen H.B. Greek Horoscopes. L 484*), но неверно определили время как 6 часов утра.

тексте в дальнейшем анализе карты упоминается о соединении Юпитера с Солнцем на Асценденте.

Ф. Зелинский (первый отечественный историк, обратившийся к гороскопу коронации Леонтия) дает довольно ироничное описание всей этой истории, явным образом подталкивая читателя к мысли о том, что гороскоп, по всем канонам астрологии суливший великую судьбу правлению Леонтия, не сбывлся, а астрологи последующих поколений стали выискивать в этой карте разные неучтенные третьестепенные факторы, чтобы хоть как-то обелить неудачу своей науки. Но так ли это?

Согласно астрологической традиции, восходящей к Доротею Сидонскому¹²³, ключевым показателем, описывающим жизнеспособность, долговечность и вообще судьбу начинания, является расположение управителей тригона восходящего знака, а также управителей тригонов Солнца и Луны¹²⁴. В данной карте все эти три фактора (Асцендент, Солнце, Луна) находятся в водном тригоне, управители которого — Венера, Марс и Луна¹²⁵. Венера, не имея никаких достоинств, располагается в «злом» 12-м доме, который не только падающий, но и обозначает врагов, страдания и заточение. Кроме того, будучи «ночной» планетой, Венера находится в максимально неудачном месте — в дневной карте она стоит по-дневному в дневном знаке¹²⁶. Второй управитель тригона, вредоносный Марс, находится в знаке своего падения Раке и в падающем 12-м доме, как и Венера. Наконец, третий управитель тригона, Луна — в падении в знаке Скорпиона, причем движется от аспекта с одним Вредителем, Марсом, к соединению с другим Вредителем, Сатурном. Таким образом, Луна «злая», и потому ее положение в угловом доме лишь усиливает исходящий от нее вред. В результате правление Леонтия должно быть максимально недолговечным и неудачным и привести к его падению.

Особенно удивляет выбор времени астрологами Леонтия, если учесть, что злые планеты Луна и Марс, обе находящиеся в знаках падения, сделаны управителями ключевых домов гороскопа — 1-го (обозначающего самого Леонтия и его начинание) и 10-го (обозначающего власть, правление и почести). Не менее странным выбором дня Меркурия и часа Меркурия, поскольку Меркурий никак нельзя назвать «доброй» планетой в этой карте, и к тому же он управляет пресловутым 12-м домом несчастий.

Поэтому, согласно всем канонам «апотелезматики», наличия Юпитера в экзальтации близ точки восхода Солнца совершенно недостаточно для того, чтобы данное начинание оказалось удачным (хотя этот фактор мог впечатлить Леонтия и всех прочих, кто лишь поверхностно был знаком с астрологией). Кроме того, в карте коронации Юпитер располагается дальше, чем в пяти градусах от Асцендента, и, согласно правилам, восходящим к Птолемею¹²⁷, уже не считается планетой в сильном положении («на углу карты»), а напротив, рассматривается как

¹²³ Dorotheus. I. 4; I. 12; I. 22.

¹²⁴ См., в частности: *Машаллах*. О картах рождений («Китаб ал-мавалид») // *Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни*. Книга наставлений по основам искусства астрологии. С. 301–307.

¹²⁵ Dorotheus. I. 1.

¹²⁶ О важности деления планет на дневные и ночные в античной и средневековой астрологии см.: *Хэнд Р.* День и ночь: планетарные секты в астрологии. М., 1998.

¹²⁷ Ptolemaeus. III.10.

Таблица 2. Данные гороскопа рождения Пампрепия (см. рис. 5–6)

Факторы гороскопа	Координата согласно тексту оригинала	Координата в сидерическом Зодиаке (Лахири)	Координата в тропическом Зодиаке
Солнце	5°08 Весов	5°34 Весов	7°43 Весов
Луна	8°04 Тельца	9°28 Тельца	11°37 Тельца
Сатурн	25° Тельца	25°20 Тельца	27°30 Тельца
Юпитер	23°08 Весов	22°47 Весов	24°57 Весов
Марс	26°08 Козерога	26°03 Козерога	28°13 Козерога
Венера	26° Скорпиона	20°06 Скорпиона	22°15 Скорпиона
Меркурий	23° Весов	25°05 Весов	27°14 Весов
Асцендент	23°30 Водолея	24°51 Водолея	27°00 Водолея
Середина Неба	5°13 Стрельца	5°21 Стрельца	7°30 Стрельца
Полнолуние	2°42 Овна	3°09 Овна	5°18 Овна
Жребий Фортуны	26°34 Девы	28°45 Девы	0°54 Весов
Жребий Даймона	20°34 Рака	20°58 Рака	23°07 Рака
Жребий Возвышения	Дева	8°17 Девы	8°17 Девы
Жребий Погибели	Водолей	8°59 Водолея	11°08 Водолея

очень слабая в своих проявлениях планета в падающем 12-м доме. Само Солнце, уходящее от Юпитера, не имеющее в Раке никаких достоинств и управляемое злой Луной, тоже никак не может считаться в данном гороскопе благотворным.

Греческий комментатор также обращает внимание на то, что управитель гороскопа Луна находится в падении, а Меркурий совершенно пассивен, имея к тому же единственный аспект — квадратуру к Сатурну, что «указывает на насильственную смерть» (очевидно, потому, что Сатурн не только Большой Вредитель, но и управитель 8-го дома смерти в рассматриваемой карте). Ал-Касрани в своем анализе гороскопа коронации приводит целый ряд негативных указаний, не замеченных советниками Леонтия, особенно удивляясь тому, как астрологи могли проигнорировать расположение владык светил: Луна, управляющая Солнцем (и Асцендентом), в падении; и Марс, управляющий Луной, сам в падении.

Если предположить, что авторы *катархэ* были приверженцами более старой школы астрологии, которая базировалась на системе «знак-дом», и вообще не учитывали положения планет в квадрантных системах домов, некоторые трактовки изменятся. Однако общий вывод останется тем же: начинание было предпринято в максимально неудачный момент. В частности, Юпитер в системе «знак-дом» должен считаться угловым (а значит, и более сильным в своих проявлениях), но точно так же угловым следует тогда считать и злой Марс.

В результате катастрофические последствия, которые имела коронация Леонтия, совершенно закономерны согласно стандартным принципам античной и средневековой астрологии. И с мнением Зелинского о неловких попытках астрологов последующих поколений оправдать свою дисциплину согласиться совершенно невозможно.

Почему же «два математика», призванные к Леонтию, назвали именно такую дату как наиболее благоприятную для коронации? Мы видим только два возможных объяснения. Первое из них предполагает низкую квалификацию аст-

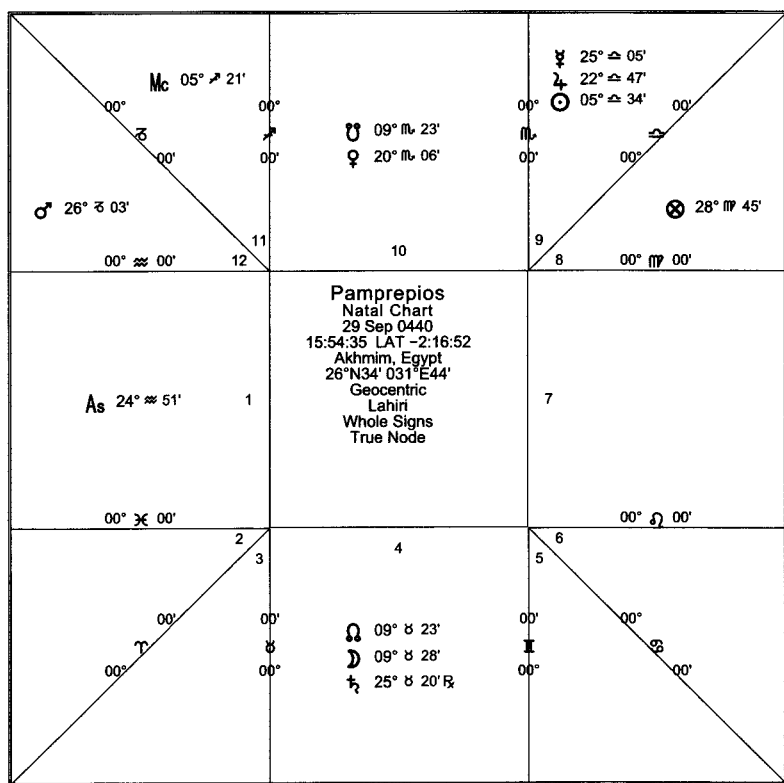

Рис. 5. Расчетный гороскоп рождения (натальная карта) Пампрепия. Раннесредневековый тип отображения. Сидерический Зодиак (так называемая *айанамшиа Лахири*). Полнознаковая система домов (знак-дом)

рологов, второе — целенаправленный акт саботажа в интересах политических противников Леонтия. Однако первый вариант вряд ли мог реализоваться уже на том основании, что гороскоп был составлен *двумя* астрологами: следовательно, вероятность ошибки в расчетах резко снижается. Кроме того, уровень профессиональной астрологии той эпохи заставляет усомниться, что Леонтий, будучи сенатором, патриkiem и «прекрасно образованным мужем», стал бы опираться в столь важном деле на советы уличных шарлатанов, а не потребовал бы отыскать самых сведущих в своем деле мастеров. Наконец, тщательность астрономических расчетов в сохранившемся тексте *катархэ* свидетельствует о несомненной квалификации составителя — по крайней мере, в том, что касается математико-астрономической части. Поэтому предположение об «астрологической диверсии» нам представляется наиболее достоверным.

Но прежде чем сделать окончательный вывод, посмотрим, какую дополнительную информацию нам даст второй гороскоп (табл. 2).

Если в первом случае мы имеем дело с картой элекции, то вторая карта — это гороскоп рождения человека. Координаты планет, Асцендента и жребиев дают однозначную датировку 29 сентября 440 г., время рождения — около четырех часов пополудни (максимально точное соответствие приведенным данным — в

Pamprepios
 Natal Chart
 29 Sep 0440
 15:54:35 LAT -2:16:52
 Akhmim, Egypt
 26°N34' 03"E44'
 Geocentric
 Tropical
 Porphyry
 True Node

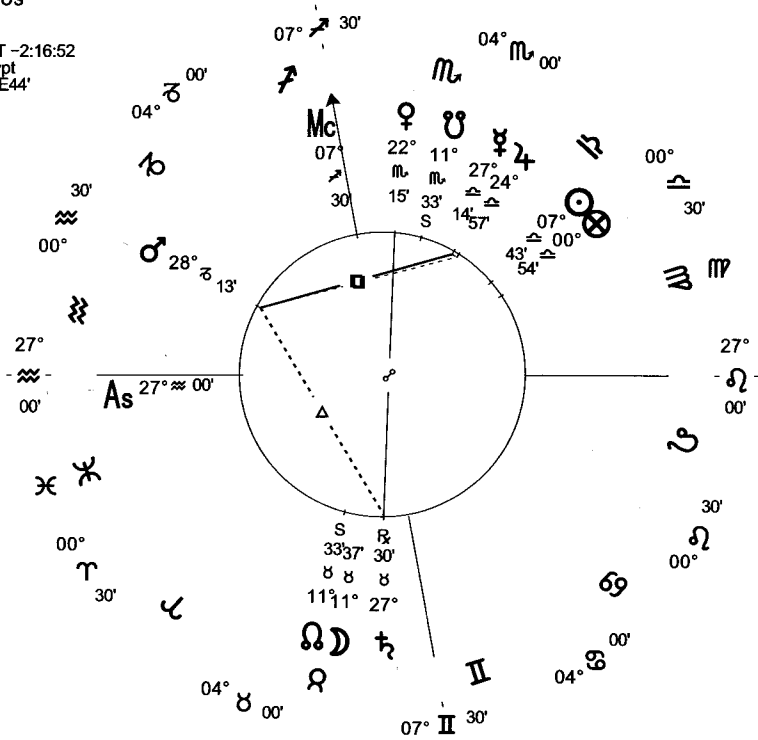

Рис. 6. Расчетный гороскоп рождения (натальная карта) Пампрепия.
 Современный тип отображения карты.
 Тропический Зодиак. Система домов Порфирия

15ч 54м 35с по истинному солнечному времени), место рождения — в третьем климате (т. е. примерно на широте Александрии Египетской).

Перечисленные в тексте астрологические показатели свидетельствуют об использовании автором гороскопа сидерического Зодиака и методик, восходящих к Доротею Сидонскому и Веттию Валенту. Интересно, что автор комментария сравнивает положения планет в двух разных системах домов: полнознаковой («по зодиаку») и квадрантной («по градусам»). Описание событий в разные годы жизни Пампрепия проведено согласно методу «распределения хронократоров», изложенному в «Антологии» Веттия Валента¹²⁸. Эта методика, скорее нумерологическая, нежели строго астрологическая, далека от классических методов «планетарных периодов» и «первичных дирекций» (как они изложены, к примеру, у Птолемея).

Из текста очевидно, что комментарий написан после смерти Пампрепия, причем описание его личности и судьбы свидетельствует о негативном отношении астролога к покойному.

Показательно, что при сопоставлении карты рождения Пампрепия с элективной картой коронации Леонтия мы наблюдаем мощный негативный резонанс:

¹²⁸ Vettius Valens. VII.2.

ключевые показатели этих двух гороскопов находятся в конфронтации друг с другом. Так, в момент рождения Пампрепия Луна оказалась вместе с Сатурном в Тельце, причем оба они противостояли своему хозяину — злой Венере в Скорпионе. Именно эту конфигурацию автор комментария считает наиболее зловещей. Но в карте коронации злая Луна вновь поставлена в соединение со злым Сатурном, причем в знаке Скорпиона, противостоящем такому же соединению в гороскопе Пампрепия! Поэтому с позиций классической астрологии совершенно закономерно, что коронация Леонтия в скорейшем же времени привела не только к краху амбиций Пампрепия, но и к его насильственной смерти.

Исходя из этого, становится очевидным, что Пампрепия просто не могло быть среди тех «математиков», которые выбрали такое время для коронации. Более того, элективная карта коронации бьет по «уязвимым местам» гороскопа Пампрепия столь явным для астрологов образом, что это порождает целый ряд новых вопросов. Специально ли составители *катархэ* добивались такого негативного резонанса с картой рождения Пампрепия? Был ли сам Пампрепий настолько сведущ в астрологии, чтобы понять, сколь разрушительны для его карьеры и жизни предложения «двух математиков»? И мог ли он вообще повлиять на выбор даты коронации, даже если сознавал опасность даты 18 июля 484 г. для своих планов?

Совокупность имеющихся данных не позволяет сделать окончательные выводы, но негативный резонанс двух приведенных карт нам представляется неслучайным. Гороскоп Пампрепия зафиксировал момент его рождения, произошедшего в Египте. Второй гороскоп тоже содержит «египетский след»: в тексте *катархэ* Леонтия не только приводится египетский месяц события, но и используется характерная для Египта эра Диоклетиана. Употребление в нем того же редкого термина «возвышение рождения», что и в гороскопе Пампрепия, а также схожесть композиции (критический анализ с цитированием Доротея) позволило еще Д. Пингри предположить тесное генетическое родство обоих гороскопов¹²⁹. Таким образом, астрологи, составлявшие элекцию, вполне могли иметь в своем распоряжении и карту рождения Пампрепия.

Заключение. Коронация Леонтия: просчет или провокация?

Подытоживая историю обращений разных авторов к данным двум гороскопам, мы получаем следующую картину. Изначально эти две астрологические карты восходят к окружению мятежника Илла, но сохранились до наших дней, судя по всему, благодаря архиву астролога из стана политических противников Илла. Возможно, этим астрологом был тот самый Мавриан, который консультировал непосредственно императора Зинона. То есть имела место утечка важной астрологической информации из лагеря мятежников (время коронации могло стать достоянием гласности, но точные данные личного гороскопа одной из ключевых фигур мятежа, несомненно, являлись сведениями лишь для «внутреннего круга»). Сам этот факт прекрасно согласуется с нашей версией о том, что выбор времени для коронации Леонтия был сознательной диверсией со стороны астрологов, желавших мятежника провала. Однако византийские и арабские авторы

¹²⁹ Pingree D. Political Horoscopes from the Reign of Zeno // DOP. 1976. Vol. 30. P. 142.

последующих эпох, получив доступ к элективной карте этой коронации, уже не владели информацией о конкретном политическом контексте, который обусловил такую элекцию. Поэтому они искренне удивлялись обилию астрологических указаний на катастрофические последствия, которые почему-то оказались незамеченными при выборе времени коронации.

Историки науки XIX–XX вв., в целом, рассматривали эту историю лишь как казус, характеризующий нравы ранневизантийской эпохи, когда даже высокая знать была подвержена всевозможным суевериям. Наконец, в последние годы, благодаря прогрессу в изучении первоисточников по античной и средневековой астрологии, появилась возможность реконструкции хода мысли тех «двух математиков», которые предложили Леонтию провести коронацию в тот злополучный день. Нам известна единственная работа, в которой был реализован данный подход¹³⁰. Ее автор, британский историк Николас Кэмпбелл, посчитал «откровенно невероятным, чтобы такие гороскопы были выбраны при помощи правил гороскопической астрологии»¹³¹. Обескураженный таким положением дел, автор далее формулирует два способа решения возникшей дилеммы: либо карта коронации Леонтия не является подлинной картой элекции, а была рассчитана «задним числом» и лишь позднее стала восприниматься как *катархэ*, либо «текущее положение небес было более важным, нежели правила гороскопической астрологии»¹³². Непосредственно наблюдая за небом, астрологи, по мнению Кэмпбелла, могли впечатлиться зрелищем восходящих перед рассветом трех ярких планет и т. д. Далее автор проводит аналогии с древневавилонской астрологией предзнаменований, которые нам представляются несомненной натяжкой (как и последующие спекуляции о возможности сохранения вавилонских традиций среди язычников в Византии).

Проведенный нами анализ первоисточников заставляет отвергнуть оба варианта решения проблемы, предложенных Кэмпбеллом. Точность и полная согласованность астрономических, календарных и исторических данных, приведенных в тексте, никак не позволяют предполагать, что дата и время события могли быть «придуманы» астрологами более поздних эпох. А перечисление в тексте гороскопа именно тех данных, которые требуются для анализа согласно стандартным методам античной гороскопической астрологии (указание градусов Асцендента, Лунных Узлов, ближайшего новолуния и трех разных жребиев), не позволяют усомниться, что составители *катархэ* руководствовались правилами греческой «апотелезматикой», а не вавилонской системы предзнаменований.

Таким образом, наиболее убедительной остается версия о целенаправленном использовании безымянными «двумя математиками» правил элективной астрологии для противодействия амбициям Леонтия. Негативный резонанс между астрологическими факторами карты коронации и факторами гороскопа Пампрепия заставляет усомниться в том, что подобный «астрологический саботаж» был делом его рук. Более вероятно, что сам Пампрепий не обладал знаниями профессионального астролога, иначе бы он постарался извлечь выгоду из своего

¹³⁰ *Campion N. The Possible Survival of Babylonian Astrology in the Fifth Century CE: A Discussion of Historical Sources // Horoscopes and Public Spheres: Essays on the History of Astrology / Ed. by G. Oestmann, H.D. Rutkin, K. von Stuckrad. B.; N. Y., 2005. P. 69–92.*

¹³¹ *Ibid.* P. 81.

¹³² *Ibid.*

предательства и уж во всяком случае не выбрал бы для коронации своего патрона столь плохой для себя день. Если те «два математика», которых пригласили рассчитать *катархэ*, получили доступ к данным рождения ключевых фигур мятежа, этот негативный резонанс был совершенно не случаен: правила элективной астрологии не только допускают, но и прямо требуют, чтобы карта любого начинания была согласована с картами рождения тех персон, которые задействованы в реализации этого начинания. В таком случае, диверсия со стороны двух безымянных астрологов была направлена не только против мятежников в целом, но и лично против Пампрепия.

Броль Роман Валериевич

Кандидат культурологии
Редактор издательства «Мир Урании»
Малый Златоустинский переулок,
д. 8, офис 2, ООО «Мир Урании»
101000 Москва

Электронная почта: brol@mail.ru

Кузенков Павел Владимирович

Кандидат исторических наук
Доцент кафедры истории Церкви
Исторический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
119992 Москва

Электронная почта: pk407@mail.ru

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. 2013. T. 72 (97)
ISSN 0132–3776

Roman BROL, Pavel KUZENKOV

ASTROLOGY AND POLITICS IN 5th CENTURY BYZANTIUM

Abstract: The first Russian translation of two Byzantine astrological texts is accompanied by detailed historical and theoretical commentary, data supplied by a computer program and the latest research on the history of astrology. The analysis of the two horoscopes — the elective chart of the coronation of Leontius (July 18, 484) and the natal chart of his supporter rhetorician Pamprepius (born September 29, 440) — allowed to question the widespread belief in the crushing failure of astrologers who were trying to secure Leontius' brilliant reign, and in Pamprepius' involvement in this failure. Much more convincing is that these horoscopes, both compiled in a professional manner, were deliberately used by the Emperor Zeno or persons of his entourage to provoke his opponents (patricius Illus and his adviser Pamprepius, who stood behind the usurper Leontius) to actions doomed to failure. The study sheds light on little-known aspects of methods of political struggle in the Byzantine Empire.

Keywords: astrology in Byzantium, Zeno, Leontius (usurper), Pamprepius.

Literature Cited

- Abū Rayhān al-Bīrūnī. *Книга наставлений по основам искусства астрологии*. Ed. by R. BROL. Moscow 2007.
- ASMUS, R. "Pamprépios, ein byzantinischer Gelehrter und Staatsmann des 5. Jahrhunderts." *Byzantinische Zeitschrift* 22 (1913).
- BARTON, T. *Ancient Astrology*. London 1994.
- BONATTI, G., and CARDANO, G. *Душа астрологии*. Moscow 2013.
- BOUCHÉ-LECLERCQ, A. *L'Astrologie grecque*. Paris 1899.
- BROOKS, E.W. "The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius." In *The Cambridge Medieval History* I (1911).
- CAMPION, N. "The Possible Survival of Babylonian Astrology in the Fifth Century CE: A Discussion of Historical Sources." In *Horoscopes and Public Spheres: Essays on the History of Astrology*. Ed. by G. OESTMANN, H.D. RUTKIN and K. von STUCKRAD. Berlin; New York 2005.
- CHEKALOVA, A.A. *Сенат и сенаторская аристократия Константинополя*. Moscow 2010.
- Claudius Ptolemy. *Тетрабиблос*. Trans. by G.P. KHLUNOVA, ed. by A.A. KAPRALOVA and N.A. DODONOVA. Moscow 1992.
- CRAMER, F.H. *Astrology in Roman law and politics*. Philadelphia 1954.
- CUMONT, F. "L'astrologue Palchos." *Revue de l'instruction publique en Belgique* 40 (1897).
- DELATTE, A., and STROOBANT, A. "L'Horoscope de Pamprépios, professeur et homme politique de Byzance." *Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique*. Classe des lettres. 5e série. 9 (1923).
- DINDORF, L., ed. *Chronicon Paschale*. Vol. I. Berlin 1832.
- Dorotheus of Sidon. *Carmen astrologicum*. Ed. by D. PINGREE. Leipzig 1976.
- Firmicus Maternus. *Mathesis*. Texte établi et traduit par P. MONAT. Paris 1992–1997.
- Gaius Suetonius Tranquillus. *Жизнь двенадцати цезарей*. Ed. by M.L. GASPAREV and E.M. SHTAERMAN. Moscow 1993.
- GUILLAND, R. "Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les maîtres (magistroi) du IVe et du Ve siècles, de Constantin Ier le Grand (306–37) à Anastase Ier (491–18)." *Античная древность и средние века* 10 (1973).
- GUREV, G.A. *История одного заблуждения: Астрология перед судом науки*. Leningrad 1970.
- HAND, R. *День и ночь: планетарные секты в астрологии*. Moscow 1998.
- HENRI, R., ed. *Photius. Bibliothèque*. Vol. VI. Paris 1971.
- Hephaestio Thebanus. *Apotelesmatica*. Ed. D. PINGREE. Leipzig 1973–1974. 2 vols.
- HOLDEN, J.H. *A History of Horoscopic Astrology*. Tempe 1996.
- Ibn Ezra. *Начало мудрости. Книга обоснований*. Trans. by V. APANASIK and D. SHTEINHOF, ed. by Ya. SINICHKIN and R. BROL. Jerusalem 2009.
- Ioannes Antiochenus. *Excerpta historica jussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta*. Vol. III: Excerpta de insidiis. Ed. by C. de BOOR. Berlin 1905.
- KENNEDY, E.S., and PINGREE, D. *The Astrological History of Masha'allah*. Cambridge (Mass.) 1971.
- KRUEGER, P., ed. *Corpus Iuris Civilis*. Vol. II: Codex Iustinianus. Berlin 1954.
- KULAKOVSKIY, Yu.A. *История Византии*. Vol. I. St. Petersburg 1996.
- LINDSAY, J. *Origins of Astrology*. New York 1971.
- Malchus Philadelphensis. "Fragmenta." In *Historici graeci minores*. Ed. by L. DINDORF. Vol. I. Lipsiae 1870.
- NEUGEBAUER, O., and Van HOESSEN, H.B. *Greek Horoscopes*. Philadelphia 1959.
- PINGREE, D. "The Astrological School of John Abramius." *Dumbarton Oaks Papers* 25 (1971).

- PINGREE, D. "Political Horoscopes from the Reign of Zeno." *Dumbarton Oaks Papers* 30 (1976).
- Porphyrus. "Introductio in Tetrabiblum Ptolemaei, 41." *Catalogus codicum astrologorum Graecorum*. Vol. V, pt. 4. Bruxelles 1940.
- Ptolemy. *Tetrabiblos*. Ed. and trans. by F.E. ROBBINS. Cambridge (Mass.); London 1940.
- Rhetorius the Egyptian. *Astrological Compendium*. Trans. J.H. HOLDEN. Tempe 2009.
- Rhetorius. "Quaestiones astrologicae." In *Catalogus codicum astrologorum Graecorum*. Vol. I. Bruxelles 1898.
- SAMODUROVA, Z.G. "Естественнонаучные знания." In *Культура Византии. Вторая половина VII—XII в.* Ed. by Z.V. UDALTSOVA and G.G. LITAVRIN. Moscow 1989.
- Sphujidhvaja. *The Yavanajātaka*. Edited, translated and commented on by D. PINGREE. Cambridge (Mass.); London 1978.
- STEIN, E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. II. Paris 1949.
- THORNDIKE, L. *A History of Magic and Experimental Science*. Vol. III. New York 1934.
- Ioannes Malalas. *Chronographia*. Ed. by I. THURN. Berlin; New York 2000.
- Vettius Valens. *Anthologiarum libri*. Ed. by G. KROLL. T. V/4. Berlin 1908.
- ZELINSKIY, F.F. *Умершая наука*. St. Petersburg 1901.
- Правила святых Поместных Соборов с толкованиями*. Moscow 2000.

Roman BROL

PhD (Cultural Studies)
 Editor of the Publishing House "Mir Uranii"
 Malyj Zlatoustinskij pereulok, 8, of. 2
 ООО «Mir Uranii»
 101000 Moscow
 e-mail: brol@mail.ru

Pavel KUZENKOV

PhD, Associate Professor
 Lomonosov Moscow State University,
 Faculty of History
 Lomonosovsky prospect, 27–4
 119992 Moscow
 e-mail: pk407@mail.ru

F. Lauritzen

AREOPAGITICA IN STETHATOS: CHRONOLOGY OF AN INTEREST

Abstract: Niketas Stethatos' works can be organised chronologically into three phases. Before 1019 one does not see quotations of Dionysius the Areopagite. In the period 1019–1042 there are numerous and extensive quotations from the Divine Names, Celestial Hierarchy and Ecclesiastical Hierarchy. After 1043 there are rare and short reference to the Areopagitica. Together with the internal references to his works, it is possible to establish a sequence for the undated works and to narrow his lifespan to the period ca. 1000–1065.

Keywords: Niketas Stethatos, Dionysius the Areopagite, Symeon the New Theologian, Psellos, neoplatonism.

Niketas Stethatos (ca. 1005 — ca. 1065)¹ is probably one of the most important readers of Dionysius the Areopagite in the Byzantine Empire². His systematic use of the Areopagites' works in interpreting the hymns of Symeon the New Theologian have awarded him a lasting place in the history of byzantine thought³. Darrouzès claims that a defining feature of Stethatos was his 'areopagitisme'⁴. Nevertheless Stethatos' reading is progressive: as his life went on he changed his preference and therefore it is important to establish a chronology of the works he read. It is certain that in his earliest text there are no references to Dionysius the Areopagite and there are very few in his later works. However, in the 1030s he seems to have employed Dionysius the Areopagite extensively. Thus the areopagitisme indicated by Darrouzès concerns only one of three possible phases of Stethatos' writing.

There are few secure dates of Stethatos' life which allow one to have an initial framework. Before 1022, at the age of 14 he entered the Studios Monastery where

¹ For a list of editions see appendix. On the name Stethatos see: *Hinterberger M.* Niketas Stethatos der «Beherzte»? // *BZ.* 2010. Bd. 103.1. S. 49–53.

² On the reception of Dionysius the Areopagite in Byzantium see: *Andia Y. de.* Denys l'Aréopagite et sa postérité en Orient et en Occident // *Actes du Colloque International, Paris, 21–24 septembre 1994.* P., 1997.

³ One should not forget that Gregory Palamas prefers to quote Niketas Stethatos' *Life of St Symeon* rather than the texts of St Symeon himself.

⁴ Darrouzès 34ff; *Alfeev H.* Symeon the New Theologian and the Orthodox tradition. Oxford, 2000. P. 275. N. 9 says: «It has been noticed that in his theology Nikitas was much more dependent on Dionysios than on Symeon; in spite of his high veneration of Symeon, he never quotes the latter in his theological tracts».

he became a disciple of Symeon the New Theologian⁵. At some point he wrote the defence of the Symeon⁶. He started writing down the hymns of Symeon the New Theologian⁷ but there was a falling out between the two recorded both in the life of the Saint by Stethatos⁸ and by a letter written by Symeon the New Theologian to Stethatos⁹. In 1035 Stethatos published the edition of the hymns of Symeon with his own preface¹⁰. In 1044 Scylitzes records that he was one of the most important theologians of the capital¹¹. There appears to be a political conflict in which Stethatos was involved regarding the relation between the emperor and his mistress which is mentioned in Scylitzes in the year 1044. Later in 1054 there is a mention of the fact Keroularios had long tried to defeat the studite monks over their practices in a letter of the patriarch of Antioch to Keroularios¹². Thus between 1043–1054 Stethatos was in a controversy with Patriarch Keroularios. In other words the treatise *On the Studite Practices* is to be dated between 1043 and 1054 during this turbulent period for Studite monks and practices. In 1052 Stethatos publishes the life of St Symeon¹³. In 1054 Humbert of Silva Candida records that Stethatos was involved in the dis-

⁵ ἐμοῦ δὲ ἐπὶ πολλὰς ἀναβαλλομένου ἡμέρας διὰ τὸ μὴ πείραν ἐσχηκέναι ποτὲ τῆς ἐπὶ τὸ γράφειν τὰ τοιαῦτα τέχνης, οὐ γὰρ ἔφθασα τῇ θύραθεν γνώσει καταπυκνωθῆναι καλῶς καὶ στομωθῆναι τοῖς λόγοις νέος καὶ τεσσαρεσκαίδεκάτης τὴν ἡλικίαν τῷ βίῳ καὶ τοῖς θορύβοις ἀποταξάμενος, καὶ τὴν διατριβὴν τῶν μαθημάτων ἀπολιπὼν, οὐκ ἦν μοι νύκτα καὶ ἡμέραν ἀνάπαισις ὑπὸ τοῦ ἐμπυρίζοντός με πνεύματος ἐνδοθεν καὶ ἐπὶ τοῦτο σφόδρα με νύσοντος καὶ κινούντος (*Niketas Stethatos. The Life of Saint Symeon the New Theologian. 135.20–27 Hausherr*).

⁶ Edited by Paschalides (see appendix).

⁷ ἔτι περιόντος τοῦ μακαρίου ἐν τῇ παρουσίᾳ ταύτῃ ζωῇ καὶ τὰ ὑπὸ τοῦ θεοῦ πνεύματος χορηγούμενα μυστήρια τῷ νοῦ αὐτοῦ καὶ ἄκοντος αὐτοῦ γράφοντος ἐν νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ (οὐδὲ γὰρ ἦν αὐτῷ ἀνεσις ἢ καθόλου ἐδίδοτο παρὰ τοῦ σφύζοντος ἐν αὐτῷ καὶ ἀλλομένου πνεύματος, ἕως οὗ ἂ ἐκεῖνο λαλοῦν ἦν καὶ ἐνεργοῦν ἐνδοθεν αὐτοῦ γραφῇ παραδέδωκεν), ἐδίδου κάμοι τὰ σχεδιαζόμενα ὑπ' αὐτοῦ, καὶ μετέγραφον ταῦτα εἰς τε βεμβράνας βιβλίων καὶ κοντάκια ἕτερα. ἔπει δὲ μετὰ τὸ ταῦτα μεταπηῆσαι ἀντρεφον πάλιν αὐτὰ πρὸς αὐτόν, ἔδοξε μοι ἐν μιᾷ ποτε παρ' ἐμαντῷ ἐν παρακατασχέειν τῶν κοντακίων (*Niketas Stethatos. The Life of Saint Symeon the New Theologian. 131.6–15 Hausherr*).

⁸ τοῦτο τοίνυν ἀκηκοὺς ἐγὼ ᾤμην ὅτι δόλον τινὰ ὑπέλαβε κατ' ἐμοῦ ὁ μακάριος (*Ibid. 131.18–19*).

⁹ *Ibid. 132*.

¹⁰ Οὕτω τοιγαροῦν τῆς ὄψεως τὴν κρίσιν ὑπὸ τοῦ διανοίγοντος ἡμῶν τὸν νοῦν εἰς τὸ συνιέναι τὰς γραφὰς καὶ ὑπὸ τοῦ παλαιοῦ τῶν ἡμερῶν σοφωτάτου γέροντος μυσταγωγηθεὶς, ἐμνήσθην αὐτίκα καὶ τῆς πρὸς μέ ποτε γενομένης γραφῆς παρὰ τοῦ ἁγίου καὶ τῶν θεοπνεύστων συγγραμμάτων αὐτοῦ καὶ καθὼς τῆνικαῦτα προφητικώτατα γέγραφε πρὸς με, οὕτω πάντα εἰς τὸν ἴδιον ἐξέβη καιρόν, πιστεύω δὲ ὅτι καὶ ἔτι ἐκβήσεται, πάντων δηλαδὴ τῶν συγγραμμάτων αὐτοῦ ἐλθόντων εἰς τὰς ἐμὰς χεῖρας ὑπ' ἄλλου δυσκόλου κεκρατημένων καὶ ὥσπερ βασιλικοῦ θησαυροῦ φυλαττομένων ἐπὶ χρόνοις τρισκαίδεκα, ὡς καὶ ἐνὸς βιβλίου διαπραθέντος ἀπὸ τῶν συγγραμμάτων αὐτοῦ πρὸς ἐμέ διακομισθῆναι καὶ ἐπισυναφθῆναι τοῖς ὑπολοιπίτοις (*Ibid. 140.1–12*). The hymns are edited by *Kambylis A. Symeon Neos Theologos, Hymnen. B., 1976*.

¹¹ παλλακευομένης γὰρ τῆς θυγατρὸς τοῦ Σκληροῦ τῷ βασιλεῖ οὐκ ὀλίγος ἦν γογγυσμὸς τοῦ τε δήμου καὶ τῆς συγκλήτου καὶ τῶν ἀδελφῶν καὶ δεσποινῶν. ὃν καὶ ὁ τῆνικαῦτα ἐν μοναχοῖς διαπρέπων ὁ οὕτω Στηθάτος λεγόμενος ἐκώλυε μέν, ἦνυε δὲ οὐδέν. πάντα γὰρ ἡττητο τῆς ὥρας αὐτῆς ὁ βασιλεὺς. ἦν δὲ ὁ Στηθάτος οὗτος ἀρετῆς εἰς ἄκραν ἐπιμελούμενος καὶ νηστεία καὶ σκληραγωγία καὶ πάσῃ ἄλλῃ ἀρετῇ ἐντήκων τὸ σῶμα ἑαυτοῦ, ὡς καὶ ποτε τεσσαράκοντα ἡμέρας ἄσιτος διατελέσαι, μηδενὸς τὸ παράπαν ἐν τῷ μέσῳ γευσάμενος (*Ioannes Scylitzas. Synopsis historiarum // Ed. H. Thurn. B., 1973. 28–34*).

¹² ἐν τῇ ἀγαγεστάτῃ μονῇ τοῦ Στουδίου ζώννυνται οἱ διάκονοι πρᾶγμα ποιῦντες ἐκκλησιαστικῇ παραδόσει ἀνακόλουθον. Καὶ ὅρα, ὅπως πολλὰ κοπιᾶσας καὶ σπουδᾶσας τὴν τοιαύτην οὐκ ἡδυνήθης ἐκκόψαι μονολόγιστον συνῆθειαν (*Will C. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant. Leipzig, 1861. Parag. 17. P. 200*).

¹³ *Niketas Stethatos. Life of Saint Symeon... 129*.

cussions between Byzantines and Latins¹⁴, of which survives the treatise against the Latins of 1054¹⁵.

From this scanty data one may see that there are only a few works which are more or less securely dated: *Against the accusers of the Saint*, κατὰ Ἀγιοκατηγόρων (before 1035 probably before ca 1019), introduction to hymns (1035), the *Studite Practices* (1043–1054), *Life of Saint Symeon* (1052), *Against the Latins* (1054). Beside this information Stethatos gives us internal evidence to understand the relative chronology of other works. The *Introduction to the Hymns* quotes the *Defence against the Accusers of the Saint*¹⁶. The treatise *On Paradise* cites the one *On the soul*¹⁷, which was written during his old age¹⁸. The *On the soul*¹⁹ cites the *Hundred Chapters*. The treatise *On the soul* cites the text *On Hierarchy*²⁰. As one can see the two lists, those of the dated works and those with relative chronology still need to be unified. Schematically one may present it thus:

1019 (?)	<i>Defence against the accusers of the Saint</i>
1035	<i>Introduction to hymns</i>
1043–1054	<i>Studite practices</i>
1052	<i>Life of Saint Symeon</i>
1054	<i>Against the Latins</i>
?	<i>On hierarchy</i>
?	<i>Hundred chapters</i>
?	<i>On the soul</i>
?	<i>On Paradise</i>

The most important direct evidence of Stethatos' reading of the Areopagite is that Niketas writes in the life of St Symeon that the saint after his death appeared to him and said that he had correctly reinterpreted the texts according to Dionysius²¹. The text was written in 1052 as a justification for the rereading Stethatos had done of the hymns. Indeed, there is an open question concerning how much Stethatos rewrote the hymns and what need there is to add references to Dionysius the Areopagite whom Symeon never quotes directly²². The need for such justification reveals a break between Symeon

¹⁴ Will C. Acta et scripta... P. 136–150; 137a24; 138b15; 151a4.

¹⁵ Niketas Stethatos. Contra Latinos. P. 126–139 Will. Niketas Stethatos. Contra Armenios et Latinos. P. 139–154 in: Hergenröther. Monumenta graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Regensburg, 1869.

¹⁶ Niketas Stethatos. Introduction to Hymns of Symeon the New Theologian in: Kambylis A. Symeon Neos Theologos... Prologue 4.266–267.

¹⁷ οὗτος γὰρ ὁ σκοπὸς ἡμῖν τοῦ λόγου, δι' ὃν καὶ τὸν ἀγῶνα τούτου μετὰ τὸν περὶ ψυχῆς μοι πονηθέντα λόγον ὑπεδυσάμην (Niketas Stethatos. On Paradise oration. 2.1.2–3 Darrouzès).

¹⁸ Φιλοσοφῆσαι δεῖν ἔγνων περὶ ψυχῆς ἐν τῷ γήρα καὶ τῆς ἐμῆς περὶ τὰ τέλη ζωῆς (Niketas Stethatos. On the soul oration. 1.1.1–2 Darrouzès).

¹⁹ ὥς ἄνωθεν κὰν τοῖς Κεφαλαίοις ἡμῶν διεμνημονεύσαμεν (Ibid. 1.19.3–4), ὥς μοι κὰν τοῖς Κεφαλαίοις πεφίλοσόφηται, (Ibid. 1.57.4–5), καθὼς καὶ ἐν τῷ πονηθέντι μοι λόγῳ τῆς τρίτης ἑκατοντάδος τῶν γνωστικῶν Κεφαλαίων, ναὶ δὴ καὶ ἐν τῇ θεωρίᾳ τῆς οὐρανίου καὶ τῆς καθ' ἡμᾶς ἱεραρχίας διεξοδικώτερον περὶ τῶν θεῶν δυνάμεων καὶ τοῦ τρόπου τῆς οἰκειώσεως πρὸς αὐτάς τῶν τελείων ἀνεγραψάμην ψυχῶν (Ibid. 1.71.25–29).

²⁰ Ibid. 1.71.25–29.

²¹ Niketas Stethatos. The Life of Saint Symeon... P. 139.6–11.

²² The rewriting of the hymns is discussed at Kambylis A. Symeon Neos Theologos... P. CCXCIX–CCCIX. The scholion of Hymn 15.80 ff points out how Symeon may refer to Dionysius but without quoting him directly.

and Niketas and may explain the letter written by Symeon the New Theologian to Niketas where he points out that his original message had been altered. Stethatos says he was shocked when he read it:

Ταῦτα τοιγαροῦν πρὸς ἐμὲ γεγραφώς, ἐπεὶ ἔτι νέος ὦν ἐγὼ καὶ ἀτελής τὸν λόγον τῆς γνώσεως ἄρτι τὸν ἱουλον ἐπανθοῦντα ἐπιφερόμενος, τὴν δύναμιν τῶν ρημάτων αὐτοῦ γινῶναι μὴ δυνηθεῖς, γραφῇ τέως ταύτην τε τὴν ἐπιστολὴν καὶ ἅς ἐπέστειλε διαφόρως πρὸς με παρέδωκα, ἄνωθεν οἶμαι καλῶς κινηθεῖς ἐπὶ τοῦτο. χρόνων δὲ παρεληλυθότων ἑκκαίδεκα καὶ πολλοῖς μαχόμενος καὶ προσπαλαίων, ὡς ἄνωθεν εἴρηται, διὰ μέσου τοῖς πειρασμοῖς, οὐ μόνον ταύτης λήθην ἔλαβον τῆς ἐπιστολῆς, ἀλλὰ καὶ πάντων ἄλλων τῶν θεοπνεύστων αὐτοῦ συγγραμμάτων (*Niketas Stethatos*. *Life of Saint Symeon the New Theologian*. P. 133.1–6 Hausherr).

So he wrote this to me, when I was still young and immature for what concerned knowledge and my beard was just beginning to grow. Since I was not capable of bearing the power of his words, I put aside the letter and those which he had variously written to me, I think I was well inspired from above to do this. Sixteen years passed [1019–1035] and, as I said before, I was fighting and battling in the meantime with many temptations, and not only did I forget this letter, but also all his other divinely inspired writings.

The second part of this quotation gives us some important chronological information, since it claims that sixteen years passed during which he never read the works of Symeon the New Theologian. If we subtract this figure from the date of publication it seems clear that the separation between the two happened in 1019²³. This year coincided with the appointment of the new patriarch Eustathios (1019–1025)²⁴. One should point out that the patriarch reversed some decisions of Sergios II (1001–1019), whose long patriarchate had defined many aspects of Symeon the New Theologian's life²⁵. Moreover his synod decision was in favour of a loosening of some strict directives applied beforehand²⁶. Within such changes Stethatos may have found a more favourable atmosphere within the capital while St Symeon remained in the monastery of Saint Marina. Such distance may also explain why a letter survives of Symeon written to Niketas at this time, since it would imply geographical distance.

One may summarize the situation thus: before 1019 Niketas was with Symeon and wrote the *Defence against the accusers of the Saint* and he transcribed the hymns as Symeon had proposed. Niketas started reading the Areopagite and then there was a rupture between them. Indeed there seems to be no evidence of such interests in the defence of the Saint. Thus this text was written in the first phase when he was not reading assiduously the areopagitica. Moreover his reading does not seem to be encouraged by Symeon. It is for this reason that the introduction of 1035 is so important. There it is stated that the message of Symeon coincided with that of the areopagitica as he says in the introduction chapter 14, which is the first explicit reference by name of the Areopagite. The novelty can be seen by the fact it is one of the few times the name and nickname are mentioned together before this date. The text of 1035 is important since it quotes verbatim long passages of the *Divine Names* of Dionysius. The following list

²³ The date is also established in: *Niketas Stethatos*. *Life of Saint Symeon*... P. XC.

²⁴ *Ibid.* P. 94.

²⁵ The exile to the monastery of Saint Marina. *Ibid.* P. 100.

²⁶ *Lauritzen F.* Synod decrees of the eleventh century (1025–1081): A classification of the documents of the synodos endemousa // BZ. 2012. Bd. 105.1.

taken from the apparatus of the *Introduction to the Hymns of Saint Symeon* edited by Kambylis illustrates the situation:

Line	Divine names	Line	Divine names
4	DNo 1.3	178f	DNo 1.4
68f	DNo 1.6	184–190	DNo 1.5
69–80	DNo 1.6	191–194	DNo 1.6
84–88	DNo 1.7	194–198	DNo 1.8
88–91	DNo 1.7	202–205	DNo 1.8
92–101	DNo 1.8	225	EH 1.1
144–149	DNo 1.2	232	DNo 4.2
151–159	DNo 1.3	233–238	DNo 4.9
163f	DNo 4.14–17	238–243	DNo 4.2

Indeed the quantity of citations is impressive, especially since all come from the *Divine Names* and only one passage is from the *Ecclesiastical Hierarchy*. The quotations attempt to prove that the hymns of Symeon were in tune with the ideas expressed by Dionysius.

Ὅθεν καὶ αὐτὸς ὁ πολὺς τὰ θεῖα Διονύσιος ἐν τῷ Περὶ θεῶν ὀνομάτων συντάγματι, τῷ τρόπῳ καὶ τῇ πρὸς Θεὸν ἐκστάσει τοῦ θεοσπεσίου τούτου πατρὸς οἷα δι’ ὧν γράφει συμμαρτυρῶν, τοιάδε φησὶν (*Niketas Stethatos*. Preface to the Hymns of Symeon the New Theologian 5.81–83 Kambylis).

So also the expert in theology, Dionysius, testifies in the text of *Divine Names* on the method and the ecstasy towards God similar to our divine father, and says this:

Thus in 1035 Niketas quotes the *Divine Names* to prove his argument²⁷. The technique of quoting Dionysius to prove his point is also used in the *Studite Costumes* dated between 1043–1054, though the citations are quite few²⁸. Thus one can see three distinct phases: one before he studied Dionysius the Areopagite, one when he is devoted to his study and the final phase when he uses Dionysius quite rarely. This classification allows one to suspect that the treatise on the Hierarchies can be placed in the middle period (sometime between 1035 and 1059). Indeed in his treatise on the identification of the celestial with the church hierarchy he quotes extensively from Dionysius. This time he quotes from the *Ecclesiastical Hierarchy* and the *Celestial Hierarchy* of Dionysius the Areopagite.

Line	Ecclesiastical Hierarchy	Line	Ecclesiastical Hierarchy	Line	Ecclesiastical Hierarchy
7.5–8	EH 6.2.5	14a	CH 1.3	44a	CH 8.1
7.10–13	EH 1.2	16a	CH 5	46a	CH 8.1
7c	EH 1.2	17a	CH 6.2	49a	CH 9.1
8a	EH 1,3	25a	CH 7.1	51a	CH 9.2
9a	EH 1.4	27a	CH 7.1	53a	CH 9 9,2
10a	EH 1.5	29a	CH 7.1	57a	CH 3.2
11a	EH 1.5	34a	CH 12.1–2	57c	CH 3.3
12c	CH 1.1	35a	CH 12.2–3	58a	CH 3.3
13a	CH 1.3	42a	CH 8.1	58b	CH 4.1

²⁷ Moreover Dionysius is mentioned explicitly at Scholia to Hymn 15.80.

²⁸ Other quotations of Dionysius are: *Niketas Stethatos*. *Studite Costumes* 1.17–21 Darrouzès.

These quotations reveal that Niketas Stethatos employed only the *Divine Names*, *Ecclesiastical* and *Heavenly Hierarchy*. One of the treatises which he wrote in old age contains only one reference to Dionysius which is not a direct quotation but a reference to the EH²⁹. One should differentiate clearly the introduction of 1035 from the Hierarchy. In the first case he employs a well-accepted church father in order to guarantee the orthodoxy of a new church father, namely Symeon the New Theologian. This operation is successful and Niketas was recognised as the best theologian in the city. The other operation creates something new from two existing texts of Dionysius. Indeed in the introduction of this work he specifies it was composed by him (πονηθέντα μοι) and appears to be creative. This data allows one to establish four phases of composition in Stethatos' career:

- 1st (before 1019) transcription of Symeon's work and defence of his ideas (κατὰ τῶν Ἀγιοκατηγόρων);
- 2nd (ca. 1019–1035) study of Dionysius the Areopagite (*Divine Names*, *Heavenly Hierarchy* and *Ecclesiastical Hierarchy*) and separation from his master. Publication of argument that Symeon's hymns are simply new expressions of the Areopagite's ideas. (edition of Hymns and preface in 1035);
- 3rd (ca. 1043–1059) defence of studite practice with rare use of Dionysius (*Studite Practices, Against the Latins*);
- 4th (undated but at the end of his life — after 1059?) philosophical treatises with scanty references to Dionysius. (*On the soul, On the limits of life*).

The transition from the first to the second phase represents the change from being a student to presenting new ideas in favour of one's master. However the third phase seems to illustrate the political role of theology. Stethatos writes the treatise for the Studite monks in order to defend them from the attack of the Patriarch Keroularios, who had also tried to strike out the name of Theodore Studites from the Synodikon:

Μιχαὴλ δὲ ὁ πατριάρχης ἅμα τῷ χειροτονηθῆναι τὸν πᾶπαν Ῥώμης τῶν διπτύχων ἐξέβαλε, τὸ τῶν ἀζύμων ζήτημα ἐπενεγκὼν αὐτῷ τῆς ἐκβολῆς αἴτιον· συνήργει δὲ τούτῳ Πέτρος τε ὁ Ἀντιοχείας πατριάρχης καὶ Λέων ὁ Βουλγαρίας ἀρχιεπίσκοπος καὶ τὸ τῆς ἐκκλησίας ἅπαν ἔλλογιμώτερον. προσκρούων δὲ καὶ πρὸς τὸν τῆνικαῦτα τῆς μονῆς τοῦ Στουδίου ἡγούμενον Μιχαὴλ, ὃ Μερμέντουλος τὸ ἐπώνυμον, τοῦ ἐπ' ἐκκλησίας ἀναγιγνωσκόμενου συνοδικοῦ τὸν ἐν ἁγίοις Θεόδωρον τὸν Στουδίτην ἐξέβαλε. μὴ ἐνεγκὼν δὲ ὁ Μερμέντουλος τὸ γεγονός, τῷ βασιλεῖ προσελθὼν τοῦτο αὐτῷ διανήγγειλε. διὸ προστάζει βασιλικῇ ἀνεγνώσθη τὸ συνοδικὸν τῇ κυριακῇ τῆς Σαμαρείτιδος. καὶ τὰ μὲν ἄλλα πάντα κατὰ τὸ ἔθος ἀνεγνώσθησαν, τὸ δὲ τοῦ μεγάλου Θεοδώρου ὄνομα ὁ πατριάρχης ἀναστὰς ἐξεφώνησε μεγάλη καὶ διατόρῳ φωνῇ. καὶ οὕτω κατευνάσθη ἡ περὶ τούτου τῶν τε μοναχῶν καὶ τοῦ Μερμεντούλου στάσις (*Scylitzes*. Synopsis. Const 9.7.3–13 Thurn).

As soon as Michael was elected patriarch, he erased the Pope of Rome from the diptychs, adducing the question of unleavened bread as reason for the exclusion. The Patriarch of Alexandria and Leo the archbishop of Bulgaria assisted him in this as well as all the most intellectual part of the church. He also attacked the then abbot of the Studios monastery, whose surname was Mermentulos. The patriarch removed Saint Theodore from the Synodikon read in church. Since Mermentulos could not bear what had happened, he went to the emperor and told him. Therefore by imperial decree the Synodikon was read on the Sunday of the Samaritan woman. Everything else was read according to custom, and the

²⁹ ὡς τῷ ἀρεοπαγίτῃ μεγάλῳ Διονυσίῳ ἐν τῷ τῶν ἱερῶς κεκοιμημένων μυστηρίῳ δοκεῖ (*Niketas Stethatos*. On the soul oration. 1.13–14 Darrouzès).

patriarch stood up and recited the name of the great Theodore with a loud and clear voice. So the rebellion of the studite monks and Mermentulus was put to rest.

This passage illustrates clearly the conflict between the Patriarch Michael Keroularios and the Studios Monastery³⁰. Thus it is unlikely Stethatos would defend the church hierarchy theologically as he did in the *On Hierarchy*. One may imagine a time for its composition before 1043, when Keroularios became patriarch. Moreover, the numerous quotations of Dionysius in the treatise of *On Hierarchy* seem similar to the *Preface to the Hymns* (1035) and therefore places it is rather in the second phase (1019–1043). Therefore, it was written during the patriarchate of Alexios Studites (1025–1043). This would also have the advantage of being written for a patriarch who had been monk in the same monastery.

If one turns to the polemics against the Latins published in 1054, and surviving in Latin³¹, it is clear that it is a polemical work written for the Latins and without any references to Dionysius the Areopagite. This would seem to imply as well that the polemics against the Armenians and Jews fit in a period when Stethatos was writing polemical works with few references (if any) to Dionysius the Areopagite for the benefit of people outside his inner circle, and especially with the aim of conversion. Thus one could place the polemics against the Jews and Armenians between 1043–1059, during the patriarchate of Michael Keroularios. Moreover the treatise against the Armenians could be connected with the conquest of the Armenian kingdom of Ani in 1045³², or slightly later to the residence of the Armenian Patriarch in Constantinople in ca 1049–1054³³. In both cases it would seem that during the patriarchate of Keroularios, Stethatos offered his polemical works without complex quotations from the Areopagite. That this was a decade dedicated to polemics is clearly visible from the account written by Humbert of Silva Candida who begins by describing his attack on Stethatos:

Anno duodecimo imperii Constantini Monomachi indictione VII, ipso die nativitatis beati Ioannis Baptistae, advenientibus a domino Papa Leone nono apocrisariis sanctae romanae et apostolicae sedis. Humberto scilicet cardinali episcopo Silvae Candidae et Petro Amalphitanorum archiepiscopo, Friderico quoque diacono et cancellario, ad monasterium Studii intra urbem Constantinopolitanam Nicetas monachus, qui et Pectoratus, ante praesentiam praefati imperatoris et procerum ejus insistentibus ipsis nuntiis Romanis anathematizavit quoddam scriptum sub nomine contra sedem apostolicam et omnem Latinam ecclesiam editum et praetitulatum: De azymo, de sabbato et de nuptiis sacerdotum. Insuper anathematizavit cunctos, qui ipsam sanctam ecclesiam Romanam negarent primam omnium ecclesiarum esse et qui illius de fidem semper orthodoxam praesumerent in aliquo reprehendere. Post haec statim in conspectu omnium ad suggestionem eorundem nuntiorum Romanorum jussit idem orthodoxus imperator praefatum incendi scriptum

³⁰ One cannot underestimate the importance of this political conflict. Much of book five of Psellos' *Chronographia* is devoted to the protection sought by Michael V Kalaphates at the Studios monastery.

³¹ Part of the Greek original of this text and is edited in *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata* / Ed. J.-B. Pitra. Vol. 6. P., 1891. P. 761–782.

³² The importance of Ani at the time is revealed by the direct reference in Psellos' encomium 2 dated between 1050–1054 as well as in the typikon of Mt Athos of Monomachos of 1045 edited in *Pachryssanthou D. Actes de Prôtaton* [Archives de l'Athos VII. P., 1975]: 224–232. Both these texts refer to the conquest of cities with large populations. The main one is of course Ani as explained by *Attaleiates*. *Historia* 79.14 Bekker.

³³ Bayer A. *Spaltung der Christenheit*. Köln, 2002. S. 68. N. 34. According to Barmin the fifth speech against the Armenians should be dated before 1054 since it quoted in the antilatin polemics. See: Бармин А.В. Полемика и схизма. М., 2006. С. 145–148, 172–176.

sicque fuit discessum. Sequenti autem die praedictus Niceta urbe est egressus (Humbertus Silva Candida. Brevis Commemoratio 150–151 Will).

In the twelfth year of the reign of Constantine Monomachos, in the seventh indiction, the very day of the birth of the blessed John the Baptist, the apochrysarii of the holy roman and apostolic see sent by pope Leo the ninth, Humbert, cardinal bishop of Silva Candida and Peter the archbishop of Amalfi, and a certain deacon and chancellor Frederick, arrived at the monastery of Studios within the city of Constantinople. The monk Nicetas, who is also Pectoratus (Stethatos), before the presence of the abovementioned emperor and before him, while the roman ambassadors were insisting, he anathematized a treatise in his name published against the apostolic see and against the entire latin church and entitled: On unleavened bread, on Saturday and marriage of priests. He anathematized also all those who refused that the same holy roman church is the first of all churches and those who always presumed his orthodox faith but reprehended him elsewhere. After this the orthodox emperor ordered him immediately before everyone according to the suggestion of those roman ambassadors to burn the above mentioned treatise and so it was done. The next day the above mentioned Nicetas left the city.

This passage illustrates the will of the emperor to avoid conflict among the theologians of the patriarch and those of the pope. The latter asked for action to be taken against Stethatos and specifically the three works: de azymo, de sabato, de nuptis sacerdotum. He requested the works be burned. This would imply, as one may see from the passage above, that the surviving treatises against the Latins are new ones³⁴ written after the previous had been burned. These older works should be therefore dated before 1054 and probably after 1043 when Patriarch Keroularios inspired polemical works. From this passage though one understands that the conflict between Niketas and Keroularios continued during the entire patriarchate. It would be tempting to see the profession of faith as a document produced for the synod of 1053/4 in which Stethatos had to defend himself. However there is no internal proof³⁵. Moreover it is further confirmation that the essay on the spiritual elevation of the church hierarchy can only have been written before 1043. Therefore this would mean that current hypothesis would be

Phase 1 until ca. 1019 — With Symeon without Dionysius

ca. 1019   *Against the accusers of the Saint (κατὰ Ἀγιοκατηγόρων)*

Phase 2 ca. 1019–1043 — Distance from Symeon but study of Dionysius

1022   death of Symeon
1035   publication of hymns and introduction
1025–1043   *On the hierarchies*

Phase 3 1043–1059 — political defence of studite practice and polemics

1043–1054   *Studite costumes*

³⁴ Indeed Barmin correctly points out that the three treatises in Vat. gr. 1151, Vat. gr. 1105, Caes. Vindob. 306 are to be dated to the early summer 1054. Бармин А.В. Полемика и схизма. С. 165–166.

³⁵ This also adds to the problem that Leo metropolitan of Arcadioupolis (*Niketas Stethatos*. Profession of Faith 14 Darrouzès) is undatable at present though Darrouzès believed that he was appointed after 1080: P. 23–24.

1043–1054	<i>De azymo</i>
1043–1054	<i>De Sabato</i>
1043–1054	<i>De Nuptis Sacerdotis</i>
1052	<i>life of Saint Symeon</i>
1053/4	exile of Niketas Stethatos from Constantinople
1054	<i>against the Latins</i>
1043–1059	<i>against Armenians</i>
1043–1059	<i>against Jews</i>

Phase 4 — philosophical phase

On the limits of life

On the soul

On Paradise

This new chronological framework allows one to seek examples of evolution within the texts. These considerations do not constitute proofs but rather illustrations of the chronology argued above. If we compare the first phrase from a text of the first and second period the difference is apparent. The first tends to introduce the subject gently and with a biblical reference. The second begins with extremely technical vocabulary.

Καλὸν ἐκ τοῦ Ἱερεμίου τοῦ προφήτου προοιμιᾶσθαι τήμερον καὶ οὕτω κατ' ἐκεῖνον μέσον τῆς παρούσης γενεᾶς τῶν ἀνθρώπων γεγωνότερον ἐκβοῆσαι (*Niketas Stethatos*. *Against the accusers of the Saint* 1–2 Paschalides).

It is good to begin the treatise today with a passage from Jeremiah and so to illustrate by that means who is more suited to the present generation of men.

Τὸ λίαν ἀνατατικόν τε καὶ διηρμένον αὐτὸ τε τὸ ὑπὲρ αἴσθησιν τῶν ἐγγεγραμμένων ἐνταῦθα καὶ τὸ ὕψος τῆς θεολογίας καὶ τὸ βάθος τῆς τούτων ἀντικρυς γνώσεως οὐ πᾶσιν, οἶμαι, καταληπτόν τε καὶ εὐεπιβατόν ἐστι (*Niketas Stethatos*. Prologue to Hymns of Symeon New Theologian 1.4–7 Kambylis).

The excessively recondite, the elevated subject and the nature beyond perception of what is written here as well as the highbrow theology and depth of knowledge of these matters, I think, is not comprehensible or accessible to all.

The transition from the first two lines of the *Defence against the Accusers of the Saint* (κατὰ Ἀγιοκατηγόρων) and the first two lines of the prologue of 1035 is dramatic. While the first passage slowly introduces a biblical quotation from Jeremiah and tries to captivate the audience's benevolence, the second text begins with a word ἀνατατικόν employed by Dionysius the Areopagite, Theodore the Studite and John Damascene and states that most people will not be able to follow the rest of the text. Such a technical discourse and in some ways such arrogance leads to a more modest introduction of the Hierarchy where however it is clear he is using complex ideas:

Τὸν εἰς τὴν οὐρανίαν ἱεραρχίαν καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐκκλησιαστικὴν ὡσαύτως ἱεραρχίαν διὰ θεωρίας πονηθέντα μοι λόγον, εὐλογημένε μου δέσποτα, τῇ σῇ σοφωτάτῃ κρίσει καὶ ἐπισκέψει ὁ ἀμαθὴς ἔστειλα καὶ ἀγύρτης ἐγὼ καὶ γεώδης τὸν νοῦν (*Niketas Stethatos*. On the Hierarchy Oration 3.1–5 Darrouzès.)

Blessed lord of mine, I am ignorant, lowly and earthly in the mind, I have sent you this essay written by me on the heavenly hierarchy and on our church hierarchy for your judgement and consideration.

Like the introduction of 1035, the text from the outset declares its dependence on the text of Dionysius the Areopagite quoting both the title of the treatise on the heavenly hierarchy and the ecclesiastical one. The next phase is characterised by a return to introducing the subject matter in a less intellectual manner. The Studite costumes is clearly intended as a political defence and its vocabulary is less technical from the outset and desires to explain the subject matter.

Ἡ ζώνη τῶν καθ' ἡμᾶς διακόνων οὐχ ὡς δοκεῖ τισι περιττή τίς ἐστίν ἢ λόγου χωρίς, ἀλλ' ἀρχαιότυπος τῶν ἀποστόλων ὑπάρχει παράδοσις, καθὼς ἐν τῇ θεωρίᾳ τοῦ πονηθέντος ἡμῖν λόγου περὶ ταύτης πλατύτερον ἀπεδείξαμεν καὶ νῦν πεζῶ καὶ συντεμημένῳ τῷ λόγῳ σαφέστερον δείκνυμεν (*Niketas Stethatos*. On Studite Costumes Oration 8.1.1–6 Darrouzès.)

The belt of our deacons does not seem to be superfluous or without reason, but is an ancient tradition on the model of the apostles, as we demonstrated in the discussion of the speech written by me in more detail about this question, and now we show more clearly in a concise prose work.

There are few technical terms present in this beginning, though not specifically connected to Dionysius the Areopagite. The life of Saint Symeon combines intellectual interests with elegant writing, but without being too weighty on the technical side. He is trying to attract readers, not only monks.

Χρῆμα θερμὸν ἀρετῇ, καὶ δεινὸν μὲν ἐμφυσῆσαι τοῦ πόθου τοὺς ἄνθρακας καὶ πῦρ αὐτόχροημα τὴν ψυχὴν ἀπεργάσασθαι, δεινὸν δὲ περῶσαι νοῦν ἀπὸ γῆς καὶ πρὸς οὐρανούς ἐπᾶραι τῷ πνεύματι καὶ θεὸν ὅλον ἀποδεῖξαι τὸν ἄνθρωπον (*Niketas Stethatos*. Life of Saint Symeon the New Theologian 1.1–4 Hausherr)

Virtue is a warm thing, and it good at inspiring the coals of desire and to elaborate quickly the fire in the soul, it is good to elevate the mind from the earth and to raise it towards heaven with the spirit and to demonstrate that man is entirely divine.

The passage shows clarity of intent and desire to employ the life of Saint Symeon as a model of elevation of one's soul to God. Though some of the expressions can be found in some church fathers the text does not indicate a clear link with specific texts as he had done during the 'Dionysian' phase. The three polemical treatises Latins, Jews and Armenians also reveal an audience generally interested in the question but without any specific reading of Dionysius.

The last phase seems to be more philosophical. Indeed it would fit well with phase three if it were not so specifically dedicated to pure theology rather than polemics. In both the introductions to the *Limits of life*, *On the soul* and *On Paradise* we see introductory remarks which do not need well-read readers.

Τὸ πολλάκις περὶ τῶν ὄρων παρά τινων προτεθὲν ἡμῖν ζήτημα, ὥσπερ δὴ καὶ νῦν, φιλονεικούμενον ἀρχῇθὲν ἐστὶ τοῖς λαλεῖν τι καὶ ἀκούειν ἐσπουδακόσι καινόν, ὡς τὰς αὐτὰς χρήσεις τῶν θείων γραφῶν ἐκλαμβάνεσθαι παρ' ἑκατέρου τῶν πρὸς τὰ τοιαῦτα σπουδαίων εἰς τὴν τούτων ἐπὶ τὸ αὐτὸ κατασκευὴν τε καὶ ἀνασκευὴν καὶ τοὺς μὲν τῶν σοφῶν συνιστᾶν αὐτοὺς ὡς πεπηγότας παρὰ Θεοῦ τῇ τῶν ἀνθρώπων ζωῇ, τοὺς δὲ ἀναλύειν ὡς μηδαμῶς εἶναι, ταῖς αὐταῖς χρωμένους περὶ τῶν αὐτῶν ζητήσεων χρήσεις, ὥσπερ εἴρηται (*Niketas Stethatos*. On the Limits of Life Oration 4.1.1–10 Darrouzès).

The question of the limits was often brought to our attention by some, as is now. At first it is difficult for those who try to say or hear something new since the same uses of the Holy Scripture are employed by each of those who deal with such matters for the their descent or ascent for this reason and since the wise one begin as if they were fixed by God for the life

of men, while others undo them as not existing, employing the same uses of the questions as has been said.

Φιλοσοφῆσαι δεῖν ἔγνων περὶ ψυχῆς ἐν τῷ γήρᾳ καὶ τῆς ἐμῆς περὶ τὰ τέλη ζωῆς, ψυχῆς τῆς νοερᾶς καὶ ἀθανάτου καὶ θείας, δι' ἧς ἐγὼ κατ' εἰκόνα τοῦ ἐμὲ πλαστουργήσαντος φαίνομαι καὶ μεθ' ἧς ἐκείνου τὸ καθ' ὁμοίωσιν ἐπιφέρομαι καὶ ἧς ὑπάρχει τὸ τοῦ λόγου ἀξίωμα (*Niketas Stethatos*. On the soul, oration 1. 1.1–5 Darrouzès).

I knew that it was necessary to philosophize about the soul in my old age and at the end of my life, the intellectual immortal and divine soul, through which I appear to be in the image of him who forged me and with which I follow in his likeness and of which it is the honour of the speech.

Ἄγε δὴ καὶ περὶ παραδείσου φιλοσοφήσωμεν· οὗτος γὰρ ὁ σκοπὸς ἡμῖν τοῦ λόγου, δι' ὃν καὶ τὸν ἀγῶνα τούτου μετὰ τὸν περὶ ψυχῆς μοι πονηθέντα λόγον ὑπεδυσάμην (*Niketas Stethatos*. On Paradise Oration 2.1.1–3 Darrouzès).

So, let's philosophize about heaven. This is the aim of our speech, because of which I have undertaken the task of this after I had written the treatise on the soul.

The last three introductions to the philosophical treatises are without the technical language of the areopagitic texts. Therefore the period during which Stethatos quotes the areopagitic corpus is also the most complex stylistically.

Stethatos was not the only author who suffered from a period of complex and technical language. Later on, Psellos has a similar development especially after 1047 when, nearly thirty, he was appointed consul of the philosophers, his language became very technical as can be seen in the encomia 5–7³⁶. This phase lasted only a few years when he became more eloquent and more interested in pleasing rhetorically again, starting in 1051³⁷. If one transposes the same chronology to Stethatos one may suppose that he was 30 in 1035 and therefore born c 1005. Psellos vanishes from the public scene in 1078, when he was sixty. If one applies this chronology to Stethatos then he would have also retired from public life around 1065. Of course this is speculative but may allow one to have a better idea of the timeframe within which Stethatos is writing.

Another important consequence is prosopographical. If the dating is correct for these works, then it would seem that the persons mentioned in the texts or the letters connected to the texts may be dated as well. Niketas Chartophylax Coronidos wrote after 1054³⁸. Gregory the sophist wrote after 1054³⁹. Niketas oikoumenikos di-

³⁶ Lauritzen F. Il nesso tra stile e contenuto negli encomi di Psello // Medioevo Greco. 2007. Vol. 7. P. 1–10.

³⁷ The proximity of the dates of regained eloquence for Psellos and the writing of the life of Symeon by Stethatos may not be accidental. 1051 marked a turning point in politics in the city with a new μεσάζων Constantine the Alan and the rise of Leo Paraspondylos. For Psellos the period 1052–1054 was when he wrote some of his most important encomia from a literary point of view.

³⁸ Letter of Niketas Stethatos to Niketas Chartophylax Νικήτα συγκέλλῳ καὶ Χαρτοφύλακι τῆς Κορωνίδος Νικήτας εὐτελὴς μοναχὸς καὶ πρεσβύτερος μονῆς τῶν Στουδίου ὁ καὶ Στηθαῖος (*Niketas Stethatos*. On the soul oration 1. pr1 title Darrouzès) (*Niketas Stethatos*. On Paradise Oration 2. letter 1 title) Niketas Chartophylax is identified as Niketas 180 in PBW.

³⁹ *Niketas Stethatos*. On Paradise letter 5–8 (Gregory 164 PBW).

daskalos wrote ca. 1035–1054⁴⁰. Alexios monk, deacon wrote after 1054⁴¹. Manuel wrote after 1054⁴².

The first major consequence of this chronology is that Stethatos rediscovered the Areopagite between 1019–1043. The three primary texts he was interested in were the *Divine Names*, employed to justify St Symeon's vision of the uncreated light, and the *Ecclesiastical* and *Heavenly hierarchy* in order to prove that each hierarchical level indicates a step of spiritual advancement. The rediscovery of Dionysius the Areopagite by Niketas Stethatos and especially the application of these texts to interpret the theology of Symeon the New Theologian had an immediate effect on the culture of the capital. One may think of the poem written by Christopher Mitylenaios on Dionysius:

Εἰς τὸν ἅγιον Διονύσιον ἔν(εκα)...

5   Ἐγὼ, Διονύσιε, τολμῶ καὶ λέγειν,
                      ὥς οὐκ ἐπλάσθης ἐν γυναικὸς κοιλίᾳ,
                      ἀλλ' ἁγγέλοις μάλιστα συντεταγμένος
                      ἄνωθεν ἦλθες ἐκ πόλου, φύσις ξένη,
10   βροτοῖς ἀπαγγέλλουσα πάντα πρὸς μέρος
                      τὰ τῶν ἀϋλων ταγμάτων ὅπως ἔχοι.
                      οὕτω γινώσκεις τὰς ἀϋλους οὐσίας·
                      οὕτω θεωρεῖς ἐνθέους θεωρίας·
15   οὕτω θεωρεῖς τὰς φύσεις τῶν ἁγγέλων·
                      οὕτω, τὸ μεῖζον, ἅγγελος σὺ τὴν φύσιν.

(Christophoros Mitylenaios Poem 86 Kurtz)

Saint Dionysius

Dionysius, I dare also to say
That you were forged from the side of a woman
But you were enrolled among the angels.
You descended from heaven above, as a exceptional nature
Announcing in part to humans all the ranks
Of the immaterial beings how they are.
So you know the immaterial being
So you contemplate the nature of the angels
So, rather, you are an angel by nature.

However this is not the only text from someone of the Mangana circle. Psellos also wrote about his quest to find texts of Dionysius and even claimed that he sought and collected his works which were in different manuscripts:

Σὺ δὲ μηδὲ τοῦτο θαυμάσης, εἰ ἐνταῦθα μόνον ἐνήλλακταί μοι τοῦ λόγου ὁ χαρακτήρ· αὐτὰς γάρ σοι σχεδὸν πάσας τὰς τοῦ Ἀρεοπαγίτου Διονυσίου συγγραφικὰς ῥήσεις σποράδην

⁴⁰ Letter of Niketas Chartophylax (Niketas 179 PBW) to Niketas Stethatos Νικήτα τῷ θεοφιλεστάτῳ διακόνῳ τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης Ἐκκλησίας καὶ οἰκουμενικῷ διδασκάλῳ Νικήτας εὐτελεῖς μοναχὸς καὶ πρεσβύτερος ὁ καὶ Σιθηάτος, περὶ τοῦ λόγου τοῦ εἰς τὴν οὐρανίαν ἱεραρχίαν καὶ εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς ὡσαύτως ἱεραρχίαν (*Niketas Stethatos*. On Hierarchy, Oration 2 preface Darrouzès).

⁴¹ Letter of Alexios to Niketas Stethatos Ἀλέξιος μοναχὸς καὶ διάκονος ὁ φιλόσοφος Νικήτα μονάζοντι τῷ Σιθηάτῳ (*Niketas Stethatos*. On Hierarchy, Oration. 2.361–365 Darrouzès).

⁴² Τοῦ αὐτοῦ, πρὸς τινα Μανουὴλ περὶ ὅρων ζωῆς (*Niketas Stethatos*. On the Limits of life Oration 4 title Darrouzès).

συλλεξάμενος παρατέθεικα. Μόνος γάρ οὗτος παρὰ τοὺς ἄλλους ἀκριβεστέραν τὴν πραγματείαν πεποιήται περὶ τὸν θεῖον διάκοσμον (*Psellos*. *Theologica* 1.112.84–88 Gautier).

Do not be amazed about this, if now only the character of my speech has changed: I have assembled for you nearly all the texts of Dionysius the Areopagite which were dispersed and offered them to you. For he alone has accomplished a more accurate subject concerning the divine universe.

Psellos did not limit himself to collect the texts of Dionysius he also used them to justify his interest in the neoplatonist Proclus which he found similar to the church father (just as the *Suda* had done):

τοῦτο δὲ τὸ κεφάλαιον πρότερον μὲν τῷ Ἀρεοπαγίτῃ Διονυσίῳ πλατύτερον διερμηνεύεται, ὕστερον δὲ καὶ τῷ Λυκογενεῖ Πρόκλῳ συλλογιστικῇ μεθόδῳ ἠκριβώται (*Psellos*. *Philosophica Minora* II 118.3–119.3 O' Meara).

This principle has been explained first by Dionysius the Areopagite more extensively, then it was clarified by the syllogistic method by Proclus of Lycia.

Thus Stethatos' rediscovery of Dionysius seems to have an important role on the subsequent rediscovery of Plato and especially the neoplatonist Proclus within secular circles⁴³. In the case of both these authors it is difficult to imagine they had composed these two texts before Stethatos published the hymns in 1035. In the case of Psellos he was ca. seventeen years old and he mentions the study of poetry at this time, rather than philosophy⁴⁴. However the period of Psellos' study of philosophy which seems to have included such thinkers as Proclus and probably Dionysius should be dated before he was promoted consul of the philosophers in 1047. In other words the period in which he studied such matters was the ten years after the publication of the introduction of Stethatos. There does not seem to be evidence of Psellos' interest in Symeon the New Theologian at this time. However the poem of Christopher Mitylenaios on the Areopagite, the references to the Areopagite in the Psellos' philosophical writings seems to imply that the circle around the Mangana monastery may have had an interest in this sort of text. One may seek the figure of Maria Skleraina, mistress of Constantine Monomachos and about whose liason, Stethatos expressed reservations. The only mention of Stethatos in a historical narrative is in relation with Skleraina and it may not be accidental since it was Maria Skleraina who bought the monastery of St Mamas after the death of saint Symeon the New Theologian and who had been its abbot⁴⁵. Her interest in monasticism is also expressed in her support also for St Lazaros of Mt Gale-sion⁴⁶ and by the imperial foundation of the Nea Moni on Chios. Thus one may see

⁴³ On the relation between Stethatos and Psellos see: *Lauritzen F.* Psello discepolo di Stetato // *BZ.* 2008. Bd. 101.2. P. 715–725.

⁴⁴ *Psellos*. *Chronographia*. 4.4.1–3 Impellizzeri.

⁴⁵ The acquisition of Saint Mamas can be seen at Eustathios Rhomaios, *Peira* 15.16 (*Zepos J., Zepos P.* *Ius Graeco-Romanum*. Athens, 1931. Vol. 41.48); On the church of Saint Mamas see: *Εὐστρατιάδης Σ.* *Τυπικὸν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μάμαντος* // *Ἑλληνικά*. 1928. T. 1. Σ. 256–314, with text at Σ. 256–311. See also corrections by *Laurent V.* *Remarques critiques sur le texte du typikon du monastère de Saint-Mamas* // *EO.* 1931. T. 30. P. 233–42, and by A. Σιγαλάς in: *ΕΕΒΣ.* 1930. T. 7. Σ. 399–405.

⁴⁶ Ὁ δὲ γε μοναχὸς Γαβριὴλ πείθει τὸν βασιλεῖα γράψαι πρὸς τὸν πατέρα προστατικῶς μεταβῆναι ἀπὸ τοῦ ὄρους εἰς τὰς Βέσσας διὰ τὸ μὲν ὄρος ὑπάρχειν τῆς μητροπόλεως Ἐφέσου, τὸν δὲ τῶν Βεσσῶν τόπον παρ' αὐτοῦ δὴ τοῦ βασιλέως ἀποχαρισθῆναι τῷ τιμίῳ ἡμῶν πατρὶ εἰς αὐτοῦ τε μνημόσυνον καὶ Μαρίας τῆς λεγομένης Σκληραίνης· καὶ γὰρ καὶ αὕτη παρὰ τοῦ ἰδίου ἀδελφοῦ μαθοῦσα τὰ περὶ τοῦ πατρὸς

that the combined interest in monasticism, philosophy and poetry is connected with the circle of Maria Skleraina.

If father Golitzin is correct in saying that Stethatos had something of a snob⁴⁷, this would mean that his promotion of Symeon the New Theologian, interpreted according to Dionysius the Areopagite's ideas among the aristocratic landowning families such as the Skleroi⁴⁸, was a success. It would also mean that during this period 1035–1043 it was fashionable to write about Dionysius. It was fashionable to think of questions discussed directly by Dionysius and Symeon the New Theologian, such as divine illumination as one may see in Psellos, Mitylenaios and Maupous⁴⁹. It is in these circumstances that the manuscript Sinaiticus 319 was copied in 1048 as the colophon says⁵⁰:

ἐτελειώθη σὺν θεῷ ἡ ἱερὰ καὶ ψυχωφελὴς καὶ θεολογικωτάτη βίβλος τοῦ Ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Διονυσίου μηνὶ Ἰουλίῳ γ, ἡμέρᾳ κυριακῇ, ἔτους ςϛνς, ινδ' α. Γραφεῖσα διὰ χειρὸς Χριστοφόρου, ἐλαχίστου καὶ ἀναξίου διακόνου ἐπὶ Μιχαὴλ τοῦ εὐλαβεστάτου ἡγουμένου μονῆς τῶν Στουδιτῶν. Δυσωπῶ δὲ πάντας τοὺς ἐντυγχάνοντας ἐνταῦθα ἵνα εὐχεσθε ὑπὲρ τῆς ταπεινῆς καὶ ἁμαρτωλοῦ μου ψυχῆς· ὅπως εὕρωμι ἔλεος ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως τοῦ Θεοῦ ἀποδίδοντος ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἴδια ἔργα (*Gardhausen V. Catalogus Codicum Graecorum Sinaiticorum*. Oxford, 1886. P. 62–63).

The holy, beneficial to the soul and most theological book of our blessed father Dionysius was completed with [the help of] God in the month of July, 3rd, on a Sunday of the year 6556 [1048 AD] of the first indiction. It was written by Christopher, the lowliest and unworthy deacon when Michael was abbot of the monastery of Studios. I beg that all those who encounter this book will pray for the humble soul and me, a sinner: in order that I may find forgiveness in the day of judgement of God who rewards each one according to his deeds.

This is an interesting manuscript since it was written at the Studios monastery in 1048 exactly at the time when such texts were becoming fashionable thanks to Niketas who was, after all, a studite monk.

Thus Stethatos only employs three texts of Dionysius, the *Divine Names*, the *Heavenly Hierarchy* and the *Earthly Hierarchy*. Moreover he only quotes them extensively specifically in the period of 1019–1043. He does so in order to render acceptable the innovative hymns of Symeon the New Theologian and to justify the proximity of the church hierarchy to God. This implies that there are two other phases of his writing one before 1019 and another after 1043. The texts of both these phases present only a few quotations of Dionysius the Areopagite. The phase of 1019–1043 coincides mainly with the period of the patriarchate of Alexios Studites (1025–1043) who had been a

---

ἀπέστειλε πρὸς τὸν πατέρα νομίσματα ἑπτακόσια πρὸς τοῖς εἴκοσι καὶ ἓν ἐκ τῶν βασιλικῶν ἐπιπλῶν, ἐξ ὧν δὴ νομισμάτων ἡ πλείων οἰκοδομὴ τῆς Πανσολύπης ἐγένετο (*Gregorius Monachus*. Vita Lazari Mt Galesii // *Acta Sanctorum Novembris* / Ed. H. Delehaye. T. III. Brussels, 1910. P. 245.17–29).

⁴⁷ Golitzin A. Hierarchy versus anarchy? Dionysius Areopagite, Symeon the New Theologian, Nicetas Stethatos and their common roots in ascetical tradition // *St Vladimir's Theological Quarterly*. 1994. Vol. 38.2. P. 131–179; Lauritzen F. An ironic portrait of a social monk: Christopher of Mytilene and Niketas Stethatos // *BS*. 2007. Vol. 65. P. 201–210.

⁴⁸ Seibt W. Die Skleroi. Wien, 1976.

⁴⁹ Lauritzen F. Psellos the Hesychast, a neoplatonic reding of the Trasfiguration of Mt Tabor // *BS*. 2012. Vol. 70. P. 167–180.

⁵⁰ The following poem may also be found in this manuscript ἀγγελικῆς σοφίης ἁμαρύγματα πολλὰ κηχί-σας | ἀνθρώποισι ἀνέφηνας ἰδεῖν νοοσύνθετον Ἄστρον (PG. T. 3. P. 116). The poem is striking also for the reminiscences of Nonnos of Panopolis. For the question see: Lauritzen F. The miliaresion poet: the dactylic inscription of a coin of Romanos III Argyros // *Byz*. 2009. T. 79. P. 231–240.

monk at the Studios monastery. Therefore Stethatos' interest in the divine inspiration of the hierarchy may be explained by his proximity to those in power. Moreover his use of the Areopagite to promote his master's hymns was a success and may have been also interesting for such wealthy patrons as the Skleroi and specifically Maria Skleraina. In any case, the patroness bought the St. Mamas monastery where St Symeon was abbot at the time when Niketas was the prominent theologian of the capital and her circle of intellectuals refer to Dionysius the Areopagite in their poems and works of prose. The importance of Niketas' interest in Dionysius the Areopagite is that he promoted a renewed interest in Dionysius the Areopagite's writings in the eleventh century which Darrouzes identified as his defining feature: 'areopagitisme'.

List of works by Stethatos

Editions

Darrouzès	=	<i>Nicétas Stethatos</i> . Opusculs et lettres / ed. J. Darrouzès. P., 1961.
Paschalides	=	<i>Πασχαλίδης Σ.</i> Ὁ ἀνέκδοτος λόγος τοῦ Νικήτα Στηθάτου Κατὰ Ἀγιοκατηγόρων καὶ ἡ ἀμφισβήτηση τῆς ἀγιότητος στὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 11ο αἰῶνα // <i>Κουντούρα-Γαλάκη Ε.</i> Οἱ ἥρωες τῆς ὀρθόδοξης ἐκκλησίας. Αθήνα, 2004. Σ. 493–518.
Will 1861	=	<i>Will C.</i> Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant. Leipzig, 1861.
Hergenröther 1869	=	<i>Hergenröther J.</i> Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia, quae ex variis codicibus manuscriptis. Ratisbonae, 1869.
Šlenov 2008	=	<i>Шлёнов Д.</i> Первое обличительное слово против армян // Богословский вестник. 2008. Т. 7. С. 39–104.
Šlenov 2010	=	<i>Шлёнов Д.</i> Второе и третье обличительные слова против армян // Богословский вестник. 2010. Т. 9. С. 32–124.
Hausherr 1928	=	<i>Hausherr J.</i> Vita S. Symeonis Novi Theologi // <i>Orientalia Christiana</i> . 1928. Т. 12.

Works

<i>Defence</i>	Paschalides 2004
<i>Dialogue Against the Latins</i>	Will 1861, 127–136
<i>Against the Armenians</i>	Šlenov 2008, Šlenov 2010
<i>Life of Saint Symeon</i>	Hausherr 1928
<i>Centuries</i>	<i>Patrologia Graeca</i> 120, 851–1010
<i>On the soul</i>	Darrouzès 1961, 56–148
<i>On Paradise</i>	Darrouzès 1961, 154–214
<i>On hierarchy</i>	Darrouzès 1961, 292–364
<i>On the limits of life</i>	Darrouzès 1961, 366–408
<i>Treatise against the Jews</i>	Darrouzès 1961, 412–444
<i>Profession of faith</i>	Darrouzès 1961, 444–464

<i>Studite costumes</i>	Darrouzès 1961, 486–507
<i>New heavans and new earth</i>	Darrouzès 1961, 508–517

Lost works and where they are indicated

<i>De Azymo</i>	Humbertus Silva Candida, <i>Brevis Commemoratio</i> 150–151 Will
<i>De Sabato</i>	Humbertus Silva Candida, <i>Brevis Commemoratio</i> 150–151 Will
<i>De Nuptiis</i>	Humbertus Silva Candida, <i>Brevis Commemoratio</i> 150–151 Will
<i>Sacerdotum</i>	
<i>Περὶ προνοίας</i>	Oration 4.46.2–3
<i>Νέα κλίμαξ</i>	see Darrouzès. P. 13

Literature Cited

- ALFEEV, H. *Symeon the New Theologian and the Orthodox tradition*. Oxford 2000.
- ANDIA, Y., de. “Denys l’Aréopagite et sa postérité en Orient et en Occident.” In *Actes du Colloque International, Paris, 21–24 septembre 1994*. Paris 1997.
- BARMIN, A. V. *Пolemika u cхизма*. Moscow 2006.
- BAYER, A. *Spaltung der Christenheit*. Köln 2002.
- EUSTRATIADÈS, S. “Τυπικὸν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μάμαντος.” *Ἑλληνικά* 1 (1928).
- GOLITZIN, A. “Hierarchy versus anarchy? Dionysius Areopagite, Symeon the New Theologian, Nicetas Stethatos and their common roots in ascetical tradition.” *St Vladimir’s Theological Quarterly* 38.2 (1994).
- Gregorius Monachus. “Vita Lazari Mt Galesii.” In *Acta Sanctorum Novembris*. Ed. by H. DELEHAYE. T. III. Brussels 1910.
- HAUSHERR, J. “Vita S. Symeonis Novi Theologi.” *Orientalia Christiana* 12 (1928).
- HERGENRÖTHER, J. *Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia, quae ex variis codicibus manuscriptis*. Ratisbonae 1869.
- HINTERBERGER, M. “Niketas Stethatos der «Beherzte»?” *Byzantinische Zeitschrift* 103/1 (2010).
- Ioannes Scylitzas. *Synopsis historiarum*. Ed. by H. THURN. Berlin 1973.
- KAMBYLIS, A. *Symeon Neos Theologos, Hymnen*. Berlin 1976.
- LAURENT, V. “Remarques critiques sur le texte du typikon du monastère de Saint-Mamas.” *Échos d’Orient* 30 (1931).
- LAURITZEN, F. “An ironic portrait of a social monk: Christopher of Mytilene and Niketas Stethatos.” *Byzantinoslavica* 65 (2007).
- LAURITZEN, F. “Il nesso tra stile e contenuto negli encomi di Psello.” *Medioevo Greco* 7 (2007).
- LAURITZEN, F. “Psello discepolo di Stetato.” *Byzantinische Zeitschrift* 101/2 (2008).
- LAURITZEN, F. “The miliariesion poet: the dactylic inscription of a coin of Romanos III Argyros.” *Byzantion* 79 (2009).
- LAURITZEN, F. “Psellos the Hesychast, a neoplatonic reding of the Trasfiguration of Mt Tabor.” *Byzantinoslavica* 70 (2012).
- LAURITZEN, F. “Synod decrees of the eleventh century (1025–1081): A classification of the documents of the synodos endemousa.” *Byzantinische Zeitschrift* 105/1 (2012).
- Nicétas Stethatos. *Opusculs et lettres*. Ed. by J. DARROUZÈS. Paris 1961.
- PAPACHRYSSANTHOU, D. *Actes de Prôtaton*. Paris 1975 [Archives de l’Athos VII].
- PASCHALIDÈS, S. “Ο ἀνέκδοτος λόγος τοῦ Νικήτα Στηθάτου Κατὰ Ἀγιοκατηγόρων καὶ ἡ ἀμφισβήτηση τῆς ἀγιότητος στὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 11ο αἰῶνα.” In KOUNTOURA-GALAKÈ, E. *Οἱ ἥρωες τῆς ὁρθόδοξης ἐκκλησίας*. Athens 2004.

- PITRA, J.-B., ed. *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata*. Vol. 6. Paris 1891.
- SHLYONOV, D. "Первое обличительное слово против армян." *Богословский вестник* 7 (2008).
- SHLYONOV, D. "Второе и третье обличительные слова против армян." *Богословский вестник* 9 (2010).
- WILL, C. *Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant*. Leipzig 1861.
- ZEPOS, J., and ZEPOS, P. *Ius Graeco-Romanum*. Vol. 41.48. Athens 1931.

Frederick LAURITZEN

PhD

Fondazione per le Scienze Religiose Giovanni XXIII

Via San Vitale 114

40125 Bologna

e-mail: lauritzen@fscire.it

Византийский временник. 2013. Т. 72 (97)

ISSN 0132-3776

Ф. Лауритцен

АРЕОПАГИТИКИ У СТИФАТА: ХРОНОЛОГИЯ ИНТЕРЕСА

Аннотация: Сочинения Никиты Стифата можно разделить на три группы в зависимости от времени их написания. До 1019 г. в них не встречается заимствований из Дионисия Ареопагита. Для периода 1019–1042 гг. характерны многочисленные и обширные цитаты из сочинений «О божественных именах», «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии». После 1043 г. ссылки на ареопагитики становятся редкими и небольшими по объему. Принимая во внимание внутренние датирующие признаки, мы можем установить последовательность написания для недатированных сочинений Никиты Стифата и приблизительно определить время его жизни периодом 1000–1065 гг.

Ключевые слова: Никита Стифат, Дионисий Ареопагит, Симеон Новый Богослов, Михаил Пселл, неоплатонизм.

Лауритцен Фредерик

PhD

Фонд религиозных наук имени Иоанна XXIII

Via San Vitale 114

40125 Bologna

Электронная почта: lauritzen@fscire.it

Р.М. Шукуров

ВОСТОЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СРЕДНЕГРЕЧЕСКОМ ПО РУКОПИСИ BnF, SUPPLÉMENT PERSAN 939

Аннотация: Статья посвящена четырехязычному средневековому словарю из уникальной рукописи в Национальной библиотеке в Париже, составленному в 1439 г. и содержащему богатый материал по среднегреческой лексике и фразеологии. Автор анализирует восточные заимствования, зафиксированные в греческой части словаря. Исследуемые данные о восточных заимствованиях в словаре отражают степень восточных влияний на греческий язык еще в византийскую эпоху.

Ключевые слова: рукопись BnF Supplément persan 939, средневековые словари, среднегреческая лексикография, восточные заимствования в греческом.

В ноябре-декабре 2012 г. мне представилась возможность работать в Национальной библиотеке в Париже¹ с османской сборной рукописью Supplément persan 939, содержащей на лл. 23–65 анонимный трактат, озаглавленный:

اسماء اللغات بالعربية بالفارسية بالتركية باليونانية

Наиболее благозвучный перевод этого названия, который бы достаточно точно передавал смысл оригинала, — «Слова в языках — арабском, персидском, тюркском и греческом»². Далее мы для краткости будем обозначать трактат как «Слова». Трактат (второй по счету из трех сочинений в рукописи) представляет собою четырехязычный лексикон, организованный в таблицу с четырьмя колонками: 1) арабский элемент, 2) персидский, 3) турецкий, 4) греческий (см. рис. 1). В науку этот трактат введен не так давно Н.И. Сериковым, который вполне справедливо определил его как словарь-разговорник³. Однако в ключевом пункте атрибуции памятника Н.И. Сериков допускает ошибку, неверно прочитав колофон, завершающий «Слова». В колофоне (л. 65), написанном на персидском языке, читаем следующее:

¹ Моя работа в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже стала возможной благодаря финансовой поддержке Fondation maison des science de l'homme (Париж, Франция), за что автор выражает свою признательность фонду.

² Richard F. Catalogue des manuscrits persans. T. II: Le Supplément persan 1 à 1000. Roma: Istituto per l'Oriente S.A. Nallino, 2009. N 939/II. См. также старый каталог Эдгара Блоше, имеющий дополнительную информацию, не повторенную Франсисом Ришаром: Blochet E. Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque nationale. T. 1–4. P., 1905–1934. T. 4. N 2139/2.

³ Сериков Н.И. «Баба у него — бабус!» (османский словарь-разговорник XV в.) // *Turcica et Ottomanica*: сб. в честь 70-летия М.С. Мейера / Ред. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006. С. 319–328.

تمام شد با عون خداي تعالي در دوم روز ماه شعبان
المبارک در شب يکشنبه سنه اثنا و اربعين و ثمانمائه
الهجرية

«Завершена [книга] с помощью Всевышнего Бога в день второй славного месяца ша'бана в ночь на воскресенье в году восемьсот сорок втором Хиджры».

Воскресенье 2 ша'бана 842 соответствует 18.01.1439 нашего летоисчисления⁴. Следовательно, работа над словарем была закончена в ночь с субботы на воскресенье, т. е., по нашему исчислению суток, 17 января (следующие сутки начинались после захода солнца). Колофон принадлежал скорее всего составителю словаря, а не переписчику, поскольку сама рукопись относится, как указывает Ф. Ришар, самое раннее, к концу XV в. Словарь создавался, судя по всему, турком, для которого персидский не был родным. В тексте колофона содержится тюркизирующая синтаксическая ошибка — порядок слов в словосочетании «день второй» (دوم روز) не персидский, но тюркский (ср.: ikinci gün, правильный порядок слов по-персидски будет обратным — روز دوم). Огрехи, которые может допустить только неиранец, можно заметить и в расстановке огласовок в персидских словах: چیزها вместо правильного چیزها و رنکها вместо правильного رنکها и многие другие. Словарь создавался на территории Османской империи, скорее всего в областях населенных греками, однако пока трудно сказать на каких именно территориях — на анатолийских или балканских.

Наш словарь содержит 649 (но не 645, как утверждал Н.И. Сериков) словарных статей, в которых арабские слова и выражения переведены на три языка: персидский, греческий и тюркский. Словарные статьи в нашем лексиконе разделены на 26 тематических глав (см. ниже Приложение). Сочинение принадлежит к весьма редкому типу средневековых многоязычных словарей, которые содержат греческий раздел и из которых лишь несколько сохранилось до нашего времени⁵. Наиболее близкая параллель для нашего словаря представлена так называемым «Расулидским шестязычным лексиконом», составленным во второй половине XIV в. и изданным Питером Голденом, который также исследовал греческую его часть в отдельной монографии⁶. В упомянутой статье Н.И. Сериков подробно

⁴ У Н.И. Серикова (С. 320. Примеч. 9): 1) ошибочное يکشنبه вместо لسنه, 2) ошибочное لسنه вместо سنه, 3) пропущено الهجرية, 4) дата ошибочно дается как 2 ша'бана 884 г. Х. (19 окт. 1479 Р. Х.). Однако отметим, что уже в старом каталоге Э. Блоше дата обозначена правильно (*Bloch E. Catalogue... P. 93*). Не могу не обойти и другой пункт в статье Н.И. Серикова. Рассуждая о влиянии господствующего языка на подчиненные культуры, автор приводит несколько примеров влияния русского на разговорный таджикский язык. Таджикские примеры, приведенные автором, лингвистически невозможны (спутаны глагольные времена, искажены идиомы, даны неверные управления глаголов, неверно применены предлоги и т. д. и т. п.) и, очевидно, создавались каким-то начинающим школяром-шутником, но не носителем таджикского языка.

⁵ См., например: *Никольский Н.* Речь тонкословия греческого: Русско-греческие разговоры XV–XVI века. СПб., 1896; *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch: Beiträge zur Erforschung der Älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922; *Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächslehrbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache / Beiträge von Timan Berger, Christoph Correll, Günther S. Heinrich und Werner Lehfeldt.* Köln; Wien, 1989.

⁶ *The King's Dictionary: The Rasūlid Hexaglot — Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Ed. P.B. Golden, T. Halasi-Kun, L. Ligeti, E. Schütz.* Leiden,

разбирает содержание «Слов». Приведенные им данные (вкуче с каталожными описаниями Ф. Ришара и Э. Блоше) дают достаточно полное представление о содержании «Слов», что освобождает нас от необходимости останавливаться на этом подробно. Несомненно, наиболее интересным является греческий раздел «Слов». Греческие слова и выражения приведены в «Словах» в арабской графике, снабженной в большинстве случаев огласовками. Как видно, составитель словаря записывал их на слух. Источник является новым свидетельством о греческом языке в поздневизантийскую эпоху и заслуживает дальнейшего исследования эллинистами. Небезынтересен и тюркский раздел словаря, содержащий весьма архаичную лексику.

В настоящей работе мы сосредоточимся на восточных заимствованиях, зафиксированных в греческой части «Слов». Если принять во внимание, что сочинение завершено к январю 1439 г., то содержащиеся данные о восточных заимствованиях приобретают особую важность, ибо они отражают степень восточных влияний на греческий язык еще в византийскую эпоху, до начала периода туркокрации.

Отобранные восточные заимствования даются ниже в алфавитном порядке в восстановленном греческом написании, а также и в арабографичной их форме, как она присутствует в оригинале. В последующем разборе применены следующие сокращения:

Языки

араб. — арабский;
греч. — греческий, древне- и среднегреческий;
новогреч. — новогреческий;
осм. — турецкий османский;
перс. — персидский;
тюрк. — тюркский;

Библиография

- Радлов* — *Радлов В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. СПб., 1893–1911.
Andriotes — *Ανδριώτης Ν.Π.* Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη, 1967.
Babiniotis — *Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.
Dawkins — *Dawkins R.M.* Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916.
Dehkhodâ — *Dehkhodâ A.* Loghatnâme (Dictionary). Tehran, 1998 (электронная CD-версия).
Demetrakos — *Δημητράκος Δ.* Μέγα Λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς Γλώσσας. Τ. 1–15. Αθήναι, 1953–1958.
DuCange — *DuCange Ch.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688.
Golden — *Golden P.B.* Byzantine Greek Elements in the Rasulid Hexaglot // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1985 [1987]. T. V. P. 41–166.
Kriaras — Epitome of the Kriaras Dictionary: http://www.greek-language.gr/greekLang/medieval_greek/kriaras/index.html.
LBG — Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts / Ed. Erich Trapp et al. Fasz. 1–6. Wien, 1994–2007.

2000; *Golden P.B.* Byzantine Greek Elements in the Rasulid Hexaglot // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. V. 1985 [1987]. P. 41–166.

أَسْمَاءُ الْفَرَاسِ			
بِالْعَرَبِيَّةِ	بِالْفَارِسِيَّةِ	بِالشَّرِكِيَّةِ	بِالْيُونَانِيَّةِ
در معرفت نام خداي تعالى و رسول و غيره			
الله والہ	نام خداي تعالی	نگری ادری	نگری ادری
پیغمبر اکرم	پیوسته امیر	پسند	ایوسر
الدنيا والاوت	بین جهان	بوجهان	دور از زمین
الارض والعباد	ان جهان	در جهان	اگر زمین
الموت	جنت	پشتاوت	نیاز زمین

françois
Dieu

prophete

ce monde

l'autre
monde

l'apostrophe

Рис. 1. Первый лист словаря в Supplément persan 939 (fol. 23).

- Papadopoulos — Παπαδόπουλος Α.* Ἱστορικὸν λεξικὸν τῆς Ποντικῆς διαλέκτου. Τ. 1–2. Αθήναι, 1958–1961.
- Redhouse — Redhouse J.* A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1921.
- TLG — The Thesaurus Linguae Graecae: <http://www.tlg.uci.edu/>.
- TS — Tarama Sözlüğü / Türk Dil Kurumu. Τ. 1–8. Ankara, 1965–1977; <http://www.tdkterim.gov.tr/tarama/?kelime=y%FCcerrek&kategori=veritim>.
- Symeonidis — Symeonidis Ch.* Lautlehre der türkischen Lehnwörter im neugriechischen Dialekt des Pontos // ΑΠ. 1971–72. Τ. 31. S. 17–231.

ἀῖράνιν (أَيْرَانِن [ayrānin] — л. 52) — тюркский кисломолочный напиток из йогурта и воды с добавлением соли ← осм. ایران ayran; это греческое слово фиксируется уже в XIV в. (*Golden*, 63); в понтийском диалекте слово фиксируется в форме ἀρίανιν (*Symeonidis*, 168); ср. также с новогреч. αῖράνι.

ἀτματζάς (أَتْمَاجَان [atmājān], слово дано в асс.: ἀτματζάν — л. 61 об.) — «ястреб» ← осм. اتماجه atmaca с тем же значением. Это слово присутствует в понтийском диалекте как ἀτματσάς (*Symeonidis*, 135) и в греческой ономастике в фамильных именах Ἀτματζίδης и Ἀτματζάκης⁷.

γιοργὸν (или γιουργὸν) ἄλογο (يُرْغُونُ الْوُغُو [yurghūn alūghū] — л. 58) — «конь иноходец» ← осм. يورغه yorga (в «Словах» — يورغا). Это слово фиксируется в *Kriaras*, s. v. как γιοργάς и TLG, s. v. как γιοργάδες (ген. от γιοργάς), но не встретилось мне в новогреческом.

ζαρκουλᾶ[ς] (زَرْكُلَا [zarkulā] — л. 54) — «головной убор» ← перс. زیرکلاه zīrkulāh (осм. külāh). «Слова» дают тюркское соответствие ему как بورك börk «головной убор янычар». Арабское соответствие дается как القلنسوة, обозначающее головные уборы разных типов («высокая шапка, тиара, капюшон, колпак, кепка»); также и персидское соответствие کلاه kulāh весьма общее, обозначает различные виды головных уборов. В греческой и латинской литературе XV в. ζαρκουλᾶς, ζαρκολᾶς, zarchula обозначало головной убор янычаров⁸. В данном случае, по-видимому, греческое ζαρκουλᾶ[ς] применено в широком смысле и означает головной убор восточного типа (войлочные шляпа, колпак, кепка).

ζαρταλούδι (زَرْدَالُودِش [zardālūdīsh], окончание на *сигму* является очевидной ошибкой автора «Слов» — л. 52 об.) — «абрикос» ← перс. زردآلو zardālū, ср. осм. zerdali (*Redhouse*, 1280), старое заимствование, первоначально отмеченное в медицинских текстах, по крайней мере, к XII в. в первоначальной форме ζαρταλοῦ (*DuCange*, 459; *LBG*, 641). Это слово присутствует в новогреческих словарях в форме ζαρταλούδι, ζερδελιά, ζερτελίν и т. д. (см., например: *Demetrakos*, 3185).

ζιλίν (زِيلِين [zīlīn] — л. 49) — «покрывало, подстилка», ← осм. زيلو zili (zilü) (TS, статья zili; *Redhouse*, 1023) ← перс.; Деххуда отмечает, что это

⁷ Τομαΐδης Δ. Ελληνικά επώνυμα τουρκικής προελεύσης. Αθήνα, 1990. Σ. 48.

⁸ *Ducas*. Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. București, 1958. XXIII. 9. P. 179.19–26; *Pertusi A.* La caduta di Costantinopoli. T. 1: Le testimonianze dei contemporanei. Verona, 1976. P. 166.484; *Leonardus Chiensis Mitylenaeus Archiepiscopus*. Notitia // PG. T. 159. Col. 942. Дефиниция ζαρκουλᾶ в *DuCange* 458 and *LBG* 641 ошибочная, см.: *Shukurov R.* On some Oriental Borrowings in Middle Greek (11th–15th Centuries) // Change in the Byzantine World in the 12th–13th Centuries: First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium. Istanbul, 2010. P. 154–155; *Он же.* Заркоλᾶς и ζαρκολᾶς: два османских заимствования в среднегреческом // Османский мир и османистика: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973) / Ред. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2010. С. 511–515.

именно хлопчатая ткань (*Dehkhodâ*, статья زيلو). В доступных мне греческих словарях это слово отсутствует. Слово имеет много значений как в персидских, так и турецких словарях, отражающих разные его употребления в различных географических ареалах и в разные эпохи. Однако его семантическое наполнение в данном конкретном случае, вероятно, наиболее ясно отражено в персидском определении, данном в «Словах», а именно, букв. «ткань для покрывания» (جامه گستر دنی). Возможно, как отмечается в нескольких словарях, текстура этой ткани представляла собою квадраты, наподобие шахматной доски.

καβᾶδιν [قَوَادِین] [kawādīn] — л. 53 об.) — «кафтан» ← перс. قبا qabā, древнее заимствование из среднеперсидского, отмеченное еще в военных трактатах VII в. (LBG, 724; *Kriaras*, s. v.; TLG, s. v.). В «Словах», равно как и в «Расулидском Словаре» (*Golden*, 95), оно представлено как греческий перевод араб. القباء (← перс. قبا), перс. قبا и осм. قفطان kaftan (← перс. خفتان). Интересно, что составители словарей отчетливо распознали генетическую связь между καβᾶδιν и قبا, что усиливает доверие к достоверности приведенных ими переводов. Это слово было в ходу в греческой среде еще в новое время (*Andriotes*, 134), но из самых современных словарей уже исчезло.

κότζιν [قُوجِین] [qūjīn] — л. 56) — «баран» ← осм. коҗ koç с тем же значением; греческое слово фиксируется, в частности, в понтийском (котҗ', γотҗ') и каппадокийском диалектах (*Papadopoulos*, 2/473; *Symeonidis*, 140, 142; *Dawkins*, 683).

μα[ĩ]μοῦ [مَامُو] [māmū] — л. 57) — «обезьяна» ← араб. ميمون maymūn. Старое заимствование, фиксируемое, по крайней мере, с XII в. (LBG, 961; *Golden*, 106). В новогреческом сохранилось в той же форме μαῖμοῦ⁹.

πασ[ου]μάκιν [بَشْمَاكِین] [bashmākīn] — л. 54) — «обувь» ← осм. башмак / paşmak; хотя в новогреческом позднего времени πασουμάκι и πασουμί обозначало «вид женских туфель» (*Andriotes*, 269, *Demetrakos*, 5578), в «Словах» πασ[ου]μάκιν, соответствуя осм. başmak и перс. کفش kafsh, представляет собою общее именование для обуви.

σαμουρίν [سَمُورِین] [samūrīn] — л. 54 об.) — «соболья шуба» ← осм. samur «соболь, соболиный мех»; тут речь идет именно о шубе, ибо слово приводится в главе, посвященной одежде (ملبوسات), и, кроме того, турецкое соответствие для σαμουρίν дается как гиш giyş «шуба» (редкое giyş встретилось мне только в: *Радлов*, 2/1552). В новогреческом слово продолжает существовать в форме σαμουρί со значением «куница, соболь».

ταγαρτζούκι [طَغَرَجُوكِی] [tagharjūkī] — л. 60) — «кожаный мешок» ← осм. даґарсик dağarcık с тем же значением. Это греческое слово фиксируется уже в XIV в. (*Golden*, 79: δαγαρτζούκι) и у Скарлатоса Византиоса в XIX столетии (ταγαρτζικα)¹⁰; в современном греческом словаре присутствует таґάρι ← осм. даґар dağar с тем же значением. Распространенное среди греческих лексикологов мнение, что таґάρι происходит из среднегреческого таґάριον ← таґή (см., например:

⁹ Как показал Майдхоф, греч. μα[ĩ]μοῦ не является обратным заимствованием: *Maidhof A. Rückwanderer aus den islamitischen Sprachen im Neugriechischen (Smyrna und Umgebung) // Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. 1920. Bd. 10. S. 14.*

¹⁰ *Βυζάντιος Σ. Λεξικὸν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐλληνικῆς διαλέκτου, μεθερμηνευμένης εἰς τὸ ἀρχαῖον ἐλληνικὸν καὶ τὸ γαλλικόν. Ἀθῆναι, 1874. Σ. 466.*

Andriotes, 358–359, *Babiniotis*, 1753), является, как показывают работы Г. Дёрфера и Э.В. Севортяна, ошибочным¹¹.

τοσέκιν (دُشِين [dūshīn] — л. 49) — «постель, матрас, место сна» ← осм. دوشک dōšek (в «Словах» дано в форме دُشَك), см. *Redhouse*, 922; *Радлов*, 3/1818. Форма тосέκιν и сходные с ней фиксируются в понтийском диалекте (*Papadopoulos*, 2/403; *Symeonidis*, 207).

τουκάνιν (دُكَانِين [dukānin] — л. 48 об.) — «торговая лавка, магазин» ← осм. دُكَّان dūkkān, отмеченное в «Словах» фонетически как دُكَّن ← перс. دکان / دوکان с тем же значением; греческое слово фиксируется у Р.М. Докинса и для понтийского диалекта у Х. Симеонидиса в форме τουκάν и τουκάνι (*Dawkins*, 674; *Symeonidis*, S. 207).

φίλιν (فِيلِين [fīlīn] — л. 55 об.) — «слон» ← осм. فیل fil ← перс.; слово фиксируется в той же форме в понтийском диалекте (*Papadopoulos*, 2/457).

χαζίριν (خَزِيرِين [khazīrīn] — л. 56 об.) — «свинья» ← араб. خنزير khinzīr с тем же значением. Это старое заимствование, вероятно еще досельджукской эпохи, производные от которого зафиксированы в эпосе «Дигенис Акрит»: χαυζύρισσα («свинья»)¹², и χατζιροφαγούσα (буквально, «поедательница свинины»)¹³. Арабское khinzīr было заимствовано также иранцами и тюрками (ср. осм. hınzir). В новогреческом оно существует в форме χαζίρι.

* * *

Итак, «Слова» содержат 16 восточных слов, заимствованных в среднегреческий в разные эпохи. Из этих слов только 6 (γιοργόν, ζαρκουλᾶς, ζαρταλούδι, καβάδι, μαῖμοῦ, χαζίριν) известны по другим византийским текстам. На данный момент для остальных 10 единиц «Слова» являются единственным свидетельством их употребления византийцами. При этом, 13 из 16 слов до сих пор или до недавнего времени продолжали употребляться в новогреческом. В отношении ζίλιν, не зафиксированном в среднегреческом и новогреческом, «Слова» являются единственным свидетельством его присутствия в греческом языковом пространстве.

Тематически эти заимствования распределяются следующим образом:

- 6 единиц относится к названиям зверей и птиц (ἀτματζάν, γιοργόν ἄλογο, κότζιν, μαῖμοῦ, φίλιν, χαζίριν);
- 4 слова обозначают одежду (ζαρκουλᾶς, καβάδι, πασουμάκιν, σαμούριν);
- 3 названия для предметов домашнего быта (ζίλιν, ταγαρτζούκι, тосέκιν);
- 2 названия для пищи и напитков (ἄϊράνιν, ζαρταλούδι);
- 1 название для торговой терминологии (τουκάνιν).

Этот список, несмотря на его крайнюю ограниченность, вполне отражает общую тенденцию в лексических заимствованиях византийцев с Востока. По-

¹¹ Возможно, это слово вошло в тюркский через посредство иранских языков: *Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen*. Bd. 1–4. Wiesbaden, 1963–1975. Bd. 2: S. 512–519; *Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков*. Т. 1–7. М., 1974–2003. Т. 3. С. 120–122.

¹² *Digenes Akrites* / Ed. with an Introduction, transl. and comment. by J. Mavrogordato. Oxford, 1956. P. 28.82; *Digenes Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen* / Ed. E. Trapp. Wien, 1971. S. 112 (G II. 390), ср.: S. 113 (Z III. 626): χαυντζίρισσα.

¹³ *Digenes Akrites. Synoptische Ausgabe*. S. 112 (E 260); *Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial versions* / Ed. E. Jeffreys. Cambridge, 1998. P. 258 (E 269).

давливающее большинство заимствований из персидского, арабского и турецкого касалось повседневности, мирного быта, торговли, науки. Военная терминология занимала далеко не главенствующее место.

Приложение

Список глав словаря уже публиковался Н.И. Сериковым¹⁴. Однако, поскольку в публикацию оглавления закрались многочисленные огрехи, — я насчитал не менее 10 опечаток в написании слов, — то не будет лишним воспроизвести его еще раз, снабдив его русским переводом. В рукописи большая часть заголовков снабжена огласовками, которые тут мы опускаем. В квадратных скобках [] даны слова, пропущенные переписчиком.

باب اول در معرفت نام خدای تعالی و رسول و غیره	Глава первая о познании имен Всевышнего Бога, Пророка и тому подобного (л. 23)
باب دوم در بیان فرمودن چیزها	Глава вторая о волеизъявлении (л. 23 об.)
باب سوم در معرفت چیزهای مختلف	Глава третья о познании разных вещей (л. 31 об.)
باب [چهارم] در معرفت حروف و ضمائر	Глава [четвертая] о познании частиц и местоимений (л. 33)
باب پنجم در معرفت اندام مردم	Глава пятая о познании частей тела человека (л. 36)
باب ششم در معرفت چیزهای که در بدن است	Глава шестая о познании вещей, которые внутри тела (л. 39)
باب هفتم در معرفت خویشان و غیره	Глава седьмая о познании родственников и тому подобного (л. 39 об.)
باب هشتم در معرفت چیزهای اضداده	Глава восьмая о познании противоположных вещей (л. 41 об.)
باب نهم در معرفت روزها و وقتها	Глава девятая о познании дней и времен (л. 45)
باب دهم در معرفت شبها و اوقاتش	Глава десятая о познании ночей и их частей (л. 46)
باب یازدهم در معرفت روزها ¹⁵ و اوقاتش	Глава одиннадцатая о познании дней и их частей (л. 46 об.)
باب دوازدهم در معرفت فصول سال ¹⁶	Глава двенадцатая о познании времен года (л. 47)
باب سیزدهم در معرفت شهر و ولایت	Глава тринадцатая о познании городов и областей (л. 48)

¹⁴ Сериков Н.И. «Баба...» С. 326.

¹⁵ В тексте شبها «ночей», что изменено нами на предположительное روزها «дней» (по аналогии с названием предыдущей главы): в этой главе идет речь о восходе и закате звезд, солнца, фазех луны, радуге.

¹⁶ В тексте ساله, что по смыслу неуместно.

باب [چهاردهم] در معرفت قماش خانه و غیر آن

باب پانزدهم در معرفت حبوبات

باب شانزدهم در معرفت خوردنی

باب هفدهم در معرفت درختان و میوه ها

باب هشدهم در معرفت ملبوسات

باب نوزدهم ۱۹ در معرفت زیورها

باب بیستم ۲۰ در معرفت چهارپایان

باب ۲۱ در معرفت الوان اسبان

باب ۲۲ در معرفت سلاح و سلب

باب ۲۳ در معرفت رنگها

باب ۲۴ در معرفت بیمارها

باب ۲۵ در معرفت نامهای مرغان

باب ۲۶ در معرفت شمار

Глава [четырнадцатая] о познании домашних тканей и подобного этому (л. 48 об.)

Глава пятнадцатая о познании круп (л. 50 об.)

Глава шестнадцатая о познании еды (л. 51)

Глава семнадцатая о познании деревьев и фруктов (л. 52)

Глава восемнадцатая о познании одежды (л. 53 об.)

Глава девятнадцатая (19) о познании украшений (л. 54 об.)

Глава двадцатая (20) о познании четвероногих (л. 55)

Глава 21 о познании лошадиных мастей (л. 57 об.)

Глава 22 о познании оружия и снаряжения (л. 58)

Глава 23 о познании цветов (л. 60)

Глава 24 о познании больных (л. 60 об.)

Глава 25 о познании имен птиц (л. 61)

Глава 26 о познании счета (л. 62)

Шукуров Рустам Мухаммадович

Доктор исторических наук

Доцент кафедры истории средних веков

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119992 Москва

Электронная почта: rshukurov@yandex.ru

Rustam SHUKUROV

ORIENTAL BORROWINGS IN MIDDLE GREEK IN THE BNF MANUSCRIPT SUPPLÉMENT PERSAN 939

Abstract: The article deals with a quadrolingual lexicon from a unique manuscript at the Bibliothèque Nationale in Paris, which was compiled in 1439 and contains abundant material on Middle Greek vocabulary and phraseology. The author analyzes Oriental loan-words in the Greek part of the lexicon. The Oriental borrowings, found in the lexicon, reflect to a degree the measure of Oriental influences upon the Greek language during the late Byzantine time.

Keywords: the manuscript BnF Supplément persan 939, medieval lexicons, Middle Greek lexicography, Oriental loan-words in Greek.

Literature Cited

- ANDRIŌTĒS, N.P. *Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής*. Thessaloniki 1967.
- BABINIŌTĒS, G. *Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας*. Athens 2002.
- BERGER, T., CORRELL, C., HEINRICH, G.S., and LEHFELDT, W. *Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächslehrbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache*. Köln; Wien 1989.
- BLOCHET, E. *Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque nationale*. T. 1–4. Paris 1905–1934.
- BYZANTIOS, S. *Λεξικὸν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐλληνικῆς διαλέκτου, μεθερμηνευμένης εἰς τὸ ἀρχαῖον ἐλληνικὸν καὶ τὸ γαλλικόν*. Athens 1874.
- DAWKINS, R.M. *Modern Greek in Asia Minor*. Cambridge 1916.
- DEHKHODĀ, A. *Loghatnāme (Dictionary)* (electronic edition). Tehran, 1998.
- DOERFER, G. *Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen*. Bd. 1–4. Wiesbaden 1963–1975.
- DUCANGE, Ch. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Lugduni 1688.
- DUCAS. *Historia Turco-Byzantina (1341–1462)*. Ed. V. GRECU. București 1958.
- DĒMĒTRAKOS, D. *Μέγα Λεξικὸν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς Γλώσσης*. T. 1–15. Athens 1953–1958.
- Epitome of the Kriaras Dictionary*: http://www.greek-language.gr/greekLang/medieval_greek/kriaras/index.html.
- GOLDEN, P.B. “Byzantine Greek Elements in the Rasulid Hexaglot.” *Archivum Eurasiae Medii Aevi* V (1985 [1987]).
- GOLDEN, P.B., HALASI-KUN, T., LIGETI, L., and SCHÜTZ, E., eds. *The King's Dictionary: The Rasulid Hexaglot – Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol*. Leiden 2000.

- JEFFREYS, E., ed. *Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial versions*. Cambridge 1998.
- Leonardus Chiensis Mitylenaeus Archiepiscopus. "Notitia." In *Patrologia Graeca*. T. 159.
- MAIDHOF, A. "Rückwanderer aus den islamitischen Sprachen im Neugriechischen (Smyrna und Umgebung)." *Glotta; Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache* 10 (1920).
- MAVROGORDATO, J., ed. *Digenes Akrites*. Oxford 1956.
- NIKOL'SKIY, N. *Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI века*. St. Petersburg 1896.
- PAPADOPOULOS, A. *Ιστορικὸν λεξικὸν τῆς Ποντικῆς διαλέκτου*. T. 1–2. Athens 1958–1961.
- PERTUSI, A. *La caduta di Costantinopoli*. T. 1: Le testimonianze dei contemporanei. Verona 1976.
- RADLOV, V. *Опыт словаря тюркских наречий*. T. 1–4. St. Petersburg 1893–1911.
- REDHOUSE, J. *A Turkish and English Lexicon*. Constantinople 1921.
- RICHARD, F. *Catalogue des manuscrits persans*. T. II: Le Supplément persan 1 à 1000. Roma: Istituto per l'Oriente C.A. Nallino, 2009.
- SERIKOV, N.I. "«Баба у него — бабус!» (османский словарь-разговорник XV в.)." In *Turcica et Ottomanica: сб. в честь 70-летия М.С. Мейера*. Ed. by I.V. ZAITSEV and S.F. ORESHKOVA. Moscow 2006.
- SEVORTYAN, E.V. *Этимологический словарь тюркских языков*. T. 1–7. Moscow 1974–2003.
- SHUKUROV, R.M. "On some Oriental Borrowings in Middle Greek (11th–15th Centuries)." In *Change in the Byzantine World in the 12th–13th Centuries. First International Sevgi Gömül Byzantine Studies Symposium*. Istanbul 2010.
- SHUKUROV, R.M. "Зарколаџ и џаркоулаџ: два османских заимствования в среднегреческом." In *Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973)*. Ed. by I.V. ZAITSEV and S.F. ORESHKOVA. Moscow 2010.
- SYMEONIDIS, Ch. "Lautlehre der türkischen Lehnwörter im neugriechischen Dialekt des Pontos." *Архейον Πόντου* 31 (1971–1972).
- Tarama Sözlüğü. *Türk Dil Kurumu*. T. 1–8. Ankara, 1965–1977.
- The Thesaurus Linguae Graecae*: <http://www.tlg.uci.edu/>.
- TOMPAIDĒS, D. *Ελληνικά επώνυμα τουρκικής προελεύσης*. Athens 1990.
- TRAPP, E., ed. *Digenes Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen*. Wien 1971.
- TRAPP, E., et al., eds. *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts*. Fasz. 1–6. Wien 1994–2007.
- VASMER, M. *Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Beiträge zur Erforschung der Älteren russischen Lexikographie*. Leipzig 1922.

Rustam SHUKUROV

D. Sc. in History, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University, Faculty of History
Lomonosovsky prospect, 27–4
119992 Moscow

e-mail: rshukurov@yandex.ru

О.В. Вус

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ LIMES В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ИНЖЕНЕРНОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация: В эпоху правления римского императора Юстиниана I (527–565) в центре и на периферии христианской Ойкумены развернулось грандиозное строительство. Смыслом этого строительства было восстановление старых и возведение новых военно-инженерных рубежей, призванных защищать тысячекилометровые границы Империи. В статье рассматривается вопрос о существовании в V–VII вв. регулярного оборонительного рубежа (*limes*) в Северном Причерноморье, его построении, структуре и организации. Возведенные в горах Крыма по принципу глубокого эшелонирования фортификации стали важной инженерной составляющей регионального военного командования Византии — дуката Херсона.

Ключевые слова: строительство, *limes Tauricus*, Северное Причерноморье, дукат Херсона.

Постановка проблемы. В поисках «больших стен». Военно-инженерная практика византийской администрации неоднократно исследовалась отечественными и зарубежными учеными, но несмотря на достигнутые результаты в ней до сих пор остается ряд невыясненных вопросов, в том числе и вопрос о регулярной системе инженерной защиты, возведенной ромеями в раннем Средневековье на Крымском полуострове. Главным источником, донесшим до нас сведения об этой системе, является трактат Прокопия Кесарийского «О постройках», посвященный грандиозной военно-строительной деятельности Юстиниана I (527–565)¹. В трактате присутствует описание важных мероприятий, осуществленных Византией в Таврике: восстановление античных укреплений Херсона и Боспора, строительство ряда приморских крепостей, возведение «больших стен» на границах «страны Дори», населенной союзниками Империи — готами и аланами:

Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу [Эвксинского Понта] за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алуста и в Горзубитах. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть

¹ Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4. С. 203–283.

римлян. Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз когда императору было это угодно. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны... В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, большими стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов (*Прокопий Кесарийский*. О постройках... С. 249–250).

Если факт проведения столь масштабных мероприятий ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, то само существование регулярного военнотехнического рубежа в Северном Причерноморье многие годы является спорной темой. Начало дискуссии было положено в 1837 г. П.И. Кеппеном (1793–1864), выдвинувшим предположение о создании византийскими военачальниками сложной защитной системы в горах Крыма². Свое видение этой системы Кеппен сформулировал в девяти пунктах, в одном из которых отметил, что раннесредневековые укрепления находятся не только на Южном берегу, но и на северных склонах Крымских гор; их линия протянулась от западного побережья полуострова до горного массива Чатыр-Даг. По мнению исследователя, все эти крепости «составляли общую, систематическим порядком устроенную оборону Южного Крыма»³.

Косвенным подтверждением гипотезы П.И. Кеппена стала находка археолога Р.Х. Лепера (1864–1918), который в 1912 г. обнаружил на г. Мангуп-Кале плиту с надписью VI в., упоминавшую «автократора Юстиниана»⁴. Возможно, открытие этой надписи и результаты исследований средневековых городищ в Горном Крыму в 20–30-х годах XX в. (в частности, Эски-Кермена) подтолкнуло тогда уже профессора Висконсинского университета А.А. Васильева (1867–1953) к выводу о том, что раннесредневековая система инженерной обороны Таврики напоминала «бывший *limes Romanus* на дунайской границе»⁵.

В 1941 г. с новой концепцией выступил В.Н. Дьяков (1882–1959). По его мнению, многочисленные архитектурно-археологические памятники Южного Крыма являлись не чем иным, как остатками римской оборонительной системы I–III в. — Таврического лимеса (*limes Tauricus*)⁶. К такому выводу ученый пришел после раскопок крепости Харакс на мысу Ай-Тодор вблизи поселка Гаспра, которую считал важным звеном лимеса, построенного по образцу Дунайского защитного рубежа⁷.

² Кеппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. СПб., 1837. С. 44–45.

³ Там же. С. 45.

⁴ Лепер Р.Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73–79.

⁵ Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 73.

⁶ Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 87–97.

⁷ Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Ученые записки МГПИ. 1942. Т. 28, вып. 1. С. 3–42.

В начале 50-х годов XX в. М.А. Тиханова (1898–1981) в работе «Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма» представила свое видение византийской оборонительной системы, разделив известные ей памятники на две группы. По ее мнению, укрепления первой группы (Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Шулдан, Инкерман), расположенные в направлении «Запад – Восток», защищали горные проходы. Укрепления второй группы (Сюйрень, Качи-Кальйон, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале) располагались в почти перпендикулярном направлении «Юго-Запад – Северо-Восток». Именно так, считала М.А. Тиханова, выглядел лимес, построенный Юстинианом I для защиты византийских владений в Крыму⁸.

Похожих взглядов придерживалась член-корреспондент АН СССР З.В. Удальцова (1918–1987), видевшая в крепостях Горного Крыма, созданный при Юстиниане I *limes Tauricus* — систему укреплений, «защищавших полуостров от нападения варваров»⁹.

Однако существовала и другая точка зрения на проблему. В 1973 г. руководитель Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН СССР Е.В. Веймарн (1905–1990) опубликовал статью «Еще раз о Таврическом лимесе», в которой подверг острой критике взгляды М.А. Тихановой, З.В. Удальцовой и «основного поборника лимеса, «длинных стен» и страны Дори» — А.Л. Якобсона (1906–1984)¹⁰. Отчасти эта критика была справедливой, так как к ранневизантийским крепостям, составлявшим основу *limes Tauricus*, М.А. Тиханова отнесла три неукрепленных пещерных монастыря (Шулдан, Чильтера, Качи-Кальйон). Оставшиеся семь городищ Е.В. Веймарн предлагал датировать более поздним временем, в частности, Чуфут-Кале — X–XI вв.¹¹ По мнению исследователя, в каких бы отношениях не находились поселения Юго-Западного Крыма с Империей, это не дает «оснований считать их „длинными стенами Прокопия“ или крепостями византийского лимеса и настаивать на том, что именно здесь была страна готов Дори»¹². К таким выводам ученый пришел, ознакомившись с исследованиями О.И. Домбровского (1914–1994) и Э.И. Соломоник (1917–2005), обнаруживших остатки «длинных стен» на северной кромке Крымской Яйлы, и «правильно» идентифицировавших их со стенами Прокопия¹³. Столь «правильная» идентификация дала возможность О.И. Домбровскому и Э.И. Соломоник убедительно (как они считали) определить местонахождение страны Дори, локализовав ее на Южном берегу Крыма¹⁴. Но время доказало иное.

Постепенно новые открытия византийских оборонных и культовых комплексов, раннесредневековых поселений и некрополей в долинах рек Альмы, Бельбека, Качи, Черной, Чурук-Су привели к ревизии попытки Э.И. Соломоник и

⁸ Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 320, 324.

⁹ Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 131.

¹⁰ Веймарн Е.В. Еще раз о Таврическом лимесе // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 255–257.

¹¹ Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма. I: О Чуфут-Кале и Фуллах // АЙСК. 1968. С. 45–77.

¹² Веймарн Е.В. Еще раз о Таврическом лимесе. С. 257.

¹³ Домбровский О.И. Стародавні стіни на перевалах Головного пасма Кримських гір. Археологія. Київ, 1961. С. 155–167.

¹⁴ Домбровский О.И., Соломоник Э.И. О локализации страны Дори // АЙСК. 1968. С. 11–44.

О.И. Домбровского локализовать страну Дори на южном берегу Крыма. В 1979 г. доктор геолого-минералогических наук Л.В. Фирсов (1926–1981), используя методы ландшафтного анализа и обратной временной экстраполяции, убедительно доказал, что страну Дори следует отождествлять с нагорьем Юго-Западного Крыма. По мнению Л.В. Фирсова, именно там проживали готы, которые «не пошли за Теодорихом» в Италию. Согласно подсчетам исследователя, общая численность восточно-римских союзников в Таврике достигала 60 000 человек¹⁵.

В 1979 и 1984 гг. крымские археологи В.Л. Мыц и В.А. Сидоренко обнаружили руины монументальных оборонительных стен, возведенных в римско-византийской строительной технике *opus quadratum* и четко датируемых эпохой правления Юстиниана I и его преемников¹⁶. Вот только открытия эти были сделаны не на кромке Яйлы, а значительно севернее — в ущельях Второй гряды Крымских гор (Каралез и Текме-Таш), у подножия «пещерных городов» Мангуп-Кале и Эски-Кермена.

В записках турецкого путешественника Эвлии Челеби (1611–1682) можно найти упоминание о таких же монументальных стенах, в XVII в. еще перегораживавших ущелье Ашлама-Дере у городища Чуфут-Кале (южнее Бахчисарая)¹⁷. Руины похожего сооружения описал в конце XVIII в. академик П.С. Паллас, видевший в устье Черной речки вблизи крепости Каламита оборонительную «стену, которая от крутой скалы вела прямо к потоку (Черной речке), ... а на другой стороне ... снова тянулась к противоположной скале, где, кажется, были ворота»¹⁸. Изображение еще одной «большой стены», с квадратной башней посередине, можно увидеть в альбоме сенатора П.И. Сумарокова (1767–1846). В начале XIX в. она была зарисована возле с. Предущельное (тогда Кош-Дегермен) в Качинском каньоне, на выходе реки из Второй гряды Крымских гор (рис. 1).

Сопоставление данных нарративных источников и результатов археологических исследований В.Л. Мыца и В.А. Сидоренко позволяет прийти к выводу о том, что «большие стены» — это локальные оборонительные узлы, возведенные инженерами Юстиниана I в 30–40-е гг. VI в. в самых узких местах горных долин Юго-Западного Крыма (Ашлама-Дере, Текме-Таш, Каралез, Инкерманской долине, Качинском каньоне)¹⁹ с целью отстранить «от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов»²⁰. Обозначив на карте месторасположение этих стен, возможно определить и внешние границы подконтрольной Византии страны Дори — самого северного анклава имперских союзников в VI в.

O milites limitanei в стране Дори. В тылу всех «больших стен», находившихся в дефиле Второй гряды Крымских гор, были открыты раннесредневековые поселения, христианские базилики, многочисленные некрополи: V–X и VI–X вв. в ущельях Каралез и Алмалык-Дере, VI–IX вв. в Ашлама-Дере, VI–VII и VII–

¹⁵ Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40. С. 104–113.

¹⁶ Время возведения оборонного комплекса четко датируется фрагментами тарной керамики (амфор) первой половины VI в. и второй половины VI — начала VII в., найденными у стен.

¹⁷ Книга путешествия: Эвлии Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Симферополь, 1999. С. 39.

¹⁸ Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Ryise in die südlichen Stattalters halten des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. 2. S. 203.

¹⁹ Возможно, руины еще одной «большой стены» находятся в ущелье Марьям-Дере, у подножия городища Кырк-Ор (Чуфут-Кале).

²⁰ Прокотий Кесарийский. О постройках... С. 250.

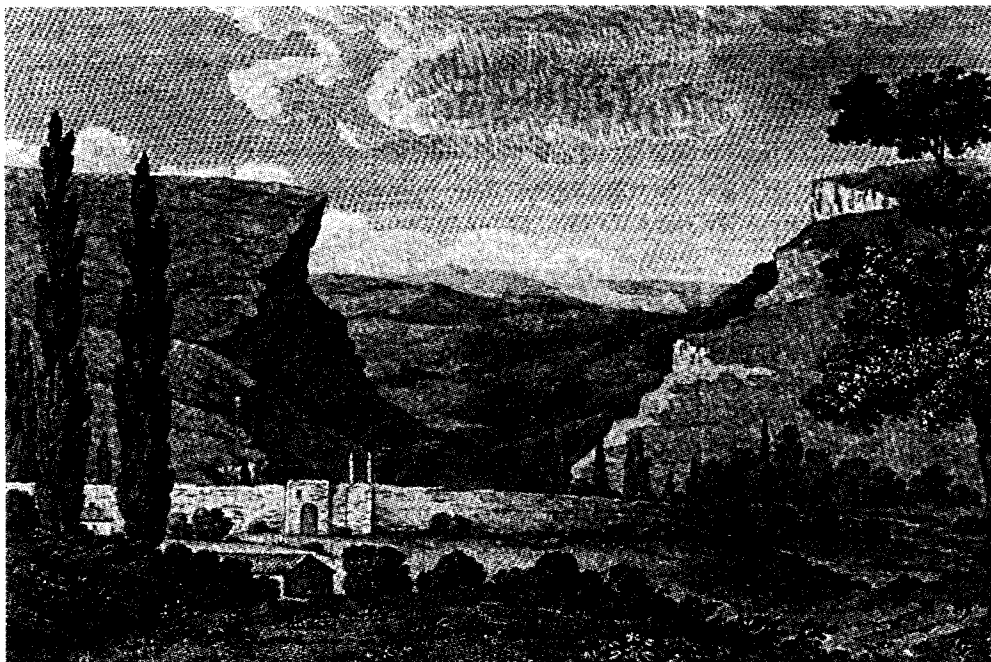

Рис. 1. Качинская долина и Качи-кальон. Из альбома графа П.И. Сумарокова, 1803. URL: <http://www.graal.org.ua/ru/2012-07-24-15-05-43/192-2013-01-04-06-45-11>

VIII вв. в каньоне р. Бельбек²¹, V–VII вв. в урочище Карши-Баир²², IV–VII и VIII–IX вв. в долине Черной речки²³, второй половины VI — начала VII в. на склонах городища Эски-Кермен²⁴, в Качинском каньоне²⁵ и других местах. В захоронениях археологи нашли германские фибулы, аланское оружие, геральдические наборы воинских поясов, византийскую тарную и столовую керамику, множество монет. Все это говорит о том, что местное гото-аланское население²⁶ находилось в орбите мощного военно-политического, экономического и идеологического влияния Империи. Именно из этого населения здесь, в Юго-Западном

²¹ Омелькова Л.А. Исследования раннесредневековых памятников в Бельбекской долине // АО. 1986. М., 1988. С. 320.

²² Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Т. II. Киев; Судак, 2006. С. 115–117.

²³ Веймарн С.В. Середньовічний комплекс фортеці Каламіта // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. С. 74, 86–87.

²⁴ Айбабин А.И. Могильники Крыма IV–VII вв. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 193–194; Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. 2. Симферополь, 1991. С. 44–45.

²⁵ Яковсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 14.

²⁶ Иосафат Барбаро в XV в. так объяснял появление этнонима «гото-аланы»: «Благодаря соседству готов с аланами возникло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, потом пришли готы; они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем аланов» (Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России (к истории итало-русских связей в XV в.). Л., 1971. С. 157).

Крым, формировался контингент из 3000 воинов²⁷, готовых, по словам Прокопия Кесарийского, идти в походы, «когда римляне шли на своих врагов, всякий раз когда императору было это угодно»²⁸.

По мнению доктора исторических наук А.И. Айбабина, союзнические отношения гото-аланов с Империей стимулировали искусственное сохранение в сельских общинах Горной Таврики военной демократии²⁹, а это было необходимо только в одном случае: для надежного прикрытия северной границы византийских владений. Среди множества мероприятий Юстиниана I по обустройству инженерного *praetentura Imperii*, была и забота об охране этих укреплений и обороне прилегающих участков границы. Автократу нужны были люди, «которые могли бы защищать и лагеря, и приграничные города и обрабатывать земли, чтобы другие жители провинции, видя их, постепенно направлялись в эти места»³⁰.

В Горной Таврике таких людей не надо было искать: готы и аланы давно верой и правдой служили «римлянам». По словам Прокопия, при первой же опасности «местные крестьяне, быстро сменив свой способ жизни, на какое-то время превращались в новоявленных военных и по очереди несли здесь [на границе у «больших стен». — О.В.] охрану»³¹. Объясняется и отсутствие выраженной имущественной дифференциации среди таврических готов: согласно новелле Феодосия II (408–450) от 443 г., повторенной в Кодексе Юстиниана³², земли общинников, несших пограничную службу (*agri limitanei*), налогами не облагались. Как утверждает Н.И. Храпунов, между византийской администрацией и племенной верхушкой крымских готов и алан «почти наверняка» был заключен *foedus* — союзный договор³³.

Несомненно, деятельность трехтысячного контингента союзников, его обеспечение денежным и другими видами довольствия контролировались центральным правительством. На это косвенно указывают неоднократные находки печатей-моливдовулов высших византийских сановников в Крыму. Две из них принадлежат епарху Петру, управлявшему столицей Империи — Константинополем, во второй половине VI — начале VII в.³⁴ Интересно, что одна печать обнаружена в самом «сердце» страны Дори — возле крепости Дорос, ныне известной как Мангуп-Кале³⁵. находка моливдовула епарха Петра говорит не только о сильнейшем влиянии Византии на жизнь населения Горной Таврики, но и указывает

²⁷ Через тысячу лет после правления Юстиниана I местные готы еще сохраняли статус военной аристократии и выставляли 800 отборных пехотинцев по требованию крымского хана. Интересно, что сам хан считал готов-христиан «главным укреплением своих войск» (Шапошников А.К. О языке таврических готов // Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь, 2005. С. 233).

²⁸ Прокопий Кесарийский. О постройках... С. 249.

²⁹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 120.

³⁰ Ван Берхем Д. *Limitanei* // Он же. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Пер. А.В. Банникова. СПб., 2005.

³¹ Прокопий Кесарийский. О постройках... С. 253.

³² Ван Берхем Д. *Limitanei*...

³³ Храпунов Н.И. К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. 2011. Т. 70. С. 42.

³⁴ Чореф М.М. К истории ранневизантийской Таврики: по данным сфрагистики // Византизм и византийское наследие в России и в мире: Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2013. С. 275–276.

³⁵ Топоним Мангуп-Кале (*Manngup*, *Mankup*, *Manngupf*) происходит от древнегерманского *manp* (мужчина, муж, воин) и *gup/kup* (совр. нем. *gupf/güpfе*) — вершина, пик. См.: Шапошников А.К.

на существование у подножия (или на вершине) Мангупа важного политического центра федератов. Заметим, что память об этом центре до конца XVIII в. сохранялась среди крымских греков, которые называли Мангуп-Кале не иначе, как «Кастрон Готикон» — «Готская крепость»³⁶.

О втором этапе строительства limes Tauricus. Следующий этап фортификационных работ в Юго-Западном Крыму был тесно связан с военно-инженерными мероприятиями, проводившимися в европейских владениях Византии. Как выяснилось, построенный по линейной схеме рубеж, в случае его прорыва противником в одном месте, становился ненужным и ничего не стоящим. Это продемонстрировали события 539, 545, 548, 559, 562 гг., когда орды аваров, болгар и славян неоднократно прорывались через «длинные стены» и опустошали Иллирик, Скифию, Мезию и Фракию. После ряда поражений имперская администрация пересмотрела принципы организации инженерной обороны придунайских и балканских провинций (Македонии, Дакии, Дардании, Мезии, Фессалии, Фракии, Эпира) и решила усилить их обороноспособность. В префектуре Иллирик началось строительство глубоко эшелонированной военно-инженерной системы стратегического назначения, которая состояла из трех защитных рубежей: Дунайского, Балканского и Странджанского лимесов³⁷.

Самым главным был Дунайский лимес. В состав этого рубежа в 535–560 гг. входил 121 оборонный комплекс разного типа и назначения. Лимес был возведен на огромном пространстве: от крепости Singidunum (совр. Белград) на западе, до устья Дуная и берегов Черного моря на востоке³⁸. На северных склонах Балканского хребта (горы Стара Планина) строилась вторая линия укреплений — Балканский лимес. В его состав входило 75 оборонных комплексов³⁹. Южнее Старой Планины, на склонах Родопских гор и гор Странджа был возведен Странджанский лимес, который насчитывал не менее 100 укреплений⁴⁰.

По нашему мнению, главную роль в защите европейских провинций Империи играли укрепления именно внутренних горных лимесов — Балканского и Странджанского, ведь в случае прорыва кочевниками Дунайской линии обороны мирное население равнин становилось абсолютно беззащитным. По инициативе Юстиниана I, в глубине территории Ромейского государства, на каждом, выгодном для обороны участке, началось массовое строительство больших и малых крепостей.

Прокопий Кесарийский так объяснял стратегический замысел императора:

Желая сделать реку Истр крепкой оградой... для всей Европы, он усеял берега реки частыми укреплениями..., и повсюду по береговой линии расположил военные гарнизоны с тем, чтобы они самым решительным образом препятствовали переходу

Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. Вып. 5: сентябрь–октябрь. С. 42.

³⁶ Марков Е.Л. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. Киев, 2006. С. 393.

³⁷ Вус О.В. Фортифікаційна практика імператора Юстиніана I та криза лінійної системи інженерної оборони Візантії // Дриновський збірник. Т. V. Харків; Софія, 2012. С. 142–143.

³⁸ Манаев А.Ю. Ранневизантийские оборонительные сооружения юго-западного Крыма и Болгарии: опыт сравнительного анализа // Историческое наследие Крыма. 2003. № 1. С. 11, 16–17.

³⁹ Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2: Военное искусство феодального периода войны. М., 1957. С. 42.

⁴⁰ Овчаров Д. Византийски и български крепости V–X век. София, 1982. С. 19–20.

живущим там варварам. Но и выстроив все эти укрепления..., принимая во внимание, что, если... врагам удастся... перейти через реку, они нападут на поля..., заберут в плен всех людей без различия возраста и разграбят все достояние, он не оставил жителей при одной общей для всех системе укреплений..., но устроил и специальную для каждого из них охрану. В каждом округе он выстроил частые крепостцы, так чтобы каждый участок имел свое заботливо сооруженное укрепление или был по соседству с местом, обнесенным стенами, как в этих местах, так и в новом и старом Эпире» (*Прокопий Кесарийский. О постройках... С. 252*).

В контексте общеимперских военно-инженерных мероприятий происходило оборонное строительство и в далекой Таврике. Одними «большими стенами», пускай и возведенными в стратегически важных местах, защитить 60 000 союзников Империя не могла. Военачальники Юстиниана отдавали себе отчет в том, что пришедшие из евразийских степей номады, прорвав хотя бы в одном месте тонкую нитку оборонительного рубежа, легко уничтожат беззащитные поселения страны Дори, а затем, ничего не опасаясь, пойдут на Херсон — главный форпост Византии в Северном Причерноморье.

С целью недопущения таких прорывов, в тылу «больших стен», на командных высотах Внутренней гряды, ромеи приступили к строительству дозорных и опорных крепостей — бургов и фрурионов. Дозорные крепости (в Римской империи относившиеся к классу *castella tumularia*) были возведены в VI в.: на Монастырской скале в устье Черной речки — Каламита; на скале Куле-Бурун у «Бельбекских ворот» — Сьюренъ (Scivarin); на скальном выступе в междуречье Альмы и Бодрака — Алма-Кермен (Бакла)⁴¹. Эти укрепления строились с одной целью — обеспечить стратегическое наблюдение за ситуацией в крымских степях и контроль за важными путями. Характерными признаками бургов являются: локальные размеры, монументальная римско-византийская архитектура, однотипная схема оборонительного комплекса; расположение на вершинах, с которых контролируется огромное пространство⁴².

Совершенно другой тип фортификационных сооружений представляют собой опорные крепости, в Римской империи относившиеся к классу *castella murata*. Они были возведены в середине — второй половины VI в. в ближайшем тылу «больших стен», на огромных плато столовых гор-куэстов, замыкающих ущелья Каралез, Ашлама-Дере, Текме-Таш (Джан-Кази) в Юго-Западном Крыму. Ныне они известны как Мангуп-Кале (Дорос), Чуфут-Кале (Кырк-Ор), Эски-Кермен⁴³. В Византии такие крепости назывались фрурионами⁴⁴. Согласно требованиям военных наставлений, их строили на максимально защищенных природой высотах⁴⁵. В Горном Крыму византийские фрурионы выполняли широкий спектр задач: они прикрывали дальние подступы к Херсону, усиливали инженерную оборону горных дефиле, в них накапливались запасы продовольствия на случай войны, создавались сложные гидротехнические комплексы⁴⁶;

⁴¹ Вус О.В. Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї: інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV — на початку VII ст. Львів, 2010. С. 225–227, 257–258, 285–286.

⁴² Там же. С. 291.

⁴³ Там же. С. 267–268.

⁴⁴ Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2004. С. 177.

⁴⁵ Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2002. С. 361–362, 364–365.

⁴⁶ Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // ИАСК. М.

внутри фрурионов дислоцировались войска федератов и укрывалось местное население в случае прорыва захватчиков через «большие стены»⁴⁷.

Для таврических фрурионов характерны огромные размеры, высокая степень природной защиты, синтезная система фортификации, узловый (дискретный) характер построения инженерных рубежей, монументальная римско-византийская архитектура; большие участки незастроенной территории для укрытия мирного населения и его имущества. Наибольшим и самым важным фрурионом был, несомненно, Дорос⁴⁸ (Мангуп-Кале), находившийся в центре владений таврических готов⁴⁹.

Определить начало второго этапа стратегического строительства Империи в Горном Крыму помогли исследования преподавателя Национальной академии природоохранного и курортного строительства Украины О.В. Исаенко, проведенные им возле ворот Орта-Капу ранневизантийской крепости Кырк-Ор (Чуфут-Кале). Применяв метод дендрохронологического датирования сооружений (лихенометрический метод⁵⁰), он установил, что «сооружение Средней стены и ворот Орта-Капу относится к 480–630 годам н. э. Средний результат указывает на середину VI в. — эпоху правления Юстиниана I»⁵¹. Если учесть погрешность этого метода, которая, по мнению О.В. Исаенко, составляет от 50 до 70 лет, то можно более точно определить время постройки Средней стены. Нижняя дата возведения фортификаций будет находиться между 530/550, а верхняя — между 560/580 годами. Таким образом, можем утверждать, что возведение оборонительных сооружений на плато столовых гор Внутренней гряды началось при Юстиниане I (не ранее 540 г.) и продолжалось при его ближайших преемниках — императорах Юстине II (565–578) и Тиберии II Константине (574–582).

В результате проведенных военно-строительных мероприятий, к концу VI в. были надежно заперты ущелья рек Бельбека, Качи, Черной, Чурук-Су в тех местах, где они прорезают Внутреннюю гряду Крымских гор. С помощью таких же мероприятий, в устье Черной речки были перекрыты и подступы к Херсону и Ин-

---

1958. С. 35; Полканов Ю.А., Шутов Ю.И. Водоснабжение древней крепости Джуфт-Кале // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2004. С. 158–163.

⁴⁷ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2001. С. 148.

⁴⁸ По мнению А.А. Васильева, название Дорос происходит от кельтского «dūros/dūrus» и переводится как «крепость». См.: Vasiliev A.A. The goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 52–57. Названия некоторых римско-византийских крепостей в Подунавье (Durostorum, Octodurus и др.) имеют ту же основу.

⁴⁹ Вус О.В. Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї... С. 291–292.

⁵⁰ Суть лихенометрического метода состоит в установлении даты возведения постройки с помощью изучения роста, диаметра наслоений и определения времени жизни лишайников рода *Lecidea* и рода *Phiscia*, произрастающих на Средней стене у ворот Орта-Капу. Здесь лишайники *Lecidea* и *Phiscia* имеют четко очерченные наслоения и живут приблизительно 1500 лет. О.В. Исаенко установил время возведения первых укреплений на плато Чуфут-Кале, изучив и сравнив среднегодовой рост лишайников на ранневизантийских фортификациях с их ростом и развитием на другой, четко датируемой постройке — мавзолее Джанике-Ханым (дочери хана Тохтамыша), который находится недалеко от Средней стены и датируется серединой XIV в. (по другим данным — началом XVI в.).

⁵¹ Исаенко О.В. Применение лихенометрического метода для датировки средней стены средневековой крепости Чуфут-Кале. URL: <http://www.crimea.edu/internet/Education/geoeology/24.htm>.

керманской долине. На определенное время страна Дори, населенная византийскими федератами, стала недоступной для вторжений кочевников. Основу ее инженерной обороны составило не менее шести сложных комплексов, состоявших из «больших стен», дозорных крепостей-бургов, опорных крепостей-фрурионов, высеченных в скалах наблюдательных и боевых площадок, цистерн для воды и хранилищ зерна.

В Византии VI в. такую систему обороны горных проходов называли клисурами, а командовавших ею военачальников — клисурархами. Прокопий Кесарийский сообщает о подобной деятельности имперской администрации в Лазике (Абхазии), где Юстиниан I надежно «укрепил стенами все ущелья», заперев все пути врагам⁵². Точно так же действовала Византия и в Армении при укреплении горных проходов Иллирисон и Сафхаз. Юстиниан I «в этих ущельях воздвиг замечательные укрепления и поместил непобедимый военный гарнизон; этим он сделал данную страну совершенно недоступной для неприятелей»⁵³.

И в Абхазии, и в Армении император организовал особые региональные командования (дукаты) во главе с дуксами⁵⁴. Хотя о создании дуката в Таврике Прокопий Кесарийский ничего не говорит, находки печатей византийских дуксов второй половины VI — начала VII в.⁵⁵ и эпиграфических памятников с упоминанием дуксов и стратилатов⁵⁶, сделанные в Крыму, наводят на мысль, что подобное региональное командование (дукат Херсона) во второй половине VI в. было создано и в Северном Причерноморье.

По аналогичной схеме организовывалась инженерная оборона и на Балканах. По наблюдениям автора, сделанным в ходе поездок в Республику Болгария, топонимика гор Стара Планина изобилует термином «клисура». До сих пор существуют город Клисура в долине между хребтами Стара Планина и Средна Гора, село Клисура у перевала Петрохан и др. На близлежащих вершинах выявлены руины римских и ранневизантийских укреплений, а в межгорных долинах — разрушенные «стены» и вымостка древних дорог, ведущих в Подунавье. Все это — остатки Балканского лимеса Византии.

Сравнительный анализ ландшафта Старой Планины и Внутренней гряды Крымских гор позволяет провести параллели между ними: кроме относительно узких скалистых дефиле в местах выхода рек, присутствуют те же столовые горы (куэсты) с остатками римских, византийских и болгарских крепостей на плоских вершинах (Мадара, Царевец, Петрич-Кале, Разделиа и др.⁵⁷). Разница наблюдается только в масштабах, размерах и высотах. По нашему мнению, именно с организацией Балканского лимеса на Старой Планине (но никак не с *limes*

⁵² Прокопий Кесарийский. О постройках... С. 249.

⁵³ Там же. С. 244.

⁵⁴ Там же. С. 243, 244, 248.

⁵⁵ Вус О.В. Утворення окремого прикордонного округу (дукату) Візантії у Тавриці в другій половині VI ст. // Причорномор'є, Крым, Русь в історії і культурі. Т. II. Київ; Судак, 2006. С. 64–69; Сорочан С.Б. О дукатах Таврики и их моливдулах // Причорномор'є, Крым, Русь в історії і культурі. Т. II. Київ; Судак, 2006. С. 298–302.

⁵⁶ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С объяснениями В.В. Латышева. СПб., 1896. С. 108–109; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 67–68.

⁵⁷ Овчаров Д. Византийски и български крепости... С. 21–32.

Romanus на нижнедунайских землях⁵⁸), можно сопоставлять организацию Таврического защитного рубежа.

Все же на современном этапе исследований ряд известных византинистов (д. и. н. С.Б. Сорочан, д. и. н. Н.Н. Болгов) сомневаются в наличии регулярного оборонительного рубежа Империи в Крыму. Свою точку зрения ученые аргументируют недостаточной плотностью построения инженерной обороны⁵⁹, указывая, что известные нам ранневизантийские укрепления «не составляли единого оборонительного комплекса или фортификационной системы»⁶⁰. Так ли это?

О недостающем звене *limes Tauricus*. По нашему мнению, картина военно-инженерного обеспечения государственных интересов Византии на полуострове не может считаться полной до тех пор, пока не выявлены все составляющие защитного рубежа. Ибо только насыщенность территории Юго-Западного Крыма оборонными комплексами дает нам право называть существовавшую здесь систему лимесом. Открытия последних лет, сделанные украинскими археологами, подтверждают наше предположение.

В 2011–2012 гг. группа исследователей под руководством с. н. с. Национального заповедника «Херсонес Таврический» А.А. Филиппенко-Коринфского проводила охранные археологические работы возле хребта Узун-Сырт, недалеко от с. Верхнесадовое Нахимовского района Севастополя, АРК Крым.

В ходе раскопок в урочище Йылана у подножия г. Сиваг-Кермен-Бурун были обнаружены остатки раннесредневекового поселения. Хотя большая его часть в послевоенные годы подверглась распашке и террасированию для посадки сосны, но множество обломков тарной и столовой керамики позволили А.А. Филиппенко-Коринфскому уверенно датировать поселение V–VII вв.⁶¹ Рядом с поселением, на седловине хребта между вершинами Кара-Тепе и Сиваг-Кермен-Бурун исследователи обнаружили несколько зигзагообразных маршей древней дороги, подходивших к вершине с северо-запада.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что часть вершинного плато Сиваг-Кермен-Буруна (188,7 м) обведена оборонительными стенами с квадратными башнями (рис. 2–3). Его территория ныне поросла лесом. По площади укрепление примерно вписывается в прямоугольник 55 × 23 м (с одной скошенной стороной). В юго-западном направлении плато обрывается скальным уступом над урочищем Йыланы и вдоль уступа стены не прослеживаются. В северо-западном направлении от обрыва, под углом 30 градусов, перпендикулярно отходит монументальная стена.

Установлено, что ширина северо-западной стены составляет не менее 1,2 м. Стена сложена в технике иррегулярной бутовой кладки (*opus antiquum*⁶²), и с внутренней части оштукатурена белым известковым раствором. По мнению

⁵⁸ Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea... P. 73.

⁵⁹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005. С. 210.

⁶⁰ Болгов Н.Н. Таврика и нижнедунайские земли в ранневизантийское время: опыт сопоставления // Дриновський збірник. Т. II. Харьков, 2008. С. 287.

⁶¹ Вус О.В. Кастрон Сиваг-Кермен — недостающее звено инженерного звена Византии в Крыму // Византия и византийское наследие в России и в мире: Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2013. С. 63.

⁶² Он-лайн энциклопедия зданий: http://www.zdanija.ru/ArchTermsLat/p2_articleid/29

Рис. 2. Куртина I крепости Сиваг-Кермен. Фото А.А. Филиппенко-Коринфского

А.А. Филиппенко-Коринфского, «с одной стороны, становится ясным происхождение топонима Сиваг-Кермен-Бурун (Мыс оштукатуренной крепости), а с другой — понятной локализация «оштукатуренной» крепости именно на этом утесе, так как другого укрепления с известковой штукатуркой стен в округе нам не ведомо»⁶³.

Ширина северо-восточной стены укрепления около 1,75 м. Оконечности стены замыкают две башни, выдвинутые в напольную сторону. Обе башни в плане квадратные (рис. 3). Толщина их стен на данный момент достоверно не определена. Внутренний размер башен — 3 × 3 м. Башня No 2 сложена из разномерных, но тщательно подогнанных квадров известняка (техника *opus romanum*⁶⁴). В 2012 г. были открыты остатки плохо сохранившейся четырехугольной башни и калитки между башней и скалистым обрывом. Недалеко от башни исследователи обнаружили перпендикулярно пристроенные линейные каменные кладки, обрамлявшие въезд в крепость через расположенные здесь ворота. Тут же, в развале камней с напольной стороны стены, было обнаружено перекрытие ворот: двухметровый каменный брус квадратного сечения 0,3 × 0,3 м. В центре бруса был высечен своеобразный медальон, в котором процарапан простой крест. Это говорит о том, что в то время, когда обустраивались ворота, гарнизон Сиваг-Кермена состоял из христиан.

Подъемный керамический материал на территории крепости представлен обломками амфор. По замечанию А.А. Филиппенко-Коринфского, «преобладают обломки амфор с набегающей волной и амфор с характерным зональным рифлением конца V–VII вв. И такая картина представляется аналогичной на всех участках крепости»⁶⁵.

⁶³ Филиппенко-Коринфский А.А. Мыс оштукатуренной крепости. Рукопись.

⁶⁴ Онлайн энциклопедия зданий: http://www.zdaniya.ru/ArchTermsLat/p2_articleid/29

⁶⁵ Филиппенко-Коринфский А.А. Мыс оштукатуренной крепости. Рукопись.

Рис. 3. Башня I крепости Сиваг-Кермен. Фото А.А. Филиппенко-Коринфского

Характерно, что внутри Сиваг-Кермена отсутствует массовый материал (железо) строительного, бытового и хозяйственного назначения. Этот факт позволяет провести параллель с византийской крепостью Кырк-Ор (Чуфут-Кале) вблизи Бахчисарая, где А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев с большим трудом выявили подъемный материал раннесредневекового времени⁶⁶. Отсутствие артефактов, связанных с хозяйственной деятельностью, говорит о том, что на территории маленького кастеллума размещался небольшой гарнизон, воины которого несли на хр. Узун-Сырт дозорную службу, отслеживая угрозу, которая в любой момент могла прийти с севера. Кто были эти воины и из кого формировался гарнизон?

Несмотря на то, что поселение в урочище Ыылана слабо изучено и еще не обнаружен современный ему могильник, можем предположить, что в V–VII вв. округу населяли византийские союзники — готы и аланы, осевшие в плодородных долинах страны Дори. К таким выводам подталкивают не только высеченные в руинах Сиваг-Кермена кресты, но и раскопки древнего некрополя, проводившиеся отрядом Севастопольской археологической экспедиции НЗХТ в 1998–2002 гг. в урочище Карши-Баир⁶⁷. В захоронениях исследователи нашли оружие, керамику, стеклянную посуду и украшения. По их мнению, «почти все находки имеют многочисленные аналогии в захоронениях Крыма и Северного Кавказа, в целом связанных с сармато-аланским этносом. Хронологические рамки большинства найденных в них предметов — V — первая половина VII в. Очевидно, именно к этому времени относится большинство захоронений могильника Карши-Баир»⁶⁸. В свою очередь, археологические артефакты, найденные на

⁶⁶ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь, 1993. С. 31.

⁶⁷ Могильник Карши-Баир находится в 2,5 км от урочища Ыылана.

⁶⁸ Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Т. I. Киев; Судак, 2004. С. 117.

плато Сиваг-Кермена и в урочище Йылана, являются прямыми аналогиями артефактов, выявленных в могильнике Карши-Баир, и хронологически полностью им соответствуют. Люди, населявшие в V–VII вв. окрестности Узун-Сырты, были аланами, находившимися под военно-политическим, экономическим и идеологическим влиянием Византии.

Результаты археологических исследований косвенно подтверждают и нарративные источники. В частности, император Константин VII Багрянородный (905–959) в трактате «Об управлении империей» дважды упоминает о неких «крепостях Климатов», расположенных между Херсоном и Боспором⁶⁹. Вероятно, в их число до момента своей гибели входил и Сиваг-Кермен.

В ходе раскопок украинские исследователи без особого труда установили причину, из-за которой крепость прекратила существование: повсюду был выявлен слой сильного пожара, а в руинах стен — следы безжалостного штурма. С определенной уверенностью можно говорить и о времени гибели Сиваг-Кермена. Во время исследований на укреплении было обнаружено более 100 наконечников стрел, происходящих из слоев, синхронных пожару (рис. 4). Все наконечники — черешковые трехлопастные разных типов и вариантов (треугольные трехлопастные, килевидные трехлопастные с плечиками и т. д.)⁷⁰. Наибольшее количество трехлопастных наконечников было зафиксировано с напольной стороны перед 3-й куртиной, на участке перед предполагаемой вылазной калиткой. Это четко указывает направление, с которого захватчики штурмовали крепость. Кто же они?

По мнению А.Ф. Медведева (1916–1984), верхней границей бытования черешковых треугольных и килевидных трехлопастных наконечников стрел является начало — первая половина X в. Такие наконечники известны из погребальных комплексов Салтовского могильника и слоев IX–X вв. крепости Саркел⁷¹. С момента постройки в 834/837 г. и до 965 г. эта крепость принадлежала хазарам. Они же составляли (наряду с аланами и болгарами) часть населения степного Подонья, входившего в ареал распространения Салтово-Маяцкой культуры. По мнению С.А. Плетневой (1926–2008), границы распространения этой культуры совпадали с границами Хазарского каганата⁷², мощного государства, просуществовавшего до середины X в.

На протяжении всей своей истории Хазария вела активную международную политику, при осуществлении которой ее интересы неоднократно пересекались с интересами соседних стран. Одним из таких соседей была Византия, пытавшаяся сохранить и преумножить свое влияние в Северном Причерноморье. В X в. Крымский полуостров стал местом, где столкнулись две империи, а проживавшие в Таврике народы очутились между молотом и наковальней — иудейской Хазарией и христианско-православной Византией. Послание хазарского иудея (Кембриджский Аноним⁷³) советнику кордовского халифа Хасдаю ибн Шапруту⁷⁴ донесло подробности этого противостояния.

⁶⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 171, 175.

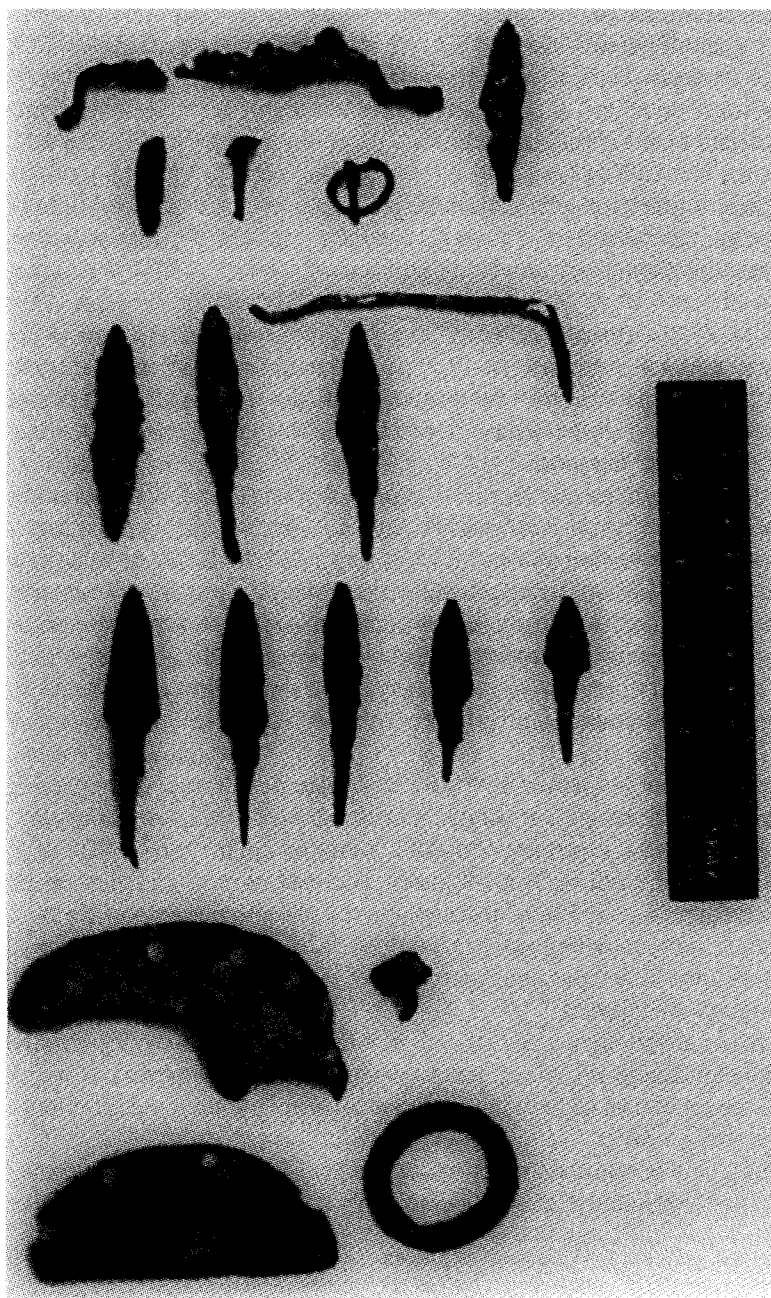
⁷⁰ Филиппенко-Коринфский А.А. Мыс оштукатуренной крепости. Рукопись.

⁷¹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1966. С. 59.

⁷² Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 43–46.

⁷³ Mošīn V. Les Khazares et les Byzantins: d'après l'Anonyme Cambridge // Byz. 1931. Т. 6. Р. 309–325.

⁷⁴ Хасдай (Абу Юсуф бен Ицхак бен Эзра) ибн Шапрут (915–970 или 990) — еврейский учёный и

*Рис. 4. Наконечники стрел из руин крепости Сиваг-Кермен.
Фото А.А. Филиппенко-Коринфского*

В 40-х годах X в. Таврика стала эпицентром кровавой русско-византийско-хазарской войны. Аноним сообщает, что в ходе боевых действий войска хазарского военачальника (баликчи) Песаха, узнав об инспирированном Византией нападении «царя Руси» Х-л-г-у (HLGW) на город С-м-к-рай (SMKRYU), со всей яростью обрушились на Крым. Баликчи Песак «пошел в гнев на города Романа и губил и мужчин, и женщин. И он взял три города, не считая деревень большого количества. Оттуда он пошел на город Шуршун (SWRSWN) и воевал против него»⁷⁵.

Вероятно, в число жертв карательной экспедиции Песаха попал и гарнизон маленького кастеллума на хр. Узун-Сырт, став разменной монетой в противостоянии двух крупнейших держав Средневековья.

Выводы. Несмотря на то, что обнаруженный в горах Внутренней гряды памятник нуждается в дополнительных исследованиях, можем предположить, что на хребте Узун-Сырт открыт оборонный комплекс, первый этап существования которого совпадает со временем максимального уровня военно-политического влияния Византии в Таврике.

Предварительный анализ архитектурно-строительной составляющей (кладка *opus antiquum / opus romanum*, квадратные башни, оштукатуривание стен) говорит о том, что укрепление на вершинном плато Сиваг-Кермен-Бурун возведено в римско-византийских архитектурных традициях, с применением синтезной системы фортификации. Анализ военно-топографической и тактической составляющих говорит о назначении укрепления: выдвинутый на север и неспособный сдерживать сильного противника, кастеллум нес дозорную службу, а главной обязанностью его гарнизона было раннее предупреждение о приходящей в долину Бельбека опасности.

Время возведения крепости, архитектурные решения, топографический анализ, единство тактического и инженерного замысла свидетельствуют о вхождении Сиваг-Кермена в систему обороны дальних подступов к Херсону, и ближних — к опорной крепости Эски-Кермен, которая находилась в нескольких километрах к юго-востоку⁷⁶. Мало того, имеются пока что предварительные данные о существовании в этом районе (на вершине Керменчик) еще одного укрепления рубежа Античности и Средневековья, который также может оказаться кастеллумом имперских федератов.

Открытие неизвестного до сих пор ранневизантийского оборонного комплекса дает исчерпывающий ответ на замечания исследователей о недостаточной плотности построения византийского защитного рубежа, не дающей ему права называться лимесом.

Заметим, что основным признаком регулярного рубежа является не только его линейное построение и протяженность в определенном направлении, но и

политический деятель; врач и советник Кордовского халифа Абдаррахмана III (891–961). Известен своей перепиской с правителем Хазарского каганата Иосифом.

⁷⁵ Голб Н. Новое издание и новый перевод текста Шехтера // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., 2003. С. 141.

⁷⁶ Гарнизон и население округа Эски-Кермена состояли из тех же воинственных гото-аланов — федератов Византии. См.: Айбабин А.И. Византийская крепость на горе Эски-Кермен в Крыму // Россия—Крым—Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 175–179; Он же. Могильники Крыма IV–VII вв. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 164–165.

насыщенность оборонительными сооружениями в местах вероятного прорыва противника. Горная Таврика, в силу особых природных условий, не нуждалась в рубежах, подобных валу Адриана. Поэтому и *limes Tauricus* был особый. Византийская администрация организовала его по **дискретно-узловому (локально-очаговому)** принципу, превратив Юго-Западный Крым в район эшелонированной очаговой инженерной обороны.

В состав каждого оборонительного узла (клисур) вошло три типа фортификационных сооружений: 1) «большие стены», которые запирают горные долины; 2) малые дозорные крепости (бурги), призванные наблюдать и предупреждать об опасности гарнизоны «стен»; 3) мощные опорные крепости (фруионы), в которых спасалось мирное население долин в случае прорыва врага. Кроме Таврики, такие дискретные оборонные узлы существовали во всех горных провинциях Империи: Армении, Малой Азии, Лазике, Фракии и многих других, где выполняли аналогичные задачи.

Эти выводы подтверждаются исследованиями 2011–2012 гг. на хребте Узун-Сырт, где украинские ученые сделали важное открытие. Впервые за много лет в Крыму найден ранневизантийский оборонный комплекс бургового типа — кастеллум Сиваг-Кермен. Маленькая дозорная крепость, построенная на северной границе страны Дори, была одной из составляющих передового эшелона укреплений, прикрывавшего дальние подступы к Херсону. Надеемся, что новое открытие поможет дополнить картину военного присутствия Византии в Северном Причерноморье и восстановить утраченное звено регулярного инженерного рубежа (*limes Tauricus*), возведенного администрацией Юстиниана I в горах Юго-Западного Крыма.

Вус Олег Владимирович

Кандидат исторических наук

Вооруженные Силы Украины

ул. Вербицкого, 9/12

79000 Львов

Украина

Электронная почта: baltyka2000@freemail.ru

Oleh Vus

**EARLY BYZANTINE LIMES
IN THE NORTHERN BLACK SEA COAST REGION:
ORGANISATION AND STRUCTURE
OF THE DEFENCE ENGINEERING**

Abstract: During the reign of the Roman Emperor Justinian I (527–565) in the center and at the periphery of the Christian *Oecumene* a grand building was unfolded. The purpose of this construction project was the restoration of the old and construction of a new military engineering frontier, designed to protect the thousand-kilometer border of the Empire. The article deals with the question of the existence in 5th–7th centuries of a regular line of defense (*limes*) in the northern Black Sea coast region, its construction, structure and organization. Erected in the mountains of Crimea on the principle of separation of deep fortifications it became an important component of Byzantine regional military command — the ducate of Kherson.

Keywords: building, limes Tauricus, Northern Black Sea region, ducatus of Kherson.

Literature Cited

- АУВАВІН, А.І. “Могильники Крыма IV–VII вв.” In *Материалы к этнической истории Крыма*. Kyiv 1987.
- АУВАВІН, А.І. “Основные этапы истории городища Эски-Кермен.” In *Материалы археологии, истории и этнографии Таврики*. Vol. 2. Simferopol 1991.
- АУВАВІН, А.І. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Simferopol 1999.
- АУВАВІН, А.І. “Византийская крепость на горе Эски-Кермен в Крыму.” In *Россия–Крым–Балканы диалог культур*. Ekaterinburg 2004.
- BOLGOV, N.N. “Таврика и нижнедунайские земли в ранневизантийское время: опыт сопоставления.” In *Дриновський збірник*. Vol. II. Kharkiv 2008.
- CHOREF, M.M. “К истории ранневизантийской Таврики: по данным сфрагистики.” In *Византизм и византийское наследие в России и в мире: Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов*. Moscow 2013.
- Constantine Porphyrogenitus. *Об управлении империей*. Ed. by G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev. Moscow 1991.
- DOMBROVSKIY, O.I. *Стародавні стіни на перевалах Головного пасма Кримських гір*. Археологія. Kyiv 1961.
- DOMBROVSKIY, O.I., and SOLOMONIK, E.I. “О локализации страны Дори.” In *Археологические исследования средневекового Крыма*. 1968.
- D’YAKOV, V.N. “Оккупация Таврики Римом в I в. н. э.” *Вестник древней истории* 1 (1941).

- D'YAKOV, V.N. "Таврика в эпоху римской оккупации." *Ученые записки Московского государственного педагогического института* 28, issue 1 (1942).
- FILIPPENKO-KORINFSKIY, A.A. *Мыс ошукатуренной крепости. Рукопись.*
- FIRSOV, L.V. "О положении страны Дори в Таврике." *Византийский временник* 40 (1979).
- GERTSEN, A.G., and MOGARICHEV, Yu.M. *Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале.* Simferopol 1993.
- GOLB, N. "Новое издание и новый перевод текста Шехтера." GOLB, N., and PRITSACK, O. *Хазарско-еврейские документы X века.* Moscow 2003.
- ISAENKO, O.V. *Применение лихенометрического метода для датировки средней стены средневековой крепости Чуфут-Кале*, <http://www.crimea.edu/internet/Education/geoeology/24.htm>.
- КЕРПЕН, P.I. "О древностях Южного берега и гор Таврических." In *Крымский сборник.* St. Petersburg 1837.
- KHRAPUNOV, N.I. "К дискуссии о должности дуки Херсона." *Византийский временник* 70 (2011).
- KUCHMA, V.V., ed. *Два византийских военных трактата конца X века.* St. Petersburg 2002.
- KUCHMA, V.V., ed. *Стратегикон Маврикия.* St. Petersburg 2004.
- LATYSHEV, V.V. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С объяснениями* В.В. Латышева. St. Petersburg 1896.
- ЛЕПЕР, R.Kh. "Археологические исследования на Мангупе в 1912 г." *Известия Археологической комиссии* 47 (1913).
- МАНАЕВ, А. Yu. "Ранневизантийские оборонительные сооружения юго-западного Крыма и Болгарии: опыт сравнительного анализа." *Историческое наследие Крыма* 1 (2003).
- МАРКОВ, E.L. *Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы.* Kyiv 2006.
- MEDVEDEV, A.F. "Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв." In *Археология СССР. Свод археологических источников.* Moscow 1966.
- MOŠIN, V. "Les Khazares et les Byzantins. D'après l'Anonyme Cambridge." *Byzantion* 6 (1931).
- ОМЕЛ'КОВА, L.A. "Исследования раннесредневековых памятников в Бельбекской долине." In *Археологические открытия.* 1986. Moscow 1988.
- OVCHAROV, D. *Византийски и български крепости V–X век.* Sofia 1982.
- PALLAS, P.S. *Bemerkungen auf einer Ryise in die südlichen Stattalter halten des Russichen Reichs in den Jahren 1793 und 1794.* Vol. 2. Leipzig 1801.
- PLETNEVA, S.A. *Хазары.* Moscow 1976.
- POLKANOV, Yu.A., and SHUTOV, Yu.I. "Водоснабжение древней крепости Джуфт-Кале." In *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре.* Vol. I. Kyiv; Sudak, 2004.
- Procopius of Caesarea. "О постройках." Transl. by S.P. KONDRATYEV. *Вестник древней истории* 4 (1939).
- RAZIN, E.A. *История военного искусства. Т. 2: Военное искусство феодального периода войны.* Moscow 1957.
- SHAROSHNIKOV, A.K. "Indoarica в Северном Причерноморье." *Вопросы языкознания* 5 (September–October 2005).
- SOROSCHAN, S.B. *Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.) Очерки истории и культуры.* Vol. 1. Kharkiv 2005.
- SOROSCHAN, S.B. "О дуках Таврики и их моливдулах." *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре.* Vol. II. Kyiv; Sudak 2006.
- SOROSCHAN, S.B., ZUBAR', V.M., and MARCHENKO, L.V. *Жизнь и гибель Херсонеса.* Kharkiv 2001.
- ТИХАНОВА, М.А. "Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма." *Материалы и исследования по археологии СССР* 34 (1953).
- UDAL'TSOVA, Z.V. *Советское византиноведение за 50 лет.* Moscow 1969.

- USHAKOV, S.V., and FILIPPENKO, A.A. "Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла)." In *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. Vol. I. Kyiv; Sudak 2004.
- USHAKOV, S.V., and FILIPPENKO, A.A. "Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла)." In *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. Vol. II. Kyiv; Sudak 2006.
- VASILIEV, A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge (Mass.) 1936.
- VEYMARN, E.V. "Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции)." In *История и археология средневекового Крыма*. Moscow 1958.
- VEYMARN, E.V. "Середньовічний комплекс фортеці Каламіта." In *Археологічні пам'ятки УРСР*. Kyiv 1963.
- VEYMARN, E.V. "О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма. I: О Чуфут-Кале и Фуллах." In *Археологические исследования средневекового Крыма*. 1968.
- VEYMARN, E.V. "Еще раз о Таврическом лимесе." *Античная древность и средние века* 10 (1973).
- VUS, O.V. "Утворення окремого прикордонного округу (дукату) Візантії у Тавриці в другій половині VI ст." In *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. Vol. II. Kyiv; Sudak 2006.
- VUS, O.V. *Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї: інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV — на початку VII ст.* Lviv 2010.
- VUS, O.V. "Фортифікаційна практика імператора Юстиніана I та криза лінійної системи інженерної оборони Візантії." In *Дриновський збірник*. Vol. V. Kharkiv; Sofiua 2012.
- VUS, O.V. "Кастрон Сиваг-Кермен — недостающее звено инженерного звена Византии в Крыму." In *Византия и византийское наследие в России и в мире: Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византистов*. Moscow 2013.
- YAKOVSON, A.L. "Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры." In *Материалы и исследования по археологии СССР* 63 (1959).
- YAKOVSON, A.L. "Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики." In *Материалы и исследования по археологии СССР* 168 (1970).
- Van BERSHAM D. *Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина* Transl. by A.V. BANNIKOV. St. Petersburg 2005.

Oleh Vus

Candidate of Historical Sciences

Military Forces of Ukraine

Verbitskiy street, 9/12

79000 Lviv

Ukraine

e-mail: baltyka2000@freemail.ru

А.Ю. Виноградов, Д.В. Белецкий

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКОМ ВЛИЯНИИ НА АРХИТЕКТУРУ КАВКАЗА (IX–X вв.)*

Аннотация: Статья посвящена выделению элементов византийского зодчества в архитектурных памятниках Кавказа IX–X вв. В наибольшей мере оно проявилось с конца IX в. в Абхазии и Алании, где появился местный вариант провинциальной (понтийской) византийской архитектуры. В Кахетии разные группы византийских мастеров участвовали в X в. строительстве храмов в Вачнадзиани, Санагире, Бодбе и др., а также принесли туда традицию кирпичного зодчества. В Кларджетии и Тао византийские строители, владевшие в том числе техникой кладки *opus mixtum*, были в той или иной мере задействованы в 950–960-х годах в возведении храмов в Опизе, Долисахане, Дёрт-Килисе, Синкоти и Эзбеки. Наконец, в Армении византийское влияние проявилось сильнее всего с середины X в. в кирпичной архитектуре Васпуракана.

Ключевые слова: Архитектура, Византия, Кавказ, Абхазия, Грузия, Армения, плинфа.

В IX–X вв. Кавказ, особенно Западный, постоянно контактировал с Византией. Часть государств региона стала со временем даже формальными вассалами империи: правители Абхазии, Юго-Западной Грузии, армянских государств получали высокие византийские титулы, от магистра до куропалата. Здесь происходил и культурный обмен, в частности посредством дипломатических подарков. Между тем, вопрос об архитектурных контактах Византии с Кавказом в данный период выпал в значительной мере из поля зрения исследователей.

Одна из причин такого невнимания — тенденция кавказских исследователей XX в. подчеркнуть самобытность и самостоятельность местного зодчества, которая прежде рассматривалась как часть единой архитектуры Христианского Востока. Добившись несомненных успехов в выявлении своеобразия кавказской архитектуры, они тем самым минимизировали ее связи с зодчеством Византии, часто полностью отрицая его влияние на Кавказ и подчеркивая, с одной стороны, непрерывность и преемственность локальных архитектур, а с другой — их независимость в создании новых форм.

Одновременно с этим европейские исследователи, осознававшие архитектурные контакты Византии и Кавказа, не всегда, особенно в случае Грузии, владели в полной мере местным материалом, способным подчеркнуть эту связь. Целью нашей работы является попытка предварительного выделения элементов

---

* Работа выполнена на средства гранта РГНФ № 13–04–18006. Авторы благодарят за ценные советы Ш. Гугушвили и А.Ю. Казаряна.

византийского зодчества в памятниках четырех регионов Кавказа: Абхазского царства, Тао и Кларджетии, Кахетии и Армении.

1. Абхазское царство

Абхазское царство образовалось ок. 787 г. путем отпадения, при помощи хазар, от византийской власти территории собственно Абхазии (древних Абасгии, Аписилии и Мисимиании) и Лазики-Эгриси (т. е. Западной Грузии), переданной империей в управление абхазскому мтавару где-то в середине VIII в.¹ В 840–842 гг. империя предпринимает две тщетных попытки вернуть его в орбиту своего влияния², что удастся лишь в 880-х годах: изгнанный из Абхазии законный наследник Баграт I вернул себе престол при помощи византийских войск³. В X в. абхазские цари уже носят византийский титул магистра⁴.

Зодчество Абхазского царства сохранилось неравномерно. На севере царства нам известно более десятка церквей, которые объединяются в так называемую абхазскую школу, существовавшую с конца IX в. по середину X в.⁵ Памятники этой школы весьма гомогенны и по своему типу, и по строительной технике: это 8 купольных храмов типа вписанного креста с тремя полуоткрытыми притворами (в Лоо, Веселом, Алахадзы (№ 3), Бзыбской крепости, Лыхнах, Мсыгхуа, Новом Афоне (св. Симона Кананита) и Мокви; рис. 1), один «купольный зал» (в Бамборе)⁶ и один «свободный крест» (в Крион Нероне). Сюда же относятся, по всей видимости, «трехцерковные базилики» с выраженными снаружи апсидами (Леснянская I, на г. Малый Ахун, в Аба-Анта), зальные храмы (например, в Монастыре) и, возможно, перестройки старых храмов (Цандрыпшской базилики, Св. Феодора в Анакопийской крепости и храм № 2 в Алахадзы)⁷.

Исходя из презумптивной идеи о существовании некой единой грузинской архитектуры начиная с IV в., грузинские исследователи неоднократно предпринимали попытку вписать в ее рамки и зодчество Абхазии данного периода, объявляя его ее «приморским» вариантом и лишь вынужденно признавая в нем некоторое византийское влияние⁸. Однако на самом деле в IX–X вв. его связь с кав-

¹ См.: *Виноградов А.Ю., Гугушвили Ш.* Абхазский католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII–X вв.) // Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP19 «Исторические исследования». 2013.

² *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. М., 1992. С. 62, 87; см.: *Venning T., Harris J.* A Chronology of the Byzantine Empire. Basingstoke; New York, 2006. P. 251, 253.

³ Картлис цховреба. История Грузии / Глав. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 142–143.

⁴ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 194–211; см. также: *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе // РА. 2012. № 3. С. 97–108.

⁵ *Рчеулишвили Л.Д.* Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988; *Khroushkova L.* Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècles. Turnhout, 2006. P. 89–115. [Bibliothèque de l'antiquité tardive, 9].

⁶ *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Бамборский храм... С. 97–108.

⁷ См.: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Храмовая архитектура Анакопийской крепости // Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости / Сост. Е.Ю. Ендольцева. Санкт-Петербург, 2011. С. 17–86.

⁸ *Рчеулишвили Л.Д.* Купольная архитектура... С. 77–81. Критику см. в: *Khroushkova L.* Les monuments chrétiens...

казской архитектурой ограничивается, по сути, лишь некоторыми элементами рельефного декора, да и то присущими далеко не всем церквям (в наибольшей мере — Бзыбской, которая по резьбе больше всего похожа, впрочем, на храм того же Абхазского царства — Мартвильский⁹). Такие элементы, как чисто каменная кладка и облицовка стен, высокие профилированные цоколи, крещатые столпы и удлинение западных ячеек, не являются сугубо кавказскими и находят себе многочисленные аналогии в Малой Азии и Северном Причерноморье (см. ниже). Выраженные снаружи апсиды также не типичны для грузинских школ второй половины IX — X в., так как встречаются там (естественно, кроме три- и тетраконхов) только в памятниках ранней эпохи, отделенных от рассматриваемого нами периода временной цезурой в полтора столетия (700–850-е годы), когда церковное зодчество захирело в результате арабских нашествий¹⁰.

Напротив, на связь с Византией ясно указывает не только греческая эпиграфика в абхазских храмах¹¹, но и ряд чисто архитектурных элементов, прежде всего, паруса и кладка арок и проемов из плинфы (в том числе вторичного использования), неизвестной и несвойственной в это время кавказской архитектуре (см. ниже). Впрочем, поиск родины мастеров «абхазской» школы не так легок. С одной стороны, ближайшие к ней по типологии храмы Трапезунта (Св. София, Св. Евгений, перестройка Панагии Хрисокефалос в купольный храм и др.) датируются временем не раньше XIII в.¹² С другой стороны, хотя известные нам памятники Трапезунта рубежа IX–X вв. (Св. Анна; Накип Джами; части Панагии Хрисокефалос¹³) значительно скромнее, однако многие их элементы (чисто каменная кладка и облицовка стен и плинфяная кладка арок и сводов, нерасчлененные внешние стены и профилированные цоколи, сочетание граненой центральной и полукруглых боковых апсид, выделенные подпружные арки, приподнятые вимы; рис. 2–3) демонстрируют значительное родство с храмами «абхазской» школы. Учитывая же большую устойчивость форм крестовокупольной архитектуры в Трапезунте, т. е. возможное существование аналогичных храмов к началу X в., вполне можно предположить принадлежность строителей абхазских храмов к большой архитектурной школе востока Черного моря (от Трапезунта до Херсона). Впрочем, в Абхазии они

⁹ *Status quaestionis* его датировки см. в: *Plontke-Lüning A. Frühchristliche Architektur in Kaukasien.* Wien, 2007. S. 313–314.

¹⁰ В настоящий момент единственный точно датированный VIII в. грузинский храм — Самшвидский — убедительно предлагается датировать 661–697 гг. (*Голиадзе В.* Отображение восточной политики Византии в грузинской эпиграфике // *Византия в грузинских источниках* / Под ред. Н. Махарадзе и Н. Ломоури. Тбилиси, 2010. С. 98 (на груз. яз.)) Следующий же точно датированный памятник — это Ксанский Армази 864 г. Хотя из источников мы знаем, что в конце VIII — начале IX в. в Грузии было не только деревянное, но и каменное строительство (в Опизе, Хандзте, Зарзме и Зедзени, см. ниже), однако это были довольно скромные постройки, не случайно разобранные в первой половине X в. В общем и целом, эта цезура в грузинской архитектуре совпадает с перерывом церковного строительства в Армении между 690-ми и 850-ми годами (см.: *Cuneo P. Architettura armena.* Roma, 1988. P. 843–845).

¹¹ *Виноградов А.Ю.* Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // *Искусство Абхазского царства...* С. 209–224.

¹² *Ballance S.* The Byzantine Churches in Trebizond // *Anatolian Studies.* Vol. 10. 1960. P. 141–175; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, D.C., 1985. P. 245–250.

¹³ *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P. 214–215, 218–219, 238–243.

вынуждены были приспособляться к местным условиям, в том числе к отсутствию мраморных споллий. Еще ярче эта адаптация проявилось при их работе в Западной Алании (рис. 4)¹⁴, зодчество которой справедливо рассматривается как модификация «абхазской» школы.

Связь «абхазской» школы с Трапезунтом оправдана и географически¹⁵, тогда как памятники Северной и Центральной Анатолии не демонстрируют столь близкого родства. Впрочем, с последними можно связать два абхазских памятника, сильно выбивающихся по своим формам и строительной технике из «абхазской» школы: храм № 7 и собор в Пицунде¹⁶. Храм № 7, здание неясной конструкции, с центральной частью и двумя приделами по бокам, сложен в технике *opus mixtum*: тонкие (в 1–2 ряда) полосы плинфы чередуются с тонкими (в 1 ряд) полосами камня, при узком шве раствора (рис. 5). Такое отличие от *opus mixtum* ранневизантийских памятников Абхазии (типа храма № 1 в Алахадзы), где чередуются толстые полосы камня (в 3 ряда) и плинфы (в 4–5 рядов), вкупе с украшением апсид сложнопрофилированными плоскими нишами (о них см. также ниже) указывает, вопреки Л.Г. Хрушковой, на средневизантийскую датировку церкви¹⁷. Сочетание же двух вышеназванных элементов характерно для таких храмов, как собор в ликийской Маставре (Дере Азы), Килисе Джамии в Константинополе, Чанлы Килисе в Каппадокии¹⁸ и церковь в Исламкёе близ Испарты¹⁹ (рис. 6–7). С Малой Азией (и с византийской провинцией вообще) храм № 7 сближает также плинфяное завершение сложнопрофилированных плоских ниш, состоящее из тесно поставленных кирпичей и отличное от константинопольского, с его толстым швом раствора. Однако в анатолийской кладке мы опять же видим толстые полосы камня и плинфы, тогда как ближайшей аналогией кладке храма № 7 выглядит кладка стен большой базилики в Дёрт-Килисе (Отхта-Эклесиа) в Тао и отчасти кладка малой базилики там же (рис. 8–9), выполненная, несомненно, византийскими мастерами (см. ниже).

В Пицундском соборе соотношение в *opus mixtum* между полосами камня и плинфы, от начала нижних окон до фронтонов восточного и западного рукавов и уступов у основания барабана, изменяется по зонам: до высоты хор каменные ряды толще плинфяных; от уровня хор до верхушек окон в рукавах креста они приблизительно равны, или кирпичные чуть толще; выше ряды кирпича значительно толще рядов камня, имеющих скорее декоративную функцию и не доходящих по бокам до карнизов фронтона (рис. 10). Три описанных типа *opus mixtum* находят себе разные аналогии в византийской архитектуре: ближайшую аналогию нижней зоне мы видим тут же, в храме № 7, а также в интерьере большой

¹⁴ См.: Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. М., 2011. С. 290–294.

¹⁵ Здесь следует вспомнить о приглашении греческого мастера из понтийской Хопы (Хупати) в Зарзму в IX в., упомянутом в «Житии Серапиона Зарзмели» (гл. 23; Кекелидзе К.С. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1956. С. 100).

¹⁶ Khroushkova L. Les monuments chrétiens... P. 35–36.

¹⁷ См. также: Казарян А.Ю. Рец. на: Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002 // Вестник РГНФ. № 4. 2003. С. 198–205.

¹⁸ Krautheimer R. Early Christian and Byzantine architecture. 4th ed. Yale, 1986. P. 285–287, 362–363, 398–399.

¹⁹ Rott H. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien. Leipzig, 1908. S. 11. Abb. 3.

базилики в Дёрт-Килисе (Тао; рис. 5, 8)²⁰; кладка средней зоны — точнее, та ее часть, где полосы плинфы чуть толще полос камня — находит себе параллели в Килисе Джами и в Исламкёе (см. выше; рис. 6–7)²¹, включая уникальную технику вертикальной постановки квадров; кладка верхней зоны не имеет прямых аналогий, но напоминает некоторые памятники Греции, типа верхней части апсид храма Богородицы в монастыре Осиос Лукас²², где в кирпичную массу стены впущены тонкие, имеющие декоративный характер полосы камня: в пользу такого сравнения говорит и применение в этих рядах, как и на южном рукаве Пицундского собора, кладки *cloisonné*. Итак, при всей уникальности кладки собора как целого (смена типов *opus mixtum* на стенах одного здания не характерна для византийской архитектуры), отдельные ее зоны находят себе аналогии в современном ей зодчестве империи. Применение же кладки *cloisonné* как наверху, на завершении южного рукава, так и внизу, справа от западной двери нартекса, указывает на одну строительную артель.

Общая конструкция собора и большинство ее составляющих вписываются в рамки средневизантийской архитектуры, однако ряд элементов имеют более или менее выраженный не византийский характер, находя четкие параллели в закавказской архитектуре: двухэтажные апсиды с проходом во второй ярус снизу через лаз из первого яруса (а не через обычный для Византии боковой вход с галереей); тромпы в основании парусов, создающие «композитные» паруса, характерные для архитектуры Тао и Кларджетии; П-образные хоры вокруг западного рукава (а не вокруг всех ячеек храма, как в Мокви; рис. 1), известные грузинской архитектуре с VII в. (храм в Цроми); легкий излом в восточной большой подпружной арке, типичный для закавказского зодчества; смещение боковых входов на запад от рукавов креста (а не к западу в самих рукавах, как в Лыхнах и Новом Афоне) и удлинение западного рукава на одну травею, характерные для грузинского зодчества X–XI вв.; опирание больших подпружных арок с востока на углы изолированных угловых ячеек-пастофориев. Ю.Б. Бирюков²³, верно подметивший четыре последние черты, связал их с памятниками круга Баграта I (собором в Кутаиси, Свети-Цховели в Мцхете, Св. Георгием в Алаверди) и отнес Пицундский собор к первой четверти XI в.

Однако все строители соборов круга Баграта I (куда следует включить также храм Богородицы в Адкури), ориентируясь на собор в Ошки, опирают купол на четыре свободно стоящих столпа, тогда как пицундские строители, напротив, отказываются от восточных столпов, опирая купол с востока на углы изолирован-

²⁰ В средневизантийском Константинополе такая кладка почти не встречается: исключение — части Одалар-Джами и юго-западный угол Касим Ага Месджиди (XII в. ?; Müller-Wiener W. *Bildatlas zur Topographie Istanbul*. Tübingen, 1977. S. 164, 188–189). На Балканах она приобретает форму *cloisonné*; исключение — нартекс Панагии Элеусы в Велюсе (1080 г.; Ćurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent* (c. 300 — c. 1550). New Haven; London, 2010. P. 406–407).

²¹ Но не в аналогичных по типу храмах Чанлы Килисе, в Челтыкдере и Дергезе, где полосы камня состоят из двух и более рядов блоков и имеют декоративный характер, применяясь только на фасадах, а ряды плинфы разделены толстым швом (см.: Ousterhout R. *A Byzantine Settlement in Cappadocia*. Washington, D.C., 2006. P. 69).

²² Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine architecture*. P. 382. Ill. 337.

²³ Бирюков Ю.Б. Кафедральный собор в Пицунде и его место в архитектуре Абхазского царства // Архитектурное наследство. Вып. 49. М., 2008. С. 4–30.

ных восточных угловых ячеек, что типично как раз для храмов Тао-Кларджети второй-третьей четверти X в. (церкви в Хандзте, Вале, Долисхане, Хахули²⁴) При этом трюмпы в основании «композиционных» парусов Пицундского собора лишены декорации так же, как в тао-кларджетских памятниках первой половины — середины X в. (в Кинепоси, Опизе, Долисхане, Кумурдо²⁵), в отличие от трюмпов-«раковин» в основании парусов храмов третьей четверти X — первой половины XI в. (в Ошки, Ишхани, Экеки, Чанглы, Ени-Рабате²⁶). Родство с памятниками Юго-Западной Грузии проявляется и в устройстве разрушенного южного притвора²⁷, который похож больше не на массивные и полуоткрытые притворы «абхазской» школы, а на легкие и полностью открытые притворы и галереи Ошки.

Таким образом, становится очевидно, что в Пицундском соборе соединены черты византийского зодчества и архитектуры Юго-Западной Грузии. С другой стороны, византийское начало в соборе практически никак не связано с традициями «абхазской школы»: здесь нет ни чисто каменной кладки и облицовки стен, ни ярко выраженных ступенчатых подпружных арок, ни сложнопрофилированного цоколя. Напротив, различные варианты *opus mixtum* в кладке стен сближают Пицундский собор, выполненный, по всей видимости, теми же мастерами, что и соседний храм № 7, с памятниками Константинополя (Килисе Джами), Малой Азии (Исламкёй) и Тао (Дёрт-Килисе). Соединение же в нем византийских (но не абхазских) и тао-кларджетских элементов (см. выше) указывает на мастеров, имевших опыт работы в обеих зонах (см. также ниже). Было бы заманчиво видеть в этом ранний (980–990-х годов) вариант «синтетического» стиля Баграта I, однако «архаическая» форма композиционных парусов (без «раковин») указывает скорее на конец 960-х годов, т. е. на правление Димитрия III до начала войны с Феодосием III.

Напротив, на юге Абхазского царства, в Лазике-Эгриси, начиная с эпохи турецкого владычества, было разрушено большинство памятников центральной зоны, а сохранилось преимущественно зодчество периферии: Сванетии и Рачи, и поэтому византийское влияние проследить тут сложнее. Однако мы все же видим здесь черты византийской архитектуры в виде выраженных апсид и использования плинфы: в «купольной базилике» свв. 40 мучеников в Археополе (Нокалакеви), построенной на месте старой базилики²⁸ после ее разрушения в 737 г., «купольном зале» с тремя полуоткрытыми, как в Абхазии, притворами в Нажахово²⁹, триконхе в Джварзени, тетраконхе в Ножахеви³⁰ и первом, недавно раскопанном храме в Хоби³¹. В пользу этого говорит и популярность выраженной снаружи апсиды в небольших храмах Сванетии (в Незгуни, Чвабиани, Жибиани, Пхотрери и свв. Архангелов в Мацхвариши³²) и Рачи (в Земо-Крихи

²⁴ Беридзе В.В. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси, 1981. С. 51, 140, 145, 179, 182.

²⁵ Там же. С. 145–146, 153–156, 159–162.

²⁶ Там же. С. 150–151, 164–166, 186–188, 191–194.

²⁷ См.: Khroushkova L. Les monuments chrétiens... Pl. 63a.

²⁸ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские... С. 336–339.

²⁹ Gengiuri N. Kuppelhalle. Tbilisi, 2005. S. 46–47, 182–183.

³⁰ Giviashvili I. Georgian Polyapsidal Church Architecture // Vakhtang Beridze. 1st international Symposium of Georgian culture. Tbilisi, 2009. P. 174–175.

³¹ Любезное сообщение Г. Читая.

³² Их изображения см. в: Kenia M. Upper Svanetia. Medieval Mural Painting. Tbilisi, 2010. P. 12–19, 21, 192, 258.

и Квирикесминде³³) IX–X вв. и по подражанию типологии абхазских храмов в памятниках Менгрелии XI–XVII вв. (церкви в Гелати, Цаленджихе, Корцхели, Хоби и Цаиши). Переходным звеном между Абхазией и Эгриси мог быть первый храм в Бедиа, построенный, судя по выраженным снаружи апсидам³⁴, ок. 999 г. царем Баграта I, в стиле «абхазской» школы или пицундских храмов.

2. Тао-Кларджетия

Области Юго-Западной Грузии (на территории совр. Турции): Тао, Кларджетия, Шавшети и др., находившиеся под властью правителей из династии Багратидов, по праву считаются одним из центров формирования грузинской государственности и культуры после арабского нашествия. Именно здесь формируется тот архитектурный стиль, который ляжет в основу зодчества объединенного Грузинского царства в начале XI в. Византийское влияние на памятники данного региона почти никогда не предполагалось³⁵, однако тесные контакты данного региона с Византией отразились, на наш взгляд, и в архитектуре.

Главным свидетельством таких контактов является появление в четырех памятниках Тао и Кларджетии X в. кладки из плинфы, не типичной ни для предшествующей, ни для современной им кавказской архитектуры³⁶, но играющей важную роль в зодчестве Малой Азии (пусть и меньшую, чем в остальных частях империи³⁷). Впервые плинфа появляется здесь в не сохранившихся, но описанных Н.Я. Марром сводах и конхе храма в Опизе, который построил в начале 950-х годов куропалат Ашот II³⁸. Во второй половине 950-х годов из плинфы выкладываются своды северо-восточной ячейки и нартекса храма в Долисане (рис. 11), возведенного Сумбатом Артануджели³⁹. Наконец, в 960-е годы из плинфы строятся стены (в технике *opus mixtum*), арки и своды большой базилики в Дёрт-Килисе⁴⁰ и малого, погребального (?) зального храма с криптой там же (рис. 8–9).

³³ Цинцадзе В.Г. Архитектурный памятник в сел. Земо-Крихи // *Ars Georgica*. Т. 6. Тбилиси, 1963. С. 65 (на груз. яз.); *Ratcha. Heritage Destroyed in the 1991 Earthquake*. Tbilisi, 2008. P. 25.

³⁴ Химиаишвили Л. Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедиа) // *Дзеглис Мегобари*. Вып. 14. Тбилиси, 1968. С. 78–79 (на груз. яз.).

³⁵ См.: Беридзе В.В. Место памятников Тао-Кларджети... С. 131. Редкое исключение — Казарян А.Ю. Зодчие Давида Куропалата: Поиск нового образа соборной церкви в Тайке (Тао) второй половины X века // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. Вып. 4. М., 2012. С. 67–70. См. также выше, о греческом мастере в Зарзме.

³⁶ Вся плинфа грузинских храмов IV–VII вв. происходит с территории Лазики и Аписии (см.: Джамая Д.К. Строительная керамика феодальной Грузии. Тбилиси, 1980. С. 95–96), тесно связанных с Византией и частично подчинявшихся ей; о плинфе VIII–X вв. см. ниже.

³⁷ См.: *Strzygowski J. Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte*. Leipzig, 1903. S. 38–41; *Ramsay W.M., Bell G.L. Thousand and one churches*. L., 1909. P. 446–456; *Ousterhout R. A Byzantine Settlement...* P. 68–71. Вопрос о технологии изготовления кавказской плинфы и ее сходстве с малоазийской (равно как и черепицы и раствора) является предметом специального исследования, которое проводится нами в настоящее время в сотрудничестве с Д.Д. Ёлшиным, которому мы выражаем свою глубочайшую благодарность.

³⁸ *Djobadze W. Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti and Šavšeti*. Stuttgart, 1992. P. 9.

³⁹ *Ibid.* P. 11, 59. Pl. 73.

⁴⁰ *Ibid.* P. 170. Pl. 229.

Временная близость всех этих памятников дает возможность предположить, что здесь, в Кларджетии и Тао, работала византийская артель плинфотворителей и, вероятно, строителей, владевшая не известной данному региону, но типичной для Малой Азии техникой кирпичной кладки. В том, что византийцами были именно строители и даже, вероятно, архитектор Дёрт-Килисе, убеждает также типично византийская, глубокая и многоступенчатая профилировка глухих арок на стенах большой базилики⁴¹ (сходных с малоазийским храмом в Учаяке; рис. 12). Придя к верховному правителю-Багратиду Ашоту II из Византии или от абхазского царя, с которым его связывали договорные отношения⁴², эти мастера после его смерти в 954 г., возможно, переходят к его соседу и мужу его племянницы — Сумбату Артануджели. Однако при сходстве размеров, различие в тесте плинфы в Долисане и Дёрт-Килисе, а также наличие в последнем техники *opus mixtum* заставляет считать, что к набирающему силу внучатому племяннику Сумбата — Давиду III, прибыла другая византийская артель. Характерно, однако, что следов ее деятельности нет в перестройке большого храма в Дёрт-Килисе, завершённой после 978 г., т. е. активность обеих артелей падает на 950–960-е годы. Их родиной мог быть как Константинополь, так и Малая Азия (анalogии для второй артели см. выше); возможно, именно она перешла в конце 960-х годов в Абхазию и построила храм № 7 и собор в Пицунде.

Еще одна традиция кирпичного строительства, на сей раз из тонкой (преимущественно квадратной) плинфы, прослеживается в двух точно не датированных храмах: базилике в Эзбеки (Тао; конха апсиды) и купольной базилике в Синкоти (Кларджети; арки второго яруса). По-видимому, из вторично использованного кирпича выложена одна арка на хорах собора в Ошки (Тао, 963–973 гг.). Наконец, огромные керамические блоки трапецевидной формы использованы в оформлении арок над окнами в Хахули (того же времени).

3. Кахетия

Меньше известно о культурных связях Византии с Кахетинским хорепископством, занимавшим в X в. территорию не только собственно Кахетии, но и Восточную Картли. Между тем, в Кахетии, на Гомборском хребте, находятся несколько храмов, в которых византийское влияние проявляется не только в наличии плинфы⁴³, но и во многих других элементах.

⁴¹ Высокие арочные ниши во всю высоту боковых стен базилики характерны для Болгарии конца IX–X в. (базилики в Доростоле, Дворцовая и в «Сакаловой могиле» в Преславе; см.: *Дончева С.* Патриаршеската базилика в Дръстър — обемно-пространствена реконструкция // *Изследвания в чест на Стефан Бояджиев*. София, 2011. С. 125–138). Сам необычный базиликальный план Дёрт-Килисе подражает, вероятно, плану Панагии Хрисокефалос — собора столь важного для Тао-Кларджетии Трапезунта.

⁴² Ср.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 204.

⁴³ Учитывая квадратный размер кирпича в некоторых памятниках Кахетинского хорепископства (Санагире, Агурис-Сакдари, Алвани, Зедазени, см. ниже) и Юго-Западной Грузии (Синкоти, Эзбеки), можно было бы предположить его арабское или иранское происхождение, однако настораживает почти полное отсутствие здесь однозначно восточных архитектурных элементов: даже похожие на Самарру и др. арабские памятники сферические трюмпы в Вачнадзиани (см. ниже) находят себе аналогию в субструкциях константинопольской Гюль Джами (см.: *Schäfer H.* Die Gül Camii in Istanbul. Tübingen, 1973. Taf. 28.1).

Среди них особняком стоит храм Квелацминда близ Вачнадзиани. В своем плане и конструкции он являет причудливое, но вполне сознательное смешение грузинских и византийских элементов: с «трехцерковной базиликой», тропами, ломаной аркой и кладкой из рваного камня со вставками шероховатости соседствуют «купольный зал», выраженные снаружи апсиды, триконхальные пастофории, паруса, плинфяные арки и своды, зубчатый карниз. Но общий облик храма все же скорее византийский: благодаря парусам и большим окнам верхнего яруса его наос напоминает «купольные базилики» VII–X вв. (особенно — церковь св. Николая в Мирах Ликийских начала IX в.), а купола над пастофориями — храм Успения в Никее VII–VIII вв. и базилики Первого Болгарского царства⁴⁴ (рис. 13); галереи обхода перекрыты идеально выполненными крестовыми сводами из плинфы, которые архитектор при необходимости умело модифицирует (в северной галерее); и даже замысловатый переход от конхи к прямоугольной нише в торцах трапезы (рис. 14) находит себе аналогию, причем в том же месте, в таком «столичном» памятнике, как кафоликон монастыря Осиос Лукас в Фокиде (рис. 15).

Если же искать родину самих византийских элементов в данном храме, то ничто не указывает здесь на связь с архитектурой Трапезунта и Абхазского царства (см. ниже). А вот триконхальные пастофории и идеальные крестовые своды выявляют знакомство зодчего с константинопольской модой⁴⁵: действительно, Василий I построил для кахских монахов с Олимпа Вифинского монастырь близ столицы, в Роме⁴⁶.

Несколько иначе выглядит базилика Санагире близ с. Вазисубани⁴⁷. В плане она представляет собой храм типа «вписанного креста», с квадратной формой центральной ячейки и профилированными (под дополнительные подпружные арки) столпами (аналогично кларджетскому крестово-купольному храму в Синкоти⁴⁸), — словно его начинали строить как крестово-купольный, а достраивали как базилику. Но обращает на себя внимание аналогичная профилировка столбов в западной ячейке, нетипичная для крестово-купольного храма и подчеркивающая доминирование центрального нефа (это не основание хор, ибо аналогичной профилировки нет в западных угловых ячейках), а также полное отсутствие следов рукавов креста. Эти детали делают возможным еще одну реконструкцию первоначального замысла храма — как своеобразной купольной базилики (типа более позднего храма в Кинцвиси⁴⁹).

Из византийских элементов в Санагире, по сравнению с Вачнадзиани, добавляются кладка *cloisonné* на апсидах (рис. 16) и западном фасаде⁵⁰, плинфяной фриз с псевдомеандром, плоские ниши с фигурной кладкой и двойной зубчатый карниз

⁴⁴ Krautheimer R. Early Christian and Byzantine architecture. P. 288–290.

⁴⁵ Givishvili I. Georgian Polyapsidal Church Architecture. P. 177; пастофории с апсидами вместо апсидолей имеются в средневизантийском храме в Якаджыке в Вифинии (Demiriz Y. Interlaced Byzantine mosaic pavements. Istanbul, 2002. P. 73–83)

⁴⁶ См.: Martin-Hisard B. Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des cérémonies, II, 48 // TM. Vol. 13. 2000. P. 495.

⁴⁷ Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959. С. 123–133. Табл. 62–70.

⁴⁸ Хоштария Д. Церкви и монастыри Кларджетии. Тбилиси, 2009. С. 251–255 (на груз. яз.).

⁴⁹ Gengiuri N. Kuppelhalle. S. 57.

⁵⁰ К выводу о ее византийском происхождении пришел в 2011 г. и Д. Хоштария (Хоштария Д., Нацелишвили Н., Туманишвили Д. Строители средневековой Грузии. Тбилиси, 2012. С. 161–162 (на груз. яз.)), не давший этому, впрочем, конкретного объяснения

из формового кирпича на боковых наружных стенах клеристория (рис. 17) и сложнопрофилированная арка из двух рядов плинфы над входом в южный придел.

На первый взгляд, сочетание византийских строительных элементов в Санагире указывает на «элладскую» школу византийской архитектуры: пояс кирпичного орнамента в сочетании с зубчатым карнизом впервые встречается на фасадах храма Богородицы в монастыре Осиос Лукас в Фокиде (середина X в.); плоские ниши под зубчатым карнизом — на апсидах Св. Софии Охридской (вторая четверть XI в.)⁵¹; П-образный псевдомеандр — на кафоликоне Неа Мони на Хиосе (1040-е годы; рис. 18), причем уже в достаточно развитом виде. На боковых апсидах последнего мы видим точно такое, как в Санагире, сочетание элементов по вертикали: зубчатый карниз, псевдомеандр и плоские ниши. Сам характер кладки *cloisonné* в Санагире говорит в пользу датировки началом средневизантийской эпохи: здесь плинфа, положенная в два-три ряда (как по горизонтали, так и по вертикали) преобладает над неровным камнем с известковой обмазкой, приобретая характер оправы, что типично для ранних храмов Кастории, например, Св. Стефана (IX в.)⁵², но не для греческих памятников XII в., где плинфа выглядит как тонкая прослойка между крупными квадратами.

Впрочем, данные элементы встречаются и в других школах византийской архитектуры. Так, *cloisonné* (правда, иного типа) есть на стенах Пицундского собора (см. выше) и церкви Св. Амфилохия в Иконии⁵³. А вот полный набор приемов зодчих Санагире: меандр из плинфы, имитацию аналогичной *cloisonné* и плоские ниши, мы встречаем — несколько неожиданно — на стенах Св. Софии Киевской и других древнерусских храмов. Поэтому в Санагире могли работать и мастера из других регионов. Напротив, кладка *cloisonné* в Восточной Грузии (Нарикала, Исани и храм в Мцхетском Армази) датируется более поздним временем (с XII в.)⁵⁴ и значительно отличается от санагирской и византийской: размещение плинфы в ней неравномерно, а вертикальные кирпичи часто заменяются на горизонтальную кладку из-за необходимости заполнить пространство между камнями неправильной формы.

Датировку Санагире следует выводить, прежде всего, из византийских аналогий технике кладки, которые склоняют нас к периоду IX–XI вв. Уточнить ее помогает декорация храма, содержащая несколько важных элементов: 1) уникальные для Восточной Грузии семь мраморных плит, вторично использованные в нартексе и указывающие на очень богатого заказчика; 2) очевидно, принадлежащее ему склеповое погребение с дромосом, занимающее всю северо-западную ячейку храма (аналогично гробнице Исаака II в Феррах и игумена Зинона в Икалто); 3) полная фресковая роспись храма, где огромные фронтальные фигуры апостолов и святителей в апсиде не могут быть датированы временем позже конца XI в., а изображение в люнете на западной стене наоса — очевидно, свв. Иулиты и Кирика, — может указывать на погребенного в Санагире заказчика декорации — кахетинского хорепископа Квирике.

⁵¹ Schellewald B.M. Die Architektur der Sophienkirche in Ohrid: Diss. Bonn, 1986. Abb 3.

⁵² Epstein A.W. Middle Byzantine churches of Kastoria: Dates and Implications // The Art Bulletin. Vol. 62, No. 2. 1980. P. 194. Ill. 11, 13.

⁵³ См.: Ramsay W.M., Bell G.L. Thousand and one churches. Fig. 330.

⁵⁴ Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Загадка Санагире, или «Кастория в Кахетии» // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Вып. 2. СПб., 2012. С. 16–20.

*Рис. 1. Собор в Мокви (Абхазия).
Наос, вид на юго-запад*

*Рис. 2. Накип Джами в Трапезунте
(Понт). Вид с северо-востока*

*Рис. 3. Накип Джами в Трапезунте
(Понт). Наос, вид на юго-восток*

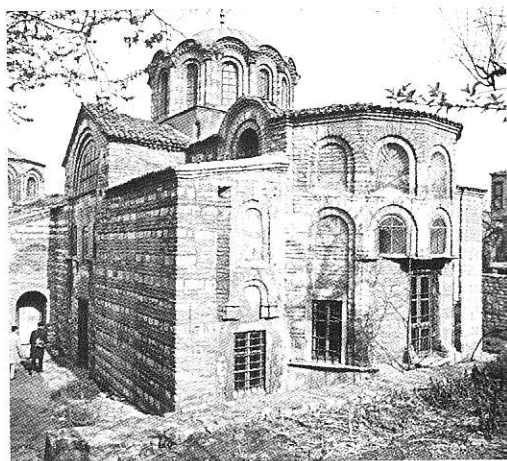

*Рис. 4. Северный храм в Нижнем
Архизе (Западная Алания).
Наос, вид на северо-восток*

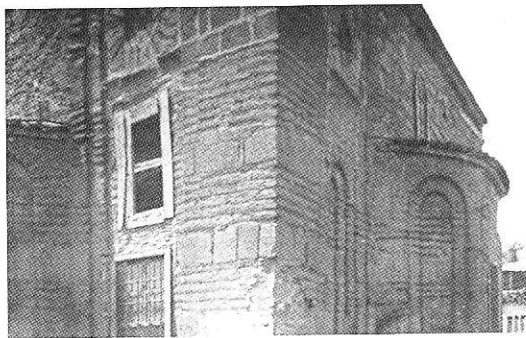

*Рис. 5. Храм № 7 в Пицунде (Абхазия).
Южная апсида*

*Рис. 6. Килисе Джами в Константинополе.
Вид с юго-востока*

*Рис. 7. Храм (мечеть) в Исламкёе (Писидия).
Вид с юго-востока. Фото начала XX в.*

*Рис. 8. Большой храм в Дёрт-Килисе (Тао).
Северная стена наоса*

Рис. 9. Малый храм в Дёрт-Килисе (Тао).
Вид с юга

Рис. 10. Собор в Пицунде (Абхазия).
Вид с юга

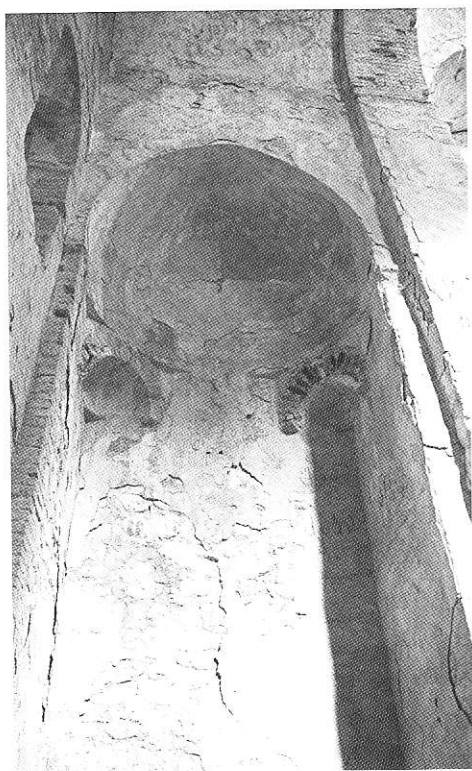
Рис. 11. Храм в Долихане (Кларджетия).
Свод нартекса

Рис. 12. Храм в Учаяке (Галатия).
Вид с юга

Рис. 13. Храм Квелацминда
близ Вачнадзиани (Кахетия).
Вид на купол и южную стену

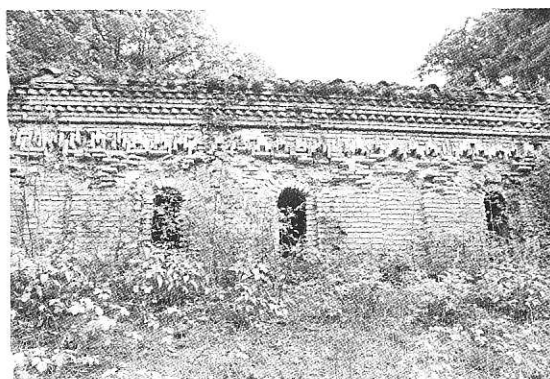

Рис. 14. Храм Квелацминда
близ Вачнадзиани (Кахетия).
Северная стена западной трапезы

Рис. 15. Кафоликон монастыря
Осиос Лукас (Фокида).
Восточная часть северной стены

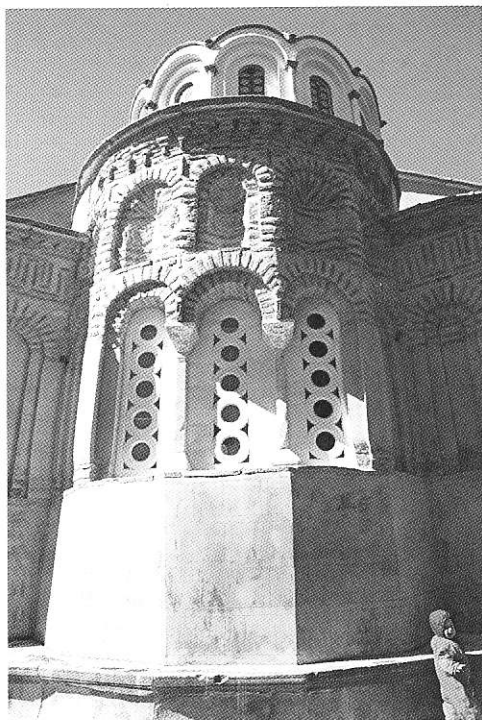

Рис. 16. Храм Санагире
(Кахетия). Вид с востока

Рис. 17. Храм Санагире (Кахетия).
Клеристорий, вид с юга

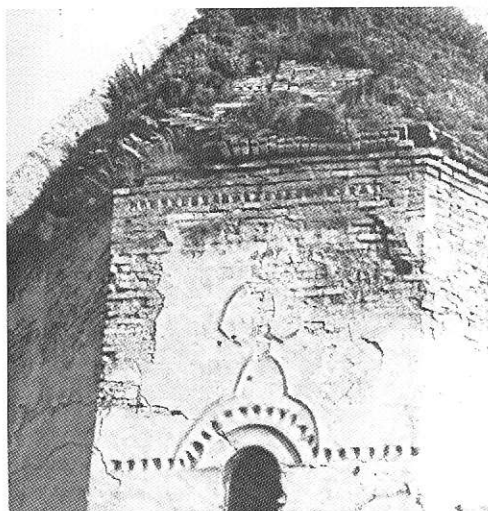

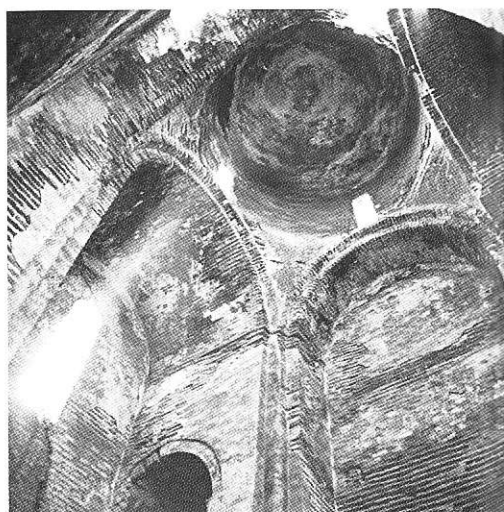
Рис. 18. Кафоликон Неа Мони на о. Хиос (Греция). Апсиды, вид с востока

Рис. 19. Храм в Озаани (Кахетия). Вид с востока

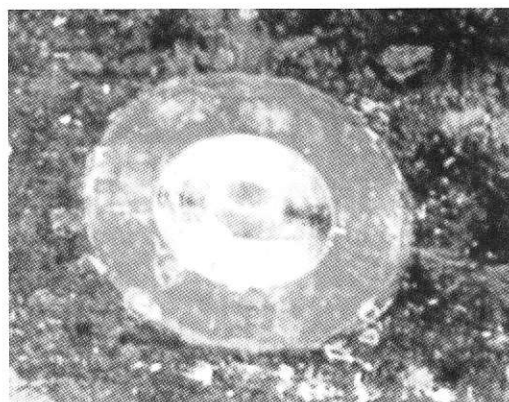
Рис. 20. Храм Сурб Хач в Апаранке (Васпуракан). Барабан

Рис. 21. Храм Сурб Хач в Апаранке (Васпуракан). Вид на купол и северо-западный угол

Рис. 1а. Вращающийся диск между апостолами из сцены Вознесения в барабане купола.
Церковь св. Апостолов. Печка Патриаршия (Сербия). Ок. 1260 г.

Рис. 1б. Вращающийся диск (деталь)

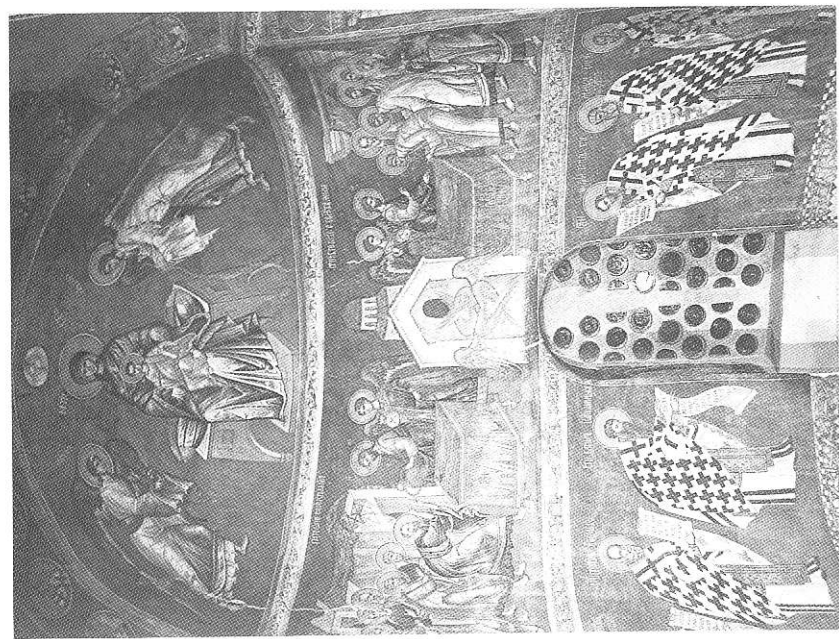

Рис. 2а. Вращающийся диск над головой Богоматери.
Алтарная апсида церкви Богоматери Одигитрии.
Печка Патриаршия (Сербия). Ок. 1335 г.

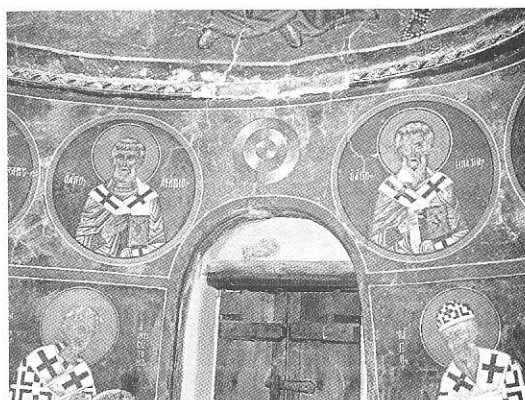
Рис. 2б. Вращающийся диск (деталь)

Рис. 3. Вращающиеся диски по обе стороны от образа Богоматери с пророком Захарией и архиепископом Иоанникием на западной стене церкви св. Димитрия. Ок. 1345 г.

Рис. 4. Вращающийся диск над алтарным окном. Церковь св. Николая в Студенице (Сербия). Первая половина XIII в.

Рис. 5. Вращающийся диск над алтарным окном. Церковь св. Николая тис Стигис (Кипр). XIV в.

*Рис. 6. Вращающиеся диски в композиции «Мелизмос»
в апсиде церкви св. Феодора в Кафиони.
Мани (Пелопоннес). Вторая половина XIII в.*

*Рис. 7. Светящиеся диски над иконой Богородицы с младенцем
«Неопалимая Купина» над входом в нижнюю церковь
монастыря Бояна. XIII в.*

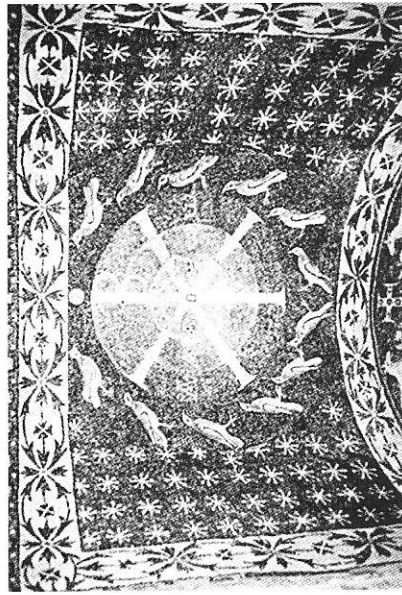

Рис. 8. Святящийся диск с хризмой. Мозаика
Баптистерия собора в Альбенга (Лигурия). Сер. V в.

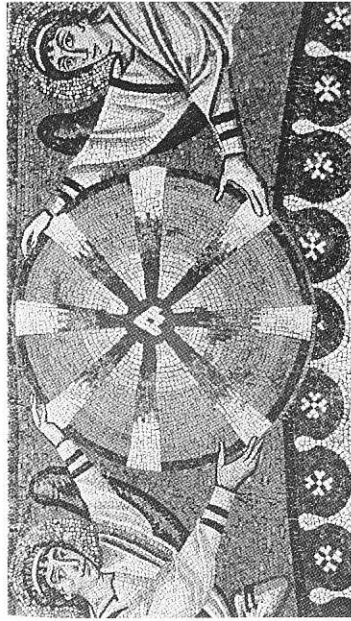

Рис. 9. Святящийся диск с хризмой. Мозаика над алтарной
апсидой Сан Витале в Равенне, 546–548 гг.

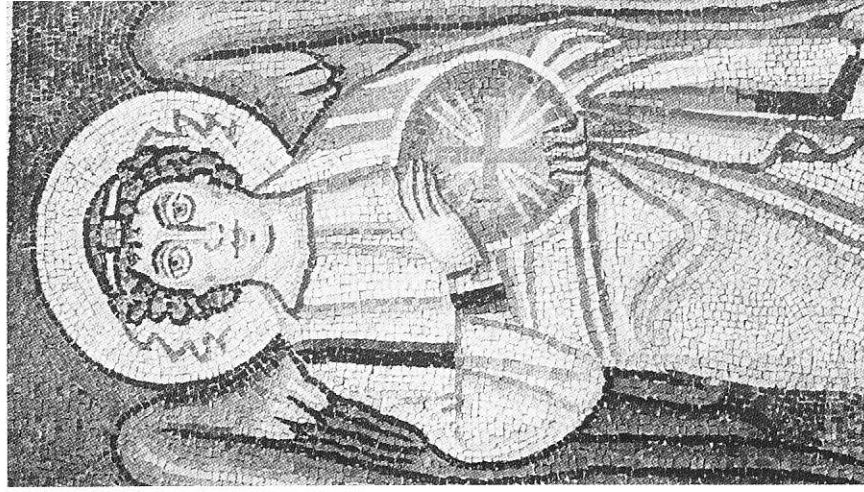
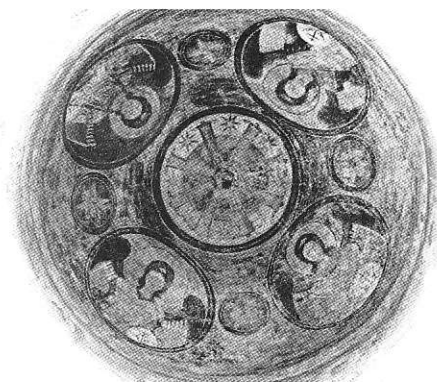

Рис. 10. Архангел, держащий светящийся
диск. Мозаика собора Порсеча. VI в.

Рис. 11. Святищийся диск с хризмой. Мозаика в вершине свода южной подкупольной арки Софии Киевской. Середина XI в.

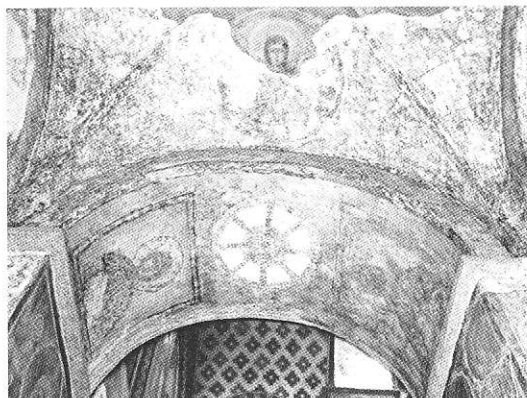
Рис. 12. Святищийся диск с хризмой. Фреска в куполе над южными хорами Софии Киевской. Середина XI в.

Рис. 13. Святищийся диск с хризмой. Фреска в северной лестничной башне Софии Киевской. Середина XI в.

*Рис. 14. Сияющий диск на своде арки
Кирилловской церкви в Киеве.
Вторая половина XII в.*

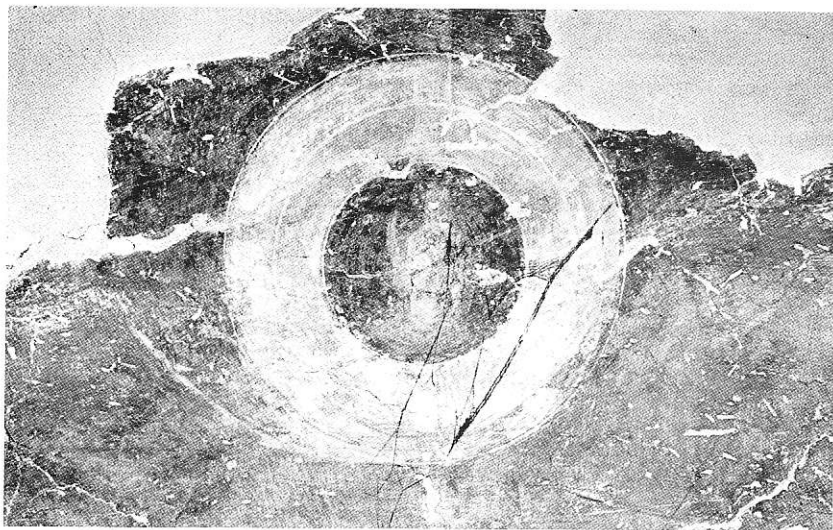

*Рис. 15. Сияющий диск на своде арки
Успенского собора во Владимире.
Вторая половина XII в.*

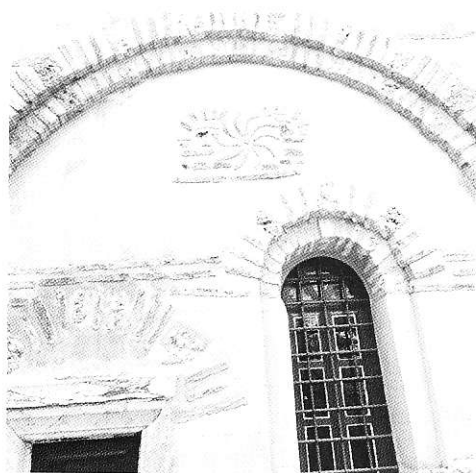

*Рис. 16. Сияющий диск
в композиции «Второй Вселенский
собор в Константинополе».
Мозаика базилики
Рождества Христова в Вифлееме.
Вторая половина XII в.*

Рис. 17. Вращающийся диск с Десницей Божией на своде над сценой «Рождества Христова» и «Крещения». Церковь Хосиос Давид в Фессалониках. XII в.

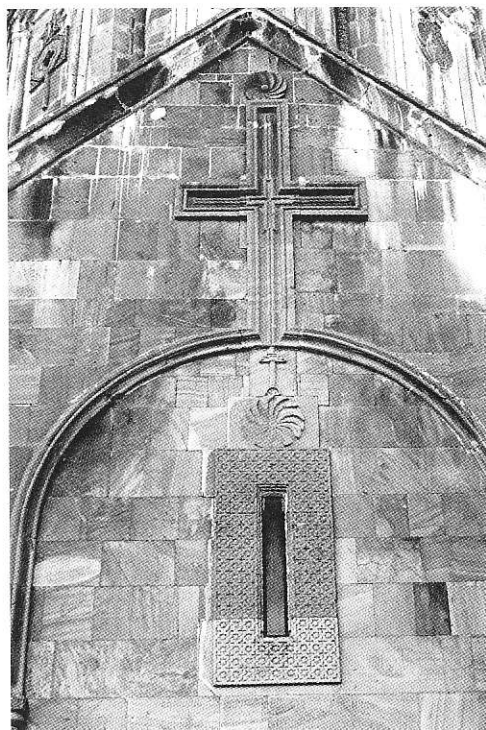
Рис. 18. Вращающийся диск на северном фасаде нартекса. Собор монастыря Неа Мони на о. Хиос. Середина XI в.

Рис. 19. Вращающийся диск на восточном фасаде южной церкви монастыря Константина Липса в Константинополе. 1282–1303 гг.

Рис. 20. Вращающиеся диски по сторонам алтарного окна на восточном фасаде собора монастыря Кинсали в Арте. XIII в.

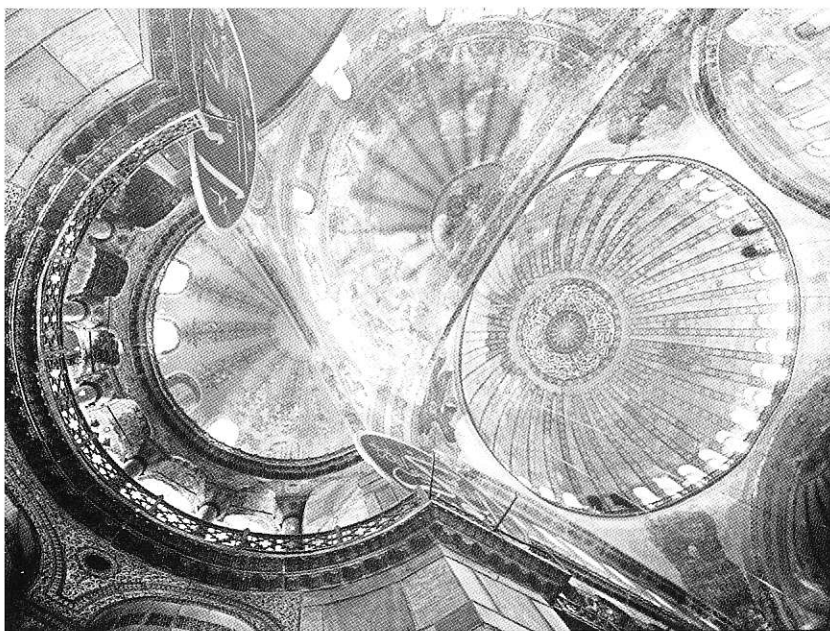
Рис. 21. Вращающиеся диски на северном фасаде собора монастыря Гандзасар (Нагорный Карабах). XIII в.

Рис. 22. Сияющий диск с голубем Святого Духа. Икона Благовещения.
Монастырь св. Екатерины на Синае. Конец XII в.

Рис. 23. Вращающиеся диски в сцене «Благовещения» на створках царских врат.
Монастырь св. Екатерины на Синае. Начало XIII в.

Рис. 24. Купол и своды алтаря. Св. София Константинопольская. VI в.

*Рис. 25. Серебряное поликандило. Константинополь. VI в.
Собрание Дамбартон Оакс (Вашингтон)*

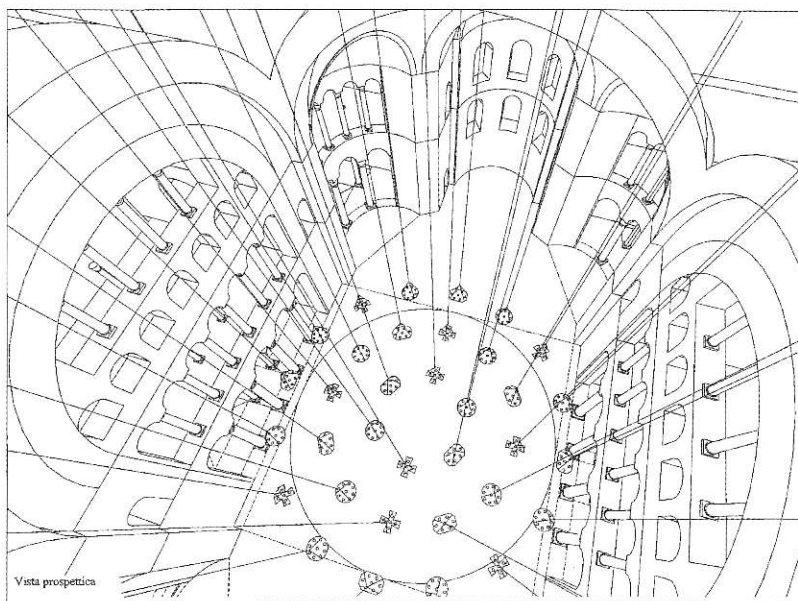

Рис. 26. Цепи со светильниками-поликанделями
в пространстве Св. Софии Константинопольской. Реконструкция М.Л. Фобелли

Рис. 27. Цепи со светильниками-поликанделями
в пространстве Св. Софии Константинопольской. Реконструкция М.Л. Фобелли

The image shows a manuscript page from a Greek canon table (RNB, Gr. 210, fol. 2 verso). The page is filled with a large table of text, organized into columns and rows. The table is framed by a decorative border, and the top of the page features a series of small, arched headings. The text is written in Greek script. The table appears to be a calendar or a liturgical schedule, with columns likely representing days of the month or years, and rows representing specific events or feast days. The page is highly decorated with intricate borders and a central medallion at the top.

Рис. 1. Таблица канонов. РНБ, Греч. 210. Л. 2 об.

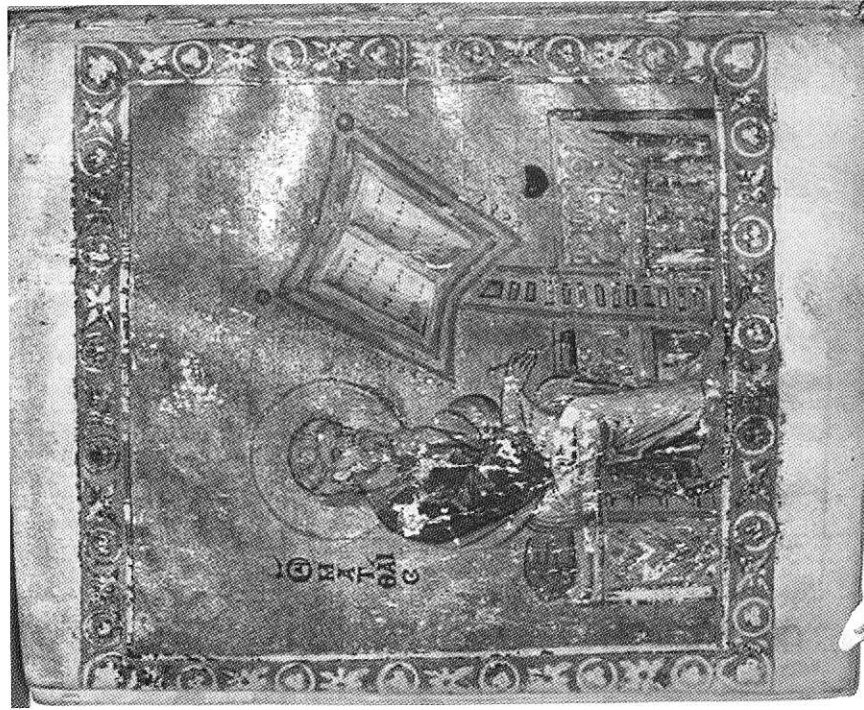

Рис. 2. Евангелист Матфей. РНБ, Греч. 210. Л. 5 об.

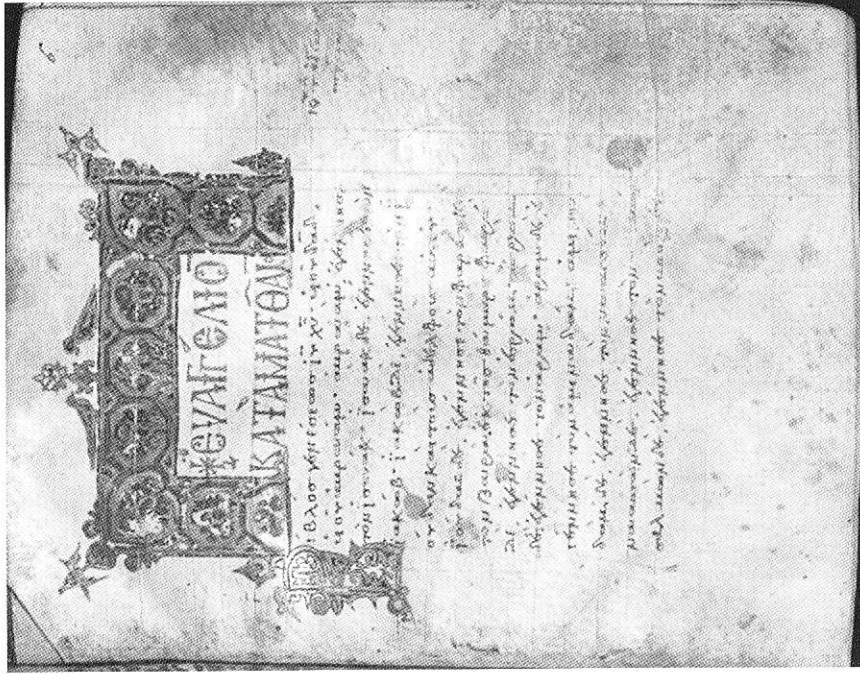

Рис. 3. Заставка к Евангелию от Матфея. РНБ, Греч. 210. Л. 6

Рис. 4. Евангелист Марк. РНБ, Греч. 210. Л. 92 об.

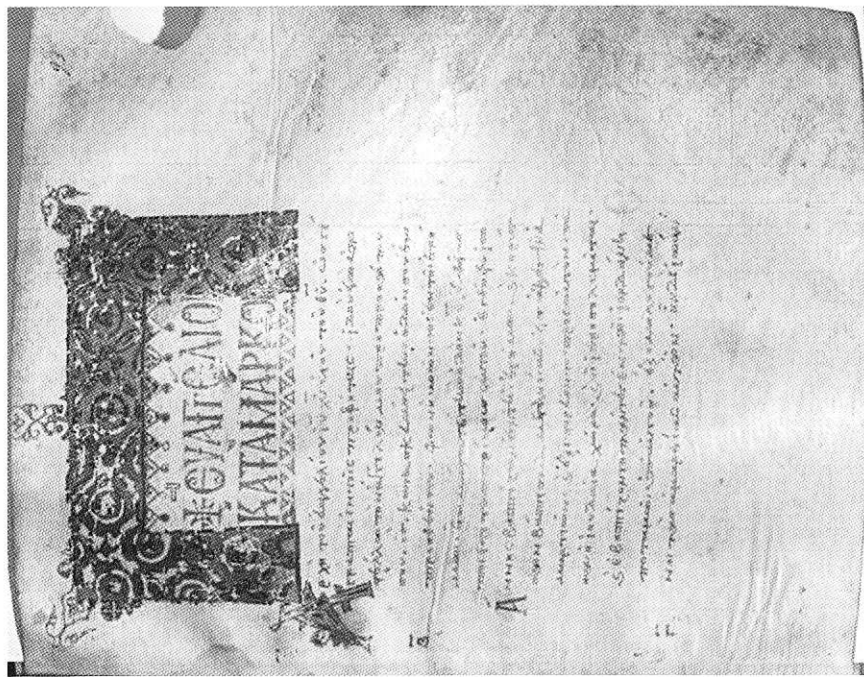

Рис. 5. Заставка к Евангелию от Марка. РНБ, Греч. 210. Л. 93

Рис. 6. Евангелист Лука. РНБ, Греч. 210. Л. 146 об.

Рис. 7. Заставка к Евангелию от Луки. РНБ, Греч. 210. Л. 147

Рис. 8. Евангелист Иоанн. РНБ, Греч. 210. Л. 232 об.

Рис. 9. Фрагмент миниатюры с евангелистом Иоанном. РНБ, Греч. 210. Л. 232 об.:
слева — верхний слой живописи, справа — нижний слой живописи

Рис. 10. Фрагмент миниатюры с евангелистом Матфеем. РНБ, Греч. 210. Л. 6:
слева — верхний слой живописи, справа — нижний слой живописи

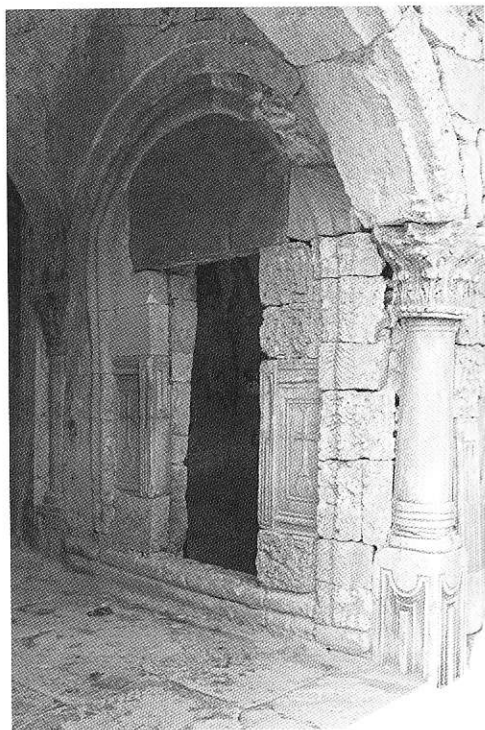
Рис. 11. Фрагмент миниатюры с евангелистом Марком. РНБ, Греч. 210. Л. 92 об.:
слева — верхний слой живописи, справа — нижний слой живописи

К статье С.В. Свердловой

*Рис. 1. Вход в придел Вамека Дадияни
в Хоби*

*Рис. 2. Придел Вамека Дадияни в Хоби.
Вид на свод и западную стену*

Рис. 3. Портрет Георгия II и Тamar
в приделе Вameка Дaдиани в Хоби

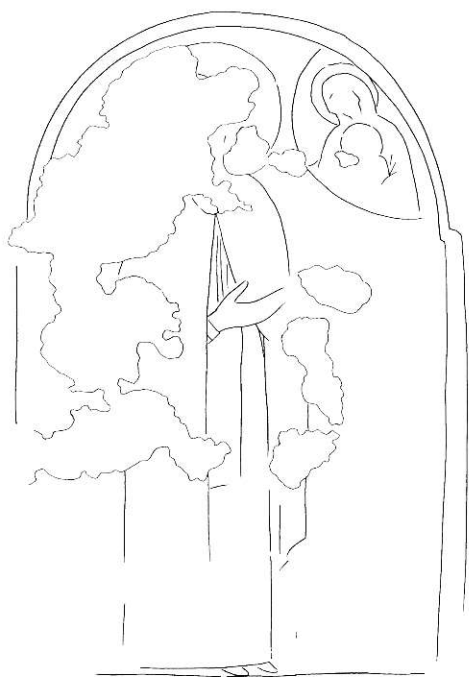

Рис. 4. Портрет Вameка Дaдиани
в Хоби. Прорисъ автора

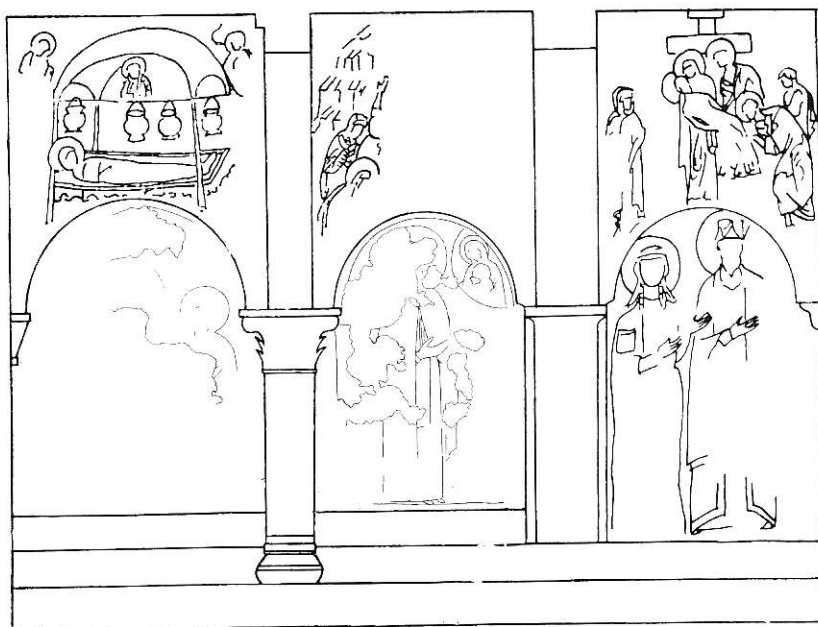

Рис. 5. Схема росписи северной стены придела Вамека Дадiani в Хоби.
По: Лордкипанидзе И.Г. (1978 г.) с дополнениями автора

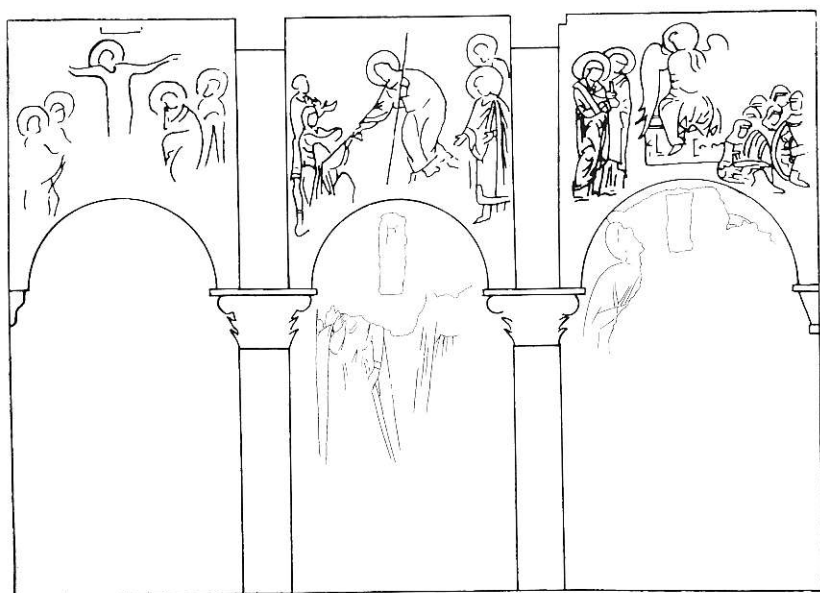

Рис. 6. Схема росписи южной стены придела Вамека Дадiani в Хоби.
По: Лордкипанидзе И.Г. (1978 г.) с дополнениями автора

Рис. 7. Явление ангела женам-мироносицам. Придел Вameка Дадияни в Хоби

Рис. 8. Сошествие во ад. Придел Вameка Дадияни в Хоби

Рис. 9. «Положение Спеленутого». Придел Вамека Даднани в Хоби

Рис. 10. Апсида жертвенника собора свт. Николая в Куртя де Арджеш

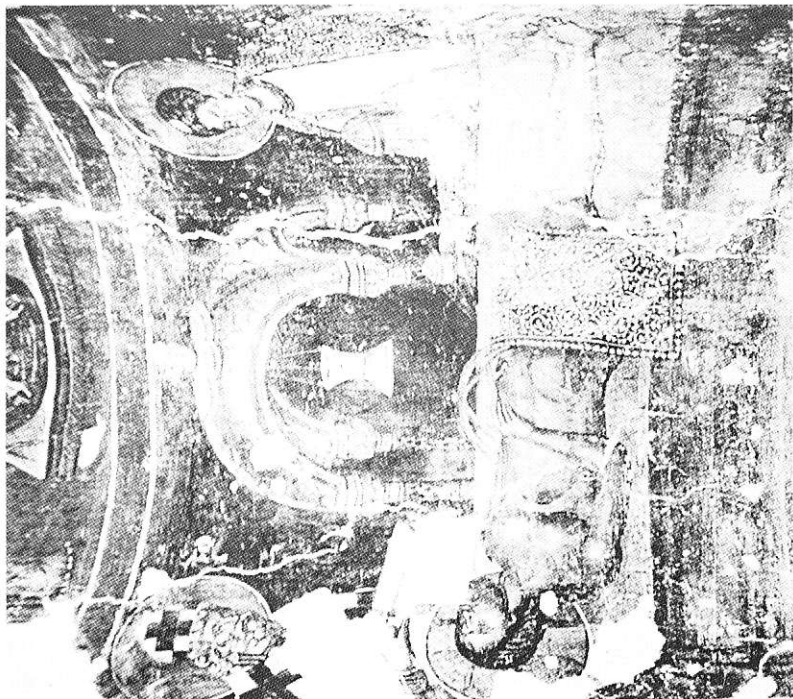
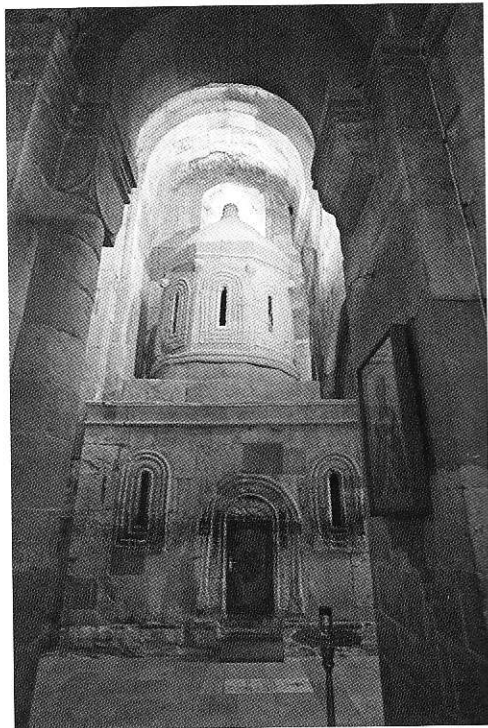

Рис. 11. Апсида жертвенника храма св. Димитрия
в Марковом монастыре

Рис. 12. Монастырь Пантократора в Константинополе.
Храм Архангела Михаила

*Рис. 13. Собор Светицховели (Мцхета).
Часовня-усыпальница. XV в.*

*Рис. 14. Параклис св. Георгия монастыря
св. Павла (Афон). 1425 г. Фото начала XX в.*

Связь с византийским миром была у каждого из правителей Кахетии с этим именем, хотя преимущественно это были просто союзнические отношения с Абхазским царством. Квирике I (893–918) в 906 г. привлек к походу на Эрети абхазского царя Константина III, почтившего Алавердскую церковь. Квирике II (929–976) после 917 г., вместе с Фадлой II, подписал с абхазским царем Константином III жалованную грамоту Шио-Мгвимскому монастырю в Картли, ок. 944–945 гг. помогал царю Георгию II в войне против его сына Константина, в 957 г. породнился с абхазским царем Леоном III, а в начале 970-х годов поддерживал будущего абхазского царя Феодосия III⁵⁵. Квирике III (1010–1037) изобразил себя на зедазенской плите в византийских лоратных одеяниях⁵⁶. Только для Квирике IV (1084–1102) не установлены связи с Византией, однако он известен как восстановитель христианства в Кахетии (см. также ниже).

Типичные именно для средневизантийской архитектуры элементы вышеперечисленных кахетинских храмов исключают более раннюю датировку этих памятников. С другой стороны, с начала XII в., после завоевания Кахетии Давидом Строителем, ее архитектура также выглядит иначе: здесь появляются высокие барабаны, резьба и т. п. Однако эти элементы, вкупе с некоторыми другими, появляются в кахетинской архитектуре уже в первой половине XI в. под влиянием зодчества Баграта I (Св. Георгий в Алаверди и часть храма в Хирсе). Итак, Санагире должен датироваться X — первой половиной XI в.

Пришедшая в Кахетию с византийскими мастерами традиция плинфяного строительства оказала влияние еще на несколько местных памятников, к сожалению, точно не датированных. Во-первых, это храм Св. Нины в Бодбе — кирпичная укороченная двухтравевная базилика с нартексом, отличающаяся выраженными снаружи апсидами и зубчатым карнизом. Конечно, эти элементы могли попасть в Бодбе из архитектуры Абхазии (ср., например, храм в Лыхнах), но более вероятным представляется влияние на них соседних византизированных храмов.

Те же отличия характеризуют и храм Амаглеба близ Озани — кирпичную крестово-купольную постройку (рис. 19), где, наряду с этими византийскими деталями, присутствуют как общекавказские элементы (двухэтажные пастофории с лазом изнутри, trompes, заостренные арки), так и типично тао-кларджетские (аркатурный пояс на барабане, план «вписанного латинского креста» без восточных столпов, боковые входы не в торцах рукавов, а в западных ячейках). Ранние росписи Амаглебы датировались предположительно началом XI в.⁵⁷, однако наши натурные наблюдения заставляют поставить вопрос о возможной датировке данного памятника концом XII — началом XIII в.

В Кахетии видна деятельность двух византийских строительных артелей. Одна, по всей видимости, не абхазская, а византийская и скорее даже близкая к Константинополю, работала в Вачнадзиани, вероятно, в первой половине — середине X в., а вот кирпичные или выполненные в технике *cloisonné* стены Санагире, указывают на другую артель, сходную с тао-кларджетскими и пицундскими стро-

⁵⁵ Картлис цховреба... С. 144–147.

⁵⁶ Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VIe–XIIIe siècles). Turnhout, 2010. P. 166.

⁵⁷ Привалова Е. Роспись церкви «Вознесения»–«Амаглеба» в Озани // Ars Georgica. Серия А. Т. 9. Тбилиси, 1987. С. 151.

ителями 950–960-х годов, но обладавшую другим репертуаром приемов (кладка *cloisonné* с булыжниками и керамопластический декор вместо *cloisonné* с тесаными блоками и *opus mixtum*) и имевшую, вероятно, также чисто византийское происхождение: из Эллады и Эгеиды или из того региона, откуда пришли строители русских храмов первой половины XI в. Большую часть X в. в Кахетии правит могущественный хорепископ Квирике II (929–976): с одной стороны, он был хорошо знаком и даже породнен с абхазскими царями (см. выше), а с другой — состоял в переписке с византийскими императорами⁵⁸. Уникальные ромбы из пережженного кирпича на фасадах клеристория Санагире вдохновлены армянской архитектурой, а именно ромбами из камня на крепостных стенах Ани 989 г.⁵⁹

Кроме того, контакты с византийским миром породили на севере Кахетинского хорепископства особый феномен — квадратный кирпич в каменной кладке местных базилик закавказского типа: столпы и арки в Натлис-Мцимели близ Алвани; арки (в том числе двойная), части стен и столпов в Зедазени; арки, своды, часть столпов и стен в двухкупольной Квелацминде в Гурджаани. Схожа с этими памятниками по типу плинфы и «трехцерковная базилика» Агурис-Сакдари близ Сагурамо, полностью выстроенная из кирпича.

Другая артель, схожая с вачнадзианской, стоит за использованием толстого прямоугольного кирпича, в т. ч. и лекального для полуколонок: на столпах и восточном фасаде храма Мама Давида в Акуре; на клеристории «трехцерковной базилики» Натлис-Мцемели близ Калаури; вторично утилизированных в кладке купола крестовокупольного храма Барцана близ Шильды и, возможно, использовавшихся на его первоначальном куполе⁶⁰.

4. Армения

После возобновления каменного строительства в Армении в третьей трети IX в. местные зодчие ориентируются на архитектуру эпохи ее расцвета (VI–VII вв.). Армянское зодчество IX–X вв. настолько самобытно, что вопрос о влиянии на него средневизантийской архитектуры даже почти не ставился⁶¹.

Между тем контакты здесь все же прослеживаются. Во-первых, в своей вышеуказанной работе М. Тьерри отмечает появление в X–XI вв. в армянских хра-

⁵⁸ См.: *Martin-Hisard B. Constantinople et les archontes...* P. 487–495. Сравнение аналогичных элементов указывает на то, что строители Вачнадзиани не могли прийти из Абхазии: кладка стен Квелацминды в Вачнадзиани, выполненная из рваного камня с углами из шерemi, не имеет ничего общего с аккуратными тесаными квадрами на фасадах абхазских храмов, а вот *cloisonné* и псевдо-меандр на стенах Пицундского собора выглядит сходно с Санагире (ср. рис. 10 и 16).

⁵⁹ См.: *Cuneo P. Architettura medievale armena.* Roma, 1968. Fig. 135.

⁶⁰ Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. С. 94–123, 287–320, 349–354. Датировка храмов VIII–IX вв. ошибочна: издатель принял перестроенную северную часть Мама Давида за постройку Илариона Грузина и датировал ее 855 г. — ктиторские надписи церкви датируются X в. (Корпус грузинских надписей, лапидарные надписи. Т. 1: Восточная и Южная Грузия (V–X вв.) / Сост. и изд. Н. Шошиашвили. Тбилиси, 1980. С. 312–313 (на груз. яз.)); храм в Зедазени построен не католикосом Климентом (то был «другой», дополнительный храм, св. Иоанна Крестителя), а игуменом Захарией в X в. (у предшествующего собора были пристроенные диаконник и галерея, которых нет у нынешнего здания); Гурджаани явно подражает Квелацминде в Вачнадзиани, так как уровень последней в аналогичных деталях (хоры, окна, купол) несравненно выше.

⁶¹ Кроме: *Thierry M. Les influences byzantines sur l'art arménien (étude critique) // L'Arménie et Byzance. Histoire et culture.* P., 1996. P. 198–199.

мах Варагванка (Св. София и Сурб Ованес) и Хоромосванка двойных окон, типичных для византийской провинции. Во-вторых, в Анийском царстве и Сюнике распространяется «мода» на паруса, бывшие в ранней Армении исключениями в сравнении с трюмами (нам известно лишь четыре примера VII в.: Талин, Аруч, Дедмашен и Артавазанк)⁶². Возможно, именно под византийским влиянием (хотя нельзя исключать и ориентацию на престижный ранний армянский образец, типа Аруча) паруса появляются уже в одном из первых «послеарабских» храмов (Сурб Аракелоц на Севане (874 г.)) и известны в конце IX — X в., например, в Сурб Погос-Петросе в Татеве, Цалкашене, двух церквях Санаина, Каркопе и Мармашене⁶³, а также в Васпуракане (см. ниже).

В-третьих, вокруг оз. Ван строятся 17 (!) храмов с арками, сводами (в том числе крестовыми), парусами и куполами из плинфы, прежде армянской архитектуре неизвестной⁶⁴: Св. София (981 г.)⁶⁵ и Сурб Ованес в Варагванке, Сурб Товмас в Гандзаке, Сурб Акоп на Капуткоге, Сурб Саак в Эрернайванке, церковь в Карадере, Сурб Аствацацин в Цпативанке и в Кечававанке, Сурб Карапет в Апаранке, церковь в Пертаве, Сурб Хач в Хизане, Сурб Аствацацин в Баридзоре, Сурб Акоп в Хумсайванке, Сурб Товмас в Паливанке⁶⁶. Отдельно стоит отметить храмы Сурб Хач в Апаранке (983 г.; рис. 20–21) и Сурб Аракелоц близ Муша, полностью сложенные из плинфы⁶⁷.

Судя по двум точно датированным храмам, эти храмы должны относиться к концу X — началу XI в. и связываться с имевшими тесные контакты с империей васпураканским царем Иоанном-Сеннахеримом. Однако если верить «Географии» Вардана Великого, то еще патриарх Анания Мокаци (943–967), который имел резиденцию в Васпуракане до 950 г. и которому писал Константин Багрянородный⁶⁸, возвел Сурб Хач в Моксе, с двойной аркой из плинфы⁶⁹ (схожей с санагирской). Вряд ли все вышеперечисленные храмы были построены византийцами: скорее, речь идет о приходе сюда греческих плинфотворителей, положивших начало местной традиции производства кирпича⁷⁰. Однако наличие поребрика в Сурб Хаче в Апаранке (особенно на бровке барабана, напоминающей формой памятники «элладской» школы; рис. 20) и Хизане и *opus spicatum* в Хизане и Баридзоре указывает на работу здесь византийских строителей⁷¹.

⁶² Cuneo P. *Architettura armena*. P. 149, 212–213, 220–223, 358–359, 766–769, 800–801.

⁶³ Ibid. P. 260–264, 290–297, 360–364, 395, 416–419, 766–769, 800–801.

⁶⁴ См.: Strzygowski J. *Die Baukunst der Armenier*. Wien, 1918. S. 208–209.

⁶⁵ Ее уникальное для Армении посвящение также выдает византийское влияние (Thierry J.M. *L'Arménie au Moyen Age*. Pierre-qui-Vire, 2000. P. 144). Об архитектуре Васпуракана X в. см.: Ibid. P. 136–156.

⁶⁶ Cuneo P. *Architettura armena*. P. 538–542, 564–565, 568–569, 576, 578, 580–581, 583, 586, 588–589, 591–593, 596, 599, 769, 829; там же см. библиографию.

⁶⁷ Ibid. P. 614–615.

⁶⁸ См.: Martin-Hisard B. *Constantinople et les archontes*... P. 518.

⁶⁹ См.: Thierry J.M. *Monastères arméniens du Vaspurakan*. IV // REA. 7. 1970. P. 154–158. Fig. 34.

⁷⁰ Вряд ли от нее зависит плинфяная архитектура в Кларджетии и Тао (см. выше), так как в последней используется неизвестная Васпуракану техника *opus mixtum*.

⁷¹ Об этом очень кратко, без подробного анализа, говорится только в: Thierry J.M. *Les monuments arméniens de Vaspurakan*. P., 1989. P. 109. Крестообразный храм и триконх в Тиле, в верховьях Тигра (Cuneo P. *Architettura armena*. P. 704–705), относятся все же скорее к византийской, чем к армянской архитектуре.

Подводя итог краткому обзору фактов византийского архитектурного влияния на Кавказ в IX–X вв., следует констатировать, что оно распространялось двумя последовательными волнами: первая началась в конце IX в. и захватила Абхазское и, в намного меньшей мере, Анийское царство, Сюник и, возможно, Кахетию, а вторая — ок. 950 г. и затронула Васпуракан, Кларджетию, Тао, Абхазию, Аланию и Кахетию.

Можно выделить 5 разных по силе видов этого воздействия.

- 1) «Мода» на отдельные архитектурные элементы византийского происхождения: на паруса — в Армении, на выраженные снаружи апсиды — в Сванетии и Раче.
- 2) Проникновение плинфяной кладки (в том числе *opus mixtum*) и, соответственно, византийских мастеров: плинфотворителей и строителей, при общем сохранении форм местной архитектуры. Такое мы видим в Кахетии, Васпуракане, Кларджетии и Тао.
- 3) Постройка пришлыми мастерами храмов в византийской технике (с использованием плинфы, парусов, крестовых сводов и т. п.), в сочетании с элементами кавказской архитектуры и, вероятно, в сотрудничестве с местными мастерами. Это случай Кахетии середины — второй половины X в. и Абхазии последней трети X в.
- 4) Появление на месте варианта провинциальной византийской, а точнее малоазийско-причерноморской архитектуры. Так обстоит дело с зодчеством Абхазского царства конца IX — середины X в. («абхазская» школа) и затем — Алании.
- 5) Дальнейшее использование местными строителями элементов византийской архитектуры, взятых из прежде построенных там византийскими мастерами памятников, что мы наблюдаем в Кахетии и Васпуракане конца X — XI в.

Виноградов Андрей Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультет истории
ул. Петровка, д. 12
107966 Москва

Электронная почта: auvinogradov@hse.ru

Белецкий Денис Викторович

Научный сотрудник
РГУ «Наследие Алании»

ул. Ботоева, д. 3
362040 Республика Северная
Осетия—Алания, г. Владикавказ

Электронная почта: gaodenis@yandex.ru

Andrey VINOGRADOV, Denis BELETSKIY

TOWARD BYZANTINE INFLUENCE
IN CAUCASIAN ARCHITECTURE (9th–10th cc.)

Abstract: The article is dedicated to the elements of Byzantine influence in the Caucasian architectural monuments of 9th–10th c. Its greatest extent shows from the end of 9th c. Abkhazia and Alania, where a local version of the provincial (Pontic) Byzantine architecture was created. In Kakheti several groups of Byzantine master-builders participated in the 10th c. in construction of churches in Vachnadziani, Sanagire, Bodbe etc., and also brought here the tradition of brick architecture. In Klarjeti and Tao the Byzantine builders, who used *opus mixtum* technique, were involved in different way in the 950–960's in the construction of the churches in Opiza, Doliskhana, Dört-Kilise, Sinkoti and Ezbeki. Finally, in Armenia Byzantine influence was manifested from the middle of 10th c. in the brick architecture of Vaspurakan.

Keywords: Architecture, Byzantium, Caucasus, Abkhazia, Georgia, Armenia, bricks.

Literature Cited

- BALLANCE, S. "The Byzantine Churches in Trebizond." *Anatolian Studies* 10 (1960).
- BELETSKIY, D.V., and VINOGRADOV, A.Yu. "Храмовая архитектура Анакопийской крепости." In *Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости*. Compiled by E.Yu. ENDOLTSEVA. St. Petersburg 2011.
- BELETSKIY, D.V., and VINOGRADOV, A.Yu. *Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа*. Moscow 2011.
- BERIDZE, V.V. *Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры*. Tbilisi 1981.
- BIRYUKOV, Yu.B. "Кафедральный собор в Пицунде и его место в архитектуре Абхазского царства." In *Архитектурное наследство*. Vol. 49. Moscow 2008.
- BRYER, A., and WINFIELD, D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*. Vol. 1. Washington, D. C. 1985.
- CHUBINASHVILI, G.N. *Архитектура Кахетии*. Tbilisi 1959.
- Constantine Porphyrogenitus *Об управлении империей*. Ed. by G.G. LITAVRIN and A.P. NOVOSELTSEV. Moscow 1991.
- CUNEO, P. *Architettura armena*. Roma 1988.
- ĆURČIĆ, S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (c. 30 — c. 1550)*. New. Haven; London 2010.
- DEMIRIZ, Y. *Interlaced Byzantine mosaic pavements*. Istanbul 2002.

- DJOBADZE, W. *Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti and Šavšeti*. Stuttgart 1992.
- DONCHEVA, S. "Патриаршеската базилика в Дръстър — обемно-пространствена реконструкция." In *Изследвания в чест на Стефан Бояджиев*. Sofia 2011.
- DZHGAMAYA, D.K. *Строительная керамика феодальной Грузии*. Tbilisi 1980.
- EPSTEIN, A.W. "Middle Byzantine churches of Kastoria: Dates and Implications." *The Art Bulletin* 62, No 2 (1980).
- GENGIURI, N. *Kuppelhalle*. Tbilisi 2005.
- GIVIASHVILI, I. "Georgian Polyapsidal Church Architecture." In *Vakhtang Beridze. 1st international Symposium of Georgian culture*. Tbilisi 2009.
- GOILADZE, V. "Reflection of Byzantine Eastern Policy in Georgian Epigraphy." In *Byzantium in Georgian Sources* (in Georgian). Ed. by N. MAKHARADZE and N. LOMOURI. Tbilisi 2010.
- IAMANIDZÉ, N. *Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VIe–XIIIe siècles)*. Turnhout 2010.
- KAZARYAN, A.Yu. Review of L.G. KHRUSHKOVA's *Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века)*. Moscow, 2002. *Вестник РГНФ* 4 (2003).
- KAZARYAN, A.Yu. "Зодчие Давида Куропалата: Поиск нового образа соборной церкви в Тайке (Тao) второй половины X века." In *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. Vol. 4. Moscow 2012.
- KEKELIDZE, K.S. *Памятники древнегрузинской агиографической литературы*. Tbilisi 1956.
- KENIA, M. *Upper Svanetia. Medieval Mural Painting*. Tbilisi 2010.
- KHIMSHIASHVILI, L. "Some Problems of Restauration (Tsromi and Bedia)" (in Georgian). *Dzeglis Megobari* 14 (1968).
- KHOSHARIA, D. *Churches and monasteries of Klardzheti* (in Georgian). Tbilisi 2009.
- KHOSHARTIYA, D., NATSVLISHVILI, N., and TUMANISHVILI, D. *The builders of Medieval Georgia* (in Georgian). Tbilisi 2012.
- KHROUSHKOVA, L. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècles*. Turnhout 2006.
- KRAUTHEIMER, R. *Early Christian and Byzantine architecture*. 4th ed. Yale 1986.
- MARTIN-HISARD, B. "Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des cérémonies, II, 48." *Travaux et Mémoires* 13 (2000).
- METREVELI, P., ed. *Картлис цховреба. История Грузии*. Tbilisi 2008.
- MÜLLER-WIENER, W. *Bildatlas zur Topographie Istanbuls*. Tübingen 1977.
- OUSTERHOUT, R. *A Byzantine Settlement in Cappadocia*. Washington, D. C. 2006.
- PLONTKE-LÜNING, A. *Frühchristliche Architektur in Kaukasien*. Wien 2007.
- PRIVALOVA, E. "Роспись церкви «Вознесения»-«Амаглеба» в Озаани." In *Ars Georgica. Series A*. Vol. 9. Tbilisi 1987.
- RAMSAY, W.M., and BELL, G.L. *Thousand and one churches*. London 1909.
- Ratcha. Heritage Destroyed in the 1991 Earthquake*. Tbilisi 2008.
- RCHEULISHVILI, L.D. *Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии*. Tbilisi 1988.
- ROTT, H. *Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien*. Leipzig 1908.
- SCHELLEWALD, B.M. *Die Architektur der Sophienkirche in Ohrid*. Diss. Bonn 1986.
- SCHÄFER, H. *Die Gül Camii in Istanbul*. Tübingen 1973.
- SHOSHIASHVILI, N., ed. *Lapidary Inscriptions. Eastern and Southern Georgia (V–X)* (in Georgian). Tbilisi 1980.
- STRZYGOWSKI, J. *Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte*. Leipzig 1903.
- Theophanes Continuatus. *Жизнеописания византийских царей*. Transl. by Ya.N. LYUBARSKIY. Moscow 1992.
- THIERRY, J.-M. *L'Arménie au Moyen Age*. Pierre-qui-Vire 2000.

- THIERRY, J.M. “Les influences byzantines sur l’art arménien (étude critique).” *L’Arménie et Byzance. Histoire et culture*. Paris 1996.
- THIERRY, J.M. “Monastères arméniens du Vaspurakan. IV.” *Revue des études arméniennes* 7 (1970).
- THIERRY, J.M. *Les monuments arméniens de Vaspurakan*. Paris 1989.
- TSINTSADZE, V.G. “An architectural monument in the village of Zemo Krikhi” (in Georgian). *Ars Georgica*. T. 6. Tbilisi 1963.
- VENNING, T., and HARRIS, J. *A Chronology of the Byzantine Empire*. Basingstoke; York 2006.
- VINOGRADOV, A.Yu. “Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы.” *Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости*. Compiled by E.Yu. ENDOLTSEVA. St. Petersburg 2011.
- VINOGRADOV, A.Yu., and BELETSKIY, D.V. “Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе.” *Российская археология* 3 (2012).
- VINOGRADOV, A.Yu., and BELETSKIY, D.V. “Загадка Санагире, или «Касторья в Кахетии».” In *Искусство Древней Руси и стран византийского мира*. Vol. 2. St. Petersburg 2012.
- VINOGRADOV, A.Yu., and GUGUSHVILI, Sh. “Абхазский католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII–X вв.).” *Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP19 «Исторические исследования»* (2013).

Andrey VINOGRADOV
 PhD, Associate Professor
 National Research University
 Higher School of Economics
 Faculty of History
 Petrovka street, 12
 107966 Moscow
 e-mail: auvinogradov@hse.ru

Denis BELETSKIY
 Researcher
 RSO «Alanian Heritage»
 Botoev street, 3
 362040 Republic North Ossetia—Alania,
 Vladikavkaz
 e-mail: gaodenis@yandex.ru

Вл.В. Седов

ВНУТРЕННИЕ АРКАТУРЫ В БАРАБАНАХ ХРАМОВ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА

Аннотация: Статья посвящена внутренним аркатурам, размещенным внутри световых барабанов в храмах Византийского мира. Такие внутренние аркатуры встречаются на окраинах Византийского мира: на Руси, в Сербии, в Армении. Хронологически они относятся к средневизантийскому и поздневизантийскому периодам, к XII–XIII вв. Автор связывает генезис этих аркатур с архитектурой Храма Гроба Господня в Иерусалиме XII в., где такие аркатуры были, что известно по гравюрам XVII в. Из этого памятника крестоносцев внутренние аркатуры перешли в Сербию, в Армению и в живописную декорацию двух древнерусских храмов. Для более ранних храмов области Тао-Кларджети, относящихся к X в., образцом могли послужить внутренние аркатуры храмов раннехристианского времени, возможно, они были и в Храме Гроба Господня IV в.

Ключевые слова: Архитектура, иконография, Византийский мир, внутренние аркатуры, Храм Гроба Господня, распространение иконографической схемы, восприятие на окраинах, влияние искусства крестоносцев.

Впервые автор обратил внимание на внутренний аркатурно-колончатый пояс внутри барабана под куполом в церкви св. Георгия, находящейся в Рашке, исторической области Сербии, и носящей название Джурджеви Стубови (Георгиевы Столбы)¹. Этот памятник, сооруженный в середине XII в., по своей архитектуре принадлежит сразу и византийскому миру, и западной архитектуре: по конструкции он принадлежит к византийскому типу вписанного креста (компактный вариант с пристенными угловыми столбами), а по своему декору близок романской архитектуре Далмации (аркатурные пояса, филенки фасадов, порталы). Барабан купола, извне имеющий граненую форму, внутри сделан круглым, на круглящейся поверхности барабана помещены колонки на консолях, а на капителях колонок устроена аркатура, причем так, что купол как будто опирается на саму аркатуру. Между колонками помещены редкие окна, а там, где их нет — живописные фигуры пророков, выполненные в технике фрески и мастерски вписанные в арки (рис. 1).

На первый взгляд, можно было бы отнести внутреннюю аркатуру церкви в Джурджевых Столбах к архитектуре западного, Латинского, мира и связать этот

¹ Чанак-Медић М., Бошковић Ђ. Архитектура Неманьино доба. I: Цркве у Топлици и долинама Ибра и Мораве. Београд, 1986. С. 53–76; Милошевић Д., Нешковић Ј. Ђурђеви ступови у Старом Расу. Београд, 1987. С. 53–76.

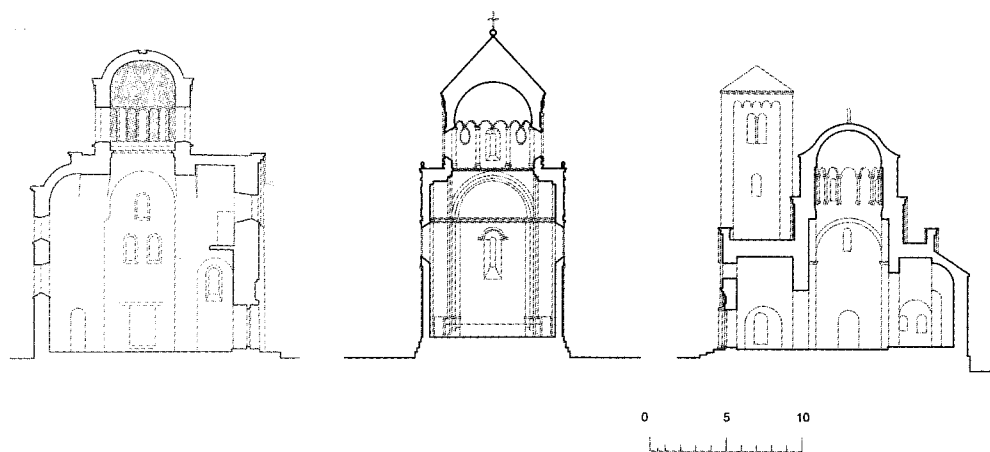

Рис. 1. Храмы с внутренними аркатурами в барабанах. Разрезы. Слева направо: церковь Георгия в Старой Ладоге, храм монастыря Гандзасар, церковь Георгия в Джуржуеви Ступови

иконографический мотив с влиянием романской архитектуры, и так сказавшейся в декорации и даже технике кладки храма. В этом случае фрески с изображениями пророков, безусловно принадлежащие искусству Византийского мира, оказались бы лишь случайно вписанными в романскую аркатуру.

Мотив внутреннего аркатурно-колончатого пояса или даже галерей с колонками и арками над ними очень характерен для романской архитектуры XI–XII вв. в Италии, Германии, Франции и Испании (рис. 2). Укажем лишь на аркатуры в световых барабанах над средокрестьем в Италии, где они украшают башни соборов в Старой Казерте (Кампанья, середина XII в.), Пьяченце (Эмилия-Романья, XII–XIII вв.) и в Мольфетте (вторая половина XII в., здесь только аркатура на консолях, но это фактически тот же мотив)², и во Франции, где находим их в храме аббатства Сен-Ломер в Блуа (XII в.)³. В Германии внутренние аркатуры в башнях над средокрестьем находим в соборе в Майнце (XI–XII вв.), в соборе в Вормсе (1170–1230), церкви св. Квирина в Нейссе (до 1209 г.)⁴. В Испании находим похожий мотив в соборах в Заморе (конец XII в.) и в Саламанке (до 1200 г.), причем в последнем аркатуры внутри башни выстраиваются в два яруса⁵. Заметим также, что аркатуры внутри романских баптистериев Италии, таких как баптистерии в Пизе и Парме⁶, а также внутренние аркатуры множества круглых и граненых храмов, напоминающих о храме Гроба Господня в Иерусалиме (храм Сан-Сеполькро в Неви, церковь Святого Креста в Сеговии, церковь в монастыре Христа в Томаре, храм св. Фомы в Альменно)⁷ принад-

² Busch H., Edelmann G. Europäische Baukunst: Romanik. Frankfurt am Main, 1970. S. 71; Kubach H.E. Architecture romane. P., 1981. P. 287–289.

³ Kubach H.E. Architecture romane. P. 263–268.

⁴ Busch H., Edelmann G. Europäische Baukunst... S. 184; Kubach H.E. Architecture romane. P. 153–158.

⁵ Historia de la arquitectura española. T. 1. Zaragoza, 1985. P. 348–354; Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture. 800–1200. New Haven; London, 1993. P. 324–328.

⁶ Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture... P. 378–382.

⁷ Kubach H.E. Architecture romane. P. 233–237; Le guide du patrimoine. Centre. Val de Loire. P., 1992. P. 467–470; Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture... P. 333–336.

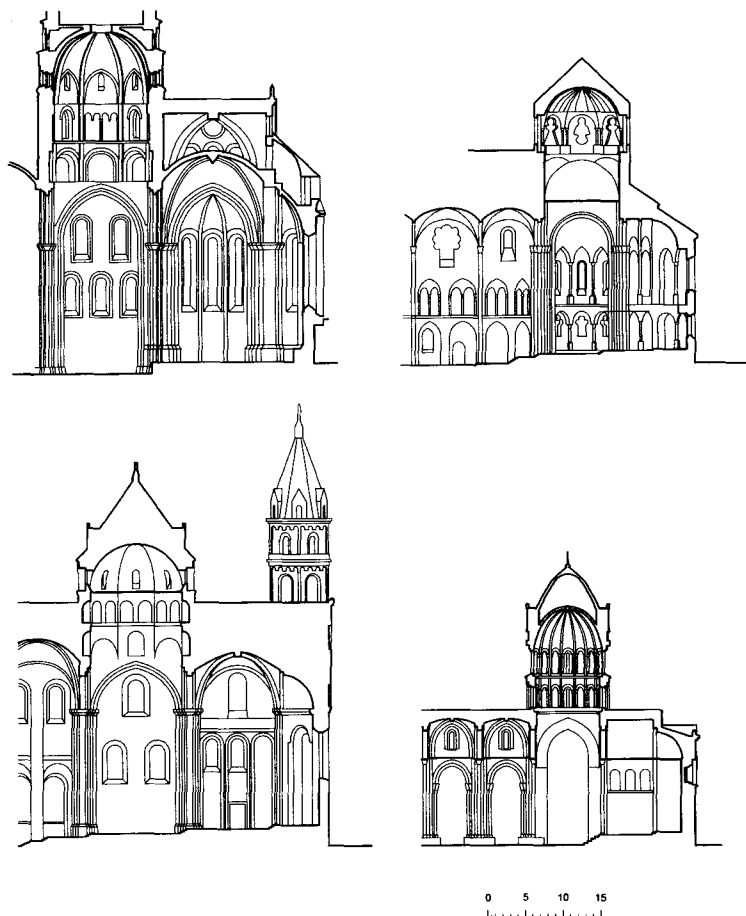

Рис. 2. Западновропейские храмы с внутренними аркатурами в башнях над средокрестием. Разрезы. Слева направо, сверху вниз: собор в Майнце, церковь св. Квирина в Нейссе, собор в Вормсе, собор в Саламанке

лежат к тому же иконографическому типу. После знаменитой работы Р. Краутхаймера стало ясно, что перенесение иконографического типа в средневековье происходило свободно, но для этого перенесения требовалось только некоторое сходство, повторение немногих характерных черт⁸. Мы подчеркиваем, что внутренняя аркатура барабанов в западноевропейской архитектуре была такой характерной и значимой чертой. Количество примеров аркатур и аркатурно-колончатых поясов в храмах Запада можно было бы умножить, но это бы не изменило представления о большой распространенности этого приема в западной архитектуре.

Можно было бы и ограничиться тем, что отнести колончатую аркатуру храма Джурджевых Столбов к западному влиянию, если бы не примеры подобных внутренних колончатых аркатур или вытянутых вверх аркад с узкими арками

⁸ Krautheimer R. Introduction to an «Iconography of Medieval Architecture» // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1942. Vol. V. P. 1–33; Stalley R. Early Medieval Architecture. Oxford, 1999. P. 76–81.

(что, по нашему мнению, суть разные варианты одного и того же иконографического мотива) в искусстве Византийского мира.

На Руси внутренних аркатур в барабанах, устроенных с помощью архитектурных приемов (т. е. настоящих, объемных колонок, тяг и арочек) мы не встретим. Но аркады (без колонн, но с вертикальными тягами, на которые «опираются» нарисованные арки) присутствуют в настенной живописи барабанов двух древнерусских храмов XII в. Отметим подобные аркады, сделанные в технике фрески в церкви Георгия в Старой Ладоге (рис. 1), живопись которой выполнена в 60-х или в 80–90-х годах XII в.⁹ В звеньях аркады здесь, как и в Джурджевых Столбах, вписаны фигуры пророков. Это фактически тот же мотив, что и в церкви в Старой Рашке, и тот же, что мы видим в романских соборах и баптистериях, но исполненный в технике фрески и без колонок (которые, на первый взгляд, можно было бы отнести за счет романской формы), только с помощью вертикальных тяг в простенках окон. Для нашего исследования исключительно важно то обстоятельство, что мотив аркады внутри барабана церкви Георгия в Старой Ладоге не может быть напрямую связан с влиянием западной, романской архитектуры: фигуры пророков, вписанные в аркатуру, а также сама аркатура выполнены в технике фрески мастерами византийского круга. Напомним, что роспись в Джурджевых Столбах тоже относится к византийскому кругу. Это значит, что сам мотив постановки фигур пророков в аркаду был принят в странах Византийского мира и использовался византийскими художниками, но если в Джурджевых Столбах это было сделано так, что пророки были вписаны в уже сделанную романскую аркатуру, то в Ладогe аркатура была специально написана мастерами-фрескистами.

Наличие схожих мотивов аркатуры в барабанах двух далеко отстоящих памятников в Старой Рашке (Расе) и в Новгородской земле заставляет задуматься, является ли вся эта иконографическая схема следом влияния романского искусства (что для живописи храма в Ладогe маловероятно: она сделана в русле именно византийской традиции) или следствием обращения к одному и тому же образцу и в романской, и в византийской традициях? Для предположения о едином образце очень важно, чтобы аркада во внутренних простенках барабана в Ладогe не оказалась единственным памятником византийского круга с подобным мотивом. В большинстве древнерусских памятников монументальной живописи мотив аркад в барабане не встречается, нет его, насколько нам известно, и в большинстве памятников средневизантийской и поздневизантийской настенной живописи. Но среди разрушенных памятников древнерусской живописи нам удалось отыскать еще один памятник с выполненной красками аркадой внутри барабана: так была устроена живопись барабана в церкви Покрова на Нерли, выстроенной в 1165 г. и расписанной, по всей видимости, вскоре после постройки. В этом памятнике,

⁹ Лазарев В.Н. Фрески Старой Ладогы. М., 1960. См. о поздней дате: главы, написанные В.Д. Сабьяновым («Иконографическая программа фресок Георгиевской церкви и система росписи древнерусских храмов середины второй половины XII в.», «Стилистические основы фресок Георгиевской церкви и византийская монументальная живопись второй половины XII века», «Фрески Георгиевской церкви и новгородское искусство конца XII века»), в книге: Церковь св. Георгия в Старой Ладогe. М., 2002. С. 127–292.

Рис. 3. Живописные внутренние аркатуры в барабанах древнерусских храмов. Слева — церковь Покрова на Нерли, справа — церковь Георгия в Старой Ладогe

относящемся, заметим, к тому же периоду, что и церковь Георгия в Ладогe, была монументальная живопись, ныне утраченная и известная только по опубликованной Н.Н. Ворониным прориси Ф.Г. Солнцева середины XIX в. (рис. 3)¹⁰. На этой прориси видно, что написанные в простенках барабана фигуры пророков завершались трехлопастными арками над ними, эти трехлопастные арки касались разгранки вдоль окон барабана, так что образовывали подобие аркады. Мотив внутренней аркатуры и в Ладогe, и в храме Покрова на Нерли — один и тот же, тогда как завершение аркад разное: оно имеет то полуциркульную, то трехлопастную форму.

Для нашей темы было бы чрезвычайно важно найти еще примеры подобных «живописных аркатур» в барабанах византийских памятников монументального искусства, скорее всего, они будут обнаружены, но пока мы их не знаем. Отметим лишь, что «живописные аркатуры» Ладоги и Покрова на Нерли и «настоящие», архитектурные аркатуры храма в Джурджевых Столбах заключают в поле простенков фигуры пророков, что говорит об устоявшейся схеме. То, что эта схема была известна не только в живописи, но и в архитектуре Византийского мира, подтверждают памятники Армении VII и XIII вв. и Тао-Кларджети, исторической области, расположенной к юго-западу от Грузии и к западу от Армении, и ныне находящейся в Турции. Здесь сложилась особая архитектурная школа, памятники которой относят к X–XI вв.

¹⁰ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1961. С. 271–273. Илл. 133 на С. 273.

Внутри барабана храма Таргманчац ванк в Армении, недалеко от Эчмиадзина, находим плоскую аркатуру с лопатками, в ее звенья по сторонам света и по диагоналям были врезаны арочные окна. Этот храм был выстроен в VII в.¹¹

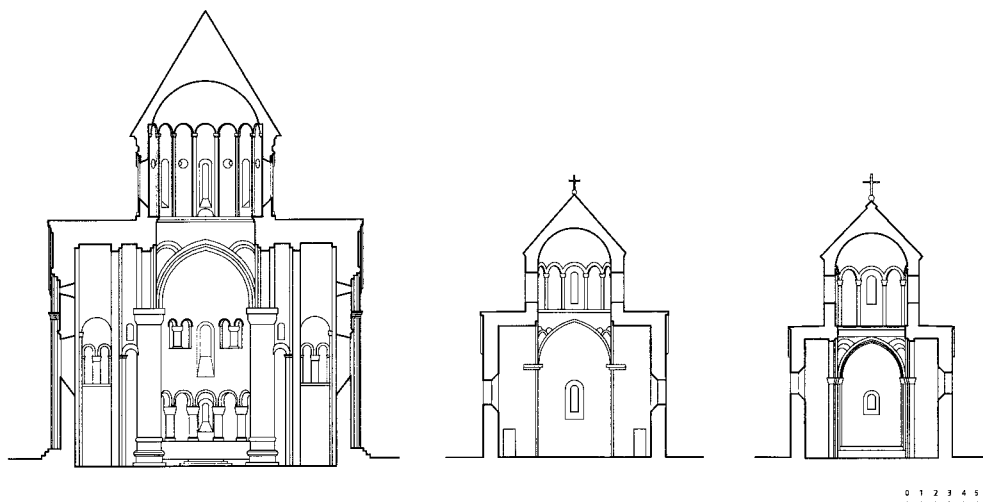

Рис. 4. Храмы Тао-Кларджети с внутренними аркатурами в барабанах. Поперечные разрезы. Слева направо: храм в Ишхани, храм в Долискана, храм в Энирабат

Аркатуры внутри барабанов находим в ряде памятников Тао-Кларджети, относящихся уже к средневизантийскому периоду (рис. 4). Укажем на плоские аркатуры с разделяющими лопатками или колонками в церкви Долискана (крестовокупольный, середины X в.), в храме (крестообразном) Шатберди (Йени Рабат) и в храме Гогюба (центрическом, октагональном), а также аркатуры на спаренных колонках — в огромном крестообразном с ядром типа «вписанный крест» соборе в Ишхани (около 1032 г.)¹². Укажем также на аркатуру на колонках в храме в Чангли (Ехегнагоре), сооруженном, вероятно, в X–XI вв.¹³

Подобная внутренняя аркатура барабана отмечена А.Л. Якобсоном в Гандзасарском монастыре (рис. 1), ярко представляющем армянскую архитектуру первой половины XIII в.¹⁴

¹¹ Марутян Т. Архитектурные памятники. Звартноц, Аван, собор Анийской Богоматери. Ереван, 1989. С. 95–98. Илл. 52.

¹² Закарая П. Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1990. С. 23–41 (Ишхани); 77–81; 85–88 (Шатберди); 113–118 (Гогюба). Givitasvili I., Koplatadze I. Tao-Klarjeti. Tbilisi, 2004. P. 48–49 (Йени Рабат); 98–99 (Гогюба); 134–135 (Ишхани).

¹³ Марутян Т. Архитектурные памятники. Звартноц, Аван, собор Анийской Богоматери. Ереван, 1989. С. 216 (илл.), 217–219.

¹⁴ Якобсон А.Л. Из истории армянского средневекового зодчества (Гандзасарский монастырь XIII в.) // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 144–158. О внутренней аркатуре барабана — С. 147: «Барабан Гандзасарского храма внутри круглый; он расчленен 8 парами тонких полуколонок-жгутов, переходящих в висячие арочки; они поочередно опираются в круглые или удлиненные окна с полуциркульным верхом». Ulubabian B., Hasratian M. Gandzasar // Documenti di Architettura Armena. Vol. 17. Milano, 1987. P. 60.

Строительство собора монастыря Гандзасар¹⁵, расположенного в армянском княжестве Хачен, было, согласно надписи, начато хаченским князем Асаном Джалалом в 1216 г., окончено в 1238 г.; храм, посвященный святому Ованнесу Мкртичу (Иоанну Крестителю) освящен в 1240 г. Хоришах, мать Асана Джалала, во время строительства храма покинула Армению и поехала в Иерусалим, где и умерла¹⁶.

Г.В. Казарян, исследовавшая скульптурный декор храма в Гандзасаре, пишет в посвященной этому памятнику статье: «Аркатура с внутренней стороны барабана — редкое явление. Возможно, оно отражает перенесение внешних аркатур, известных с VII в. Более поздним примером использования аркатуры в качестве внутреннего декора можно назвать скальную церковь Аствадацин в Гегарде (1283 г.)»¹⁷. Заметим, что в Армении в XIII в., несколько позже, чем в Сербии и на Руси появляются внутренние аркатуры барабанов, причем появляются они очень редко. Можно предположить, что и на Руси XII в., и в Сербии XII в., и в Армении XIII в., т. е. на окраинах Византийского мира, внутренние аркатуры были ориентированы на какой-то один значимый образец.

Мы предполагаем, что таким образцом был Храм Гроба Господня в Иерусалиме (рис. 5), созданный западными зодчими практически заново во время господства крестоносцев в Святой Земле¹⁸. Храм этот начал строиться вскоре после взятия крестоносцами Иерусалима в 1099 г. и был торжественно освящен 15 июля 1149 г. В Храме Гроба Господня в Иерусалиме помимо Ротонды с ярусами арочных галерей и открытым через окулос шатром (именно Ротонда повлияла на множество центрических храмов Западной Европы) была сооружена восточная часть, Кафоликон, напоминающая алтарную часть романского храма: с четырьмя мощными крестообразными подкупольными опорами, держащими систему сводов и барабан купола на парусах. В простенках окон этого большого барабана, круглого внутри, были колонки (по три в каждом простенке), что, вместе с арочными завершениями окон, создавало подобие аркатуры. Об этой аркатуре внутри барабана известно из рисунка Корнелиуса де Брюина, голландского путешественника конца XVII в.¹⁹ По всей видимо-

¹⁵ Казарян Г.В. Гандзасарский собор: синтез скульптуры и архитектуры в армянских памятниках XIII в. // Архитектурное наследие. Вып. 48. М., 2008. С. 40–47.

¹⁶ «Именем Святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа надпись свою повелел выбить я, слуга Божий Джалал Дола hАсан, сын Вахтанга, внук Великого hАсана, банкавор властитель высокого и великого края Арцахского, царь Хоханаберда с обширными нахангами. Отец мой перед смертью своей (перед) безвозвратным уходом из мира сего завещал мне и матери моей Хоришах, дочери великого князя князей Саргиса построить церковь и кладбище отцов наших в Гандзасаре, (строительство) которой начали мы в 765 г. армянского летоисчисления (1216 г.) с помощью дарителя Благ (Бога) и, когда возвели восточную стену выше окна, мать моя, отказавшись от светской жизни, в третий раз отправилась в Иерусалим, где, надев власяницу и проведя многие годы в отшельничестве у врат храма Воскресения, почил во Христе в день Пасхи. И там же была предана земле. Мы же, помня о многих напастях, подстерегающих (нас) в жизни, поспешили завершить постройку и закончили милостью и благословением Всемилосердного Бога в 1238 г.» (Свод армянских надписей. Вып. 5. Арцах / Сост. С. Бархударян. Ереван, 1982. С. 87–88).

¹⁷ Казарян Г.В. Гандзасарский собор... С. 43.

¹⁸ Enlart E. Les monuments des croisés dans le Royaume de Jérusalem. Vol. I. P., 1925. Vol. II. P., 1928; Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture... P. 336–341.

¹⁹ Voyage au Levant, c'est-à-dire, dans les principaux endroits de l'Asie Mineure, dans les Isles de Chio,

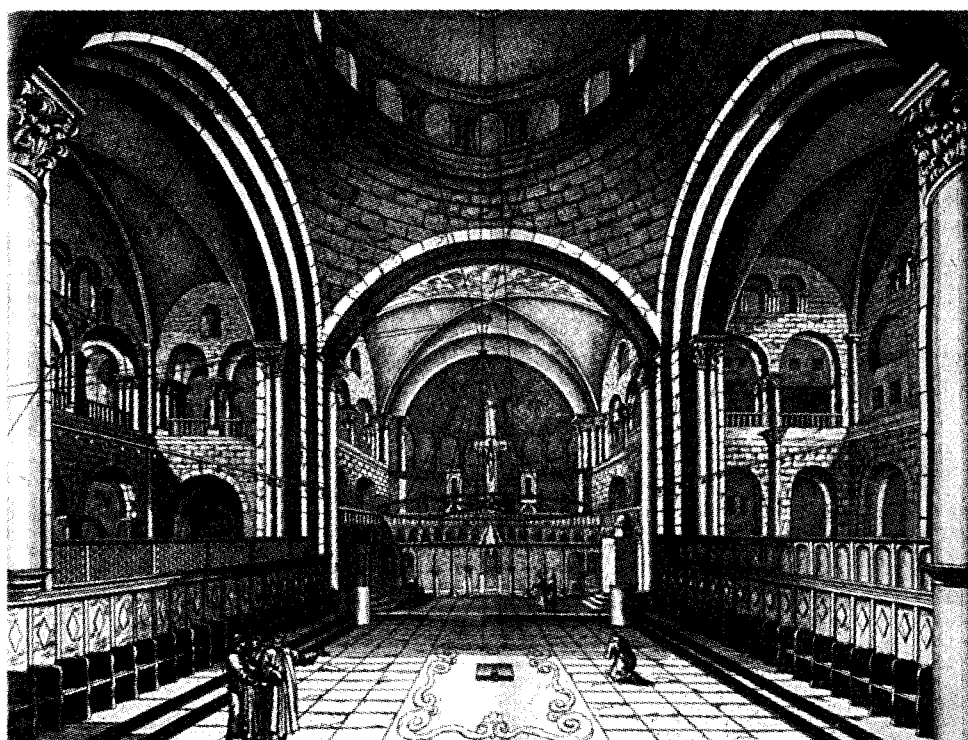
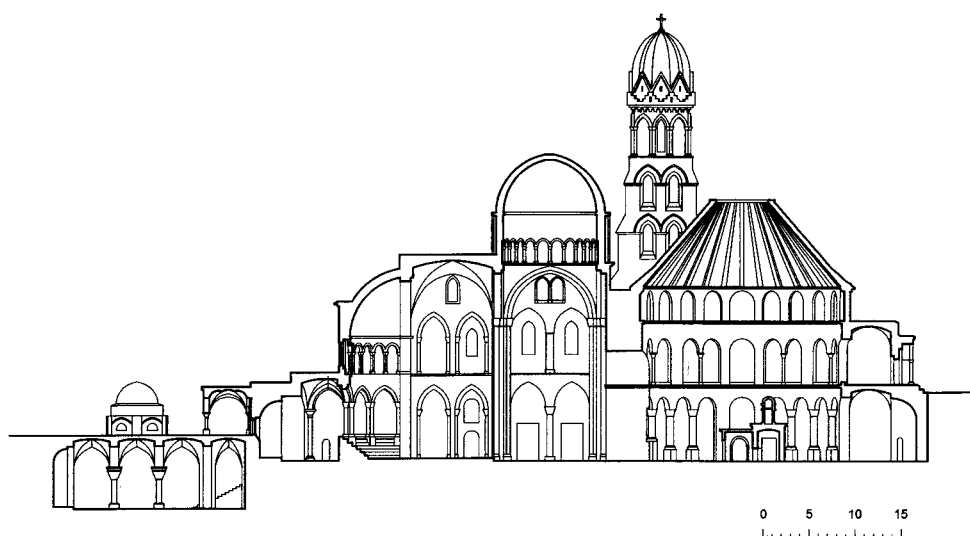

Рис. 5. Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Вверху — реконструкция на XII в.,
внизу — вид на гравюре Корнелия де Брюина, конец XVII в.

сти, именно этот памятник романской архитектуры на Святой Земле послужил образцом для множества памятников Запада, и был, вероятно, основой для всех композиций романских соборов, где башня над средокрестьем имела внутреннюю аркатуру на колонках или аркаду.

Но для памятников Византийского мира ситуация выглядит несколько сложнее. Дело в том, что храм Гроба Господня со своей внутренней аркатурой на колонках мог служить образцом для внутренних аркатурно-колончатых поясов двух храмов Армении XIII в. (Гандзасар и Гегард), т. е. их можно рассматривать как определенные реплики, ограниченно цитирующие иерусалимский образец (в случае с Гандзасаром это еще могло быть связано с тем, что храм построен сыном и матерью, причем мать уехала в Иерусалим, т. е. иерусалимская тема присутствовала здесь непосредственно).

В том же качестве образца выступал Иерусалимский храм и для росписей барабанов православных церквей середины — второй половины XII в. (сербского храма в Джурджеви Ступови и росписей русских храмов Георгия в Ладоге и Покрова на Нерли). Внутренние аркатуры иерусалимского образца воспроизведены были сербами в камне, а русскими (или византийскими) мастерами в древнерусских храмах аркатуры были сделаны в живописной технике. Все памятники XII–XIII вв. с внутренними аркатами в барабанах, как храмы романского Запада, так и храмы Византийского мира (и с реальной архитектурой, и с архитектурой «нарисованной») могут рассматриваться как памятники, в которых отразилась тема Иерусалима, тема Святого Града.

Мы можем указать на то, что в двух ротондах Древней Руси, сооруженных в Киеве и Смоленске, исследователи видят влияние образа Храма Гроба Господня — через воздействие западноевропейской архитектуры и ее конкретных типов центрических зданий²⁰. Можно предположить, что и внутренние аркатуры Древней Руси домонгольского периода суть след воздействия того же образца, причем осуществлялось это воздействие не только напрямую, но и через посредство западноевропейских образцов (как это, видимо, было в Сербии).

Сложнее объяснить появление внутренних аркатур в одном памятнике армянской архитектуры VII в. и целом ряде памятников архитектуры Тао-Кларджетии, сооруженных в X–XI вв., т. е. до возведения храма Гроба Господня крестовосцами. Очевидно, что они используют другой образец, и, скорее всего, это был более ранний храм Гроба Господня. Следует отметить, что и в архитектуре Латинского Запада есть копии Храма Господня, сооруженные до перестройки

Rhodes, Chypre, etc. De même que dans les plus considerables villes d'Egypte, Syrie, et Terre Sainte. Enrichi d'un grand nombre de figures en taille-douce. Ou sont representées les plus celebres villes, pais, bourgs, et autres choses dignes de remarque, le tout dessine d'après nature: par Corneille le Bruyn. Vol. 1–2. Paris; Rouen, 1725. Книга издавалась неоднократно: после ее первого голландского издания 1698 г. и до используемого нами последовало, по крайней мере, шесть ее переводов, увидевших свет в разных издательствах. См. также: *Fra Bernardino Amico. Plans of the Sacred Edifices of the Holy Land. Jerusalem, 1997. P. 16. Fig. 3. P. 18 (де Брюин); P. 100. Fig. 26 (Бернардино Амико; на чертеже Амико внутренняя аркатура почему-то не показана).*

²⁰ *Иоаннисян О.М. Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 101–147; Иоаннисян О.М. Архитектура Древней Руси средневековой Скандинавии. Их взаимосвязи // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства / Труды Государственного Эрмитажа. XXXIV: Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб., 2007. С. 99–135; Пуцко В.Г. О киевской ротонде XII века // Труды Государственного Эрмитажа. XXXIV. С. 92–98;*

крестоносцев: например, храм в Неви с его внутренними аркадами, начатый в 1042 г.²¹, т. е. задолго до I Крестового похода.

Храм Гроба Господня в Иерусалиме, построенный во второй четверти IV в.²², два раза перестраивался: в 614–629 гг. и в 1045–1048 гг.²³ Можно даже предположить, что в византийском мире каждая перестройка Храма Гроба Господня давала некий всплеск повторений: после перестройки в первой трети VII в. возник Таргманчац ванк, после перестройки в середине XI в. внутренние аркатуры появились в Тао-Кларджетии, а после коренной перестройки, проведенной крестоносцами в первой половине XII в., появились аркатуры внутри барабанов Сербии, Руси и Армении.

Раннехристианские памятники с внутренними аркатурами или похожими формами, вероятно, опираются на другую, более общую традицию, которая к иерусалимской теме могла и не иметь отношения. В связи с этим можно вспомнить баптистерий или так называемый Мартириум в Калат Симане в Сирии, сооруженный в 480–490 гг. (здесь находим колонны на консолях, расположенные на ребрах восьмигранного барабана, аркатуры в прямом смысле слова тут нет), в баптистерии Православных в Равенне, сооруженном в том же V в. (400–450 гг.; тут трехзвенный аркатурно-колончатый мотив на каждой грани в верхней зоне восьмигранного здания, накрытого куполом) и, наконец, в баптистерии на Латеране в Риме (около 315 и 432–440 гг.; здесь окна в гранях барабана разделены филленчатыми пилястрами, а врезающиеся в основание купола арочные окна обведены архивольтами, что в целом образует аркатуру)²⁴.

Но возможно, что и эти раннехристианские памятники опирались на образ раннего, первого храма Гроба Господня, сооруженного императором Константином Великим и его матерью Еленой. Если это так, то перед нами некая система образцов, пришедшая на четыре периода: для раннехристианского времени это был первый Храм, для VII в. — перестройка первой трети этого столетия, а для середины средневизантийского времени, как уже было сказано, это мог быть храм Гроба Господня, построенный на месте древнего памятника в 1045–1048 гг. по заказу византийского императора Константина Мономаха. Для времени Иерусалимского королевства, приходящегося, по хронологии Византии, на конец средневизантийского и начало поздневизантийского периодов, на XII и XIII вв., образцом послужил купол Кафолика Храма Гроба Господня, внутренние аркатуры которого были воспроизведены не только в латинской Европе, но и в храмах и храмовых росписях стран Византийского мира, внимательно следивших за Иерусалимом и его святынями.

Причем если тема внутренней аркатуры или аркатурно-колончатого пояса внутри храма звучала как в каменной архитектуре на окраинах Византийского мира, в Армении и в Сербии, то в монументальной живописи мы видим влияние этого иконографического мотива в Древней Руси. Можно предполагать, что

²¹ Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture... P. 271–272.

²² Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. P. 72–75; Mango C. The art of the Byzantine empire. 312–1453. Toronto; Buffalo; London, 1986. P. 11–14.

²³ Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture... P. 338.

²⁴ Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture... P. 90, 143–144, 176–178; Atroschenko V.I., Collins J. The Origins of the Romanesque. Near Eastern Influences on European Art 4th–12th centuries. L., 1985. P. 48–50, 142–143.

у этих изображенных древнерусских аркатур был некий византийский образец, т. е. возможно, что и в монументальной живописи Византии отразился облик Храма Гроба Господня — через цитирование яркой иконографической черты прославленного в христианском мире образца.

Седов Владимир Валентинович

Член-корреспондент РАН

Ведущий научный сотрудник

Институт археологии РАН

Ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

117036 Москва

Электронная почта: sedov1960@mail.ru

Vladimir SEDOV

INTERNAL ARCATURES IN THE DRUMS OF THE CHURCHES OF BYZANTINE WORLD

Abstract: The article is dedicated to internal arcatures, hosted within the light drums in several churches of the Byzantine World. Such internal arcatures are found on the outskirts of the Byzantine world: in Ancient Russia, in Serbia, in Armenia. Chronologically they relate to Middle Byzantine and Late Byzantine periods, to the 12th–13th centuries. The author connects the genesis of these arcatures with the architecture of the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem, built in the 12th century, where such arcatures were constructed, what is known from engravings of the 17th century. From this monument of the Crusaders' era the internal arcatures moved to Serbia, Armenia, and to the picturesque scenery of the two churches of Ancient Rus. For earlier churches, field of Tao-Klarjeti and related to the 10th century, a model could serve as internal arcatures in the churches of Early Christian time, perhaps, they were at the 4th century Church of the Holy Sepulchre.

Keywords: Architecture, iconography of the Byzantine World, internal arcatures, Church of the Holy Sepulchre, the spread of the iconographic scheme, the perception on the outskirts, the influence of the Crusaders art.

Literature Cited

- AMICO, Bernardino, fra. *Plans of the Sacred Edifices of the Holy Land*. Jerusalem 1997.
- ATROSHENKO, V.I., and COLLINS, J. *The Origins of the Romanesque. Near Eastern Influences on European Art 4th–12th centuries*. London 1985.
- BRUYN, Corneille, le. *Voyage au Levant, c'est-à-dire, dans les principaux endroits de l'Asie Mineure, dans les Isles de Chio, Rhodes, Chypre, etc. De même que dans les plus considérables villes d'Egypte, Syrie, et Terre Sainte. Enrichi d'un grand nombre de figures en taille-douce. Ou sont représentées les plus celebres villes, pais, bourgs, et autres choses dignes de remarque, le tout dessine d'après nature*. Vol. 1–2. Paris; Rouen 1725.
- BUSCH, H., and EDELMANN, G. *Europäische Baukunst: Romanik*. Frankfurt am Main 1970.
- ČANAK-MEDIĆ, M., and BOŠKOVIĆ, Đ. *Архитектура Немањино доба*. I: Цркве у Топлици и долинама Ибра и Мораве. Beograd 1986.
- CONANT, K.J. *Carolingian and Romanesque architecture. 800–1200*. New Haven; London 1993.
- ENLART, E. *Les monuments des croisés dans le Royaume de Jérusalem*. Vol. I. Paris 1925; Vol. II. Paris 1928.
- GIVITASVILI, I., and KOPLATADZE, I. *Tao-Klarjeti*. Tbilisi, 2004
- Historia de la arquitectura española*. Vol. 1. Zaragoza 1985.

- IOANNISYAN, O.M. "Храмы-ротонды в Древней Руси." *Иерусалим в русской культуре*. Moscow 1994.
- IOANNISYAN, O.M. "Архитектура Древней Руси средневековой Скандинавии. Их взаимосвязи." In *Труды Государственного Эрмитажа*. XXXIV: Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. St. Petersburg 2007.
- KAZARYAN, G.V. "Гандзасарский собор: синтез скульптуры и архитектуры в армянских памятниках XIII в." In *Архитектурное наследие*. Vol. 48. Moscow 2008.
- KRAUTHEIMER, R. "Introduction to an «Iconography of Medieval Architecture»." *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* V (1942).
- KUBACH, H.E. *Architecture romane*. Paris 1981.
- LAZAREV, V.N. *Фрески Старой Ладозы*. Moscow 1960.
- Le guide du patrimoine. Centre. Val de Loire*. Paris 1992.
- MANGO, C. *The art of the Byzantine empire. 312–1453*. Toronto; London 1986.
- MARUTYAN, T. *Архитектурные памятники. Звартноц, Аван, собор Анийской Богоматери*. Yerevan 1989.
- MILOSEVIĆ, D., and NESHKOVIĆ, J. *Бурђеви ступови у Старом Расу*. Beograd 1987.
- PUTSKO, V.G. "О киевской ротонде XII века." In *Труды Государственного Эрмитажа*. XXXIV: Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. St. Petersburg 2007.
- STALLEY, R. *Early Medieval Architecture*. Oxford 1999.
- ULUBABIAN, B., and HASRATIAN, M. *Gandzasar. Documenti di Architettura Armena*. Vol. 17. Milano 1987.
- VORONIN, N.N. *Зодчество Северо-Восточной Руси*. Vol. I. Moscow 1961.
- YAKOVSON, A.L. "Из истории армянского средневекового зодчества (Гандзасарский монастырь XIII в.)." In *Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели*. Moscow; Leningrad 1960.
- ZAKARAYA, P. *Зодчество Тао-Кларджети*. Tbilisi 1990.
- Церковь св. Георгия в Старой Ладозе*. Moscow 2002.

Vladimir SEDOV

Corresponding member of Russian Academy of Sciences
Senior Researcher
Archaeological Institute, Russian Academy of Sciences
Dmitriya Ulyanova street, 19
117036 Moscow
e-mail: sedov1960@mail.ru

А.М. Лидов

СИЯЮЩИЙ ДИСК И ВРАЩАЮЩИЙСЯ ХРАМ. ИКОНА СВЕТА В ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена новой интерпретации иконографии «светящегося» или «вращающегося» диска. Речь идет об изображении диска, состоящего из трех кругов разной интенсивности, который воплощает образ эманулирующего и вращающегося света. Этот мотив получает широкое распространение в византийском искусстве XIII–XIV вв., особенно в Греции, на Кипре, в Сербии и других балканских землях, и занимает важнейшие места в иконографических программах. Автор показывает, что «светящийся диск» являлся ключом к пониманию замысла всего сакрального пространства, которое восходило к неоплатоническим идеям о божественном свете и отражало в иконографии ранневизантийские представления о храме как вращающемся пространстве.

Ключевые слова: Византия, сакральное пространство, иконография, иеротопия, свет, вращение.

В византийской иконографии существует целый ряд символических изображений, смысл которых остается не до конца проясненным, а они сами малоизвестными. Это относится, в первую очередь, к иконографическому мотиву «светящегося» или «вращающегося» диска, именуемого в наиболее распространенной английской версии «the whirling disc».

До последнего времени единственной попыткой специального исследования этого мотива была небольшая статья Елены Шварц «Вращающийся диск. О возможной связи средневековых балканских фресок и византийских икон», опубликованная в сербском журнале «Зограф» в 1977 г.¹ На византийском конгрессе в Софии в 2011 г. Светозара Рацева повторила выводы Шварц и посвятила доклад обоснованию теории о синайском происхождении иконографического мотива, который появляется в монументальном искусстве начиная с XIII в.² Однако эта теория не представляется нам убедительной, в данной работе будет предложено другое объяснение, согласно которому «светящийся диск» являлся ключом к пониманию всего сакрального пространства, восходящего к ранневизантийским представлениям о вращающемся храме³.

¹ Schwartz E. The Whirling Disc: A Possible Connection between Medieval Balkan Frescoes and Byzantine Icons // Зограф. 1977. No 8. P. 24–29

² Ratseva-Hristova S. Mural «Spinning Discs» — an Indication for Spiritual Relations and Artistic Influences // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Vol. III. P. 278–279.

³ Об образе-парадигме вращающегося храма см.: Лидов А.М. Вращающийся храм. Иконическое

Речь идет об изображении диска, состоящего из трех кругов разной интенсивности, который получает широкое распространение в росписях XIII–XIV вв. в Сербии, в Греции, на Кипре, в Болгарии и других балканских землях. Объединяющим для всех изображений является сама форма диска и идея вращения, в подавляющем большинстве примеров дополненная темой трех концентрических кругов и рассеивающегося света.

Наиболее наглядно тема «сияющего диска» воплощается в сербских памятниках XIII–XIV вв. По всей видимости, высшая иерархия Сербской церкви уделяла этому мотиву особое внимание. В Печке Патриаршей в Косово (центре сербской патриархии) можно увидеть целую программу, связанную с «вращающимися дисками». Они присутствуют в иконографии росписей всех трех разновременных храмов монастырского комплекса⁴. В росписи храма Св. Апостолов (ок. 1260 г.) диски появляются в барабане купола, где изображена огромная сцена «Вознесения Христа». Они показаны рядом с апостолами над окнами барабана (рис. 1а–б). В композиционной структуре «Вознесения» диски символически соединяют мандорлу (сияющий ореол) Христа в своде купола с окнами барабана, являющимися источниками солнечного света.

Концентрические круги в дисках резко контрастируют: в центре — темно-золотой, затем серебряный и, наконец, красный. Устанавливается ясная иерархия наиболее значимых драгоценных цветов от центра к краю. Идея вращения концентрических кругов ясно передана живописными средствами. Автору иконографического замысла важно показать эманацию света, нисходящего в пространство храма от светоносного купола, смысл которого подчеркнут огромным светящимся ореолом возносящегося Христа. Примечательно, что подобное понимания купола присутствует и в более раннем сербском памятнике — росписях монастыря Милешево первой половины XIII в., где восемь вращающихся дисков размещены у основания парусов между подкупольными арками⁵.

Форма дисков была достаточно разнообразна. Например, в церкви Одигитрии в Печке Патриаршей (ок. 1335 г.) вращающийся диск изображен над тронной Богородицей с младенцем в конхе алтарной апсиды как главный символ всей иконографической программы, вызывающий мысль о Св. Троице (рис. 2, а–б). Диск показан в виде двух вращающихся серебряных колец. В созданных на десять лет позже росписях соседней церкви Св. Димитрия (ок. 1345 г.) вращающиеся диски изображены иначе: два золотых диска фланкируют главный образ Богородицы на западной стене, к которой с молитвой обращается заказчик росписи архиепископ Иоанникий⁶ (рис. 3). Диски изображены без внутренних кругов, но с предельной

как перформативное в византийской культуре // Пространственные иконы: Перформативное в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2011. С. 27–51; *Isar N. Choros. The Dance of Adam: The Making of Byzantine Chorography*. Leiden, 2011.

⁴ Описание фресок и их датировки, на которые мы опираемся, см.: *Ђурић В. Пећка Патријаршија*. Београд, 1990.

⁵ *Radojčić S. Mileševa*. Belgrade, 1971. Р. 16. Радойчић первым обратил внимание на этот интереснейший мотив, который он интерпретировал как символ Логоса, образующий мистическое основание для светового купола.

⁶ При этом символ вращающегося диска сохраняет свое доминантное положение в конхе алтарной апсиды, где он в этот раз показан над головой Богородицы Оранты. Сопоставление двух одинаковых изображений Богородицы со световыми дисками в восточной апсиде и на западной стене несомненно входило в замысел создателя иконографической программы.

наглядностью средствами живописи передана идея невероятно быстрого вращения (крестообразные белые блики по золотому фону напоминают пропеллер).

Сербская программа красноречива, однако она не является локальным явлением. В XII–XIV вв. мы встречаем вращающиеся диски не только по всему византийскому миру (Балканы и Средиземноморье), но и далеко за его формальными пределами, например, далеко на Востоке — в армяно-халкедонитских росписях церкви Тиграна Оненца в Ани середины XIII в.⁷

Исключителен символический статус иконографического мотива, который изображается в самых важных местах храмового пространства. Можно отметить устойчивые предпочтения. Так, вращающийся диск часто показывается над алтарным окном, как в церкви Св. Николая в Студенице, Сербия (вторая четверть XIII в.), где он показан в проеме алтарного окна над двумя ангелами (рис. 4). Символически и пространственно диск, шестокрылые ангелы и световое окно образует своего рода навершие над реальным алтарным престолом, на котором происходит чудо преложения святых даров. Частью этой сложной композиции, представленной в разных слоях пространства, являются и изображения сослужащих святителей по сторонам от алтарного окна.

Также над алтарным окном в центре святительского чина диск изображен в церкви Св. Николая (τῆς Στένης) на Кипре в слое росписей XIV в. (рис. 5), где, как и в Студенице, предельно наглядно передана тема вращения трех концентрических колец. Можно думать, что расположение диска над алтарным окном, как и в куполе рядом с окнами барабана, был устойчивым «топосом» в византийской традиции. Для иконографов была важна смысловая параллель между светящимся диском и источником солнечного света, освещающего алтарный престол храма или подкупольное пространство, где происходит причащение верующих.

Связь дисков с престолом легко заметить в почти неизвестной иконографии греческой церкви Св. Феодора в Кафиони на полуострове Мани, Пелопоннес, вторая половина XIII в. Диски, как в сербской и кипрской программах, являются частью композиции «Служба св. Отцов» в редакции «Мелисмос» с изображением мертвого Христа-Агнца на литургическом диске (рис. 6). Диски над образом Христа несомненно свидетельствуют о Божественной природе таинства и непрекращающемся Домостроительстве Святой Троицы.

В ряде случаев вращающиеся диски расположены при входе в храм, как это мы видим в композиции над входом в нижнюю церковь монастыря Бояна около Софии (середина XIII в.). Над образом Богородицы с младенцем, надписанном как «Неопалимая купина», показаны три медальона, в центре с Десницей Божией, фланкированной двумя вращающимися дисками (рис. 7). Три светоносные диска, по всей видимости, должны были вызвать в памяти образ Божественного огня, который вместило лоно земной Девы — тема, постоянно звучащая в византийской гимнографии. В этой связи примечательно редкое именование иконы Богородицы «Неопалимой Купиной». Автор замысла ясно указывает на параллель между образом горящего и несгорающего куста, отождествляемого в традиции с Богородицей, и темой Божественного Огня и Света, воплощенной в композиции из трех дисков, над входом в храм указывающих как на действие божественных энергий, так и на особую природу обретаемого пространства.

⁷ Сияющий диск изображен в вершине свода западной арки притвора, см.: *Thierry N., Thierry M. L'église Saint-Grégoire de Tigran Honenc à Ani (1215). P., 1993. Pl. 141, b.*

До недавнего времени господствовало мнение, что иконографический мотив «вращающегося диска» появляется только в XIII в. после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Однако, как мы можем показать, мотив был известен гораздо раньше, с ранневизантийского времени, и был лишь актуализирован в XIII–XIV вв., к которым, действительно, относится основной массив примеров.

Рассмотрим характерные случаи использования «Светящегося диска» в византийском искусстве V–XII вв. Один из самых ранних примеров находим в мозаиках середины V в. в Баптистерии в Альбенга, Лигурия (рис. 8)⁸. На темно-синем «небесном» своде со звездами изображен огромный диск из трех концентрических голубых кругов разной интенсивности, от более светлого к более темному — образ эманлирующего и постепенно разрежающегося света. Круги перекрыты изображением хризмы, переданной очень необычно, как бы расслаивающейся по всем трем кругам Божественного света. При этом в каждом из концентрических кругов повторяются буквы «альфа» и «омега», прямо отсылающие к словам Великого Судии из Апокалипсиса: «Я есть Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (Отк. 22:12–13). Вероятно, автор иконографического замысла хотел подчеркнуть, что каждое из колец может быть отождествлено с Христом как вторым лицом Св. Троицы, осуществляющей домостроительство спасения. Диск окружен изображениями 12 белых птиц, очевидно, символизирующих 12 апостолов, распространивших свет веры по всему миру. В целом диск может быть интерпретирован как важнейший богословски артикулированный символ Божественного космоса, в основе которого лежит эманация триединого света.

Мозаики Альбенга — не единственный пример иконографии, которая, судя по всему, была устойчивым мотивом в художественной культуре ранневизантийской эпохи. Подтверждением служит мозаичная программа Сан Витале в Равенне — одного из центральных памятников эпохи Юстиниана (527–548). Светящийся диск изображен на одном из самых заметных мест — непосредственно над алтарной апсидой и под освещающим алтарь трехчастным окном (рис. 9). Диск как некий щит несут два летящих ангела. Как и в Альбенга, можно различить три круга разрежающегося света от белого к интенсивно голубому. Медальон перекрыт хризмой, однако не расслаивающейся, как в Альбенга. Каждая ветвь изображена бордово-белой, резко выделяющейся на голубом фоне. При этом центральная бордовая часть изображена с лучами на концах, указывая на крест как источник излучаемой энергии. Что бы не было сомнений в том, кого символизирует хризма, в самом центре диска размещена буква «альфа», смысл которой очевидно такой же, как в образе Альбенга — указание на Христа как второе лицо Троицы, «начало и конец» мира. Для нас важно, что еще наглядней, чем в Альбенга, передан мотив движения и вращения светящегося диска. Сравнение двух изображений показывает, что мотив не имел раз и навсегда закрепленной схемы, но тем не менее его основные специфические элементы легко узнавались. Знаменательно, что уже в самых ранних программах он играл роль

⁸ *Marcenaro M.* Il mosaico del battistero di Albenga. Interpretazione iconografica, iconologia e restauro // *Atti del III colloquio AISCOM.* Bordighera, 1996. P. 39–62, 8 ill. Интересно, что одним из первых исследователей этого малоизвестного памятника был Д.В. Айналов, посетивший Баптистерий Альбенга в 1896 г. и написавший заметку в «Византийский временник»: *Айналов Д.В.* Мозаики древней крещальни в Альбенге // *ВВ.* 1901. Т. VIII, вып. 3–4. С. 516–525.

краеугольного космического символа, связанного с источником солнечного света и идеей Божественного света, преобразующего универсум.

В раннюю эпоху утверждается особый вариант использования мотива, который находим в иконографии мозаик алтарной апсиды в Порече (VI в.). Сияющий диск показан в руках архангела, изображенного в центре апсиды рядом с алтарным окном (рис. 10)⁹. Диск представлен как сфера сияющего света, от чисто белого к сине-голубому по краям. В центре — золотой равноконечный крест, из центра которого исходят белые лучи. Рядом с алтарным окном архангел с диском акцентирует тему Божественного света, отождествляемого с Христом-Логосом. Интересно, что образ ангела с сияющим диском проходит через всю историю византийского искусства. Например, такой же образ фронтального архангела мы находим в апсиде сербского монастыря Дечаны (XIV в.). В росписи Лесново в Македонии (XIV в.) архангел Михаил держит в руке вращающийся диск с начальной буквой имени Христа¹⁰. Редкий пример подписанного изображения был найден в церкви Св. Георгия в Ломнице, Босния (XVI в.), где рядом с диском помещена надпись «Слово Божие» — ясное указание, что в эту эпоху диски символизировали Логос, второе лицо Св. Троицы¹¹.

Сияющий диск сохраняет свое значение и в средневизантийский период, хотя примеры его использования нам удалось выявить лишь в недавнее время. Пожалуй, самый яркий пример — мозаики и фрески Софии Киевской середины XI в., исполненные византийскими, скорее всего, константинопольскими мастерами. Речь идет о медальонах с хризмой которые встречаются в 12 куполах, в вершинах подкупольных арок и в центре сводов (рис. 11–13). Естественно, медальоны, столь настойчиво присутствующие в иконографической программе, были у всех перед глазами, однако в научной литературе они интерпретировались как щиты с крестом — общераспространенный христианский символ. Так, в наиболее подробном современном исследовании и иконографическом описании мозаик и фресок Софийского собора читаем: «Все они (малые главы. — А.Л.), в сокращенном виде повторяя программу центрального барабана, имеют схожую декорацию в виде четырех медальонов с полуфигурами архангелов, окружающими центральный медальон с хризмой (двумя перекрещивающимися крестами) — древнейшим символом-знаком второй ипостаси Св. Троицы, который заменит собой образ Пантократора»¹².

Однако в силу плохой сохранности фресок осталось незамеченным и необъясненным, что хризма изображается на фоне трех разных по интенсивности концентрических кругов (синий, голубой, белый), по всей видимости, передающих идею разрезающегося света¹³. Сравнение с ранневизантийскими примерами ясно показывает, что речь идет не просто о символе Христа, но об интересую-

⁹ Краткий анализ мотива и его возможной символики см.: *Vicelja Matijasic M.* Istra i Bizant. Rijeka, 2007. P. 140. Pl. 128; *Terry A., Maguire H.* Dynamic Splendor. The wall mosaics in the Cathedral of Euphrasius at Porec. Penn State University, 2007. P. 128.

¹⁰ *Schwartz E.* The Whirling Disc... P. 26–28.

¹¹ Первым заметил С. Радойич: *Radović S.* Mileševa. P. 16.

¹² Текст В.Д. Сарабьянова: История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси IX — первой четверти XII века. М., 2007. С. 229–230.

¹³ Пользуясь случаем, благодарю Ю.А. Коренюка, который после моей лекции о «сияющих дисках», прочитанной в Софии Киевской, обратил мое внимание на эту важнейшую особенность иконографии собора.

щем нас мотиве «сияющего диска», который в Софии Киевской стал одним из ключевых элементов иконографической программы, воплощая тему Божественного света, нисходящего в мир. Небесная природа этого света подчеркивается изображениями ангелов разных чинов. Как кажется, один из важных путей к пониманию программы в целом может быть найден в «Небесной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита, в которой ангелы рассматриваются как посредники в иерархически организованной эманации Божественного света¹⁴. Замечательно, что в некоторых избранных медальонах (например, в угловых куполах над хорами) в третьем от центра белом кольце изображены звезды, указывающие, как и в мозаиках Альбенга, на космический характер изображенной теофании.

Примечательно, что в Софии Киевской мозаичные изображения сияющего диска несколько отличаются от фресковых. Так, в дисках, расположенных в центре сводов подкупольных арок среди медальонов с Сорока мучениками, восемь ветвей хризмы украшены драгоценными камнями, а в центре расположен маленький диск с повернутым крестом, который задает тему вращения всего сияющего диска, насколько это возможно в технике мозаики (рис. 11). Однако в целом речь идет об одном и том же мотиве, который существенно отличается от обычных медальонов с орнаментами, также присутствующих в росписях Святой Софии. Заметим, что в мозаиках подкупольных арок изображения сияющих дисков связаны как со светоносным куполом над ними, где Пантократор показан на золотом фоне в окружении светоносной радуги, так и с темой Теофании, являющейся важнейшей в рассказе о Сорока мучениках.

Мотив сияющего диска сохраняет свое значение и в росписях XII в. Не удивительно, что мы находим его в Кирилловской церкви в Киеве, где он, вероятно, появляется под прямым влиянием Софии Киевской¹⁵. Сияющие диски размещены в вершинах сводов арок между изображениями святых на склонах (рис. 14). Также между святыми в вершине свода арок находим сияющие диски в слое росписей эпохи князя Всеволода в Успенском соборе во Владимире: там видим иерархию цветов от красного в центре к белому по краям, а вместо хризмы равноконечный крест с драгоценными украшениями (рис. 15). Интересный пример использования мотива дают мозаики базилики Рождества Христова в Вифлееме, созданные византийскими и романскими мастерами в эпоху императора Мануила Комнина и крестоносного короля Амальрика I¹⁶. Сияющие диски появляются в цикле поместных и вселенских соборов, представленных в виде композиции из двойной арки, в нижней части которой расположены алтари, а над ними тексты важнейших постановлений конкретных соборов. Диски показаны в самой вершине над надписями — один из самых сохранных примеров в изображении Второго Вселенского собора в Константинополе 381 г. (рис. 16). Изображены кольца разряжающегося света от центра к краю (от темного к светлому) и кресты с исходящими из их сердцевины световыми лучами. Диски здесь связаны с

¹⁴ *Дионисий Ареопагит*. Корпус сочинений с приложением толкований преп. Максима Исповедника. СПб., 2006. С. 100–102.

¹⁵ О памятнике см.: *Певуль О.* The Kyrylivska tserkva. The appropriation of Byzantine art and architecture in Kiev. N. Y., 1995; *Марголина И., Ульяновский В.* Київская обитель Святого Кирила. Київ, 2005.

¹⁶ *Stern H.* Les représentations des Conciles dans l'Église de la Nativité à Bethleem // Byz. 1936. T. 11. P. 101–152; *Kuehnle G.* The Twelfth-Century Decoration of the Church of the Nativity: Eastern and West Concord // *Ancient Churches Revealed*. Jerusalem, 1993. P. 201. Pl. XIII, C.

темой освящения алтаря и одновременно могут быть поняты как знак светоносной Премудрости Божией, воплощенной в деяниях церковных соборов.

Один из важных примеров интересующего нас мотива находим в росписях XII в. монастыря Осиос Давид в Фессалониках, где диск с Десницей Божией в центре появляется в вершине южного свода, причем он служит элементом одновременно двух композиций, расположенных ниже на склонах: «Рождество Христово» и «Крещение» (рис. 17). В обеих сценах диск обозначает тему Богоявления, принципиально значимую для понимания высшего смысла изображенных событий. Видимая рука в жесте двуперстного благословения вызывает образ Логоса, второго лица Св. Троицы, вечно пребывающего на небесах и в то же время осуществляющего на земле домостроительство спасения. Диск состоит из трех concentрических кругов. Рука в центре изображена на интенсивно темно-синем фоне, следующий круг сделан голубым, а третий показан как светло-голубой. Цвет как бы разрезается от центра к краю диска. Примечательно, что художник движением кисти обозначает вращение кругов.

Количество примеров сияющего диска в искусстве комниновской эпохи может быть увеличено. Однако для нас важно, что мотив не был забыт, хотя и не являлся общераспространенным, и в ряде храмов (например, в Софии Киевской) использовался в полную силу. Знаменательно, что в ту же эпоху мотив «вращающегося диска» известен и в декорации фасадов византийских церквей, где он также часто располагается вблизи окон¹⁷. Один из ранних примеров середины XI в. находим над световым окном на северной стене нартекса кафоликона монастыря Неа Мони на о. Хиос, построенного, как известно, константинопольскими мастерами по заказу императора Константина Мономаха (рис. 18). Диск, сделанный в технике инкрустации кирпичом, отличается по схеме от живописных изображений. В декоре храма только графическими средствами было невозможно передать три разноцветных кольца. Поэтому выбрана схема медальона с выделенным центром и десятью изогнутыми лучами, которые недвусмысленно задают мотив вращения.

Константинопольское происхождение мотива подтверждает декор монастыря Константина Липсы в византийской столице, где вращающийся диск изображен над алтарным окном южной церкви (рис. 19). В храме Кипсали в Арте (XIII в.) вращающиеся диски фланкируют алтарную апсиду с светоносными окнами, освещавшими алтарный престол (рис. 20). Авторы иеротопического замысла внутри и снаружи, иногда в одном и том же храме, иконографически подчеркивают значение источника солнечного света как главного свидетельства божественного присутствия в этом мире. Примечательно, что, как и в живописной традиции, «вращающиеся диски» получают особое распространение в византийской архитектурной декорации XIII–XIV вв., что позволяет в очередной раз задуматься о причине интереса к мотиву именно в эту эпоху.

Косвенно, древнее и столичное происхождение мотива подтверждает и широта его распространения, особенно в памятниках XIII–XIV вв. Так, мы находим его в армянской архитектуре, в частности в декоре монастыря Гандзасар в На-

¹⁷ *Trkulja J.* Divine Revelation Performed. Symbolic and Spatial Aspects in the Decoration of Byzantine Churches // Пространственные иконы = Spatial Icons. P. 224–227. Примечательно, что, анализируя разные материалы, мы с Еленой Трукуля независимо пришли к очень близким выводам.

горном Карабахе (рис. 21)¹⁸. Вращающиеся диски изображены на южном фасаде дважды: над окном и над монументальным орнаментальным крестом как своего рода навершие. Символический характер медальонов вполне очевиден, акцентируя темы Света и Жертвы. Армянские примеры заставляют задуматься о древнем происхождении мотива, поскольку «балканское» влияние на «монофизитскую» традицию в XIII в. представляется маловероятным. И действительно, можно найти совсем ранние прототипы, которые были воскрешены и актуализированы в армянской архитектуре более поздней эпохи.

О символике «вращающихся» или «светящихся» дисков в науке существуют разные суждения. Чаще других встречается мнение, что диски символизировали Логос — второе лицо Св. Троицы¹⁹. Это истолкование может быть принято, но оно не исключает других интерпретаций. Вращающийся диск не может быть объяснен как обычный знак, имеющий строго закрепленный смысл, скорее он может быть понят как своего рода ключ к важнейшему образу-парадигме вращающегося пространства, при помощи которого воплощалась идея божественного света, преобразующего мир. Подобный образ-парадигма мог включать в себя и представления о Логосе, и о домостроительстве Св. Троицы, и о схождении Небесного Иерусалима: все эти важнейшие идеи должны были возникать в сознании при виде вращающегося света. В связи с этим приведем поразительное, на наш взгляд, соответствие между сравнительно поздним иконографическим мотивом и неоплатонической концепцией божественного света, которую находим у Плотина:

«Мы можем сказать, что существует и нечто, являющееся центром; его окружает ореол изливающегося из него света; вокруг центра и его ореола существует другой ореол — свет, порожденный светом; за ним следует еще один ореол, но уже такой, у которого нет своего собственного света и он вынужден этот свет заимствовать. Последний ореол мы должны воспринимать как вращающийся круг... Таким образом, все начинается с яркого света, струящегося из сверкающего центра; в соответствии с высшим планом (планом излучения), свет простирает свое сияние все дальше и дальше» (Плотин. Эннеады. IV.3.17).

Сходство философского текста и христианского иконографического мотива настолько специфично, что знакомство неизвестного автора символического изображения с неоплатоническим описанием (возможно, в пересказе одного из византийских богословов) кажется более чем вероятным.

К примеру, прямое развитие неоплатонической концепции мы находим в «Небесной Иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита: «Высочайший Чиноначальник всякого порядка, как видимого, так и невидимого, обнаруживает сияние чистейшего света Своего, изливая его первоначально на высшие Существа, а чрез них уже приобщаются света Божественного и те, кои ниже их... и те существа, кои ниже их, обильно им сообщая полученный ими свет, чтобы и сии последние передавали его низшим; и таким образом каждое первое существо из дарованного ему сообщает следующему за ним, так что по воле Промысла свет Божественный разливается на все существа, по мере их приемлительности. Итак, для всех освещаемых существ источником света есть Бог по естеству, су-

¹⁸ Gandzasar. Documents of Armenian Architecture, 17. Venezia, 1987.

¹⁹ Первым обосновал С. Радойчић: *Radojčić S. Mileševa. P. 16; Schwartz E. The Whirling Disc...* P. 26–28.

щественно и собственно, как сущность света, Виновник его бытия и сообщения; по установлению же Божию и подражанию Богу для каждого низшего существа высшее существо есть начало освещения, поколику чрез высшее низшему передаются лучи света Божественного» (XIII.3)²⁰. В тексте нет платоновской темы концентрических колец, но ясно выражена идея иерархии эманулирующего света.

Неоплатоническая концепция света и вращения как богоявления получает новую жизнь в духовной культуре XIII–XIV вв. в связи с идеями исихастов и спорами о природе фаворского света. В последнее время в истории византийского богословия все больше внимания привлекает ключевое богословское понятие *περιχώρησις* (перихореза)²¹, к которому часто обращаются богословы паламитского круга, например, Феофан Никейский. *Περιχώρησις* можно перевести как «круговращение» и одновременно «взаимопроникновение». Это понятие используется для описания взаимоотношения трех лиц Св. Троицы, соотношения божественной и человеческой природ во Христе, Бога Сына и Богородицы, и в целом, что для нас самое важное, для описания всего процесса обожения — преобразование материи посредством божественных энергий и, в первую очередь, света, перестающего быть неоплатонической абстракцией, и становящегося частью человеческого духовного опыта. На мой взгляд, понятие *περιχώρησις* позволяет объяснить распространение иконографии вращающегося света в храмовом пространстве XIII–XIV в., а также может стать ключом к пониманию многих других явлений этой эпохи.

Однако остается вопрос о происхождении иконографии «вращающегося диска». Возникает закономерный вопрос об истоках мотива.

Не раз высказывалось суждение о синайском происхождении символа, поскольку многие иконы из собрания монастыря Св. Екатерины на Синае имеют на золотых фонах особым образом тисненные золотые круги, в которых передан мотив вращения²². В одних случаях это выглядит символически оправдано. Так, в иконе «Благовещения» конца XII в. в золотом вращающемся диске показан голубь Святого Духа, слетающий к Деве Марии (рис. 22); в иконе «Лествица св. Иоанна Лествичника» изображен сегмент неба; в иконе «Богоматерь с пророками» начала XII в. вращающиеся диски размещены по сторонам от лика Богоматери и в них вписаны четыре буквы титула «Матерь Божия».

Но есть и другие примеры, когда золотые вращающиеся диски на первый взгляд хаотично размещаются по фону икон, выполненных первоклассными мастерами XII–XIII вв. На живописном темплоне XII в. вращающиеся диски изображены как бы гроздьями (один большой и два маленьких) в промежутках между

²⁰ Пер. В.В. Библихина.

²¹ *Durand E.* La périchorèse des personnes divines: immanence mutuelle — réciprocité et communion. P., 2005. P. 409; *Tipton L.G.* The Function of Perichoresis and the Divine Incomprehensibility // *Westminster Theological Journal*. 2002. Vol. 64. P. 289–306.

²² *Schwartz E.* The Whirling Disc... P. 27–29. О мотиве в иконах см.: *Weitzmann K., Radojčić S., Chatzidakis M.* The Icons. N. Y., 1980. P. 16; *Weitzmann K.* Byzantium and the West around the Year 1200 // *The Year 1200: a Symposium at the Metropolitan Museum of Art*. N. Y., 1975. P. 71. Примечательно, что за пределами Синае мотив встречается редко, и часто рассматривается как своего рода фирменный знак местной иконописной мастерской. Однако технический прием создания эффекта вращения в золотых нимбах замечен и в некоторых других иконах, в том числе в домонгольской Руси (благодарю анонимного рецензента за указание на эту деталь).

арками, в которые вписаны сцены двенадцатых праздников²³. Наиболее яркий пример в Царских вратах начала XIII в. с образом Благовещения, в котором вращающиеся диски разных размеров покрывают все пространство золотого фона²⁴ (рис. 23). Разнообразие примеров подтверждает, что вращающийся диск не воспринимался иконописцами как раз и навсегда утвержденный символ. В нем скорее видели указание на присутствие непрерывно действующего божественного света, исходящего от Св. Троицы и одухотворяющего мир. Кроме того, в мотиве можно усмотреть и художественный прием, с помощью которого иконописцы преодолевали застылость золотого фона, показывали, что он принципиально не плоский, но пронизан высшими энергиями, уходит в бесконечную глубину и пребывает в непрерывном движении. Располагая многочисленные диски на фоне, иконописцы стремились к художественному эффекту, сходному с византийскими мозаичными золотыми фонами, также никогда не плоскими (в отличие от более поздних имитаций)²⁵. Выложенная разнообразной по тону и форме золотой и серебряной смальтой, положенной неровно под разными углами, византийская мозаика создавала ощущение золотоносной божественной среды, излучающей свет, который пульсировал, меняясь в каждое следующее мгновение.

Возникает закономерный вопрос: могли ли синайские иконы быть истоком иконографического мотива в монументальной живописи XII–XIV вв.? В некоторых случаях мы можем говорить о попытках прямого цитирования, как в уже рассмотренном примере образа Богоматери Оранты с двумя дисками из церкви Св. Димитрия в Печке Патриаршей, где диски, не разделенные на концентрические круги, имитируют изображения на синайских иконах. Однако такие примеры — редкость. В большинстве изображений преобладают диски, состоящие из трех часто разноцветных концентрических кругов. Поэтому кажется более вероятным существование общего источника, возможно, впервые появившегося в иконографии одного из знаменитых византийских храмов.

Этот источник не обязательно был связан с конкретной иконографией. На наш взгляд, правильно искать объяснение в более общем образе-идее вращающегося света, нашедшего яркое воплощение в ранневизантийских серебряных светильниках, имевших форму диска и создававших, как мы знаем из описания Павла Силенциария, образ вращающегося света. Напомним, что только в Святой Софии Константинопольской таких паникадил могло быть около полутора сотен (рис. 25). Как и многочисленные диски на синайских иконах, они создавали мистический и динамичный образ божественного присутствия. Из византийских экфрасисов мы узнаем, что храмовая среда воспринимается как принципиально подвижная, находящаяся в круговом движении и, более того, вращающаяся.

Образ «вращающегося храма» как некий рефрен возникает в поэтическом описании Св. Софии Константинопольской Павла Силенциария, созданном в 563 г. по случаю второго освящения Великой Церкви²⁶. Тема вращения возникает

²³ Лидов А. М. Византийские иконы Синай. М., 1999. Ил. 21. С. 81–82.

²⁴ Holy Image, Hallowed Ground. Icons from Sinai / Ed. R. Nelson, K. Collins. Los Angeles, 2006. Cat. 22. P. 170–171.

²⁵ Подробнее об этом см.: Лидов А. М. Икона и иконическое в сакральном пространстве // Икона в русской словесности и культуре / Ред.-сост. В. Лепахин. М., 2012. С. 85–86.

²⁶ Новое переиздание текста с французским переводом: *Paul le Silentiare. Description de Sainte-Sophie Constantinople* / Trad. M.-C. Fayant, P. Chuvin. P., 1997. Англ. пер.: *Mango C. The Art*

в разных местах полного ярких подробностей и «написанного с натуры» текста. К примеру, при описании алтарной части храма автор возглашает: «Таким образом простерев взор на восточные полукружия, ты увидел бы вечно кружащееся чудо» (строфа 398–399), или, еще яснее, при характеристике купола: «Купол, воздвигнутый сверху в бесконечный воздух, отовсюду вращается наподобие мяча, так что сверкающее небо окружает покрытия здания» (строфы 489–491)²⁷.

Долгое время исследователи объясняли эти образы впечатлением от архитектуры, в которой, действительно, мотив перетекающих, в некотором смысле «кружащихся» линий играет принципиально важную роль, способствуя эффекту дематериализации видимого объема²⁸. Однако сейчас становится ясным, что причинно-следственная связь была иной: Павел Силенциарий описывал «иеротопический проект» особого сакрального пространства, которое создавалось в том числе и гениальной архитектурой (рис. 24).

О продуманности и разработанности замысла свидетельствует устройство «хороса» — огромного круглого светильника-паникадила, висевшего под куполом и создававшего при помощи горящих лампад круг вращающегося света, вторившего также вращающемуся кругу из 40 световых окон в основании купола²⁹. Круг светильников (лампад) был установлен и по мраморному карнизу, разделявшему пространство купола и наоса. Он поэтически сравнивается с «огнесверкающим» ожерельем, которым «мой скиптродержец прикрепил ко всему своду получивший кругообразное движение свет» (строфы 867–870)³⁰.

Именно от купола спускались многочисленные медные цепи, к которым были прикреплены серебряные диски, висевшие над головами молящихся (рис. 26–27)³¹. Они несли прорезанное изображение креста, в центре которого, по всей видимости, располагалась большая лампада (строфы 827–830)³². По словам Пав-

---

of the Byzantine Empire 312–1453. Sources and Documents. Toronto, 1986. P. 80–96. О тексте см.: *Macrides R., Magdalino P.* The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia // BMGS. 1988. Vol. 12. P. 43–82; *Fobelli M.L.* Un tempio per Giustiniano: Santa Sofia di Costantinopoli e la Descrizione di Paolo Silenzario. Roma, 2005.

²⁷ Русский перевод, сделанный по принципу максимально приближенного к оригиналу подстрочника, см.: *Павел Силенциарий.* Описание храма Св. Софии / Пер. С.И. Сивак // Искусство Древней Руси и стран византийского мира: Материалы научной конференции, посвященной В.А. Булкину. СПб., 2007. С. 266, 270.

²⁸ *Webb R.* The Aesthetics of Sacred Space: Narrative, Metaphor, and Motion in *Ekphraseis* of Church Buildings // DOP. 1999. Vol. 53. P. 59–74.

²⁹ Подробный анализ явления см.: *Isar N.* «Choros of Light». Vision of the Sacred in Paulus the Silentiary's poem Descriptio S. Sophiae // BF. 2004. Bd. 28. P. 215–242.

³⁰ *Павел Силенциарий.* Описание храма Св. Софии. С. 282.

³¹ Реконструкцию этой особенности и ее отражение в существующих артефактах см.: *The Lighting System of Hagia Sophia in Constantinople* // *Bouras L., Parani M.* Lighting in Early Byzantium. Washington, D.C., 2008. P. 31–36. См. также: *Fobelli M.L.* Luce e luci nella Megale Ekklesia // *Fobelli M.L.* Un tempio per Giustiniano: Santa Sofia di Costantinopoli e la Descrizione di Paolo Silenzario. Roma, 2005. P. 193–209. Fig. 43–48.

³² О внешнем облике таких дисков хорошее представление дает круглое серебряное паникадио из Дамбартон Оакс, сделанное в Константинополе в 550–565 гг. и заказанное епископом Евтихианом: *Bouras L., Parani M.* Lighting in Early Byzantium. Cat. 25. P. 86–87. О светильниках в пространстве византийского храма см. также: *Theis L.* Lampen, Leuchten, Licht // *Byzanz — das Licht aus dem Osten: Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis zum 15. Jahrhundert: Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn* / Hrsg. von Christoph Stiegemann. Mainz, 2001. P. 53–64.

ла Силенциария, диски-светильники образуют «кружащийся хорос из ярких светов» (строфа 818), и «Из весьма светящихся светов круглый хор установлен... Небесного венка сверкающие звезды ты видишь» (строфы 830–833)³³.

Число цитат может быть увеличено, но и из сказанного понятно, что «вечно кружащееся чудо» Павла Силенциария — это не просто поэтический образ, но отражение глобального замысла, воплощенного в пространстве Софии Константинопольской при помощи особых устройств, своего рода высокой технологии. На языке современного искусства можно описать явление как мультимедийную инсталляцию, ставящую задачу создать образ в пространстве, который не сводится ни к совокупности предметов, ни к любым плоским изображениям³⁴. И главным в этом многосоставном и изощренно неоднородном пространственном образе была идея вращающегося света как зримого Божоявления, истоки которой можно найти в неоплатонической философии и богословии Псевдо-Дионисия Ареопагита³⁵.

В контексте иеротопии речь идет о концептуально задуманной и детально проработанной пространственной иконе Софии Константинопольской, в которой физическая реальность соединялась в единое целое с воображаемым миром, присутствовавшим в сознании подготовленных зрителей. Вне этого единства, не подлежащего элементарному позитивистскому анализу, византийская иеротопия, а вместе с ней и многие художественные явления, останутся непонятыми. С этой точки зрения София Константинопольская, вопреки очевидной материальности огромного здания, была принципиально не статична и, в нашей терминологии, перформативна (рис. 1–2)³⁶. Непрерывное движение являлось конституирующей основой этого пространства, рождавшего иконические образы в сознании входящих в храм византийцев, которые, в отличие от нас, не прочитывали увиденное просто как роскошную декорацию или иллюстрацию конкретных идей³⁷.

Речь идет об устойчивом образе-парадигме, сохранявшем свое значение на протяжении столетий. Наиболее яркое и известное описание «вращающегося храма» принадлежит св. патриарху Фотию в IX в., оно сохранилось в его про-

³³ Павел Силенциарий. Описание храма Св. Софии. С. 282.

³⁴ См.: Lidov A. Spatial Icons. A Hierotopic Approach in Byzantine Art History // Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archeology and Art / Ed. P. Grotowski, S. Skrzyński. Warsaw, 2010. P. 85–97.

³⁵ См.: Isar N. «Choros of Light»... P. 219–221.

³⁶ Перформативность, внутренняя динамика Святой Софии была подробно проанализирована Николеттой Исар, которая в контексте иеротопии сформулировала свое направление, назвав его «хорографиями». Она убедительно показала, что в основе организации пространства Софии Константинопольской могла лежать идея «хороса» — священного кругового танца, который был показан через движение искусственного и естественного света, осмысленного в духе неоплатонической философии. Принимая предложенную интерпретацию, заметим, что мотив вращения и нисходящего света мог вызывать и другие ассоциации. На наш взгляд, они могли быть связаны с образом Горнего Иерусалима, сходящего с небес в конце времен, и с утверждением доминантного образа храма как «Царства Небесного на земле». Вспомним, что, по словам одного из древнейших литургических толкований, приписываемого св. патриарху Герману (VIII в.), «Церковь есть земное небо, в котором живет и обращается небесный Бог» (см.: Isar N. «Choros of Light»... P. 215–242); Isar N. Chorography (Chôra, Chôros, Chorós) — A Performative Paradigm of Creation of Sacred Space in Byzantium // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006. P. 59–90.

³⁷ Св. Герман Константинопольский. Сказание о Церкви и объяснение таинств / Пер. Е.М. Ломизе, вступ. П.И. Мейендорфа, науч. ред. А.М. Лидова. М., 1995. С. 42–43.

поведи на освящение храма Богоматери Фаросской Большого императорского дворца³⁸:

«Когда же кто-нибудь, с трудом оторвавшись, проникает в самый храм, то какой же радости, и волнения, и страха он исполняется! Как если бы взойдя на самое небо без чьей-либо помощи откуда-то, и как звездами осияваясь многообразными и отовсюду являющимися красотами, он весь будет поражен. Кажется же, что все другое находится в исступлении, в экстагическом движении и **вращается сам храм**. Ведь благодаря естественным и всевозможным обращениям [в разные стороны] и постоянным движениям, которые заставляет претерпевать зрителя повсюду присутствующее многообразие зрелищ, свое впечатление он переносит воображением в созерцаемое»³⁹. Слова, использованные Фотием, недвусмысленно вводят архетипическую тему священного «танца» (χορός), который превращает статическое и материально оформленное пространство храма в бесконечно меняющуюся, иррациональную и при этом внутренне организованную сакральную среду⁴⁰. Воспринятая целиком, она представляла своего рода перформативную, в смысле — постоянно меняющуюся, икону. Очевидно, что этот эффект имел не только эстетический, но, в первую очередь, символический смысл, создавая при помощи нисходящего вращающегося света образ Горнего Иерусалима — града со стенами из драгоценных камней, сходящего с небес в конце времен (Отк. 21–22).

Богоявление представлено не как раз и навсегда зафиксированная данность, но как некий вечный процесс, не имеющий ни начала, ни конца. Мы знаем, что тема вращающегося светоносного храма не была созданием патриарха Фотия. Она была глубоко укоренена в византийской традиции, присутствуя в более ранних экфрасисах. Для нас важно подчеркнуть основополагающее византийское восприятие храма как не только находящегося в движении, но и вращающегося. На мой взгляд, именно этот образ-идею должен был воплотить символ «сияющего диска».

Отметим, что по сравнению с изысканной и многомудрой иеротопией ранней Византии мотив вращающегося диска в живописи, появляющийся в XII в. и распространяющийся в палеологовскую эпоху, кажется значительно более простым и формальным. Возникает предположение, что «вращающийся диск» мог быть связан с желанием сохранить хотя бы в такой редуцированной форме важнейший образ-парадигму, лежащий в основе византийского понимания храмового пространства. По всей видимости, «светящийся диск» стал своего рода зримым иконическим образом «вращающегося храма». Это происходит в эпоху, когда свето-пространственные образы постепенно уступают свое место фигуративным иконам на стенах и досках, а в них все большую роль играют не метафорические,

³⁸ *Mango C. The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. Cambridge (Mass.), 1958. P. 177–190; Jenkins R.J.H., Mango C. The Date and Significance of the Tenth Homily of Photius // DOP. 1956. Vol. 9–10. P. 131–140.*

³⁹ *Фотий, патриарх Константинопольский. Гомилия 10. На освящение церкви Богоматери Фаросской Большого императорского дворца, 864 г. / Перевод, предисловие и комментарии В.В. Василека. Приложение к статье: Лидов А.М. Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир. Искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 104–108.*

⁴⁰ О теме священного танца в византийской культуре см.: *Isar N. The Dance of Adam: reconstructing the Byzantine choros // BS. 2003. Vol. 61. P. 179–204.*

но эмоционально-психологические и литературно-повествовательные элементы. Однако понимание иконического как перформативного, иными словами, живого, светоносного, полного циркулирующей энергии, сохраняет свое основополагающее значение в византийских храмах как пространственных иконах.

Лидов Алексей Михайлович

Директор Научного Центра восточнохристианской культуры
Заведующий отделом культуры древности
Институт мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учебный корпус, комн. 854
119991 Москва
Электронная почта: alidov@gmail.com

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. 2013. T. 72 (97)
ISSN 0132–3776

Alexei Lidov

THE LUMINOUS DISC AND THE WHIRLING CHURCH. THE ICON OF LIGHT IN BYZANTINE CULTURE

Abstract: The paper deals with the «Luminous Disc», an established symbol in Byzantine iconography, which became especially widespread in 13th and 14th-century murals of the Balkans, and in the numerous icons created in St. Catherine's monastery at Sinai. This device, usually consisting of three circles of different colors representing emanating light, may be interpreted as an iconographic embodiment of the Neo-Platonic idea of the Divine Light. Most probably, it was conceived as a reminder and a sort of key to the most significant Early Byzantine concept of the church as the space of whirling light, which have been recently revealed by comparative studies of church descriptions and archeological remains.

Keywords: Byzantium, sacred space, iconography, hierotopy, light, whirling.

Literature Cited

- АЙНАЛОВ, D.V. "Мозаики древней крещальни в Альбенге." *Византийский временник* 8/3 (1901).
- Dionysius Areopagite. *Корпус сочинений с приложением толкований преп. Максима Исповедника*. St. Petersburg 2006.
- DURAND, E. *La périchorèse des personnes divines: immanence mutuelle — réciprocité et communion*. Paris 2005.
- ЂУРИЋ, V. *Пећка Пампујаруша*. Beograd 1990.
- FOBELLI, M.L. *Un tempio per Giustiniano: Santa Sofia di Costantinopoli e la Descrizione di Paolo Silenzario*. Roma 2005.

- FOBELLI, M.L. "Luce e luci nella Megale Ekklesia." In FOBELLI, M.L. *Un tempio per Giustini-
ano: Santa Sofia di Costantinopoli e la Descrizione di Paolo Silenzario*. Roma 2005.
- Gandzasar. *Documents of Armenian Architecture* 17. Venezia 1987.
- German of Constantinople, St. Сказание о Церкви и объяснение таинств. Transl. by
E.M. LOMIZE, intr. by P.I. MEYENDORF, ed. by A.M. LIDOV. Moscow 1995.
- NELSON, R., and COLLINS, K. *Holy Image, Hallowed Ground. Icons from Sinai*. Los Ange-
les 2006.
- ISAR, N. "The Dance of Adam: reconstructing the Byzantine choros." *Byzantinoslavica* 61
(2003).
- ISAR, N. "«Choros of Light». Vision of the Sacred in Paulus the Silentiary's poem Descriptio
S. Sophiae" *Byzantinische Forschungen* 28 (2004).
- ISAR, N. "Chorography (Chôra, Chôros, Chorós) — A Performative Paradigm of Creation
of Sacred Space in Byzantium." In *Иеротопия. Создание сакральных пространств в
Византии и Древней Руси*. Ed. by A.M. LIDOV Moscow 2006.
- ISAR, N. *Choros. The Dance of Adam. The Making of Byzantine Chorography*. Leiden 2011.
- JENKINS, R.J.H., and MANGO, C. "The Date and Significance of the Tenth Homily of Photius."
Dumbarton Oaks Papers 9–10 (1956).
- KUEHNEL, G. "The Twelfth-Century Decoration of the Church of the Nativity: Eastern and West
Concord." In *Ancient Churches Revealed*. Jerusalem 1993.
- LIDOV, A.M. *Византийские иконы Синая*. Moscow 1999.
- LIDOV, A.M. "Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как кон-
стантинопольский Гроб Господень." In *Византийский мир. Искусство Константи-
нополя и национальные традиции*. Moscow 2005.
- LIDOV, A. "Spatial Icons. A Hierotopic Approach in Byzantine Art History." In *Towards
Rewriting? New Approaches to Byzantine Archeology and Art*. Ed. by P. GROTHOWSKI and
S. SKRZYNIARZ. Warsaw 2010.
- LIDOV, A.M. "Вращающийся храм. Иконическое как перформативное в византийской куль-
туре." In *Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси*.
Ed. by A.M. LIDOV. Moscow 2011.
- LIDOV, A.M. "Икона и иконическое в сакральном пространстве." In *Икона в русской
словесности и культуре*. Ed. by V. ЛЕРАКХИН. Moscow 2012.
- "The Lighting System of Hagia Sophia in Constantinople." In BOURAS, L., and PARANI, M.
Lighting in Early Byzantium. Washington, D. C. 2008.
- MACRIDES, R., and MAGDALINO, P. "The architecture of ekphrasis: construction and context
of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia." *Byzantine and Modern Greek Studies*
12 (1988).
- MANGO, C. *The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople*. Cambridge (Mass.) 1958.
- MANGO, S. *The Art of the Byzantine Empire 312–453. Sources and Documents*. Toronto 1986.
- MARCENARIO, M. "Il mosaico del battistero di Albenga. Interpretazione iconografica, iconolo-
gia e restauro." In *Atti del III colloquio AISCOM*. Bordighera 1996.
- MARGOLINA, I., and UL'YANOVSKIY, V. *Київська обитель Святого Кирила*. Kyiv 2005.
- Paul le Silentiaire. *Description de Sainte-Sophie Constantinople*. Transl. M.-C. FAYANT and
P. CHUVIN. Paris 1997.
- PEVNY, O. *The Kyrylivska tserkva. The appropriation of Byzantine art and architecture in Kiev*.
New York 1995.
- RADOJČIĆ, S. *Mileševa*. Belgrade 1971.
- RATSEVA-HRISTOVA, S. "Mural «Spinning Discs» — an Indication for Spiritual Relations and
Artistic Influences." In *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Stud-
ies*. Vol. III.
- Paulus Silentiarius. "Описание храма Св. Софии." In *Искусство Древней Руси и стран
византийского мира: Материалы научной конференции, посвященной В.А. Булкину*.
St. Petersburg 2007.

- SCHWARTZ, E. "The Whirling Disc: A Possible Connection between Medieval Balkan Frescoes and Byzantine Icons." *Зоря* 8 (1977).
- STERN, H. "Les representations des Conciles dans l'Eglise de la Nativité à Bethléem." *Byzantion* 11 (1936).
- TERRY, A., and MAGUIRE, H. *Dynamic Splendor. The wall mosaics in the Cathedral of Ephra-sius at Porec*. Penn State University 2007.
- THEIS, L. "Lampen, Leuchten, Licht." In *Byzanz — das Licht aus dem Osten: Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis zum 15. Jahrhundert. Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn*. Hrsg. von Chr. STIEGEMANN. Mainz 2001.
- THIERRY, N., and THIERRY, M. *L'église Saint- Gregoire de Tigran Honenc a Ani (1215)*. Paris 1993.
- TIPTON, L.G. "The Function of Perichoresis and the Divine Incomprehensibility." *Westminster Theological Journal* 64 (2002).
- TRKULJA, J. "Divine Revelation Performed. Symbolic and Spatial Aspects in the Decoration of Byzantine Churches." In *Пространственные иконы / Spatial Icons*.
- VICELJA MATIJASIC M. *Istra i Bizant*. Rijeka 2007.
- WEBB, R. "The Aesthetics of Sacred Space: Narrative, Metaphor, and Motion in Ekphraseis of Church Buildings." *Dumbarton Oaks Papers* 53 (1999).
- WEITZMANN, K. "Byzantium and the West around the Year 1200." In *The Year 1200: a Symposium at the Metropolitan Museum of Art*. New York 1975.
- WEITZMANN, K., RADOJČIĆ, S., and CHATZIDAKIS, M. *The Icons*. New York 1980.
- История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси IX — первой четверти XII века*. Moscow 2007.

Alexei LIDOV

Director of the Research Centre for Eastern Christian Culture
 Head of Department
 Lomonosov Moscow State University, Institute for World Culture
 GSP-1, Leninskiye gory, 1st Humanities Building, of. 854
 119991 Moscow
 e-mail: alidov@gmail.com

Э.Н. Добрынина

О МИНИАТЮРАХ
ГРЕЧЕСКОГО ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЯ РНБ, ГРЕЧ. 210
И ПРОИСХОЖДЕНИИ ФРАГМЕНТА РНБ, ГРЕЧ. 776*

Аннотация: В статье предложено уточнение датировки греческого лицевого Четвероевангелия РНБ, Греч. 210 второй половиной X в., выявлены позднейшие записи на миниатюрах и восполнены лакуны текста на основе палеографического анализа фрагмента РНБ, Греч. 776, который ранее входил в состав этого кодекса и написан тем же каллиграфом.

Ключевые слова: греческие рукописи, палеография, миниатюра.

Изучение хранящейся в Российской Национальной библиотеке рукописи Греч. 210 [GA 2142] на протяжении последнего столетия приводило исследователей к противоречивым результатам: предложенные датировки колеблются в пределах VII–XIV вв.¹ Рукопись представляет собой Евангелие-тетр (195 × 157 мм), написанное минускулом светло-коричневыми чернилами по пергамену среднего качества. Ее украшают три орнаментальные таблицы канонов (л. 2–3), помещенные в начале книги после Послания Евсевия к Карпиану (л. 1–1 об.), четыре миниатюры в полный лист с портретами евангелистов и четыре заставки с инициалами в начале каждого евангелия (рис. 1–8). В 1969 г. Т.А. Измайлова установила, что 2 листа из этой рукописи хранятся в Смоленском государственном музее-заповеднике, № 8270².

При поступлении в Императорскую Публичную библиотеку рукопись Греч. 210 была датирована А. Пападопуло-Керамевсом XII в., что было записано в инвентарной книге³. Впоследствии предлагались следующие варианты датировки: IX–X вв. (C.R. Gregory, 1909 г.)⁴, X–XI вв. (K. Treu, 1966 г.;

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Первых Загребинских чтениях в Российской Национальной библиотеке в 2005 г.

¹ Тенишева М.К. Каталог историко-этнографического музея. Смоленск, 1909 г.; Бугаева А.П. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. 1958. Т. V. С. 424.

² Измайлова Т.А. К вопросу об иллюстрациях рукописи греч. 210 Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // ВВ. 1969. Т. 30. С. 190–194. Илл. 1–9.

³ РНБ, Греч. 897, No 210/208.

⁴ Gregory C.R. Textkritik des Neuen Testamentes. Bd. 1. Leipzig, 1900; Bd. 3. Leipzig, 1909. S. 1196, e 2142.

Е.Э. Гранстрем, 1969; К. Aland, 1994 г.)⁵, XII в. (В.Н. Лазарев)⁶ и XIII–XIV вв. (R. Hamann-McLean)⁷.

Анализ палеографии, художественного стиля миниатюр и характера декоративного оформления позволяет, на наш взгляд, уточнить датировку рукописи. Евангелие написано одним писцом. Его почерк характеризуется как минускул с большим количеством маюскульных форм и раздельным написанием некоторых букв. Как специфический признак орфографической нормы этого писца выступает нерегулярное употребление *iota adscriptum* в основном в артиклях, в других словарных формах она часто отсутствует. И автор миниатюр, и писец Евангелия Греч. 210, по всей видимости, работали в отдалении от столичных книгописных центров, что получило отражение в слабо выраженном влиянии так называемого «жемчужного» типа письма (*Perlschrift*), который набирал популярность в скрипториях Константинополя во второй половине и особенно в последней четверти X в. В почерке этой рукописи лишь намечена тенденция к округлости некоторых букв. Близкие черты присущи письму кодекса Oxford, Bodleian Library, Auct. V. 1. 51, который относят ко второй половине X в. или к рубежу столетий⁸.

Еще одним аргументом, позволяющим связать время создания Евангелия со второй половиной X в., служат каноны согласия евангельских чтений (рис. 1). Первоначально рукопись содержала семь таблиц (с учетом двух листов из Смоленского государственного музея-заповедника, № 8270, которые содержат 4 таблицы). Такая система распределения согласных чтений по семи таблицам соответствует так называемой малой греческой серии, использование которой не выходит за пределы X в.⁹

Смоленские листы были отнесены Т.А. Измайловой ко времени не ранее XI в., а скорее к XII в., что, по ее наблюдению, подтверждается и палеографическими данными¹⁰. На наш взгляд, орнаментальные мотивы в таблицах канонов, наряду со всеми элементами художественного оформления рукописи РНБ, Греч. 210 отвечают тенденциям в книжной декорации второй половины X в. Так, в орнаментальных навершиях двух таблиц со вторым канон¹¹ центральное место занимает стебель с пышной листвой, образующий три большие окружности, в которых в разнообразных позах размещены птицы. Такой мотив хорошо известен по рукописям как X в., так и XI–XII вв. Как и все популярные орнаментальные мотивы, использовавшиеся на протяжении нескольких столетий, он претерпел изме-

⁵ Treu K. Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR: Eine systematische Auswertung der Texthandschriften in Leningrad, Moskau, Kiev, Odessa, Tbilisi und Erevan. B., 1966 [Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, 91]. S. 81–82; Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ // ВВ. Т. XXXII. 1971. № 625; Aland K. Kurzgefaste Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments: I. B., 1994. S. 170.

⁶ Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 224 (51).

⁷ Treu K. Op. cit. S. 81.

⁸ Wilson N.G. Mediaeval Greek Bookhands: Examples Selected from Greek Manuscripts in Oxford Libraries, I–II. Cambridge (Mass.), 1973 [Mediaeval Academy of America, Publications 81]. P. 20–21. Pl. 33.

⁹ Nordenfalk C. Die Spätantiken Kanontafeln. Göteborg, 1938. По мнению Т.А. Измайловой, рукопись РНБ, Греч. 210 приближается к серии из восьми таблиц (распространенной в армянских рукописях с XI в.) тем, что второй канон расположен не на одной, а на двух таблицах (Измайлова Т.А. Указ. соч.).

¹⁰ Измайлова Т.А. Указ. соч. С. 194.

¹¹ РНБ, Греч. 210 л. 2 об.; Смоленский государственный музей-заповедник, л. 1.

нения, которые кажутся незначительными на фоне в целом устоявшегося узора. В таких рукописях как Vat. gr. 463 (1064 г.)¹², Athens, EBE, cod. 2554¹³ и Athens, EBE, cod. 2676¹⁴ второй половины XI в., в Oxford, Magdalen college, gr. 9 третьей четверти XII в.¹⁵ мотив птиц вписан в стебель, закрученный двойной спиралью, которая доведена до совершенного исполнения и вместе с тем несет оттенок затверженной схемы. Аналогичный мотив встречается и в более ранних рукописях: Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Conv. Soppr. 202, предположительно IX в.; Torino, Biblioteca Nazionale Universitaria, cod. B. i., 2 конца X в.; Venezia, Biblioteca Nazionale di S. Marco, gr. 17 рубежа X–XI вв.¹⁶ Эти образцы демонстрируют раннюю стадию в эволюции данного орнамента — птицы в живых и свободных позах помещены в окружность, которая образована одним витком стебля, аналогично тому, как оформлен узор в таблицах канонов Евангелия РНБ, Греч. 210¹⁷.

Для уточнения датировки Четвероевангелия необходимо отметить и другие особенности орнаментального декора рукописи. В заставках к Евангелиям от Марка, Луки и Иоанна (л. 93, 147, 233) имеется редкий декоративный элемент — узкие орнаментальные полосы, которые соединяют нижние границы их боковых опор (рис. 5, 7). Ближайшие по времени аналогии этой редкой детали встречаются в заставке Евангельских чтений первой половины X в. РНБ, СПбДА Б I 5, л. 47¹⁸ и в Четвероевангелии первой трети X в. РНБ, Греч. 67, л. 22¹⁹, а восходит этот прием к заставке в рукописи 862/863 г. Meteora, Metamorph. 591, л. 5²⁰. «Любиковый» орнамент, которым заполнены такие полосы в Четвероевангелии РНБ,

¹² *Spatharakis I. Corpus of Dated Illuminated Greek Manuscripts to the Year 1453, I–II. Leiden, 1981 [Byzantina Neerlandica, 8/1–2]. Cat. 75. Fig. 135.*

¹³ *Marava-Chatzinicolau A., Toufexi-Paschou Ch. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. III: Homilies of the Church Fathers and Menologia 9th–12th Century. Athens, 1997. P. 164–171. Fig. 208.*

¹⁴ *Marava-Chatzinicolau A., Toufexi-Paschou Ch. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. I: Manuscripts of New Testament Texts, 10th–12th Century. Athens, 1978. P. 163–165. Fig. 388.*

¹⁵ *Hutter I. Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften. Bd. 5/1–2: Oxford, College Libraries. Stuttgart, 1997. S. 85–90. Abb. 362, 367.*

¹⁶ *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts (Archäologisches Institute des Deutschen Reiches, Abteilung Istanbul). B., 1935 (repr.: mit Addenda und Appendix. Wien, 1996). Abb. 208, 220. Addenda. Abb. 554.*

¹⁷ В рукописи Athos, Dionysiou, cod. 588m, которая предположительно датируется концом X в., уже встречается вариант такого мотива с двойным стеблем (*Weitzmann K. Op. cit. Addenda. S. 85–86. Abb. 657*). Однако это Евангелие принадлежит к числу роскошных книг столичного круга, в то время как рукопись РНБ, Греч. 210, скорее всего, была создана в византийской провинции. В то же время, более ранний вариант мотива — с одинарным стеблем — продолжал употребляться в рукописях XI в., например, в Athens, cod. 174 (*Marava-Chatzinicolau A., Toufexi-Paschou Ch. Op. cit. Vol. I. P. 95–96. Fig. 182*).

¹⁸ О датировке рукописи см.: *Добрынина Э.Н. О двух греческих рукописях X в. (РНБ, СПбДА Б I 5 и Греч. 89): материал для Сводного каталога греческих иллюминированных рукописей в российских хранилищах // Современные проблемы археографии: Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. / Отв. ред. И.М. Беляева, сост. М.В. Корогодина. СПб., 2011. С. 22–27. Рис. 1.*

¹⁹ *Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.Л. Материалы и техника византийской рукописной книги (по реставрационной документации Государственного научно-исследовательского института реставрации). М., 2003. Кат. 4. Илл. IV/1–6.*

²⁰ *Σοφῖανός Α.Ζ., Γαλάβαρης Γ. Τὰ εἰκονογραφημένα χειρόγραφα τῶν μονῶν τῶν Μετεώρων. Τ. Α'–Β'. Αθήνα, 2007. Εἰκ. 1.*

Греч. 210, выполнен в истонченном, почти паутинообразном варианте, известном по рукописям конца X в. Например, он украшает детали орнаментальных таблиц канонов в Евангелии 992 г. Athos, Laura A 19, л. 8 об.²¹ Форма инициалов на л. 147, 233 в Четвероевангелии РНБ, Греч. 210, а также мотивы крупных крючков и раструбов на концах дуг очень близки к инициалам в рукописи середины X в. Sinait. gr. 183+РНБ, Греч. 266²². Декоративное оформление Четвероевангелия РНБ, Греч. 210 отличается смещением нескольких орнаментальных стилей, таких как «лепестковый» и «лобзиковый», что характерно для книжного искусства второй половины X в. и рубежа столетий.

Четыре миниатюры, украшающие Евангелие Греч. 210, служат образцами типовой книжной продукции второй половины столетия и выдают руку художника среднего профессионального уровня (рис. 2, 4, 6, 8). Пространство, загроможденное предметами интерьера с невыраженным объемом, не всегда анатомически верный рисунок фигур, яркая и вместе с тем бедная колористическая гамма характеризуют живопись этих миниатюр. Вместе с тем, приближающийся к квадрату «тяжелый» формат изображений, орнаментальные рамы с элементами «лепесткового» стиля, — все эти признаки лежат в русле основных художественных тенденций византийского искусства рассматриваемого периода. К ним относятся и пропорции фигур с большой головой и крупными, грубоватыми чертами ликов; раздельно написанные пряди волос; широкие кисти и стопы; преувеличенного размера нимбы с цветной обводкой. Художник в достаточной мере владеет живописной техникой с послойным нанесением красок. На миниатюре с евангелистом Иоанном хорошо видны переходы голубовато-серой и бледно-розовой краски с легкими штрихами белильной разделки (рис. 8). Аналогичные черты (с достигнутым художественным результатом сходного уровня) присущи, например, миниатюрам второй половины X в. в Четвероевангелии 999 г. ГИМ, Муз. 3644²³.

На примере этой же миниатюры с евангелистом Иоанном становится ясно, как могла возникнуть столь поздняя датировка рукописи как XIII–XIV вв. Лик Иоанна действительно несет в себе признаки палеологовского искусства: это ярко-розовая карнация, нависшие над глазами брови, грушевидной формы нос, поперечные морщины на лбу, длинные свисающие усы и короткие вьющиеся пряди волос, написанные отдельными широкими мазками (рис. 9). Аналогично написанные лики известны по многим памятникам византийского искусства эпохи Палеологов. Не удивительно, что специалист в области монументальной живописи этого периода Р. Хаманн-МакЛин датировал рукопись XIII–XIV вв., поскольку, по-видимому, не учитывал аргументы палеографического характера. Однако некоторые детали миниатюры обнаруживают существенное различие в манере письма, например, в способе изображения кистей рук Иоанна: у левой, подпирающей голову, — тонкие пальцы и выступающие хрупкие фаланги, у правой — мощная, широкая ладонь. В этом анатомическом несхождении сконцентрировано внешнее отличие образов, принадлежащих двум далеко отстоящим эпохам. Это отличие вызвано тем, что первоначальный лик Иоанна скрыт под позднейшей записью,

²¹ *Spatharakis I. Op. cit. Cat. 28. Fig. 56.*

²² *Weitzmann K., Galavaris G. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Illuminated Greek Manuscripts, I: From the Ninth to the Twelfth Century. Princeton (N. J.), 1990. Cat. 12. Figs. 57–58.*

²³ *Добрынина Э.Н. О датировке миниатюр греческой рукописи 999 г. ГИМ, Муз. 3644 // Хризотроф. Вып. 2. 2005. С. 33–53.*

которая заметна и невооруженным глазом, но наглядно подтверждается съемкой, выполненной по нашей просьбе Д.О. Цыпкиным в Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа при Российской Национальной библиотеке (рис. 9а). Первоначальный нижний слой миниатюры в области головы евангелиста содержит иной рисунок левой кисти, который соответствует очертаниям его правой руки, иные черты лица и другую конфигурацию массы волос. Открывшиеся анатомические детали позволяют воссоздать древний образ с совершенно иной содержательной характеристикой (рис. 9б).

К поздним наслоениям относятся и колончатые надписи с именами евангелистов, выполненные черными чернилами. При этом текст, написанный на раскрытых книгах, которые лежат на пюпитрах, относится к разным периодам. На миниатюре с Иоанном текст на книге первоначальный — это маюскул без диакритических знаков, который вписывается в традицию аналогичных надписей X в. К тому же он выполнен по первоначальному голубовато-серому фону, которым окрашены листы раскрытого Евангелия. На миниатюре с евангелистом Матфеем (рис. 10а–б) — это имитация письма, выполненная на аналогичном фоне. На миниатюре с Марком текст написан поздней рукой: как видно на съемке нижнего слоя живописи, первоначально текст на книге отсутствовал (рис. 11а–б).

Миниатюр, в которых имеется второй красочный слой, лежащий поверх оригинального, известно очень мало. Повновления обычно сводились к незначительной контурной обводке и выполнению новых надписей на свободном фоне. Запись относительно большого участка миниатюры — технически более сложная задача, нежели дополнение кодекса миниатюрой, созданной специально или изъятый из другой рукописи. Вторичный слой, полностью покрывающий фигуры, давно изучен на миниатюрах двухтомного Нового Завета РНБ, Греч. 101²⁴. Еще один случай — с частичной записью ликов евангелистов Марка и Луки — известен нам по миниатюрам Четвероевангелия начала X в. Tirana, ANA, Корсё 93²⁵.

В составе Греческого фонда РНБ, хранится небольшой фрагмент Евангелия от Иоанна (РНБ, Греч. 776 [GA 2543])²⁶. Рукопись включена в Каталог греческих рукописей Государственной Публичной библиотеки Е.Э. Гранстрем с датировкой X в.²⁷, в Каталог греческих рукописей Нового Завета в СССР К. Троя и в Кратком перечне К. Аланда — с датировкой XI в.²⁸ (рис. 7). Фрагмент представляет собой неполную тетрадь из пяти листов. Лакуны в тексте и система разлиновки позволили установить, что после л. 2 утрачено два листа, а после л. 3 — один лист.

²⁴ Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.Л. Материалы и техника византийской рукописной книги (по реставрационной документации Государственного научно-исследовательского института реставрации). М., 2003. Кат. 11. Илл. XI/1–6.

²⁵ Миниатюры опубликованы в изд.: *Džurova A. Manuscrits Grecs enlumines dans archives nationales de Tirana (VIe–XVIIIe siècles). Études shoisies. Vol. I–II [Scriptorium Balanicum, I]. Sofia, 2011. Vol. II. III. 55–71; о вторичном живописном слое миниатюр см.: Добрынина Э.Н. Заметки о трех греческих Четвероевангелиях в Национальном архиве Албании // Лазаревские чтения 2012 г. (в печати).*

²⁶ Данный фрагмент был исследован в связи с работой по составлению Учетного списка греческих рукописей РНБ, потребовавшей систематического просмотра Греческого фонда. Сердечно благодарю Ж.Л. Левшину за помощь в этой трудоемкой работе.

²⁷ Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ // ВВ. 1962. Т. XVIII. № 156.

²⁸ *Treu K. Op. cit. S. 194; Aland K. Op. cit. S. 195, e 2543.*

Отрывок не содержит каких-либо декоративных элементов кроме написанных золотом малых инициалов. Общий характер почерка и палеографические и орфографические особенности этого фрагмента (употребление приписной йоты преимущественно в артиклях) тождественны почерку писца Евангелия РНБ, Греч. 210. Сравнение этих рукописей показало, что 5 листов Греч. 776 некогда входили в Четвероевангелие Греч. 210 в составе тетради 34 и восполняют существующую в нем лауну между листами 268 об. и 269. Это подтверждается непрерывностью евангельского текста:

РНБ, Греч. 210, л. 268 об.: Des. τὸ μύρον;

РНБ, Греч. 776, л. 1–2 об.: Inc. τὸ μύρον] οὐκ ἐπράθη τριακοσίων; Des. υἱοί (Ин. 12:5–12:36);

РНБ, Греч. 776, л. 3–3 об.: Inc. ἀπόστολος, μεῖζων; Des. ἔτι μικρόν χρόνον (Ин. 13:16–33);

РНБ, Греч. 776, л. 4–5 об.: Inc. τῷ π(α)τρι, (καὶ) ὁ π(α)τηρ; Des. καὶ συνάγουσιν (Ин. 14:10–15:6);

РНБ, Греч. 210, л. 269: Inc. αὐτὰ (Ин. 15:6).

Таким образом, в собрании Российской Национальной библиотеке под разными шифрами хранятся две рукописи (вернее, один кодекс и фрагмент), которые первоначально составляли единую книгу. Обе части рукописи поступили в собрание РНБ в разное время и разными путями. Евангелие Греч. 210 приобретено Публичной библиотекой в 1882 г. составе собрания Н.К. Николаидеса²⁹ и поэтому К.Р. Грегори успел включить его в свое издание Нового Завета 1909 г. Фрагмент Греч. 776 поступил в РНБ из собрания А. Пападопуло-Керамевса в 1919 г.

В существующих каталогах обе части описаны не только под разными шифрами, но и с различными датировками. Наибольший разброс в датировке относится к рукописи, украшенной миниатюрами. По всей видимости, характер живописи, особенно в силу частичной позднейшей записи, уводил исследователей в сторону от решения собственно палеографических и кодикологических вопросов. Если анализ палеографии листов Греч. 776 позволил Е.Э. Гранстрем прийти к датировке X в., то Евангелие с миниатюрами, из которого происходят эти листы, датированы ею исключительно широко X–XI вв. Особенности палеографии, декоративного оформления и художественного стиля миниатюр Четвероевангелия РНБ, Греч. 210 позволяют определить время его создания как вторую половину X в., а с учетом его возможного провинциального происхождения и замедленного распространения столичных влияний на окраинах империи, как рубеж X–XI вв.

Добрынина Элина Николаевна

Старший научный сотрудник

Государственный институт искусствознания

Козицкий переулок, д. 5

125009 Москва

Электронная почта: edobrynina@mail.ru

²⁹ Отчет ИПБ за 1882 г. С. 13, 16, 17.

Elina DOBRYNINA

**OBSERVATIONS ON THE MINIATURES
IN THE FOUR GOSPELS GR. 210
AND ON THE FRAGMENT GR. 776
AT THE RUSSIAN NATIONAL LIBRARY**

Abstract: The article observes the dating of the Four Gospels RNL, Gr. 210 as the second half of the 10th century, ascribes the fragment RNL, Gr. 776 to this codex due to the paleography and determines the locations of the late repainting on the miniatures.

Keywords: Greek manuscripts, paleography, miniature.

Literature Cited

- ALAND, K. *Kurzgefaste Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments: I*. Berlin 1994.
- BUGAEVA, A.P. “Рукописи Смоленского областного краеведческого музея.” *Труды отдела древнерусской литературы* V (1958).
- DOBRYNINA, E.N. “О датировке миниатюр греческой рукописи 999 г. ГИМ, Муз. 3644.” *Хризостом* 2 (2005).
- DOBRYNINA, E.N. “О двух греческих рукописях X в. (РНБ, СПбДА Б I 5 и Греч. 89): материал для Сводного каталога греческих иллюминированных рукописей в российских хранилищах.” In *Современные проблемы археографии: Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–7 мая 2010 г.* Ed. by I.M. BELYAEVA, compiled by M.V. KOROGODINA. St. Petersburg 2011.
- DOBRYNINA, E.N. “Заметки о трех греческих Четвероевангелиях в Национальном архиве Албании.” In *Лазаревские чтения 2012 г.* (in print).
- DŽUROVA, A. *Manuscrits Grecs enluminés des archives nationales de Tirana (VIe–XVIIIe siècles). Études shoisiées*. Vol. I–II [Scriptorium Balcanicum, I]. Sofia 2011.
- GRANSTREM, E.E. “Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ.” *Византийский временник* 18 (1962).
- GRANSTREM, E.E. “Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ.” *Византийский временник* 32 (1971).
- GREGORY, C.R. *Textkritik des Neuen Testamentes*. Bd. 1. Leipzig 1900; Bd. 3. Leipzig 1909.
- HUTTER, I. *Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften*. Bd. 5/1–2: Oxford, College Libraries. Stuttgart 1997.
- IZMAYLOVA, T.A. “К вопросу об иллюстрациях рукописи греч. 210 Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.” *Византийский временник* 30 (1969).

- LAZAREV, V.N. *История византийской живописи*. Moscow 1986.
- MARAVA-CHATZINICOLAU, A., and TOUFEXI-PASCHOU, Ch. *Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. I: Manuscripts of New Testament Texts, 10th–12th Century*. Athens 1978.
- MARAVA-CHATZINICOLAU, A., and TOUFEXI-PASCHOU, Ch. *Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. III: Homilies of the Church Fathers and Menologia 9th–2th Century*. Athens 1997.
- MOKRETSOVA, I.P., NAUMOVA, M.M., KIREEVA, V.N., DOBRYNINA, E.N., and FONKICH, B.L. *Материалы и техника византийской рукописной книги (по реставрационной документации Государственного научно-исследовательского института реставрации)*. Moscow 2003.
- NORDENFALK, C. *Die Spätantiken Kanontafeln*. Göteborg 1938.
- SOFIANOS, D.Z., and GALAVARIS, G. *Τὰ εἰκονογραφημένα χειρόγραφα τῶν μονῶν τῶν Μετεώρων*. T. A'–B'. Athens 2007.
- SPATHARAKIS, I. *Corpus of Dated Illuminated Greek Manuscripts to the Year 1453*. I–II. Leiden 1981 [Byzantina Neerlandica, 8/1–2].
- TENISHEVA, M.K. *Каталог историко-этнографического музея*. Smolensk 1909.
- TREU, K. *Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR: Eine systematische Auswertung der Texthandschriften in Leningrad, Moskau, Kiev, Odessa, Tbilisi und Erevan*. Berlin 1966 [Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, 91].
- WEITZMANN, K. *Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts (Archäologisches Institute des Deutschen Reiches, Abteilung Istanbul)*. Berlin 1935 (repr.: mit Addenda und Appendix. Wien 1996).
- WEITZMANN, K., and GALAVARIS, G. *The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Illuminated Greek Manuscripts*. I: From the Ninth to the Twelfth Century. Princeton (N. J.), 1990.
- WILSON, N.G. *Mediaeval Greek Bookhands. Examples Selected from Greek Manuscripts in Oxford Libraries*. I–II. Cambridge (Mass.) 1973 [Mediaeval Academy of America, Publications 81].

Elina DOBRYNINA

Senior Researcher
State Institute for Art Studies
Kozitskiy pereulok, 5
125009 Moscow

Электронная почта: edobrynina@mail.ru

С.В. Свердлова

ПРОГРАММА РОСПИСИ ПРИДЕЛА ВАМЕКА ДАДИАНИ В ХОБИ*

Аннотация: Статья посвящена изучению программы и иконографии некоторых сцен росписи придела Вameка Дадидани в Хоби конца XIV в. Анализ ктиторского изображения дает дополнительную информацию о заказчике. Особенный характер программы обусловлен погребальной функцией придела. Основной акцент росписи придает сцена, изображающая Христа, лежащего во Гробе, крайне редко встречающаяся в византийском искусстве. Наличие этой сцены говорит о знакомстве автора с широким спектром произведений за пределами Грузии.

Ключевые слова: византийская живопись, грузинское средневековое искусство, иконография.

Храм монастыря Хоби находится в Западной Грузии, в исторической области Мингрелия. Фресковому ансамблю южного придела этого храма посвящены три небольшие работы известной грузинской исследовательницы И.Г. Лордкипанидзе¹, уделившей большее внимание стилю живописи, а также статья Б. Тодича, где кратко рассматривается программа капеллы². Некоторые аспекты иконографии этой росписи до настоящего времени не получили должного рассмотрения.

Своим возникновением этот придел обязан правителю Самегрело Вameку Дадидани (1384–1396)³, успешному политику и дипломату своего времени. Основной объем храма в Хоби относится к более раннему времени: рубежу XIII–XIV вв.⁴ Вameк Дадидани перестроил изначально открытую восточную часть южной галереи храма, немного «по-варварски», но по-своему остроумно используя при закладке проемов привезенные из военного похода в Зихию или Абхазию

* Выражаю глубокую благодарность А.Ю. Виноградову, Д.В. Белецкому и Т. Джоджуа за консультации и помощь в написании данной статьи.

¹ Лордкипанидзе И.Г. Роспись придела Вameка Дадидани в Хоби // Средневековое искусство. Русь, Грузия. М., 1978. С. 131–144; Она же. Роспись в Цаленджиха. Художник Кир Мануил Евгеникос и его место в грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1992. С. 139–145; Lordkipanidze I. Murals of the Vamek Dadiani's Annex in Khobi // Georgian Antiquities (Сакртвелос Сидзвелени). 14. Tbilisi, 2010. P. 275–286 (на груз. языке). Там же см. библиографию.

² Todić B. Le programme decorative des fresques dans le chapelle de Wamek Dadiani à Khobi et ses paralleles byzantine // Зорграф. 1989. Т. 20. С. 74–79.

³ Даты правления приводятся по: Вахушти Багратиони. История царства грузинского / Перевод Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. С. 294.

⁴ Библиографию см. в: Лордкипанидзе И.Г. Роспись придела Вameка Дадидани... С. 131. Примеч. 1; Она же. Роспись в Цаленджиха. С. 174. Примеч. 24.

ранневизантийские мраморные элементы архитектурного декора. Собственно, об этом и о назначении придела сообщается в пространной надписи, помещенной на каменной плите над входом в придел⁵ (рис. 1). В числе прочего, здесь говорится, что храм был создан как усыпальница для самого Вамека, его родителей и Марех — жены князя⁶. Останки своих родителей он, по всей видимости, перенес сюда специально из погребения, местонахождение которого неизвестно. Таким образом, придел и его фресковая декорация имеют датировку, обусловленную годами правления Вамека Дадияни.

Строительство этой усыпальницы — второй, менее амбициозный заказ Вамека, бывшего также ктитором росписи в Цаленджихе, выполненной, как известно, артелью, возглавляемой приглашенным константинопольским художником Кир-Мануилом Евгеником. Лордкипанидзе отмечает стилистическую связь этих памятников, что не вызывает сомнений⁷.

Узкое затесненное пространство придела задано параметрами бывшей галереи, и представляет собой вытянутое по оси восток–запад бесстолпное помещение, перекрытое низким коробовым сводом, поддерживаемым подпружными арками, опирающимися на пилястры и приставленные к стенам колонны (рис. 2). Стены декорированы крупными неглубокими арочными нишами. Собственно, ниши, как таковые, присутствуют только на северной стене, так как южная стена представляет собой тонкую оштукатуренную перегородку, выложенную из мраморных деталей и резных блоков из местного известняка. С востока помещение завершается не выраженной снаружи апсидой. Простая архитектура храмового пространства обуславливает и лаконичный характер программы росписи, построенной на сочетании больших сцен и арок с меньшими по масштабу изображениями фигур и полуфигур святых. Роспись алтарной части имеет крайне плохую сохранность, но в конхе можно рассмотреть остатки композиции «Богоматерь на престоле с предстоящими Архангелами»⁸. По версии Лордкипанидзе, придел имел богородичное посвящение. На западной стене над входом сохранились фрагменты поясного «Деисуса». В арочных простенках (нишах) северной стены были представлены ктиторские портреты.

Наиболее хорошо сохранился — в северо-восточной арке — парный княжеский портрет, изображающий двух супругов, представленных в фас и имеющих нимбы (рис. 3). До недавнего времени ошибочно считалось, что здесь изображен сам заказчик росписи Вамек Дадияни с женой⁹. Надо сказать, что эта интерпретация значительно усложняла установление принадлежности осталь-

⁵ Лордкипанидзе И.Г. Роспись в Цаленджиха. С. 21–22, 177. Примеч. 20.

⁶ Надпись приводится по прочтению И.Г. Лордкипанидзе (Там же. С. 140, 188. Примеч. 3).

⁷ Лордкипанидзе И.Г. Роспись придела Вамека Дадияни... С. 144; Она же. Роспись в Цаленджиха. С. 139–140.

⁸ Лордкипанидзе И.Г. Роспись придела Вамека Дадияни... С. 132; Она же. Роспись в Цаленджиха. С. 141; Todić B. Le programme decorative... P. 74.

⁹ Алибегашвили Г.В. Светский портрет в грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1979. С. 57–58; Лордкипанидзе И.Г. Роспись придела Вамека Дадияни... С. 142; Она же. Роспись в Цаленджиха. С. 142; Lordkipanidze I. Murals of the Vamek Dadiani's Annex... P. 279; Todić B. Le programme decorative... P. 74. Остальные портреты на северной стене практически не были описаны. Лордкипанидзе отмечает остатки изображений в центральной арке, ошибочно предполагая наличие бывшего там когда-то портрета родителей Вамека (Лордкипанидзе И.Г. Роспись в Цаленджиха. С. 142, 144). Изображения в остальных арках считались утраченными. Вероятно, фрески на тот момент еще не прошли реставрацию.

ных портретов. Однако последние исследования сохранившейся надписи позволили точно идентифицировать это изображение как портрет родителей Вамека Георгия II (князь Самегрело с 1345 по 1384 г.) и Тамар¹⁰. В остальных арках изображения имеют крайне плохую сохранность. В центральном арочном проеме северной стены просматривается изображение ростовой фигуры с нимбом в трехчетвертном повороте в сторону алтаря с поднятыми в молитвенном жесте руками (рис. 4). В правой верхней части арки сохранились остатки изображения небесного сегмента с Богоматерью с Младенцем, обращенной в сторону предстоящего. Последние исследования надписей на этом портрете, а также идентификация первого портрета позволяют с уверенностью предположить, что здесь изображен сам Вамек Дадиани в молитве перед Богоматерью. Князь облачен в темную мантию, перекрывающую рукава охристой ризы, и параманд. На голове, вероятно, он имел темную высокую шапку. Одежды такого типа стоит интерпретировать как монашеские, что подтверждает сравнение этого портрета с образами князей-монахов, например Саргиса I (Саввы) Джакели и Николая Ласуридзе из монастыря Сапара¹¹. Источники ничего не говорят о факте принятия монашества Вамеком, однако в них упоминается сравнительно небольшой период его княжения (всего 12 лет). Передача титула малолетнему сыну в относительно молодом возрасте на пике политической активности — явление весьма нехарактерное для грузинских князей, и могло быть связано только с исключительными обстоятельствами, например, болезнью или смертью правителя, перед которой принятие монашества как раз было вполне традиционным шагом. Таким образом, данное изображение, несмотря на плохую сохранность, служит источником важной исторической информации, ранее не принимавшейся в расчет при изучении этого придела.

Портрет в западной нише северной стены имеет наихудшую сохранность. Здесь, в правой части, можно различить контуры невысокой фигуры в рост, стоящей фронтально. Левее, видимо, была изображена более крупная фигура. Западная ниша шире остальных: вероятно, здесь был представлен тройной портрет. Над сохранившейся фигурой была расшифрована надпись «сын эристава», что дает возможность предположить, что здесь была изображена жена Вамека (Марех) с сыновьями Георгием и Мамией.

В арочных простенках противоположной, южной, стены были представлены по две фронтально развернутые фигуры в рост с нимбами. Больше информации дает центральная арка, где можно различить некоторые детали. Рука изображенного согнута в локте и держит мученический крест. Левая рука опущена и опирается на меч. Святой облачен в красно-охристый хитон и темно-синий плащ. Вторая фигура читается хуже из-за имеющихся утрат. В западной арке, судя по сохранившимся фрагментам, было аналогичное изображение. Живопись

¹⁰ Новейшее прочтение надписей и атрибуция всех ктиторских портретов в Хоби принадлежат Темо Джоджуа, зам. директора Института истории и этнологии Тбилисского Государственного Университета имени И. Джавахишвили. Еще не опубликованные сведения о результатах своих исследований были мне любезно предоставлены самим автором, за что приношу ему искреннюю благодарность.

¹¹ *Алибегашивили Г.В.* Светский портрет... С. 58; *Гордеев Д.П.* Отчет о поездке в Ахалцхский уезд в 1917 году; росписи в Чуле, Сапаре и Зарзме // *Известия Кавказского Историко-Археологического Института в Тифлисе*. Т. 1. Петроград, 1923. С. 52. Последний портрет находится в маленьком погребальном храме св. Марины и относится к XIV в.

в восточном прясле полностью утрачена. Таким образом, по меньшей мере в двух простенках южной стены находились ростовые изображения святых воинов (рис. 5, 6).

Своды храма поперечно делятся подпружными арками на три равные зоны, каждая из которых содержит по две сцены довольно крупного масштаба. Цикл насчитывает шесть композиций (по три на каждой из сторон свода), начинается с «Распятия» и развивается на север против часовой стрелки, переходя на своды следующей ячейки. Прочтение цикла согласно исторической канве дает следующую последовательность: за Распятием следует «Снятие с Креста», затем «Оплакивание», сцена под условным названием «Христос во гробе» (о ней речь ниже), «Явление Ангела женам мироносицам» (рис. 7) и «Сошествие во ад» (рис. 8).

Программы византийских погребальных церквей характеризуются определенным набором сюжетов, так или иначе связанных с функциональным значением этих зон храма. Следует отметить, что речь идет именно о специальных помещениях, изначально создававшихся, как усыпальницы. Необходимость такого ограничения круга памятников обусловлена некоторой трудностью в определении понятия «погребальный храм». Наличие погребений в храмовом пространстве — явление весьма традиционное, однако их расположение в наосе или даже в нартексе может не влиять на состав программы. Зачастую погребения устраивались в более ранних постройках, имевших на тот момент настенную декорацию. Но даже в случае одновременности захоронения и росписи, устойчивая традиция декорации храмового пространства не позволяла внести существенные изменения в те зоны, где располагалось погребение. В случае же сооружения специальной погребальной капеллы (это может быть как отдельный храм, так и какая-то выделенная зона, например, придел), наличие там соответствующей программы было практически обязательным, что подтверждается большинством сохранившихся примеров росписей подобных помещений. Таким образом, именно эти программы могут быть в полном смысле названы «погребальными». Обобщая данные различных исследований, посвященных этой теме, можно сказать, что декорация погребальных пространств в целом была ориентирована на ключевые с точки зрения догматики темы, относящиеся к Крестной смерти Христа, Его Воскресению и грядущему Суду¹². Непосредственно с темой Суда связано и почти обязательное для таких программ присутствие Деисуса, являвшегося своего рода сокращенным вариантом этой композиции и размещавшегося около погребений уже с XI в.¹³ В остальном, программы варьируют сюжеты в тех же тематических рамках, выделяя различные аспекты в зависимости

¹² *Babić G.* Chapelles annexes des églises byzantines. Fonction liturgique et programme iconographique. P., 1969. P. 162–173; *Dufrenne S.* Les programmes iconographiques des églises byzantines de Mistra. P., 1970. *Emmanuel M.* Funerary iconographic programmes in the chapels of Mistras // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб, 2002. С. 218–229. P. 44–47; *Παπαϊαστωράκης Τ.* Ελιτίμβριες παραστάσεις κατά τη μέση και ύστερη βυζαντινή περίοδο // ΔΧΑΕ. 1996–1997. Τ. 19. Σ. 285–304; *Brooks S.T.* Commemoration of the Dead: Late Byzantine Tomb Decoration (Mid-Thirteenth to Mid-Fifteenth Centuries): Diss. N. Y., 2002. P. 250–251; *Weisbrod U.* Hier liegt der Knecht Gottes...» Gräber in byzantinischen Kirchen und ihr Dekor (11. bis 15. Jahrhundert). Unter besonderer Berücksichtigung der Höhlenkirchen Kappadokiens. Weisbaden, 2003. P. 44–77.

¹³ *Овчарова О.В.* Изобразительное искусство и монастырское богослужение в Византии середины XI — начала XIII веков // Искусство христианского мира, VIII. М., 2004. С. 32–33. Примеч. 75. Там же см. библиографию.

от пожелания заказчика, как то тема Жертвы, ожидания всеобщего воскресения, заступничества Богоматери и святых и т. д. Наиболее устойчивыми элементами, таким образом, являются Распятие, Сошествие во ад, непосредственное изображение Страшного суда, отдельные сцены Страстей, а также другие сюжеты, перекликающиеся с погребальной тематикой (например, видение Иезекииля, евангельские сцены воскресений и др.). В палеологовскую эпоху распространяются также протоевангельские и Богородичные циклы, где ключевой сценой является Успение, зачастую размещаемое непосредственно над погребением¹⁴.

Сохранившиеся росписи кавказских погребальных капелл византийского времени не дают картины каких-либо четко прослеживаемых локальных тенденций в своих программах. Впрочем, крайне малое количество известных примеров не позволяет сделать более четких выводов. Речь идет также лишь об отдельных помещениях — приделах или погребальных храмах. В росписях этих пространств можно наблюдать выделение тех же тематических акцентов, что и в других областях византийского мира¹⁵. Общим атрибутом для этой группы является лишь неизменное присутствие Деисуса, размещавшегося в алтарной части¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что программа хобского придела имеет определенные отличия от существовавшей традиции декорации погребальных пространств как в Византии, так и на территории Кавказа. В первую очередь это относится к наличию развернутого Страстного цикла, никогда, по всей видимости, не использовавшегося в качестве основного в росписях усыпальниц. Другой особенностью рассматриваемого придела является размещение Деисуса на западной стене, нехарактерное, как было отмечено, для программ кавказского региона.

Сцена Распятия, открывающая цикл в Хоби, расположена на южном склоне свода, и отделена, таким образом, от следующих за ней сцен северной стены пролетом восточной арки. Таким образом, на северной стене оказываются Снятие с Креста, Оплакивание и Христос во Гробе. Росписи многих храмов этого времени демонстрируют примеры развития Страстей, начинающихся на северной стене около алтаря и опоясывающих храм по периметру. Перестановка сцен в циклах — явление не уникальное и встречается довольно часто, но, как прави-

¹⁴ Babić G. Chapelles annexes... P. 173; Todić B. Le programme decorative... P. 75–78.

¹⁵ Так, в росписи придела Давида Нарина в Гелати акцентирована тема Суда, представленного крупной многочастной композицией в нартексе. Кроме того, там присутствует и пророческая тема (*Метцашвили Р., Вирсаладзе Т.* Гелати: Архитектура, мозаика, фрески. Тбилиси, 1982. С. 23). В маленьком погребальном храме в Нузале в Осетии вообще отсутствуют евангельские сцены, однако там изображены излюбленные в этом регионе воины-всадники (*Белецкий Д.В.* Заметки о Нузальском храме // Историко-филологический архив. № 2. Владикавказ, 2004. С. 22–57). В Сапара в погребальной капелле св. Марины представлен весьма традиционный набор праздников, включающий Распятие на северной стене, а также изображения пророков и святых (*Гордеев Д.П.* Отчет о поездке... С. 51–56). В северном приделе храма в Кобайре изображен протоевангельский цикл (*Драмлян И.Р.* Фрески Кобайра. Ереван, 1979. С. 10–11).

¹⁶ Использование Деисуса в качестве композиции алтарной конхи вообще характерно для грузинских церквей, в том числе не имеющих ярко выраженной погребальной функции. Об этом см.: *Velmans T.* L'image de Déisis dans les églises de Géorgie et dans celles d'autres régions du monde byzantin. I: la Déisis dans l'abside // *Cahiers Archéologiques.* 1980–1981. Vol. 29. P. 47–102; *Thierry N.* A propos des peintures d'Ayvali Koy (Cappadoce). Les programmes absidaux à trois registres avec Deesis, en Cappadoce et en Georgie // *Зограф.* 1974. Т. 5. Р. 5–22. Библиографию по этой теме см. также в: *Белецкий Д.В.* Заметки о Нузальском храме. С. 35. Примеч. 57.

ло, она не случайна и обусловлена либо архитектурными особенностями храма, либо какими-то смысловыми мотивами, заданными составителями программы. Последним обстоятельством, возможно, объясняется и хобская программа. Размещая сцену Распятия не на своем месте, составитель росписи объединяет на северном склоне сюжеты, непосредственно связанные с темой погребения и оплакивания. Эта идея вполне согласуется с основной функцией храма — поминовением погребенных в нем членов семьи Дадиани, портреты которых находятся именно на северной стене, непосредственно под этими сценами. К сожалению, мы не располагаем данными о том, в каких именно зонах придела находятся захоронения, однако сама программа росписи наталкивает на предположение об их размещении вдоль северной стены. Впрочем, эта версия может быть подтверждена лишь археологическими исследованиями, до сих пор там не проводившимися. В Грузии, в целом, можно проследить определенную тенденцию расположения ктиторских портретов на северной стене наоса, что говорит о возможном предпочтении именно этой стороны для захоронений¹⁷.

Возвращаясь к составу цикла, необходимо отметить, что акцентировка темы погребения Христа и Его пребывания во Гробе встречается не часто и в обычных, не погребальных, программах. Однако в этих случаях тема раскрывается путем соединения распространенных евангельских сюжетов. В хобской капелле она подчеркнута добавлением новой сцены, непосредственно указывающей на тему смерти и ожидания воскресения и представляющей Христа во Гробе (рис. 9). Композиция ее весьма лаконична: обернутое пеленами тело Христа изображено лежащим на плоском основании наподобие ложа. Над ним возвышается испорченный киворий на четырех колонках, под которым подвешены на цепях в ряд пять лампад. По сторонам от кивория и под ним — летящие фигурки пяти ангелов, каждый из которых прикладывает руку к щеке в характерном жесте скорби. Положение тела Христа ориентировано на восток, как бы лицом к алтарю. Само основание, условно назовем его «плита», темно-порфирового цвета, имеет прямоугольную форму и украшено мраморировками, имитирующими рисунок камня. Над сценой присутствует надпись, выполненная белилами. Текст имеет плохую сохранность и его прочтение долгое время не представлялось возможным. Однако в этом году удалось установить его содержание. Выполненная грузинским письмом асомтаврили, надпись читается следующим образом: «*PCJ-LJCTECTC: hCTCTCTC:[.]*» и может быть переведена на русский как «Положение Спеленутого»¹⁸.

Несмотря на кажущуюся простоту и ясность извода, эта сцена не встречается в страстных программах. Традиционно на ее месте в страстных циклах помещается Положение во Гроб, однако оно, как известно, имеет иную иконографию, равно как и присутствующая в Хоби сцена «Оплакивания». Отсутствие дополнительных персонажей придает композиции совершенно особое смысло-

¹⁷ Эта версия носит гипотетический характер. Существуют примеры (хоть и не столь многочисленные) расположения портретов на южной стене наоса. Причины выделения северной части наоса исследователи объясняют различно. Одним из наиболее вероятных, возможно, следует считать предположение Д.В. Белецкого о расположении ктиторских изображений «одесную» престола, т. е. на почетной, правой по отношению к алтарю, стороне храма. (*Белецкий Д.В. Заметки о Нузальском храме. С. 39*).

¹⁸ Прочтение и перевод Темо Джоджуа.

вое звучание: сцена как бы выпадает из исторического евангельского рассказа, и представляет собой своего рода отвлеченное изображение, не связанное напрямую с развитием действия, хотя и соотносящееся с ним. Подобная композиция может быть изъята из цикла и при этом не потеряет своего самостоятельного значения — прием, уникальный для повествовательных евангельских программ.

Среди сохранившихся памятников византийского периода на настоящий момент известна лишь одна прямая параллель этой сцены. Речь идет о фреске жертвенника в соборе св. Николая в Куртя де Арджеш в Румынии¹⁹ (рис. 10). Впервые сходство этих композиционных схем отметил К. Уолтер, однако анализируя позднюю версию этой сцены в Гелати, он, видимо, не знал о существовании аналогичного, но значительно более раннего изображения в Хоби²⁰. Действительно, сцены чрезвычайно похожи, однако в румынской фреске скорбящие ангелы изображены в рост по сторонам от кивория. Кроме того, здесь явно подчеркнут литургический аспект, что выражено в присутствии двух ангелов в дьяконских облачениях с рипидами, а также кадящих ангелов в нижней части сцены. Эта особенность, как и само расположение сюжета (апсида жертвенника), напоминают популярную в этот период композицию «Мелизмос», иконографическая схема которой также очень близка рассматриваемой сцене. Возникнув в конце XII в. в связи с известными литургическими изменениями, она получила широкое распространение по всем византийским территориям вплоть до падения Империи²¹. Не вдаваясь в анализ этого сюжета, достаточно хорошо изученного на настоящий момент, отмечу лишь, что речь идет об изводе композиции, где представлен взрослый Христос, лежащий на престоле. Согласно классификации Х. Константиныди, такое изображение является одним из вариантов типа «*θυόμενος*», и непосредственно связано со страстным аспектом трактовки Проскомидии и самого пространства жертвенника и алтаря, сопоставляемого со Св. Гробом²². Общность иконографической схемы румынской фрески и «Мелизмос» очевидна — это и положение тела Христа, и отсутствие оплакивающих (кроме ангелов) и даже такая деталь, как киворий, присутствующая во многих вариантах этой композиции. В научной литературе, посвященной изучению подобного типа иконографии, схема Куртя де Арджеш (и, тем более, Хоби) либо вообще не рассматривается, либо упоминается в общем контексте развития типа Мелизмос, где данный вариант представляет собой лишь его частный случай²³.

Явное сходство означенных иконографических схем может привести к неверному, на мой взгляд, выводу об общности смысла этих композиций. Сцена «Ме-

¹⁹ *Tafrafi O.* Monuments byzantins de Curtea de Argeş. P., 1931. P. 91–94. Pl. 40; *Barbu D.* Pittura murală din Țara Românească în secolul al XIV-lea. Bucureşti, 1986. P. 39–42, 53–54. Pl. 25; *Dumitrescu A.* Une nouvelle datation des peintures murales de Courtea de Argeş. Origine de leur iconographie // *Cachiers archéologiques*. 1988. Vol. 36. P. 149–150. Датировка этих росписей спорна. Есть мнение, что они выполнены на рубеже XIV–XV вв. (*Dumitrescu A.* Une nouvelle datation... P. 135–158).

²⁰ *Walter Ch.* The Dead Christ on the Altar at Gelati, Georgia // *Зораф*. 1997. Т. 26. P. 139–142.

²¹ *Κωνσταντινίδη Χ.* Ο Μελισμός. Θεσσαλονίκη, 2008. Там же см. библиографию: С. 260–263.

²² *Ibid.* P. 97–102, n. 100; 248–249, кат. 173–218.

²³ *Iliopoulou-Rogan D.* Sur une fresque de la période des Paléologues // *Byz.* 1971. Т. 41. P. 109–12; *Todić B.* Le programme decorative... P. 75. Уолтер ссылается на неопубликованную диссертацию Х. Константиныди 1991 г., где также упоминается румынская фреска (*Walter Ch.* The Dead Christ... P. 141. N. 17). Однако в работе Х. Константиныди 2008 г. (см. примеч. 21) эта композиция не рассматривается.

лизм», возникшая под влиянием евхаристических споров, имеет сугубо литургический характер. Тема Евхаристической Жертвы, Тела Христова, неизменно подчеркивается в ней изображением обнаженной фигуры Христа, имеющего лишь набедренную повязку, либо покрытого воздухом²⁴ (рис. 11). Все известные примеры этой сцены представляют именно такой вариант иконографии, имеющий, как мне видится, принципиальное смысловое значение. Возможно, менее важным, однако существенным аспектом этой композиции также является присутствие в ней святителей, как свидетелей и совершителей Литургии.²⁵ Изображение священных сосудов, часто включавшихся в сцену, также выявляет специфику темы и однозначно представляет основание, на котором возлежит Христос, как престол. Таким образом, все элементы этой композиции работают на выявление вполне самодостаточного и ясного смысла сюжета. В хобской сцене, несмотря на общую композиционную основу, отсутствуют все вышеперечисленные детали, а фреска в Куртя де Арджеш представляет собой некий «переходный» вариант. Наиболее существенным отличием является изображение тела Христа, завернутым в саван, что фактически меняет смысл всей композиции. Такой извод имеет непосредственную связь с темой Страстей, а литургический аспект, разумеется сопутствующий страстной тематике, отходит здесь как бы на второй план.

С точки зрения последовательности евангельского рассказа, этот сюжет соответствует моменту после оплакивания и погребения Христа — Его тридневному пребыванию во Гробе. Таким образом, эта сцена предстает своеобразным изображением Великой Субботы, образом упокоения Христа по плоти во время схождения Его души во ад. Священное Писание упоминает события Великой Субботы лишь в текстах Апостольских посланий, самому же тридневному упокоению посвящены многочисленные тексты богослужения Великой Субботы, обогатившегося новыми песнопениями и вообще усилившего свое значение в XIII–XIV вв. в связи с принятием Иерусалимского устава²⁶. В наибольшей степени тема раскрывается в припевах так называемых «непорочных» (величаниях, сопровождающих пение 118 псалма), вошедших в богослужение уже в весьма раннее время²⁷, но получивших новое содержание и форму, вероятно, именно в XIV в.²⁸ Тексты этих припевов, посвященных непосредственно погребению и упокоению Христа по плоти, могли оказать некоторое влияние на формирование новых иконографических схем. Можно сказать, что выделение этой темы характерно для всего палеологовского периода, к началу которого относится появление шитых плащаниц, со временем занявших особое место в чине богослужения Великой Пятни-

²⁴ Как отмечает Х. Константииниди, наличие набедренной повязки указывает на страстный оттенок этой композиции, и было непосредственно заимствовано из сцен Оплакивания и Погребения. Кроме того, на формирование этой иконографии, по ее мнению, могли повлиять распространившиеся с конца XIII в. шитые плащаницы, представляющие Христа именно в набедренной повязке (*Κωνσταντινίδη Χ. Ο Μελέριος*. Σ. 95–97).

²⁵ В данном случае я имею в виду наиболее полный и распространенный в XIV в. вариант этой иконографии, хотя существуют «сокращенные» композиции без святителей (*Κωνσταντινίδη Χ. Ο Μελέριος*. Σ. 125–132. Πίν. 41).

²⁶ Желтов М.С., Таценко А.А. Великая Суббота // ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 431–443.

²⁷ Древнейший Иадгари / Изд., исслед. и коммент. Е.П. Метревели, Ц.А. Чанкиевой и Л.М. Хевсуриани. Тбилиси, 1980. С. 206.

²⁸ Лукашевич А.А. Величание // ПЭ. Т. 7. С. 529–531. Благодарю также иерея Михаила Желтова за консультацию.

цы²⁹. Впрочем, изменения в гимнографии и литургической практике происходили, как известно, на фоне общего усиления дидактических тенденций в XIV в., приведших к значительному расширению иконографических программ, в том числе страстных циклов, обогащающихся многочисленными новыми сюжетами.

Таким образом, в сцене в Хоби и Куртя де Арджеш фактически в готовом виде заимствована композиционная схема «Мелизмос», однако она подверглась изменениям в соответствии с новой смысловой задачей и получила соединение с элементами Оплакивания (скорбящие ангелы). Тот факт, что в Куртя де Арджеш эта сцена находится в жертвеннике, определенно подчеркивает связь этих композиций, но в хобской капелле она уже имеет совершенно иное значение. Как было отмечено, цикл имеет нарушение в расположении сцен. Размещение Распятия на северной стороне свода неизбежно сдвигало бы композицию с погребенным Христом на южный свод. Однако мастеру важно было сохранить за ней свое место — в северо-западном углу. Присутствие этой сцены непосредственно над местом захоронения, придает особый оттенок всей программе погребальной капеллы, и приводит зрителя к осмыслению темы смерти как временного упокоения души в ожидании всеобщего воскресения, примером и предвозвестником которого был сам Христос, «субботствовавший плотию» во Гробе. Само погребение, и капелла в целом, таким образом, становится как бы аллюзией на Гроб Господень, что выделяет программу хобского придела в ряду других погребальных фресковых ансамблей.

Идея осмысления поминального пространства, как образа Гроба Господня сама по себе не нова для византийского мира. Значительно раньше, в XII в., она получила преломление в оформлении так называемого геройона монастыря Пантократора в Константинополе (рис. 12). Этот двухкупольный храм, посвященный Архангелу Михаилу, являлся, как известно, императорской усыпальницей Комнинов³⁰. В типиконе обители 1136 г. упоминается его декорация, содержавшая некое изображение Гроба Господня, наряду с Распятием, Воскресением и Явлением Марии³¹. К сожалению, типикон не описывает эти изображения, ограничиваясь лишь их упоминанием. На этот счет существуют различные предположения³², однако наиболее вероятным, видимо, следует признать версию Р. Остерхута, рассматривающего эти сюжеты, как настенную декорацию³³. Сопоставив текст типикона и интерьер храма, можно сделать вывод о том, что изображение Гроба на-

²⁹ Ćurčić S. Late Byzantine *Loca Sancta*? Some Questions Regarding the Form and Function of Epitaphioi // The Twilight of Byzantium: Aspects of Cultural and Religious History in the Late Bizantine Empire. Princeton, 1991. P. 251–261; Johnstone P. The Byzantine Tradition in Church Embroidery. L., 1967. P. 26.

³⁰ Ousterhout R. Architecture, Art and Komnenian Ideology at the Pantokrator Monastery // Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 133–150.

³¹ Pantokrator: Typikon of Emperor John II Komnenos for the Monastery of Christ *Pantokrator* in Constantinople / Translator Robert Jordan // Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. by J. Thomas and A. Constantinides Hero with the assistance of G. Constable. Washington, 2000 [Dumbarton Oaks Studies, XXXV]. P. 754; Hergés A. Le monastère du Pantocrator à Constantinople // EO. 1898–1899. T. 2. P. 75.

³² Вплоть до наличия там некоей имитации св. Гроба по гипотезе Г. Бабич (*Babić G. Chapelles annexes...* P. 162). Вероятно, эта версия возникла вследствие неверного перевода слова *ἀψίδα*, означающего в данном случае свод, а не апсиду.

³³ Ousterhout R. Architecture, Art and Komnenian Ideology... P. 148. Впрочем, Р. Остерхут говорит о

ходило, скорее всего, на западной стене³⁴, вдоль которой размещались императорские погребения³⁵. Разумеется, этот пример не рассматривается мною, как прямой аналог хобской программы, однако факт соотнесенности изображений, иллюстрирующих тему смерти и Воскресения Христа, с топографией погребений здесь очевиден и не раз отмечался исследователями³⁶. Кроме того, это изображение было не единственным напоминанием о Св. Гробе в комниновском мавзолее, где находился также некий артефакт, почитавшийся, как камень Помазания³⁷. Никита Хониат описывает эту реликвию, как каменную плиту красного цвета размером с человеческий рост, на которой «Христос по снятии с Креста был повит плащаницей и умащен смирной»³⁸. Камень, от которого в настоящее время сохранился след в полу, размещался в непосредственной близости от гробницы самого Мануила Комнина и был объединен с ней единым мозаическим напольным узором³⁹. Р. Остерхут отмечает намеренное сопоставление почившего императора с Христом, что подтверждается также надписью на основании этого камня, где скорбь святой Жены на телем Христа сравнивается с плачем императрицы по ее умершему мужу⁴⁰. Р. Остерхут также проводит аналогию решения пространства усыпальницы с геройоном Гроба Господня в Иерусалиме, бывшем в тот период под активным комниновским патронатом⁴¹. Монастырь Пантократора не утратил свои погребальные функции и в поздневизантийский период. После освобождения империи от крестоносного завоевания здесь возобновились императорские погребения⁴². К началу XV в. источники отмечают там наличие не менее восьми важных захоронений, в том числе членов императорской семьи⁴³. Камень помазания также присутствовал там вплоть до падения Константинополя и даже в более позднее время. Таким образом, к этому периоду традиция восприятия мавзолея как аллюзии на Гроб Господень не потеряла своей актуальности. Примером подобного сопоставления является, возможно, часовня-усыпальница в Мцхетском соборе Светицховели, служившем местом погребения грузинских царей (рис. 13). Здесь имитация кувуклии расположена в западной части южного нефа, где также

композиции «Явление ангела женам мироносицам у Гроба», в то время, как в тексте Типикона упоминается отдельно св. Гроб и явление Марии Магдалине.

³⁴ А Распятие и Воскресение — в люнетах над проходами в северный и южный храмы. Изображения на стенах могли располагаться здесь только в западной части храма и в куполах (в восточном подкупольном пространстве для них просто не было места).

³⁵ *Ousterhout R. Architecture, Art and Komnenian Ideology...* P. 148.

³⁶ *Ibid.* P. 148–149; *Babić G. Chapelles annexes...* P. 162–163.

³⁷ Эта реликвия, происходившая из Ефеса, хранилась в Фаросской церкви, а затем была перенесена в монастырь Пантократора сразу после сооружения гробницы Мануила I Комнина. *Ousterhout R. Architecture, Art and Komnenian Ideology...* P. 149; *Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. III: Les églises et les monastères.* P., 1969. P. 516; *Megaw A.H.S. Notes on recent work of the Byzantine Institute in Istanbul // DOP. 1963. Vol. 17. P. 342.*

³⁸ Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1 (1118–1185) / Пер. под ред. В.И. Долоцкого. СПб, 1860. С. 288.

³⁹ Камень находился под аркой, в проходе между северным и главным храмом, в то время как гробница Мануила I, по предположению Р. Остерхута, была в центре западного подкупольного квадрата. *Ousterhout R. Architecture, Art and Komnenian Ideology...* P. 135. Fig. 1, 6; *Megaw A.H.S. Notes on recent work...* P. 341–342. Fig. D.

⁴⁰ *Ousterhout R. Architecture, Art and Komnenian Ideology...* P. 149.

⁴¹ *Ibid.* P. 150.

⁴² *Janin R. La géographie ecclésiastique...* P. 517.

⁴³ *Ibid.*

часто размещались захоронения⁴⁴. Стоит отметить, что погребальные капеллы, имитирующие Гроб Господень, были крайне редки для византийского мира, однако в западной традиции они получили большое распространение уже с IX в.⁴⁵

Возвращаясь к приделу в Хоби, необходимо напомнить, что расписывавший его художник был связан с константинопольской артелью, работавшей в Цаленджихе. Декорация в Хоби обнаруживает прямые заимствования из этой росписи, как в иконографии сцен, так и в самом стиле живописи. Учитывая общего заказчика и временную близость обоих фресковых ансамблей — они созданы с разницей буквально в несколько лет — можно предполагать, что один из мастеров основной артели продолжил работу на Вамека Дадияни, расписав его княжескую усыпальницу. Мингрелия (или Одиши) в тот период была самостоятельной территорией, в значительной степени независимой от центральной власти. Правители Мингрелии, князья Дадияни, сами неоднократно упоминаемые в источниках как «цари», были известны своими политическими амбициями⁴⁶. В одном из арабских текстов XIV в. они фигурируют даже как вторые по значимости правители Грузии⁴⁷. Вамек Дадияни, победоносный завоеватель части Абхазских территорий, «царь Мингрелии и Абхазии»⁴⁸, пошел дальше своих предшественников, чеканив в Цхуме собственную монету⁴⁹. Не удивительно, что для украшения своих храмов он пригласил лучших, в рамках своих возможностей, мастеров из византийской столицы.

Заказ усыпальниц при жизни князей был весьма распространенным явлением, однако учитывая, что на портрете в Хоби Вамек изображен в монашеских одеждах, можно сделать вывод о том, что создание этого ансамбля было не просто данью традиции. Предстоящая кончина князя, вытекающая из факта раннего принятия им монашества, могла послужить непосредственной причиной сооружение этого придела. Специфическая программа росписи придела, включавшая сцену с Христом во Гробе, таким образом, предстает в особом свете, как этап подготовки своей души к смерти и переходу в иной мир.

К сожалению, другие средневековые примеры изображения сцены «Положение Спеленутого», видимо, не сохранились, но сам факт присутствия этого

⁴⁴ Натроев А. Мцхет и его собор Свэти-Цховели. Историко-археологическое описание. Тифлис, 1900. С. 184. Символическое значение этой часовни как имитации Кувуклии не подтверждено источниками. Кстати, в самом сооружении также расположены погребения (сведения любезно предоставлены Д. Хоштария).

⁴⁵ Беляев Л.А. Гроб Господень // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 136–144. Там же см. библиографию.

⁴⁶ Анчабадзе З. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 239; Тамарашвили М. История католичества среди грузин. Тбилиси, 1902. С. 595–596 (на груз. яз.).

⁴⁷ В тексте Ал-Мухибби (не позже 1360 г.) упоминаются даже два «царя» Грузии: один в Тифлисе (Давид IX) и другой — Дадияни, владевший городами на берегу «Крымского моря» (Сведения арабских историков XIV–XV вв. о Грузии / Перевод и предисловие Д. Гочалейшвили. Тбилиси, 1988. С. 53).

⁴⁸ Таким титулом именовались князья рода Дадияни в XIV–XV вв. (Джавахишвили И. История Грузии. Т. 1. Тбилиси, 1958. С. 304; Он же. История грузинского народа. Т. 4. Тбилиси, 1967. С. 65; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. М., 1933. С. 114. Примеч. 31; Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси, 1989. С. 46).

⁴⁹ Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. М., 1955. С. 97–98; Дундуа Г. Монета Вамеха Дадияни (1384–1396 гг.) и «цхумури тетри» // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Международная научная конференция. Тбилиси, 2011. С. 116–118.

сюжета в столь удаленных друг от друга точках византийского мира, Грузии и Румынии, говорит о существовании некоего прототипа. Оба эти памятника в данный период имели прямые связи с Константинополем, и могли отразить тенденции, бытовавшие в искусстве столичного круга, однако не получившие широкого распространения или просто не дошедшие до наших дней.

Необходимо также отметить, что рассматриваемый сюжет, столь редко встречающийся в живописи XIV в., получает неожиданное распространение в более поздний период. Сохранившиеся грузинские памятники дают как минимум три примера этой иконографии поствизантийского времени в настенной живописи: в наосе главного храма в Хоби (XVII в.), в алтаре Гелатского собора (XVI в.)⁵⁰ и в церкви Архангелов в Бугеули (горная Рача, XVI в.)⁵¹. Кроме того, эта сцена изображена на «сионе» в основании выносного креста 1565 г. в. из собрания Национального музея Грузии⁵². Эти изображения довольно точно повторяют извод XIV в., однако частично сохранившаяся греческая надпись в Хоби отличается от прототипа⁵³. Вероятно, к моменту создания этой композиции, надпись в приделе Вамека уже была трудночитаема. Скорее всего, все грузинские примеры этой сцены восходят к образцу в Хоби. Впрочем, в провинциальном рачинском храме в этой сцене, расположенной в страстном цикле наоса, изображены святители, как в «Мелизмос», а также там отсутствует киворий.

Кроме того, вероятно в XV в. возникает еще один извод той же композиции, основанный на тексте 2 тропаря 1 песни канона Великой Субботы: «ὄνω σε ἐν θρόνῳ καὶ κάτω ἐν τάφῳ»⁵⁴. Несколько таких изображений находятся на Афоне: например, в параклисе св. Георгия монастыря св. Павла 1425 г. (рис. 14) и в монастыре Дионисиат (ок. 1547 г.)⁵⁵. Характерно, что этот вариант уже никак не связан с иконографической схемой Мелизмос, представляя пророков со свитками и спеленутого Христа, лежащего внутри саркофага, на фоне скалистого пейзажа с небесным сегментом. Впрочем, сцена в обоих храмах находится в жертвеннике, что говорит о ее традиционной смысловой нагрузке. Возможно, в данном случае можно говорить о формировании некоей локальной иконографической традиции.

СВЕРДЛОВА Софья Владимировна

Научный сотрудник

Государственная Третьяковская Галерея

Лаврушинский переулок, д. 10

119017 Москва

Электронная почта: s_sverdlova@mail.ru

⁵⁰ *Walter Ch. The Dead Christ...* P. 139–142.

⁵¹ *Racha. Heritage Destroyed in the 1991 Earthquake.* Tbilisi, 2008. P. 110–111.

⁵² *Чубинашвили Г.* Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959. С. 88, 628, 532. Ил. 535. *Medieval Georgian Ecclesiastical Art in The Georgian National Museum.* Tbilisi, 2012. P. 123.

⁵³ Сохранилось лишь первое слово: «ο αγιος».

⁵⁴ В церковно-славянском переводе: «Горе на престоле и долу во Гробе».

⁵⁵ *Τερὰ Μονῆ τοῦ Ἀγίου Διονυσίου. Τοιογραφίαι τοῦ Καθολικοῦ.* Ἄγιον Ὅρος, 2003. Σ. 155. Аналогичные композиции присутствуют в росписях и других монастырей Афона, в частности в Кутлумуше (1540 г.) и Дохиаре (1568 г.): *Никольский Л.Д.* Афонские стенописцы. Их технические приемы и образцы работ // *Иконописный сборник.* Вып. II, СПб., 1908. С. 80–81. Л.Д. Никольский отмечает, что эта сцена встречается в «более древних стенописях Св. Горы», однако не приводит примеров.

Sofya SVERDLOVA

THE PAINTING PROGRAM OF THE VAMEK DADIANI'S CHAPEL IN KHOBI

Abstract: The article is dedicated to the study of the program and iconography of some scenes in the chapel of Vamek Dadiani in Khobi (the end of the 14th c.). The analysis of the donator's image gives an additional information about the ktetor's personality. The specific of the program is explained by the funeral function of the chapel. The main focus of painting gives the scene depicting Christ lying in the Tomb, rarely found in Byzantine art. The presence of this scene supposes author's acquaintance with a wide range of paintings outside Georgia.

Keywords: Byzantine painting, Georgian medieval art, iconography.

Literature Cited

- ALIBEGASHVILI, G.V. *Светский портрет в грузинской средневековой монументальной живописи*. Tbilisi 1979.
- ANCHABADZE, Z. *Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)*. Sukhumi 1959.
- BABIĆ, G. *Chapelles annexes des églises byzantines. Fonction liturgique et programme iconographique*. Paris 1969.
- BARBU, D. *Pittura murală din Țara Românească în secolul al XIV-lea*. București 1986.
- BELETSKIY, D.V. "Заметки о Нузальском храме." In *Историко-филологический архив 2*. Vladikavkaz 2004.
- BELIAEV, L.A. "Гроб Господень." In *Православная энциклопедия*. Vol. 13. Moscow 2006.
- BERADZE, T.N. *Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии*. Tbilisi 1989.
- BROOKS, S.T. *Commemoration of the Dead: Late Byzantine Tomb Decoration (Mid-Thirteenth to Mid-Fifteenth Centuries)*. Diss. New York 2002.
- CHUBINASHVILI, G. *Грузинское чеканное искусство*. Tbilisi 1959.
- ČURČIĆ, S. Late Byzantine Loca Sancta? Some Questions Regarding the Form and Function of Epitaphioi." In *The Twilight of Byzantium: Aspects of Cultural and Religious History in the Late Bizantine Empire*. Princeton 1991.
- DRAMPYAN, I.R. *Фрески Кобайра*. Yerevan 1979.
- DUFRENNE, S. *Les programmes iconographiques des églises byzantines de Mistra*. Paris 1970.
- DUMITRESCU, A. "Une nouvelle datation des peinture murale de Courtea de Argeș. Origine de leur iconographie." *Cachiers archéologiques* 36 (1988).
- DUNDUA, G. "Монета Вамеха Дадияни (1384–1396 гг.) и «цхумури тетри»." In *Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Международная научная конференция*. Tbilisi 2011.
- DZHAVAKHISHVILI, I. *История Грузии*. Vol. 1. Tbilisi 1958.

- DZHAVAKHISHVILI, I. *История грузинского народа*. Vol. 4. Tbilisi 1967.
- EMMANUEL, M. "Funerary iconographic programmes in the chapels of Mistras." In *Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура*. St. Petersburg 2002.
- GOCHALEYSHVILI, D., transl. and intr. *Сведения арабских историков XIV–XV вв. о Грузии*. Tbilisi 1988.
- GORDEEV, D.P. "Отчет о поездке в Ахалцихский уезд в 1917 году; росписи в Чуле, Сапаре и Зарзме." In *Известия Кавказского Историко-Археологического Института в Тифлисе*. Vol. 1. Petrograd 1923.
- HERGÉ, A. "Le monastère du Pantocrator à Constantinople." *Échos d'Orient* 2 (1898–1899).
- ILIOPOULO-ROGAN, D. "Sur une fresque de la période des Paléologues." *Byzantion* 41 (1971).
- JANIN, R. *La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. III: Les églises et les monasteries*. Paris 1969.
- JOHNSTONE, P. *The Byzantine Tradition in Church Embroidery*. London 1967.
- JORDAN, R., trans. "Pantokrator: Typikon of Emperor John II Komnenos for the Monastery of Christ Pantokrator in Constantinople." In *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*. Ed. by J. Thomas and A. Constantinides Hero with the assistance of G. Constable [Dumbarton Oaks Studies, XXXV]. Washington 2000.
- KAPANADZE, D.G. *Грузинская нумизматика*. Moscow 1955.
- KŌNSTANTINIDĒS, X. *Ο Μελισμός*. Thessaloniki 2008.
- LORDKIPANIDZE, I.G. "Роспись придела Вамека Дадияни в Хоби." In *Средневековое искусство. Русь, Грузия*. Moscow 1978.
- LORDKIPANIDZE, I.G. *Роспись в Цаленджиха. Художник Кир Мануил Евгеникос и его место в грузинской средневековой монументальной живописи*. Tbilisi 1992.
- LORDKIPANIDZE, I.G. "Murals of the Vamek Dadiani's Annex in Khobi" (in Georgian). *Georgian Antiquities*. 14. Tbilisi 2010.
- LUKASHEVICH, A.A. "Величание." In *Православная энциклопедия*. Vol. 7. *Medieval Georgian Ecclesiastical Art in The Georgian National Museum*. Tbilisi 2012.
- MEGAW, A.H.S. "Notes on recent work of the Byzantine Institute in Istanbul." *Dumbarton Oaks Papers* 17 (1963).
- MERISASHVILI, R., and VIRSALADZE, T. *Гелати. Архитектура, мозаика, фрески*. Tbilisi 1982.
- METREVELI, E.P., CHANKIEVA, Ts.A., and KHEVSURIANI, L.M., eds. *Древнейший Иадгари*. Tbilisi 1980.
- NATROEV, A. *Мухет и его собор Свэти-Цховели. Историко-археологическое описание*. Tbilisi 1900.
- Niketas Choniates. *Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина*. Т. 1 (1118–1185) / Ed. by V.I. DOLOTSKIY. St. Petersburg 1860.
- NIKOL'SKIY, L.D. "Афонские стенописцы. Их технические приемы и образцы работ." In *Иконописный сборник*. Issue 2. St. Petersburg 1908.
- OUSTERHOUT, R. "Architecture, Art and Komnenian Ideology at the Pantokrator Monastery." In *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*. Leiden; Köln 2001.
- OVSCHAROVA, O.V. "Изобразительное искусство и монастырское богослужение в Византии середины XI — начала XIII веков." In *Искусство христианского мира VIII*. Moscow 2004.
- ΠΑΡΑΜΑΣΤΟΡΑΚΗΣ, Τ. "Επιτύμβιες παραστάσεις κατά τη μέση και ύστερη βυζαντινή περίοδο." *Δέλτιον τῆς Χριστιανικῆς Αρχαιολογικῆς Ἑταιρείας* 19 (1996–1997).
- TAFRALI, O. *Monuments byzantins de Curtea de Arges*. Paris 1931.
- TAMARASHVILI, M. *The History of Catholicism among Georgians* (in Georgian). Tbilisi 1902.

- THIERRY, N. "A propos des peintures d'Ayvali Koy (Cappadoce). Les programmes absidaux à trois registres avec Deesis, en Cappadoce et en Georgie." *Зораф* 5 (1974).
- TODIČ, B. "Le programme decorative des fresques dans le chapelle de Vamek Dadiani á Khobi et ses paralleles byzantine." *Зораф* 20 (1989).
- VELMANS, T. "L'image de Déisis dans les églises de Géorgie et dans celles d'autres régions du monde byzantin. I: la Déisis dans l'abside." *Cahiers Archéologiques* 29 (1980–1981).
- WALTER, Sh. "The Dead Christ on the Altar at Gelati, Georgia." *Зораф* 26 (1997).
- WEIBROD, U. *Hier liegt der Knecht Gottes...» Gräber in byzantinischen Kirchen und ihr Dekor (11. bis 15. Jahrhundert). Unter besonderer Berücksichtigung der Höhlenkirchen Kapadokiens.* Weisbaden 2003.
- ZEVAKIN, E.S., and PENCHKO, N.A. *Очерки по истории геноуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв.* Moscow 1933.
- ZHELTOV, M.S., and TKACHENKO, A.A. "Великая Суббота." In *Православная энциклопедия*. Vol. 7. Moscow 2004.
- Vakhushti Bagrationi. *История царства грузинского.* Transl. by N.T. NAKHASHIDZE. Tbilisi 1976.
- Τερὰ Μονή τοῦ Ἁγίου Διονυσίου. Τοιχογραφίες τοῦ Καθολικοῦ.* Hagion Oros 2003.

Sofya SVERDLOVA

Researcher

State Tretyakov Gallery

Lavrushinskiy pereulok, 10

119017 Moscow

e-mail: s_sverdlova@mail.ru

Острогорский Г.А. История византийского государства / Пер. с нем.: М.В. Грацианский. Ред.: П.В. Кузенков. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 895 с.

Не всякий перевод даже какого-то классического труда на иной язык заслуживает рецензии. Пожалуй, чаще хочется писать не энкомий труды переводчика и редактора, а гневный псогос, видя многочисленные погрешности при транслитерации и переводе терминов и имен собственных¹. К счастью, рецензируемая книга совсем иного свойства. Конечно, все мы давно и с нетерпением ждали публикации на русском языке знаменитой «Истории» Г.А. Острогорского (1902–1976), выдающегося византиниста русского происхождения, обретшего признание на земле Югославии. Заслуженную славу принесла ему, питомцу Гейдельбергского университета, книга, впервые изданная на немецком языке в 1940 г., затем неоднократно перерабатывавшаяся и публиковавшаяся на английском, французском, итальянском, турецком, новогреческом, сербском, венгерском, словенском, польском и украинском языках. Переводчик взял за основу итоговое третье немецкое издание 1963 г., но учел и авторскую работу с более поздними изданиями, включая классическое английское 1969 г. Наконец, с большим запозданием, искупаемым только качеством, мы обрели русский перевод. Скажу сразу, что он, безусловно, полезен и необходим не только студентам-гуманитариям и всем интересующимся византийской историей, но и специалистам в этой области, давно и без труда читавшим это сочинение на любом из доступных иностранных языков.

Книга, завершенная 50 лет назад, разумеется, не может отражать достигнутый ныне уровень византиноведческой науки. Многие положения уточнены, открыты или опубликованы в современных критических изданиях важные источники, факты верифицированы, объем информации возрос кратно. Но к чести Острогорского, уровень синтеза, представленный в его «Истории», остался непревзойденным. При всем уважении к другим авторам «Византийских историй», по моему мнению, только советская трехтомная «История Византии»² близка к нему по уровню и масштабности. Но это коллективный труд. Как же сопячь панорамность охвата у Острогорского с коррективами, внесенными за эти годы? Издатели отказались от полномасштабного комментирования и пошли по иному пути. Они тактично снабдили текст немногими необходимыми примечаниями переводчика, помещенными в сноски, и приложили к книге обширную и выверенную библиографическую сводку изданий последних лет, а также список публикаций Г.А. Острогорского, отражающий все стороны его научной деятельности. В генеалогические таблицы и списки правите-

¹ Чтoб не быть голословным, укажу только на один пример перевода книги, вышедшей в том же 2011 г.: *Каплан Мишель*. Византия / Пер. с франц. А.Н. Степанова. М.: «Вече», 2011. После именованiя Иоанна Куркуаса Куркуем (с. 28), Феодора Ласкариса Ласкарием (с. 38–39), Никифора Вотаниата Ботаниатом (с. 62), Арефы Кесарийского Арефием (с. 389), Киликии Силицией (с. 70), «Василик» «Базиликами» (с. 57) становится жаль трат Национального центра книги Министерства культуры Франции, осуществившего поддержку издания, но не озаботившегося подысканием научного редактора. Для перевода таких текстов хорошего переводчика «широкого профиля», увы, недостаточно! И беда, если добротные книги будут калечить непрофессионализмом.

² История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 1–3. М., 1967.

лей внесены необходимые и значительные уточнения³. Указатель стал не только именным, но и предметно-тематическим, что заметно облегчает работу с книгой.

В библиографический очерк включен обзор основных периодических изданий по странам, книжные серии, справочники, своды публикаций и регест источников, обобщающие и тематические работы. Библиография хорошо подобрана и отражает состояние науки. Предложим лишь несколько небольших дополнений и уточнений, в основном касающихся периодики новых школ византиноведения. Основным органом украинской византистики с 2011 г. стал издаваемый в Харькове сборник «Нартекс», турецкой — публикуемый в Анкаре с 2011 г. журнал «Gamer». Упомянутый итальянский журнал «Rivista di bizantinistica» с 1999 г. именуется «Bizantinistica. Rivista di studi bizantini e slavi».

Возможно, на нынешнем этапе развития византиноведения большего внимания заслуживают электронные ресурсы, как публикации, так и базы данных. Но их так много, включая чисто учебные, а то и просто дилетантские, что всякий отбор может вызывать критику.

В большой и содержательной публикации неминуемы небольшие погрешности. Во вступительной статье, например, утверждается, что Острогорский был награжден югославским орденом Демократии (с. 8). Такого ордена в СФРЮ и тем более в королевстве Югославии не было. Видимо, имеется в виду орден Республики.

Правильнее транскрибировать имя Berger de Xivrey как Ксиврей, а не Ксивре (с. 36), Лорана точнее называть Витальен, а не Виталиан (с. 50, примеч. 2). Но эти мелочи только оттеняют выверенность и безупречность перевода тысяч имен и терминов. Издателей и переводчика этой книги можно поздравить с успехом, а нас — с публикацией классического труда Г.А. Острогорского на хорошем русском языке.

С.П. Карпов

КАРПОВ Сергей Павлович

Академик РАН, доктор исторических наук,
профессор

Декан исторического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119992 Москва

Электронная почта: karpov@hist.msu.ru

Sergey KARPOV

Full Member of the Russian Academy of
Sciences, Professor

Dean of the Faculty of History

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovsky prospect, 27-4

119992 Moscow

e-mail: karpov@hist.msu.ru

Feissel D. Documents, droit, diplomatique de l'Empire romain tardif. Paris: Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2010 [Bilans de Recherche, 7]. XIV + 594 p.

С 2006 г. старейшие члены парижского Центра изучения истории и цивилизации Византии обладают возможностью переиздавать свои публикации прошлых лет в специально созданной для этого серии «Итоги исследования». В 2010 г. такую возможность получил известный французский византист Дени Фессель, признанный специалист в области греческой христианской и византийской эпиграфики и административной истории позднеримского Востока. Правда, сам автор в предисловии к данному изданию

³ К примеру, отсутствующие в прежних изданиях списки титулярных латинских императоров Византии, трапезундских императоров, иранских Сасанидов. К сожалению, однако, выпали списки греческих правителей Мореи и патриархов Константинопольских.

говорит лишь о предварительных итогах своей научной деятельности (р. III), тем самым подтверждая надежды коллег на появление новых, не менее замечательных, чем опубликованные прежде, работ¹.

Последние оказались представлены в рассматриваемом издании статьями и докладами, отобранными автором из более чем ста публикаций, вышедших из-под его пера за 25-летний период с 1985 по 2009 гг. Двадцать две статьи сгруппированы в сборнике по пяти большим тематическим разделам: 1) пролегомены; 2) императорские постановления III, IV и VI веков; 3) петиции к императорам; 4) акты префектов претория; 5) хронология и палеография. Все материалы в разделах, за исключением первого, размещены в хронологическом порядке. Текст переизданных публикаций существенных изменений при воспроизведении не претерпел (р. IV).

Первый раздел включает в себя три статьи. Во «Вступительном докладе» (р. 1–16) говорится о хронологических и географических понятиях, о своеобразии рассматриваемого периода, характеризуются дошедшие до нас документы. Вторая статья, «Эпиграфика и императорские конституции: виды правовых публикаций в Византии» (р. 17–42), открывается очерком развития византийской правовой эпиграфики. Отмечая, что нормативный акт в полном соответствии со своей публичной сущностью предназначен для широкого распространения, автор останавливается на соотношении письменной и устной форм обнародования византийских конституций и делает вывод о том, что письменный документ имел тогда преимущество перед устным словом. Из этого, впрочем, вовсе не следует, что изначально написанный документ распространялся исключительно в графической форме, а также, если речь идет о его рукописной копии, что оригинал был изначально опубликован: публикация была всего лишь одним из видов передачи правовой информации. Устное провозглашение императорских постановлений не засвидетельствовано документально, но исключать возможность трансляции такого рода нельзя; известно, что в управленческий штат наместников входили герольды. Писанная версия документа являлась инструментом уведомления, используемым государством в отношении подданных. Большинство императорских постановлений распространялось как в письменной, так и в устной форме, представляя собой в смысле стиля официальные письма, адресованные высшим сановникам, в обязанность которых входило последующее доведение смысла указаний до широкой аудитории.

Далее в этой статье затрагивается эпиграфическая составляющая практики опубликования законов: что следует понимать под эпиграфической публикацией, как различаются рукописный и эпиграфический виды опубликования по внешним признакам и по их конечной цели. После этого Д. Фессель рассказывает о состоянии эпиграфических источников отдельных периодов истории Византии (от Диоклетиана до конца IV в., в V и VI вв., от вторжения арабов до 1204 г., после 1204 г.) и их локализации на территории Империи. Завершается статья очерком о городской топографии правовой эпиграфики. Автор полагает, что только специальное изучение мест, избранных органами власти для обнародования постановлений, позволит понять цели, преследовавшиеся при создании официальных надписей на камне.

Третья статья первого раздела посвящена государственным актам ранневизантийской эпохи, отраженным в эпиграфике (р. 43–70). В ней отмечается заметное количественное преобладание эпиграфического материала общегосударственного уровня по сравнению с актами муниципального и провинциального уровней. Отмечая содержательную разнородность и трудности датировки, автор обосновывает приоритет геогра-

¹ Кстати заметим, что такие публикации уже увидели свет и в том же 2010 г., и в последующие годы. См., например: *Feissel D.* Un fragment palestinien de la constitution d'Anastase sur l'administration militaire du diocese d'Orient // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2010. Bd. 173. S. 125–129; *Feissel D., Gatier P.-L.* Bulletin épigraphique. Syrie, Phénicie, Palestine, Arabie // *Revue des Études grecques*. 2010. T. 123. P. 850–863.

фического принципа классификации актов над хронологическим принципом. Применение такого подхода разрешает проблему неравномерности распределения надписей по городам и диоцезам.

Составленный автором перечень вырезанных на камне постановлений не ограничивается одними императорскими конституциями (таковых приводится 62 наименования). Он включает также акты столичных ведомств и оффикиев правителей провинций (их 45). Коснулся автор и разнообразия форм однотипных по происхождению документов. Преобладающим в эпиграфике видом документов назван рескрипт.

Статьи второго раздела сгруппированы по трем столетиям. Три публикации касаются III в.: в первой из них — «Привилегии Байтокайке: замечания по поводу рескрипта Валериана и колофона этого документа» (р. 71–84) — разбирается большой перечень привилегий храма Байтокайке в Финикии, уточняются дата и перевод колофона; вторая — «Императорский рескрипт и посвящение согласно надписи из гимнасия Саламина» (р. 85–100) — предлагает анализ данного нарративного источника и выдвигает предположение о том, что гимнасий на Саламине использовался для обнародования официальных постановлений, подобно тому, как это делалось в Александрии; наконец, третья — «Рескрипт Валериана из Апеллы (I. Smutna, 604) по неизданной копии Джона Коувела» (р. 101–116) — представляет собой, по сути дела, первую публикацию надписи и источниковедческие замечания к ней.

Материалы по IV в. открываются большой статьей «Известные из эпиграфики конституции тетрархов: перечень и критические замечания» (р. 117–154). В ней автор отмечает весьма значительное распространение в период первой тетрархии эпиграфических факсимиле императорских конституций. Резкое увеличение количества копий законодательных актов связывается с тем новым для Империи обстоятельством, что законы общего содержания, адресованные массовой аудитории, начинают численно преобладать над рескриптами. Еще одно новшество, не оставшееся незамеченным Дени Фесселем, — это преобладание латыни (даже в документах восточного происхождения). Эпиграфика конституций тетрархов признается им неравномерно изученной областью, в которой он желал бы видеть издания не только «голого» текста. Поэтому, оговаривается автор, было бы преждевременно публиковать в форме сборника надписи, издание которых требует еще много предварительной научной работы. Именно в качестве такого рода подготовок он предлагает аннотированный список конституций и останавливается на отдельных аспектах анализа длинного ряда документов.

Следующая статья развивает предложение исследователя по углублению эпиграфического анализа и рассматривает две конституции тетрархов, которые сохранились среди надписей из Эфеса: эдикт Констанция Хлора и Галерия в отношении *caesariani* (305/306) и фрагмент эфесского экземпляра эдикта *De accusationibus* (р. 155–184). Далее следует публикация надписи из города Орциста во Фригии: *adnotatio* Константина (р. 185–204). Поскольку надпись текстуально разделена на четыре части, то перед ученым встает проблема уточнения характера каждой из частей. Непосредственно перед публикацией текста надписи Дени Фессель сравнивает две версии *adnotatio*, а в заключении останавливается на вопросе о датировке и предлагает идентифицировать надпись из Орцисты как пример создания императорских рескриптов на основе прошений.

Серия документов, относящихся к IV столетию, завершается конституцией императора Юлиана, которая сохранилась как в виде надписи, так и в Кодексе Феодосия (р. 205–222). Дени Фессель обращает внимание на разницу между оригинальными текстами эдиктов и писем Юлиана и их редакцией в кодексах Феодосия и Юстиниана. Он дает текст оригинала (надписи из Аморгоса), комментариев к нему и скрупулезно сличает его с текстом, попавшим в Кодексы.

VI век представлен в сборнике тремя публикациями. В статье «Императорское предписание VI в. в надписи из Адрианополя в Гонориаде» (р. 223–250; в оглавлении сборника начальная страница дана неверно — 233) отмечается, что опасность, которой под-

вергались деревни вследствие разбоя, показана в законодательстве Юстиниана весьма острой. Юстиниановское законодательство 535–536 гг. было направлено на усиление контроля местной администрации над криминогенной обстановкой и, в частности, санкционировало объединение гражданской и военной провинциальных властей. Известно, однако, что успех этого мероприятия не был впечатляющим, и исследователь выражает удивление по поводу того, что в надписи из Адрианополя не фигурируют провинциальные власти, которые, по всей вероятности, остались после предпринятых административных реформ столь же бессильными, как и до них.

Статья под названием «Рескрипт Юстиниана, обнаруженный в Дидиме (1 апреля 533 г.)» занимает центральное место в сборнике, являясь самой большой по объему (р. 251–324). Автор проделал гигантскую работу по описанию эпиграфического памятника, сравнению начертания латинских и греческих букв, рассмотрел структуру и происхождение документального ряда. Кроме того, Д. Фесселем была реконструирована бюрократическая процедура официального реагирования на прошение, начиная от подачи такового гражданами Юстинианополя префекту претория Востока и заканчивая стадией издания соответствующего постановления. Параллельно с этим исследователь уточнил понятие прагматической санкции и коснулся самого названного города. Публикация получила указатель собственных латинских и греческих имен, а также важнейших греческих терминов.

Завершается раздел публикацией двух юстиниановских рескриптов из Милета (р. 325–338).

Раздел «Петиции к императорам» открывается статьей о ходатайстве Апиона, епископа Сиены, к Феодосию II (р. 339–362). Речь идет об исправленном издании полного текста знаменитого и часто цитируемого лейденского папируса Z, содержащего собственноручную подпись императора Феодосия Младшего. Издание текста сопровождается переводом, комментарием, а также описанием физического состояния документа, сведениями о его происхождении и истории публикаций.

Вторая и заключительная статья раздела носит теоретический характер и посвящена петициям к императорам и формам рескрипта в IV–VI вв. (р. 363–384). Ставя перед собой задачу лучше изучить функционирование и развитие системы прошений и ответов на них, автор составил перечень петиций указанного периода и рассмотрел прошения и рескрипты от времени правления Константина Великого до эпохи Феодосия II и отдельно — рескрипты VI в.

Четвертый раздел сборника состоит из четырех публикаций.

В первой из них — «Посвятительная надпись Константину II Цезарю и префекты претория в 336 г.» (р. 385–398) — предпринята попытка выяснить, каким образом подобная надпись под статуями Константина Цезаря могла появиться в Антиохии и Тубернуке (Северная Африка), если Константину его отец определил в управление западные провинции. Автор соглашается с гипотезой, выдвинутой ранее Л. Пуансо и Р. Лантье, о том, что эти статуи могли быть возведены по поводу двадцатилетия цезарства Константина в марте 336 г. и, таким образом, знаменовали собой общеимперское событие.

В другой статье, «*Praefatio chartarum publicarum*. Интитуляция актов префектуры претория в IV–VI вв.» (р. 399–428), сквозь призму официальных документов, упоминающих высших сановников государства, рассматривается административная иерархия ранневизантийских префектов претория и ее трансформация в течение IV–VI вв. В заключение приводятся две сводные таблицы префектов и указатель имен.

Большая публикация под названием «Указ префекта Дионисия, написанный в Милазе в Кarii (1 августа 480 г.)» (р. 429–476) содержит критическое издание названного документа (текст оригинала и перевод), снабженное подробным и интересным комментарием.

Наконец, статья «Постановление префектуры Африки в отношении церкви Бизацены в начале правления Юстина II» (р. 477–502) представляет собой исправленное прежнее

издание, с анализом и переводом, постановления префекта, хранящегося в коллекции актов под условным наименованием *privilegia concilii Byzaceni*, объединяющей императорские конституции, посвященные этой африканской провинции. Здесь Д. Фессель решает проблемы датировки и авторства документа, попутно высказывая оригинальную догадку относительно выражения «*spes in Deum*», которое ранее считалось приложением к титулу примаса, и которое теперь следует читать как «*Spesindeum*» — таково, по мнению исследователя, имя нового главы церкви провинции, упоминающееся также в одной из новелл императора Юстина II (где его также читали в три слова).

Последний раздел включает три публикации. Первая из них касается реформы исчисления времени, проведенной в 537 г., и ее отражения в грекоязычной эпиграфике (р. 503–524). Автор оценивает реформы Константина I, учредившего индикционную систему, и Юстиниана I, введшего датировку по числу лет правления императора, как два наиболее существенных новшества в истории погодного летоисчисления в поздней Античности. Анализируя на основе надписей из восточных провинций последнюю из названных реформ, автор постарался проследить, в какой степени эти надписи придерживались официального порядка летоисчисления. Он приходит к выводу, что проведение в жизнь реформы 537 г. на Востоке оказалось ограниченным во времени (чуть более полувека) и в пространстве (несколькими административными центрами), а сама реформа — незавершенной, поскольку год правления как дата использовался редко в том наборе дополнений, которые требовались официальным формуляром. В отличие от правовых актов, надписи обычно не содержали указание на год правления, даже если и включали какую-либо годовую дату. Это объясняется тем, что новая календарная система предназначалась, прежде всего, для составителей юридических документов, требующих формального подтверждения, тогда как в эпиграфике дата нужна была прежде всего для памяти. Статья снабжена приложением — перечнем надписей (они приведены в оригинале), датированных годами правления императоров от Юстиниана до Ираклия включительно.

Другая статья раздела носит название «Греческое письмо латинскими буквами: образец ранневизантийского документа» (р. 525–540). Здесь автором предпринята попытка составить перечень греческих слов, передававшихся латиницей в документах различных категорий, сделан акцент на вопросах правописания и на обычаях транслитерации.

В последней статье — «Два вида латинского курсива в алфавитном строе греческого языка» (р. 541–552) — автор рассматривает папирус из Лувенского университета, в котором греческий алфавит дважды передан латинскими буквами. Автор предполагает, что один из алфавитов является поздней разновидностью скорописи, распространившейся в писцовой практике начиная с III в., а другой — формой старинного латинского курсива.

Выдерживая академический стиль, книга завершается дополнениями, которые представляют собой замечания автора к некоторым из статей сборника (р. 553–554), а также указателями — именным и географическим (р. 555–566), словарем греческих терминов (р. 567–575) и перечнем использованных источников (р. 576–590). Стоит отметить и тот немаловажный факт, что издание снабжено черно-белыми иллюстрациями, в том числе фотокопиями публикуемых надписей.

Подводя итог краткому обзору содержания сборника трудов Дени Фесселя, следует сказать следующее. Несмотря на то, что все статьи принадлежат одному автору и что они тематически сгруппированы, рецензируемая книга не может претендовать на статус монографии, оставаясь именно компиляцией ранних статей в духе *variorum*: так, разделы не снабжены каким-либо предисловием или заключением, их названия отражены только в оглавлении. Однако едва ли стоит считать этот факт недостатком. Тематическая близость статей, написанных в разное время и напечатанных в разных изданиях, при наличии в них теоретических обобщений, тем не менее, не приводит к повторам, а разбиение на разделы кажется логичным и обоснованным. Автором была проделана огромная работа как по реинтерпретации данных давно известных научному сообществу документов, так и по подготовке к публикации и первоначальной обработке текста вновь открытых

источников. Несомненна и практическая полезность такого рода изданий, которые позволяют получить в руки интересные и нужные материалы вместе, не прибегая к поиску отдельных, нередко малодоступных специальных журналов.

Р.А. Беда, В.В. Серов

БЕДА Роман Алексеевич

Аспирант
Исторический факультет
Алтайского государственного университета
Проспект Ленина, 61–309
656099 Барнаул

Электронная почта: rort-v@mail.ru

Roman BEDA

Postgraduate Student
Altay State University
Faculty of History
Lenin Avenue, 61–309
656099 Barnaul

e-mail: rort-v@mail.ru

СЕРОВ Вадим Валентинович

Доктор исторических наук, профессор
Исторический факультет
Алтайского государственного университета
Проспект Ленина, 61–309
656099 Барнаул

Электронная почта: wseroff@yandex.ru

Vadim SEROV

D. Sc. in History, Professor
Altay State University
Faculty of History
Lenin Avenue, 61–309
656099 Barnaul

e-mail: wseroff@yandex.ru

КОРСУНСКИЙ ПОХОД И ХЕРСОН XI В.: К ЗАВЕРШЕНИЮ НАУЧНОГО ПРОЕКТА

Сазанов А.В. Херсон и крещение Владимира. Херсон в X–XI вв.
Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 471 с.

Можно, наконец, приветствовать выход ожидавшейся последние семь лет части заключительного тома, посвященного средневековому Херсону конца X–XV вв. — проекта, начатого по инициативе Института археологии НАН Украины и Национального заповедника «Херсонес Таврический» еще в 2004 г. Его осуществление вылилось в серию фундаментальных научных работ по истории Херсонеса Таврического, которые были написаны сотрудниками Института археологии НАНУ в творческом содружестве с учеными вузов и музеев Украины и России¹. Теперь есть реальные надежды дожидаться его полного завершения.

¹ Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры / Отв. ред. В.М. Зубарь. Киев, 2005; Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры / Отв. ред. В.М. Зубарь. Харьков, 2004; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1–2 / Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Харьков, 2005; *Колобов О.В.* [Рец.] // Археология. 2005. № 1. С. 101–103 (*Зубарь В.М., Крыжицкий С.Д., Марченко Л.В., Русяева А.С., Сорочан С.Б., Храпунов Н.И.* Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2004. 732 с.); *Крыжицкий С.Д.* Херсонес — Херсон — Корсунь открывает свои тайны // Час UA. 2006. № 6 (16). 11–17 февраля. С. 50–51; *Марусик Т.* «Херсонес Таврійський» та українська археологія // Україна молода. 2006. № 167 (2954). 13 вересня. С. 9; *Скржинська М.В.* [Рец.] // УІЖ. 2006. № 5. С. 232–234 (Херсонес Тарихеский в третьей четверти VI — середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры / В.М. Зубарь, А.В. Буйских, Е.А. Кравченко, М.В. Ру-

Книга А.В. Сазанова, изданная в Германии, предлагает для этого исследование по следующим периодам: конец X — конец XI вв., XII–XIII вв. и XIV–XV вв. (с. 5). Соглашаясь с этой периодизацией в целом, следует заметить, что автор по не совсем понятным причинам отнес конец ранневизантийского периода к концу VII в., тогда как византинисты обычно не продлевают его далее середины VII в., самое большее, ограничиваясь эпохой василевса Ираклия.

Более половины монографии занимает проблема Корсунского похода князя Владимира и его крещения (с. 7–285), что вполне оправданно, учитывая сложность, острую дискуссионность вопроса и обилие историографии, причем зачастую с диаметрально противоположными мнениями. Автор справедливо уделил этой историографии ключевое значение. Разборы имеющихся по теме работ составили два больших подраздела первого раздела книги: сначала следовала общая характеристика проблемы в специальной литературе, а затем по отдельным вопросам, наиболее значительным проблемам темы. Историография подана исчерпывающе, практически без пробелов. Вместе с тем такое «многоэтажное» построение породило не всегда оправданные повторы, многократное обращение к одним и тем же пассажам, но с иной постановкой задач.

Особого внимания заслуживает подраздел первой главы, посвященный анализу хронологии Корсунского похода². Решение этого вопроса в монографии в целом сводится к проблеме выбора между данными «Повести временных лет» или «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, определения их достоверности (с. 78, 125). Подробный разбор византийских и арабских источников, прежде всего, пассажа Льва Диакона о кометах и «огненных столбах» в сравнении с Яхьей Антиохийским³, несомненно, является сильной стороной исследования (с. 125–145). Однако «общий вывод», сделанный на основании этих сведений, несколько обескураживает (с. 152). Ведь рассматриваемые византийские и арабские авторы ничего не пишут о крещении Владимира именно в Херсоне, и установление этого факта опирается на другую источниковую базу. Отмечая недостатки в целом весьма ценной работы А.Л. Пономарева и Н.И. Серикова, А.В. Сазанов все же принимает их

сыева. Киев: Академперіодика, 2005. 625 с.); *Домановський А.* [Рец.] // Критика. 2006. Жовтень. Число 10 (108). С. 13 (Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. Киев: Академперіодика, 2005; Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2004; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005); *Лиман С.І.* [Рец.] // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2006. № 728. Історія. Вип. 38. С. 332–337 (*Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2 / Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Харьков: Майдан, 2005. 1645 с.); *Болгов М.М.* Нова доба у вивченні візантійського Херсона (*Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры). Харьков: Майдан, 2005. 1644 с.) // Археологія. 2007. № 3. С. 24–30; *Болгов Н.Н.* Новая эпоха в изучении византийского Херсона [*Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. 1644 с., 470 рис.] // Древности 2006–2008. Харьков, 2008. С. 253–262; *Хрушкова Л.Г.* [Рец.] // Археологія. 2009. № 2. С. 103–108 (*Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч. 1–2. 1644 с.).

² См.: *Роменский А.А.* «Когда пал Херсонес»? К вопросу о ключевом моменте в хронологии русско-византийских отношений конца X в. // Наптекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. С. 310–328.

³ *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem / Rec. C.B. Nasius.* [CSHB. Pars XI]. Bonnae, 1828. P. 175–176; *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко, статья М.Я. Сюзюмова, комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988. С. 90–91; *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского // ЗИАН. 1883. Т. 44. С. 23–24; *Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche / Ed. et trad. en français par I. Kratchkovsky et A. Vasiliev* // PO. 1932. T. 23. Fasc. 2. P. 423–424.

основной вывод об идентификации «огненных столбов» Льва Диакона с полярным сиянием, зафиксированным в китайских источниках под 16 декабря 988 г.⁴ Именно эта дата становится *terminus ante quem* взятия Херсона (с. 145, 443, 444).

Между тем основа для такого заключения — отождествление «столбов» с полярным сиянием — вызывает сомнения. Приходится признать, что вопрос о сущности «огненных столбов» не решен, несмотря на продолжительные разыскания. Малообоснованным представляется сам принцип буквального следования хронологическим выкладкам Льва Диакона, согласно которому хронология взятия Херсона зависит от того, «предвещал» ли, «намекал» или «указывал» на это восход звезды вместе с «огненными столбами». Исследователи неоднократно отмечали неточность хронологических построений византийского историка, отсутствие в подавляющем большинстве случаев точных датировок (из четырех полных дат «Истории» лишь одна правильная)⁵. Вероятно, и рассматриваемый сюжет десятой главы десятой книги его «Истории» также не отличается хронологически последовательным изложением.

Не менее интересен и дискуссионен подраздел, посвященный подробностям осады Корсуня. Значительная часть подраздела посвящена другим, хотя и не менее важным вопросам: о «Корсунской легенде» в составе летописных сводов (с. 154–189), а также соотношении «Корсунской легенды» и Жития императора Константина в составе хроники Георгия Амартола (с. 189–192). Безусловно значимые, эти сюжеты все же, как представляется, нарушают структуру работы. Присоединимся к точке зрения автора о том, что «фактическая основа „Корсунской легенды“ и ее топографические реалии представляются несомненными» (с. 188). Вслед за этим А.В. Сазанов рассматривает «археологию Корсунской легенды» (термин А.Е. Мусина)⁶, т. е. детали осады и взятия города в свете данных как письменных, так и археологических источников, а также вопрос о месте крещения князя русов в Херсоне и «церкви на горе», возведенной им в память об этом событии.

Скрупулезный обзор существующих гипотез приводит исследователя к осторожному заключению о том, что все версии подробностей Корсунской осады имеют право на существование, хотя изложение «Жития Владимира особого состава» представляется все же несколько более вероятным (с. 217–219). По нашему мнению, автор не учел в полной мере наличия ряда ошибок и анахронизмов в тексте памятника: так, составитель Жития заставляет дружинников Владимира креститься в реке; называет современником князя митрополита «Лариона», занимавшего кафедру при Ярославе Мудром⁷. Все это не умаляет ценности уникальных сведений этого источника (например, о составе войска Владимира, продолжительности осады и «земляном пути»), но заставляет все же относиться к ним с осторожностью и проверять другими имеющимися данными.

Непонятно, почему А.В. Сазанов считает Анастаса Корсунянина священником, которому духовный сан мог помешать стрелять из лука (с. 215–216). Этот герой «Корсунской легенды» фигурирует в качестве священника или даже епископа только в поздних редакциях Житий и летописей, показания которых не могут безоговорочно приниматься на веру⁸. Таким образом, нет оснований для безоговорочного предпочтения версии повествования, связанной с Ижберном / Ждьерном.

⁴ Пономарев А.Л., Сериков Н.И. 989 (6496) год — год Крещения Руси. (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. М., 1995. Вып. 2. С. 181.

⁵ Лев Диакон. История. С. 167. Примеч. 19; The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century / Introduction, translation and annotations by A.-M. Talbot and D.F. Sullivan with the assistance of G.T. Dennis and S. McGrath. Washington, 2005. P. 22.

⁶ Мусин А.Е. Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 146–154.

⁷ Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 46–47; Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008. С. 474–475.

⁸ Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 457–460; Софонович Ф.

Зато вопрос о месте расположения лагеря Владимира под Херсоном можно считать решенным. Карантинная бухта для этого совершенно не подходила: флот русов должен был бы совершать трудные маневры, лавирование, чтобы зайти в узкую бухту под огнем противника, пройти вдоль стен цитадели с ее мощными башнями, откуда наверняка били камнеметы, и оказаться запертым в верховьях бухты. Сведения источников о доставке продовольствия в город «корабельниками» также противоречат устройству лагеря около Карантинной бухты, поскольку иначе они никак не могли бы пробираться в город через ворота в периболе у башни XVII⁹. Прочие ориентиры тоже точно и надежно соотносятся со сведениями источников и топографией Херсона: по отношению к лагерю русов между Стрелецкой и Херсонесской (Песочной) бухтами на расстоянии «полета стрелы» и водопровод, и ставка Владимира находились к востоку¹⁰.

Странно, что очередную путаницу породила трактовка стрелы с письмом, пущенной в лагерь варягов из Херсона (с. 215–216). Писать на наконечники стрелы достаточно пространный текст, разумеется, не могли. В лучшем случае — на древке. Но куда логичнее предположить, что записка на клочке пергамена была обмотана вокруг древка под наконечником, как это делают, когда готовят зажигательные стрелы. Стрелу должны были заметить и поднять, значит, пускавший ее должен был подать какой-то знак варягам, находившимся на расстоянии видимости от стрелка. Учитывая дальнобойность тугих сложносоставных луков с обратным изгибом, стрела могла пролететь и 200–300 м, но едва ли можно было бы обмениваться знаками на таком расстоянии и тем более кричать, рискуя привлечь внимание сторожевых постов на стенах. Скорее, все произошло на дистанции примерно в 100 м от западных стен города, наиболее близких к лагерю русов.

Среди причин сдачи города даже в результате малоэнергичной, вялотекущей осады важно отметить отсутствие военной помощи извне и ограниченность припасов. Византийские руководства X в. «Как выдерживать осаду» (*De obsidione toleranda*) и «О стычках» (*De velitatione*) предписывали осажденным запастись съестными припасами на срок до одного года или хотя бы на четыре месяца, раздать месячный паек зерна, взятого из общественных и частных хранилищ, удалить из города в безопасное и снабжаемое место стариков, больных, детей, женщин, нищих и даже зарезать вычужных животных, лошадей и мулов¹¹. Видимо, в соответствии с этими предписаниями должен был действовать и стратиг Херсона, но неизвестно, насколько удачно, тем более, если осада началась в марте, как полагает исследователь. Тогда заготовить урожай горожане явно не успели: зимние припасы были съедены, а новый урожай еще не поспел.

Еще острее должна была встать проблема топлива: запас дерева в городе должен был исчерпаться еще раньше запасов еды, поскольку, — наряду с железом, бронзой, смолой, серой, паклей, льном, коноплей, шерстью, полотном, — доски, бревна, прутья, ветки, любое дерево, было необходимо для постоянного пополнения вооружения, копий, дротиков, стрел, щитов, заграждений от стрел (леса), изготовления камнеметов, стрелометов и других военных машин¹². Воды в колодцах хватало, хотя и в обрез, учитывая

Хроніка з літописців стародавніх. Киев, 1992. С. 66–67; Мечта о русском единстве. Киевский Синопис 1674 г. М., 2006. С. 101.

⁹ Пятъишева Н.В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // СА. 1964. № 3. С. 106.

¹⁰ См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006. С. 297.

¹¹ Sullivan D.F. A Byzantine Instructional Manual on Siege Defense: The *De obsidione toleranda*: Introduction, English Translation and Annotations // Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Text and Translations. Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides / Ed. J.W. Nesbitt. Leiden: Brill, 2003. P. 153–154 (P. 140–266); *De velitatione* / Ed. G. T. Dennis // Three Byzantine Military Treatises. Washington, 1985. Sec. 21. P. 224.

¹² Cp.: Sullivan D.F. A Byzantine Instructional Manual... P. 157–161.

5–6 тысяч обитателей Херсона¹³. Но куда болезненнее должен был стать психологический фактор — потеря притока воды через водопровод. Вместе с отрезом города от поставок контрабандистов-«корабельников» это должно было за три месяца окончательно сломить дух горожан и заставить их требовать от стратига сдачи Херсона на пока еще возможных более-менее выгодных условиях.

Владимир приказал перекопать «земляной путь», т. е. перекопать дорогу мимо Карантинной бухты, по которой «корабельники», прибывавшие в соседние бухты Севастопольской гавани, — видимо, под покровом темноты, — умудрялись контрабандой повозками в некотором количестве доставлять в город продукты, зерно, сыр, масло. Эта дорога, судя по топографии Херсона, на конечном участке шла мимо загородного храма Богоматери Влахернской с его монастырем, вдоль подножья довольно крутой Девичьей горы высотой более 30 м над уровнем моря и сворачивала к воротам перибола под охраной самой мощной башни города. Таким образом, «земляной путь» на своем конечном отрезке был ограничен, с одной стороны, берегом извилистой бухты, а с другой — склонами горы¹⁴. Перекопав дорогу, русы не парализовали полностью тайную доставку продуктов в город, но вынудили вести ее без повозок, на руках, что резко ограничило объем поставок. Да и плата за такие рискованные поставки контрабандистам, несомненно, должна была возрасти, между тем как денег, необходимых для этого, тоже становилось все меньше и меньше (модий зерна, около 11–13 кг, в условиях осады стоил бы не менее золотой номисмы, а хватило бы этого зерна «на вес золота» ненадолго). Через три месяца это стало очевидным.

Заманчивая версия С.А. Беляева об отождествлении «базилики на холме» с храмом Иоанна Крестителя, возведенным в городе Владимиром¹⁵, убедительно поставлена А.В. Сазановым под сомнение. Следует согласиться, что следов ссыпанной «приспы» в районе базилики действительно нет. Но, поскольку землю не стали бы носить далеко от места выемки, легендарный храм надо искать все же на западной оконечности городища, в районе наиболее активных боевых действий. Не исключено, что он еще не найден, ибо западная часть городища исследована значительно слабее остальных.

Больше перспектив с решением о местоположении в Херсоне храма, где крестился Владимир. Теперь едва ли стоит сомневаться, что речь шла о храмовом комплексе на большой агоре (форосе) города. Наиболее подходит для этого центральный крестовидный храм № 27, который, согласно сведениям знавшего местные реалии составителя Житий епископов Херсонских, должен был быть посвящен небесному патрону города, его первому епископу — мученику Василию (Василию). Столп (киона-колонна) с крестом в память о месте его мученической кончины здесь был поставлен еще до возведения храма, так что, исходя из херсонских археологических реалий, этот храм носил имя Св. Василия, и не мог быть часто упоминаемым в поздних летописях храмом Св. Иакова¹⁶. К сожалению, А.В. Сазанов не учел этого очевидного обстоятельства.

Едва ли не самой интересной частью монографии представляется реконструкция событий конца X в., выдвинутая автором как итог подробных источниковедческих и историографических разысканий (с. 266–269). Согласимся с А.В. Сазановым в том, что события, связанные с русско-византийским договором Владимира Святославича и Василия II, произошли в период между 14 сентября 987 г. (провозглашение василевсом узурпатора Варды Фоки, бывшего domestika схол Востока) и 13 апреля 989 г. (битва при

¹³ Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки, гипотезы, проблемы. Екатеринбург, 2007. Ч. 2. С. 559; Якобсон А.Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. 19. С. 154–161; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Харьков, 2005. Ч. 1. С. 604.

¹⁴ Пяташова Н.В. «Земляной путь»... С. 106, 111–114.

¹⁵ Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. 1994. No 1. С. 7–46.

¹⁶ См.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 899–901; Он же. Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона // ВВ. 2009. Т. 68. С. 182–183.

Авидосе). Дальнейший вывод о времени битвы при Хрисополе (между 24 марта и 16 декабря 988 г.) видимо, явился следствием недоразумения, поскольку, даже если исходить из интерпретации А.Л. Пономарева и Н.И. Серикова, нет никакой связи между «огненными столбами» Льва Дякона и этим сражением.

Остановимся подробнее на определении даты Хрисопольской битвы, потому что она позволяет установить *terminus ante quem* заключения союзного договора русов и ромеев. Степанос Таронечи датирует ее 437 г. армянского летоисчисления, то есть 24 марта 988–23 марта 989 гг.¹⁷ Большинство исследователей относят ее к лету 988 г.; в то же время сведения источников позволяют утверждать, что временной промежуток между Хрисопольской и Авидосской битвами не был значительным¹⁸. А. Поппэ полагает, что первая из них произошла в январе — начале февраля 989 г., поскольку сразу после нее Варда Фока приказал своему сыну Льву изгнать Антиохийского патриарха Агапия из города, что и было сделано 8 марта 989 г.¹⁹ Однако отметим, что изложение событий Яхъей Антиохийским в этом эпизоде не всегда соответствует их хронологической последовательности. Так, очевидной вставкой, лишенной точных хронологических указаний, является сообщение о переговорах с русами, браке их «царя» с сестрой императора и последующем крещении их страны²⁰. Сообщение о судьбе Патриарха Агапия, которого подозревали в неблагонадежности обе стороны, как представляется, также напрямую не связано с датой Хрисопольской битвы²¹.

Важно отметить то, что Степанос Таронечи помещает битву под Авидосом непосредственно после Хрисопольской, в следующем, 438 г. армянского летоисчисления, когда «время стояло еще весеннее»²². Эта знаковая оговорка надежного историка позволяет относить разгром войск Калокира Дельфины к ранней весне (начало марта?) 989 г. Таким образом, «русско-варяжский» корпус к этому времени уже был прислан зятем порфирородных василевсов. Несомненно, некоторое время потребовалось для переговоров сторон и сбора сил варягов, что вынуждает относить заключение договора Василия II и Владимира, вероятнее всего, к лету-осени 988 г.

Причиной похода на Херсон, в видении А.В. Сазанова, стало желание киевского князя воспользоваться трудностями империи, возникшими в ходе мятежа Варды Фоки, и разграбить богатый город (с. 266). К этому очевидному обстоятельству можно добавить традиционную, прослеживающуюся по русско-византийским договорам 907/911 и 944 гг., задачу обеспечения прав древнерусских «гостей» в Византии, защиты торговых преимуществ всего княжеского рода и дружинной верхушки, занятых выгодным сбытом в Византию рабов, меда, воска, пушнины и других товаров, перевозимых по Балтийско-Черноморскому пути «из Варяг в Греки». Примечательно, что автор, как и другие современные исследователи, отходит от устоявшейся в историографии мотивации похода как ответа русов на предполагаемое нарушение договора о матримониальном союзе византийцами (с. 267)²³. Согласившись с этой точкой зрения, подчеркнем, что данные источников позволяют поместить заключение договора только после похода на Корсунь, который, как нам видится, был взят уже к лету-осени 988 г.

А.В. Сазанов считает, что осада города началась в марте 988 г., продолжаясь 6–9 месяцев. Длительность осады известна по сведениям Обычного жития Владимира и Жития

¹⁷ Всеобщая история Степаноса Таронского. М., 1864. С. 179.

¹⁸ *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus // DOP. 1976. Vol. 30. P. 235–237; *Forsyth J.* The Byzantine-Arab chronicle (938–1034) of Yahyā b. Saʿid al-Anṭākī. Michigan, 1977. P. 439–440.

¹⁹ *Poppe A.* The Political Background... P. 236–237.

²⁰ *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 23–24, 196–197. Примеч. 158; *Histoire de Yahya-Ibn-Saïd d' Antioche.* P. 423–424.

²¹ *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 24–25; *Histoire de Yahya...* P. 425.

²² Всеобщая история Степаноса Таронского. С. 179.

²³ *Пономарев А.Л., Сериков Н.И.* 989 (6496) год... С. 182–183.

особого состава и не может быть оспорена²⁴. Что же касается времени появления флота неприятеля у стен Херсона, март все же представляется слишком ранним сроком. Константин Багрянородный, описывая маршрут монохил росов, подчеркивает, что они выходили в плавание не ранее июня²⁵. Вероятным временем девятимесячной осады можно считать период лета 987 — весны 988 гг. К лету-осени 988 гг. мог быть заключен русско-византийский договор, оформивший военно-политический и династический союз двух государств. Бесспорно то, что весной 989 г. «тавроскифы» выступают уже не как противники, а как союзники византийских василевсов.

Спорными видятся и датировки крещения князя. Исследователь отрицает мартовские и апрельские даты события: ведь, по его мнению, осада только началась в марте 988 г. В определении конечной даты крещения видна некоторая путаница: считая днем совершения таинства Богоявление 6496 (988) г., автор затем, согласно с выводами М. Арранца, определяет первое оглашение с 15 ноября по 25 декабря (надо полагать, 987 г.), 25 декабря — второе оглашение и 5 января — отрицание Сатаны (с. 269)²⁶. Первое оглашение, по предположению А.В. Сазанова, произошло, еще в Киеве, а второе — уже в Херсоне 25 декабря 988 г., следовательно, итоговой датой крещения автор считает Богоявление 989 г., что противоречит прежде названному году. Непонятно, как Владимир мог попасть в Херсон с ноября по декабрь, если принимать мартовскую датировку начала осады. К тому же Богоявление в традиции Православной Церкви отмечается 6, а не 7 января. Представляется, что ничто не мешает поместить день крещения в сроки весны-лета 988 г., возможно, на Пасху или Пятидесятницу того же года.

Третью часть книги занимает пространная вторая глава «Херсон в XI в.» (с. 286–442), которая может считаться самостоятельной частью исследования. Автор начал ее с проблемного вопроса о разрушении города в конце X — первой половине XI в., но затем сразу перешел к вопросу о гипотетическом мятеже Георгия Цулы 1015/1016 г., приведя и в этом случае почти исчерпывающую историографию. Забылась лишь собственная статья А.В. Сазанова, написанная совместно с Ю.М. Могаричевым, которая позволяет по иному взглянуть на события военных действий против «архонта Хазарии» Георгия Цулы, вынеся их за ставшие уже традиционными рамки Крыма, без достаточных оснований объявляемого «Хазарией»²⁷.

Согласно 12 печатям, датирующимся серединой X — второй половиной XIII в., не менее семи представителей рода Цул можно найти не только в Крыму, но и в Греции, Болгарии, что не позволяет ставить знак равенства между протоспафарием и стратигом Херсона первой половины XI в. Георгием Цулой и одноименным «архонтом Хазарии», которую как страну все письменные источники IX–XI вв. помещают вдали от Херсона и даже Боспора²⁸. Таким образом, нет необходимости строить сложные умозрительные построения и увязывать морскую экспедицию ромеев и варягов из Константинополя с событиями в Херсоне в 1015/1016 г. Кроме того, что в это время здесь вполне законно

²⁴ Шахматов А.А. Корсунская легенда... С. 46; Зимин А.А. «Память и похвала Иакова Мниха» и житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. 1963. № 37. С. 37.

²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 47.

²⁶ Арранц М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. 1988. № 19. С. 69–101.

²⁷ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Крымская Хазария X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2012. Т. 10. С. 122–145. Ср.: Могаричев Ю.М. К вопросу о «Крымской Хазарии» в X–XI вв. // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Миграции, расселение, войны как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2012. С. 188–192; Он же. О «Крымской Хазарии» в XI–XII вв. // Княжа доба. Історія і культура. Львів, 2013. Т. 7. С. 45–59.

²⁸ См. также наш анализ письма Николая Мистика от 920 г. об организации епископской кафедры в Хазарии: Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2012. Т. 10. С. 189–195.

распоряжался послушный воле василевса протоспафарий и стратиг Георгий Цула, может быть, и дальний родич своему тезке, «архонту» истинной Хазарии, но об этом мы не знаем. Следовало бы также заметить, что если Сфенг действительно был адельфом князя Владимира, как указано в одном из списков Скилицы²⁹, тогда это устраняет путаницу с родством обоих: речь шла не о «брате» как таковом, а о духовном усыновлении — ὁδελφοτοῖα, которая, как и υἱοθεσία, служила у византийцев средством пополнения семьи. В таком случае варяг Сфенг, находившийся на ромейской службе как глава варяжского отряда, мог быть названным братом недавно почившего Владимира. Так или иначе, ромейский поход против Хазарии, точнее того, что от нее оставалось к тому времени, никак не связан с историей Херсона XI в.

Возвращаясь к вопросу о гипотетичном землетрясении в Херсоне в пределах конца X — первой половины XI вв., А.В. Сазанов предельно внимательно, оперируя археологическим и нумизматическими материалами, данными стратиграфии, сведенными в многочисленные таблицы, и, самое главное, верно понимая механизм образования археологических комплексов, сравнивает имеющиеся на этот счет версии, но в итоге, по сути дела, присоединяется к точке зрения И.А. Завадской о том, что все следы разрушений и пожаров вызваны последствиями действий войск Владимира (с. 306–410)³⁰. Можно согласиться с тем, что дата разрушений весьма расплывчата и все более и более, под влиянием результатов новых исследований сдвигается к концу X в., трудно уловимому рубежу X–XI вв., но насколько оправданно связывать все разрушения и пожары в разных кварталах только с походом Владимира? Пока с ним наиболее убедительно увязывается разрушение в районе Западной базилики и тетраконха № 47 около Западных ворот, недалеко от лагеря росов, как следствие, наиболее интенсивного театра военных действий, где шло возведение «приспы» («приступы»). В других случаях таким районом могли стать северные кварталы города с базиликами 1932, 1935 г., Северной базиликой, епископальным храмом № 23, близкие к морю, особенно в районе пологого берега, где можно было с наибольшей вероятностью ожидать появления трагических последствий враждебных действий флота, приведенного Владимиром. Но в остальных случаях, особенно в портовом районе, у 16–17 куртин, хорошо защищенных «цитаделью» и протейхисмой с периболом, такое было бы труднодостижимо для врага.

Почему в близкое к этому время прекратил существование ранневизантийский храм с подземным кимитирием в III квартале, в глубине города, а сам квартал был после этого перестроен? Это тоже факт, с которым не поспоришь. Не имеем ли мы дело с целой серией пожаров и разрушений в течение первой половины XI в., даже до 60-х годов, вызванных, если и не землетрясением, то совсем иными событиями, вплоть до бытовых пожаров? Одни лишь волнения, связанные с убийством катепана Херсона, вполне могли стать источником беспорядков и связанных с ним погромов. Ясно, что для херсонитов это были не лучшие времена, как и все 30–80-е годы XI в. в истории Византии. Пока остается быть критически настроенным как в отношении масштабов разгрома города войсками Владимира, так и в отношении некоего одномоментного мощного землетрясения XI в. в Крыму. Главный непреклонный факт один: целые районы Херсона многие десятилетия, иногда до конца столетия лежали в развалинах, превратились в мусорные завалы, причину (причины) чего для разных мест города еще надо выяснять.

Рассматривая хорошо известные события столкновения росов и ромеев в 1043 г., А.В. Сазанов критически остановился на версии В.Г. Брюсовой о «корсунских древностях» XI в., оказавшихся в Новгороде и Киеве (с. 410–414). Собственно, анализу этих древностей был посвящен специальный подраздел монографии, завершавший исследо-

²⁹ *Ioannes Scylitzes. Synopsis historiarum. Editio princeps / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973 [CFHB. Vol. 5]. P. 354.*

³⁰ *Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X — XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 456–487.*

вание обстоятельств Корсунского похода Владимира (с. 274–285), где автор согласился с точкой зрения Т.В. Толстой и Е.В. Ухановой о том, что «„корсунские древности“ — это римское и греческое наследие для Киева; римское, греческое и киевское для Новгорода; римское, греческое, киевское и новгородское для Москвы» (с. 285, 447). Поэтому он по понятным причинам присоединился к точке зрения Н.М. Богдановой, отказавшей в реальности некоего похода князя Ярослава Мудрого на Корсунь и вывозе оттуда мощей Св. Климента и Фива, без которых его отец, князь Владимир, конечно, не покинул бы Херсон. Собственно, вопрос этот можно было не выносить в Главу 2. Логичнее и структурно оправданно было бы отнести эти спорные материалы в указанный выше подраздел о «корсунских древностях».

Далее А.В. Сазанов рассмотрел дискуссию, связанную с надписью апреля 1059 г., оставленную стратигом Херсона и Сугдеи Львом Алиатом (с. 414–419). При этом он склонился к точке зрения С.Б. Сорочана, что под преторием стратига следует понимать обнаруженное в центре «цитадели» Херсона крупное сооружение конца X–XI вв. с внутренним двором и оформленным колоннами монументальным входом, для которого и могли понадобиться новые «железные двери». С 2000 г. участвующий в раскопках на территории «цитадели», А.В. Сазанов прекрасно знает эти материалы и археологическую судьбу двух комплексов общественных зданий, которые можно связывать с существовавшими здесь в разные периоды византийскими преториями IX и X–XI вв.

Более противоречива трактовка событий 1066 г., связанных с мятежом херсонитов и убийством ими катепана (с. 419–427). По сути дела, автор не предлагает собственного решения, излагая имеющиеся в историографии версии, как всегда зачастую противоположные, и при этом не производя изысканий о статусе, полномочиях этого ромейского должностного лица, о наличии печати «вестарха и катепана Херсона и Хазарии», недавно опубликованной Н.А. Алексеенко и Ю.А. Цепковым, что сужает возможное поле исследования³¹. Изложение проблемы в таком виде — это лишь намек на возможность продвинуться дальше, тогда как увязка событий 1066 г. с Таматархой-Тмутараканью еще раз указывает на бесперспективность поисков Хазарии в Крыму и их куда более вероятную связь с землями азиатского Боспора и северного Кавказа.

Следующей «точкой» на карте исторических событий в Херсоне стала рассказанная Анной Комниной история о содержании здесь в 1092 г. бунтовщика Лже-Диогена и его контактах с половцами, к которым он сбежал, чтобы через пару лет двинуться на Константинополь (с. 428–431)³². Город предстает здесь как место ссылки государственных преступников, за которыми, оказывается, никто особенно не присматривал, очевидно, понимая, что бежать им, собственно, некуда. Отсюда практически свободное передвижение Льва Диогена по крепостным стенам города, откуда он мог по ночам беспрепятственно переговариваться с приходившими к Херсону половцами. Этот штрих, не отмеченный исследователем, говорит о ситуации конца XI в. куда красочнее всего остального.

Непонятно, почему в эту почти летописную последовательность, которой придерживался автор, оказался включен фрагмент из ал-Идриси середины XII в. с указанием расстояний между целым рядом византийских черноморских центров и Херсоном (с. 431–432). Разумеется, расстояния и сроки плавания не менялись, но с таким же успехом эти сведения можно было бы включить и в иные пассажи. Корректнее всего было бы отнести их к материалам следующего периода, поскольку далее в книге следует возврат к агиографическому источнику, Печерскому патерику, сообщающему о событиях в Херсоне в самом конце XI в., когда иудей-работорговец распял здесь плененного кочев-

³¹ Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // IV Международный византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис»: Тезисы докладов и сообщений. Симферополь, 2012. С. 6–7.

³² Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 266. См.: Mathieu M. Les faux Diogenes // Byzantion. 1952. Т. 22. Р. 133–150.

никами и проданного ему киевского монаха Евстратия Постника³³. После анализа текста, проделанного Г.Г. Литавриным, к интерпретации событий едва ли можно добавить что-либо новое³⁴. Это же следует из заключения А.В. Сазанова (с. 436–438).

Последним памятником, на котором остановился автор, стала обширная водосборная цистерна, десять лет назад обнаруженная С.Г. Рыжовым и раскопанная на средневековой агоре Херсона с участием Е.Ю. Клеининой и А. Бернацки (с. 438–442). Находка породила «археологический скандал» о первенстве ее исследования, отраженный в монографии 2006 г. о результатах раскопок. Очень скоро последовали критические возражения по поводу интерпретации найденного. Кроме А.В. Сазанова, с ними выступил С.Б. Сорочан³⁵. Оба автора независимо друг от друга сошлись в том, что мы имеем дело с ранневизантийским памятником, который был засыпан к концу XI в. Какое-то время он стоял пустующим, потом постепенно заполнялся засыпью, мусором, на его покрытых цемянкой стенах рисовали граффити, но тюрьмой он никогда не служил: в византийской практике содержания заключенных неизвестны такие примеры и нет никаких надежных фактов, указывающих на использование херсонской цистерны именно в таком качестве. Как подчеркнул А.В. Сазанов, анализ образования археологического комплекса позволяет утверждать, что речь может идти только «...об общей засыпи, образовавшейся во время реконструкции центральной городской площади» в ходе генеральной перепланировки ближайших к ней северных и северо-восточных кварталов Херсона (с. 422, 450).

Заключение во многом повторяет, иногда дословно, уже высказанное в разделах глав. Вообще, эти повторы, поначалу раздражающие при чтении, начинают восприниматься как оправданный исследовательский прием автора монографии. Они позволяют предельно подробно, дотошно познакомить читателя со взглядами сотен исследователей, трудившихся десятки лет над поставленными проблемами, что уже само по себе полезно. Располагая таким добротным компендиумом, удобно ориентироваться в том, что сделано к настоящему моменту.

В целом, эта крупная работа завершает цикл монументальных изданий, подытоживающий исследования Херсонеса—Херсона почти за двести лет и дает перспективы для дальнейших исследований, углубления намеченных проблем и постановки новых задач. Такие исследования уже появились в последние годы и, безусловно, появятся еще.

С.Б. Сорочан, А.А. Роменский

Сорочан Сергей Борисович

Доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой
истории Древнего мира и Средних веков
Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина
Площадь Свободы, 4
61022 Харьков

Электронная почта: ssoro4an@yandex.ua

Sergey SOROCHAN

Doctor of History, Professor
Head of the department
of ancient and medieval history
V.N. Karazin Kharkiv National University

Svobody Square, 4
61022 Kharkiv

e-mail: ssoro4an@yandex.ua

³³ Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Киев, 1930. С. 106–108.

³⁴ Литаврин Г.Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Он же. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 478–495.

³⁵ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 904–907; Сорочан С.Б. [Рец.] // Археология. 2008. № 1. С. 103–108 (Херсонесский сборник. Supplement 1. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клеининой. Севастополь, 2006. 240 с.); Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона // ВВ. 2009. Т. 68 (93). С. 170–193.

Роменский Александр Александрович

Аспирант кафедры
истории Древнего мира и Средних веков
Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина
Площадь Свободы, 4
61022 Харьков

Электронная почта: pergamen-romen@mail.ru

Alexandr ROMENSKY

Postgraduate student of the department
of ancient and medieval history
V.N. Karazin Kharkiv National University

Svobody Square, 4
61022 Kharkiv

e-mail: pergamen-romen@mail.ru

Куш Т.В. На закате империи: Интеллектуальная среда Поздней Византии. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. 455 с.

Рецензируемая монография Т.В. Куш является закономерным и весьма важным «продуктом» известной во всем научном мире екатеринбургской византиноведческой школы, продолжая и развивая заложенные ею традиции по изучению византийской истории вообще и поздневизантийской культуры в особенности. Накопленный отечественной (впрочем, еще шире — мировой) наукой громадный научный потенциал не мог не привести к попытке сделать дальнейший шаг: написано и издано немало, но не все еще должным образом изучено, понято и осмыслено.

В данном случае перед нами — своего рода посвящение в таинства духовных исканий византийских интеллектуалов в экстремальных условиях поздневизантийской действительности, некая новая ментальная карта уходящей в небытие Византии.

Исходя из всей совокупности освоенного в монографии богатого историографического и исторического материала (а это целые пласты порою малоизвестных, прежде всего эпистолографических и просопографических источников), Татьяна Викторовна ставит себе целью не просто охарактеризовать «ментальность» узкого круга наиболее здравомыслящего населения поздней Византии — научной интеллигенции (она, правда, избегает этого понятия, предпочитая пользоваться термином «интеллектуалы»), но и исследовать «социокультурное измерение» этого сообщества. В чем именно заключалась эта «социокультурность» (ключевое слово во всей книге!), мы видим из самой структуры исследования, включающей в себя: количественные, демографические, просопографические и социальные «параметры» этой «среды» (составлен наиболее полный на сегодняшний день список представителей этой «интеллектуальной элиты», с. 26–37, причем, на каждое конкретное лицо заведено своеобразное досье — гл. I); формы интеллектуального диалога с его культом «ученой дружбы» и с античными корнями этого явления, кружки = «театры», как театральные по своей стилистике собрания интеллектуально рафинированной публики — важный элемент корпоративного единства, и всепоглощенность изошренными эпистолографическими посланиями друг к другу, создававшими «иллюзию присутствия» (с. 157) и предназначенными для публичного прочтения и обсуждения (с. 162–163), причем, нередко в сопровождении разного рода «даров» (гл. 2); гуманистические тенденции в интеллектуальной жизни Поздней Византии с их «реабилитацией человечности» (с. 179), пробуждением к отображению природы как источника творческого вдохновения (с. 208 сл.), с выяснением значения их «античного компонента», включая культ «аттицизма», т. е. классического эллинского языка, весьма далекого от общепотребительного «койне», но не исключая и сакральных образов в «профанной» гуманистической литературе, с гуманистическим освещением красот города, и это притом, что само понятие «красота» становится одной из ключевых категорий в шкале ценностей византийских интеллектуалов, являясь не только эстетическим, но и нрав-

ственным понятием (гл. 3); состояние отечества в оценках византийских интеллектуалов, образцы подлинной эпистолографической патриотики тех времен, когда тема родины и любви к отчизне перемежается с болью и переживаниями за беды родины, и даже с чувством стыда за современную деградацию некогда великой империи ромеев, с жалобами на новую генерацию молодых людей, не желающих получать образование и являющихся «жалким подобием» своих великих предков (гл. 4); наконец, прозападные настроения в самой среде интеллектуалов, латинофильство как форма инакомыслия, «утечка мозгов» на Запад, когда (по словам Димитрия Кидониса), даже те «ученые мужи, которые хотели и могли быть полезными отечеству, покидали его в поисках убежища в других странах с надеждой на то, что им там будет жить лучше» (гл. 5).

Как все это актуально именно для нашего нынешнего общества! Вот уж действительно: «Византийский урок»!

Разумеется, в монографии уделено немало внимания и многим другим важным проблемам, иногда даже, как мне кажется, не имеющим непосредственной связи с главной темой исследования (например, те же «внутридинастические конфликты» при дворе или, скажем, «чума как фактор дестабилизации византийского общества»), в то время как ряд других, казалось бы, напрашивающихся на рассмотрение аспектов менталитета византийских интеллектуалов «блестяще отсутствуют», например, их «политологические» экзерсисы (в монографии вообще не упоминается недавно изданная нами капитальная монография В.Е. Вальденберга «История византийской политической литературы», СПб., Изд-во «Дм. Буланин», 2008) или их молитвенные «плачи» — треносы, вызванные гибельной ситуацией в Византии (самое последнее издание произведений этого жанра — *Trenos for Constantinople*, Granada, 2003, — также не упомянуто в книге). Желательно было бы также хоть в какой-то степени раскрыть содержание таких часто употребляемых в монографии понятий, как «античный компонент» или «античные корни» того или иного аспекта в мировоззрении византийских интеллектуалов. Нельзя ли, скажем, возвести интеллигентскую практику «театров», участники которых, по весьма меткому замечанию автора, «уподоблялись состязающимся, словно речь шла о каком-то спортивном соревновании, хотя на деле присутствующие соперничали в словесном мастерстве и интеллектуальной подготовке» (с. 149), к «амивейным» (или «амебейным», как предпочитают произносить классики) агонам, то бишь к состязаниям древних греков в античной поэзии? Ведь вся процедура этих агонов¹, включавшая в себя встречу соперников, вызов на состязания, приглашение судьи, сам агон и, наконец, решение арбитра, почти в точности воспроизводится византийскими «театральными» собраниями. Не очень много в книге уделено внимания и такой типичной для интеллектуалов деятельности, как палеографическая, т. е. изучению ими, переписке и коллекционированию рукописей (разве что отмечен весьма характерный случай с Нилом Дамилой, который собственноручно «скопировал» 7 рукописей из 41, составлявших его библиотеку, см. с. 101).

Разумеется, меня (как автора монографии под заглавием «Византийский гуманизм») не мог не заинтересовать «женский взгляд» на проблему этого явления, на право византистов использовать этот термин по отношению к умственному движению в Византии XIV–XV вв. (я-то считаю идейной основой этого движения не только особое отношение его носителей к усвоению античного наследия, но и попытки его переосмысления и превращения в известное преодоление традиционализма в некоторых областях литературного и философского творчества, а именно — неопаганизм как мировоззрение, как систему взглядов, представлявшую некую антитезу христианству). К сожалению, несмотря на частое употребление в монографии термина «византийские гуманисты» и даже упоминание Плифона, я не вижу у автора попыток осмыслить это явление. Существенным недостатком исследования считаю отсутствие указателей — именного и предметного.

¹ См. о них: *Смирнова А.С.* Амебейные состязания в античной поэзии. Автор. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Тем не менее, я надеюсь, что все эти мои «придирки» по поводу прочитанного в книге Т.В. Куц не затрагивают того положительного, что ею «наработано». В монографии содержится (помимо уже отмеченного в начале рецензии) немало ценного как в разработке отдельных аспектов, так и в расстановке акцентов исследования как такового. В монографии, если не ошибаюсь, впервые подвергнут всестороннему и содержательному анализу трактат Мануила II Палеолога *Διάλογος ἡθικὸς ἢ περὶ γάμου*, в котором он, полемизируя с матерью, Еленой Палеолог, обсуждает матримониальный выбор как инструмент жизненной стратегии и отстаивает право на безбрачие и на «незаведение» детей. Ясно, что этот тезис он усвоил от своего учителя Димитрия Кидониса, яркого сторонника безбрачия, но если тот аргументировал его научными мотивами («истинный ученый должен быть свободен от семейных уз»), то Мануил — чисто человеческими чувствами (кстати, весьма понятными мне, поэтому я их передаю, сохраняя смысл, в моей формулировке: «Зачем плодить детей, заранее обрекая их на страдания, болезни и, наконец, смерть», ср. с. 272).

Очень интересна и важна предложенная в книге характеристика Елены Кантакузины Палеологины, одной из немногих представительниц «женского пола» в интеллектуальном сообществе (кстати, Татьяна Викторовна могла бы упомянуть еще хотя бы одну такую «представительницу» — Клеопу Малатесту, которую я назвал в недавней своей статье «хозяйкой Мистры в интеллектуальном отношении» и покровительницей «диссидентского кружка» Георгия Гемиста Плифона). Что касается Елены Палеологины, то меня особенно заинтересовало то, что она, будучи сторонницей учения Григория Паламы, и, стало быть, будучи исихасткой, проявляла «толерантность» и в отношении его оппонентов-интеллектуалов, даже к яркому антипаламиту Димитрию Кидонису (с. 129–130).

Наконец, хотелось бы отметить также впервые и успешно разработанный в монографии сюжет, связанный со своего рода интеллектуальным паломничеством «из латинян в греки» одного миланца по имени Павел (может, все же лучше называть его Паоло, раз он итальянец?) (с. 363–375).

Итак, полагаю на основании вышесказанного, что исследование Т.В. Куц может быть признано оригинальным и весьма серьезным, научная новизна и ценность которого для науки определяется, на мой взгляд, тем, что изученные в нем проблемы ранее в комплексном плане не освещались. В нем введены в активный научный оборот, прочитаны и осмыслены многие памятники византийской публицистики и эпистолографии, создана целостная картина византийской общественной мысли на одном из наиболее сложных и ответственных этапов ее истории.

И.П. Медведев

МЕДВЕДЕВ Игорь Павлович

Член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
главный научный сотрудник
отдела всеобщей истории
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Петрозаводская ул., д. 7
197110 Санкт-Петербург

Электронная почта: medvedip@mail.ru

Igor MEDVEDEV

Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Professor
Chief Researcher
St. Petersburg Institute for History
of the Russian Academy of Sciences
Petrozavodskaya street, 7
197110 St. Petersburg

e-mail: medvedip@mail.ru

Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залесская, Д. Журавлев; Нац. Заповедник «Херсонес Таврический» и др. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.: ил. ISBN 978–966–1539–22–7; 978–0–9748334–2–2.

Выход в свет Каталога археологических предметов, найденных в Херсонесе (Херсоне), самом крупном византийском городе в Крыму, — событие в долгой истории изучения города. Он издан на трех языках: русском, английском и украинском. Выход в свет этого издания связан с юбилейной датой — 185-летием начала раскопок. Интерес к изучению этого древнего города появился в конце XVIII в., при Екатерине II. Полевые археологические исследования начались в 1827 г. раскопками «базилики Крузе». За многие десятилетия археологи обнаружили десятки тысячи находок, большинство их хранится в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» (г. Севастополь). В Эрмитаже вещи из Херсонеса составляют свыше 35 % византийского фонда. Это нашло отражение в Каталоге ранневизантийских коллекций Эрмитажа, изданном В.Н. Залесской, о котором сообщалось на страницах «Византийского временника»¹. Немало интересных предметов хранится также в Государственном историческом музее в Москве. За всю историю изучения города был издан лишь один Каталог выставки находок из Херсонеса, которая состоялась в Москве в августе 1991 г., в рамках XIX-го Международного конгресса византистов. По условиям того времени, Каталог вышел в довольно скромном черном оформлении².

Новый Каталог представляет собою коллективный труд — результат сотрудничества Национального заповедника «Херсонес Таврический» с Государственным Эрмитажем, Государственным историческим музеем, Институтом классической археологии (Institute of Classical Archaeology) Техасского университета в Остине, при финансовой поддержке Института гуманитарных исследований Паккарда (Packard Humanities Institute). Автор идеи и руководитель этого удачного проекта — Т.Ю. Яшаева, заведующая Отделом средневековой истории Херсона. Научные редакторы: В. Залесская, Т. Яшаева, А. Рабинович, авторы каталожных описаний: Т. Яшаева, Н. Гинькут, Е. Денисова, С. Рыжов, Е. Кочеткова, Н. Алексеенко, О. Андреева (Национальный заповедник «Херсонес Таврический»), В. Залесская (Эрмитаж), Д. Журавлев, Е. Новикова, Н. Фролова (Государственный исторический музей).

Каталогу предшествуют две вводные статьи. Статья Т.Ю. Яшаевой «Византийская археология Херсонеса Таврического» является обстоятельным историографическим обзором изучения города. В статье В.Н. Залесской «Артефакты византийского Херсона в историко-культурном контексте» рассмотрены торговые и культурные связи Херсона с различными регионами и центрами Восточно-Римской империи — Константинополем и Малой Азией, Балканами и Западной Европой, Древней Русью и степным миром.

Для Каталога было отобрано 500 выразительных предметов из трех названных выше музеев. Предметы классифицированы на группы по материалу: камень, металл, кость, глина, стекло, мозаики и фрески. Представленные памятники очень разнообразны. Среди них есть и массовые, как амфоры и глиняные светильники, и произведения прикладного искусства высокого художественного уровня, например, стеатитовые иконки, кресты, мо-

¹ Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков: Каталог коллекции. СПб., 2006; Хрушкова Л.Г. Рецензия // ВВ. 2010. Т. 69 (94). С. 386–390; англ. версия рецензии: Khrushkova L. Pamyatniki... // Antiquité Tardive. 2009. Т. 17. Р. 424–427.

² Византийский Херсон: Каталог Выставки / Ред. И.С. Чичуров. М., 1991. В каталоге представлено 256 предметов V–XIV веков.

заичные панно. Встречаются и очень редкие предметы: хазарский реликварий из оленьего рога (№ 331), лампадор из синего стекла (№ 476), костяное навершие архиерейского посоха ранневизантийской эпохи (№ 313). В Каталоге хорошо представлены предметы из ценных коллекций Херсонесского музея-заповедника: поливной керамика с росписью, византийских и древнерусских крестов-энколпионов, мраморных архитектурных деталей константинопольского производства.

Важная особенность Каталога, которая заинтересует многих археологов: свыше четверти предметов публикуется впервые. Назову некоторые из них: мраморная коринфская ранневизантийская капитель (№ 13), архитектурные детали местной работы из известняка X–XI и XIII–XIV вв. с изображением процветшего креста (№ 30, 34, 35), керамические элементы фасадного декора храмов (№ 400, 403), золотые украшения (№ 55, 58, 70), много серебряных изделий: браслеты, перстни, пряжки, византийские монеты (№ 108–111, 114–116, 123, 124, 126–128, 130), бронзовые иконки с христианскими сюжетами (№ 146, 148, 150), кресты (№ 183, 186, 196, 203, 204), фрагменты церковного лампадора (№ 168, 169), рабочие инструменты: железные топор, сверло, серпы (№ 300, 303, 309, 310), и различные вещи, которыми пользовались горожане в повседневной жизни: замки в виде фигурок животных и ключи (№ 239, 241, 246, 247), стеклянные ожерелья и браслеты (№ 484, 486–493), игральные кости (№ 324–327), и многое другое. Это лишь некоторая часть неопубликованных предметов из раскопок основателя и первого директора Музея Карла-Николая Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907)³.

Отметим, что в последнее время Национальный музей «Херсонес Таврический» активно участвует в различных представительных выставках, таких как: «Византия. Роскошь и повседневность» (Бонн, 26 февраля — 13 июня 2010 г.), организованной Римско-Германским центральным музеем в Майнце⁴, «Меч и златник», посвященной 1150-летию зарождения Древнерусского государства, которая в ноябре 2012 г. была развернута в залах Государственного исторического музея.

Каталог завершается обширной библиографией, которая включает большинство новейших публикаций о Херсоне и ряд работ по проблемам византийской археологии. Книга отличается эlegantным современным дизайном и превосходным качеством иллюстраций (все — в цвете). Несомненно, читатель оценит и научную новизну, и великолепный полиграфический уровень этого издания.

Л.Г. Хрушкова

Хрушкова Людмила Георгиевна

Доктор исторических наук, профессор
Кафедра истории Церкви
Исторический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
119992 Москва

Электронная почта: khrushkoval@list.ru

Liudmila KHRUSHKOVA

D. Sc. in History, Professor
Department of Church History
Faculty of History
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky prospect, 27–4
119992 Moscow

e-mail: khrushkoval@list.ru

³ *Гриненко Л.О.* Косцюшко-Валюжинич Карл (Николай) Казимирович // Севастополь. Энциклопедический справочник. 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 410–411; *Grinenko L.O.* K.-N. K. Koscujsko-Valjužinič // *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis 21. Jahrhundert* / Hrsg. S. Heid, M. Dennert. Regensburg, 2012. Bd. 2. S. 756–757.

⁴ *Byzanz. Pracht und Alltag.* Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010 / Hrsg. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland GmbH. Katalogkoordination J. Frings mit H. Willinghöfer. Hirmer, 2010. S. 208–210, 278–279, 302–311.

Изследования в чест на Стефан Бояджиев (Studies in Honour of Stefan Boyadzhiev) / Съставителство и редакция С. Станев, В. Григоров, В. Димитров. София, 2011. 372 с., ч/б илл. ISBN 978-954-9472-11-0.

Сборник статей, изданный Национальным археологическим институтом и Музеем Болгарской Академии наук, посвящен 90-летию юбилею Стефана Бояджиева, известного историка позднеантичной и средневековой архитектуры Болгарии. Сборник подготовлен к печати учениками и коллегами Бояджиева по материалам конференции, посвященной юбилею ученого. Стефан Бояджиев учился во французском колледже в Софии, затем в Высшей технической школе Мюнхена, и после Второй мировой войны завершил образование в Государственном политехническом институте в Софии. Он преподавал в разных учебных заведениях: в Национальной художественной академии, Духовной академии (сейчас богословский факультет Софийского университета), в Новом Болгарском университете. Бояджиев — автор многих книг и статей, посвященных церковной и крепостной архитектуре в Болгарии. Особое внимание Бояджиев уделял изучению функционально-литургических аспектов памятников церковной архитектуры: это направление быстро развивается в Болгарии в последние полтора-два десятилетия. Проф. Елка Бакалова в своей статье справедливо отмечает, что юбиляр обладает собственным, оригинальным, видением средневековой архитектуры.

Работы, опубликованные в сборнике, посвящены архитектуре, декорации, литургическим устройствам церквей, гражданской и крепостной архитектуре. Статья Станислава Станева «Литургическая планировка: *за* или *против* функционирования атриума в константинопольских церквях в VII в.» не случайно содержит вопрос уже в самом заглавии. Действительно, литургическая роль атриума, — обширного вестибюля или открытого двора в больших церквях, — сложная проблема. Самое вероятное, что пространство атриума использовалось для различных целей и было связано с характером самой церкви: епископская, паломническая, монастырская и т. д. Станев рассматривает вопрос об атриуме на примере известной церкви «Старая Митрополия» в Несебре, которая после разрушения 618 г. была перестроена и восстановлена, но уже без атриума. Автор анализирует памятник в контексте раннехристианской и византийской архитектуры, особенно константинопольской, параллельно рассматривая письменные источники по истории литургии. обстоятельная работа Станева интересна также и тем, что в ней излагаются общие методологические принципы изучения проблемы связи между архитектурой и литургией, которой исследователь посвятил серию своих публикаций.

Статья Вани Поповой содержит анализ двух раннехристианских базилик, расположенных в окрестностях города Никополис ад Нестум. Они были раскопаны еще в конце 70-х годов, но материалы полностью не публиковались. Обе трехнефные базилики были украшены фресками и мозаиками. Комплекс церкви № 2 особенно интересен характером своего развития: сначала был построен небольшой квадратный в плане мартирий с гробницами мучеников, позже к нему пристроили базилику. Церковь № 1 с атриумом, возможно, была монастырской.

Статья Ивы Досевой посвящена амвонам ранневизантийского времени, автор показывает, что болгарские амвоны следовали константинопольским образцам. Елена Кескова — автор статьи о напольных мозаиках епископской церкви в Филиппополе (совр. Пловдив), самой большой раннехристианской базилики в Болгарии и одной из самых крупных на Балканах. В мозаиках преобладают геометрические и зооморфные мотивы, наблюдается влияние Сирии и Ближнего Востока. В работе Юлии Вылевой обобщен материал раскопок памятников элитной жилой архитектуры IV–VII веков в диоцезе Фракия, в восточной части Балканского полуострова. Многие из этих богатых резиденций были

украшены мозаиками, настенными росписями, мрамором, этот декор часто сохраняет классические традиции. Эта работа — часть докторской диссертации автора.

В нескольких статьях рассмотрена церковная архитектура эпохи Средних веков. Тотю Тотев опубликовал работу о типологии крестово-купольных церквей в Великом Преславе, столице Первого Болгарского царства. Начиная с эпохи царя Симеона (893–927), этот тип распространился в Преславе и на соседних территориях. Значительное число таких церквей (25) свидетельствует об особой значимости этого типа, связанного с константинопольскими образцами. В статье Стелы Дончевой дается реконструкция патриаршей базилики в Дуросторуме и архитектурный анализ ее объемно-пространственных характеристик. Первый этап строительства этой церкви восходит к концу IX в. Веселка Кацарова изучила церковь XI–XIII вв., расположенную в местности «Глухие камни» в Восточных Родопах и показала, что она была построена на остатках раннехристианского сооружения.

Ряд статей посвящен гражданской и крепостной архитектуре Болгарии, они рисуют широкую панораму разнообразных памятников от поздней античности до османского периода. Борис Борисов и Пламен Дойчев изучили башни ранневизантийской крепости в с. Дядово близ Новой Загоры. Валерий Григоров опубликовал материалы недавних раскопок позднеримской крепости на горе Боровец близ города Правеца. Евгений Дерменджиев открыл новый памятник — баню около церкви Сорока Мучеников в Великом Тырново. Венчислав Динчев посвятил свою работу общественным баням древней Сердики. Мая Мартинова-Кютова и Галина Пировска исследовали восточные ворота Филиппополя. В статье Христо Прешленов рассмотрена история изучения и новые данные о северной части крепостного комплекса Несебра. Николай Шиваров исследовал своеобразное явление: почитание «высоких мест» в нехристианской и христианской традиции в Болгарии. Любомир Миков рассмотрел группу османских сооружений Софии.

Всего в сборнике опубликовано 18 статей, которые вносят много нового в изучение культовой и гражданской архитектуры Болгарии. Издание служит достойной данью уважения замечательному ученому Стефану Бояджиеву. В книге много иллюстраций высокого качества, все статьи снабжены английским резюме. Она будет интересна археологам, историкам архитектуры и искусства стран Балканского ареала и Византии.

Л.Г. Хрушкова

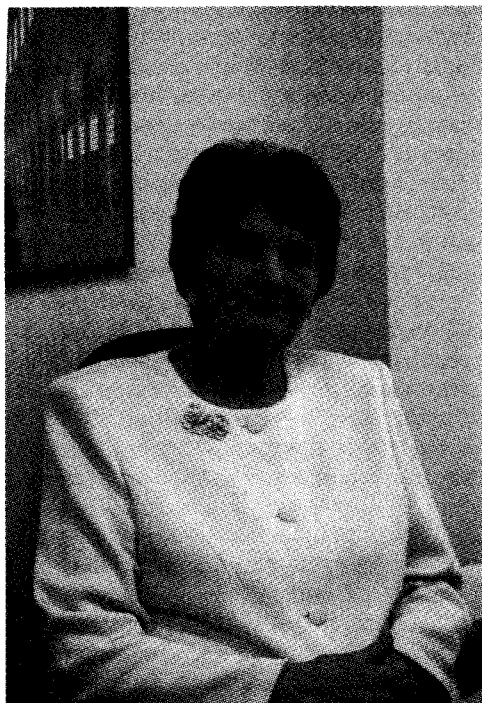
Хрушкова Людмила Георгиевна

Доктор исторических наук, профессор
Кафедра истории Церкви
Исторический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
119992 Москва
Электронная почта: khrushkova1@list.ru

Liudmila KHRUSHKOVA

D. Sc. in History, Professor
Department of Church History
Faculty of History
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky prospect, 27–4
119992 Moscow
e-mail: khrushkova1@list.ru

К ЮБИЛЕЮ МАРГАРИТЫ АДЛЬФОВНЫ ПОЛЯКОВСКОЙ

В 2013 г. исполняется 80 лет известному специалисту в области изучения истории и культуры поздней Византии, профессору Уральского федерального университета, главе уральской школы византиноведения Маргарите Адольфовне Поляковской.

Вся творческая жизнь юбиляра связана с Уральским государственным университетом (ныне Уральским федеральным университетом), в котором М.А. Поляковская работает уже более полувека. Начав свою трудовую деятельность в сентябре 1960 г., она прошла путь от ассистента до заведующего кафедрой (1979–2003). В настоящее время она продолжает работать профессором кафедры истории Древнего мира и Средних веков.

Защитив под руководством выдающегося ученого, профессора М.Я. Сюзюмова в 1966 г. кандидатскую диссертацию на тему «Рост монастырских владений в Фессалонике и Серрах в XIV в. как проявление своеобразия поздневизантийского города», М.А. Поляковская обратилась к изучению проблем византийской общественной мысли и культуры в поздний период существования империи. Итогом ее исследований в этой области стала защита в 1981 г. докторской диссертации на тему «Проблемы общественной жизни Византии в понимании современников (40–60-е гг. XIV в.)» и многочисленные научные труды, в частности монографии «Византия: быт и нравы» (Свердловск, 1989, в соавтор-

стве с А.А. Чекаловой), «Портреты византийских интеллектуалов» (1-е издание: Екатеринбург, 1992; 2-е издание: СПб., 1998), «Bizantiја» (Вильнюс, 2002, в соавторстве с А.А. Чекаловой), «Византия, византийцы, византинисты» (Екатеринбург, 2003), «Život i običaji u vizantijskom društvu» (Beograd, 2003, в соавторстве с А.А. Чекаловой), «Византийский дворцовый церемониал XIV в.: „театр власти“» (Екатеринбург, 2011). Всего же М.А. Поляковской опубликовано около 140 научных работ, их них 8 монографического характера.

М.А. Поляковская принимала активное участие в работе многочисленных всероссийских и международных конференций, научных сессий, симпозиумов и коллоквиумов, руководя секциями и выступая в пленарных заседаниях с научными докладами. Она — инициатор и один из главных организаторов Сюзюмовских научных чтений, которые начиная с 1983 г. проводит кафедра истории Древнего мира и Средних веков УрФУ. М.А. Поляковская была членом редколлегии академического трехтомного издания «Культура Византии», а ныне является членом редколлегии ведущего научного издания российских византинистов «Византийский временник» и кафедрального сборника научных трудов «Античная древность и Средние века».

Большой заслугой М.А. Поляковской является продолжение традиций ее учителя, профессора М.Я. Сюзюмова. Подобно своему великому учителю, Маргарита Адольфовна не жалеет сил и времени, руководя научно-исследовательской работой студентов и аспирантов, прививая им историко-исследовательские и методологические навыки, способствуя их творческому росту и превращению в подлинных ученых. Под ее руководством защищено 10 кандидатских и 2 докторские диссертации. Многие ее ученики ныне успешно работают в научной сфере, поддерживая и укрепляя в отечественном и международном интеллектуальном сообществе авторитет уральской школы византиноведения.

Беззаветный научный труд и педагогические заслуги М.А. Поляковской неоднократно отмечались грамотами, благодарностями и высокими званиями. Она удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и звания «Почетный профессор УрФУ».

М.А. Поляковская, храня верность канонам классической университетской научно-образовательной традиции, всегда открыта и к педагогическим новациям. Ее отличают постоянный творческий поиск, готовность к восприятию нового, повышенная взыскательность к себе как исследователю и преподавателю, каждодневное подтверждение высокого статуса одного из ведущих представителей университетского сообщества, широкая эрудиция и глубокая проницательность, высокие нравственные принципы, огромная работоспособность, умение прислушаться к собеседнику и деликатность в общении с коллегами по ученому цеху.

От всего сердца поздравляем Маргариту Адольфовну с юбилеем и желаем ей здоровья, благополучия, оптимизма, твердости духа и новых творческих свершений.

XX ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ

**«Византия и византийское наследие в России и в мире»
(Москва, 3–6 июня 2013 г.)**

3–6 июня 2013 г. в Москве состоялась юбилейная XX Всероссийская научная сессия византинистов под названием «Византия и византийское наследие в России и в мире», организованная Национальным Комитетом византинистов Российской Федерации, историческим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Музеями Московского Кремля. Председатель Организационного комитета Сессии — председатель Национального комитета византинистов РФ, декан исторического факультета МГУ, академик РАН, профессор С.П. Карпов; сопредседатель — генеральный директор Музеев Московского Кремля, к. иск. Е.Ю. Гагарина, ответственный секретарь — к. и. н., в. н. с. исторического факультета МГУ М.В. Грацианский. Члены Оргкомитета: член-корреспондент РАН И.П. Медведев, д. и. н., профессор М.В. Бибилов, ученый секретарь Музеев Московского Кремля И.А. Воротникова, к. иск., с. н. с. исторического факультета МГУ А.В. Захарова.

В адрес Оргкомитета Сессии поступило 133 заявки на участие. На протяжении работы Сессии прозвучало более 120 докладов и выступлений, опубликовано 106 тезисов докладов. Работа участников осуществлялась в двенадцати секциях. Общее количество докладчиков и слушателей составило более 200 человек. Таким образом, отмечен существенный рост числа участников по сравнению с предыдущей XIX Сессией, прошедшей в Москве в январе 2011 г. Благодаря участию коллег из Украины, Грузии, Армении, Венгрии и Сербии Сессия вновь приобрела международный характер. На Сессии выступили ученые из следующих городов: Барнаул, Белгород, Белград, Волгоград, Екатеринбург, Ереван, Калуга, Киев, Львов, Москва, Новосибирск, Омск, Орел, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Тбилиси, Тюмень, Харьков. К началу работы Сессии была осуществлена публикация тезисов докладов.

Работа XX Сессии была приурочена к проводимой Музеями Кремля выставке «Византийские древности», открытие которой пришлось на последний день работы Сессии — 6 июня. Заседания 3–5 июня проходили в помещениях исторического факультета МГУ, а заключительный день прошел в стенах Московского Кремля: научная часть — в Мироваренной палате, а открытие выставки и связанное с ним заключительное мероприятие Сессии — в здании Оружейной палаты.

Работа Сессии была открыта заседанием, в начале которого выступил председатель Национального Комитета византинистов Российской Федерации, академик РАН С.П. Карпов. В его выступлении прозвучало приветствие участникам Сессии и была дана краткая характеристика состояния отечественного византиноведения, а также внешних условий, влияющих на его развитие. С приветственным словом в адрес участников и организаторов Сессии от имени Отделения историко-филологических наук Российской Академии Наук выступил академик РАН, член бюро Отделения В.С. Мясников. В кратком докладе, последовавшем за оглашением приветственного адреса, он подчеркнул ряд существенных факторов, сближающих Китай и Византию, и указал на важность сравнительного изучения обеих цивилизаций. С приветственным словом от имени генерального директора Музеев Московского Кремля Е.Ю. Гагариной выступила И.А. Стерлигова. Последовавшее затем выступление ответственного секретаря Сессии М.В. Грацианского было посвящено организации проведения конференции и подготовке грядущего Международного конгресса византинистов в Белграде.

Главная тема сессии, — тема византийского наследия в России, — была подробно освещена в программном докладе заместителя председателя Национального Комитета византинистов РФ, члена-корреспондента РАН И.П. Медведева (Санкт-Петербург) «О значимости византийского фактора в истории России». В докладе говорилось об основных результатах «византинизации» Древней Руси, причем главным, по мысли докладчика, был государственно-политический результат, так как самим фактом крещения Руси в «колыбели православия» снимался «комплекс языческой неполноценности» Руси, и она становилась равноправным членом международного цивилизованного сообщества христианских государств. В докладе рассмотрено немало конкретных примеров воздействия византийского фактора на развитие русского государства, например, византийская практика переосмысления терминов родства, использованная для характеристики отношений междукняжеской субординации, попытки воссоздания византийской модели престолонаследия в качестве одного из аргументов в борьбе за русский престол в условиях династических кризисов, что само по себе выглядело как попытки использовать византийские прецеденты в качестве источника легитимности власти на Руси, и т. д.

В первой части последовавшего затем пленарного заседании были заслушаны доклад М.В. Бибикова (Москва) «Русские пути византийской Палестины», посвященный ранним русским «Хожениям» во Святую Землю, К.А. Максимовича (Москва) «Договоры Руси с Византией X в.: проблемы исследования и нового издания» о некоторых текстологических особенностях договоров руси с греками, А.А. Чекаловой (Москва) «Борьба западных и восточных тенденций в Византии в ранний период» о взаимодействии восточного (греческого) и западного (латинского) элементов ранневизантийской культуры. В докладе О.С. Поповой (Москва) «О стиле византийского искусства VI–VII вв.» были выделены два основных сформировавшихся в это время типа византийского образа, один из которых был в основе своей классическим, тогда как в другом преобладала большая духовная концентрация, требовавшая более условных выразительных средств. Выступление В.П. Степаненко (Екатеринбург) «Императорская стемма и княжеская шапка. Византийские регалии в Киевской Руси» было посвящено выяснению усвоения русскими князьями отдельных элементов византийского императорского облачения.

Вторая часть пленарного заседания была также посвящена выяснению отдельных тем и сюжетов, заданных общим названием Сессии. Тематически несколько выделялся из общего сюжетного ряда коллективный доклад, озвученный Ю.Я. Вином (Москва) «Проект экспертной системы „Византийское право и акты“: презентация и обсуждение». В нем было дано описание системы, призванной объединить в себе базу данных «Византийское право» и ее информационно-аналитические приложения. Чрезвычайно важная тема восприятия Византии и ее наследия, прежде всего, в современной России была поднята в докладе А.С. Козлова (Екатеринбург) «Европейский миф о Византии и вопрос о византийско-российском континуитете». Доклад О.И. Ульянова (Москва) «*Imago Novae urbis Romae* при дворе государя Ивана III: от политической концепции к столичной репрезентации» был посвящен анализу событий, связанных с восприятием Московской Русью идеи политической преемственности от Византии при Иване III. В докладе А.А. Алфёрова (Киев) «Киевская Русь и Византия: контакты между странами в свете сфрагистики» были затронуты некоторые аспекты византийско-русских отношений на основе византийского сфрагистического материала, обнаруженного на территории России и Украины. В.Б. Казарина (Санкт-Петербург) затронула специальную тему византийского влияния на Россию в сфере прикладного искусства: «Византийские традиции в древнерусском лицевом шитье XVI в.». И наконец, В.В. Гурулева (Санкт-Петербург) сделала сообщение о роли византийских монет в эконолке и иных сторонах жизни Древней Руси: «Византийские монеты в денежном обращении и культуре Руси».

Второй день работы Сессии (4 июня) состоял из заседаний пяти секций и общей экскурсии участников в Большой Кремлевский Дворец, организованной Музеями Московского Кремля.

На секции «Византия без границ» (председатель: Р.М. Шукуров, Москва) прозвучало несколько докладов по истории отношений Византии и Османской Турции, Грузии, Сербии. Доклад С.Ф. Орешковой (Москва) «Византийское наследие и Османская империя» был посвящен византийскому влиянию на сложение социальных и политических институтов Османского султаната в XV–XVI вв. Тема влияния христианской византийской религиозности анализировалась в докладе Ю.А. Аверьянова (Москва) «Христианские сюжеты в житиях суфийских святых раннеосманского времени», проследившего модификацию стандартных мусульманских представлений в суфийской среде на Балканах и Анатолии под влиянием христианских верований местного греческого населения. Р.М. Шукуров (Москва) в докладе «Тюркоязычие в Византии в XIII–XV вв.» выделил четыре разряда византийцев, обладавших тем или иным знанием тюркского языка. В докладе Э.Г. Жордания (Тбилиси) «Этно-географические представления в средневековой Грузии» была предпринята интересная попытка реконструировать географические представления грузинского средневековья. А.А. Адашинская (Будапешт) посвятила свое сообщение «Имперская идеология и династическая легитимность в грамотах Стефана Душана Афонским монастырям» византийскому влиянию на политическую мысль Сербского царства в XIV в. Доклад О.Е. Петруниной (Москва) «Византийская традиция в политическом дискурсе греков в эпоху Просвещения» выделил основные типы рецепции и интерпретации византийского культурного наследия деятелями греческого просвещения в XIX в.

Секция «Византийское наследие на Руси и в России» (председатель: М.В. Бибииков, Москва) отличалась большим количеством важных докладов и значительным числом слушателей. Пример рецепции византийского законодательства в России XVII в. был разобран в докладе Н.П. Чесноковой (Москва) «„Из греческих законов“: судное дело 1662 г. в документах Посольского приказа». Отношения русских государей с Афоном рассматривались в сообщении В.Г. Ченцовой (Москва) «Россия и Хиландарский монастырь в XVI в.». Г.В. Скотникова (Санкт-Петербург) в докладе «Русское церковное зодчество — византийские ритмы» затронула тему мощного влияния византийской архитектуры на русское зодчество. Восприятие Византии в России XVII в. на примере одного памятника русской литературы было темой доклада М.С. Деминцева (Тюмень) «Сведения о Византии в русском „Азбуковнике“ XVII в.». В.Г. Пуцко (Калуга) также поднял вопрос о художественном влиянии Византии на Русь в своем сообщении «Византийское художественное наследие на Руси: смена эпох», представив хронологические этапы этого влияния. А.А. Роменский (Харьков), как и некоторые другие участники Сессии, посвятил свой доклад «Византийские инсигнии и царский титул князя Владимира: реальность или историографический миф?» фундаментальной теме восприятия Русью различных аспектов и атрибутов высшей власти Византии. Активную дискуссию вызвало сообщение А.А. Тюняева (Москва) «Ранний этап византино-древнерусского монетного обращения». Рецепции конкретного византийского художественного сюжета на Руси был посвящен доклад М.В. Юрьевой (Москва) «Образ плащаницы Успения Богоматери в Византии, средневековой Руси и России: связь времен и художественных традиций». И, наконец, восприятие византийской богословской традиции получило свое освещение в сообщении Г.Е. Исаева (Москва) «Русская икона Божией Матери „Милостивая“ в свете византийской богословской традиции».

В секции «Архитектурное наследие» (председатель: А.Ю. Казарян, Москва) были представлены исследования по архитектуре собственно Византии и Константинополя, Палестины, Закавказья, Древней Руси и Сербии. С.В. Тарханова (Москва) рассмотрела архитектуру северной Палестины V–VII вв. и показала, как в этом регионе зодчие обращались к более ранним известным постройкам Иерусалима, Вифлеема и др. для создания архитектурной среды, соответствующей новому представлению о Святой Земле. Доклад Е.Ю. Ендольцевой (Москва) был посвящен датировке архитектурной пластики собора в Агу-Бедиа в Абхазии. Дискуссия выявила недопустимость выборочности результатов

предшествовавших исследований и надежду на возвращение к взвешенной оценке памятника, как произведения конца XIII — начала XIV в., созданного на основах плана храма X в. В докладе Д.Д. Ёлшина (Санкт-Петербург) шла речь о конструкции синтронов первых каменных храмов Древней Руси. На основе анализа археологического материала сделан вывод об устойчивом обращении к достаточно архаичной византийской традиции сооружения синтронов. А.А. Фрезе (Санкт-Петербург) проанализировала тексты изданных византийских типиконов и показала, какие сведения эти источники могут дать для изучения архитектуры средневизантийского периода. В совместном выступлении Д.В. Белецкого и А.Ю. Виноградова (Москва) был представлен обзор тех черт архитектуры стран Закавказья IX–X вв., которые, по мнению докладчиков, свидетельствуют об имевшем место византийском влиянии: от типологии до строительной техники и декоративных мотивов. В ходе дискуссии было выражено сомнение в убедительности столь масштабного заключения. В частности, было отмечено, что хотя в западных областях Армении в X в. довольно широко использовалась кладка с применением кирпича, говорить об одновременном византийском влиянии на архитектуру этой страны преждевременно, и что отмеченные архитектурные формы, такие как, например, паруса подкупольных переходов, известны были в Армении еще с VI–VII вв. Спорным оказался и вопрос происхождения основы композиции храма Квелацминда у Вачнадзиани в Кахети. А.Ю. Казарян (Москва) обратился к вопросу генезиса композиции четырехстолпных храмов Иерусалима эпохи крестоносцев и попытался связать особенности перекрытий поздневизантийских четырехколонных церквей Константинополя с этими образцами на Святой Земле. В связи с этим поставлен также вопрос о возможной перестройке перекрытий церкви Мирилейон (около 920 г.) в XIII в., когда могли появиться характерные для западной традиции крестовые своды зон, окружавших купольный квадрат. С.В. Мальцева (Санкт-Петербург) в своем докладе осветила круг проблем, остающихся до сих пор нерешенными в изучении последнего периода развития сербского средневекового зодчества. Предложена аналитическая историография проблемы истоков его формирования и роли моравских храмов, на основе широкого охвата памятников высказаны сомнения в точности предлагавшихся до сих пор оценок о рождении типологии трехэкседровых композиций и стилистических особенностей церквей второй половины XIV в.

В рамках секции «Византия и Запад» (председатель: А.С. Козлов, Екатеринбург) было заслушано пять докладов. С.В. Близнюк (Москва) в докладе «Двор кипрских королей под влиянием византийских и итальянских гуманистов в первой половине XIV в.» продемонстрировала социокультурную органичность двора Лузиньянов тем параметрам придворной культуры Латинской Романии, которые сложились в обстановке местного и «пришлого» гуманизма. М.Н. Бахматова (Москва) в докладе «Византия и итальянские морские республики в XIII в.: мировоззренческие модели и реальность» показала, как при изменении взглядов византийцев на латинян (после 1204 г.) в историографической традиции первых выстроилась модель «двух антагонистических реальностей» применительно к Византии и Генуе, в то время как Венеция заняла промежуточное положение между этими двумя мирами. Доклад Р.Б. Буганова (Москва) «Византийцы и латиняне в сочинениях византийского писателя начала XIII в. Николая Месарита» фактически дополнил наблюдения М.Н. Бахматовой в той части, которая касается оценок противостояния византийского и латинского миров, сделанных конкретным интеллектуалом. Исследователь показал, что Месарит отказывается видеть в латинянах собратьев по вере (настоящие христиане — не латиняне, а византийцы). И композиция, и стилистические приемы «Собеседования» Месарита работали именно на этот тезис. По мнению М.И. Дробышева (Москва), выступившего с докладом «Социальная оценка иноземцев из Западной и Северной Европы в „Алексиаде“ Анны Комниной», в этнонимах, прилагаемых Анной к народам указанных частей Европы и к их представителям, оказывающимся на территории Византии, содержится, с одной стороны, познавательная точность (и даже объективность), а с другой — «ромейский снобизм», трактующий этих людей как «варва-

ров». Главная идея доклада Н.Г. Пашкина (Екатеринбург) «Крушение Византии и судьба универсалистских структур на Западе» состояла в доказательстве умирания на Западе (после падения Константинополя в 1453 г.) идеи о *translatio imperii*. Империя перестает существовать как принцип идентичности христиан. Альтернативой ей как христианское объединение постепенно приходит понятие Европы.

Заседание секции «Книги и тексты» было продуктивным и интересным. Четыре зачитанных доклада вызвали многочисленные вопросы и оживленную дискуссию.

Доклад М.А. Курышевой (Москва) был посвящен датировке и атрибуции рукописи РНБ, Греч. 55, содержащей тексты Евангельских чтений и Апостола. Автор на основании палеографического анализа маюскульного письма рукописи, особенностей начертания отдельных букв, редкого расположения текстов в 3 столбца, необычайно тонко выделанного пергамента, склоняется к выводу о связи греческого кодекса из РНБ и кодекса 955 из Дионисиева монастыря на Афоне. Более того, М.А. Курышева считает возможным и несколько «удревнить» кодекс (время его создания докладчица относит к 50-м годам X в. — времени «первого гуманизма» X столетия). Доклад А.В. Бармина (Москва) был посвящен сложнейшим источниковедческим и текстологическим проблемам, связанным с введением в научный оборот «слова об опресноках» Никиты Стифата. В центре научного исследования автора были проблемы критического издания памятника. А.В. Бармин остановился на необходимости критического издания рукописного наследия студийского иеромонаха Никиты Стифата, в котором ярко отразилась противолатинская полемическая традиция. Автор доклада выявил обширную сохранившуюся традицию полных списков сочинения (7 списков XIII–XV вв.) и привлек два списка XIII в., в которых дошли отдельные части сочинения Никиты Стифата. Сличение списков, проведенное А.В. Барминым, убеждает, что необходимость критического издания давно назрела, так как издания конца XIX в. и первой половины XX в. были выполнены на основании только отдельных списков и при этом не в полном объеме сочинения. Кроме того, сличение текстов списков выявило особую значимость рукописей из Ватиканского собрания. По мнению А.В. Бармина, они наиболее близки к архетипу сочинения. Третий доклад на секции представила О.А. Туминская (Санкт-Петербург). Он был посвящен древнерусской лицевой рукописи XVII в. из собрания Российской национальной библиотеки с Житием Андрея Юродивого. В докладе шла речь об особенностях оформления лицевого Жития в традициях поморского (Северного древнерусского) письма. Большой интерес вызвали наблюдения автора над манерой исполнения миниатюр разными композиционными приемами, возможно исполненные несколькими мастерами, а также характерное для рукописи обилие реалистических деталей. Завершал программу заседания доклад Е.К. Пиотровской (Санкт-Петербург). Он был посвящен анализу текста списка Летописца «вскоре» Константинопольского патриарха Никифора, сохранившегося в Кормчей конца XV — начала XVI в. из собрания Ярославского музея-заповедника. Анализ текста дошедшего древнерусского списка переводной малой византийской хроники, к жанру которой и относится Летописец «вскоре» Константинопольского патриарха Никифора, позволил автору доказать не только необходимость введения списка в уже установленную схему классификации редакций памятника, но и выявить сохранившиеся разночтения, которые отражают черты архетипа списка, близкого к греческому оригиналу сочинения патриарха Никифора.

Следует также отметить, что все доклады сопровождалось представительным визуальным рядом: текстовыми и иконографическими распечатками, а также компьютерными воспроизведениями отдельных листов кодексов. Неоценимую услугу в этом профессионально оказывала А.В. Захарова.

Наибольшее количество секций (семь) состоялось в третий день работы Сессии, 5 июня, причем некоторые из них имели по два и даже три заседания.

На заседании секции «История отечественного византиноведения» (председатель: И.П. Медведев, Санкт-Петербург) прозвучало четыре доклада: В.В. Корниенко (Киев)

«Вопрос участия Д.П. Гордеева в новой серии „Византийского временника“ (по материалам личного архива ученого)», И.Л. Кызласовой (Москва) «Из истории изучения византийского и древнерусского искусства: Н.Д. Протасов (1886–1940)», Л.Г. Хрушковой (Москва) «Йозеф Стриговский и Йозеф Вильперт в России: современный взгляд на дискуссию начала XX в.» и Е.А. Черных (Москва) «Историческое значение трудов В.А. Бильбасова, посвященных жизни и деятельности равноапостольных Кирилла и Мефодия».

На заседании секции «История византийской церкви» (председатель: Н.Д. Барабанов, Волгоград) было заслушано девять докладов.

Доклад Н.Д. Барабанова (Волгоград) «Византийский приход в зеркале агиографии» имел обзорный характер, и цель его состояла в том, чтобы выявить специфику информации, сохранившейся в житиях святых и представляющей интерес для изучения таких аспектов бытия византийских приходов, как роль культовых сооружений, особенности положения и статуса клира, характерные черты религиозного сознания и поведения пастырей. В докладе А.Б. Ваньковой (Москва) «Некоторые замечания по поводу новициата в ранневизантийском (IV–VI вв.) монашестве» речь шла о специфике отношения к личности новиция, к сроку и порядку прохождения новициата в среде самого монашества, а также у светских властей, которые в значительно большей степени были озабочены социальным статусом (раб, колон или куриал) человека, уходящего в монастырь. Доклад А.А. Войтенко (Москва) «Култ Аполлона и Фиба в византийском и раннеарабском Египте» был посвящен некогда популярным святым, тесно связанным с историей монастыря Баут. Эта обитель притягивала паломников со всего Египта во многом благодаря специфическому культу «прощения грехов», ритуальной кульминацией которого был проскинесис на могиле Фиба. Заметный интерес на секции вызвал доклад М.В. Грацианского (Москва) «Генезис концепции папского примата в I–V вв.». В центре внимания автора находилась проблема развития представлений о роли и функциях апостола Петра в истории римской христианской общины. Создание образа главенствующего апостола, передавшего власть римским понтификам, стало фундаментом концепции папского примата в христианской церкви, нашедшего отражение в деятельности и творениях папы Льва I (440–461). Значительный интерес также вызвал отличающийся новизной подхода к изучаемой теме доклад П.В. Кузенкова «Падение ветхого Рима: церковный раскол Востока и Запада в поздневизантийских и русских источниках». Малоизученной и оригинальной теме был посвящен доклад О.В. Лосевой «Первые новомученики-„автоклиты“ — греческие и славянские монахи-святогорцы», в котором речь шла о сложном и неоднозначном в оценках современников феномене православных подвижников, которые подчас сами провоцировали турок на репрессивные действия. А.А. Пржегорлинский представил доклад «Монашеский идеал святого Феоплита Филадельфийского: к проблеме генезиса феномена „политического исихазма“, в котором речь шла о влиянии епископа Феоплита, мистика и аскета, на социальную жизнь малоазийского города Филадельфии в условиях кризиса и османской агрессии. Различным нюансам правового положения зависимого населения в Византии был посвящен доклад Е.В. Сильвестровой «Брак подвластных: институт римского права в византийской традиции». Завершающий заседание доклад Е.И. Мирошниченко «Икона в народной византийской культуре VI в.» отразил начальный этап аналитического подхода к сложнейшей проблеме народного почитания священных изображений в Византии.

Итог обмена мнениями в конце заседания подвела А.А. Чекалова (Москва).

Секция «Внутренняя история Византии» состояла из двух частей. В первой части («Ранневизантийский период»; председатель: А.А. Чекалова, Москва) прозвучали доклады, хронологически относящиеся к IV–VII вв. Открыл заседание доклад Р.А. Беды (Барнаул) «*Στρατιώτης, strator, στρατηλάτης*? К вопросу о карьере и статусе Фоки в 602 г.». Правовой тематике в изучении социальных процессов в ранней Византии был посвящен доклад А.А. Шевченко (Санкт-Петербург) «Особенности прикрепления вольноотпущен-

ников в Византии в IV–VI вв.». Г.Г. Захаров (Москва) сделал сообщение, посвященное некоторым нюансам церковно-государственных отношений: «Сенат как арбитр в богословских спорах». Особое место занял доклад Н.И. Быстрицкого (Москва) «Информационный ресурс „Византийский временник“ онлайн», в котором рассказывалось о вновь созданном сайте головного печатного органа отечественной византистики журнала «Византийский временник». В.В. Серов (Барнаул) посвятил свой доклад «К реконструкции истории правления Тиберия II Константина» изучению отдельных, — прежде всего, финансовых и налоговых, — аспектов царствования Тиберия II (578–582). Последним в данном заседании с докладом «Эстетика идеологии окружения Ираклия: модернизм или архаизация? (На примере изображения оружия на блюдах из Караваса, Кипр)» выступил П.В. Шувалов (Санкт-Петербург), который посвятил свое выступление анализу отдельных деталей изображений воинов на серебряных блюдах эпохи императора Ираклия (610–641).

Вторая часть секции «Внутренняя история Византии» («Средне- и поздневизантийский период»; председатель П.В. Шувалов, Санкт-Петербург) содержала доклады, посвященные разным аспектам изучения внутренней истории Византии X–XIV вв. Е.В. Когут (Москва) выступила с сообщением «Византийская женщина: идеальная идентификация палеологовским обществом». А. Волкофф (Москва/Рим) сделал сообщение на тему «Вклад политической идеологии „Никейской империи“ в формирование историографического представления о поздней Византии». Особенности «кризисной» финансовой политики поздней империи было посвящено сообщение А.Л. Пономарева (Москва) «Когда каталанцы ушли: „военные деньги“ Империи». И.О. Князький сделал доклад на тему, одинаково актуальную как для истории Византии, так и для истории Руси: «Печенежский фактор во взаимоотношениях Византии с Болгарией, Венгрией и Русью в X в.». Р.О. Шляхтин (Москва/Будапешт) в своем докладе «Память о поражении. Сражение при Манцикерте (1071) в трудах византийских писателей XII в.» рассказал о восприятии причин и последствий сражения при Манцикерте в позднейшей византийской историографии. И, наконец, А.С. Щавелев (Москва) сделал сообщение, называвшееся «„...Ни другой кто из блаженных василевсов не возвышали франка или варанга в достоинство патрикия“»: комментарий к фразе из „Советов и рассказов Кекавмена“, в котором остроумно доказал ошибочность приведенного в названии утверждения Кекавмена и наличие среди византийских патрикиев выходцев из англичан, служивших в полку варангов.

Заседание секции «Византийская археология» (председатель: О.В. Вус, Львов) прошло 5 июня 2013 г. Кроме основных докладчиков, в дебатах приняли участие не менее десяти историков, искусствоведов и филологов. Такой интерес, возможно, объясняется тем, что тезисы участников были связаны с Северным Причерноморьем — регионом, в котором Византия долгое время присутствовала де-юре. Положительным моментом явилось и то, что вопросы византийского периода истории региона докладчики освещали с учетом данных агнографии, археологии, палеографии, сфрагистики, и искусствоведения, что безусловно подчеркивало комплексный характер работы секции.

Доклад А.Ю. Виноградова (Москва) был посвящен важному агнографическому источнику — новооткрытому «Чуду Святого Капитона». Как подчеркнул докладчик, сведения, содержащиеся в нем, позволяют по-новому взглянуть на историю ранневизантийского Херсона. И в частности, уточнить топографию «чуда», совершенного епископом Капитоном; выяснить обстоятельства, при которых оно было сотворено (Херсон в IV в. оставался городом «язычников»), проанализировать поведение горожан, намерения церковных и имперских властей, а также объяснить появление в городе римского военного контингента в рассматриваемый период.

Львовский византист О.В. Вус выступил с сообщением об открытии нового памятника в горах Юго-Западного Крыма — раннесредневековой крепости Сиваг-Кермен. По мнению исследователя, этот оборонный комплекс, построенный в типичных римско-византийских традициях, выполнял разведывательно-дозорные функции на северной

границе контролируемой Византией территории полуострова, в среднем течении р. Бельбек. О.В. Вус констатирует, что крепость Сиваг-Кермен являлась одним из звеньев регулярного военно-инженерного рубежа (*limes Tauricus*), возведенного в VI в. администрацией Юстиниана I в горной Таврике. В дискуссии Н.Е. Гайдуков (Москва) предложил дополнить иллюстративный ряд картами с изображением предполагаемого ранневизантийского лимеса.

В.Ю. Коваль (Москва) выступил с двумя докладами: «Новая программа изучения византийской поливной керамики XIII–XIV вв. Первые результаты» и «Иконки-змеевики: поиск прототипов». Оба доклада имели междисциплинарный характер и в силу этого сразу же привлекли внимание искусствоведов. В центре дискуссии оказался вопрос о правильной идентификации изображений на христианских иконках-змеевиках, точнее, вопрос о двух иконографических истоках змеевидных композиций. В тезисах В.Ю. Коваль пришел к заключению, что изображение, ранее трактовавшееся как изображение Медузы Горгоны, нам самом деле является изображением Сциллы. Возможно, именно так выглядела, несохранившаяся до наших дней, статуя Сциллы на ипподроме Константинополя.

Доклад Н.Е. Гайдукова (Москва) был посвящен изображению православного иерарха, обнаруженному на стене пещерного храма «Успение» на городище Эски-Кермен в Юго-Западном Крыму. Тщательно проанализировав иконографическую программу храма, исследователь пришел к выводу, что на его фресках изображен «неканонизированный святой» — константинопольский патриарх Арсений (1254–1267). Правильно идентифицировать иерарха и установить время иссечения храма помогла расшифровка надписи на стене («Святейший архиепископ Арсений»), выполненная А.Ю. Виноградовым. По мнению докладчика, храм «Успение» и фресковая роспись в нем возникли между 1262 и 1312 гг., в период обострения внутрицерковных распрей в восточных провинциях Империи, до примирения «арсенитов» с православными.

На заседании секции «Византийская филология» (председатель: Н.Н. Болгов, Белгород) было заслушано семь докладов, вызвавших интерес и оживленную полемику. Вполне ожидаемо, что тематика сообщений была связана, прежде всего, с текстами, либо вовсе неизданными, либо не имеющими современного критического издания, в крайнем случае — не имеющими русского перевода.

С.А. Денисов (Москва) в докладе «Понятие „дружбы“ в письмах Навпактского митрополита Иоанна Апокавка» обратился к обширному наследию церковного автора начала XIII в., попытавшись вычленив в нем категорию «дружбы», которая восходила у рассматриваемого автора как к классическим, так и к библейским образцам. В докладе Д.Е. Афиногенова (Москва) «К текстологии славянского перевода „Иерусалимского стяжания с иудеем“» был предложен целый ряд наблюдений и реконструкций относительно как греческого оригинала, так и славянского перевода рассматриваемого текста, который доселе практически не привлекал внимания исследователей. С.А. Иванов (Москва) представил «Неизвестное поздне(пост)византийское путешествие на тот свет». На основе неопубликованного текста, восходящего территориально к западной Малой Азии и связанного со (славянскими?) поселениями региона, была представлена «дорожная карта» путешествия на тот свет глазами одного из местных жителей. Были показаны как общие, традиционные вехи на этом пути, так и специфические, уникальные «остановки», известные лишь из данного произведения и визионерского опыта его автора. В докладе Н.Н. Болгова (Белгород) «„Похвала Юстину Младшему“ Кориппа и завершение традиции латинских императорских панегириков в Константинополе» было обращено внимание на недостаточно используемые возможности данного произведения как исторического источника, так и литературного произведения. Традиция латинских эпических стихотворных панегириков от Клавдиана до Кориппа нашла завершение в Новом Риме в конце 60-х годов VI в. В произведении можно найти множество важных сцен, более нигде систематически не изложенных: погребение Юстиниана Великого, коронационный чин Юстина Младшего и др. В.В. Василик (Санкт-Петербург) выступил с докладом

«Неизвестный палестинский канон Константину Великому: авторство, текстология, исторический контекст». Была представлена попытка введения в научный оборот данного текста с аналогиями, источниковедческим и общеисторическим комментарием. В докладе Д.С. Пенской (Москва) анализировался реконструированный автором обширный и детальный компендиум «Путешествия в Рай и странствия по пустыне в ранневизантийской литературе». Опираясь преимущественно на памятники агиографической и аскетической традиции, автору удалось показать как общие, так и особенные для некоторых произведений направления и пункты рассматриваемого сакрального маршрута. Доклад Д.А. Черноглазова (Санкт-Петербург) *«Идите за мною, звероловы, и я сделаю вас ловцами варваров. Образ императора-охотника в византийской литературе VI–XII вв.»* стал своеобразным дайджестом по обширному корпусу сочинений, где рассматривается этос императорской охоты, его военно-политические, символические, и сакральные смыслы, а также их эволюция на протяжении рассматриваемого времени.

Все доклады вызвали живой интерес и сопровождались большим количеством вопросов и суждений.

В рамках секции «Проблемы источниковедения» (председатель: Т.В. Куш, Екатеринбург) были представлены доклады, посвященные проблемам интерпретации и анализа византийских источников разных жанров (хроник, писем, полемических сочинений): их лексика, образного ряда, содержательного потенциала, а также соотношения выраженного в них индивидуального взгляда автора с распространенными в его время общими представлениями. Выступавшие не ограничивались рассмотрением частных сюжетов на материалах отдельных источников, а старались вписать результаты своих наблюдений в широкий контекст византийской культуры соответствующего периода.

Два доклада касались сочинений автора XII в. Михаила Глики. Л.Т. Авилушкина (Санкт-Петербург) в докладе «К анализу содержания эпистолярного наследия Михаила Глики» дала характеристику корреспонденции Глики. Исследовательница показала объем этого эпистолярного наследия, представила его рукописную традицию и историю его публикации, очертила круг адресатов и выявила тематический диапазон корреспонденции, отметив информативность писем Глики для изучения религиозной и общественной жизни второй половины XII в. В центре внимания доклада В.Ю. Жаркой (Москва), «Сведения о Британии во Всемирной хронике Михаила Глики», были космологические представления, нашедшие отражение в рассказе Глики о сотворении мира. В.Ю. Жаркая, показывая в целом компилятивный характер этой части сочинения, обратила особое внимание на вставку, включенную автором в текст в качестве эмпирического аргумента в споре о форме земли и неба. В доказательство своего представления о небе как сфере Глика упоминает о продолжительном световом дне в Британии. Эти сведения, по мнению исследовательницы, основывались не на литературной традиции, а были почерпнуты из устных рассказов выходцев с Альбиона. Хотя оба вышеназванных доклада посвящались творчеству одного и того же автора, то что они были представлены в контрастной стилистике с использованием разных приемов источниковедческого анализа, позволило дать многогранную и насыщенную красками картину творческого наследия этого византийского писателя.

Продолжая тему всемирных хроник, И.Н. Попов (Москва) обратился к отражению событий Гражданских войн Древнего Рима в византийской историографии VI–XII вв. Исследователь проанализировал, почему одни хронисты давали развернутые экскурсы в этот период истории, а другие, наоборот, лишь кратко упоминали о нем. Отмечая «монархические» пристрастия историографов, он также показал, как основные тенденции развития политической мысли Византии проявлялись в интерпретации хронистами событий древнеримской истории. А.М. Крюков (Москва) предложил новое прочтение известной цитаты из «Алексиады» о «морской карте» Алексея I Комнина. Поставив под сомнение традиционную версию о графическом наброске, выполненном византийским императором, докладчик обратился к лингвистическому анализу употребленной лекси-

ки и на его основе пришел к заключению о том, что данная «карта» представляла собой не чертеж местности, а словесное описание географических объектов. Т.В. Куш (Екатеринбург) выступила с докладом «Императорский двор в „сновидениях“ Димитрия Кидониса», проанализировав два письма этого известного политика и интеллектуала XIV в. и констатировав уникальность для византийской литературы предложенных им описаний ночных грез. Исследовательница выявила реальные и вымышленные пласты в содержании его текстов и показала гуманистический характер этих рассказов-миниатюр.

Теме исторической памяти византийцев был посвящен доклад Л.В. Луховицкого (Москва) «Представления об иконоборчестве в XI–XV вв.: проблема источников». Выделив три этапа в освещении иконоборческой проблематики византийскими писателями на протяжении указанного периода, докладчик продемонстрировал, что для каждого из этих этапов был характерен разный набор использовавшихся авторами источников, разные представления об иконоборческом движении и разное использование упоминаний о нем в полемических стратегиях соответствующего времени.

На XX Всероссийской научной сессии византинистов были широко представлены исследования по истории архитектуры и изобразительного искусства, от раннехристианского периода и до позднего русского Средневековья.

Как уже было сказано выше, в пленарном заседании с докладом «О стиле византийского искусства VI–VII вв.» выступила О.С. Попова (Москва). Большая часть докладов по раннехристианскому, византийскому и древнерусскому искусству была зачитана в секции «Художественное наследие», заседания которой были разделены на три части. С.П. Заиграйкина (Москва) в докладе «Художественные особенности и время создания мозаик Неаполитанского баптистерия» с помощью тонкого стилистического анализа убедительно обосновала датировку памятника второй половиной V в. и определила его место среди других направлений раннехристианского искусства. Доклады В.Н. Залесской (Санкт-Петербург), М.Г. Крамаровского (Санкт-Петербург) и Т.Ю. Малаховой (Москва) были посвящены произведениям декоративно-прикладного искусства: крестам-энколпионам XI–XII вв., кресту Виссариона 1355 г. и рельефам слоновой кости X–XI вв. А.М. Лидов (Москва) в докладе «Вращающийся свет. Иеротопия и иконография византийского храма» попытался связать друг с другом столь разные художественные явления, как изображения цветных вращающихся дисков в монументальной живописи Сербии и Македонии XIII–XIV вв., известный по синаяйским иконам прием круговой полировки на золотом фоне, ранне- и средневизантийские изображения сияния вокруг хризмы, розетки в кирпичном декоре храмов, а также известные из описаний источников и по-разному реконструируемые светильники в интерьере св. Софии Константинопольской. Через апелляцию к трактовке света в неоплатонических текстах и к теме вращения, присутствующей в известных экфрасисах патриарха Фотия и Павла Силенциария, автор истолковывает эти художественные явления как образы «вращающегося света», по его мнению, определявшие восприятие интерьера храма византийцами. Эти построения автора вызвали дискуссию. А.Л. Саминский (Москва) рассмотрел смысловые связи между текстами прологов и изображениями символов евангелистов в Четвероевангелии Син. гр. 518 из ГИМ. Андже́ла Гаври́лович (Белград) представила очень интересное сообщение об уникальной сцене «Смерть праведника» в трапезной монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе, литературный источник которой она обнаружила. Д.А. Скобцова (Москва) с помощью сравнительного стилистического анализа обосновала датировку ранним XIII в. фресок придела св. Евфросинии в Евфросиниевом монастыре в Полоцке. Доклады двух исследовательских коллективов из Киева и из Москвы были посвящены одной и той же проблеме — идентификации изображений святых на хорах св. Софии в Киеве и интерпретации их в контексте иконографической программы собора в целом. Атрибуции некоторых изображений совпали, в других случаях возникли вопросы и сомнения, однако наиболее существенные различия были продемонстрированы в методах и выводах двух исследований. Н.Н. Никитенко и В.В. Корниенко (Киев), опираясь

на прочтение граффити и исходя из разрабатываемой ими версии о создании собора в 1011–1018 гг., истолковывают идентифицированные ими изображения как прославление семьи князя Владимира средствами иконографии. Участники дискуссии В.Д. Сарабьянов (Москва), Н.В. Герасименко (Москва) и А.В. Захарова (Москва), придерживаясь традиционной датировки фресок 30–40-ми гг. XI в. и сопоставляя их с другими росписями средневизантийского периода, напротив, интерпретируют смысл этой части программы как предствление всех категорий святых, среди которых некоторые образы, безусловно, могут быть связаны с присутствием на хорах князя и его окружения.

Доклады по различным проблемам древнерусского искусства были прочитаны не только на заседаниях секции «Художественное наследие», но и в ходе работы иных секций. Е.Я. Осташенко (Москва) охарактеризовала стиль живописи византийского мира и Руси второй четверти — середины XV в., показав его внутреннее родство с западноевропейским искусством того же времени. По мнению исследовательницы, именно этот «параллелизм мышления» стал причиной того, что в русских и греческих произведениях зрелого XV столетия довольно часто встречаются формы и мотивы западного происхождения. Проблемам искусства XV в. был посвящен и доклад А.Г. Баркова (Москва). Он обратился к известной византийской епитрахили из бывшей Патриаршей ризницы, традиционно связывавшейся с именем митрополита Фотия. Эта версия основывалась на чтении двух вышитых на епитрахили монограмм как имени митрополита, однако, как показали недавние исследования, монограммы не имеют отношения к личности вкладчика. Тщательный стилистический анализ изображений на древнейшей части епитрахили позволил А.Г. Баркову вернуться к датировке памятника первой третью XV в.

Предметом значительной части сообщений стали памятники придворного искусства XVI в. — эпохи, для которой тема византийских традиций была одной из ключевых. Эта проблематика естественным образом нашла отражение в докладах сотрудников Музеев Московского Кремля, а также в посвященных кремлевским произведениям выступлениях их коллег из других учреждений. Ю.Н. Бузыкина, основываясь на описях XVI в. и сохранившихся произведениях, попыталась проанализировать программу иконного убранства собора Соловецкого монастыря — обители, которая, несмотря на свою удаленность от Москвы, жила по законам столичной культуры. С.Г. Зюзева обратилась к вопросам типологии и иконографической программы драгоценных иконных окладов московской работы. Т.Е. Самойлова предложила иконографическую интерпретацию новооткрытого (но, впрочем, уже не раз демонстрировавшегося на разных конференциях) трехфигурного Деисуса из собрания Музеев Московского Кремля, справедливо предположив, что он представляет собой реплику византийского произведения. Тема копирования древних святых была продолжена докладом М.А. Маханько (Москва), которая представила слушателям малоизвестную икону последней трети XVI в. «Похвала Богородице с Акафистом» (Кировский художественный музей), восходящую к знаменитому византийскому образу второй половины XIV в. из кремлевского Успенского собора, и сообщением Т.В. Толстой (Москва) о происходящей из того же храма иконе «Богородице Кипрская» конца XVII или XVIII в. — памятнике с необычной иконографической схемой, напоминающей некоторые византийские богородичные образы XII–XIV вв. Вниманию Н.В. Квлидзидзе (Москва) привлекла находящаяся в западной галерее Благовещенского собора композиция на сюжет из «Лествицы», изображающая аскетические подвиги монахов из обители «Темница». Для интерпретации этой сцены, созданной в середине XVI в., исследовательница обратилась к византийской традиции иллюстрирования «Лествицы» Иоанна Лествичника, а также к поствизантийским композициям. В докладе А.С. Преображенского (Москва) были рассмотрены малоизвестные отечественным специалистам памятники, выполненные в 90-е годы XVI в. в Москве по заказу греческого иерарха — архиепископа Арсения Элассонского (образ Богородицы на престоле с предстоящими, ныне в Византийском музее в Афинах, и архиерейский энколпион с «Деисусом», ныне в Музее Греческого института в Венеции). Предназначенные для вкладов в фессалийский

монастырь Дусику и греческий храм в Венеции, они представляют собой эталонные произведения «годуновской» эпохи, однако обладают редкой особенностью: обе композиции дополнены прижизненными изображениями донатора, нормальными для поствизантийской культуры, но необычными для русской.

В целом доклады по древнерусскому искусству свидетельствуют об устойчивом интересе исследователей к культуре позднего Средневековья и о стремлении анализировать памятники этого периода в широком контексте поствизантийского искусства. Актуальной задачей остается разработка атрибуционных критериев, которые позволят точнее разграничивать этапы эволюции русской живописи XVI столетия (датировки некоторых памятников, показанных докладчиками, следует признать дискуссионными).

Последний день работы Сессии (6 июня) проходил в стенах Мироваренной палаты Патриаршего дворца Московского Кремля и был приурочен к открытию выставки «Византийские древности», начавшей свою работу в Государственной Оружейной палате. К участникам Сессии обратилась с приветственной речью генеральный директор Музеев Московского Кремля Е.Ю. Гагарина, после чего состоялась презентация каталога выставки «Византийские древности», представленного ведущим научным сотрудником Музеев Кремля И.А. Стерлиговой. За презентацией каталога последовал ряд докладов, сделанных сотрудниками Музеев Кремля, прежде всего, по материалам хранящихся в Государственной Оружейной палате артефактов, имеющих прямое и косвенное отношение к истории Византии. Были заслушаны следующие выступления: Т.Д. Пановой «Связи Руси и Византии по археологическим находкам из культурного слоя Московского Кремля», С.В. Зверева «„Византийский“ золотой с именем царя Алексея Михайловича: время изготовления и особенности оформления», С.Г. Зюевой «Византийское наследие и московские иконные оклады XVI в.», Л.А. Щенниковой «Византийские иконы Богоматери, почитавшиеся в Московском Кремле, и их влияние на сложение иконографических типов Одигитрии в московском искусстве второй половины XV — XVI в.», И.И. Вишневской «Ткани с христианскими сюжетами из коллекции Музеев Московского Кремля (К вопросу о византийском наследии в текстильном искусстве Османской Турции)».

В рамках итоговых обсуждений выступило значительное количество участников Сессии, давших оценку ее проведению и состоянию византиноведения в целом.

*Н.Д. Барабанов, Н.Н. Болгов, О.В. Вус, М.В. Грацианский, В.Н. Залесская,
А.В. Захарова, А.Ю. Казарян, Т.В. Куц, Е.К. Пиотровская,
А.С. Преображенский, Р.М. Шукуров*

ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ ВЛАДИМИРОВНЫ УДАЛЬЦОВОЙ (1918–1987)

22 марта 2013 г. на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова прошел круглый стол, посвященный памяти члена-корреспондента АН СССР, профессора Зинаиды Владимировны Удальцовой в связи с 95-летием со дня ее рождения. Организаторами круглого стола выступил Национальный комитет византистов РФ и кафедра истории Средних веков исторического факультета МГУ.

Зинаида Владимировна Удальцова, выдающийся советский византист, крупный общественный деятель, долгое время возглавляла отечественную византиноведческую науку, будучи председателем Национального Комитета византистов СССР, заведующей сектором истории Византии Института всеобщей истории РАН и заведующей кафедрой истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Повестка дня работы круглого стола состояла из двух частей: мемориальной и научной. В мемориальной части прозвучали воспоминания о З.В. Удальцовой ее родных и коллег. Сын Зинаиды Владимировны, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН В.М. Алпатов, поделился с присутствующими воспоминаниями о матери, в которых он дал краткий очерк ее жизни и научного творчества на фоне эпохи, в которую она жила.

С воспоминаниями о З.В. Удальцовой выступили также те, кто учился и работал под ее руководством на историческом факультете МГУ и в Институте всеобщей истории АН СССР: академик РАН С.П. Карпов, д. и. н. профессор М.В. Бибииков, д. и. н. профессор В.И. Уколова, д. и. н. профессор А.А. Чекалова. Выступающими была дана высокая оценка заслуг З.В. Удальцовой как ученого и организатора науки, теплые слова были сказаны в ее адрес как человека и руководителя.

В научной части круглого стола были заслушаны пять докладов: Шукуров Р.М. «Османский разговорник 1437 г.: новый источник по византийской лексикографии»; Чекалова А.А. «Персидский элемент в византийской монархии»¹; Кузенков П.В. «Астрология как инструмент внутривизантийской борьбы в Византии эпохи Палеологов»; Грацианский М.В. «Крушение имперской власти в Италии в VIII в.: роль папства»; Быстрицкий Н.И. «Научно-информационная система „Акты Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Святой горе Афон“».

М.В. Грацианский

---

¹ Первые два доклада публикуются в настоящем номере «Византийского временника» в виде статей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	—	Античная древность и средние века
АИСК	—	Археологические исследования средневекового Крыма
АО	—	Археологические открытия
ВВ	—	Византийский временник
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВИ	—	Вопросы истории
ВизОб	—	Византийское обозрение
ГИБИ	—	Гръцки извори за българската история
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЗИАН	—	Записки Императорской академии наук
ЗРВИ	—	Зборник радова византолошког института
ИАК	—	Известия Археологической комиссии
ИАСК	—	История и археология средневекового Крыма
ИНМВ	—	Известия на Народния Музей
ИПр	—	Исторически преглед
ИРАИК	—	Известия Русского Археологического института в Константинополе
КСИС	—	Краткие сообщения Института славяноведения
МАИЭТ	—	Материалы археологии, истории и этнографии Таврики
МГПИ	—	Московский государственный педагогический институт
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НАНУ	—	Национальная академия наук Украины
НЗХТ	—	Национальный заповедник Херсонес Таврический
ПВЛ	—	Повесть временных лет
ПСп	—	Периодично списание
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
ПЭ	—	Православная энциклопедия
РА	—	Российская археология
СА	—	Советская археология
ТОДРЛ	—	Труды отдела древнерусской литературы
УДЖ	—	Український історичний журнал
АА	—	Auctores Antiquissimi
АЕМАе	—	Archivum Eurasiae Medii Aevi
АНС	—	Annuaire Historiae Conciliorum
AnBoll	—	Analecta Bollandiana
BEFAR	—	Bibliothèque des Écoles Française d'Athènes et de Rome
BF	—	Byzantinische Forschungen
BMGS	—	Byzantine and Modern Greek Studies
BS	—	Byzantinoslavica
BSB	—	Bayerische Staatsbibliothek

Byz.	—	Byzantion
BZ	—	Byzantinische Zeitschrift
CCAG	—	Catalogus codicum astrologorum Graecorum
CCBD	—	Culture et civilisation au Bas Danube
CFHB	—	Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CSHB	—	Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
DOP	—	Dumbarton Oaks Papers
DOS	—	Dumbarton Oaks Studies
EB	—	Études balkaniques
EO	—	Échos d'Orient
GRBS	—	Greek, Roman, and Byzantine Studies
HGM	—	Historici Graeci Minores
JÖB	—	Jarhbuch der Österreichischen Byzantinistik
JRA	—	Journal of Roman Archaeology
JRS	—	Journal of Roman Studies
MGH	—	Monumenta Germaniae historica
MIFAO	—	Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire
OCP	—	Orientalia Christiana Periodica
ODB	—	Oxford Dictionary of Byzantium
PG	—	Patrologia Graeca
PL	—	Patrologia Latina
PLP	—	Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit
PLRE	—	The Prosopography of the Later Roman Empire
PO	—	Patrologia orientalis
REA	—	Revue des études arméniennes
SlavRev	—	The Slavonic Review
StudBal	—	Studia Balkanica
TAPhS	—	Transactions of the American Philosophical Society held at Philadelphia for promoting useful knowledge. Philadelphia
TIB	—	Tabula Imperii Byzantini
TM	—	Travaux et Mémoires
ΑΠ	—	Ἀρχαῖον Πόντου
ΔΧΑΕ	—	Δέλτιον τῆς Χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας
ΕΕΒΣ	—	Ἑπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν

- HILD, F., and HELLENKEMPER, H. *Kilikien und Isaurien*. Wien 1990 [Tabula Imperii Byzantini 5].
- HOFFMANN, D. "Der Oberbefehl des spätrömischen Heeres in 4. Jahrhundert n. Chr." In *Actes du IXe Congrès international d'études des frontières romaines, Mamaïa, 6–13 septembre 1972*. Ed. by D.M. Pippidi. Bucarest; Köln; Wien 1974.
- HONORÉ, A.M. "Some Constitutions Composed by Justinian." *Journal of Roman Studies* 65 (1975).
- HONORÉ, T. *Tribonian*. London 1978.
- IVANOV, S.A. "Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в." *Византийский временник* 44 (1983); 45 (1984).
- JONES, A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–02. A Social, Economic and Administrative Survey*. Vol. I. Oxford; Cambridge (Mass.) 1964.
- JONES, H. "Justiniani novellae as the autoportrait d'un législateur." *Revue internationale des droits de l'Antiquité* 35 (1988).
- KARDULIAS, P.N. "Estimating Population at Ancient Military Sites: The Use of Historical and Contemporary Analogy." *American Antiquity* 57 (1992).
- KÜLZER, A. *Ostthrakien (Eurōpē)*. Wien 2008 [Tabula Imperii Byzantini 12].
- LAMMA, P. "Giovanni di Cappadocia." *Aevum* 21 (1947).
- LANATA, G. *Legislazione e natura nelle novelle Giustinianae*. Napoli 1984.
- LENSKI, N. "Assimilation and Revolt in the Territory of Isauria, From the 1st Century BC to the 6th Century AD." *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 42 (1999).
- LOUNGHIS, T.C., BLYSIDU, B., and LAMPAKES, St. *Regesten der Kaiserkunden des Öströmischen Reiches von 476 bis 565*. Nicosia 2005.
- MAAS, M. "Roman History and Christian Ideology in Justinianic Reform Legislation." *Dumbarton Oaks Papers* 40 (1986).
- MAAS, M. *John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the Age of Justinian*. London 1992.
- MAAS, M., ed. *The Cambridge Companion to the Age of Justinian*. Cambridge 2005.
- MADGEARU, A. "Un eșalon logistic din armata bizantină din secolul al. VI-lea: quaestura exercitus Iustiniani." *Gândirea militară românească* 20 (2009).
- MARAVAL, P. *L'empereur Justinien*. Paris 2003.
- MAZAL, O. *Justinian I. und seine Zeit. Geschichte und Kultur des byzantinischen Reiches im 6. Jahrhundert*. Köln; Weimar; Wien 2001.
- MEIER, M. *Das andere Zeitalter Justinians. Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr.* Göttingen 2003.
- MEIER, M. *Justinian. Herrschaft, Reich und Religion*. München 2004.
- MEIER, M. *Anastasios I. Die Entstehung des Byzantinischen Reiches*. Stuttgart 2009.
- MOORHEAD, J. *Justinian*. London 1994.
- PRINGLE, D. *The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arabian Conquest: An Account of the Military History and Archaeology of the African Provinces in the Sixth and Seventh Centuries*. Part 1–2. Oxford 1981.
- PROSTKO-PROSTYŃSKI, J. "Zum Datum und Einrichtung der afrikanischen Prätorianpräfektur durch Kaiser Justinian I." *Byzantinische Zeitschrift* 91 (1998).
- PULIATTI, S. *Ricerche sulla legislazione regionale di Giustiniano. Lo statuto civile e l'ordinamento militare della prefettura africana*. Milano 1980.
- PULIATTI, S. "L'organizzazione della giustizia dal V al IX secolo." In *Introduzione al diritto bizantino. Da Giustiniano ai Basilici*. Ed. by J.H.A. LOKIN and B.H. STOLTE. Pavia 2011.
- PULIATTI, S. "Le riforme costituzionali dal tardo impera all'età bizantina." In *Introduzione al diritto bizantino. Da Giustiniano ai Basilici*. Ed. by J.H.A. LOKIN and B.H. STOLTE. Pavia 2011.
- ROUECHÉ, Ch. "Provincial governors and their titulature in the sixth century." *Antiquité Tardive* 6 (1998).